

Владимир Великий

САТАНА

Героиня романа «Сатана» - ослепительно красивая блондинка Ева Крот, российская немка, которая родилась в бедной семье в глухой сибирской деревне. Именно благодаря природному дару, она пытается найти свое счастье, как на своей родине, так и на исторической родине своих предков. Удалось ли стать ей счастливой, нашла ли она свое место под «солнцем», читатели узнают об этом после прочтения книги.

Сей труд посвящаю светлой памяти моих родителей: матери – Яшиной (Коза) Марии Николаевне и отцу Коза Владимиру Михайловичу.

Книга издана в марте 2006 года. Великий В. Сатана: Роман. – Омск: ООО Издательско-полиграфический центр «Сфера». – 2006. – 468 с.). – ББК 84(4РОС)6-4. ISBN 5-9658-0016-9.

Глава первая.

Тайны взрослых. Ее Величество

Практически целую неделю в деревне стояла ненастная погода. На улице было как поздней, холодной осенью. Небо было обложено со всех сторон темными тучами. Они, чем-то напоминающие темные одеяла, казалось, навсегда закрыли крохотный островок сибирской земли, на котором находилась небольшая деревня с довольно простым названием Назаровка.

В деревне в самый разгар посевной гремела свадьба. На второй день после того, как пошел довольно обильный дождь, и когда, как говорят, и дураку стало ясно, что посевная откладывается на неделю и не меньше, родители молодых стали созывать селян на свадьбу. О том, что с матушкой-природой спорить нельзя и бесполезно, в деревне понимали все от мала до велика. В такую погоду хорохорился всего лишь один управляющий отделением Федька Киселев, точнее Федор Иванович. Это был мужчина лет сорокапяти-пятидесяти, краснолицый, как рак, и лысый.

Управляющий был до самых ногтей партийным человеком. На селе было где-то около десятка коммунистов, в основе своей они мало чем-то отличались от жителей Назаровки. Так же работали, так же пили в основном брагу или самогон, порою давали тумачков и своим женам. Партийным все это сходило с рук. Скорее всего, все это «плохое» не доходило до «партийных» верха, так называли селяне тех, кто имел партийный билет. У «партийных», наверное, были дела поважнее, чем разбираться с теми, кто набил друг другу

«морду» по пьяной «лавочке». Как правило, утром победитель и побежденный просыпались, через некоторое время мирились, иногда дрались вновь, и вновь мирились. Драки и мировые в основе своей не обходились без спиртного. В большинстве назаровцы дурманили головы брагой. Водкой они «баловались» в большей мере в праздничные дни Советской власти. Качество водки было отменное, в деревне никто и понятия не имел о «левой» спиртной продукции.

«Пьяная» жизнь на селе сильно подкашивала силы и здоровье управляющего. Особенно тяжело селяне отходили от перепооя в дни свадеб, которых в деревне уж и не так много было. Плохо было то, что в эти коллективные «мероприятия» втягивались все селяне независимо от возраста и профессии. Деревня была небольшая, чуть больше ста дворов. Живущих насчитывалось порядка пятисот человек. И за всех в ответе был управ. Федор Иванович Киселев на пост управляющего, как говорят, заступил совсем недавно. В Назаровке руководил около года с небольшим. Раньше жил и работал в соседней деревне Сивухино, учительствовал. В школе всегда отличался прилежанием и принципиальностью. Киселев в школе преподавал детям физическую культуру и трудовое воспитание. Единственный мужчина среди педагогов восьмилетней школы стремился не влезать в какие-либо бабьи пересуды или склоки, которые возникали далеко нередко в женском коллективе.

Прилежание и принципиальность, скорее всего, были даны Федору Ивановичу от рождения. Может даже и от отца, который всю жизнь селянам и себе что-то доказывал. Он умер в возрасте пятидесяти лет, не поняв ради чего и сам жил. Мужчина умер не по причине болезни или старости, а по причине своей принципиальности. Ради этого человеческого и партийного достоинства он покончил с собою. Физически здоровый мужчина, да и вроде и на голову был «здоров» не находил себе места, если кто-то из селян жил не так, как писалось в партийных циркулярах.

Активный коммунист однажды «засек» соседа, который поздней осенью таскал зерно с зернотока, хотя сам же это зерно был приставлен охранять. «Партейный» утром же следующего дня об воровстве соседа проинформировал райком партии, через час в деревне была милиция. Милиционеры вора арестовать не успели. Сторож зернотока повесился за огородом, перекинув веревку через перекладину турника, на котором занимались спортом его же дети. Жители Сивухино о причинах случившегося узнали где-то через неделю от жены ушедшего в иной мир. Мужчина успел перед смертью сказать жене, что кого он случайно встретил ночью, буквально за десяток метров перед калиткой собственного дома. По деревне тот час же пошли разные слухи, один страшнее другого.

Коммунист Киселев для «сивых», так иногда называли себя жители деревни, стал врагом номер один. «Стукач» пытался найти поддержку среди местных коммунистов, увы... Те на словах были обеими руками за борьбу с воровством, но за глаза же костерили коллегу по духу так, что селянки закрывали уши от брани.

Не нашел поддержки старший Киселев и в райкоме партии, куда поехал верхом на своей лошади. В партийный особняк он приехал рано утром, однако, райком был пуст. Дежурившая при входе в помещение подслеповатая бабка объяснила, что сейчас самый разгар уборочной и все ответственные работники уехали по хозяйствам района. В этот день Ивана Киселева никто больше не видел. Нашли его только через два дня после визита в райком. Нашли неподалеку от проселочной дороги, ведущей в сторону деревни Назаровки. Мужчина повесился на ремне из-под своих брюк на суку одинокой березы, стоящей на самом изгибе дороги. Труп случайно заметили двое школьников, которые учились в соседней деревне и держали путь в Назаровку. Федьке в день похорон отца исполнилось ровно десять лет. На кладбище людей было немного, многие селяне, по непонятным для младшего Киселева причинам, почему-то не пришли на кладбище. Никто не был и из райкома.

Сын, тяжело переживший странную смерть своего отца, решил не повторять его ошибок. Свое мировоззрение младший Киселев решил черпать не от односельчан, а из трудов классиков марксизма-ленинизма, из тех газет и журналов, которые имелись в сельской библиотеке. В ней он просиживал практически каждый день с раннего вечера до самого ее закрытия. Заведующая клубом, она же и библиотекарьша, довольно смазливая, средних лет женщина всегда гордилась своим читателем. Она в порядке исключения стремилась деревенскому учителю «подсунуть» ту или иную новинку, которая только что поступила в читальный зал.

Целеустремленная работа над партийной литературой и газетами давала свои позитивные результаты. Учитель труда и физкультуры полностью знал основополагающие идеи и тезисы партийных руководителей. Он знал, как дважды два, имена почти всех президентов и руководителей государств мира. Самый молодой учитель в деревне наизусть знал также фамилии всевозможных министров мощной и большой социалистической державы. Мелкими шажками Киселев выдавал свою осведомленность «на-гора». Начитанность мужчины женщины-педагога не хотели никак признавать. «Пилить, строгать, гвозди забивать, не говоря уже о пробежках вокруг школы, все наши бабы могут. И газеты все читают», - так оценивали своего коллегу учительки. Казалось, так оно и будет идти: дни, месяцы и годы. Но не тут-то было...

Выбиться в «умного» помог Федору Ивановичу случай, притом очень уникальный. Дело было зимой, в понедельник. Как обычно, Киселев пришел в школу за полчаса до начала занятий. Уроки труда у семиклассников были первыми. В небольшой учительской сидели двое мужчин, вошедший одного узнал сразу же. Это был бригадир дойного гурта Николай Готов. Местный начальник возле незнакомого мужчины чувствовал себя не очень уютно, это Киселев заметил сразу. Одежда у бригадира и у незнакомца была довольно контрастная. У первого начальника на голове была шапка-ушанка, натянутая по самые уши, фуфайка и резиновые сапоги. Второй начальник был одет «по-партийному». Лучшей оценки учитель и не мог подобрать, глядя на человека, на голове которого была шапка черного цвета. Из шкуры какого зверька или зверя она была, он так и не мог понять. Полукороткое черное пальто с черным воротником очень ладно сидело на незнакомце. Из-под красного шарфика на шее выглядывала белая рубашка с черным галстуком. Трудовик понял - к ним в глубинку залетела птица, притом весьма важная персона. На какое-то время ему стало не по себе. Однако неловкость прошла молниеносно, как и появилась. Тем более, незнакомец встал со стула и улыбаясь, протянул руку опешившему Киселеву. Лицо трудовика сейчас чем-то напоминало красную рожу человека, который только что вышел из русской бани и еще хорошо «врезал».

Мужчина, крепко пожал руку вошедшего, и глядя прямо ему в глаза, твердо и уверенно произнес:

- Александр Иванович Касаткин, инструктор районного комитета партии... Прошу любить и жаловать. По поручению секретаря я хотел бы побеседовать с ребятами по вопросам политики нашей партии. Одним словом, поговорить по душам...

Затем, повернув голову в сторону бригадира, как бы ожидая подтверждение о неизвестности вошедшей персоны, продолжил:

- Я понял то, что к нам пришел еще не историк? Прав, ли я, товарищ Готов?

Киселев, по-обезьяньи заглядывая в глаза залетной персоне, в душе сотню раз благодарил Бога за то, что он сегодня не историк, а всего-навсего учитель, притом учитель труда и физкультуры. Не более и не менее. Чувствуя, что вот-вот испарина покроет его лысину, он решил собрать в единое целое свои внутренние силы. Через какое-то время мысленно и наяву стал ощущать, что у него что-то с ответом может получиться. Радуюсь своему самообладанию, молодой мужчина, как бравый солдат, четко отчеканил:

- Я, товарищ Касаткин, товарищ Киселев Федор Иванович, учитель труда и физической культуры... Хочу Вас сразу проинформировать о том, что дети, вверенные мне партией,

политику Коммунистической партии Советского Союза понимают правильно и идеологически выдержанные...

Партийного отчета, как такового, дальше у учителя не получилось. Инструктор весело улыбнулся, затем его лицо приняло «стандартный вид» ответственного партработника. Учитель труда на миг даже опешил от этого выражения. Он молниеносно стал «прощупывать» в своих мыслях все то, что успел здесь в учительской сказать. При этом стоял по стойке «смирно». «Нет, вроде ничего такого крамольного я еще не успел сказать», - отметил про себя учитель и еще преданнее смотрел в глаза важной персоны.

К его счастью, развязка наступила очень быстро. Касаткин через несколько секунд к удивлению растерявшегося «трудолика» принял решение, которое потом в корне изменило жизнь простого учителя. Оказалось, что бригадир дойного гурта пришел не так просто, пришел к директору школы за подмогой. Требовалось срочно очистить крышу животноводческой постройки от снега, которого очень много нанесло за время затяжного бурана. Ребята и раньше оказывали животноводам посильную помощь. Директора школы не было, женщина неожиданно заболела и ее поздно вечером в пятницу увезли в районную больницу. Не было еще и заместителя директора. Время не ждало и поэтому партработник предложил без всяких обсуждений отправить мальчиков-семиклассников вместо трудов на очистку снега. Указание шефа из района Киселев принял с восторгом, он про себя облегченно вздохнул и уже намеревался более четко и без промедлений выполнить партийное поручение ответственного чиновника. Да и душа учителя ликовала, ему не хотелось иметь дело с «партийным» начальником, тем более из верхушки района. Учитель и бригадир пошли в класс, вскоре ребята стояли на школьном дворе. Киселев направился в учительскую, чтобы одеться. Там сидел Касаткин и заместитель директора школы, она же учитель русского языка. Женщина была подавлена, никто не знал, что в понедельник из района приедут с проверкой. Всегда и во все времена о визите, тем более в заброшенную деревню, управление совхоза и школы заранее предупреждалось. Причиной этого неожиданного визита явилось то, что директриса школы не предупредила коллег о визите, заболела.

До начала занятий оставалось три минуты и, как назло, не было учительницы истории, урок которой планировал посетить партийный чиновник. Увидев запыхавшегося трудолика, который своим внешним видом показывал, что он преисполнен желанием выполнить любое поручение инструктора райкома партии, Касаткин предложил Федору Ивановичу остаться в учительской. В случае отсутствия учительницы, тот мог бы оказать посильную

помощь в организации урока. Вошедший не заставил себя упрашивать, хотя в голове осознавал, что в школе не было принято отпускать детей на такие работы без учителя. Внимательно и преданно разглядывая строгую физиономию партаппаратчика, Киселев понял: инициатива сейчас бессмысленна, да и наказуема. В школе организация показательного урока для чиновника шла к краху. Молодой учитель своей интуицией чувствовал, что у улыбающегося чиновника в душе было явное беспокойство. И он не ошибался.

Александр Иванович, приехавший в эту деревеньку по-принципу «не предупредили и не ждали», целый час сидел в пальто. Он явно был обделен вниманием, это его очень раздражало. Разные мысли приходили в голову чиновника. В одном был уверен на все сто процентов. Собрать негативный материал в этой забытой Богом деревне ему и раньше никакого труда не представляло. В данный момент это было и вообще без проблем. Негатив уже «шел», но чиновнику легче от этого не становилось. Его переполнял гнев, бесила немота людей, которые не могли встретить ответственного партийного работника по-человечески, не говоря уже о выполнении каких-либо неписанных субординаций. «Залетного» раздражала и замдиректора, которая, кроме слез, ничего не могла из себя испустить. Что-то положительное чиновник находил в учителе труда. Этот человек Касаткину импонировал больше всего, чем те, которых он встретил сегодня в этой деревне. Ему нравилось и то, что этот учитель пришел раньше в школу, чем остальные педагоги.

Историчка появилась в школе через минуту после звонка, на дворе и в школьном коридоре уже никого не было. На чиновника учительница позитивного впечатления не произвела. Это была довольно пожилая женщина, очень худая, в очках. Левое стекло очков было сильно треснуто, поэтому на морозе покрылось не то инеем, не то какой-то белой оболочкой. Узнав о том, что из райкома партии будут проверять ее урок, подслеповатая учительница по-женски запричитала. Анна Петровна, так ее звали, трясущимися руками принялась протирать очки. Неосторожным движением пальцев она окончательно раздавила треснувшее стекло, остатки его упали на пол. Из пальцев сразу же потекла кровь. Однако женщина, находясь в нервном напряжении, этого не замечала.

Привести в «действие» историчку удалось минут через пять. И все это было сделано благодаря Александру Ивановичу, который не только умело использовал свой богатый запас благородных слов для успокоения женщины, но и даже пожертвовал свой носовой платок для «уничтожения» слез из глаз несчастной. Он же убрал с пола остатки разбитого стекла. Урок истории начался через десять минут после звонка. Анна Ивановна сумела продержаться только первый час занятий. То ли от волнения, то ли от незнания материала, она не

могла ничего разумного преподать детям. Путалась она и с датами. Киселев, сидящий на последней парте возле гостя, прекрасно ощущал проблемы своей коллеги. Инструктор райкома партии сидел с очень важным видом и все что-то записывал в свою толстую тетрадь. Историчка изредка бросала жалостливый взгляд в направлении чиновника и еле сдерживала свои слезы, второй час занятий она уже вести не могла. Прекрасно понимал это и Александр Иванович. Он предложил женщине занять место на задней парте, а сам решил побеседовать с восьмиклассниками по вопросам аграрной полититки партии. Как-то незаметно в живой разговор вмешался и Федор Иванович. На зависть историчке, угрюмо наблюдающей за сидящими в классе, и на удивление партработника, трудовик показал довольно неплохие знания по обсуждаемой теме. Хотя никто его об этом и не спрашивал. Федору Ивановичу уж больно хотелось просто «выплеснуть» чиновнику все то, ради чего он довольно часто и долго просиживал в деревенской библиотеке.

Разбора проведенного урока не было, всем было ясно, провал страшнейший. Простился партийный чиновник с небольшим коллективом учителей очень сухо, подчеркнуто служебно. Он не забыл в очередной раз успокоить и Анну Ивановну, заверив ее в том, что ничего страшного не произошло и не надо переживать. Через неделю назаровцы узнали, что чиновник своего слова не сдержал. В районной газете под рубрикой «Из партийной жизни» появилась довольно объемная информация, что партийная организация совхоза «Путь Ильича» не уделяет должного внимания воспитанию подрастающего поколения на историческом опыте КПСС. После посещения Сивухинской восьмилетней школы давался анализ урока истории. Анна Ивановна, прочитав свою фамилию в газете, на следующий день вообще не пришла в школу, тяжело заболела. Через год ее не стало.

Для учителя труда и физкультуры Киселева после выхода этого номера газеты жизнь пошла как нельзя удачно. В статье приводилась фамилия учителя Киселева, который глубоко знает марксистско-ленинскую теорию, активно пропагандирует решения партии. Трудовик был очень счастлив тем, что об его персоне стали говорить не только в деревне, но и за ее пределами. Изменилось отношение к нему и со стороны женщин-педагогов. Они стали чаще заглядывать в глаза единственному мужчине, прислушивался к его советам. Директриса усадила Киселева по правую руку от себя, раньше он довольствовался последним стулом и то возле двери.

Через три месяца Федор Иванович добровольно вступил в ряды ленинской партии, через год был назначен управляющим отделением соседней деревни Назаровка. Молодость, хозяйственная

хватка, прилежание, принципиальность, унаследованная от отца, позволили новому управляющему навести определенный порядок на ферме. До образцового порядка было, как до космоса. Лично сам Киселев в космос быстрее бы слетал, чем ферма изменилась. Бывший учитель прилагал все для того, чтобы его и здесь заметили. Мужчина сам не стеснялся работать, когда время позволяло, садился за штурвал комбайна или копнил сено. Люди, заметив усердие новенького, стали тянуться к нему. Советовали сделать то или иное дело лучше. Это радовало руководителя. К сожалению, на самой ферме было плохо, причиной этому была пьянка. Она на нет сводила усилия небольшого коллектива селян.

Особенно «отключалась» деревня от производственной жизни в дни советских праздников, не говоря уже в дни свадеб. Как правило, «пьяное» мероприятие длилось два, а то и более дней. Все было законно, в деревне никто этот регламент не нарушал. Не мог нарушить этот неписаный закон и райком партии. Любая свадьба, как правило, из мероприятия после своего окончания перерастала в мелкие кутежи. Попойки, в которых участвовало от одного до нескольких десятков человек, в значительной степени подрывали производство, нередко приводили к мордобою, разрушали семьи, калечили судьбы детей.

Сегодняшняя свадьба была не в планах управляющего, да и для посевной в целом. Киселев про себя все и вся проклинал на свете, что после теплых поистине весенних дней пошел небольшой дождь, который перерос в затяжной, а потом лил почти целый день как из ведра. Несмотря на капризы природы, коммунист не хотел сдаваться. Сам сел за рычаги трактора, но все было бесполезно. Гусеницы «ДТ-54» утопали по самые «уши», не говоря уже о сеялках. Пришлось сдаться и самому звонить в управление совхоза. По-настоящему угасшим голосом Киселев информировал старшего начальника о сложной обстановке с посевной. Директор и сам переживал за назаровчан, через пару километров соседний совхоз на всю катушку сеял. Дождь прошел и там, но как-то быстро, наплатив землю к посевам. На земле назарочан дождь почему-то остановился, остановился на довольно приличное время. Тяжело было на душе у Федора Ивановича. Уж больно времени много потеряли из-за этой непогоды. Мужчина вдвойне переживал, это была его первая посевная в Назаровке, первая и в жизни как для руководителя.

Свадьба начиналась в двенадцать часов дня. Однако пьяные односельчане показывались «досрочно» то там, то здесь. Это в очередной раз раздражало Федора Ивановича, особенно еще и потому, что он сам не пил. Бывало в день своего рождения или жены немножко пропускал, да и то по рюмочке. Да и не до выпивки

было. Уходил в контору очень рано, а домой приходил очень поздно. Он постепенно втягивался в такой ритм работы. Киселев даже Бога благодарил за то, что у них с женой не было детей. Не до них ему было. Рассуждая о своей жизни в эту ненастную погоду, честно говоря, Киселев даже не хотел идти на свадьбу. Он бы и не пошел, ежели бы не «производственный» этикет. Мужчине не нравились эти пьянки, которые редко не обходились без драки или поножовщины. Уж больно буянили крестьяне, когда пропускали в свой желудок пару, а то и более больших граненых стаканов первача. Наверное, в Сибири были и хорошие, спокойные свадьбы с советскими, партийными атрибутами. Про них в районной газете писали. Провести свадьбу по-советски, без умопомрачительного употребления спиртного обещала и секретарь парткома совхоза Галина Федоровна, бывшая учительница. Но увы... Время шло, все оставалось только на бумаге. Да и вскоре она сама рассталась с партийным креслом по причине пьянства. «Партейный» вожак спиртное не пила, а вот муж был явный алкоголик. Что только ни делала со своим супругом первая коммунистка совхоза. Молодая женщина грозилась развестись, иногда спала в конторе в своем кабинете, дабы заставить свою половинку страдать по любовной линии, даже возила своего супруга к бабкам. Никто и ничего не помогало. Не помог и райком партии, когда Галину Федоровну за низкий уровень воспитательной работы в семье освободили от должности секретаря партийного комитета совхоза. Муж и это перенес, но с пути «зеленого змия» не свернул...

Покончить с пьянством в деревне пытался и сам Федор Иванович, особенно в первые три месяца после того, как стал руководителем. В начале своей работы он ставку сделал на коммунистов. Надежды молодого управа, к сожалению, не оправдались. Из восьми коммунистов трое практически не выходили из запоя. Особенное «усердие» в этом направлении проявлял Иван Петрович Кузьмин, коммунист с большим партийным стажем, фронтовик. Вступил в партию в двадцать один год, в тот период, когда сибирские полки гнали фашистов с московской земли. Он вроде и человек был серьезный, имел два боевых ордена, а медалей не счесть. Фашистов победил, дошел до самого Берлина, но увы... «зеленого фашиста» одолеть не мог. Где только коммунист и какую только он «обработку» не проходил! Все было как с гуся вода. Очередное мероприятие, везде почет и уважение, как фронтовику. После мероприятия герой торжества, активный рассказчик военных приключений опять был в пьяном угаре. Киселев, как коммунист, как управляющий тяжело переживал трагедию пожилого человека. Ему было обидно смотреть на то, как убеленный сединой мужчина с очень большой «обоймой»

наград, валялся в канаве или спал у кого-нибудь у односельчан, порою даже не в кровати, а где-то под забором или даже в хлеву с домашними животными.

Не вызывали сколько-нибудь позитивных откликов по борьбе с пьянством среди назаровчан и личные инициативы и действия коммуниста-руководителя. Запретить продавать или пить водку Киселев, конечно, не мог. Не имел для этого ни партийных и ни административных указаний сверху. Однако в борьбе с самогонованием участвовал лично. Ни раз и ни два, по его просьбе приезжал в деревню участковый. Милиционер кое-кого вылавливал, штрафовал. Капитан приводил самогонщиков и пьяниц в контору, вместе с Киселевым стыдил нерадивых. Через пару дней, ну в лучшем случае, через неделю, люди забывали о страхе и о штрафе, даже и о том, что в районной газете нет-нет да и «продергивали» самогонщиков и пьяниц. Кое-кто из неожиданно «знаменитых» ходил по деревне в газетой в руках и хвалился тем, что впервые о нем знает весь район.

Чрезвычайным происшествием в деревне считалось отсутствие в магазине водки. Вино, как спиртное, было не в почете у селян. Через день, через два водку подвозили. А ежели ее не было в магазине три и более дней, то кое-кто из селян по-настоящему изнывал от «жажды». К тому же, если еще после недавнего рейда участкового производители самогона уходили в «подполье». Но и здесь люди находили выход из критической ситуации. Недаром говорят, земля слухом пользуется. Назаровцы из разных источников узнавали в каких деревнях есть водка. И несмотря на непогоду и всевозможные сельскохозяйственные работы, снаряжали гонца за спиртным...

Сидя в своем кабинете и понуро наблюдая за перемещением тяжелых и черных туч на небе, управляющий рассуждал и «переваривал» в своих мозгах все то, с чем ему пришлось столкнуться на месте руководителя в Назаровке. В целом деревня мало чем отличалась от соседних деревень Лиховки и Романовки, или Сивухино. Рядом стоящие деревни были побольше и получше, но Киселеву в Назаровке нравились люди. Правда, не всегда. Иногда ему хотелось убежать от своих «любимых», когда становилось неважно от тех проблем, которые назаровцы сами себе и создавали.

Своеобразной обузой для управляющего Киселева была и сегодняшняя свадьба. Как человек, он радовался свадьбе, искренне радовался приглашению молодых побывать на этой свадьбе. Да и свадебное торжество то было далеко не у плохих людей. Деревенский электрик Павел Проненко со своей супругой Ксенией выдавали замуж свою старшую дочь за Петра, сына лесника

Александра Пересунько из соседней деревни Дурбет. Жених и невеста были у всех селян на виду. Никто из селян не мог сказать плохого слова ни о Петре, ни о Наталье, так звали невесту.

Вспомнив об электрике Проненко, управляющий немного усмехнулся. Уже почти год деревня живет обещаниями от верхов района, что вот-вот в ней появится электрический свет. Районные власти об этом еще в прошлом году обещали, но воз и ныне там оставался. Первый секретарь районного комитета партии в районной газете 9 Мая, в день Победы клятвенно заявлял, что он лично сам включит рубильник. После всенародного праздника минуло почти две недели. Назаровцы как сидели, так и продолжали сидеть без электрического света, даже несмотря на то, что в отделении была выделена ставка для электрика. Столбы стояли, провода висели, электрик ходил по деревне. Кое-кто из селян имел лампочки даже про запас, но все равно света не было...

За своими думами управляющий не заметил, как быстро пролетело время. До начала его официального «визита» на свадьбу оставалось час с небольшим. Вдруг мимо окон конторы кто-то прошел. Федор Иванович неопознанному пришельцу не придал никакого внимания. Он прекрасно знал, что все селяне от мала до велика заняты свадьбой. В дверь кто-то постучал. Он на стук не реагировал. Опять постучали. Киселев встал и с неохотой пошел открывать дверь. Он не успел еще ее открыть, как сразу же опешил. В высоком мужчине с коротко стриженными волосами и мужественным лицом, он сразу же узнал первого секретаря районного комитета КПСС Яшина Ивана Николаевича. Секретарь был в длинных резиновых сапогах и не по его росту в плаще.

Видя то, что у Киселева отвисла челюсть, да и, скорее всего, одеревенели ноги, вошедший весело улыбнулся и по-дружески протянул ему руку. При этом он скороговоркой проговорил:

- Федор Иванович, я тут решил к Вам на часок забежать, а может и более... Сейчас посевная, дел по горло. Все бегаем, бегаем, то одного, то другого нет, а дела то не терпят...

На какой-то момент он замолк. Причиной этому была растерянность подчиненного. Понимая его состояние, Яшин решительно взял мужчину за его плечо и также решительно повел его к столу, за которым так свободно и вальяжно сидел буквально несколько минут назад самый главный начальник деревни. Уже сидя на своем стуле, Федор Иванович постепенно «входил» в курс дела и преданно смотрел в глаза партработнику. Иван Николаевич решил на какое-то время дать ему передохнуть от нервного потрясения и стал рассматривать схемы, которые были аккуратно прикреплены на стенах. Его, как партийного руководителя радовало, что на простых листах ватмана были четко графически

изображены достижения молочно-товарной фермы, выделялись передовики социалистического соревнования. В списке животноводов, трактористов и полеводов он находил фамилии, которые до боли в сердце были ему знакомы: Шараповы, Козы, Лесковы, Сериковы, Севериновы...

Изредка бросая взгляд в сторону управляющего, он не мог не заметить перемен в его поведении. Федор Иванович, скорее всего, обрел былую силу и что-то помечал карандашом в ученической тетради. Он посмотрел на часы, было ровно двенадцать. Время торопило. Через час в деревню должны были подключить электрический свет, который с нетерпением ждали его земляки.

Федор Иванович, чувствуя над собой внимательный взгляд секретаря райкома партии, быстро встал со стула, принял строевую стойку, и как солдат, начал уверенно рапортовать:

- Товарищ первый секретарь районного комитета КПСС... Я хочу Вас проинформировать, что на Назаровском отделении совхоза «Путь Ильича» проделана большая работа. Первое, в отделении...

Информации, как таковой, у него не получилось. Яшин, слегка улыбнувшись, подошел к стоящему навытяжку мужчине и по-дружески сказал:

- Федор Иванович, ты так и не догадываешься, почему я приехал в Назаровку. Нет, нет, я приехал сюда не ругать тебя за то, что только в твоей деревне из-за погодных условий не происходит сев зерновых. К сожалению, советская наука не может сегодня направлять силы природы. Я уверен, через два-три дня мои земляки выйдут в поле и сделают все возможное и необходимое для богатого урожая... Ты, знаешь Федор, сегодня для нашей, для моей деревни великий праздник. В час дня, как мне обещали энергетики, к нам придет ток, о котором мои земляки, как и я, еще пацаном, мечтал ни один десяток лет...

Больше времени для разговора не было. Мужчины быстро вышли из конторы и направились в сторону дома семьи Проненко, который находился на самом конце улицы. Ходьбы до дома было минут десять, не больше. Улицей мужчины не пошли, пошли задами, вдоль огородов. Проселочная дорога была так исковеркана тракторами, что в некоторых ее местах зловеще сияли лужи, наполненные водой. По пути Киселев уже чувствовал себя полным хозяином. У него на нет ушла не то боязнь, не то страх перед такой важной персоной. Ему было приятно осознавать, что несмотря на большую разницу в занимаемой должности, Яшин держался с ним очень просто, давал ему возможность высказывать свое мнение. Взаимная сипатия друг к другу, в первую очередь, окрыляла Киселева. Он то и дело говорил о своих планах по перестройке

работы в деревне. Рассказал и о том, кто в Назаровке умер, кто родился. Иван Николаевич внимательно слушал собеседника, который, как и он сам, то и дело чавкал сапогами по грязи. Он иногда поддакивал, а иногда и переспрашивал идущего, особенно тогда, когда это касалось новых поселенцев. К числу таких относился и Павел Проненко, приехавший с семьей из Украины. Киселев с улыбкой на лице дал его краткую характеристику. В отличие от многих назаровчан Павел был не только балагур и весельчак, но и человеком слова и дела. Семейство Проненко оказалось на редкость трудолюбивым. Буквально через полгода после приезда, некогда заброшенное строение превратилось в приличный дом с благоустроенной оградой. Обзавелись новоселы и скотиной.

Молодожены уже ждали желанных гостей. Неизвестно откуда семьи жениха и невесты были уже в курсе того, что первый секретарь райкома партии в деревне. Однако никто не знал того, зачем и почему он приехал в деревню, да еще в такую погоду, когда хороший хозяин собаку во двор и то не выгонит. Кое-кто даже подумал, что семья Проненко навряд ли была известна первому лицу района. Заслуг, как таковых, ни у электрика, да и у лесника не было. Все были в догадках. Тем более, «башковитый», так иногда «величали» Яшина, давненько не посещал родную деревню.

Под аплодисменты, свист, да «ухабистые» песни женщин два руководителя вошли во двор, где под навесом из досок, покрытым толью, проходило свадебное торжество. Свадебный стол был накрыт на сотню, а может и больше человек. Угощения были чисто крестьянские, как говорят, все было со двора. Иван Николаевич сразу же был приглашен к молодым, и как полагалось высокому гостю, произнес тост. Все сидящие за столом, и те, кто стоял, не могли не видеть волнения своего земляка. Высокий гость, несмотря на все усилия, не мог его скрыть. Яшин, сжимая руками стакан с водкой, который был наполнен до краев, несколько приглушенным голосом начал говорить:

- Дорогие мои земляки, сибиряки, молодожены! Мне сегодня приятно приветствовать это торжество. Я, как и все, рад поздравить двух молодых людей, которые решили создать новую социалистическую семью. Хочу от души пожелать молодым здоровья, счастья, много детей и взаимного понимания. В качестве подарка молодоженам, да и всем моим землякам, я привез то, что так долго обещал. Это великое достижение социализма - электрический свет...

Секретарь подошел к молодым, по-русскому обычаю обнял жениха и поцеловал невесту. Участники торжества встали из-за столов и начали кричать «Горько!». Затем все они дружно

«опрокинули» по стакану за любовь и счастье виновников торжества. После этого стали внимательно наблюдать за тем, как молодые друг друга целуют. И как раз в этот момент Федор Иванович щелкнул выключателем в доме. Большая электрическая лампочка ярко осветила комнату.

Люди, впервые увидевшие электрический свет в доме электрика, сразу же рванулись в дом. Многие от радости плакали. Плакал вместе со своими земляками и первый секретарь райкома партии. Он, наверное, плакал так же сильно, когда в глухую деревню пришла похоронка, в которой извещалось о том, что в танковом сражении под Курском погибли Николай Денисович Яшин и Надежда Ивановна Яшина, отец и мать. Погибли в один день, муж и жена, командир танка и санитарка. Погибли как герои, отдав свои молодые жизни ради мирного будущего своего единственного сына. Похоронка пришла на имя бабушки, которая присматривала за пятнадцатилетним внуком. Через полгода от голода умерла и она, успевшая в день смерти отдать своему внуку похоронку. Ванька очень переживал смерть близких ему людей. Высох, стал как тростинка, но не сдался. Наоборот, смерть отца и матери, бабушки закалила юношу. Младший Яшин поехал в город, работал на танковом заводе, после работы учился. Стал комсомольским вожаком в цехе. После заочного окончания технического вуза молодого коммуниста Яшина назначили директором совхоза в соседнюю область. В сорок два года он возглавил партийную организацию Машинского района Ктомской области, у себя на родине.

Через полчаса Яшин и Киселев покинули гостеприимный дом, где только начиналось «разгораться» свадебное торжество. На какое-то время молодые «вышли» из центра внимания. Практически у каждого на устах была новость о том, что наконец-то и в ихней деревне появился свет. Каждый строил свои планы, надеялся более рационально использовать это чудо техники для домашнего хозяйства.

К часам десяти вечера подавляющее большинство сидящих за свадебным столом было доведено до «кондиции». Молодые исчезли как-то незаметно и неизвестно в каком направлении. «Остальной мир» улегся спать там, где его свалил «зеленый змий». Люди спали в разных местах и в разных положениях. Кто-то спал в доме, кто-то в бане, кто-то нашел «ночлег» прямо под столом. Нашлись еще и такие, кто пошел в клуб в надежде «посмотреть» фильм, не забыв прихватить на «посошок» и бутылочку спиртного.

Обиженных за свадебный прием не было: каждый выпил столько, сколько душа и голова воспринимала, и скушал столько, на сколько растягивался желудок. Всем и вся были довольны и

родители молодых. Две женщины и двое мужчин, легонько перешагивая то здесь, то там через спящих гостей, собирали со стола грязную посуду, пустые бутылки из-под спиртного.

Особено «усердствовал» сегодня на всех этапах свадебного торжества отец невесты Павел Проненко. Он бегал как молодой, стараясь угодить всем тем, кто пришел к ним в гости в этот торжественный день. А сколько песен, в том числе и украинских, спел в этот день «хохол», так ласково называла Павла Ксения, его жена. В этот же день все от мала до велика в деревне получили «гостинцы» со стола свадебного пиршества. По указанию родителей молодых один из братьев жениха то и дело разъезжал по деревне верхом на лошаде с полной корзиной «гостинцев». За счастливое будущее невесты и жениха, а также за здоровье их родителей, а также и за здоровье курьера выпили все, кто по каким-то причинам не мог присутствовать на свадьбе. К этой категории относились не только те, кто в этот день работал в кузнице, но и даже те, кто немощный лежал в постели или на печи.

Не остались без внимания и дети. Практически все деревенские ребята побывали на свадьбе и получили конфеты или все возможные пироги и пышки. Дети близких знакомых и родных в счет не брались. Ксения Ивановна еще рано утром заявила своей детворе о том, что и она по силе своих возможностей должна помогать родителям в проведении свадьбы. Ребята старательно выполняли разные поручения как организаторов свадьбы, так и всех гостей. Кто-то из взрослых просил мальчишек принести пачку махорки из сундука хозяина дома. Были и те, кто спрашивал у молодых помощников, куда ушел муж или жена, или сосед по столу. Ребята постарше иногда выполняли более ответственное «поручение» - сопровождали «несведущих» ни в чем мужчин к туалету, дожидаясь «победного конца». Молодые «конвоиры» боялись, как бы посетитель приятного заведения не оступился по пьяному делу и не провалился в яму.

У девочек работа была иного рода. По строгому указанию Ксении Ивановны они в случае надобности подносили гостям чистую посуду, иногда собирали грязную и уносили ее для мытья. Основное же назначение родственной и близкой к хозяевам детворы состояло в том, чтобы глазеть на то, что делали взрослые. Чего только за день свадьбы дети не наслушались, каких только историй и приключений не восприняли их уши!? Это уже не говоря о клубах табачного дыма и матерщине, которая раздавалась то в одном, то в другом месте свадебного пришествия, а иногда здесь и там одновременно. Поначалу кое-кто из взрослых стремился приструнивать соседа или соседку по столу, если кто-либо из них «выпускал» не то слово в присутствии детей. По мере увеличения

тостов и здравниц в адрес молодых и их родителей, а также и в адрес сидящих именитых гостей, а именитыми были все, строгость первой категории гостей постепенно угасала. Мат достигал в иные времена невиданной остроты и размеров.

Где-то к одиннадцати вечера «пришла» очередь сесть за стол и детворе, тем, кто хоть каким-то образом оказывал посильную помощь родителям невесты и жениха в проведении свадьбы. Детей набралось и не так уже и много. Человек десять. Ксения Ивановна для «шпаны», так она ласково и шутя называла своих помощников, приготовила отдельный стол. Те, кто был постарше и посмелее, ринулись за стол, заранее предусмотрев для себя любимое кушанье. «Шпана» со стремительной быстротой стала лакомиться всем тем, что было на столе: прироги, салаты, конфеты, печенье. Среди робких оказались две девочки. Одной было где-то лет двенадцать, другой около десяти, не больше. Видя то, что все места за праздничным столом заняты, старшая девочка заплакала. Младшая с белыми волосами и очень красивым личиком, реагировала на происходящее по-другому. Она, непонятно почему, то тихонько смеялась, то опускала головку вниз и что-то разглядывала под ногами. Ксении Ивановне по-матерински стало жалко этих девочек. Она со слезами на глазах быстро подбежала к старшей и стала ее успокаивать. Женщина поняла, что эти девочки были со стороны родственников жениха. И ей не очень-то хотелось иметь какие-либо проблемы с новыми родственниками. Хозяйка быстро побежала в дом, через пять минут женщина вернулась назад. Затем, ласково взяв обеих девочек за плечи, она повела их в дом. В центре комнаты, ярко освещенной электрическим светом, стоял небольшой столик. На нем стояли такие же блюда и угощения, что и для детей под навесом. Скорее всего, для этих девочек отдельный столик был даже лучше. Им никто не мешал. Каждый из них неспеша лакомился тем, что было на столе.

Приятную трапезу двух девочек неожиданно прервало какое-то кряхтение, не то сопение. Затем из угла комнаты раздался явно пьяный мужской голос:

- Ей ты, Верка, где ты, курва? Ты слышишь, лярва, сейчас я тебе морду разобью...

Девочки невольно оглянулись. Старшая из них поняла содержание слов, которые произнес пьяный мужчина, и тихо засмеялась. Юные гости, немного прищурив глаза, так как яркий электрический свет был для них еще непривычным, в самом углу увидели довольно пожилых людей, мужчину и женщину. Женщина крепко спала и поэтому не реагировала на слова мужчины. Тот, скорее всего, из-за перепития никого и ничего не воспринимал. Он, сидя на заднице, пару раз смачно высморкался на пол. Часть

содержимого из его носа осталась на тыльной стороне его ладони. Затем он начал рыться в кармане брюк, наверное, искал курево. Не найдя такового, старик опять смачно плюнул на пол и потом стал расстегивать брюки. Дети, невольно увлеченные таким представлением, продолжали наблюдать за тем, что делал пьяный дед. Неожиданно для молодых зевак он из левой штанины вытащил какой-то обрубок. Через некоторое время дети поняли, что это был протез. Сидящий в углу, невзирая ни на что, продолжал материться. Потом он со всей силой швырнул протез, который очутился на столе, за которым мирно кушали девочки. Деревяшка звонко ударила по стоящим тарелкам и в ту же секунду отскочила на пол. Одна из падающих тарелок оказалась металлической, и она еще долго издавала бряцающий звук, катаясь по полу.

Пьяница не мог утомониться и все настойчивее призывал свою Верку к сексу. Она сквозь сон, оставаясь в плену алкогольного дурмана, на физическое притязание мужа отвечала кулаками. Ее удары получались иногда точными. Из носа жаждущего секса, сочилась кровь...

В разгар этой перепетии в комнату вошла хозяйка дома. Она сразу же обратила внимание на плачущих девочек. Молодые участницы свадебного торжества были в один голос. Ситцевые платица девочек были не то в киселе, не то в салате. Переведя взгляд с тех, кто сидел за столом, в угол, женщина чуть было не лишилась дара речи. Перед ней открылось поистине уникальное зрелище. В самом углу комнаты возле полуспавшей на полу женщины, без штанов и без трусов сидел одноногий мужчина, который то и дело хватался за женскую юбку. Процесс «ласки» к женщине старик сопровождал отборным матом с кулачным добавлением.

Ксения Ивановна, конечно, ни могла не реагировать на происходящее, Тем более, семейная пара в углу была из приглашенных со стороны жениха. Сдерживая слезы и закрывая своей спиной происходящее в углу от девочек, женщина полушепотом начала говорить семейной паре:

- Гости мои дорогие... Вы бы хоть детей постеснялись. А ты, гостенек мой одноногий, ну зачем ты так громко матом ругаешься? Лучше по-ласковому подойди к своей голубке и попроси ее о том, чтобы она дала тебе ее Величество... Тогда все будет нормально. Все будут довольны, и Вы к тому же... Да и девочки ничего не знали и не понимали бы...

Дальше нотации хозяйки маленькие гости слушать не стали. Они были уже сыты, да и им спать хотелось. Первой покинула комнату старшая, через пару секунд за ней последовала младшая с белыми волосами. Младшую звали Евой.

Глава вторая.

«Евка не девка»

Прошло пять лет с того дня, когда в Назаровке состоялась первая в истории деревни свадьба при электрическом свете. Отрезок времени был небольшой, но богат событиями. Да еще какими! Через каких-то полгода после свадьбы состоялся съезд «партийных», который провозгласил о том, что через четверть века в Советском Союзе будет построен коммунизм. Все и вся об этом только и говорили. Под сомнение генеральную установку партии никто не брал. Да и зачем? Ведь впереди еще целых двадцать пять лет! Кое-когда и в глухую деревеньку забегали «партийные» агитаторы, разъясняющие внутреннюю и внешнюю политику КПСС. Под строгим контролем управляющего всех жителей собирали в клубе для ознакомления с будущим коммунизмом. Кое-кто из крестьян пытался задавать вопросы типа того: что можно будет купить при коммунизме, будут ли деньги, будет ли водка? Напыщенные «от ума» посланцы руководящей партии бойко и четко отвечали на вопросы назаровцев. Общий ответ всех приезжающих теоретиков, да и залетных руководителей состоял в том, что при коммунизме все будут сыты, пьяных не будет, будет только изобилие всего и для всех, и для каждого. Сейчас и тогда будет действовать главный принцип - кто не работает, тот не ест. Жизнь еще будет лучше и слаще, если на всей земле победит коммунизм.

Довольными выходили из сельского клуба назаровцы. Хорошее дело коммунизм, да вот строить его долговато. Пожилые селяне чуть-чуть грустили, думая о том, что они до «коммунистического рая» вряд ли доживут. «Слава Богу, хоть дети наши будут жить при коммунизме», - размышляли старики и старухи и тут же разбредались по домам. Надежда пожить побольше и получше с каждым днем укреплялась в душах селян. И эти надежды селяне подкрепляли на деле. Кое-кто из назаровчан за высокие производственные показатели получал ордена и медали. Об этих людях знали не только в деревне, но и за ее пределами. Кое-кто с успехом набирал «обороты» и на поприще карьеры. Ивана Николаевича Яшина, первого секретаря Машинского райкома партии опять перевели в соседнюю область, перевели с повышением.

Преуспел в карьерных делах и управляющий отделением Федор Иванович Киселев, причиной этому была кукуруза. На протяжении трех лет практически все посевные площади отделения

засеивались кукурузой. Пшеницы в Назаровке не было, а кукурузы хоть отбавляй. «Царица полей» была везде и в различном состоянии. На току ее были горы, как в початках, так и в зерне. До самого верха груженные машины в разгар уборки то и дело проносились по изуродованным проселочным дорогам, оставляя после себя кукурузу, которая сию же минуту «истреблялась» стаями гусей, а то и собиралась деревенской пацанвой. Назаровцам, изнывающим от жары и от пота во время уборки «царицы полей», было неведомо, куда все это увозилось.

Кукуруза все увереннее стала входить в пищевой рацион не только животных, как совхозных, так и частных, но и в рацион селян. Кукурузу варили, жарили, мололи. Кое-кто из школьников, идя в школу, загружал кукурузой карманы школьной формы. Наиболее «башковитые» использовали зерна кукурузы для всевозможных игр. В магазине появился хлеб из кукурузы...

Посевы кукурузы стали даже своеобразным зеленым украшением деревни Назаровки, да и наверное, и всей страны, которая горела желанием догнать и обогнать по экономическому развитию самую передовую страну капиталистического мира - США. По указке сверху была развернута настоящая пропагандистская кампания по выращиванию «царицы полей». Плакаты с изображением кукурузного початка, который во весь рот улыбался и шагал по полю, наклеивались не только на конторе отделения, но и на току, на ферме, в совхозном клубе, в школьных классах.

Управляющий Федор Киселев очень строго следил за наглядной агитацией, не говоря уже о ретивом исполнении решений верха по выращиванию кукурузы. И это усердие не могли заметить наверху. Особенно отличился Федор Иванович на третий год, после того, как в деревне появился электрический свет. К концу августа после дождей кукуруза вымахала до двух, а то и более метров высотой. Кукурузные поля, словно колонны войск на военном параде, со всех сторон окружили деревню. Жители стали жаловаться управляющему на неудобства, связанные с «царицей полей». Ягодники и грибники боялись идти в лес. Стоило из них кое-кому перейти полосу с кукурузой, считай час, два, а то и более потерял, пока выберешься из этого зеленого «небоскерб». С людьми все-таки было проще, они хоть кричать могли, хочешь жить - закричишь. Со скотиной было значительно хуже, особенно тем хозяевам, которые жили на окраине деревни.

Случай с Буренкой Петра Колесниченко, живущего на «обочине» от деревни, стал достоянием не только жителей Назаровки, но и всего совхоза, а может даже и более. Дело было где-то в начале сентября. После вечерней дойки, как обычно, хозяйка выпустили свою коровенку за огород траву пощипать. Делалось это

ни один раз и ни один год. Перед отходом ко сну хозяева загоняли свою Буренку опять в летний загон. В этот вечер с коровой вышла осечка. Буренки почему-то на обычном месте не было. Поиски хозяев своей кормилицы вблизи двора и возле соседей не увенчались успехом. Да искать уже было бесполезно, покрывало темноты плотно опустилось на землю. Беглянку не нашли и на следующий день, ни через неделю. Что только не передумали хозяин с хозяйкой, каких-только версий и домыслов они не выдвигали. Думали все, конец пришел Буренке. Хозяйка баба Нина даже на своих игральных картах «прибросила». И те, к сожалению, ничего хорошего не «сказали». Муж и жена днем и ночью «прочесывали» свои головы, думая о том, что вполне возможно кто-то из селян им решил отомстить. Пострадавшим даже пришел на ум эпизод из своей жизни, как ровно год назад они сделали небольшой подвох соседу Василию Жидику, который по их вине на несколько часов «лишился» своих уток.

В тот день семейная чета Колесниченко с самого утра занималась перегонкой браги. Хозяйка после того, как ядреная жидкость оказалась в самогонном аппарате, остатки на дне фляги решила выбросить в огород, дабы скрыть следы своей «деятельности» от односельчан. На эти остатки, которые включали в себя и ягоды вишни, через несколько минут набросились соседские утки. Кузнец Жидик свою живность заметил только во время обеда, когда из кузницы домой шел по огороду. Мощный мужчина готов был на куски разорвать физически хилого соседа за гибель своих уток, которые почему-то бездыханно лежали на краю соседского огорода. Через пару минут самогонщики Колесниченко оказались в поле зрения разъяренных соседа и соседки. Жена кузнеца, размахивая довольно жирным селезнем с закрытыми глазами перед лицом испуганных соседей, требовала возмещения любимой живности. Она также грозила упрятать некогда любимых соседей в тюрьму за самогоноварение. Компромисс между соседями был найден через час. Петр Колесниченко в срочном порядке перегнал во двор соседу три десятки своих отборных гусей, дабы «закрыть» все споры и возможные проблемы. Мужчина, к тому же, прихватил с собою и литровую банку первача. Когда все и вся было улажено, кузнец и разнорабочий стали «обмывать» несколько пошатнувшийся союз соседей. Жена Петра Колесниченко к застолью пришла через пару часов. За время своего отсутствия женщина со слезами на глазах по-быстрому общипала перья пропавших уток и потом выбросила их на скотомогильник, который находился неподалеку от дома. Стая общипанных и уже протрезвевших уток во главе с селезнем пришла на родной двор под самый конец застолья, когда пьяные соседи со страстью целовались

и раскланивались, дабы покинуть друг друга. Кузнец, увидев своих родных, не только рассмеялся, но и даже прослезился. Мужчина со слезами на глазах что-то лепетал себе под нос и ласково гладил «голового» селезня, который даже несмотря на «перепой» сумел найти дорогу к дому своего хозяина и кормильца. Соседям было не до чувств кузнеца. Они спешно гнали своих гусей к себе во двор и радовались своей живности, которая чуть было не стала чужой...

Семейная чета Колесниченко, казалось, уже со смертью или пропажей коровенки смирилась. Ан нет. Через две недели кормилица «воскресла». Корову нашли комбайнеры на экспериментальном кукурузном поле во время уборки кукурузы на початки. Это поле находилось в десяти километрах от Назаровки. Местная «эксперименталка» находилось под пристальным вниманием не только лесников, объездчиков, егерей, но и главного агронома совхоза. Почему Буренка туда попала и почему не мычала громко, вызывая о человеческой помощи, для совхозников это осталось тайной.

Усердие Федора Ивановича Киселева на кукурузном «фронте» не осталось незамеченным. Образцы кукурузы из своего «загашника» коммунист демонстрировал на районной выставке достижений сельского хозяйства, затем на областной. В декабре областная газета «Коммунист» поместила на первой странице большой очерк о верном ленинце Киселеве, который по-научному внедрял «царицу полей» на необъятных просторах Сибири. Была помещена и фотография, на которой голова Федора Ивановича была обрамлена венком из кукурузных початков.

В январе следующего года Киселев возглавил совхоз в соседнем районе. Назаровцы, да и жители деревень совхоза, где руководил Киселев, не могли не заметить того, что Федор Иванович почему-то даже и зимой, не говоря уже о лете, стал больше ходить с непокрытой головой. До этого лысый мужчина не расставался ни с фуражкой и ни с шапкой в зависимости от времени года. Директор совхоза прекрасно понимал недоумение крестьян. Лысина уже больше не беспокоила руководителя. Лысым был и тот, кто куда выше его сидел на троне власти...

Для большинства же назаровцев жизнь текла как всегда. Работа, дом, опять работа. И так каждый день. Ничего сверхсшибательного за пять лет не произошло и в жизни той маленькой девочки с белыми волосами, которая совершенно случайно оказалась в маленькой деревне Назаровке на свадьбе «при электрическом свете». Кое-какие эпизоды из свадьбы, в том числе и эпизод с пьяным дедом и бабкой, в голове девочки остались навсегда.

К пятнадцати годам молодая красавица весело пополнила

свой словарный запас о том мире, в котором она жила. Кое-что она знала и о любви. В школе на уроках ничего про любовь не рассказывали, не говоря уже о другом... Однако Ева Крот уже четко знала то, что детей в капусте не находят, да и любви без ее Величества, как таковой, не бывает.

Вся «наука» о любви красивой школьницы «ковалась» на примерах из жизни деревни Водяное, где она жила и училась. Кое-что она видела и дома. Отца своего Ева не помнила. В деревне разное про него, да и про мать судачили. Одним сплетням девочка верила, другие старалась пропускать мимо своих детских ушей.

В свои пятнадцать лет девочка толком еще не знала о том, что ее родители немцы, которые в начале войны были вывезены из Поволжья в Сибирь. Немцев завезли в Ктомскую область уже в октябре. Для приезжих жилья не было. Начинали все с нуля. В чистом поле переселенцы рыли землянки для жилья, дабы не замерзнуть в условиях суровой сибирской зимы. Кое-кто успел построить из березы маленькие избы. Среди них была и молодая семья Крот. Название пристанища на новой земле придумали сами жильцы. «Голдыштайн», слово было немецкое, на русском языке оно означало - Золотой камень. Местное начальство, да и повыше, не стали против этого названия возражать. Само название приятно резало ухо, в нем также не было и политической крамолы. На том все и успокоились.

Через пять месяцев обитателей землянок стали забирать в трудовую армию. Петра Крота забрали, а его жену Елизавету оставили, так как она была беременной и вот-вот должна была родить. Тяжелым было прощание Петра с Елизаветой, как и для всех мобилизованных. Особенно тяжело переживал прощание Петр. Мужчине очень хотелось самому увидеть рождение первенца, первому на этой земле поддержать маленькое тельце в своих руках. Уже находясь в колонне мобилизованных, Петр сквозь слезы прокричал своей любимой:

- Если сын родится, назови его Иваном, а ежели дочь, то, нареки Евой... Ты, поняла меня, Елизаветушка?

Что дальше кричал муж из толпы в этот холодный, февральский день, Елизавета не слышала. Бежать за колонной уходящих людей она уже была не в силах, не хотела делать больно нарождающемуся дитя. Неспроста просил Петр назвать своего будущего ребенка в честь одного из своих родителей. Больше своей жизни любил сын своего отца и мать. Именно благодаря родителям Петр с отличием окончил школу, поступил в техникум, мечтал стать большим человеком.

Тяжело переживал Петр смерть своих родителей, которые рано ушли из жизни и остались навечно лежать на приволжской земле. В

той же деревне, на том же кладбище обрели вечный покой и родители Елизаветы, погибшие во время пожара при спасении общественного хлеба в зернохранилище. Молодые муж и жена Аксы скончались через два дня от ожогов, оставив на попечение деда свою единственную дочь Лизоньку.

Рожала Елизавета очень тяжело, в больших муках. К ее великому несчастью ребенок родился мертвым. Могла и умереть роженица. В том, что она осталась жить, была большая заслуга бабки-повитухи. Тельце мертвого дитя и то хоронила эта же бабка. Елизавета в это время пластом лежала три дня и три ночи. Она даже была не в силах встать с деревянной кровати. Только через неделю немного «отошла». Однако жить ей не хотелось. Женщина казнила себя днем и ночью за то, что она сама осталась живой, а дитятко ушло в мир иной, так и не вкусив земного блага. Опустившись на колени перед иконой, женщина все молилась и молилась. В короткие промежутки времени, когда в голове становилось легко и светло, она все думала и анализировала то, почему ей не удалось сохранить ребенка. Кто был виноват в том, что ее ребенок только что родился на свет и тут же сразу умер, Елизавета так и не понимала. Русская бабка-повитуха на часто задаваемый вопрос молодой немки ничего не отвечала. Она только осеняла женщину крестным знаменем, делая молитвенный жест - знак креста, и тихо приговаривала:

- Один Господь Бог знает только это... Ему властелину наших дум и наших тел дано на это право.... Один он только все знает и делает для нас... Только Бог, только Бог...

Больше бабка Аграфена ничего молодой немке не говорила. При встрече с плачущей Елизаветой бабка опять что-то тихо бурчала себе под нос и осенив рукой немку, тотчас же уходила прочь.

Елизавету продолжала душить обида за то, что она не смогла сберечь первенца для Петра. Разное она по этому поводу передумала. Причиной смерти немка считала плохое питание для нее самой и крепкий сибирский мороз, а может даже и тяжелую работу. Тяжеловесные тюки из камыша, которые она вместе с женщинами собирала на замерзшем озере и носила на спине, дали о себе знать. Не исключала она и того, что кто-то ее ребеночка сглазил...

Петру о личном горе Елизавета Крот решила не писать. Не только не хотела расстраивать своего мужа, но и очень его боялась. Сама она от Петра получила первое письмо где-то через три месяца, после того как его забрали в трудовую армию. В письме муж интересовался только тем, кто родился у Елизаветы. О другом почему-то он ничего не спрашивал. Ничего не писал и о себе. Да и

письмо было без обратного адреса.

Прошло полгода после того, как Елизавета проводила своего мужа. За исключением первого письма, пришедшего в форме короткой записки, писем для Елизаветы Крот не было. От безутешной печали женщина плакала по ночам. Сердце и душа молодой немки разрывались, когда родственники некоторых из тех, кто ушел в трудармию вместе с Петром, получали от своих какие-то вести. Несмотря даже на то, что весной и летом у тех, кто остался в деревне, дел было невпроворот, Елизавета находила время для уединения. В эти короткие минуты она опять и опять обдумывала все происходящее. Иногда в ее голову приходили мысли одна страшнее другой. Да и злые языки в деревне, хоть и небольшие, распускали разные слухи и сплетни о Елизавете Крот. От некоторых из них женщине становилось дурно. Кто-то болтал о том, что Елизавета специально удушила своего первенца только за то, что Петр ее насильно еще в Поволжье взял в жены. У молодой Лизы Акс был другой парень, но очень робкий, и которого она очень сильно любила.

Были и те, кто говорил «сущую» правду о том, что дескать Петр уже в курсе происшедшего с Елизаветой, и что, вот-вот он придет для разборок с женой. Чем дольше Петр не приезжал для разборки с женой, тем почему-то равнодушнее становилась Елизавета к семейному несчастью. Немка устала от постоянной боли по умершему ребенку, да и от тоски по мужу. Постепенно Кротиха, так прозывали односельчане Елизавету за фамилию, отходила от дел мирских и от дел своих личных. Некогда веселая девушка Лиза надолго уединилась, накрепко закрыла в себе она свое сердце и душу. Одно для нее было утешение, одно было успокоение - это работа. Молодая женщина работала как вол. Во время работы ни перед чем и ни перед кем она не открывала свою душу, свой внутренний мир.

Не появился Петр Крот в Гольдштайне ни в победном 1945 году, и ни в 1947 году, когда власти официально заявили о роспуске трудармии. К сожалению, многие из ушедших не вернулись назад в свое село. Кто-то из трудармейцев умер от холода, голода и тяжелой работы, кто-то вернулся инвалидом или тяжело больным. Были и те, кто не вернулся по неизвестным для селян причинам. Среди них был и муж Елизаветы Крот.

Прошел еще один год. Елизавета окончательно смирилась с тем, что навсегда потеряла Петра. Крестьянке иногда даже было стыдно самой, когда ее голову посещали мысли о том, что только сейчас, когда она стала вдовой, ей стало даже жить несколько радостнее, чем когда-то с мужем. Смирились с потерей односельчанина и жители Золотого камня. Утешением для селян и

для Елизаветы было то, что кроме Петра в деревне еще судьбы троих трудармейцев были неизвестны.

Шло время и оно постепенно залечивало раны. День за днем Елизавета снимала с себя панцирь замкнутости, как душевной, так и человеческой. Она стала добрее относиться к односельчанам и те ей отвечали тем же. Женское тело, которое столько лет не видело ласки и любви, настойчиво все это искало. Вдова стала все чаще и чаще заглядывать в зеркало. Кротиха купила женские духи, которые были в магазине.

Первое знакомство Елизаветы Крот с Кузьмой Степановым произошло летом, через четыре года после окончания войны. Кузьма в этот год работал подвозчиком всего необходимого во время посевной, заготовки сена и уборочной. На бричке, запряженной парой лошадей, он подвозил также к бригадам воду, иногда обеды. Степанов появился в деревне ранней весной. Новенький не имел никакой специальности, да еще прихрамывал на левую ногу. По этой причине, скорее всего, его и определили подвозчиком. В том, что новенький не равнодушен к Кротихе, она заметила еще в мае, когда сеяли подсолнечник. Женщина в это время в качестве разнорабочей очищала от прошлогодней грязи зерноток. Прийдя поздно вечером домой, она заметила ведро, которое стояло возле входной двери избы. Оно было полно семян подсолнечника. В том, что это ведро принадлежало Кузьме Степанову, Кротиха не сомневалась. Тем более, уже утром она увидела другое, совершенно новое ведро, которое стояло на привычном месте - под сидением у кучера.

В эту ночь, когда она увидела ведро с семенами подсолнечника, Елизавета не спала. Она не скрывала в себе радости, что подвозчик уделил ей такое внимание, подарив целое ведро семечек. И не только поэтому она не спала, а если и засыпала, то тот час же просыпалась. Уж больно она боялась за эти подсолнухи, которые были украдены новеньким ради Елизаветы. Она понимала, что за ведро этих небольших по размерам семечек Степанов может угодить на несколько лет в тюрьму. Она боялась и соседей, которые могли проинформировать соответствующие органы просто из-за зависти, или просто так, для порядка.

Время шло. Каких-либо подвижек в взаимоотношениях Кузьмы и Елизаветы не было. Даже и после того, как Елизавета получила от Кузьмы целое ведро семечек, они вели себя так, как будто и не знали друг друга. Все было так, как и раньше. При встрече друг с другом они говорили за весь день только два слова. «Здравствуйте» - утром, когда начиналась работа, и «До свидания» - вечером, когда заканчивался трудовой день.

Все для Кузьмы и для Елизаветы «разрешилось» в конце

июня, в пору сенокосную. Кротиха в этот день была задействована на заготовке сена. Работа была не столько тяжелая, а сколько нудная. В этот день, как назло, установилась очень жаркая погода. Стояло абсолютное безветрие. Парило. Люди, работающие в бригадах, как Бога ждали хромого Степанова с водой, который подвозил холодную воду из водонапорной башни в деревянных бочках. К обеду погода очень резко изменилась. Порывистый ветер сей миг нагнал стаи туч, которые прямо на глазах у работающих в поле, обложили небо темно-синим одеялом. Неожиданно блеснула молния во весь горизонт и раздался оглушительный треск... Дождь продолжался порядка получаса. Ни о какой-либо дальнейшей заготовке сена говорить не приходилось. Косари, копнильщики, стогометатели дружно разбежались в разные стороны, выбирая для поездки домой трактор с прицепной тележкой или пароконные брички.

Приготовилась «штурмовать» тележку с гусеничным трактором и Елизавета Крот. И как раз в этот момент почему-то у нее екнуло сердце. Внутренний голос не то в шутку, не то всерьез спросил женщину:

- Елизавета, ты почему потеряла своего Петра? Он ведь тебя так долго ждал и тоже хочет ехать на этой телеге домой...

На какое-то мгновение женщине стало не по себе. Всем своим сознанием, каждой частицей своего тела она понимала то, что Петр уже очень давно пропал без вести, вполне возможно, даже и погиб. Не зная почему, Кротиха повернула свою голову влево, в сторону длинного, березового околка, который селяне окрестных деревень называли «Тюменским». Повернув голову налево, Елизавета на какой-то миг остолбенела. Неподалеку от опушки леса на поляне Кузьма Степанов собирал полевую землянику. Лошади, запряженные в бричку, мирно щипали траву.

Незаметно для всех, словно завороченная, Елизавета быстро шмыгнула в близлежащий кустарник и легла на землю. Кусты стали хорошим укрытием для женщины, тем более, она была в зеленом платье и в зеленой кофте. «Беглянку» никто в тележке не ожидал. Никто ее и не разыскивал. Через две-три минуты трактор затарахтел. Под веселый гвалт и смех селян тележка неспеша покатила в сторону деревни. Дождавшись, когда трактор, тянувший тележку, скрылся за лесами, Елизавета встала с земли, отряхнулась и быстро пошла в сторону «Тюменского» околка.

Через несколько секунд она уже более четко видела мужчину в черной, замасленной кепке, которая скрывала его седые волосы. Тот, кто собирал красные, как кровь, земляные ягоды, оторвал на какой-то миг свой взгляд от них и посмотрел в сторону кустов, откуда только что отъехал трактор с прицепной тележкой.

Неожиданно для себя «ягодник» в метрах трехсот, а может и больше, увидел женщину, которая уверенно шла в его сторону. Кузьма не мог ошибиться. Это была Елизавета Крот. Какая-то неведомая сила подняла Степанова и заставила его бежать так, как он когда-то в молодости бегал в школе на всевозможных спортивных соревнованиях. На какой-то миг фронтовик, он же командир танка, он же сержант Степанов забыл про постоянно ноющую боль в левой ноге, про те железные осколки, которые остались в груди у него и по сей час.

Сейчас же он бежал, как влюбленный школьник, как пацан, навстречу этой еще недостаточно знакомой, но почему-то такой нужной и близкой ему женщине. Пара лошадей, пасущихся на поляне, иногда бросала ленивые взгляды на бегущих навстречу друг другу мужчине и женщине. Затем лошади лениво опускали свои морды в пахнущую земляникой траву и продолжали ее щипать. Вполне возможно, все это видели и Степанов с Кротиной. Однако им сейчас было не до лошадей. Каждый из бегущих понимал то, что через несколько шагов, через несколько секунд, они прикоснутся руками, губами, своим телом друг к другу и окажутся в мире сладостных чувств и ощущений. И все это вместе будет называться Любовью, без которой невозможно счастье тех, кто жил и живет на этой земле.

Через несколько мгновений женщина и мужчина сомкнулись в объятиях. Елизавета не узнавала себя в себе. Непонятные для нее какие-то не то зеленые, не то розовые огоньки застилали ее глаза. Она почему-то до сих пор не могла отдышаться. Крепко обняв незнакомого и очень близкого мужчину, она нежным и тихим голосом повторяла такие почему-то близкие и в то же время давно забытые для нее слова:

- Петя, Петюша, это ты, мой дорогой... Я так тебя очень долго ждала... Как я по тебе скучала...

Через какое-то время эта же женщина почему-то также любовно и вдохновенно говорила:

- Степан, Степанушка, ты, мой любимый и дорогой. Я так по тебе все эти ночи скучала и думала о тебе, мой дорогой...

Кузьма, обнимающий худые плечи женщины, не поправлял содержание слов, сказанных Елизаветой. Мужчина прекрасно понимал всю боль и страдания, которые перенесла эта женщина-немка. Степанов, глядя шершавой ладонью, которая пахла земляникой вперемежку с запахом тракторного топлива, седые волосы Елизаветы, прекрасно понимал ее состояние. Он и сам за свои годы жизни испил до дна ни одну чашу горя и несчастья. Это прошлое заставляло мужчину сильнее целовать сухие губы женщины. Он и она на какое-то время прерывали свои страстные

поцелуи и начинали смотреть друг другу в лицо, как бы силясь по глубоким морщин чуть-чуть больше узнать о жизни друг друга. В это время они ничего не говорили. Мужчина и женщина просто-напросто смотрели друг другу в глаза и наслаждались их теплотой.

Через несколько мгновений их губы вновь и вновь сливались в единое целое... Затем они оказались в пучине любви, любви чистой и прекрасной. Каждый из них старался через такое продолжительное время взять эту любовь с избытком, надеясь возвратить себе то счастье, которое так безжалостно у каждого из них отобрала война.

В деревню Елизавета с Кузьмой приехали поздно вечером. Лошади лениво тянули повозку по деревенской улице. Кое-где лениво таяли собаки, разбуженные громким пофыркиванием парой лошадей. Спящим обитателям деревни были безразличны те, кто ехал в эту летнюю ночь на повозке. Седой русский мужчина и седая женщина-немка, сидящие в ней, ничего друг другу не говорили. Они, плотно прижавшись друг к другу своими телами, лишь изредка тяжело вздыхали. Также изредка их губы сливались в единое целое...

Кузьма Степанов зашел за пустым ведром к Елизавете Крот через неделю после того незабываемого летнего вечера на поляне у «Тюменского» околка. На следующий год, пятого марта у Елизаветы родилась девочка. Назвала она ее Евой, в честь матери Петра Крота. Кое у кого из «партийных» было предложение назвать новорожденную Сталиной, но Кротиха и Степанов эту идею не поддержали. У селян ни у кого не было сомнения в том, кто является отцом девочки. Да и Елизавета с Кузьмой ни от кого не скрывали своей запоздалой любви. Они были счастливы своей любовью, своим ребенком. Ева росла спокойной девочкой. Наверное, она чувствовала спокойную и равномерную жизнь своих родителей. Через месяц после появления Евы на свет, в избушку Кротихи перешел жить и Степанов. Мужчина оказался неплохим плотником. К осени избушка немки преобразилась. Кузьма перестелил пол в избе, обновил крышу, сделал наличники для двух окон. Много было сделано им и во дворе.

В избушке значительно стало больше света и тепла. С каждым днем росло взаимопонимание и между русским мужчиной и российской немкой. Все у них, как им казалось, было. Однако чем лучше они жили, тем тревожнее становилось у каждого на сердце... Причиной этому было состояние здоровья Кузьмы Степанова. Танкисту не давали спокойно жить и работать старые фронтовые раны. День и ночь ныла нога. Донимали мужчину и острые боли вокруг сердца. Степанов все больше и больше уединялся в себе, отдавался мыслям, которые были подвластны ему, и только ему. Он

довольно часто воспроизводил в своей памяти тот бой под Берлином, когда безусый мальчишка-немец произвел зловещий выстрел по советскому танку из фауст-патрона. Какое-то чудо спасло сержанта от смерти. До великой Победы оставалось всего два дня. Потом были тяжелые месяцы пребывания Кузьмы в госпиталях. Настоящим испытанием на прочность его здоровья и силы мужества явилось несколько сложнейших операций.

Раньше Степанов жил в Белоруссии, жил вместе с родителями. Любимой девушки перед уходом на фронт он не оставил, еще не успел никого полюбить. Да и врага-то он увидел впервые и почувствовал не на передовой, а в своей деревне. Немцы стремительно продвигались вперед, рвались к Москве. Горящую хату, в которой находились родители молодого парня, немецкий танк протаранил вдоль и поперек несколько раз. Единственному сыну просто случайно повезло. Он в это время со своим школьным товарищем был в лесу. Молодой Степанов ушел в партизаны. Потом была передовая. Сын беспощадно мстил немцам за смерть своих родителей.

Елизавета, лежа в постели с Кузьмой, знала то, что ее любимый человек не спит и сама не спала. Она, порою, хотела как-то сгладить боли и страдания любящего ее человека и часто осыпала поцелуями израненное тело мужчины. На какое-то время они засыпали вместе. Иногда женщина просыпалась и чувствовала то, что Кузьма опять страдает от боли. Перед Новым годом Степанов слег в больницу, через неделю у него ампутировали левую ногу. Попытки врачей вытащить осколки из груди фронтовика оказались неудачными. Во время операции Степанов скончался, не выдержало сердце...

Хоронила Елизавета Кузьму Степанова в первый день вновь наступившего нового года. Выкопать яму для покойника помогли односельчане. Еще долго стояла Елизавета перед свежесыпанной горкой сибирской земли вперемежку со снегом. Женщина стояла и плакала. Ее слезы, как ей казалось, насквозь проходили через тонкий слой земли и согревали Кузьму, гроб с которым совсем недавно и навечно опустили в холодную яму. Плачущая женщина так и до конца не понимала, кто для нее был этот русский, муж или просто кто-то другой. Как таковой регистрации брака у них не было. Елизавета не делала также и метрики для своей маленькой Евы. Уже больно она боялась, не зная почему, записать в свидетельстве о рождении отцом своей дочери фамилию русского мужчины. Не хотела она писать отцом Евы и Петра, зная то, что это есть заведомая ложь. Немка не хотела чернить светлую память о родителях своего мужа, да и о нем самом.

Петр Крот в Гольдштайн вернулся в августе 1953 года, после

смерти вождя народов. Пришел пешком с разезда, пришел днем. День был на удивление солнечным. На пути к избушке Елизаветы никто из прохожих его не узнавал. Никого не узнавал и Петр. Однако незнакомые для пришельца люди, поравнявшись с ним, произносили короткое «Здравствуйте». В ответ на это путник кивал головой. Среди его приветствующих, мужчина не находил знакомых голосов или лиц. Ведь прошло одиннадцать лет после того, как он кричал из колонны односельчан своей любимой Елизавете:

- Если сын родится, назови его Иваном, а ежели дочь, то, нареки Евой... Ты, поняла меня, Елизаветушка!...

Эти слова он всегда носил в своей памяти и в своем сердце. Избу свою Петр Крот узнал не сразу.

- Да ведь это и вполне правильно... Ведь столько лет прошло, сколько воды утекло... Да и деревня ведь какая стала!, - думал про себя путник и улыбался. Предстоящая встреча с женой и с дочерью или сыном мужчину успокаивала.

Елизавета в этот день не работала. За все лето у нее не было ни одного выходного. Долго и нудно она выпрашивала у бригадира и этот отгул. Уж больно стирки у нее накопилоось, да и по дому была уйма работы. Маленькая дочь Ева в это время играла с соседской девочкой за огородом под присмотром бабки-соседки.

Кротиха, прибрав в избе, стала готовиться к стирке на улице. На плите в большой кастрюле закипала вода. Сама она тем временем штопала платье маленькой дочурки. Внезапно входную дверь избы кто-то без всякого стука открыл. Женщина невольно приподняла голову и перед собою увидела незнакомого мужчину. На вид ему было где-то под пятьдесят, не менее и не более. Незнакомец был высокого роста, слегка сгорбленный.

Чувствовалось то, что у него что-то было не в порядке с поясницей, а, может, и со всей спиной. Лицо вошедшего было худое, покрытое густой седой щетиной, нос был прямой. На левой стороне лица были следы не то от шрамов, не то следы от чьих-то укусов. На какой-то миг хозяйке стало жалко этого лысого мужчину.

Хозяйка при виде незнакомого человека, быстро отложила в сторону платье, отодвинула на край стола коробку с нитками и иглами. Затем она встала, и держась одной рукой за краешек стола, а другой поправляя локоны седых волос на голове, тихо и спокойно спросила у вошедшего:

- Зачем пожаловали? Кто Вас послал за мною, наверное, опять бригадир?

Не дождавшись ответа от вошедшего, женщина начала подкладывать дрова в печь. Затем, закрыв при помощи полена металлическую дверь печи, она вновь повернулась к вошедшему и вновь повторила свой вопрос. Пришелец опять продолжал молчать.

Петр сразу же узнал свою Лизоньку. У него защемило сердце от того, что вся ее голова была седой. Две глубокие морщины над переносицей разделяли красивое лицо женщины на две половины. Мужчина к удивлению хозяйки все время почему-то молчал и очень пристально смотрел на нее.

Молчала и Елизавета, изредка бросая взгляд на мужчину, который был одет почему-то не по-летнему. На нем была довольно поношенная куртка, кирзовые сапоги. Незнакомец, повернувшись боком в сторону питьевого бачка, который стоял рядом возле двери, после некоторого раздумья тихо спросил хозяйку:

- А у тебя, хозяйюшка, можно воды напиться?... А то, что-то у меня в горле пересохло...

И затем, не дождавшись ответа хозяйки, мужчина снял ковш с гвоздя на стене и зачерпнул воду. Елизавета заметила то, как сильно дрожала рука незнакомца, когда он подносил ковш к своим губам. Пришелец пил воду очень жадными глотками. Из его глаз текли слезы. Кротихе на какое-то время было даже жалко видеть этого странника, который жадно утолял свою жажду. Одновременно ей было очень противно слышать и видеть, как он не то клочкотал, не то стучал зубами о края металлического ковша.

Мужчина, напившись воды, дрожащей рукой стал медленно вешать ковш на стену. Еще не успел он это сделать, как хозяйка, внимательно разглядывая правую руку пришельца, заметила то, что у лысого на правой руке не было полмизинца. Такая «примета» была у Петра, который делая паз в бревне при строительстве избы, непонятно как, отрубил себе половину маленького пальца. На какую-то долю секунды Елизавета вновь посмотрела на сухую, изнеможденную руку мужчины и не знала, что думать. Да и думать-то уже ей было не надо. Пришелец с вещмешком за плечами тихо и спокойно произнес:

- Ты, что хозяйюшка, не узнаешь меня? Елизаветушка... Это ведь я, Петр Крот, Крот я... Твой муж...

Услышав этот голос, который когда-то ей был до боли в сердце знакомый, Елизавета на какой-то миг потеряла рассудок. Голова ее невольно стала кружиться, по всему телу выступили капельки пота.

Через какие-то мгновения пришелец и хозяйка дома обнялись, расцеловались. Елизавета быстро накрыла неожиданному гостю и воскресшему мужу на стол. Она и сама не знала того, как ей поступать и что говорить дальше этому очень близкому и в то же время очень далекому человеку. Изредка бросая взгляды на Петра, женщина не могла не видеть его сияющих глаз. Через одиннадцать лет они снова наполнились счастьем. Лысому мужчине казалось то, что все вернулось назад и опять его жизнь с этой женщиной наполнится тем же, чем она была наполнена тогда, когда он уходил

в трудовую армию.

С невероятно тяжелым чувством Елизавета села за «праздничный» стол, хотя руки непроизвольно делали все необходимое для угощения пришельца. Женщина сама вытащила бумажную пробку из бутылки с самогонкой, потом наполнила ею до краев два больших граненых стакана. Не зная почему, хозяйка поставила их в центр стола и пристально посмотрела в глаза Петру. Эти глаза, как и раньше, были карими. Сейчас они были только немного светлее и чуть-чуть колючими. Глядя в эти глаза, она знала о том, что Петр, ее муж ждет ответа на свой наказ, которой он просил исполнить свою жену в тот холодный день 1942 года.

Жена Петра Крота об этом наказе никогда и нигде не забывала. Даже за столь длительное отсутствие мужа, Кротиха иногда допускала мысль о том, что еще и вполне возможно когда-то и придет это время, время ответа. И оно пришло сегодня, в этот поистине чудесный, теплый день. Сегодня суд Совести для нее наступил, а может и даже суд Любви. И не только для нее.

Со слезами на глазах Елизавета рассказала своему мужу все и вся, что было и что произошло, и почему это произошло за все эти долгие годы. Рассказала все без утайки, как на исповеди у Бога. Петр ничего не спрашивал у плачущей жены. Он все время молчал и молчал. Закончив свою «исповедь», Кротиха еще раз взглянула в глаза своего или бывшего мужа. Она без ошибки поняла то, что в этих глазах больше нет места для Елизаветы, не говоря уже о месте в его сердце или в его душе.

Известие о непорядочности жены мгновенно пропахало очень глубокую борозду в сердце Петра. Для него самого только сейчас стало ясным, что Елизаветушка, светлый образ которой он носил все эти годы, умерла для него, умерла навсегда. Крот не впал в панику и не стал махать кулаками, дабы приструнить свою «непутевую» бабу.

Лесоповалы, каторжные условия работы в шахтах, голод, холод, научили его ценить эту жизнь, особенно тогда, когда тебе уже и только за тридцать лет... Петр, сидя за столом, и осмысливая исповедь хозяйки дома, все терзался одним и тем же вопросом: «А стоит ли рассказывать этой, уже чужой женщине о том, что он пренес за все эти годы? Ведь все это перенесли тысячи и тысячи людей, которые оказались, как и он, в далеко нелегких условиях страшной войны». Тем более, Крот достоверно не только знал, но и чувствовал каждый день, каждый час приближение своей смерти. Тяжелая болезнь, как наследство спецлагерей, давала о себе знать. Да и поистине трагическая жизнь хозяйки, все ею сказанное нанесло такую рану в сердце мужчины, которая, как он считал, не заживет и до его кончины.

И все-таки Петр Крот решил рассказать о пережитом именно

своей жене, той любимой женщине, любовь которой согревала его все эти годы, давала надежду на выживание. Исповедь своего мужа, но и одновременно, и чужого мужчины, теперь слушала и Елизавета. В отличие от Петра она почему-то все время плакала и плакала. Женщина никогда не думала о том, что рассказанный «товарищу» анекдот о вожде народов, может так круто изменить жизнь трудармейца Петра Крота. И не только его, но и ее, Елизаветы, жены этого трудармейца, которая жила в Сибири в глухой деревушке с таким прекрасным названием Золотой камень. Одиннадцать лет неимоверно тяжелой жизни Петра «уместились» в где-то двадцатиминутный его монолог.

После тяжелых совместных объяснений мужчина и женщина какое-то время молчали. Наверное, каждый после своей исповеди перед собой и Богом намечал очередные жизненные вехи. К сожалению, а может и к радости, каждый из сидящих исключал друг друга из совместного будущего. Теперь каждый думал только о себе и только о своем. Никто из молчащих не стремился доказывать свою правоту. Никто из них не думал оправдываться друг перед другом. Никто из них не просил и не требовал делать это от другого.

Оба они были взрослыми людьми и прекрасно понимали, что их любовь была сожжена войной. Одновременно каждый из них понимал, что они вместе и каждый в отдельности выдержали суд человеческой чести. Побежденных и победителей среди них не было. Приговор для обоих вынесла сама жизнь. Переделывать или переписывать историю собственной жизни ни Петру, ни Елизавете было не подвластно.

После некоторого раздумья Петр встал из-за стола, повернулся лицом к Елизавете и крепко пожал ей руку. Затем он развернулся и быстро вышел вон. Елизавета больше никогда и нигде в своей жизни не видела и не слышала о Петре Кроте, своем муже. Да и для односельчан трудармеец Петр Крот пропал без вести навсегда. Еще долго стояли на столе два граненых стакана с самогонкой, наполненных Елизаветой в тот незабываемый августовский день 1953 года. Она очень часто смотрела на них и плакала. Женщина ласково гладила руками стекло мутного цвета, надеясь увидеть в нем отражение своего любимого мужа. Озорной девочке Еве было не до маминых проблем и забот... Через год вдова Ева Крот переехала в село Водяное, которое находилось в Калининском районе Ктомской области. Это было порядком около ста пятидесяти километров от немецкой деревни с прекрасным названием Золотой камень.

Водяное для маленькой Евы Крот было родиной и той единственной деревней, какую она только знала. О других она ничего не знала, как и не знала ничего о своем отце. Только в

четвертом классе Ева по-серьезному спросила свою мать об отце. Да и повод был для этого. Учительница попросила своих учеников на очередном классном часе рассказать о своих родителях. Мать очень тщательно готовила свою дочь к этой беседе. Елизавета подробно рассказала дочери о своей совхозной группе коров, перечислила все их клички, даже рассказала о том, сколько молока дает каждая из них. Девочка старательно все это записывала в свою ученическую тетрадь. Об отце своей дочери Кротиха ничего не сказала, а только сдерживая слезы, промолвила:

- Твой отец, Ева, погиб. Ты поняла, он погиб. И об этом ты с гордостью можешь сказать своей учительнице... И еще... Если твой учительнице нужна информация о твоём отце, то пусть она лучше спросит меня. Ты поняла меня, моя доченька?...

Этим и все закончилось. Учительница почему-то больше об отце Евы не спрашивала ни ее мать, ни саму школьницу. Одноклассников девочки судьба ее отца также мало интересовала. К тому же, в классе более половины школьников не имели одного из родителей. Ева училась средне, не очень хорошо, но и не очень плохо. Бывало, приносила и двойки. Мать не хотела иметь проблемы со своей дочерью в школе. И поэтому, даже несмотря на нехватку времени, Кротиха всегда старалась помогать своему единственному ребенку делать домашние задания. Елизавета все время пропадала на ферме. Она рано уходила из дома и поздно приходила. Ева, понимая состояние матери и ее тяжелый труд, старалась учиться более прилежно.

О том, что ее мать немка, девочка узнала только тогда, когда перешла в пятый класс. Для раскрытия тайны опять была причина. В пятом классе дети начали изучать новый предмет «Немецкий язык». В день первого сентября Ева, как и все пятиклассники, получила новый учебник. В самом начале урока, только что прибывшая из районного центра молоденькая учительница Лидия Васильевна рассказала о правилах пользования учебником. Затем она взяла классный журнал и стала знакомиться с учениками. Дошла очередь и до Евы Крот. Зачитав фамилию Евы, учительница подняла голову и сняв очки, не то полусухо, не то на полном серьезе, спросила у прилежно стоящей возле парты девочки:

- Ева, а ты дома с мамой разговариваешь по-немецки? Я слышала о том, что твоя мама немка. Правильно я говорю, Ева? Или нет?

Пятиклассница ничего на вопрос учительницы не ответила. Она, сильно покраснев от неожиданного вопроса, медленно опустилась за парту. Ева, сама даже не зная почему, придя домой, так и не спросила свою мать о своей национальности. Наверное, детский ум не придавал еще большого внимания этому вопросу. В

пятом классе, да и во всей школе мало кто из учеников интересовался тем, кто к какой национальности относился.

В том, что ее мать немка и неплохо владеет немецким языком, девочка узнала тогда, когда в их избе появился отчим. Звали его Генрих Иванович. Приехал он весной, когда девочка заканчивала пятый класс. Ничего сверхъестественного этот мужчина собой не представлял. Ростом он был даже чуть ниже матери. Все его лицо было в веснушках. Особенно лицо отчима «расцветало» весной и летом, когда нещадно палило сибирское солнце. Рыжими были и его волосы, которые он почему-то расчесывал на две стороны. Такая необычная прическа мужчины маленькой Еве напоминала в нем не то какого-то дьячка, не то какого-то другого священника. К тому же зубы мужчины были кривыми и прокуренными. Мать привезла Генриха Ивановича из областного центра, когда ездила за покупками для Евы в «Детский мир».

На первых порах отчим для Евы показался неплохим человеком. А может, это только девочке казалось. За столом Ева с матерью и отчимом редко встречалась. Она после того, как в доме появился чужой мужчина, довольно часто стала пропадать у подруг. Как правило, там и делала уроки. Иногда и оставался у них ночевать. Больше всех она пропадала у Нины Кулешовой, у подруги по парте. Дружба, наверное, дополнялась еще и тем, что у родителей Нины Кулешовой был телевизор, который в те времена был еще большой диковинкой, да еще и в такой глухой деревне.

Отчим с Евой много не разговаривал, часто сторонился. Возможно, для этого у мужчины были определенные причины. Однако девочка глубоко не вникала в эти отношения. Мать с отчимом в доме почему-то разговаривали только по-немецки. Сначала содержание разговоров Ева вообще не понимала. Чувствуя равнодушное, холодное отношение отчима к себе, Ева стала избегать мужчину. Вечером старалась как можно скорее заснуть. Иногда она не могла долго этого сделать и все время ворочалась в своей постели. Причиной этому было довольно странное отношение отчима к матери Евы. Мужчина, даже после того, как с работы приходила Елизавета, мог громко с ней ругаться, иногда что-то тяжелое швырял в ее сторону. Да и маленькая по размерам избушка не способствовала крепкому сну девочки. Каких-либо перегородок в общей комнате не было. Кровать Евы стояла у стены напротив входа. Кухонный стол стоял возле большой русской печи и это все составляло, так называемую, кухню. Мать с отчимом спали на широкой деревянной кровати, стоящей возле печи. На небольшом круглом столе, который находился в центре комнаты, семья обедала. На этом же столе Ева делала свои уроки.

Генрих Иванович сразу же на третий день после своего

появления в деревне устроился весовщиком. Работа была несложная и к тому же и непыльная. Летом же мужчина на работе пропадал целый день. Причиной этому была то посевная, то сенокос, то заготовка силоса. Ближе к осени у Евы даже появилось желание посмотреть как работает ее отчим. К весовой, где работал Генрих Кох, Ева пошла одна. Весовая находилась рядом возле зернотока и зернохранилища. Нет, не заметил Генрих Иванович стройной и красивой девочки с белыми волосами. Даже не посмотрел в ее сторону. Хотя Ева несколько раз прошла мимо больших весов, даже два раза на них «взвесилась». Со слезами на глазах бежала она домой. Горько и обидно было на душе у молодой Кротихи. В этот тяжелый для нее момент, по-особенному, по-детски болело сердце и душа маленькой девочки, которая никогда в жизни не видела своего отца. Не только родным, но и даже близким для нее не стал и этот рыжий мужчина... В этот день девочка для себя дала этому человеку кличку Рыжий...

Сама же Ева для своих одноклассников была ни чем иным, как Кротиха. Ее прозвали так мальчишки. Ева на эту кликуху не обижалась. Да и она кое-когда сама давала кое-кому эти «клички». Правда, все эти клички она, да и не только она, произносила только тогда, когда рядом с ней не было ни учителей, ни пионервожатой, ни взрослых. Для многообразия кличек среди школьников были кое-какие предпосылки. В русской деревне с прозаическим названием Водяное было довольно много фамилий для «творческого» произношения и фантазий: Трикоза, Селезнь, Дураков, Тугоумов, Зайцев...

По мере взросления Ева все больше и больше замечала натянутость в отношениях между ее матерью и отчимом. Девочка все чаще и чаще видела свою мать с заплаканными глазами или с лицом, укутанным в платок. Раньше мать этого не делала, особенно в жару. Определенную разгадку этому Ева нашла поздно вечером, когда проснувшись, захотела выйти во двор. Откинув одеяло, Ева некоторое время соображала о том, как лучше выйти из избы во время темноты и не разбудить мать с отчимом. Вдруг она неожиданно для себя услышала не то сопящий, не то храпящий голос отчима, который по всей вероятности лежал на матери. Странную возню «выдавала» панцирная сетка металлической кровати, которая скрипела как несмазанная телега. Мать в это время что-то со злостью наговаривала мужчине на немецком языке. Тот в свою очередь бранил женищну, и до тихо лежащей Еве четко донеслись бранные слова, сказанные отчимом на русском языке:

- Ты бы лучше, сука, рот заткнула, а то сейчас пойду по деревне и всем расскажу о тебе, шлюха, и о твоей сучке... Одним словом, молчи, пока я тебе не показал то, где раки зимуют...

В том, что эти слова адресовались матери и ей, Еве, девочка не сомневалась.

Наступили очередные и последние каникулы для тех, кто перешел в восьмой класс. Последними они были и для Евы Крот. По-разному проводили каникулы школьники деревни Водяное. Кто-то отрабатывал производственную практику на пришкольном участке, кое-кто уезжал в город к своим родственникам или к знакомым. У Евы Крот ни тех, ни других не было. Собственно говоря, она и на это не обижалась. Да и она ни одна оставалась в деревне. Кое-кто из мальчишек из ее класса в летнюю пору пас совхозную скотину или на пару работал с взрослыми мужиками, копня или метая сено в стога.

Нашла применение себе и Ева. Мать даже прослезилась, когда Ева сама устроилась помощницей поварихи тети Зины, которая готовила обеды для тех, кто работал в поле. Еве нравилось развозить пищу на лошаде, запряженной в телегу. Девушка аккуратно расставляла термоса с обедами, садилась на сидение, которое представляло собой широкую деревянную доску, и по-тихоньку хлестала постоянно спящую на ногах лошадь. Лошадь на ласковые «укусы» хвостотины девушки реагировала довольно лениво, иногда для ее раскачки требовался хороший кнут, да и сильная мужская рука. Довольно часто в роли мужчины выступала тетя Зина, которая обладала не только большим весом, но и приличной физической силой. После сильного удара хвостотиной лошадь молниеносно просыпалась, и словно ужаленная в одно место, срывалась и неслась не чуя своих ног. Сивуха, так звали старую кобылу, эту прыть «изображала» только несколько десятков метров. Потом она переходила на «прежний режим» работы. Бег трусцой устраивал и животное, и ту молодую девушку, которая гордо сидела на своем сидении и лениво посвистывала. Тем более, Ева ни разу ни в одну бригаду не опаздывала с обедом.

В начале июля в Водяное приехали военные для оказания помощи в уборке урожая. До основного потока зерновых еще было рановато, и поэтому военные машины, а их было не более десятка, использовались по-разному. Одни машины возили из Ктомска всевозможный лес или доски, другие использовались для перевозки сенажа и зеленой массы для заготовки силоса на зиму. Еве очень нравилось наблюдать за тем, как по проселочной дороге на большой скорости проносились военные машины, за рулем которых сидели молодые ребята в военной форме. Зрелище было прекрасное, несмотря даже на то, что машины, несущиеся на большой скорости, оставляли за собою целые шлейфы пыли. В некоторых местах дороги эта пыль иногда закрывала все небо. Еве волей-неволей приходилось останавливать лошадь на обочине

дороги или вообще съезжать далеко в сторону, дабы не привести толстый слой пыли вместе с пищей для механизаторов. Солдаты вскоре поняли свою «ошибку» и старались для молодой деревенской красавицы не создавать пылевые облака. При виде повозки «каша едет», так ее с легкой подачи солдат стали называть и местные ребята, военные водители переходили на пониженную передачу, что значительно укорачивало шлейфы пыли. Преодолев «девичье препятствие», военные вновь увеличивали скорость движения. Такие действия военных водителей вызывали у Евы заразительный смех. При этом она невольно краснела и что-то непонятное, но очень приятное образовывалось в ее сердце, да и не только в нем...

Однажды во время одной из поездок в направлении бригады механизаторов, которые косили зеленую массу на силос, Ева увидела военную машину, стоящую на обочине дороги. При подъезде к машине девушка увидела как под приподнятом капотом машины копошился солдат. Не успела еще возница и поравняться с автомобилем, как солдат молниеносно спрыгнул на землю и также быстро схватил лошадь за уздечку. У Евы от таких неожиданных действий военного даже что-то екнуло в груди. В первую очередь она боялась за лошадь, которая от внезапного появления незнакомого человека могла, как говорят, и «понести». Увы, такого к радости Евы не произошло. Сивухе, скорее всего, такая неожиданная остановка была даже и очень желательной. Лошадь после своей остановки лениво шлепала губами, и также лениво хлестала себя хвостом, защищаясь от атакующих ее стай паутов.

Солдат, взявший лошадь под узду, немного отошел в сторону и улыбаясь, стал разглядывать возницу. Он по-детски любовался нарождающейся красотой молодой деревенской девушки-блондинки. По возрасту она была для него студенткой, а может даже и десятиклассницей. Ему нравилась эта белая толстая коса вьющихся волос, которая ниспадала на ее колени. Вьющиеся локоны волос частично закрывали также высокий лоб девушки. Черные брови красавицы были тонкие и длинные...

Кротиха только через некоторое время пришла в себя. После этого она приподнялась со своего сидения и напряженно стала смотреть на солдата, ожидая его дальнейших действий. Молодой парень в военной форме ничего ей плохого не делал. Находясь на расстоянии трех-четырех метров от Евы, он улыбался и все время «пялил» на нее глаза. Девушка, стоящая на телеге в темной синей кофточке и синих спортивных штанах, продолжала обвораживать водителя. Созерцательную позицию солдата в корне изменила Сивуха. То ли паут ей здорово досадила, то ли солдат, держащий ее за узду лошади не понравился, трудно было сказать. Непонятно

почему, она резко крутанула своей мордой в сторону солдата, что тот от неожиданности отшатнулся. Отшатнулся так неловко, что упал на землю. Такая развязка рассмешила Еву до слез. Она громко смеялась, наблюдая за тем, как солдат, очутившийся на земле, тотчас же встал и начал стряхивать с себя и с новенькой пилотки дорожную пыль.

Однако даже такая неординарная ситуация не вывела воина из равновесия. Он подошел к стоящей на повозке девушке и протянул ей руку. При этом, громко смеясь, тихо, но уверенно произнес:

- Меня зовут Сергей, а по-военному - рядовой Колесников...

Затем, посмотрев на девушку снизу вверх и сверху вниз, опять же тихим голосом спросил: - Вас же Ева звать? Так же? Я с тобою давно хотел познакомиться. От деревенских парней я узнал то, что ты самая красивая девушка в Водяном. Мне бы хотелось...

Дальше «объяснения» в любви военного человека молодая возница слушать не стала, даже сама не зная почему. Вполне возможно, ее просто ошарашили признания солдата. Вполне возможно и то, что девушка боялась опоздать к обеду. Она быстро присела на сидение и со всей силой ударила таловой палкой Сивуху. Та от неожиданного удара то ли проснулась, то ли «обиделась» на такое обращение со стороны своей хозяйки, и рванулась с места как стрекоза. Однако через десяток метров прыть лошади явно поугасла. Сивуха перешла на легкий бег трусцой. Ева, не оглядываясь назад, все больше и больше отдалялась от военной машины. И поэтому она с каждой минутой чувствовала себя спокойнее. Увидев знакомый березовый околос, где находилась полевая столовая, девушка успокоилась окончательно, будто и не было никого и ничего.

На следующий день солдат с машиной стоял на том же месте. Сивуху он так резко не останавливал, как вчера. Да и она без всякий понуканий или команд со стороны своей молодой возницы спокойно остановилась возле машины. Военный автомобилист, поправив пилотку на голове, уверенно подошел к Еве и протянул ей плитку шоколада. Девушка не раздумывая, по-озорному взяла плитку шоколада и положила ее на сидение рядом с собою. Солдат ничего не говорил, а просто, как и вчера, стоял возле повозки и смотрел на Еву. «Пялила» глаза на молодого человека в военной форме и красивая возница. От этого девушка получала даже какое-то удовольствие. Солдат был среднего роста и недурен собой. Длинная зеленая гимнастерка сидела на нем как влитая. На груди его было несколько значков. На одном, самом большом, Ева прочитала слово «Гвардия». Девушка стала пристально рассматривать и другие значки, силясь прочитать то, что было на них написано. Одновременно она в своей голове старалась выбрать

тему для разговора. Однако ей это почему-то не удавалось быстро сделать.

Колесников первым нарушил молчание. Он положил руку на сидение возницы и тихо произнес:

- Ева, давай я тебя завтра на машине прокачу. - После короткого молчания, он как бы вдогонку добавил. - Ты не против, Ева?

Ева, как и вчера, сидела на своем сидении и молчала. Затем, посмотрев в сторону машины, неожиданно для себя почему-то очень-очень тихо промолвила:

- А на двери кабины написано «Пассажиров строго возить воспрещено». Правильно я прочитала на твоей машине?...

Впервые услышав голос молодой возницы, солдат неслыханно обрадовался. Он слегка улыбнулся, снял пилотку с головы и взяв ее в левую руку, радостно отчеканил:

- Все правильно. Здесь написано о том, что пассажиров нельзя брать. А ты у меня пассажирка, да еще такая красивая. Одним словом, завтра мы прокатимся на моей машине с ветерком. Договорились?

Юная сельчанка солдату не сказала ни «да» и ни «нет». Она только до-детски засмеялась и стегнув Сивуху хворостиной, поехала прочь.

Эту ночь Ева Крот не спала, все ворочалась, все о чем-то думала. Она осмысливала эти две короткие встречи с солдатом. В душе она уже не сомневалась в том, что он ей понравился. Нет, она не думала о любви. Просто ей было очень приятно как школьнице, как молодой девушке приглашение солдата покататься на машине. Да и вообще, за свои пятнадцать лет с небольшим она так и ни разу не сидела в кабине, тем более, военной машины, которой так лихо управлял Сергей. Еве нравилось еще и то, что ей солдат подарил плитку шоколада. Из ребят седьмого класса ей так и никто не подарил шоколад, который мирно лежал в магазине. Из-за нехватки денег это лакомство мало кто из деревенских покупал. Один из деревенских парней сделал попытку угостить шоколадом красивую блондинку, но не очень удачно. В памяти Евы возник образ Сеньки Лихова, который только что закончил школу. После занятий Ева и Сенька зашли в магазин для того, чтобы купить хлеб. Деньги ему и Еве дали родители. Сенька, купив две булки хлеба, попросил у продавщицы и плитку шоколада для молодой блондинки. Продавщица, протянув шоколад школьнику, пошла выполнять заказ другого покупателя, не дожидаясь того, пока школьник выскребет мелочь из своего глубокого кармана брюк. Получив плитку шоколада из рук своего одноклассника, Ева с радостью развернула фольгу и откусила маленький кусочек. Через две-три

минуты у поклонника молодой блондинки получился конфуз.

Несмотря на тщательное «изучение» своих всевозможных карманов у молодого кавалера не хватало пяти копеек. Скорее всего, Сенька потерял эти злосчастные копейки во время школьных «баталий» на перемене. Только через час Сенька рассчитался с продавцом и то довольно своеобразным способом. Кавалер долго ходил по зарослям полыни, других сорняков, которые «благоухали» на огородах некоторых селян. Эти огороды служили пристанищем для кур. Отыскав яйцо от «бесхозной» курицы, Сенька Лихов на всех парах побежал в магазин для погашения долга. Сдав яйцо, квалер стремительно кинулся в школьный сад, где его ждала Ева. Девушка продолжала хранить до прихода своего кавалера целую плитку шоколада, за исключением того кусочка, который она откусила в магазине.

В том, что Ева этой ночью в душе своей дала согласие встретиться с солдатом, она нисколько не сожалела. Своеобразным дополнением этому явилось и еще то, что ей в семье не с кем было поговорить, особенно после появления отчима. Ева, как и все девочки старших классов, каждый день во время летних каникул ходила в клуб. Ей очень нравились индийские фильмы о любви, Иногда она, да и не только она, выходила из клуба с заплаканными глазами. Эти фильмы практически каждый вечер «крутил» дядя Петя, киномеханик. Кино, как правило, начиналось в клубе в восемь, а то и в девять вечера. После кино и всевозможных игр у Евы было еще свободное время. Домой ей идти не всегда хотелось. И в этом был виноват отчим. Ева довольно часто бродила бесцельно по деревне или сидела на бревнах, которые находились за их огородом и предназначались для распиловки на дрова. В эти последние летние каникулы для Евы своеобразной отдушиной была Сивуха, которая паслась за огородом Кротов. Ева осторожно подходила к лошади, стараясь не прерывать пощипывание ею травы или ее глубокий сон. Школьница ласково гладила шею лошади, которая от ласки и вовсе успокаивалась. Животное иногда лишь фыркало, будя стаи заснувших насекомых. Изрядно устав, и иногда и подмерзнув, Ева ускоренным шагом направлялась к дому. Девушка тихонько открывала входную дверь избы и на цыпочках подходила к своей кровати. Свет она не включала, так как боялась матерной брани отчима. Да и свет луны на небе позволял найти свою постель. Перед кроватью Ева быстро снимала платье, и также быстро ныряла под одеяло. В это время отчим храпел как трактор. Иногда мужчина спросонья материл, а то и давал тумачов неизвестно за что, рядом спящей в одной постели Елизавете.

На следующий день Сергей опять был на старом месте и предупредил Еву о том, что они встретятся в десять часов вечера. К

этому времени деревня замирала, на приколе была и техника, в том числе и военная. Военные жили в школе в одном из классов, которая во время каникул пустовала.

День для Евы пролетал очень быстро. Школьница то и дело поглядывала на часы, боясь не опоздать на первое в ее жизни свидание. Как таковой подготовки к этому свиданию у возницы не было. По ряду причин. В силу бедности у нее не было хороших платьев. Более «приличной для людей» у нее была школьная форма, но она явно не подходила к свиданию. Да и она очень боялась матери, которая с таким трудом выстояла в очереди за покупкой в областном центре. Наряд у девушки оказался прежним, что и в первый день встречи с солдатом: синяя кофточка, да те же спортивные синие брюки. Надела на шею школьница еще легкую косынку голубокого цвета, которая Еве самой очень нравилась.

К водонапорной башне, к месту встречи Ева пошла после того, как мать подоила единственную корову. Выпив полную кружку парного молока, девушка направилась по дороге в клуб. Не доходя до клуба метров двести, она повернула на другую дорогу, которая вела к березовому околку, где неподалеку находилась водонапорная башня. Сергей уже ждал девушку, При ее появлении, он вышел из кустов, которые обрамляли башню. Водитель был в такой же форме, как и день тому назад, только без пилотки. Юноша крепко пожал руку Еве. Поздоровавшись, он протянул девушке большой букет полевых цветов. Школьница ничего не сказала на это, а только поднесла ближе эти цветы к своему лицу. Полевые цветы пахли божественно и это очень нравилось Еве. Она то и дело подносила этот большой букет к носу и жадно наслаждалась запахом полей и леса.

Некоторое время он и она молчали. Никто друг у друга ни о чем не спрашивал и никто друг другу ничего не рассказывал. Ева медленно и тихо шла за молодым человеком в военной форме и все нюхала цветы. Откровенно говоря, ей было все равно, куда идти и что делать в такое позднее время. Просто она видела, и даже чувствовала то, что в ее жизни впервые появился первый человек, первый мужчина, которому, она, наверное, была небезразлична. И все это, иногда непонятное для нее самой, делало Еву гордой и счастливой. Молодые люди играли в «молчанку» где-то минут десять, может и меньше. Каждый думал о своем. Сергей иногда поворачивался на сто восемьдесят градусов к Еве и надеялся хоть что-то услышать от красивой блондинки. Нет, Ева продолжала молчать. Молчал и он.

Неизвестно, долго или коротко продолжалась игра молодых людей в молчанку, ежели бы ни грохот солдатских сапог, который стал доноситься по дороге ведущей к водонапорке. Сергей первый

прореагировал на этот знакомый ему топот. Топот внезапно прекратился возле башни и тотчас же раздался очень громкий крик:

- Серега, Колесников, прекращай базарить, ротный приехал. Всех подряд хочет проверить. Одним словом, беги в роту, а то проблемы будут...

После того, как Колесников громко свистнул в ответ, посыльной опять застучал своими сапогами. Серега не ожидал такого разворота событий в этот вечер. Он неспеша подошел к Еве и с извинительным тоном произнес:

- До свидания, Ева. Я думаю то, что мы вскоре опять когда-нибудь встретимся. Не печалься, моя девушка....

Ева в ответ ему также тихо произнесла:

- Я тебя поняла. До свидания, Колесников...

По сути дела и на все этом и закончилось первое в жизни Евы Крот свидание с парнем в военной форме. Через некоторое время по дороге опять раздался топот армейских сапог. После того, как он исчез, Ева пошла ускоренным шагом в сторону своего дома.

На следующий день, рано утром начался дождь, да такой сильный, что иногда казалось то, что он лил как из ведра. Несмотря на то, что этот дождь был очень непродолжительным, он оставил после себя большие лужи воды на главной улице деревни и во дворах многих селян. Проснувшись Ева где-то около девяти утра, родители были уже на работе. Девушка, едва протерев свои глаза, сразу же выглянула в окно. Увидев большие лужи, она даже очень обрадовалась. Ей почему-то сегодня не очень-то хотелось идти ловить свою Сивуху и везти обеды механизаторам. Быстро умывшись и одевшись, молодая блондинка пошла к тете Зине, которая только что пришла от управляющего отделением. Управляющий сказал поварихе о том, что все полевые работы в связи с дождем отменяются.

Узнав об этом, Ева подпрыгнула от радости. Свободного времени у нее неожиданно стало очень много, хоть отбавляй. Непонятно откуда, у девушки появилась мысль о том, что надо прогуляться по дороге ведущей к водонапорной башни. До появления в ее жизни Сергея она никогда не ходила по этой дороге, так как она для нее была «чужой». Ева Крот ходила обычно по своей «родной» улице, на которой стояла ее изба. Сегодня же она решила по «чужой» улице еще раз пройти, надеясь на то, что возле водонапорки она может встретить Сергея. В этот момент ей даже показался не помехой мелкий дождь, который продолжал как из сита «барабанить» землю. Сняв туфли, девушка пошлепала босыми ногами по дороге. Идти босиком было приятнее и легче. Не доходя метров двести до водонапорки, Ева увидела военного, который стоял у башни и махал ей рукой. У Евы сомнения не было,

это был Сергей.

На пути к солдату, девушка почему-то неожиданно для себя решила первой начать разговор и вести себя более раскованно, чем вчера. Тем более, сегодня впереди у нее был такой большой день и поболтать было с кем. Колесников сразу же заметил перемены в поведении Евы, которая первой протянула руку ему и весело спросила его:

- Ну, как, тебе вчера влетело от ротного? А? Правильно я говорю?...

Сергей, не ожидая такой разговорчивости от красивой девушки, немного оторопел. Он, как и полагается военному, коротко и четко с улыбкой проговорил:

- Никак нет, товарищ старшина. У нас в роте и у рядового Колесникова все в порядке, и все нормально...

Затем военный ловким движением руки вытащил из внутреннего кармана плитку шоколада «Солнечный» и приподнес ее Еве. Девушка и на этот раз без всякого стеснения взяла шоколад. Затем она быстро сорвала обертку с плитки и переломила ее пополам. Одну часть Ева отдала Сергею, вторую часть стала маленькими кусочками кушать сама. При этом она весело смеялась, наблюдая за солдатом, который, как и она, быстро расправлялся с шоколадом.

На этот раз они оба весело смеялись и смотрели друг на друга. Дождь продолжал моросить и моросить. Кое-где свитер красного цвета у Евы стал темнеть. Заметил это и Колесников. Он крепко взял Еву за руку и стремительно повлек ее в сторону совхозного сеновала, где стояли большие и длинные скирды сена. Девушка решила не сопротивляться и они, словно пара голубей, быстро побежали в сторону сеновала.

Забежав на сеновал, Сергей выбрал скирду подальше от входа и начал вырывать из нее большие пучки сена для того, чтобы сделать лаз, подобие шалаша. Ева наблюдала за этим. Она ничего не говорила и только смеялась. Через минут десять шалаш был готов. Первым в него взобрался Сергей. Он был доволен. Сверху и по бокам сено не осыпалось. В этом шалаше можно было сидеть, пережидая дождь, хоть вечность. На правах хозяина Колесников быстро снял гимнастерку и расстелил ее перед собою. Затем он снял свои солдатские сапоги. После этого парень улыбнулся и протянул руку своей знакомой. Ева, оставив свои грязные туфли перед входом, осторожно вошла в шалаш и села на гимнастерку. Колесников также присел рядом с девушкой. Молодые люди, сидящие спинами друг у другу, на какое-то время замерли. Никто из них не смел продвинуться поближе и почувствовать спину рядом сидящего. Для того, чтобы слиться и почувствовать друг друга им не

хватало каких-то пяти сантиметров. На сей раз молчал Сергей. Молчала и Ева, которая совсем недавно решила побольше поговорить с этим чуточку знакомым для нее парнем. Дальше она не могла ничего размышлять. Сергей резко повернулся лицом к спине Евы, быстро встал на колени и сильными руками привлек девушку к себе. Для него, и тем более, для самой Евы было странно то, что она не накричала, даже не стала царапать своими руками лицо солдата. Через некоторые мгновения она лежала на спине на сене, как-то неестественно раскинув руки и раздвинув ноги. Сергей, не ожидавший такой «податливости» от этой очень красивой крестьянки, на какое-то время онемел. Для простого паренька из глухой сибирской деревеньки впервые в жизни появилась возможность поцеловать, а может и даже овладеть красивым и таким стройным телом очень молодой женщины, которое лежало перед ним и не подавало никаких признаков жизни.

Не давая отчет своим поступкам и действиям, молодой мужчина сильно сжал руки девушки и крепко поцеловал ее в губы. Поцелуй получился долгий и жадный. Для школьницы это был первый поцелуй мужчины в ее жизни. От этого поцелуя Еве стало как-то легко и томно, что-то защемило в грудях. На второй, на третий поцелуй парня девушка также не ответила. Ей опять почему-то было очень приятно, когда Сергей, осыпая поцелуями ее кофточку, одновременно своими руками страстно и нежно гладил ее еще маленькие, но очень тугие груди. Солдат сделал попытку снять брюки девушки. В этот момент Ева словно «протрезвела». Она сильно схватила руку солдата и твердо сказала:

- Не надо. Ты понял меня, не надо...

Тем временем дождь продолжал моросить. Час, а может и больше, молодая парочка, «лежа на животах», наблюдала за дождем. Через некоторое время он стих. Кое-где из-за туч стали выбираться лучи солнца. Солнце «выгнало» на поляны всевозможную живность. Буквально перед носом лежащих молодых людей приземлился воробей. Он то весело прыгал возле шалаша, то взлетал к небольшой луже воды, чтобы напиться. Чем больше выходило из-за туч солнце, тем активнее летали и стрекотали бабочки и стрекозы, другая различная мошкара...

«Выгнало» солнце на природу и молодую пару, которой уже порядком надоело лежать под сеном. Сергей в трусах выбежал на поляну и стал, как ошалелый, бегать по лесной поляне, то и дело, создавая босыми ногами большие и малые фонтаны брызг. Выбежала на поляну и Ева в своей синей кофточке и в засученных до колен спортивных брюках. Сергей, которому через день исполнялось двадцать лет, и Ева, которой уже было пятнадцать лет, словно маленькие озорники бегали по лужам и кричали. Что они

кричали, скорее всего, эти молодые люди и сами не понимали. Достаточно порезвившись, они усталые и радостные опять направились в сторону шалаша. Неожиданно для них обоих в лучах солнца с правой стороны от сеновала заиграла водная гладь котлована. Вблизи деревни не было речки. Было только одно озеро, оно находилось в пяти километрах от Водяного. Да и купаться там было не столь безопасно. Котлован же вырыли глубокий и использовали его во все времена для водопоя скотины. Местная молодежь здесь довольно часто купалась. Молодая парочка, взявшись за руки, быстро помчалась в сторону котлована.

Первым бросился в воду Колесников. Ева стояла на берегу и наблюдала за ним. Девушка сразу же убедилась в том, что он довольно хорошо плавает. Не могла она налюбоваться и его стройной фигурой, крепким загорелым телом с мускулистыми руками. Вскоре вошла в воду и Ева. Она не могла не замечать пристальный взгляд Сергея в ее сторону...

Дождь продолжался и на следующий день. Такая погода была только наруку влюбленным. Ровно в двенадцать дня, таков был договор с Сергеем, Ева крадучись, словно кошка, незаметно подошла к своему знакомому шалашу и остолбенела от увиденного. Сегодняшний шалаш по размерам был в два раза больше вчерашнего. В центре шалаша на небольшом столике стояла стеклянная банка с большим букетом полевых цветов. Сергея почему-то в шалаше не было.

Ева стояла перед входом в шалаш и раздумывала о том, что же ей делать дальше. Вдруг кто-то сзади закрыл руками ее глаза и голос мужчины весело спросил:

- Угадай-ка, а кто здесь тебя за глаза держит?

Ева нисколько не сомневалась в том, что позади ее стоял Колесников. Поэтому она сразу же весело проговорила:

- Это, Вы, солдат Колесников. Сережа, прекращай баловаться, ну будь добр...

Сказав это, девушка медленно отвела руки солдата в стороны и сразу же оказалась в его объятиях. Колесников, сжав в своих руках ее тонкую и стройную фигуру, крепко поцеловал Еву в губы. Девушка, немного покраснев, с любопытством посмотрела на солдата, поведение которого в какой-то мере ее насторожило. Мало этого. Даже не отвечая на поцелуй солдата, молодая Кротиха почувствовала неприятный запах, который «исходил» изо рта Сергея. Этот запах довольно часто имели деревенские мужики, которые пили спиртное или курили табак. Ева про себя решила о том, что пока нет необходимости «забивать» в свою голову всевозможные запахи парня. Тем более, она слышала то, что в Советской Армии солдатам строго запрещено употреблять

спиртные напитки.

Да и все дальнейшие действия солдата заставили Еву забыть о всевозможных запахах. Сидя на корточках в шалаше, военный водитель доставал из солдатского вещевого мешка продукты питания. Да еще какие! Многие из них Ева в своей жизни и не видела и не кушала. На столике лежали: копченая колбаса, прижаренное, пряники с маком, халва, вафли, две плитки шоколада. Под конец опустошения своего вещмешка солдат вытащил бутылку водки и бутылку шампанского, на этикетке которого было написано «Советское».

Увидев спиртное, Ева на какой-то миг замерла. Затем со злостью посмотрев на Сергея, девушка с тревожными нотками в голосе произнесла:

- Колесников, ты что, спятил... Ведь могут прийти люди и увидеть все это. Да и от командира тебе сильно попадет...

Сказав это, она стремительно вышла из шалаша. Сергей молниеносно последовал за Евой. Через пару шагов он настиг девушку и стал извиняться перед ней о том, что спиртное он привез для офицера, а Еве просто хотел его показать. В конце концов извинения солдата успокоили юную крестьянку и она опять вошла в шалаш. За трапезой солдат, как никогда раньше, много болтал о своей военной службе. Он рассказывал о том, что их рота прибыла из Забайкальского военного округа, и что там очень тяжело служить. Закончив рассказ о всевозможных личных приключениях в этом округе, парень к удивлению Евы снял свою гимнастерку. На правой руке выше локтя школьница увидело слово «ЗабВО», которое было написано тушью или синим карандашом. Серега еще раз громко произнес это слово и также громко его расшифровал. Расшифровка военного «объекта» «Забудь вернуться обратно» сильно рассмешила Еву Крот. Одновременно она заметила и то, что вчера на котловане этой надписи у солдата она не видела. Вспомнив вчерашнее, девушка немного покраснела. Вчерашнее с Сергеем было для нее совсем и не такое плохое...

Ева, наполнив свой желудок всякой съестной всячиной, стала более внимательно слушать все то, что говорил ей Сергей. Колесников во время трапезы строчил как из пулемета, рассказывая о том, что на целине можно делать хорошие «шабашки», за которые солдаты получают хорошие деньги. Солдат похвалился тем, что вчера его друзья сделали хорошую шабашку, а сегодня утром на вездеходе успели «слетать» за райским «хавчиком». Ева из солдатского жаргона не все понимала, но ей очень нравилось все то, что так с упоением рассказывал молодой военный.

Часы показывали три дня. Еве порядком надоело сидение за столиком и пожирание съестного. Молодой особе на какое-то время

пришла мысль о том, что пора уже покидать шалаш, тем более, солдат был сегодня не такой как раньше. Желание девушки покинуть шалаш почувствовал и военный водитель. Он встал на ноги и не то слезно, не то с мольбой стал говорить:

- Евушка, а ты даже не знаешь, что за праздник сегодня у Сергея Ивановича Колесникова. Не знаешь? Вот это да. А я твой день рождения знаю. Ты родилась 5 марта, в день смерти Сталина...

Увидев изумленный взгляд Евы, солдат громко засмеялся. Затем он опять проговорил:

- У меня военная разведка работает очень четко, не то, что у некоторых... Я понял то, что ты даже не знаешь о причине моей радости. Сегодня у меня день рождения, моя любимая, Евушка. День рождения, мне сегодня стукнуло ровно двадцать лет...

Видя опять недоверчивый взгляд своей подруги, солдат вытащил из внутреннего кармана гимнастерки военный билет. Колесников не обманывал Еву, ему сегодня исполнилось ровно двадцать лет. Именинник был без ума счастлив, когда Ева состроив глазки, нежно поцеловала Сергея в губы.

Отказаться от шампанского Ева не могла ни только по причине того, что у ее друга сегодня был день рождения, но и ей в этот день почему-то очень захотелось хоть немного выпить этой приятной и шипучей жидкости. Тем более, она не видела и не слышила о том, чтобы кто-то в их деревне из мужиков от шампанского спивался. И не потому, что его очень редко завозили в деревенский магазин. Первый глоток шампанского, который Ева пила из солдатской кружки, вызвал очень приятные ощущения. Ей нравилось то, что оно пенясь, лениво выползало из кружки наружу. Все это вызывало громкий смех девушки. Она, весело смеясь, глядела на солдата и пыталась своим языком слизывать эту пенящуюся жидкость. Поведение молодой девушки сместило солдата. Он, как и Ева, также громко смеялся и с явным удовольствием наблюдал за своей молодой и очень красивой подругой. Вскоре Ева сделала второй, третий глоток... Серега оказался великолепным ухажером. Пьянеющей девушке очень нравилось то, что парень перочинным ножом резал колбасу на мелкие кусочки и затем неспеша вкладывал эти кусочки в ее рот. Потом солдат страстно целовал ее губы. Аналогичное он проделывал и с шоколадом. Все это безумно нравилось Еве и она страстно стала отвечать на поцелуи Колесникова. Вскоре была опустошена и бутылка водки.

Еве, сидящей в шалаше в объятиях солдата, временами почему-то стало казаться, что земля плывет и несет ее неизвестно куда. Сквозь надвигающуюся пелену не то тумана, не то что-то другого, девушка пыталась различать все то, что когда-то она видела

очень четко. Сейчас это ей не всегда удавалось. Она также с трудом различала силуэт почему-то голого мужчины, который страстно целовал почему-то голое ее тело. Еве даже иногда казалось то, это голое тело принадлежит не ей, а совсем другой женщине, и голый мужчина не есть Сергей Колесников, у которого был сегодня день рождения. Она не только напрягала свою память, но и хотела раздвинуть своими руками все это непонятное и туманное... Через некоторое время девушка почувствовала между ног не то боль, не то подобное ей. Скорее всего, наверное, Еве только показалось. Кто-то ее жадно целовал, что-то непонятное и незнакомое ее то приподнимало, то опускало, то опять уносило в мир блаженства и бесчувствия...

Проснулась Ева глубокой ночью. Свет луны и свет звезд уже давно гостил в шалаше. В первые мгновения девушка не могла понять, почему она оказалась в такую глухую ночь в шалаше. Она молниеносно протрезвела, когда почувствовала отсутствие какой-либо одежды на своем теле. Нагая быстро одела трусы, которые лежали возле столика. В момент одевания Ева ощутила на бедрах и промеж своих ног какую-то не то вязкую жидкость, не то что-то другое, которое она еще ни разу в своей жизни не ощущала. Сергея почему-то в шалаше не было...

Кротиха пулей выскочила из шалаша, затем выбежала из ограды, которая преграждала путь животным к селу. При свете луны в метрах пятисот, а то и меньше, она увидела силуэт шатающегося человека. Этот человек «держал» путь в сторону клуба деревни. Девушка, сколь ей позволяли легкие, во всю мощь закричала:

- Серега, это я, Ева. Иди сюда, я тебя очень прошу. Иди сюда-аа...

В том, что этот шатающийся человек был Колесников, юная Кротиха не сомневалась. И в том, что он слышал ее голос, голос Евы, школьница также не сомневалась. Она не могла не видеть и то, что тот, кто слышал ее душераздирающий крик, стал судорожно оглядываться по сторонам и бежать прочь по дороге ведущей в деревню. На какое-то время бессилие и отчаяние овладело девушкой. Она упала на еще не просохшую от дождя землю и начала отчаянно колотить ее руками. Ева плакала по-детски, как никогда сильно. Как никогда раньше, из ее голубых глаз текли крупные слезы... Через пару часов Ева Крот проснулась, проснулась от холода и от неудобств той грязи, которую она совсем недавно от отчаяния брала в свои руки. Встав с земли, девочка медленно вошла в шалаш. Затем также медленно взяла в свои руки одежду, обувь и направилась в сторону котлована...

Искупавшись, Ева оделась и неспеша пошла домой. То ли

детская наивность, то ли неопытность зарождающейся женщины не давали ей каких-либо оснований для беспокойства. Она даже уже и не сильно обижалась на Колесникова, который почему-то дал от нее такого деру. Поведение жениха для девушки было непонятным. Рассуждая о странном поведении своего молодого друга в военной форме, Ева составила на завтра план его «перевоспитания». Она даже усмехнулась, когда представила Сергея, стоящего перед ней и просящего прощение за нетактичное поведение во время своего дня рождения. Как и раньше, девочка тихо зашла в избу, как и раньше, быстро юркнула под одеяло. В доме, так же как и раньше, никто не заметил столь поздний приход Евы. В окно уже заглядывали лучи только что просыпающегося солнца. Наступал новый день жизни...

В этот день погода наладилась только к вечеру. К обеду следующего дня Ева пришла к тете Зине, которая готовила продукты питания на следующее утро. Нашлась работа и Еве. Она сходила в магазин за хлебом и солью, потом чистила картофель и лук. Еще раз помыла термоса, которые уже три дня стояли без применения. После этого Кротиха решила опять прогуляться по дороге, ведущей к водонапорке. Из кустов никто не появлялся. Стол с пустыми бутылками продолжал стоять в шалаше большой скирды сена. Не было Сергея и возле котлована...

Только через два дня военные машины в полном составе вышли в поле и начали возить зеленую массу на силос. Простой был по причине непогоды. Прошла ровно неделя после того, как юная Кротиха отметила в шалаше день рождения своего друга Сергея. Как и прежде, при виде повозки «каша едет», водители автомобильного взвода приветствовали возницу, сидящую в телеге с термосами. Проезжала мимо возницы и машина со знакомыми для Евы номерами. Однако она больше не стояла на обочине дороги. На месте водителя вместо Сергея сидел другой солдат. Все девушка передумала по поводу отсутствия Колесникова, однако ответов на поставленные вопросы она в себе не находила. Все это вынудило возницу подавить в себе стеснение, а может и даже страх и остановить машину, на которой совсем недавно ездил ее молодой друг. Солдат был рад тому, что его остановила такая красивая крестьянка. Петя, как представился водитель, давно знал о дружбе своего сослуживца с Евой.

На вопрос Евы о том, когда будет работать Сергей, водитель, немного подумав, произнес:

- Колесо должно прикатиться через десять дней, он уехал в отпуск. Пахан у него заболел и поэтому ротный решил его отпустить...

После этого солдат быстро закрыл дверь кабины, поправил пилотку на голове и завел мотор. Через несколько мгновений

машина, обдав молодую возницу густыми клубами выхлопных газов вперемежку с пылью, исчезла из вида. После этого разговора Петя почему-то больше не приветствовал Еву, даже несмотря на то, что возница с тоской и надеждой смотрела в окно стремительно проносящейся машины. Кроме затылка солдата в пилотке школьница ничего не видела.

Прошло десять дней после того, как Ева Крот «отметила» день рождения Сергея. Пролетела еще одна неделя. Колесников, как сквозь землю, провалился. Нигде его не было. Не было его и в клубе, в котором довольно часто бывали военные водители. Вскоре по деревне стали ходить слухи о том, что через два дня солдаты уезжают. Об этом также сказала Еве и тетя Зина, которая предстоящий отъезд военных по-настоящему оплакивала. Женщина теряла сезонную работу. Ей уже некому было готовить обеды. Местные механизаторы, как правило, обходились своими продуктами питания, которые они брали из своего дома. Ева также заметила и то, что женщина стала как-то внимательно смотреть на свою помощницу.

Однажды, когда Ева совершила очередной «поход» к маленькому бочонку с малосольными огурцами, тетя Зина, слегка пожурив школьницу за «соленые» проказы, с иронией ею спросила:

- Евушка, что так тянешься за солеными огурчиками или ты по ночам с молодыми ребятами в клубе что-то сладкое кушаешь? Али у тебя, девонька, что-то другое в молодой жизни появилось?

Юная Кротиха на слова поварихи никак не прореагировала. На внимательный взгляд своей наставницы школьница весело рассмеялась и как ни в чем не бывало лихо запрыгнула на телегу. Удобно устроившись на своем сидении, возница с силой стеганула кнутом спящую Сивуху. Вопрос тети Зины нисколько не расстроил юную красавицу. Тем более, малосольные огурцы Ева и раньше любила покушать. Они ей очень помогали и сейчас, когда Еву стало подташнивать при приготовлении борща. Больше всего девушку беспокоило то, что Сергей уехал домой к больному отцу. Кротиха никогда в своей жизни не видела отца и поэтому ей было по-детски жалко парня. Ева довольно часто в связи с этим впадала не то в тоску, не то в уныние. Да и мысли в ее голове были далеко не одинаковые. Только что появившиеся ростки детской любви к Колесникову заставляли девушку думать только хорошее об этом парне. Если в голове у юной блондинки было чуть-чуть плохих мыслей о солдате, то кое-что из плохого Ева брала и на себя. В частности, то, что она оказалась пьяной в шалаше...

- А тот, кто бежал по дороге в тот вечер, может быть, был и не Серега, - думала Ева, слегка подбадривая кнутом свою Сивуху,

которую управляющий собирался после окончания уборочной отправить на мясокомбинат. Однако и в хорошем расположении духа к Колесникову, она почему-то не могла понять того, почему он сбежал или ушел из шалаша, так и не разбудив ее. Да и в случае болезни отца Сергей мог бы хоть на минуту забежать на кухню, в контору, которая находилась буквально в ста метрах от расположения военных.

Вполне возможно, исчезновение Колесникова для Евы оставалось еще бы на некоторое время загадкой, а может даже и на всю жизнь стало тайной. Разгадать тайну исчезновения солдата помог случай. На это, наверное, была и воля Божья. Был предпоследний день работы военных водителей в Водяном. В этот день, как и в предыдущие дни, Ева Крот везла обед в бригады, которые каждый день меняли места приема пищи. До леса оставалось чуть более полукилометра, когда юную возницу на большой скорости обогнала небольшая зеленого цвета машина, крытая брезентом. Не доехав двух десятков метров до леса, легковая машина неожиданно для Евы развернулась и затем стала стремительно нестись навстречу повозке. Буквально за пять метров перед мордой Сивухи машина резко затормозила, о чем свидетельствовал душераздирающий скрежет тормозных колодок. От такого торможения Сивуха испугалась и села на задницу. Только чудом она не распряглась. Поведение лошади вызвало громкий и веселый смех у офицера, который очень легко выпрыгнул из кабины легковушки и помог Сивухе занять подобающее место и состояние.

Затем офицер подошел к испуганной вознице и громко сказал:

- Ева, красавица, дай мне пожалуйста напиться, а то с этими архаровцами и забудешь где ночь, а где и день. Повседневная суета не дает даже возможности по-человечески покушать...

Больше офицер ничего не говорил. Он, улыбаясь, стоял и смотрел на испуганную девушку. Ева кивком головы указала на бочонок, в котором была питьевая вода. Мужчина жадно стал глотать воду из резиновой трубки. Ева тем временем с любопытством рассматривала офицера. Это был высокий, полный мужчина, одетый в форму зеленого цвета. Зеленого цвета была и его фуражка. Не упустила школьница из виду и то, что на погонах офицера было по три маленьких звездочки.

Офицер, напившись, вытер свои рыжие усы, поблагодарил возницу за воду и направился в сторону своей машины. Однако, он не успел еще и двух шагов сделать от повозки, как сзади его раздался детский голос:

- Товарищ начальник! У Вас можно один вопрос спросить?

Молодой мужчина молниеносно прореагировал на девичий голос. Быстро повернувшись назад в сторону Евы, он тут же весело

сказал:

- Сразу же видно то, что эта девочка в армии не служила. Первое. Я никакой не начальник, я всего-навсего командир взвода. Вот видишь значок на моей гимнастерке. Здесь написано «ВУ», что означает, взводным умру. И второе. Тебе бы не мешало у моих гвардейцев спросить, что в Советской Армии означает «можно» и что означает «нельзя».

Увидев у девушки не то плачущий, не то умоляющий взгляд, офицер сразу же оставил в стороне свои нравоучения. Его лицо стало серьезным. Он по-дружески стрельнул взглядом школьницу, неспеша погладил свои усы, и расплыв в широкой улыбке, произнес:

- Ну, говори, Евушка. Кто обидел тебя из моих подчиненных? Думаю то, что вполне возможно, чем-то я тебе и помогу...

Узнав о том, что юная возница интересуется солдатом Колесниковым, военный внимательно посмотрел в глаза школьницы. В этих глазах была не то боль, не то сострадание. И это вынудило взводного сказать девочке только правду о своем подчиненном. Информация офицера для Евы была неожиданной. Командир взвода выгнал солдата Колесникова из водителей за пьянку и отправил работать мотористом в другой взвод, который располагался в ста километрах от деревни Водяное.

Офицер, видя то, как из глаз девушки текут слезы, стал ее успокаивать.

- Ева, да ты не переживай, - весело и бодро начал говорить старший лейтенант. - Вы еще только в молодость вступаете, вся жизнь впереди. В моей практике с этими гвардейцами было уже столько интересного, что все это в одном мешке не унесешь. У меня от их чудачеств голова кружится. На целине много следов оставляет эта шпана в военной форме. Бывает и похуже...

Значение последних слов мужчина не стал вознице разъяснять. Офицер очень торопился. Он, как и раньше, легко запрыгнул в кабину своей легковушки. Затем повернулся лицом к девушке, и приложив руку к козырьку фуражки, громко произнес:

- Честь имею, наша кормилица. Всего счастливого и хорошего в твоей молодой жизни, девочка...

Ева еще долго сидела на своем деревянном «троне» и внимательно смотрела вслед быстро удаляющейся от нее машине, которой умело управлял офицер. Чем дальше удалялась эта машина, тем сильнее у нее сжималось сердце. От чего оно сжималось и почему так тяжело было на душе у Евы, плачущая девушка так и не могла понять. Через неделю Ева успокоилась. Ее даже уже не детский, но и еще далеко не взрослый рассудок давал ей понять, что встречи с Колесниковым для нее были нечто иное как

мимолетное увлечение и не более...

После того, как военные покинули деревню, жизнь в Водяном не остановилась. Все было как и раньше. Ева еще где-то неделю возила на Сивухе обеды в поле. Этому также была рада и тетя Зина, которая каждый день «канючила» перед управляющим о том, что горячий обед куда лучше для механизаторов, чем бутылка молока с куском хлеба. В конце концов местный начальник «сломался» и разрешил женщине продолжать готовить обеды. Тетя Зина и ее юная помощница решению начальника очень обрадовались. Копеечная зарплата той и другой была необходима. К тому же, после того как солдаты покинули деревню, на следующее утро на уборку приехали водители из областной автоколонны. Водители были в основном пожилые люди, и наверное, очень хотели хорошо заработать. Поэтому из них никто не притормаживал при встрече с юной красавицей, как это совсем недавно делали молодые ребята в военной форме. Однако это несколько не расстраивало Еву. Она стремилась хоть чуть-чуть жить надеждами завтрашнего дня. После работы она, как всегда, забегала в деревенский магазин и смотрела поступившие «новинки» для школы. По вечерам молодая Кротиха ходила в клуб. Девочка, как и все ее одноклассники, также смотрела кино, играли в различные игры, перечень которых в сельском клубе был не очень велик.

В том, что с ней становится неладное, незнакомое для неё, Ева убедилась где-то в конце августа в гостях у своей подруги Нины Кулешовой. До школы оставалось два дня. Ева уже не работала, готовилась к занятиям. После посещения клуба подруги пошли к Кулешовым. Посмотрели телевизор, потом легли спать. Ученицы спали в одной постели. Кровать у Нины была металлическая, просторная. Девочки проснулись в часов восемь утра, не раньше. Мать Нины, Людмила Николаевна уже давно «колдовала» на кухне. Женщина работала в деревенской библиотеке, уходила позже, чем животноводы, и поэтому позволяла себе иной раз вплотную заняться кухней. Тем более, в гостях у Нины была подруга Ева. Из кухни доносился приятно невообразимый запах. Однако этот запах для Евы почему-то показался не таким уже приятным, как это было раньше. Девочку затошнило, что-то непонятное для нее стало подступать к горлу... Она стремительно выбежала во двор, там её вырвало. Никто в доме этому значения не придал. Людмила Николаевна и её дочь, немножко даже посмеявшись над юной гостьей, пришли к однозначному выводу. Вполне возможно, Ева вчера отравилась старыми консервами, которые она купила в магазине.

Первое сентября прошло как обычно, без каких-либо новшеств. Та же торжественная линейка, те же приветствия, те же

наказы. После двух дней «утряски» в школе начали учащимся давать бесплатные обеды. Школьный обед состоял из булочки и стакана компота. Такой «обед» оплачивал совхоз, да и стоил он всего пять копеек. В школе насчитывалось не более сотни детей. В первый же день после «обеда» Еву почему-то сразу вырвало. Такая же история повторилась и на следующий день... Непонятно ей самой, Еву стало все больше и больше тянуть к соленому. Приходя домой из школы, а в это время ни матери, ни отчима дома не было, девушка спускалась в подпол, который представлял собой небольшую яму под полом избы, и доставала огурцы. Так продолжалось где-то около месяца. Елизавета, как хозяйка, сразу же заметила исчезновение двух трехлитровых банок огурцов. Этот деревенский «дефицит» она заготавливала сама для праздников или для гостей, которые иногда после перепоя «прибегали» к огурчикам.

Елизавета, совершив «визит» в подпол, к дочери подошла вечером, когда она уже лежала в постели. Женщина уставшим голосом тихо спросила свою дочь:

- Евушка, в честь чего ты так ударилась в эти соленые огурцы, ты бы лучше землянику с чаем пила... Огурцов-то всего пять банок, и зимushка-то еще не начиналась.

Сказав это, она перекрестила дочь и молча удалилась. Ева укрыла лицо одеялом и тихо заплакала. Через две недели ситуация с «кухней» повторилась вновь у подруги. Все это видела опять Людмила Николаевна. Незаметно для дочери она пригласила Еву к себе в библиотеку. Ева пришла в библиотеку после занятий с хорошим настроением, так как получила отличную оценку по химии. Да и каких-либо проблем в предстоящей беседе с библиотекарьшей она себе не «программировала». В библиотеке не было ни души. Селяне приходили в это заведение вечером или перед кино. Сначала доверительного разговора с чужой женщиной у Евы не получилось. Матери она также ничего не говорила, так как боялась, что отчим узнав о «странностях» Евы, может до смерти забить мать. Однако и то, что так дальше нельзя скрывать своё «непонятное», восьмиклассница также понимала. В конце концов Ева решилась раскрыться перед Людмилой Николаевной. Она все до мелочей рассказала ей о том, что у нее произошло с Сергеем. Даже и после того, как она сняла «грех» с души, девушка до конца не осознавала сложность своей жизненной ситуации. На следующий день по настоятельной просьбе Людмилы Николаевны, её муж, дядя Ваня повез Еву в районную поликлинику. Врач сказал, что школьница беременная...

Через день о беременности Евы узнали мать и отчим. В этот же день имя «непутевой» девки стали произносить практически все

жители Водяного. Сплетни о гулящей школьнице дошли до всевозможных верхов как в совхозе, так и в районе. Через неделю после посещения врача районной поликлиники девушку исключили из комсомола...

Больше всего за свою дочь переживала Елизавета. Она лишилась покоя как днем, так и ночью. Отчим, узнав о беременности «маленькой сучки», на нет стал изводить Елизавету. Если, раньше мать Евы призывала его к порядочности, к соблюдению какой-либо человеческой культуры, то узнав о случившемся, Генрих Петрович потерял всякий стыд. Наглость этого человека переходила всевозможные рамки дозволенного... После посещения бани, он в чем его мать родила, приходил в избу. При виде нагого мужчины Елизавета и ее дочь отворачивались. И это длилось до тех пор, пока Кох не одевал трусы. Вечером, когда Ева была дома и еще не спала, и это прекрасно знал отчим, он без всякого стеснения насиловал Елизавету. Насладившись женщиной, как животное, отчим довольно часто избивал лежащую с ним хозяйку только за то, что она его не целует, а всё время плачет...

Довольно часто, наблюдая за этим, плакала в постели и Ева. Она со слезами на глазах видела этот произвол отчима и понимала свою беспомощность. В конце октября Елизавета повела свою дочь к бабке Нюрке, которая жила на окраине деревни в полусгнившей избушке. Ева не спрашивала мать о том, зачем и что там с ней будет делать бабка. Она была уже не маленький ребенок и прекрасно понимала цель своего «визита» к подслеповатой женщине. Да и от людей школьница слышала о том, что «акушерка» делала втайне аборт не только местным женщинам, но и тем, кто приезжал из других деревень.

Елизавета повела свою дочь после того, как Ева пришла из школы. Бабка долго «проверяла» школьницу. Старуха после «осмотра» почему-то стала медленно ходить по избе. Во время ходьбы она то что-то шептала себе под нос, то крестилась перед иконой, которая стояла на столе на самом видном месте. Затем хозяйка подошла к Елизавете, которая, как и Ева, сидела на деревянной скамейке возле русской печки. Бабка Нюрка тяжело вздохнув, наклонилась к уху Елизаветы и начала шептать. Содержание тайных шептаний без каких-либо искажений доходило и до Евы.

Повитуха, которой было далеко за шестьдесят лет, тяжело дыша, прошепелявила:

- Дорогая Елизаветушка, душенька ты моя. К сожалению, ничем твоему горюшку помочь то не могу. Старая я стала, силушки уходят... Да и поздновато ты свою печаль решила лечить. Я и так грешная, а это страшно боюсь. Бог видит все... Из-за дочери твоей

грех на душу брать не хочу. Да и времена-то больно страшные пошли...

Оторвавшись от уха Елизаветы, бабка переваливаясь из стороны в стороны пошла к комоду и оттуда вытащила довольно потрепанную газету. Разворачивая на ходу газету, бабка Нюрка подошла к Еве и пальцем ткнула в то место, где о чем-то было написано. Елизавета с дочерью на третьей странице областной газете прочитали крупный заголовок «Знахарству - бой. Такого могло бы и не быть!». Несмотря на то, что газета дергалась в слабеющих руках хозяйки, Ева прочитала отрывочно кое-что из статьи. В одном из районов области на приеме у бабки-повитухи скончалась тридцатилетняя женщина в результате не квалифицированного «аборта». Дальше читать газету не было ни какого смысла.

Девушка опустила голову вниз и замолчала. «Тоску» стала нагонять бабка Нюрка, которая, как небесный властелин, стояла перед «гулящей», и повернувшись лицом к Елизавете, назидательно пищала:

- Надо было родителей слушать. Не забивать головушку всякой ересью. Глядь-ка, Елизаветушка, молодежь-то современная пошла... Для них даже сейчас в лавочке за пятак прозорвативы, или как их там... кандофы продают. В наши-то времена... – Ева больше не могла и не стала слушать престарелую бабку и выскочила вон...

Наступила сибирская зима. Постепенно улеглись и слухи о «непутевой» Евке Кротихе, которая нагуляла с солдатом ребенка. В Водяном люди неоднозначно восприняли происшедшее с молодой селянкой. И это все отражалось на Еве. Даже своим детским умом она понимала, что деревня в отношении «гулящей» раскололась на две части. Большинство селян недоверчиво, даже с презрением относилось к юной Кротихе. Сюда входили пожилые люди, вдовы, старики-одиночки. Они обходили «гулящую» стороной, даже в магазине или в клубе во время киносеанса. К первой части относилось и большинство учителей, которые были из числа местных женщин, притом пожилого возраста. Представители первой части в основном и делали погоду. От них исходили всевозможные небылицы о девушке. Представителей второй части были единицы. Они хотя и понимали трагедию ребенка, но что-либо конкретного для улучшения нравственного климата вокруг Евы практически ничего не делали. Скорее всего, эти люди боялись. Партийная организация совхоза поддержала решение комсомольцев школы об исключении Евы из своих рядов.

Подливал масло в огонь и отчим. Его бесило даже тогда, когда Елизавета стремилась за столом дать своей дочери кусок хлеба по-

лучше или приносила из магазина Еве теплые вещи. Однако ни это «травило» душу девушки-подростка. Надоедало нытье, которое каждый вечер, а то и ночью «испускал» Генрих Петрович типа: «Ты, сучье вымя на весь мир опозорила меня немца, да и свою мать...». Беременная прекрасно понимала, что случившееся с ней, это очередной повод для отчима, чтобы еще лишний раз унижить мать, и конечно ее, дочь немки Елизаветы Крот.

«Гулящей» пытались всячески «насолить» и некоторые школьники. Ни раз и ни два Ева в начале занятий видела на классной доске рисунки, где была изображена корова или коза с большим животом. Весь класс смеялся над этими рисунками. Кое-кто из одноклассников, оскаля зубы, поворачивался в сторону «непутевой» и нагло ее рассматривал. По просьбе Евы классная руководительница пересадила девушку на последнюю парту и она сидела там одна. Наблюдая ехидство своих одноклассников, Ева всё больше и больше ненавидела людей. Ненависть к односельчанам иногда доводила Еву до бешенства.

Однажды это привело к несчастному случаю, где основным виновником явилась беременная школьница. Дело было под Новый год, перед зимними каникулами. На дворе было не так холодно и школьники ватагами во время большой перемены выбежали на школьный двор. Среди ребят, пинавших замершую кочку, был и Санька Пегий. Правильная его фамилия была Пегов. Как и многие ребята, он смирился с «новой» фамилией. Паренек учился в седьмом классе и был небольшого роста. В классной шеренге он стоял последним. Весь класс, да и все жители Водяного, знали о том, что Пегий с родителями после Нового года уезжает в районный центр, где его отец нашел неплохую работу. Каких-либо конфликтов или столкновений Санька с Евой Крот из восьмого класса раньше ни имел.

В эту перемену вышла подышать свежим воздухом и Ева. Она, как всегда, выходила напару с Ниной Кулешовой. Подруги, прогуливаясь возле площадки, где ребята пинали кочку, весело о чем-то болтали между собой. Неожиданно кто-то из ребят так пнул валенком кочку, что она просвистела мимо идущих под ручку подруг. Потом раздался крик :

-Ей, вы, подруги, киньте нам нашу шайбу...

Ева, приостановившись, повернулась в сторону играющих и крикнула:

- Это уже ваши проблемы...

После этих слов она горделиво направилась к своей подруге. Ева не прошла и пяти метров, как услышала голос Саньки Пегого, который громко кричал на весь школьный двор: « Евка не девка, девка не Евка». Кротиha мгновенно обернулась назад и увидела

семиклассника, который, вытаскивая «шайбу» из снежного бугра, как ни в чем не бывало продолжал тараторить: «Евка не девка, девка не Евка». Вытащив «шайбу», школьник медленно направился в сторону играющих.

Оскорбительные слова Пегова вызвали у Евы сильное чувство злобы к этому школьнику. Непонятно откуда у нее взялась чуть ли не исполинская сила. Она молниеносно подбежала к изгороди, которая разделяла школьный сад и двор, и вытащила оттуда большую хворостину. Юная Кротиха, словно рысь, ринулась к обидчику. Пегов, наверное, заметил то, что кто-то за ним гонится или идет, машинально повернул голову назад.

Удар получился сильный и пришелся по лицу мальчика. Пегий от неожиданности и от страшнейшей боли вскрикнул, и сразу же упал на снег. Кровь фонтаном брызнула на землю. Ева, отрешенная от всего, медленно, покачиваясь из стороны в сторону, пошла домой. Девочка еще не знала о том, что в школе она была в последний раз...

Утром следующего дня вся деревня была «напичкана» разными слухами. Один был страшнее другого. Однако содержание слухов оставалось одинаковым. «Гулящая» избила школьника ни за что. Ева тем временем лежала дома в постели, и уставившись глазами в потолок, все плакала и плакала. После занятий, где-то около трех часов дня, к Еве пришла Нина Кулешова. Со слезами на глазах подруга рассказала о том, что произошло после того, как Ева ушла домой. Хворостина оказалась необычной, на конце были два заостренных сучка. Удар получился немного наискось и сильный. Одним сучком хворостины у Сашки был выбит правый глаз, второй сучок до кости распорол левую щеку. Ребята быстро на носилках понесли товарища в контору. К счастью, там был директор совхоза, который лично на своей служебной машине доставил пострадавшего в районную больницу.

В этот же день в школу приехала и милиция. Опрашивали всех, кто видел происходящее. В числе опрошенных была и Нина Кулешова. Информация Нины о трагедии, происшедшей в школе, которая по сути дела произошла только по вине Евы, до глубины души потрясла виновницу. На протяжении двух дней и ночей она не вставала с постели. Особенно тяжелым был для нее день. Каждую минуту, каждую секунду она ждала стука в окно или дверь. Этот стук для нее означал приход милиции. Девушка все о чем-то думала и плакала. Иногда она, оторвавшись от дум, устремляла свой взор в замерзшие окна. На улице стоял крепкий мороз. Особенно он «буйствовал» по ночам, оставляя порою на целый день свои чудеса-узоры. Ева смотрела на эти узоры и очень часто почему-то улыбалась.

На третий день после начала зимних каникул Ева вытащила из почтового ящика конверт, адресованный ее матери. Девушка, не зная почему, сама решила прочитать то, что было написано и вскрыла конверт. На белом листе бумаги было напечатано о том, что Крот Ева Петровна отчислена из школы по уважительным причинам. Причины не раскрывались. Внизу напечатанного стояла печать и подпись директора школы, единственного мужчины в педагогическом коллективе.

Практически все селяне отказались от Евы. Никто из управления совхоза, ни сам управляющий, также никто из учителей к Еве не приходил. Никто не хотел помочь юной девушке, совершившей ошибку. Никто и из ее сверстников не хотел протянуть молодой селянке руку помощи. Стремилась хоть как-то разделить Евино горе пополам только её мать, Елизавета. Она, приходя поздно вечером после работы домой, иногда усаживалась на стул напротив кровати своей дочери. Нет, она не голосила возле Евы, не рвала волосы, никого не ругала. Елизавета, сидя на стуле, и поправляя свои седые волосы, иногда встречала своим взглядом глаза Евы и тотчас же отводила их в сторону. Мать брала часть вины на себя. Чувствовала это и дочь. Еве по-детски было жалко мать, которая за всю жизнь не съела хорошего куска хлеба. Не говоря уже о нажитом богатстве. Все богатство матери состояло в том, что она имела мозолистые руки, да ветхую одежду, в которой она сидела перед своей дочерью. А ведь она уже прожила большую половину своей жизни.

Ева, как дочь, прекрасно знала, что жизнь у ее матери не была сладкой. Она также душой понимала, даже чувствовала это, но что-то ее отталкивало от этой женщины с густыми седыми волосами. Еве, наблюдающей за плачущей матерью, иногда хотелось обнять эту сгорбленную фигурку, взять в свои руки эти шершавые, мозолистые, грубые руки женщины-матери, которая дала ей жизнь. Ева хотела это сделать и ни раз. Однако, не зная почему, она этого не делала. Что мешало дочери сделать это сейчас в трудный период своей жизни, когда у нее самой такой красивой, такой еще молодой душа ныла и кровоточила, она еще не понимала. Она с тоской и болью смотрела на эту женщину, которая являлась для нее родной матерью. Однако, несмотря на душевное беспокойство, дочь почему-то не просила помощи у своей родной матери, которая вскормила ее своим молоком и дала право на эту жизнь. Что-то непонятное, но очень тревожное, а может даже и очень злое, даже нечеловеческое, как невытащенная заноза, глубоко сидела в душе и в сердце молодой девушки. Состояние души матери, ее рану, скорее всего, своим детским умом школьница понимала. Это она понимала своим нутром и телом, но что-то ее как дочь, как женщину, как

человека останавливало на пути человеческой благодарности ребенка матери, который «протаптывал» каждый народившейся к той или к тому, кто этого дитя породил. И этот путь проходили все те, кто появился на этот свет. И это осуществлялось во все времена, за очень редким исключением. К этому исключению относилась и Ева Петровна Крот. Ева и сама не знала и не понимала того, почему она сошла с этого пути. В том, что она будет следовать вне этому пути, девушка не сомневалась, даже несмотря на очень тяжелый для нее участок жизни...

Через неделю после каникул Нина Кулешова принесла конверт без обратного адреса и отдала его Еве. На листке из ученической тетради было детским почерком написано: « Я все равно тебе отомщу, чуть-чуть попозже. Пегий». Содержание этого письма не так уже страшно беспокоило юную блондинку. Ей никто и ничто не мог сделать больнее, чем ту боль, которую она сейчас переносила. Девушка взяла конверт и «угрозу» Пегова и быстро порвала их на мелкие части. Затем она открыла печь и бросила все это в огонь. Яркое пламя мгновенно поглотило бумагу. Огонь навсегда унес тайну письма Саньки Пегова к Евке Крот. Вечером этого же дня Ева от матери узнала о том, что сегодня Пеговы уехали в район. Больше никто из них не появлялся в Водяном.

Елизавета, между прочим, не была откровенной до конца со своей дочерью. За день до отъезда к ней на работу приходил Пегов-старший. Как на исповеди стоял Пегов перед матерью дочери, которая сделала его сына на всю жизнь «кривым» и уродом. Он, как отец, до боли в сердце понимал состояние своего сына, и опять же, как отец, как мужчина, он до боли в сердце понимал и Елизавету, которой предстояло, как и ему, до конца своей жизни нести вместе с своим дитем эту тяжелую и горькую ношу. Елизавета Крот и Алексей Пегов, жители одной деревни, одной улицы, стали людьми одной участи, равного горя, которое невозможно было продать или забыть. Это горе им обоим было суждено «хлебать» каждый день, каждый час и так до конца своей жизни.

Через три недели после Нового года Елизавета Крот получила телеграмму из Дурбета от Александра Пересунько, в которой сообщалось о скоропостижной кончине его жены, Евгении. Елизавета, получив такую страшную весть, решила незамедлительно ехать. Кротихе очень нравилась эта симпатичная и очень порядочная женщина, с которой она несколько лет назад встретилась в районном центре Машино за покупкой детских сапожек для Евы. Уж больно понравились они Елизавете, да вот беда, не хватало тридцати копеек. Со слезами на глазах покидала немка большую очередь стоящих у прилавка людей. Мечта сделать Евушку счастливой не осуществилась... Купить желанные сапожки

помогла одна из женщин, стоящих в очереди. Она дала бесплатно плачущей Кротихе тридцать копеек. С тех пор, несмотря на то, что Елизавета и Евгения жили в разных деревнях, они крепко подружились, иногда писали друг другу письма. Однажды Пересунько пригласили Кротиху с дочкой на свадьбу сына, которая состоялась в деревне Назаровке. Сейчас Елизавета ехала по зову своей души и своей совести плакать по чужому горю, не подозревая даже о том, что через день в её семье случится нечто страшное, нечто даже невообразимое, которое через некоторое время перевернет её жизнь и не только...

И во всем этом виновным оказался Генрих Иванович Кох. Елизавета уехала в Дурбет на попутной машине, надеясь до вечера добраться до деревни своей подруги. Отчим утром ушел на работу. Ева после того, как её исключили из школы, постоянно была дома. Девушка, проснувшись после ухода отчима, навела порядок в избе, сварила для себя и для отчима обед. После окончания занятий в школе пришла к Еве Нина Кулешова. Подруги, как всегда они это делали, пару часов, а то и больше проболтали. Отчим пришел домой поздно вечером пьяный. Ева в это время уже спала.

Страшное произошло около двенадцати ночи. Еву кто-то грубо толкнул в плечо и откинул одеяло. Сквозь пелену сна девушка неожиданно почувствовала на себе тяжесть голого мужчины, который одной рукой сдавливал ей горло, а другой раздвигал ноги. Из рта насильника перло самогонкой как от свиньи, не приятен был и запах махорки. Ева пыталась оказать сопротивление и скинуть незнакомого насильника с себя, однако все было бесполезно. На какое-то время ей удалось нащупать в темноте лицо насильника. В том, что этим насильником был отчим, девушка уже не сомневалась. Ее пальцы на какое-то время «зафиксировали» толстый и короткий нос мужчины, и уши, которые были большими и толстыми. Ева, как пантера, попыталась выдавить пальцами своей руки глаза отчима, но попытка оказалась не столь удачной. Мужчина только взвыл от боли и одновременно еще сильнее сжал ее горло. У юной Кротихи перехватило дыхание и она расслабилась. Сопrotивляться больше не было сил, было и бессмысленно...

Молодая блондинка молчала и плакала, когда лежа на ней, пьяный отчим наслаждался ее юным и красивым телом. Мужчина, как жадный вампир, как садист, во время полового акта бил руками по ее лицу и все время приговаривал:

- У тебя, сучка, ничего не убудет, ты поняла меня, стерва... Не вздумай кому-либо болтать, задущу. Нет, лучше ты сама после этого давишься... Ты поняла меня, смазливая блядешка?

Проснувшись Ева на следующий день утром поздно, просыпаться ей не хотелось. Она заранее знала, что грядущий день

ей ничего хорошего не принесет. Отчим уже ушел на работу. Без него девушка стала постепенно приходить в себя и стала осматривать свое тело. Оно было все в синяках. Возле кровати лежала веревка... Отчим пришел в постель к «гулящей» и этим вечером...

Елизавета приехала домой поздно ночью на попутной машине, как и уезжала. Промерзшая от сильного мороза, женщина быстро заскочила в ограду и направилась к входной двери своей избы. Света в окнах не было. Женщина дернула дверь за ручку, дверь непонятно почему, легко открылась. «Наверное, Генрих забыл закрыть», - подумала хозяйка и как всегда, дабы не накликать на себя гнев своего сожителя и на этот раз, не стала включать свет. Елизавета на ощупь поставила сумку на стул, стала раздеваться. Одев ночную рубашку, женщина осторожно, дабы не скрипеть и никого не разбудить, потихоньку стала ложиться на край постели, надеясь чуть-чуть подвинуть тело спящего мужчины.

К её удивлению в постели никого не было. Однако это не расстроило Елизавету. Она допускала отсутствие Генриха по причине пьянки. Такие случаи у него были, хотя единичные, но все-таки были. Немного отогревшись и отойдя от забот, которые были связаны с похоронами лучшей подруги, а также с далекой и трудной дорогой, Елизавета начала постепенно «входить» в образ своей избушки. Кое-что ей почему-то показалось в этом образе неладным и необычным. Она была очень удивлена тому, что в той стороне, где спала Ева, раздавался мощный храп, иногда доносилось не то хрюканье, не то мычание. Ничего не подразумевая плохого, Елизавета медленно и осторожно подошла к кровати своей дочери. Не доходя трех шагов до кровати, она чуть было не потеряла дар речи. Рядом с ее дочерью лежал голый мужчина. И этим мужчиной был никто иной, как Генрих, ее сожитель, отчим Евы.

Ева после того, как отчим словно бык насытился ее телом и отвернулся в сторону, не спала. Она слышала и видела как к избушке, разрезав светом фар темноту ночи, подъехала машина. В том, что с этой машиной приехала мать, Ева мысли не допускала. По твердому убеждению девушки, ее мать могла приехать домой только в обед на следующий день и только автобусом. Она убедилась в своей ошибке только тогда, когда услышала скрип кровати напротив. Никто из посторонних не мог лечь в эту постель. Отчим спал как сурок, и спал с ней, с Евой. Увидев мать, Ева притворилась спящей. Она прекрасно знала то, что мать никогда и ни при каких обстоятельствах не посмеет разбудить отчима. Елизавета Крот боялась этого рыжего немца. Старшая Кротиха теперь четко поняла, что ее дочь Ева была любовницей ее сожителя. Она сейчас также прекрасно понимала свою беспомощность перед этим рыжим

мужчиной, который будет теперь сам решать с кем ему спать в постели: или с Елизаветой или с ее дочерью. Мать Евы сейчас нисколько не сомневалась в том, что этот нагий мужчина выберет для постели ее дочь. На память женщине пришла присказка сожителя. В доме верховодит тот, кто носит шапку и брюки. Этому правилу мужчины женщина никогда не перечила...

С этой ночи Елизавета не стала разговаривать ни с Евой, ни с сожителем. В какой-то степени состояние «напряженки» в семье переживала и Ева. Однако в ее душе в большей мере господствовало безразличие ко всему. Мать довольно часто заглядывала в глаза дочери. Глаза единственной дочери были равнодушными. Еще меньше «гулящей» переживал Генрих Петрович. Мужчина ни с кем не разговаривал, а только временами усмехался. Сожитель матери и дочери считал содеянное вполне законным явлением. После работы он плотно кушал и «отрубался». Сейчас хозяин спал в своей кровати один. Ева спала также на прежнем месте. Елизавета спала в бане. В бане было холодно, сыро и неудобно, но это не пугало Кротику. После вечерней дойки женщина приходила в баню, подкладывала дров в печь и засыпала. Кушала иногда на работе, иногда и у соседей. Генрих Петрович приходил в постель к старшей Кротике поздно ночью. Приход в постель к женщине, скорее всего, был связан естественными причинами. Мужчина выходил во двор или просто покурить. Елизавета принимала сожителя молча, без всяких обиняков. Женщина иногда чувствовала то, что Генрих уже до своего визита к ней, побывал в постели с её дочерью. Сожитель, пропахший потом и махоркой, порою, без кальсон врывался в баню и валил Елизавету на дощатый пол, который служил для хозяйки избу кроватю. Насытившись, как животное, Генрих Петрович сползал с женщины и нагишом уходил к себе в избу. Елизавета еще долго чувствовала в бане резкий запах пота своего сожителя и запах молодого тела своей родной дочери. В деревне все знали «напряженку» в семействе у Кротов, но никто не думал вмешиваться в их проблемы. У каждого своих проблем было по горло...

После того, как отчим изнасиловал Еву, у нее с каждым днем усиливалась апатия к жизни, равнодушие ко всему происходящему. По вечерам, лежа в постели и глядя рукой все увеличивающийся живот, она не заставляла себя думать о будущем ребенка. Ей было все равно. Жизнь ей казалась бессмысленной и никчемной. Никто и ничто её не интересовало и не волновало: ни успехи страны Советов, ни то, чем жила ее деревня. Не интересовали ее ни отчим, ни даже родная мать. Определенный интерес Ева проявляла еще к школьной жизни, особенно к восьмому классу, выпускному. Информатором в этом деле была Нина Кулешова, ее подруга. Восьмиклассница не

только рассказывала Еве, но и довольно часто приносила подружке пирожки, блины, а то и пельмени, которые так любовно готовила Нинина мать для своей единственной дочери.

Очередной новостью из жизни восьмого класса явилось то, как Санька Романов, вообще-то тихоня из тихонь в классе, «угрохал» своего кота. Угрохал не специально, а совершенно случайно. Да и в смерти четвероногого друга виновником был не кто иной, как сам кот, который в субботний вечер носился по ограде, да еще в жуткий холод. Юноша гонялся за ним, надеясь поймать, хотел от мороза уберечь. Так и не поймав кота, ни с кем и ни с чем зашел Сашок в дом. Через час Сашку мать «выгнала» на улицу, чтобы он в бане трубу закрыл. Он не только закрыл трубу, но и также плотно закрыл входную дверь бани, которая неизвестно почему была немного приоткрыта. К десяти вечера все в семье помылись. Кота все не было и не было. Нашли его на следующий день в бане, в углу под полком. Угорел бедняга. Еве история с котом очень понравилась. « Уж очень просто можно угореть, и не только коту...», - подумала девушка и улыбнулась.

Ева с каждым днем все тяжелела и тяжелела. Её довольно часто рвало, то ее мучили острые боли в животе. «Гулящая» делала все возможное для того, чтобы избавиться от нежелательного ребенка. Она довольно часто голодала, надеясь на то, что ребенок умереть еще в ее утробе. Молодая женщина также каждый день специально поднимала по хозяйству что-то тяжелое, дабы заранее разродиться. Она тайком от матери делала растворы из трав, стремясь также отравить зарождающегося человечика. Эти травы бывшая школьница брала в шкафу у матери или из стога сена, даже не зная о том, для чего или против какой болезни они предназначены. Ева не боялась смерти не только своего первенца, не боялась она и своей смерти. Ей было все равно: жить или умереть. Мысли о самоубийстве приходили к девушке довольно часто вечером или ночью, когда она, лежа в постели, гладила свой живот и отчетливо чувствовала движения своего ребенка. Это ее очень часто злило и она тихо плакала. В семье все шло по-старому. Мать спала в бане, отчим с Евой в избе. По пьянке и иногда после визита во двор мужчина продолжал «забегать» в постель и к Елизавете. Генрих Петрович чувствовал себя настоящим королем. Он твердо верил в свою «непогрешимость», зная о том, что старшая Кротиха его боится только потому, что он может кое-что рассказать селянам из ее прошлого. Обросла «грязью» и Ева, дочь Елизаветы. Сожитель и насильник купался в «любви» двух женщин, пожилой и молодой, одна из них была матерью, другая дочерью этой матери.

История с котом стала все больше и больше «наведоваться» в голову молодой Кротихи. Что-то притягивало девушку из этой

истории. Она иногда по ночам давала простор своим мыслям и фантазировала. Порою, размышляя над этой историей, она почему-то радовалась и улыбалась. Скорее всего, под впечатлением от этих мыслей Ева решила изменить свое поведение и отношение к Генриху Петровичу. И это сразу почувствовал мужчина. Ночью в постели дочь Елизаветы неожиданно для него стала вести себя более спокойно. Насытившись молодым телом, Генрих Петрович отворачивался от девушки и моментально засыпал. Засыпал не только от удовольствия, но и от душевного спокойствия. После «человеческого отношения» юной дочери мужчине уже не тянуло к матери Евы. Он даже после посещения туалета не поворачивал голову в сторону бани, в которой уже довольно продолжительное время проживала Елизавета, хозяйка и владелица полусгнивших бани и избы.

У Генриха Петровича чуть челюсть не отпала, когда однажды лежа в постели, Ева сказала своему «возлюбленному» о том, что она не против в субботний день натопить ему баньку. Такого предложения раньше от девушки Кох никогда не слышал. Баню всегда топила Елизавета. Ева назначила и час совместной помывки, около четырех часов после обеда. О том, что в эту субботу баню будет топить Ева сама, дочь матери ничего не сказала. Елизавета пришла домой где-то около часа дня, на обед. Увидев то, что Ева топит баню, женщина зашла в избушку. Быстро покушав хлеб с молоком, старшая Кротиха опять пошла на ферму. Отчим пришел с работы на час раньше, чем обычно. Мужчине было невтерпех, ожидая первую помывку в своей жизни с такой молодой и красивой девушкой. В бане дрова только что прогорели и давали в печи самый горячий жар. Генрих Петрович был уже «на рогах». Обнимая Еву, он картавя языком, объяснял девушке причину очередного запоя. «Добавить» к уже выпитому Генриху Петровичу предложила сама Ева. Она лично достала бутылку самогонку из шкафа, поставила два стакана на стол и до краев их заполнила самогонкой. Генрих Петрович «тяпнул» один стакан, потом второй. Ева до своего стакана даже рукой не прикоснулась. Навеселе заходил рыжий Кох в баньку, натопленную молодой Кротихой. Из избушки в баню он шел в чем мать родила, что-то мурлыкая себе под нос. За ним неспеша шла и та, также нагая, которую мужчина насиловал каждую ночь...

Где-то около двух ночи Еву разбудила мать. Даже в темноте дочери лицо матери показалось умиротворенным, несколько моложе. Да и голос матери был уже не тот, что раньше. В нем проскальзывали нотки не то уверенности, не то спокойствия. Елизавета наклонилась к дочери, и крепко поцеловав ее в губы, тихо прошептала: «Спасибо тебе, моя родная...». Дальше женщина не могла что-либо говорить. Она от чего-то задыхалась. Елизавета,

как и раньше она это делала, присела на стул напротив дочери и навзрыд заплакала. Плач длился недолго, минут пять, не более. Однако этот плач был не такой, как раньше при жизни Генриха Петровича, который издевался над старой Кротихой не только в жизни, но и в постели. Мужчина был великий фантазер в этой области. Ему ничего не стоило стукнуть женщину, которая, по его мнению, плохо его целовала или была не достаточно активна в период орального секса. Елизавета, сидя в темноте перед дочерью, только сейчас осознавала свою свободу от этого изверга с немецкой фамилией и поэтому ее плач был, скорее всего, плачем победы, женского торжества над мужчиной, который стал врагом Кротихи буквально после того, как впервые переступил порог ее избы.

Елизавета все смотрела и смотрела на Еву и нисколько не сомневалось в том, что произошедшее в бане было дело рук и сердца дочери. Пристальный взгляд дочери, который она держала на лице матери, доказывал это. Теперь мать и дочь, любовницы одного мужчины смотрели друг другу в глаза и никто этот взгляд не решался отвести. Теперь каждый из них имел право на достойное существование. Мать хотела жить достойно уже и только в небесном мире. Ее дочь, носящее дитя под сердцем, хотела жить только на этой грешной земле. Ласково погладив шершавой ладонью округлый живот дочери, Елизавета решительно встала со стула и твердо сказала:

- Меня Бог там на небесах давно ждет, да и возможно, Петр с Кузьмой меня заждались... Я уйду от тебя, дочь моя, в тот мир, где мне будет душевно спокойно и хорошо. Одно я тебя прошу, за то время когда ты придешь ко мне, на этой земле не будь Сатаной, живи спокойнее. Я чувствую то, что у нас с тобою на этой земле не будет одной мысли, одного очага... Жалко то, что Бог не дал мне счастья, и я тебя не сделала ни богатой и ни счастливой. Я, как женщина, довольна только тем, что я немка и мой русский Кузьма дали тебе красоту человеческую. Я бы хотела то, чтобы она хоть чем-то тебе в этом мире помогла, моя доченька...

Сказав это, она нагнулась к спинке кровати Евы и вытащила оттуда веревку. Наблюдала за этим и Ева, которая не проронила ни слова, ни один мускул не дрогнул на ее лице. Лишь тогда, когда мать вышла из избы, хлопнув дверью, Ева тихо прошептала: «Прощай мама...» и окрестила рукой дверь, через которую только-что вышла ее мать. Слез на глазах дочери не было...

В тяжелых думах и с душевными муками уходила от дочери Елизавета, прекрасно понимая, что это есть ее последний путь из избы, в которой она прожила далеко нелегкую жизнь. Она не сомневалась и в том, что ее Евушка, ее единственная дочь, которая остается жить на этой земле, знает об этом. В принципе она и жила

ради этого дитя. К сожалению, за пятнадцать лет жизни дочери Елизавета так и не сумела дать достойную жизнь той, ради которой, казалось, она и хотела жить сама. Но увы, не получилось...

Выйдя из дома во двор, Елизавета оглядела внимательно все вокруг: избу, подзакат, пригон, баню. В основе своей все постройки были ветхими, ничего не стоящими. Даже это «состояние», которое она нажила за всю свою жизнь, женщине было противно. Те копейки, которые она зарабатывала, горбятась с раннего утра до позднего вечера, уходили куда-то в песок. Стоя посреди этого «богатства», Елизавета не только не навидела себя, но и ненавидела ту власть, которая в сущности сломала ее судьбу. На какой-то миг перед ее глазами всплыли эпизоды из жизни бабушки, которая рассказывала своей внучке о радующих взгляд немецких деревнях на Волге, и о том, как вольготно и богато жили немцы...

Елизавета, поглощенная думами, медленно подошла к бане и также медленно присела на остатки поленницы дров, которыми топили печи. Затем она взглянула на входную дверь бани. Доска, приперающая дверь, была на месте. Перед глазами женщины невольно всплыла возможная картина происшедшего, которую Елизавета воспроизвела до мельчайших подробностей. В эту субботу она пришла с работы поздно, как обычно, после десяти вечера. Еще по дороге от фермы домой она мечтала о теплой баньке, и о том, что она наконец-то отмоем всю «грязь» недельной давности. Баню они топили, как и все жители деревни, по субботам. В этот день в деревне, также и у Кротов, все делалось для наведения порядка и чистоты в домашнем хозяйстве. Львиная доля этих работ ложилась на плечи Елизаветы. Ей особенно «доставалось» в последнее время, когда Ева забеременела. Генрих Петрович Кох, Гена, так его называла Елизавета в дни чувственного «прилива», участия в уборке никогда не принимал. Если в такие дни он приходил домой пораньше, то в субботу мужчина приходил специально очень поздно, когда уже деревня погружалась в мертвую тишину и темноту.

Еще вчера, когда Елизавета приходила на обед, она поняла то, что Ева неспроста стала топить баню, да еще в такую рань. В этом она убедилась, когда пришла вечером с работы. Дверь бани подпирала крепкая доска из березы. Кротиха отодвинула дверь. Маленькая электрическая лампочка, вкрученная в патрон переноски и подвешенная на крюк потолочной перекладины, еле-еле освещала баню. Елизавета сразу же увидела на полу в бане голого Генриха, который лежал без признаков жизни. Рот его почему-то был полукоткрыт. Из него неестественно высовывался язык и выглядывали кривые зубы. Неподалеку от мужчины валялась пустая бутылка из-под самогонки. На табуретке стояла

трехлитровая банка огурцов и лежала пара кусков хлеба. Заходить в баню Елизавета побоялась, хотя чувство радости переполняло женщину, когда она видела беспомощного сожителя с открытыми глазами. Даже сейчас, понимая то, что он мертв и уже никогда не поднимется, и никогда ее уже не ударит, она почему-то все равно этого рыжего мужчину боялась. Женщина в этот момент очень боялась его глаз, которые, как ей казалось, и сейчас готовы были насквозь пронзить еще живую Елизавету...

На какое-то время не то страх перед возможной встречей с сожителем на том свете, не то тяга к жизни заставила женщину отменить собственное решение уйти в тот неизведанный мир, мир прекрасного и мир надежды. Кротиха, находясь во власти дум о прелестях человеческой жизни, решила еще пожить на этой грешной земле. До конца не понимая того, что произошло в бане, женщина стремительно бросилась к избе. Дверь была не заперта, хотя Ева уже спала. Мать решила не будить дочь. Тем более, она четко понимала то, что она, как мать, как женщина, как человек раз и навсегда умерла для своей единственной дочери. Елизавета опять, не зная почему, быстро разделась и нырнула под одеяло. Несмотря на сумасшедшую усталость, женщина не могла уснуть. Организм еще далеко не старой женщины не мог «переварить» все то, что видела Елизавета и те страшные мысли, которые то и дело проносились в ее голове. Елизавета Крот несколько раз «прокручивала» в голове происшедшее и уже не терялась в догадках, кто мог так «умно» отправить ее сожителя в иной мир. Перед ее глазами уже в который раз всплывало одухотворенное лицо дочери, которая вчера топила баню, и которая каких-то полчаса или час благославила и мать в потусторонний мир. Глаза дочери, глаза ее ребенка казались даже в темноте для матери не то торжествующими, не то злорадствующими. Эти голубые глаза родного ребенка словно ожидали какой-то добычи.

Неожиданно Елизавету охватил страх о том, что вот-вот придет немец Кох, ее сожитель и убьет ее за то, что она хотела похоронить его еще живым. К тому же, как ей показалось, кто-то открыл входную дверь избы. Преодолевая страх, женщина быстро соскочила с кровати, одела платье и тапочки. Затем она рванулась за печь, где у них хранился топор. Взяв крепко в руки топор, и почувствовав определенную силу и уверенность в себе, Кротиха чуть-чуть надавила плечом дверь. Она открылась...

Теперь женщина терзалась мыслью о том, кто же мог открыть эту дверь. Вроде, она только что ее сама запирала на засов. Хозяйка избы осторожно вышла во двор. На улице было очень тихо, только кое-где раздавался ленивый лай собак. Елизавета, немного продрогнув после теплой постели, посмотрела на небо. Небо было

чистое. Угасающие звезды отдавали свой последний свет тем, кто встречал раннее утро на этой земле. Кротиха, неспеша направилась к избе. Взошла на крыльцо и стала очищать подошвы тапочек от налипшего снега. Сделав это, она взялась рукой за ручку входной двери, и повернувшись спиной к избе, стала закрывать дверь. При этом Кротиха боясь того, чтобы головой не задеть верхнюю перекладину двери, невольно подняла голову вверх и обомлела...

Силуэт печной трубы бани четко вырисовывался на фоне чистого звездного неба. В этот же миг у Елизаветы перехватило дыхание. На кирпичной трубе бани лежала тяжелая, толстая крышка с тряпочной подкладкой, которая использовалась для сохранения тепла. Трубу печи Кроты вообще не закрывали, так как считали, что и без закрытия трубы в небольшой бане достаточно тепла. Если когда-то и закрывали, то это делали по просьбе гостей или знакомых, которые в силу каких-то причин у них мылись. Хозяйка точно знала, что Кох из-за своей лени никогда не лазил закрывать трубу, не говоря уже о том, когда он был пьяным. Ева о закрытии трубы и понятия не имела... До вчерашней субботы...

В голове у Елизаветы молниеносно возникла мысль о том, что надо открыть эту трубу, и это надо сделать сейчас же, не откладывая это ни на секунду. Увлеченная этой мыслью, женщина быстро ринулась в заднюю дверь ограды и оказалась у деревянной лестницы, стоящей у обратной стороны бани. Кротиха, поднявшись по лестнице, немного подтянулась и оказалась на верху навеса из жердей, на котором было соскирдовано сено. Это покрытие надежно защищало двор от снега. Пройдя метра два-три по настилу, женщина, пригнувшись, вскарабкалась на земляное покрытие крыши бани и с силой рванула крышку с тряпочной подкладкой с трубы бани. Рывок Елизаветы получился очень мощный. Крышка перелетела через гребень крыши и с грохотом рухнула в снег с обратной стороны бани. Затем женщина осторожно по лестнице спустилась на землю, подошла к двери бани и открыла дверь. Её сожитель, теперь уже бывший, спокойно лежал на прежнем месте и в прежнем положении. Елизавета Крот решила уже никогда больше не заходить в свою избу...

Первые лучи наступающего утра настойчиво стучались в жизнь деревни. Было уже где-то около восьми утра. Неожиданно кто-то постучал в окно избы со стороны улицы. «Скорее всего, бригадир или управляющий за мною приехал. Увидели, что Кротихи нет у коров, ну и приехали за мною», - подумала Елизавета и решительно встала с остатков поленницы. Она неспеша открыла дверь бани и забросила в нее веревку. Затем, стучая зубами не то от холода, не то от страха, быстро вбежала в баню и закрыла дверь на крючок. После некоторого раздумья Елизавета выкрутила лампочку

из патрона переноски. Электрический свет ей был не нужен. Ей казалось то, что в темноте она лучше будет думать в последний момент своей тяжелой человеческой жизни. Елизавета, словно по указке неведомой силы или таинственного существа, быстро «вздернула» веревку в крюк потолочной перекладины, примерила. Затем верхний конец веревки завязала узлом и «насадила» его на крюк. Потолок бани был низкий, однако это не мешало Кротихе осуществить свое последнее желание. Она взяла табуретку, где недавно стояла банка огурцов и лежали два куска хлеба, и поставила ее под перекладину, точно под крюк. Потом встала на табуретку и неспеша сделала петлю из другого конца веревки. После этого женщина трижды перекрестилась, быстро накинула на свою шею петлю и сильно рванулась вперед...

Жители Водяного о семейной драме Кротов узнали только к обеду. Первым человеком, который узнал о трагедии Елизаветы Крот и Генриха Петровича Кох был бригадир дойного гурта Арсений Кормилов. Мужчина он был степенный, не пьющий. В это воскресное утро он первый заметил отсутствие своей доярки. Прошел час, два. Елизаветы все не было. Долго не мешкая, бригадир сел верхом на лошадь и поехал к избе Кротов. На стук в окно избы никто не отвечал. Была заперта изнутри и входная дверь ограды. В очередной раз, к не вышедшей на работу доярке, бригадир приехал где-то около двенадцати дня. На стук в окно опять никто не отозвался,. Мужчина решил обойти избу вокруг. Входная дверь с огорода была открыта. Зайдя во двор с обратной стороны, бригадир постучал в входную дверь избы. Никто опять не отозвался. Кормилов осторожно рукой надавил на дверь. Она оказалась не запертой. Он осторожно вошел в дом. Ева в это время спокойно лежала в постели и ни на что и ни на кого не реагировала. Ничего она не ответила и внезапно появившемуся в избе бригадиру Кормилову, который спрашивал девушку о местонахождении ее родителей. «Гулящая» молчала и думала только о своем, пристально уставившись в одну, только ей одной ведомую точку на потолке избы.

При выходе из избы, бригадир случайно заметил верхнюю одежду хозяйки и хозяина, в которой они ходили на работу. Сейчас эта одежда лежала кучей возле кровати. «Наверное, Крот с Кротихой решили сегодня помыться в бане», - подумал Кормилов и с недоумением направился в сторону бани. На стук в дверь никто не прореагировал. Слегка ее толкнул. Дверь оказалась запертой. При обходе бани мужчина через небольшое окно увидел висящую на веревке женщину...

К вечеру избушка Кротов была самым многолюдным местом в Водяном, наверное, за все времена. Милиции понаехало уйма.

Приехали какие-то начальники даже из областного центра. Люди в милицейских шапках сновали внутри избы и вокруг нее. Были проверены все постройки. Даже единственную корову Марту и то вывели из пригона. Здесь, как и в других постройках, милиция ничего подозрительного не нашла. Не осталась без внимания и Ева. К вечеру к ней подсел на табуретку важный начальник с одной большой звездой на погонах. Милиционер, сняв шапку и вытерев носовым платком ярко светящуюся при электрическом свете плешину, сразу представился:

- Товарищ Крот Ева, я старший следователь районного управления внутренних дел Лыхенко Анатолий Петрович, майор милиции. Прошу Вас меня любить и жаловать. Я также прошу Вас на все мои вопросы отвечать только честно и без обмана.

После представления офицер стал задавать девушке, лежащей в постели, вопросы. Вопросов было очень много и разных. Все они сводились к одному: почему и что произошло с родителями в бане. Ни на один вопрос Ева не ответила. Ей почему-то было все равно. Тем более, почему-то плешивый милиционер особого внимания и доверия у нее не вызывал. Поэтому девушка никак не реагировала на те вопросы, которые так усердно повторял милиционер. Ева за время всего допроса не соизволила даже открыть рот. Она «стеклянными» глазами смотрела на майора и почему-то иногда улыбалась. Искусственная немота лежащей, скорее всего, потихоньку стала выводить из себя пожилого мужчину. Однако он оказался крепким орешком. Несмотря на безразличие девушки, майор, как будто не замечая этого, продолжал «долбить» ее своими вопросами. Еве через некоторое время явно надоело присутствие и говорильня следователя. Она неожиданно для себя скинула одеяло, которым она была укрыта, и осталась лежать нагой.

Лыхенко такой развязки не ожидал. Начальник, словно кто-то его облил кипятком, быстро соскочил с табуретки, едва не упав. Затем бегающими глазами стал разглядывать голую девушку. Все это длилось несколько секунд. Даже увидев выпирающийся живот у Евы, он почему-то не «врубался» в суть происходящего. Офицер стоял перед нагой молодой девушкой и моргал глазами, и не более того. Ева тем временем пристально, а может даже и с наглостью, смотрела на офицера, который жадно «лупал» глазами ее тело.

Неожиданно кто-то из входной двери громко прокричал: «Товарищ майор. Вас начальник вызывает». - Услышав это, следователь резко развернулся и также резко вышел из избы, оставив на краешке Евиной кровати милицейскую шапку. За шапкой через пару минут пришла женщина-врач, приехавшая на место происшествия.

Милиция в избушке Кротов появилась и на следующий день.

Еве по рекомендации врача допросов больше не устраивали и это её очень обрадовало. Чтобы больше не слушать и не видеть всю эту суету, она решила на все это время пожить у родителей подруги Нины Кулешовой. Тем более, Людмила Николаевна сама пришла за несчастной девочкой. Молодая Кротиха была очень признательна своей подруге и ее родителям. Ева очень боялась спать одна ночью, когда в доме было два покойника. Отчима и мать увезли в райцентр на экспертизу сразу же в первый день после того, как трупы были обнаружены в бане. Еве, как дочери, почему-то не показали заключение врачей. О причинах смерти не были информированы и селяне.

Через три дня после совершившегося Елизавету Крот и Генриха Коха похоронили по русскому обычаю на кладбище в Водяном. Все расходы по похоронам взял на себя совхоз. Немка и немец были похоронены в самом углу кладбища, как бы особняком. Скорее всего, это было и правильно. Ни у покойницы, ни у покойника в деревне и на кладбище родственников и близких людей не было. Вполне возможно, их похоронили еще и так, потому что Кротиха с дочерью, да и Генрих Кох - вот и все немцы, которые проживали в Водяном. Вместо крестов на свежих могилах были воткнуты две дощечки с нумерацией. Дощечка под номером 1, воткнутая в свежий бугорок земли, свидетельствовала о том, что здесь похоронен Генрих Кох, под номером 2 покоилась Елизавета Крот. Каких-то речей на кладбище не было, поминок также никто не устраивал. Чуть-чуть на кладбище поголосили несколько бабок, которые таким образом отдали дань уважения усопшим, и наверное, предчувствуя свою близкую смерть. Ева на кладбище не пошла.

Смерть Елизаветы Крот и его сожителя взбудоражила жителей Водяного. Каждый день, а то и каждый час, приносил все новые и новые «подробности». Милиция и местная власть официальной информации по поводу случившегося не давали. В верхах пришли к заключению. Елизавета и ее сожитель покончили жизнь самоубийством, не применив друг к другу насилия. Третьих лиц, которые могли бы покушаться на них жизнь, не было. Дверь бани была закрыта изнутри, стекло в небольшом окне бани не было разбито. Никто не пролазил и в трубу печи в бане, никто и трубу печи не закрывал. Свидетелей странной смерти Кротихи и его сожителя также не было. Были только одни сплетни, а они закономерное явление, независимо от того, кто ушел в потусторонний мир, или кто еще остался здесь, на грешной земле.

Молодая Кротиха родила девочку несколько раньше, чем ожидалось. Родила в районной больнице, куда ее привезли родители Нины Кулешовой. Как ни странно, девочка родилась в день рождения своей мамы - 5 марта. Матери было уже и только

шестнадцать, дочь начинала только жить. Роды прошли нормально, без каких-либо осложнений. Да и ребенок родился как ребенок, голова, туловище, две ноги, две руки. Правда, на правой руке у девочки были два сращенных пальчика, включая мизинец. Врачи по этому поводу провели консилиум: делать разрез или нет. Единства, как такового, не было. Одни предлагали операцию делать сейчас же, другие предлагали это делать попозже, когда ребенок окрепнет. Молодая мама была за второе предложение. Через неделю Еву с ребенком выписали из родильного отделения. Она вновь оказалась в избушке наедине с собой. Маленькое дитя еще было несмышленным, и только иногда попискивало. Молодой матери очень нравилась дочь. Ева довольно часто рассматривала девочку, стараясь определить на кого она похожа. На кого была похожа дочь еще невозможно было определить. Однако уже сейчас Еве очень хотелось, чтобы девочка была похожа только на нее, и ни на кого больше. Молодая мама хотела быть сама счастливой, хотела сделать также свою девочку очень счастливой. Но увы, не тут -то было...

Как и раньше, Ева Крот для большинства селян оставалась «гулящей». Мало этого, кое-кто из «башковитых» допускал мысль о причастности «красотки Евы» к смерти своей матери, а также и к смерти отчима. Чем дальше отодвигало время происшедшее, тем настойчивее «башковитые» склонялись к причастности Евы к смерти Кротики и Коха. Эти сплетни доходили и до избушки, в которой жила Ева со своей дочуркой. Кое-какие новости приносила Нина Кулешова, ее родители. Эти сплетни выбивали из жизненной колеи юную Кротику. Девушку заедали и экономические проблемы, которые обрушивались на нее как снежный ком. В год рождения девочки зима оказалась очень затяжной, весна холодной. У молодой хозяйки не хватило сена для единственной коровы Марты. Еве пришлось продать корову практически за бесценок. Совхоз, как и учителя, ничем молодой особе не помогали. Из восьмиклассников, кроме Нины Кулешовой, к Еве также никто не приходил и не интересовался, не говоря уже о какой-либо практической помощи.

Сплетни, равнодушие селян негативно стали сказываться на психическом состоянии Евы. Молодую мать ночью стали преследовать различные кошмары. Она просыпалась после них вся в поту и долго не могла заснуть. От частых головных болей она плакала. Особенно для Евы была тяжело ночью, когда отсутствовал свет. Отсутствие света благоприятно сказывалось на сне малышки. Ева же, наоборот, в темноте не находила себе места. Страх постоянно одолевал ее и этот страх усиливался с каждым днем. Иногда она, положив своего крошечного ребенка возле себя и

чувствуя его ровное дыхание, надеялась уснуть. Однако это очень редко удавалось. Нервное напряжение матери передавалось девочке. Она также по ночам стала плохо спать, капризничала. Все это в свою очередь раздражало молодую маму. Медицинской квалифицированной помощи как для девочки, так и для молодой матери, на селе не было. Желание, как таковое, отвезти девочку в районную поликлинику у Евы возникало несколько раз. Однако оно тотчас же пропадало, когда она представляла перед собой косые взгляды односельчан, их различного рода пересуды. Все это отбивало желание у молодой матери сделать хоть что-то хорошее для своей единственной дочери. Она надеялась на самовыживание организма девочки. Но увы... Положение становилось с каждым днем все хуже и хуже. У Евы исчезло молоко и это стало настоящим ударом как для матери, так и для дочери. Казалось бы, спасение наступило. Нина Кулешова, как и раньше, помогала молоком. Ева кипятила свежее молоко от коровы и кормила девочку. Ребенок, насытившись молока, вроде на какое-то время умолкал, но через пару часов, а может и раньше, в комнате опять раздавался плач девочки, причем такой надрывистый, что у матери до боли щемило сердце. У дочери были резкие боли в животе. Ева и сама это чувствовала. Она довольно часто ласково гладила ладонью животик своей крошки. В это время ребенок даже улыбался. Но не надолго. Девочке исполнилось четыре месяца...

Июль на редкость выдался теплым месяцем. Водяное жило своими проблемами и заботами. Каждая семья, каждый селянин надеялся выжить, опираясь на свои собственные силы. У Евы Крот таких сил, даже летом, уже практически не было. Летом молодая мама изыскивала возможность как можно больше гулять со своей дочуркой на свежем воздухе. Ева с малышкой по улице не гуляла. Она гуляла за огородами, где было мало людей, да и косых взглядов там было значительно меньше. Здесь, как казалось, молодой матери и ребенок себя лучше чувствовал.

Ева много раз «прокручивала» в своей голове одну и ту же мысль, один и тот же вопрос:

- Почему ей, Еве Крот, так в жизни не везет? Почему ее мать Елизавета за всю свою жизнь ничего хорошего не могла сделать для себя и для своей дочери? И почему Ева также не может что-то хорошее сделать для своей крошки? – Молодая мама почему-то не находила в своей голове ответа на собственный же вопрос.

Погода во второй декаде июля в отличие от первой резко изменилась. Пошли проливные дожди, резко похолодало. Бытовые условия жизни добивали юную Кротику. Она ничего не могла сделать для их преодоления. После отъезда Нины Кулешовой в Ктомск на отдых к своим родственникам, ситуация у молодой мамы

вообще резко ухудшилась. Проблемы создавались даже при покупке хлеба. Хлеб в деревню завозили нерегулярно. Порою Ева была вынуждена с ребенком на руках идти в магазин. Кротиху в этом отношении спасало то, что в последнее время женщина-продавец «подобрела» к «гулящей» и стала оставлять булку хлеба для молодой матери.

Очередной проблемой, которая стала и самой главной для Евы, это было отсутствие денег. Деньги, которые она получила от проданной коровы, уменьшались с каждым часом, даже несмотря на спартанский образ жизни молодой девушки. Закончились дожди, на улице было очень солнечно и тепло. Однако у молодой мамы было очень тяжело на душе. Деньги были на исходе. Осталась последняя десятка. Просить деньги взаймы у людей она не хотела. Ей никак не хотелось идти на поклон к тем, кто ее не любил, и кого она также не уважала. А может и даже и больше. Она этих людей просто презирала...

Наступило первое августа, начало последнего месяца лета и летних каникул. Сердце Евы с каждым днем сжималось все сильнее и сильнее. Она прекрасно понимала то, что осенью и тем более зимой ей одной, да еще с ребенком не выжить. Каких-либо «роскошных» вариантов выхода из создавшейся ситуации у нее не было. Да и этот вариант, вроде единственный, для спасения был не ее «собственный», а подсказанный Ниной Кулешовой, приехавшей из Ктомска. Нина, не успевшая еще «отойти» от городской жизни, сразу же примчалась к Еве, не забыв о гостинцах для малышки. В целофанновом мешочке были яблоки, бутылочка сока, шоколадка. Подруга также вручила малышке ярко красную побрякушку в форме круглого шарика. Младенец, лежа на спине в посели, то и дело играл шариком, что сопровождалось веселым смехом двух подруг.

Нина Кулешова много интересного рассказала Еве о городской жизни. Ева за шестнадцать лет так и ни разу не была в областном центре. В Машино, в Калинино была по разу, а может и больше, да и то с матерью. Подруга очаровала молодую маму рассказами о городской жизни. После рассказанного подругой для Евы соприкосновение с городской жизнью стало ее мечтой, своего рода сказкой. По-настоящему завидовала Ева своей подруге, которая с первого сентября начинала учиться в торговом техникуме. Перед уходом от Евы домой подруга, как бы невзначай, а может и просто так, сказала:

- Эх, Евка, плохо то, что нас с тобою жизнь разлучает, У нас жизнь только что начинается, но увы... Ты, такая красивая в этой деревне, а я в городе. Жаль, ну ладно я побежала, мой светик. – Затем она мимоходом взглянула на девочку, играющую с шариком,

тяжело вздохнула и удалилась...

Рассказы подружки о беспроблемной жизни в городе до конца «убили» Еву Крот. У юной матери моментально наступила апатия ко всему окружающему. Ей почему-то после разговора с Ниной очень захотелось жить одной, без этого дитя, которое она после рождения полюбила, а может и нет... Она, лежа в постели, порою улавливала звонкий смех и голос своих одногодков, идущих по улице деревни в сторону клуба. От этого девушка-подросток до боли сжимала зубы. Она прекрасно понимала, что ее молодость может пролететь также незаметно, как у Елизаветы, ее матери, которую Ева ненавидела так жестоко, как никто и никого на этой земле. Девушка неоднократно спрашивала свою душу и сердце о причинах такой ненависти к своей матери, но к сожалению, четкого ответа в своей голове на этот вопрос она не находила.

Наступила суббота, банный день. Ева в этот день баню не топила, однако в избе в небольшом бачке на печи всегда стояла горячая вода. В ней нуждалась девочка для купания. Вода была также необходима для стирки грязной одежды. За стиркой пеленок для малышки и застала Еву Нина Кулешова, которая впорхнула в избу как маленькая бабочка. Нина громко чмокнула свою подругу в щеку, хлопнула рукой Еву по плечу и радостно проговорила:

- Евушка! Ты понимаешь в понедельник утром я езжаю в город, До первого сентября еще несколько дней и я хочу подготовиться к занятиям. Мне ужасно хочется подышать воздухом города, походить по его улицам. У меня, наверное, вскоре с тобою встреч будет очень мало. Поэтому приходи сегодня к нам в баню помыться. Моя мама говорила о том, что она посидит с твоей дочкой эти два дня до моего отъезда. Ну, что, договорились?!

Ева, конечно, от такого предложения подружки не отказалась. Еще бы, целых два дня она будет свободной, как тогда раньше, когда работала в деревне и когда встретила Серегу... При мысли о солдате, который её нагло обманул, девушка тихо заплакала, ей становилось труднее дышать...

После пяти часов вечера к Еве пришла Людмила Николаевна, мать Нины, которая была в отпуске. Две женщины быстро собрали в узел все необходимое для малышки и пошли к дому Кулешовых. Дом у них был большой, пять комнат и большая кухня. Кулешовы в деревне богатыми людьми не слыли, однако трудились на совесть и на славу, да и не стремились пропивать потом заработанные копейки. Отец Нины был пастухом, пас совхозный скот, зимой занимался подвозом всего необходимого для этих же коров. В выходные дни, да и в жизни, он всегда был при деле. Сам построил дом, на зависть другим срубил и баню. Она получилась просторной, высокой. Ева еще ни разу не мылась в этой бане. Посильной

помощницей по хозяйству мужу была и жена. Нина была единственным ребенком в семье Кулешовых и поэтому родители не старались обременять ее работой. Главным занятием для единственной дочери родители считали учебу. И девушка оправдывала их надежды. Училась Нина только на хорошо и отлично. Постепенно стала осуществляться и мечта девушки - работать в торговле не простым продавцом, а руководить магазином или большим универмагом. После восьмилетки Нина решила пойти сначала в торговый техникум, потом в институт. После успешной сдачи экзаменов в техникум, Нина приехала домой к родителям. Красотой, как таковой, подруга Евы не блистала, однако никто не мог считать ее и уродиной. Скорее всего, Нина и сама это понимала и была очень счастлива, когда видела то, что чем взрослее она становится, тем больше ребят хотят с ней дружить.

В доме Кулешовых Ева на какие-то часы почувствовала себя свободной, как и ее подруга Нина. Людмила Николаевна, не то очень сильно любила маленьких детей, не то соскучилась по ним, все время ворковала над девочкой Евы. Малышка, почувствовав перемену не то жилья, не то няньки весело смеялась и хлопала ручками по подушке. Где-то около восьми вечера девушки пошли мыться. Особенно бане была рада Ева, которая к этому времени «управилась» со своей дочерью. Девочка после теплой ванны, сытного кушанья крепко спала в постели в окружении подушек. Иногда она во сне дергала губами пустышку, которая почему-то маленькой очень нравилась. Пустышку сегодня подарила младенцу Нинина мать, давшая специальный заказ мужу, который только-что вернулся из районного центра.

Подруги вели себя в бане, как настоящие шалуны. Каждая из них впервые видела друга друга нагой и это прибавляло им озорства. Заводилой в этом деле была Нина. Она то и дело обливала Еву холодной водой из ковша, что для той являлось полной неожиданностью. Юная мама вздрагивала от холодной воды, начинала фыркать и потом быстро подбегала к бачку, где была теплая вода. Зачерпнув рукой пригоршню воды, Ева сиеминутно выливала воду на себя, надеясь «погасить» прохладу. Досыта намывшись и набаловавшись, девчата ринулись бегать по саду, который обрамлял дом и баню. Подруги были нагими и это «произошло» с ними только сегодня. Молодые девушки с восхищением смотрели друг на друга и весело смеялись. Смех, гвалт двух юных существ, бегающих вокруг дома и бани, не на шутку потревожил пса Музгарку, который доселе сидел смирно и наблюдал за курами, которые почему-то несмотря на позднее время не «ложились спать». Увидев двух голых девушек, и не признав в них знакомых, Музгарка не на шутку разозлился. Пес рвался к

незнакомкам и грозно рычал. Он рвался с такой силой, что иногда казалось, что металлическая цепь, прибитая к забору, вот-вот порвется и он растерзает тех, кто нарушает покой на дворе хозяев. Только после того, как девушки забежали в баню, пес немного успокоился и медленно вполз в свою конуру.

Скорее всего, и в это вечер подруги начали по-настоящему париться в бане. Заводилой и здесь была на правах хозяйки Нина. Она то и дело плескала на горячие кирпичи ковш за ковшом холодную воду, те шипели и выпускали пар. Через некоторое время в бане стало тепло и даже жарко. Девочки изо всех сил хлестали друг друга березовыми вениками. Веники были мягкими, отдавали запахом леса и свежестью. Для Евы такая парилка была впервые в жизни и она, почувствовав легкое головокружение, быстро выскочила в предбанник. Здесь было немного прохладнее. Девушка присела на небольшую скамейку и неожиданно для себя увидела длинное зеркало, край которого выглядывал из-за занавески. Сегодня перед входом в баню Ева его не заметила, оно тогда было плотно зашторено. Не зная даже почему, нагая Кротиха быстро отдернула в сторону занавеску и приблизилась к зеркалу. Девушка в этот момент прекрасно осознавала, что она впервые за свои шестнадцать лет может увидеть свое оголенное тело. Раньше у нее не было такой возможности. Дома на стене висел небольшой осколок зеркала и то какого-то мутного цвета. Лично у школьницы всегда в кармане было маленькое круглое зеркальце, она купила его в магазине за пять копеек.

Это же зеркало было очень большим, почти во весь ее рост. Ева встала перед ним и невольно залюбовалась тем отражением, которое «излучала» стоящая блондинка перед большим куском стекла. Юная Кротиха не могла даже представить, что красивое отражение есть ее отражение. Никто нибуль, а именно Ева Крот, которая даже и мысли то не допускала о том, что такой красотой обладает она, «гуляющая». Еве буквально все нравилось в своем отражении. Она медленно, как раньше это делал Сергей, «пожирала» глазами стоящую сверху вниз. У «той» все было прекрасно. Длинные, белые волосы, обрамляющие полупродолговатое лицо, ниспадали на круглые белые плечи молодой особы. Волосы еще были довольно влажными и прилипали к телу девушки. Они также кое-где ниспадали и на груди, которые были уже не по-детски большие и тугие. Темно-коричневого цвета соски груди выгладывали из-под волос. Как бы проверяя, она или не она в этом отражении и в зеркале, Ева стала ладонью левой руки нежно гладить свое тело сверху вниз, постепенно ниспуская свою руку. Несмотря на рождение ребенка, ее живот был без всяких складок, упругий.

Нагая повернулась боком к зеркалу и здесь не нашла у себя каких-либо изъянов. Небольшая головка девушки гордо держалась на тонкой точеной белой шее, верхняя часть которой была коричневой от летнего загара... Вдруг неожиданно дверь бани открылась и в предбанник влетела Нина. Она была красная, как рак, от пара и увидев перед зеркалом блондинку, весело вскрикнула:

- Ну ты и даешь, Кротиха, все мои тайны хочешь узнать. А ну, давай, беги снова в баню и парь свои молодые кости...

После этого девушка резким движением руки зашторила зеркало. Затем, как ни в чем не бывало, быстро схватила Еву за руку и также быстро затолкала ее в баню. Еще почти час из бани раздавался смех и визг. Около одиннадцати часов вечера подруги сели за стол. Хозяйка дома уже сама поужинала, она не хотела им мешать. Людмила Николаевна прекрасно понимала, что это первый, а может и даже последний девичий стол, за который так охотно рассаживались Нина и Ева. Двойное чувство переживали сегодня обе подруги, они прекрасно это знали и понимали. Как один день пролетели восемь лет совместной учебы, никто из них не заметил своего взросления. Сегодня и завтра для них еще была школа, детство. В понедельник они уже должны были вступить на дорогу взрослой жизни и сделать только первый шаг в свое будущее. Ева понимала это, как и Нина. Красивая блондинка в душе ругала себя за то, что первый шаг на путь взрослой жизни для нее оказался роковым, который перечеркнул все ее надежды и мечты.

В целом вечеринка у подруг удалась. Было и шампанское, его для прощальной встречи купила мать Нины. Оно было немного холодное и чуть-чуть сладкое. Пенящаяся жидкость, как и в той встрече с Сергеем, приятно «била» в глаза Евы. Нина, искоса глядя на свою подругу, не могла ни видеть ее слез, которые почему-то бежали из глаз Евы, когда та пригубила шампанское.

Почти весь воскресный день подруги гуляли только вдвоем, никто и ничто им не мешало. Да и погода к тому же была на редкость исключительно чудесной. В деревне, несмотря на воскресенье, селяне работали. Уборочная была в полном разгаре. Ева, идя с Ниной рядом, все больше и больше в душе благодарила ее за всевозможную помощь. Подруги жили в разных концах деревни, даже на разных улицах, но это нисколько не мешало девушкам так крепко дружить. Особенно эта дружба окрепла тогда, когда у «гулящей» возникли проблемы. В том, что Нина сдружилась с Евой, в большей мере была заслуга ее матери, Людмилы Николаевны. Она, как мать, глубже сопереживала все то, что случилось с Евой. Мудрая женщина в своей душе не исключала даже того, что и ее дочь может совершить аналогичную ошибку...

В это воскресенье юная Кротиха была в полном распоряжении

своей единственной подруги. Нина вместе с Евой обошла и еще раз посмотрела все закоулки и тропинки возле домов и дворов, которые не «обходились» без нее все шестнадцать лет. В этот день, как это казалось молодым селянкам, даже сама природа заискивала перед ними и делала все возможное для их ублажения, для Евы с длинной толстой косой белых волос и для Нины с двумя тоненькими черными косичками. Чем больше подруги гуляли и смеялись, тем чаще смотрели на часы. Время неумолимо толкало их на разлуку, пусть даже временную, но все-таки на разлуку. Иногда они останавливались, крепко обнимали друг друга и плакали. Плакали навзрыд, как будто они потеряли близкого знакомого или родственника...

Где-то около семи вечера подруги расстались. Нина проводила Еву до ее дома, помогла нести вещи. Подруги посидели немножко на «дорожку», обнялись и расцеловались. Кулешова, еле сдерживая слезы, через силу сказала своей подруге:

- Ну, Кротиха, прощай, а лучше, до скорого свидания. Возможно, я приеду в сентябре... Ты не падай духом и за своей дочкой смотри хорошенько. Она, как-никак, есть твое будущее... За меня сильно не переживай. Где бы мы с тобою не были, мы всегда будем вместе... Я думаю, что нас жизнь никогда не разлучит ни на этой земле и ни на том свете...

Расставаясь друг с другом, девочки не знали, что их прощание последнее в жизни Нины. Никогда больше не увидит и не услышит Ева свою единственную подругу.

Виной этому явилась матушка-природа. В понедельник погода еще до обеда держалась. Кое-где на небе были тучки, однако дождя не было. Нина собиралась ехать вечерней электричкой в областной центр. Остановочный железнодорожный пункт находился от Водяного в двадцати километрах. Машина за девушкой подъехала к дому где-то около пяти вечера, за час до отправления поезда. Запас времени был необходим, ведь все в этой жизни бывает...

Нина, как и положено, тепло простилась с родителями, внимательно выслушала все их наказы. Не обошлось и без слез. Пассажиров у водителя было трое: две бабки где-то под семьдесят лет каждой, а может и меньше, да Нина. Водитель старух посадил себе в кабину не только из-за старости. Бабки были довольно тоненькие, да и росточком ниже, чем молодая особа. Нине «по чину» пришлось залезть в кузов, да и там-то в принципе было не так уже и плохо. Девушка уютно села на скамейку, которая была прикреплена к противоположным бортам кузова. На улице было довольно тепло, лишь маленькие тучки «кидали» иногда на землю маленькие капли воды. Ничего не предвещало, что погода может резко измениться. Нина еще долго махала рукой плачущим родителям, которые, как и

она, желали друг другу счастья и здоровья.

Где-то в километрах пяти от деревни дождь заморосил больше, потом еще сильнее. Сидящая наверху девушка вытащила из сумки платок, накинула его на голову. Через какие-то секунды после этого погода резко изменилась. Небо в миг стало темно-синим, даже с какой-то черной окраской. Лесов, стоящих вдоль дороги ведущей к разъезду, стало не видно. Всполохи молний «прочертили», даже, скорее всего, разрезали небо на множество частей. То там, то здесь раздались оглушительные раскаты грома. Шоссейная дорога, по которой следовала машина, за какие-то пять минут, а может, значительно и меньше, превратилась в своеобразный «ледяной» каток. Машину бросало из стороны в сторону, как игрушку. Благодаря мастерству пожилого водителя, грузовик хоть как-то держался на шоссе. Вскоре подъехали к кустарникам, отсюда начиналась более высокая насыпная дорога. Сердце у Нины постоянно сжималось, она видела – сантиметры отделяли колеса машины от обочины. Внизу была канава глубиной до метра и более.

Кустарники, тянувшиеся около километра вдоль дороги, до конца проехать не удалось. Через метров пятьсот машину резко занесло влево. Водитель пытался выправить машину, но бесполезно. Грузовик юзом продолжал катиться по левой обочине шоссе и медленно стал накрываться на левую сторону. Нина по инерции полетела вниз и упала на землю, неподалеку от глубокой канавы. Через какие-то доли секунды кузов машины накрыл девушку. Накрыл, но неудачно. Верхняя доска правого борта кузова машины ударила по грудной клетке Нины. Удар получился не только резкий, но и очень тяжелый. Девушка погибла моментально.

Происшедшее на дороге случайно увидел городской грибник-пенсионер, который явно опаздывал на электропоезд при такой непогоде. Перед стариком, только что вышедшим из леса, открылась поистине драматическая картина. Рядом у придорожной канавы лежала опрокинутая машина, колеса которой продолжали еще крутиться. Грибник не растерялся, разбил ногой переднее и боковые стекла кабины. С большим трудом открыл дверцы. К счастью, все трое сидящих в кабине остались живы. Больше всех «досталось» бабушке, сидящей у противоположной водителю двери. Она сломала правую руку. Водитель отделался легкими ушибами. С пассажиркой в кузове было неизвестно. Водитель и бабки все еще были в шоке от происшедшего и поэтому ничего конкретного для Нины не могли сделать. Только один грибник в зеленой офицерской рубашке без погон держался более уверенно. Но и он практически ничего не мог сделать для спасения девушки. Сначала двое мужчин пытались перевернуть машину, в крайнем случае, хоть

приподнять какой-либо борт. Все было безрезультатно. Прошло минут двадцать, а может и полчаса после того, как машина сползла с шоссе и перевернулась. Люди, находясь в нервном потрясении, не заметили того, как разошлись темные тучи и вновь на небе появилось яркое солнце, которое уверенно держало свой путь к закату. Из-под кузова никто не кричал, никто не стонал...

Немного приподнять правый борт машины удалось только во время второй попытки. И то это удалось сделать благодаря инициативе бывшего военного. Грибник под сидением в кабине водителя нашел небольшой топор. Именно при помощи топора мужчина вырубил в лесу две крепкие березки. Затем из леса он принес полусгнившее сухое дерево и разрубил его пополам. Сделав небольшой подкоп под борт и используя две березки как «рычаги», мужчинам удалось на несколько сантиметров приподнять борт. «Непокалеченная» бабка подложила под борт одно из бревен. Из деревенских никто не решался близко подойти к вполне возможно раздавленной девушке. Все боялись. Мужчина в офицерской рубашке опустился на колени и увидел под кузовом девушку. Затем он потрогал ее руку. Она была уже полухолодная...

Почуввав неладное, бабушка со сломанной рукой упала на колени и громко запричитала:

- Ой, Боже! Зачем же ты наказал молоденьку? Да лучше бы ты меня к себе забрал. Ох, Боже, ну за какие такие грехи ты забрал это дитяtko? Ну скажи же...

Женщина во время причитания то ударялась своей головой об землю, то крестилась левой рукой. Трудно было сказать, что с ней происходило: выражение боли в сломанной руке, или «убиение» по той молоденькой односельчанке, которой Богом было отпущено прожить на этой земле всего шестнадцать лет...

Водитель принес тяжелую весть родителям Нины Кулешовым где-то около девяти вечера. Мужчина в одних трусах, напрягая последние силы, бежал по обочине шоссе, то и дело пересекая большие и маленькие лужи дождевой воды. Не добежав каких-то двести метров до начала деревни, он был ошарашен: в селе дождя не было. Улица была сухая, стайки гусей мирно рылись неподалеку возле двора первого дома, от которого брала свое начало улица.

Люмила Николаевна была до смерти напугана, когда увидела бегущего полуголого водителя, который только что увез на разъезд ее единственную дочь. Самого Кулешова в это время дома уже не было, он уехал в ночную смену пасти коров. Практически раздетый донага человек ничего не смог сказать напуганной женщине, которая стояла перед ним и не зная почему заламывала себе пальцы. Водитель, упав на колени перед матерью погибшей Нины, смог произнести сквозь слезы только три слова: «Нине очень

плохо...».

Лишь через час колесный трактор с прицепом, на котором сидело несколько крепких мужиков, прибыл к месту происшествия. Мужчины быстро извлекли потерпевшую из-под кузова и очень осторожно положили тело девушки на прицеп. Даже уже при опускающихся сумерках было видно искаженное от боли молодое лицо девушки. Трактор с прицепом взял курс на Калинино, в райцентр. В тележке сидели четверо. Старая бабка со сломанной рукой ехала в больницу залечить свою рану. Был здесь и несчастный водитель грузовика, он ехал в милицию. Возле мертвой девушки, которой было не только не суждено учиться в торговом техникуме, но и не жить на этой земле, стояли на коленях и плакали ее родители. Им было все равно куда ехать. Эти люди уже не боялись ни болезни, ни тюрьмы. Они потеряли свою единственную дочь и поэтому жизнь для них без дочери на этой земле не имела никакого смысла.

Родители возле погибшей дочери пробыли в районной больнице всю ночь. Они все надеялись на воскрешение своей единственной дочери. Но увы... Воскрешения не произошло. Для родителей эта трагедия была самой страшной в их жизни. Особенно «сдала» Людмила Николаевна. Женщина буквально за одну ночь, проведенную возле мертвой дочери в больнице, поседела. Глаза красивой женщины, ранее искрящиеся и веселые, стали тусклыми. В них отсутствовала жизнь.

Ева узнала о трагической гибели своей подруги к обеду следующего дня. Хоронила Нину вся деревня. Приехали на похороны и представители комсомольской организации торгового техникума. На кладбище собрались все жители Водяного от мала до велика. Нина росла спокойной и отзывчивой девочкой, поэтому молодые и пожилые люди видели в ней хорошего человека и друга, а кто-то как и хорошую односельчанку. Для каждого, кто был на кладбище, до погребения она еще продолжала оставаться все той же веселой девочкой, хотя она и была уже мертвой. После того, как двое мужчин заколотили крышку гроба и опустили его в яму, все поняли то, что молодая селянка ушла под землю, к Богу, откуда еще никто и никогда на этом свете не возвращался домой, назад. Каждый из стоявших на кладбище думал об этом и никто эту прописную истину не брался оспаривать. Исключением были только родители погибшей, которые все еще не верили в то, что они навсегда лишились на этом свете единственной дочери. Похороны были «пышными». За все время существования села никто и никогда из жителей Водяного не «вкладывал» всего возможного на этой земле для того, кто уходил в иной мир. Кулешовы стремились дать все лучшее для своей дочери при жизни. Они отдавали ей все

возможное и необходимое и сейчас, когда она уходила от них навсегда в неведомый для всех мир.

Евы среди жителей деревни на кладбище не было. Она хотела побыть на могиле подруги одна. Юная Кротиха пошла на кладбище с малышкой через день после похорон, после обеда. Погода была прекрасной и чем-то напоминала тот воскресный день, когда подруги гуляли по деревне перед отъездом Нины в Ктомск. Ева, снарядив дочку, пошла к кладбищу вдоль огородов. Затем молодая мать с дитем, не доходя до кладбища, свернула на лесную поляну, на которой было очень много цветов. Цветы издавали уникальный запах. Малышка вела себя на руках довольно спокойно и только иногда прикасалась маленькими ручонками к свежесобранному букету цветов и громко смеялась. Ева также весело смеялась и нежно целовала своего ребенка в щеки. Ева еще так и не надумала своей дочери дать имя. Причин для этого у молодой матери было довольно много. Что-то конкретного для разрешения возникших вопросов Еве никто в деревне не советовал. Да и сама она не хотела ни к кому обращаться.

- Да и зачем, - неоднократно спрашивала себя Ева, - все равно никто ничего конкретного бы не сказал «гулящей». - Сама нагуляла, сама народила и сама своему ребенку имя давай...

Гулящая все же в своей душе надеялась на то, что она в скором будущем поедет работать в районный центр или в Ктомск. Она хотела уехать подальше от этих людей, которые ее ненавидели и которых она также ненавидела. К тому же брак регистрировали только с восемнадцати лет, да и мужа, как такового, у нее не было. По пути к кладбищу внезапно у Кротихи возникло желание дать своей малышке имя погибшей подруги. Через какое-то время это желание исчезло. Молодой матери не хотелось увязывать память трагически погибшей Нины со своей дочерью. Она не хотела того, чтобы ее дочь прожила такой короткий отрезок времени на этой земле.

Могила погибшей Нины Кулешовой вся утопала в живых цветах. Немало было здесь венков и из искусственных цветов. Плачущая Ева подошла к свежесыпанному бугорку земли и упала на колени. Дочь молчала и все время смотрела на свою маму, которая положила большой букет полевых цветов к подножию могилы подруги. Пришедшая стояла на коленях и молчала. Слезы непрерывно катились из глаз молодой женщины. Мысли, которые то и дело проносились в голове у Евы, как ей в этот момент жизни казалось, доходили и до умершей подруги. Много передумала Ева за то время, которое она провела на кладбище. Не закрыла глаз она и ночью. Зато малышка спала этой ночью как никогда спокойно. Ева то и дело подходила к маленькой кроватке, которую подарили

ей родители Нины Кулешовой и с улыбкой смотрела на маленького человечка. Дочка, наверное, понимала состояние своей матери и поэтому крепко спала.

А дум у молодой матери было очень много и дум очень разных. На могиле у подруги Ева окончательно поняла то, что для нее значила Нина. Нина, как школьная подруга, как молодая женщина, своим присутствием на этой земле не давала Еве замкнуться в себе, особенно в последний год своей жизни. Ева понимала и то, что если бы у нее не было ребенка, то у подруг было бы намного больше совместного времени, больше общих интересов. В голову Евы все чаще подкрадывалась мысль о том, что Нина даже «оттуда» просила свою подругу в корне изменить свой образ жизни. Лучше без малышки. Еве казалось то, что ее подруга, не помышляя о возможности лишения жизни этого крохотного ребеночка, первенца Евы Крот, одновременно звала его к себе. Покойница утверждала о том, что у нее этому ребенку будет куда лучше, чем у Евы. При появлении таких мыслей в голове, лежащую в постели молодую блондинку, «пробивал» холодный пот, ломило виски. От этих мыслей Кротиха вздрагивала и молниеносно подходила в кроватке, и ласково трогала своей ладонью теплый лобик девочки. Убедившись в том, что ребенок спит и дышит, она по-тихоньку, стараясь как можно меньше шуметь, быстро ныряла под одеяло.

Все, о чем думала молодая мать в эту ночь, сводилось к единой мысли, к единому порыву: необходимо покидать деревню и ехать в город. Несмотря даже на то, что в данный момент у нее не было настоящей подруги, для селян она была и оставалась «гулящей». Не ожидалась помощь и со стороны родителей Нины Кулешовой. Им было в данный момент не до Евы. Да и материальное положение молодой Евы Крот было довольно плачевное. Даже очень. Остались последние пять рублей...

Наступающее утро Ева встретила с твердым намерением уехать из Водяного. Дочурка еще продолжала спать и это радовало молодую женщину. Самым важным для дальнейшего устройства в городе девушка считала наличие хоть каких-либо документов. К сожалению, у нее в данный момент ничего не было. Паспорта, как такового не было, не было и свидетельства об окончании восьмилетней школы. Ни разу она не видела и свидетельство о рождении. На какой-то миг все планы у молодой хозяйки рухнули. От отчаяния ей хотелось плакать. Однако, откуда ни возмись, в душе и в голове блондинки появился очередной огонек надежды на разрешение возникшей ситуации. И это сдерживало порыв отчаяния девушки. Кротиха, оказавшись во власти дум о реальной жизни, все чаще и чаще отходила от паники.

Надежда найти свое свидетельство о рождении у Евы ни только не угасало, наоборот, с каждой минутой укреплялась.

- Не могли же ее, девочку, Еву Крот без свидетельства о рождении взять в школу, тем более, при таком строгом директоре школы?», - задала себе вопрос молодая Кротиха, и тотчас же приступила к поиску жизненно важного для него документа.

Сфера поисков документа была очень узкая, небольшая. В избе, как таковой, мебели не было. У Кротов был только один комод, да большой сундук из крепких деревянных досок, обитый по краям тонкой жостью. Комод состоял из четырех выдвижных полок, на которых складировалось немудреное имущество обитателей избушки. Еве отводилась самая нижняя полка. Необходимого документа в предмете мебели не оказалось. В сундуке лежало также кое-что из одежды. Нашла здесь Ева и небольшую картонную коробочку, она лежала на самом дне сундука, в самом углу. Развязав ленточку красного цвета, которой была перевязана коробочка, Ева открыла ее. На дне коробочки лежало несколько документов, аккуратно завернутых в черную тряпку. Ева чуть-чуть не подпрыгнула от радости, когда наверху стопки бумаг увидела свидетельство о рождении, на титульном листе которого был изображен герб РСФСР. В том, что этот документ принадлежал именно Еве, она уже не сомневалась. И в этом она не ошиблась. Дрожащими руками девушка развернула свидетельство о собственном рождении и от радости заплакала. Убористым подчерком в левой части бумаги была написана фамилия, имя и отчество народившейся, указывалась дата и место рождения Евы. Название деревни Гольдштайн мало о чем ей говорило. Впервые в жизни она прочитала и данные о своих родителях. Отцом девушки значился Петр Крот, имя мужчины также для нее ничто и ни о чем или о ком, не говорило. Оба родителя были по национальности немцами. Кроме свидетельства о рождении в коробке был молитвенник на немецком языке. Маленькая книжечка была очень ветхой, с протертыми и пожелтевшими от времени страницами. Полистав молитвенник, Ева поняла, что дальше нет смысла его разглядывать. Немецким языком она практически не владела, несмотря даже на то, что она его изучала в школе и довольно часто слышала разговор матери и отчима на немецком языке.

Неожиданно для себя блондинка обнаружила в середине молитвенника небольшой листок бумаги, сложенный вчетверо. Бумага пожелтела от времени и очень трудно читалась. Очень короткое письмо адресовалась Елизавете Крот. Оно было написано чернилами. Кое-какие слова из-за корявого почерка Ева не понимала, некоторые слова из-за ветхости бумаги нельзя было вообще разобрать. Несмотря на все это, Кротиха поняла содержание

письма. Мужчина спрашивал у Елизаветы о том, как назвала она первенца и как его здоровье. В письме также сообщалось, что у Петра все нормально и он жив, здоров. В конце письма стояла дата написания: апрель, 1942 год. Все остальные документы Ева смотреть не стала. Время поджимало. К тому же, письмо Петра к матери, как и другие бумаги умершей Елизаветы, юную девушку не интересовали. Мать никогда и ничего не рассказывала дочери о своей молодости, тем более о тех, кто когда-то за ней ухаживал. Ева даже сейчас не могла понять того, почему мать все это держала в тайне и практически ни разу не говорила с ней о своем муже или об отце своей дочери. Все это и многое другое Елизавета унесла с собой в могилу, так и не раскрыв тайн, которые интересовали ее родную дочь.

Разгадывать все эти тайны сейчас Ева считала нецелесообразным, даже не нужным и пустым занятием. Она сейчас жила другими мыслями, другими надеждами. Имея на руках свидетельство о рождении, она могла теперь свободно шагать в будущее, спокойное или тревожное, бедное или богатое, она не знала. Да и ей в этом плане было все равно. Отступить было некуда и некогда. Юная Кротиха наметила свой жизненный план действий и решила его выполнить, несмотря ни на что. Этот план был задуман ею, он являлся ее тайной и главное, ее надеждой...

К десяти часам утра Ева Крот была готова к выходу из деревни. Сборы были недолгие. На себя она одела темно-синее платье, кофту, туфли. Повязала на шею легкую косынку голубого цвета, которая практически была на ней всегда. В сумку из плотной материи черного цвета молодая мама для малышки положила пару самодельных пеленок, да одно платьице. Все это составляло «гардероб» новорожденной. Продуктов, как таковых, в доме не было. Продукты для себя и для дочки Ева намеревалась купить в магазине, который находился на пути к разъезду. Избушку Ева закрыла на замок. Она твердо знала о том, что в это пристанище больше она никогда в жизни не вернется. Ключ, даже не зная почему, она положила к себе в сумочку.

На пути в магазин Еве из жителей деревни никто не повстречался. Это ее очень радовало. Кротиха всегда переживала, когда кто-либо из селян при встрече с ней специально отворачивал в сторону свою голову или проходил мимо нее, как будто не замечая. Девушка болезненно все это переносила. В голову приходили порою довольно дурные мысли, от которых ей иногда не хотелось жить. От всего дурного, от желания покончить с собою, которое нередко приходило в голову, блондинку спасало только наличие подруги Нины...

К удивлению Евы в магазине кроме продавца никого из людей

не было. Она купила пышную булку белого хлеба за 25 копеек, килограмм пряников, двести граммов вафель, бутылку лимонада. Все сладости для нее были любимым лакомством. Белый хлеб и пряники любила малышка. Получая от матери корочку белого хлеба или большой пряник девочка любила «возиться» с полученным лакомством. Она сосала пряник и от удовольствия причмокивала. Если лакомство выпадало из маленьких ручек, то малышка тотчас же ударялась в громкий плач. Ева, изучив повадки своего дитя, старалась быстро реагировать на пропажу лакомства. Девочка, получив лакомство, опять утихала, иногда и надолго. Молчание и спокойствие ребенка было на руку Еве. Молодая мать имела возможность хоть чем-то заниматься по дому.

Голубые глазки «безымяшки» радостно заблестели и в магазине, когда Ева, отломив кусочек вафли, дала его своей дочери. Дитя радостно схватило ручками вафлю и быстро стало ее сосать. Вторую половину вафли молодая женщина оставила для себя. Она, как и дочурка, очень любила сладкое...

Пройдя всю улицу и оказавшись на окраине деревни, Ева невольно оглянулась назад. Небольшая деревня со странным названием Водяное словно вымерла. Время приближалось где-то к полудню. В селе все было тихо, будто здесь никто никогда и не жил. Ева, конечно, понимала то, что это только первое впечатление и оно обманчивое, особенно для постороннего человека. Люди работали в поле, на току, кто-то пас скотину, в школе учились дети. Деревня жила своей жизнью как всегда. Девушка на какое-то время задержала свой взгляд на убогих деревенских постройках, затем резко повернулась и так же решительно сделала шаг в сторону дороги, ведущей к разъезду. У покидающей родную деревню невольно защемило сердце и также невольно выступили слезы. Ева, стиснув зубы, стала плакать навзрыд. К удивлению ею самой плач продолжался недолго. Этого не могла понять и сама плачущая.

Непонятно-кто или что из глубины души Евы не то управлял ею, не то просил молодую женщину прекратить плакать. А может и сама женщина понимала бессмысленность этих слез. Путницу на какой-то миг осенила мысль о лучшем ее будущем. В ее душе в очередной раз появилась надежда, что и в этом мире есть кусочек счастья и для Евы Крот, пусть еще для такой молодой, пусть даже «гулящей», пусть даже и уже с ребенком. Идущей по дороге невольно пришли слова умершего учителя истории, который говорил о том, что в Советском Союзе, при социализме есть все условия для счастливой жизни каждого человека, нужно только честно работать и жить. И эти слова коммуниста-историка давали новый прилив сил и бодрости для шестнадцатилетней крестьянки, держащей на руках полугодовалую дочь и имеющей за душой три

рубля. Кротиха понимала, хотя и не до конца, свое материальное положение и состояние. Однако ничто ее не пугало. Надежда на лучшее будущее окрыляла молодую немку и заставляла ее действовать, как можно быстрее и решительнее.

Глава третья.

Недолгие скитания

Дорога к разъезду, к сожалению, не обошлась без слез для идущей путницы. Чем дальше отдалялась она от деревни, тем тревожнее билось ее сердце. Такое чувство испытывала не только одна Ева, но и все жители Водяного, когда проезжали место гибели своей односельчанки Нины Кулешовой. Прошло где-то около недели после нелепой гибели юной девушки. Обстоятельства гибели ни раз и ни два обсуждались односельчанами, да и жителями окрестных деревень. Все скорбили по юной селянке. И эта скорбь переполняла душу каждого, когда кто пеший, кто и на лошади или на каком-то ином транспорте проезжал то место, где погибла Нина.

Как правило, здесь женщины крестились, мужчины снимали головные уборы, кое-кто останавливался и в знак уважения опускался на колени на небольшой кусок земли, который был окроплен кровью девушки-подростка. Ева место гибели подруги заметила сразу, хотя возле него и не была раньше. Да и его нельзя было не заметить. Неподалеку от дороги, буквально в двух метрах от канавы высился высокий шест, на котором крепился венок из искусственных цветов. С глубоким чувством скорби подошла к месту гибели своей подруги и Ева. Ей и до сих пор не верилось в то, что так глупо и нелепо погибла ее первая и единственная подруга. Ева молча опустилась на колени и стала одной рукой гладить траву, где ей казалось лежала совсем недавно Нина. Другой рукой молодая женщина придерживала ребенка. Уединения с подругой, как такового, у Евы не получилось. Не успела Ева еще сменить и пеленку для своей малышки, которая обмочилась здесь, как по дороге ведущей к Водяному, она увидела телегу, запряженную белой лошадью. Мужчина и женщина, сидящие в телеге, скорее всего, были в дугу пьяными. Мат то и дело доносился до сидящей на траве девушки. Еве не очень хотелось того, чтобы жители Водяного видели ее здесь. И поэтому, чтобы не искать очередных приключений, она быстро поменяла пеленку для малышки и погладила рукой землю, место гибели одноклассницы. Затем легко взобралась на шоссейку и медленно пошла в сторону разъезда.

Путница с малышкой подошла к разъезду вовремя. Через пять минут подошла электричка и Ева с малышкой села в вагон. В вагоне

практически не было пассажиров, за исключением нескольких молодых ребят, которые сидели в противоположном конце вагона и время от времени оттуда «испускали» нецензурную брань. По содержанию разговора, который вели ребята, Ева без труда определила то, что это были ребята из профессионально-технического училища, будущие каменщики. Кое-кто из ребят делился мыслями о том, как лучше ложить стенки из красного кирпича, а кое-кто пугал сидящих строгим мастером по фамилии Заяц. Это была кликуха у ребят для мастера, которого все в группе боялись. Ева вскоре потеряла всякий интерес к ребятам, да и это было вполне закономерно.

Тяжелые думы одолевали молодую пассажирку, которая только сейчас четко и осязаемо стала понимать безысходность своего положения. Оно и вправду было катастрофическим. Ева через два часа прибывала в областной город Ктомск, в котором у нее не было ни родных, ни знакомых. Мало того. Она не знала ни одной улицы, не говоря уже о возможности где-либо устроиться на работу. Одной ей было бы значительно легче, куда ни шло. Вся проблема упиралась в малышку, которая почему-то в вагоне стала надрывно плакать. Мать стремилась делать все возможное для того, чтобы усыпить девочку, но увы... Все было безуспешно. Кое-когда девочка умолкала, но не надолго. С заплаканными глазами и с плачущей малышкой выходила Ева на перрон станции Ктомск-Главный. Большие часы на фасаде железнодорожного вокзала показывали ровно шесть часов вечера.

Шум и гам привокзальной жизни застали врасплох молодую крестьянку. Вышедшая из вагона электрички молодая женщина с ребенком была попросту ошарашена толпой снующих туда-сюда людей, которые кто с чемоданами, а кто с сумками бежали в разные стороны. Ева с ребенком в руках и сумкой на плече, прижавшись к киоску, в котором продавали газированную воду, с замиранием сердца начала наблюдать за происходящим. «Обозрение» за пассажирами продолжалось недолго. Неожиданно за спиной девушки раздался сильный мужской голос:

- Эй, красавица, не желаешь ли с нами до окраины Союза покататься? А то в длинной дороге так скучно...

Ева на этот голос никак не прореагировала. Она прекрасно знала о том, что в этом городе у нее знакомых нет. Однако не зная почему, все-таки решила повернуться на голос. Повернувшись, она увидела перед собой вагон пассажирского поезда и мужчину, который стоял возле открытой двери вагона. Какое-то время девушка с ребенком стояла и раздумывала на тем, с каким предложением к ней обратился незнакомец. Мужчина, увидев и почувствовав замешательство незнакомки, решительно прыгнул с

подножки тамбура и так же решительно направился к Еве. Та, в свою очередь, даже бегло окинув взглядом идущего к ней мужчину, не могла не отметить то, что он был недурен собой. На вид ему было где-то около сорока лет или чуть-чуть больше. Пассажир подошел к Еве и протянув руку, поздоровался. Девушка несмело ответила на рукопожатие. Рука мужчины для нее показалась сильной, даже слишком сильной.

- А я за тобою, красавица, уже минут пять наблюдаю, - продолжил незнакомец. - Наш поезд на станции почему-то решили придержать и я решил еще немного посмотреть на этот город. Вместо города вот увидел такую красавицу, как Вы...

Сказав эти слова, мужчина весело рассмеялся, потом стремительно рванулся к киоску, где продавали мороженое. Через две минуты он уже стоял с двумя стаканчиками мороженого. Одно из них предложил Еве. Блондинка сначала хотела отказаться, но потом передумала. Уже больно вкусным и красивым показалось оно ей. Такое мороженое, да еще с изюмом, она в своей жизни никогда не кушала. Откусив первый кусочек сладкого лакомства, Ева почувствовала истинное блаженство. Холодное, мягкое мороженое на какой-то миг погасило чувство жажды, а также чувство голода.

Попытки мужчины начать какой-либо разговор с молодой блондинкой не увенчались успехом. Малышка, устав от жары и от дороги, а также, вполне возможно, и от голода начала громко плакать. Неожиданно для Евы по радио объявили о том, что скорый поезд «Россия» сообщением Москва - Владивосток отправляется. Диктор просил всех пассажиров этого поезда занять свои места в вагонах и быть очень осторожными при отправлении поезда. По перрону сразу же забегали пассажиры отправляющегося поезда. Быстро простился с Евой и незнакомец, который только что угостил ее мороженым. Незнакомец также быстро исчез из поля зрения девушки, как и появился. Ева медленно направилась к подземному переходу, ведущему к выходу в город.

Не успела она переступить первую ступеньку подземного перехода, как ее кто-то сзади резко и неожиданно для нее остановил. Ева то ли от страха, то ли сработал инстинкт самозащиты, резко повернулась назад и обомлела. Перед ней стоял мужчина, который только что перед отправлением поезда угостил ее мороженым. Все остальное позже происходящее для Евы было просто ей не подвластно. Незнакомец молниеносно взял девушку с малышкой на свои руки и ускоренным шагом направился в сторону отходящего поезда, который уже начал набирать скорость. Запоздалого пассажира, да еще с женщиной и ребенком на руках, сразу же заметили проводники вагонов. Кто-то из них нажал стоп-кран. Заскрипели тормоза. Поезд немного качнулся вперед и

остановился. Многие пассажиры повысовывали свои головы из окон купе. Кое-кто из них смеялся при виде опоздавшей тройки. Кое-кто, наоборот, бросал вслед язвительные шутки. Проводница одного из вагонов, сколько было в ее голове ума и в легких воздуха, громко прокричала:

- Ты, что папаша, дочку с внучкой не успел вовремя на поезд посадить? Или нажрался, как мерин сивый?

Дальше от носительницы культурного обслуживания поездов дальнего следования полилась такая отборная матерная брань, что на этот источник брани невольно стали оглядываться люди, дефилирующие по перрону. «Папаша» со своим семейством на эту брань никакого внимания не обращал. Тем более, когда операция по «захвату» молодой блондинки для «отставшего» пассажира закончилась благополучно.

Пятый вагон скорого поезда был купейным. В таком купе Ева была в своей жизни впервые. Здесь все было как в сказке. Две верхние полки были заправлены белыми чистыми простынями и пододеяльниками, на которых лежали белоснежные подушки. Две нижние полки были свободными. Возле окна находился небольшой столик, накрытый белой скатертью. Окно было зашторено двумя небольшими белыми занавесками, на которых было большими буквами написано слово «Россия». Успела Ева разглядеть на полу и небольшой коврик. Дверь купе, в котором оказалась Ева с малышкой, была открытой. Незнакомец, скорее всего, просто ее забыл закрыть. После того, как «добыча» оказалась в купе, мужчина, посадив девушку с малышкой на нижнюю полку, скороговоркой произнес:

- Извините, я скоро приду...

Пришел он где-то через минут десять, а то и через пятнадцать. Пассажир, как и при первой встрече на перроне, с веселой улыбкой представился:

- Меня зовут Егор Егорович, а проще зовите меня Гоша. Меня так всегда раньше и в настоящее время прозывают Гошей или Гохой.

Затем он протянул руку девушке. Ева ответила на рукопожатие, немного задержав свою руку в широкой и сильной ладони Гоши. Поймав себя на этой мысли, она неожиданно для себя покраснела. Мельчайшие капельки пота выступили на ее красивом лице, которое сделалось необычайно розовым. Голубые глаза девушки стали светиться как фонарики на черном небосводе. В этом Ева убедилась сразу, как только Гоша закрыл купе. Сидящая на нижней полке неожиданно увидела свое отражение и отражение малышки в зеркале двери купе. Зеркало было довольно большим. Пока Гоша что-то искал в сумке на верхней полке, девушка

мимоходом поглядывала на свое отражение в зеркале. Она себе очень нравилась. Однако одеяние, в котором она была, явно не соответствовало царящей обстановке в купе. Здесь все было чисто, уютно, даже красиво. Тихо играла музыка. Еще тише колеса вагонов стучали по рельсам.

Вскоре Гоша закончил свои поиски в сумке и присел на нижнюю полку, напротив полки, на которой сидела с малышкой Ева. Так они сидели друг против друга довольно долго, минут пять и молчали. Гоша внимательно глядел на юную девушку с малышкой и о чем-то своем думал. Иногда его лицо становилось не то мрачным, не то угрюмым. Еву, которая также бросала редкие взгляды на мужчину, почему-то это пугало. Ее беспокоило и то, что когда она внимательно заглядывала в глаза мужчины, они становились очень влажными. Даже те беглые, но довольно острые взгляды, которые изредка бросала Ева на мужчину, непонятно почему, давали ей особый прилив не то жалости, не то детского, не то женского обожания к Гоше. Она про себя отметила, что в ее сердце, да и в ее душе нашлась маленькая ниша доверия, а может даже и любви к этому уже немолодому человеку.

Молчание сидящих прервал плач малышки. Девочка в первые минуты пребывания в купе на какое-то время даже забыла про свои «болячки». «Безымяшка», как и молодая мама, сначала внимательно рассматривала все, что было в купе. Она то и дело переводила свои глазки то на зеркало, то на сидящих в купе, то внимательно глядела в потолок. Может ей был приятен легкий шум работающего кондиционера, который нагнетал прохладный воздух. Возможно, благотворно повлияла и перемена обстановки. Тишина, да и прохлада в купе способствовали на какое-то время «благопристойному» поведению малышки.

Где-то около получаса ребенок не плакал. Затем терпение малышки кончилось и она разразилась громким плачем. Первым на плач, как ни странно, прореагировал Гоша. Он быстро подошел к ребенку, которого на руках держала Ева. Мужчина с большим желанием, и это сразу заметила Ева, стал играть перед девочкой коробочкой из-под конфет, лежащей на столике. Однако эти «трюки» мужчины и всевозможные «проделки» матери не могли успокоить плаксу. Видя бесполезность действий своих и молодой матери, Гоша тихо произнес:

- Девушка, сейчас я выйду из купе, а Вы покормите ребенка, - сказав это, он уже сделал первый шаг к выходу из купе. Однако молодая мама предопределила ход его дальнейших действий. Она, слегка потупив голову, со вздохом произнесла:

- Во-первых, извините меня, что я не назвала своего имени. Меня зовут Ева. Во-вторых, я не кормлю дочь молоком. У меня его

просто-напросто нет...

Гоша слегка улыбнулся. Оживление мужчины, скорее всего, было вызвано тем, что он узнал имя своей красивой спутницы. До этого он все время терялся в догадках о том, как все же зовут эту стройную, ослепительно красивую девушку с тугой косой белых волос. Он даже какое-то время в своем воображении давал своей спутнице около десятка имен. Однако все его вымыслы и догадки останавливались только на одном имени - Татьяна. Это имя было для него самым лучшим и святым. К тому же, молодая незнакомка была поразительно похожа на его жену, которую звали Таня, и которую он когда-то страстно любил...

Узнав о том, что девочка Евы очень голодна, а молодая мама в силу каких-то причин не может кормить грудью дочь, Гоша буквально через пару минут нашел выход из сложившейся ситуации. Да и этот выход был подсказан самой жизнью. Уже более двух дней в этом же вагоне, в котором ехал Гоша, только через купе, ехала женщина с дочерью и внучкой в Читу. При выходе из купе в коридор, чтобы подышать свежим воздухом, да и на остановках, Гоша несколько раз замечал немного полную девушку с ребенком, который иногда спал, а иногда и бодрствовал на руках матери. В том и в другом случае, спящий или прыгающий на руках матери ребенок держал во рту небольшую резиновую пустышку. Малыш испытывал явное удовольствие от резинки, надеясь на то, что скоро из «груди» матери польется молоко.

Вика, так звали молодую маму от предложения Гоши накормить грудью малюсенькую девочку не отказалась. Вскоре Ева оказалась в кругу двух приветливых женщин. Такая доброжелательность в какой-то момент насторожила молодую крестьянку. Однако, увидев то, с какой лаской и заботой восприняли ее дочурку незнакомые люди, опасения у Кротики вскоре рассеялись. «Безымяшка» сначала перед грудью незнакомой мамы немного покуражилась. Она, хватая губами сосок груди, с громким плачем то его отвергала, то опять припадала к источнику материнского молока. «Прелюдии» девочки продолжались довольно недолго. Голод брал свое. Через пару минут девочка с небольшим свистом и храпом мирно «штурмовала» грудь незнакомой для нее мамы. Ева с облегчением вздохнула, увидев как малышка стала жадно кушать. Она в своей душе очень радовалась тому, что за долгое время ее малышка хоть досыта напьется материнского молока, пусть даже и не от родной матери.

Спокойствию малышки был рад и Гоша. Его радовало не только это. Он не мог ни заметить того, как красавица Ева бросала в его сторону теплые взгляды, которые были порою столь пронзительными и жадными, что ему становилось как мужчине

очень приятно... Почувствовав то, что он далеко не последнее место занимал в кормлении малышки и с этой задачей справился неплохо, Гоша быстро удалился в свое купе.

Анна Ивановна, так звали мать Вики, убедившись в том, что маленькая незнакомка насосалась женской груди вдоволь и закрыла глазки, полушепотом обратилась к Еве:

- А ну, мама, неси доченьке-красавице новые пеленки, распашонки, а то, я вижу, что у нее уже потоп...

Услышав эти слова пожилой женщины, Ева слегка покраснела и сказала:

- К сожалению, сумку со всем необходимым для ребенка я в дороге потеряла... И сейчас у меня практически ничего нет для моей малышки...

Дальше она продолжать не стала, так как доброжелательная Вика быстро достала из своего большого чемодана чистую пеленку, рубашку и штанишки. И все это пахло чем-то приятным, что очень радовало Еву. Она была необычайно довольна тем, когда переодев своего ребенка в чужую одежду, она увидела в нем совсем другую малышку. Ей даже не верилось в то, что это ее дочурка лежит в белоснежной пеленке, в рубашке в горошинку и в белых штанишках. Насытившись материнским молоком и переодетая во все свежее белье, девочка заснула крепким сном.

Извинившись за беспокойство, Ева сделала попытку взять спящую дочурку на руки, но Вика с улыбкой произнесла:

- Да пусть она останется у нас на немного. У нас молодой жених спит уже как час. Он спит как убитый, даже не зная о том, что рядом с ним спит такая красивая невеста...

После этих слов все женщины весело рассмеялись. Чувствуя поистине материнскую заботу Анны Ивановны и ее дочери Вики о своей девочке, Ева согласилась оставить «безымяшку» у соседей на время сна. Да и малышка, наверное, была не против того, чтобы основательно выспаться в гостях. Она очень крепко спала «калачиком», повернувшись на бочок. Молодой матери также не хотелось тревожить дитя малое, не дай Бог, оно могло проснуться во время «транспортировки». Женщины и на том порешили. Ева заберет девочку в свое купе после того, как сама малышка проснется. Вика обязалась известить Еву об этом.

Покинув гостеприимное купе, Ева направилась в свое купе, дверь которого была закрыта. Кротиha тихонько постучала в дверь. На стук никто не реагировал.

- Наверное, Гоша куда-то ушел, а может даже уже и спит, - подумала про себя юная пассажирка и направилась к окну в коридоре вагона.

Время было где-то уже около восьми вечера. Пролетающие

через окно вагона деревни и другие полустанки постепенно одевались в пелену надвигающихся вечерних сумерек. Это было особенно заметно, когда поезд проносился среди густых лесов. Наблюдение за всем тем, что пролетало в темном окне перед Евой, неожиданно прервал Гоша, только что вышедший из купе. Мужчина был в черных брюках, в белой рубашке и при галстук в полосочку. Только сейчас девушка поняла, почему никто в купе на ее стук не отвечал. Гоша переоделся и переоделся ради молодой девушки, ради Евы. Так думала Ева, а может ей просто так хотелось думать...

Гоша обратился к Еве как к давно уже знакомой девушке:

- А куда наша молодая мама девала свою дочь?, - опять весело, как и раньше, спросил мужчина. При этом он широко открыл рот и обнажил белые зубы. Красивые зубы Гоши Еве понравились. Ей на какой-то миг стало не по себе, когда она вспомнила кривые зубы Генриха Петровича, которые были желтого цвета от постоянного курения. Ева на вопрос мужчины, слегка покраснев, тихо ответила:

- Малышку, свою... Еву, я оставила там, в соседнем купе у Анны Ивановны. Она и Вика сказали, что после того как проснется девочка, они меня позовут, Вот так...

Сказав это, Ева опустила голову вниз и начала кусать нижнюю губу. На какой-то миг она стояла как провинившаяся девочка, которая что-то «набедокурила» перед родителями и теперь держит ответ перед ними. В голове у Евы на какой-то миг появилась мысль о том, что надо незамедлительно забрать малышку у незнакомых людей, хотя и у очень приветливых. Эту мысль девушки, скорее всего, «разгадал» и Гоша, видя перед собою слегка покрасневшую Еву, которая стояла перед ним и о чем-то думала. Он улыбнулся, слегка притронулся рукой к плечу блондинки и также слегка подтолкнул ее в направлении к двери своего купе. При этом тихо, но почему-то уверенно сказал:

- Я думаю, что ты правильно сделала. Твоя Ева, наверное, как и ее мама, сильно устала. Сейчас малышка накушалась и пусть спокойно поспит. Я постараюсь за ней во время ее сна посматривать...

Слова Гоши успокоили Еву и она уверенно вошла в купе. Присев за столик, она устроилась в окно и опять стала наблюдать за тем, что проносилось мимо идущего на восток поезда. «Обозрение» за тем, что было за окном купе, для Евы было занятием вполне условным. В ее голове проносились всевозможные мысли. Главное ее успокаивало и давало силы для завтрашнего дня было то, что ее дочурка была накормлена, одета во все чистое и крепко спала. При мысли о том, что малышка накормлена, у самой Евы выделялась слюна. Она всячески старалась это скрывать от Гоши, который

сидел напротив и в полутемном купе листал журнал «Огонек». У молодой девушки с раннего утра довольно часто «бурлило» в животе. Сейчас же в глазах от голода время от времени появлялись зеленые огоньки.

Гоша включил радио. В купе раздались сигналы точного времени. Передавали последние известия. Сидящие за столиком продолжали молчать. Каждый из них хотел что-то друг другу сказать, однако каждый выжидал удобный для этого момент. Иногда каждому из них казалось, что этот повод уже найден, но время проходило и никто не решался начать первым разговор. Среднего возраста мужчина и очень молодая девушка изредка бросали взгляд друг на друга и только. Ева, в который уже раз рассматривая физиономию Гоши, не могла не заметить того, что он чем-то был взволнован. Ее напарник по купе иногда украдкой смотрел на часы и то ли от какого-то волнения, то ли от какого-то ожидания поглядывал на дверь. Диктор закончил читать последние известия.

Из радио полилась легкая музыка. Впервые в жизни Ева наслаждалась такой прекрасной музыкой. До этого момента она не имела возможности это делать, так как в ее избушке радио не было. Да и спокойствие, и тишина до этого времени никогда еще в жизни не посещали душу молодой селянки. Темнота все решительнее брала верх над светом. Купе все быстрее и быстрее оказывалось в плену у темноты. Гоша щелкнул выключателем. Вверху в купе вспыхнул яркий электрический свет. Он показался для Евы таким ослепительным, что она даже на миг закрыла руками свои глаза. Девушка радовалась свету. Ей уже не хотелось «глазеть» в окно и рассматривать постепенно темнеющие силуэты деревень и еле заметные очертания лесных массивов.

Неожиданно кто-то уверенно и сильно постучал в дверь купе. Гоша слегка вздрогнул, отложил журнал в сторону и затем неспеша пошел открывать дверь купе. После того, как Егор Егорыч открыл дверь, неожиданно для Евы в дверях появился довольно худой мужчина во всем белом. Колпак на его голове также был белого цвета. Теперь девушка несколько не сомневалась в том, что это был официант или даже повар из вагона-ресторана. Гоша на какое-то время прикрыл дверь купе. Двое мужчин оказались за дверью наедине. О чем они говорили Ева не слышала. Разговор мужчин для юной пассажирки остался тайной. Он был не очень продолжительным. Вскоре раздался стук в дверь. Затем открылась дверь и появился Гоша. Он был очень веселым и одновременно неподдельно торжественным. Плотно прикрыв за собой дверь, он полупшепотом произнес:

- Прошу внимания, моя молодая и очень красивая Ева...

Вечерний бал для нас с тобою на сибирской земле начинается!

Затем он исчез опять за дверью и появился вновь в купе через десять-пятнадцать секунд. Появился не один, а с тележкой, на которой были различные блюда и напитки. И от всего этого исходил приятный запах, от которого Ева чуть-чуть не оказалась в обмороке.

Девушка из глухой сибирской деревни за свою довольно короткую жизнь такого изобилия продуктов и напитков не видела. Не говоря уже о том, что она их не кушала или не пила. Она даже не знала наименование некоторых блюд и яств, что были на тележке. Однако беглый взгляд красивой блондинки на все это съестное «сокровище» позволил и ей определить изысканность блюд и напитков. Здесь была бутылка советского шампанского, бутылка пятизвездочного коньяка. В стеклянном кувшине был еще какой-то напиток или сок. На тарелках были аккуратно нарезаны кусочки колбасы и сыра. В одной тарелке Ева заметила ярко красные кусочки рыбы...

Дальше разглядывать то, что лежало на стеллажах тележки Кротиха посчитала неприличным занятием и решительно отвела глаза в сторону. Глубоко вздохнув, затем взглянула на Гошу. Смотря на мужчину, молодая женщина отчетливо поняла, что все это изобилие для нее. Гоша, в свою очередь, глядя на Еву, прекрасно видел и понимал, что напитки и кушанья «ошарашили» молодую даму. Это его очень радовало и придавало новые силы. Он, как заправский официант, ловко вкатил тележку в глубину купе, закрыл дверь и громко произнес:

- Дорогая моя, Татьяна...

После этих слов он немножко смутился, даже покраснел. Затем, прямо глядя в глаза Евы, опять произнес:

- Сегодня наш день с тобою... Ева, ты слышишь меня? Мы сегодня должны отметить нашу встречу, моя девушка...

Юная мама от съестного и напитков решила не отказываться. Голод о себе заявлял все больше и больше. Терпению молодой крестьянки приходил конец. Мысль о том, чтобы достать остатки хлеба и кусочек вафлей из сумки, которая лежала под столиком и скушать оставшиеся припасы, приходила в голову девушки уже давно. Однако «трапеза» с такими продуктами, да и еще при таком мужчине, Еве представлялось явно не приличным занятием. Ей не хотелось выглядеть отсталой женщиной. К тому же, Гоша с каждой минутой почему-то все больше и больше ей нравился.

Сейчас же, увидев такое изобилие продуктов и напитков, блондинка решила не гнать «картину». Она улыбнулась, и пристально посмотрев в глаза мужчины, без всякого стеснения произнесла:

- Я согласна с тобою, чтобы этот вечер был только для нас

двоих. Хотя мне как-то не очень удобно перед Вами. Мы ведь мало друг с другом знакомы...

Больше девушка ничего не стала говорить. Она быстро взяла полотенце, лежащее на верхней полке, и выскочила из купе. На пути в туалет Ева тихонько подошла к двери купе, где оставила свою дочку, и прислушалась. В купе была полная тишина. Это означало, что ее малышка спит и не служит источником беспокойства для тех, кто приютил девочку на короткое время.

В туалете Кротиха пробыла довольно долго, даже успела поплакать, причиной этому был ее убогий внешний вид. Закрыв дверь туалета, она долго разглядывала себя в зеркале. В своей фигуре, да и в физиономии она находила многое положительного, даже очень. Проблема состояла в ее одежде, та ее явно не устраивала. Даже ее любимая косынка в этом заведении не смотрелась, не говоря уже о трусах, которые она носила довольно продолжительное время.

К приходу Евы в купе стол угощений уже был накрыт. Лыбин, как он это считал сам, приготовил все «по чину». Успел даже достать из своей сумки «Шипр» и брызнуть несколько капель на себя, приятный запах мужского одеколора царил в купе. Почувствовала это и блондинка, едва перешагнула порог купе. Глядя на мужчину, она от всего своего сердца и от всей своей души благодарила Бога за то, что все так хорошо с ней произошло несколько часов назад.

На правах хозяина Гоша пригласил девушку за стол, сейчас для нее здесь все было необычно. И этот свет, и этот столик, на котором было немало изысканных блюд, и это тихое постукивание колес поезда. Все располагало к спокойствию, даже к любви... Это почувствовала Ева, как только Гоша наполнил два бокала шампанским. Затем он привстал из-за столика, взял свой бокал, и чокнувшись с девушкой, торжественно произнес:

- Моя дорогая незнакомка, я предлагаю тост за любовь, которая движет жизнью, дает надежду на эту жизнь, дает надежду на лучшее завтра. Я сегодня очень счастлив, что могу помочь хоть чем-то в жизни такой девушке, как Вы, Ева...

Сделав акцент на слове «Вы», Гоша слегка притронулся своей рукой к руке блондинки, в которой она держала бокал с шампанским. Даже это очень короткое прикосновение руки Лыбина для Евы оказалось достаточным, чтобы почувствовать теплоту, даже симпатию мужчины, который всего несколько часов назад был для нее незнакомым и чужим, а сейчас становился все более привлекательным. Девушка выпила бокал шампанского сразу, ей просто хотелось как можно быстрее почувствовать прохладу и приятный вкус игристого вина. Затем принялась за еду. Старалась

кушать не торопясь, хотела показать то, что она раньше не испытывала страшное чувство голода. Однако ей это только казалось. Гоша, наблюдая за тем, как кушает его незнакомка, прекрасно понимал и видел, что его пассажирка явно голодна и поэтому сам стремился пережевывать пищу как можно медленнее. Бокал шампанского чуть-чуть дал бодрости сидящим для разговора. Однако, не зная даже почему, никто опять не начинал разговор первым. Ева при появляющемся желании первой завести разговор, сознательно «тормозила» себя. Она боялась, что собеседник сразу же найдет ложь в ее разговоре. «У мужчины могут возникнуть вопросы ко мне об моей жизни, а там темный лес», - думала про себя юная Кротиха и поэтому молчала. О чем думал Гоша, внимательно смотревший на нее, она, конечно, не знала, да и не могла знать.

Лыбин, увидевший то, что молодая пассажирка на какое-то время погрузилась в свои размышления, быстро открыл бутылку коньяка и наполнил им два маленьких стаканчика. Он второго тоста не произнес, только быстро опрокинул содержимое в рот и ничего не кушая, стал молчать. Таким же образом с своим коньяком поступила и Ева, тот оказался для красивой особы куда «страшнее» шампанского. Она сразу же почувствовала в этой слегка коричневой жидкости запах не то муравья, не то другого насекомого, который остался для нее непонятным. В отличие от Гоши Ева сразу же принялась за котлету с картофелем, надеясь таким образом как-то «подавить» жгучесть крепкого алкогольного напитка.

Увлеченная котлетой с гарниром, она не заметила, как мужчина из своей сумки достал фотографию и стал ее очень пристально рассматривать.

- Ева, посмотри на эту фотографию. Ты здесь ничего интересного не находишь?, - спросил он у девушки и подал ей фото.

Блондинка с недоверием, даже с определенной долей страха взяла фотографию в свои руки. Фото было довольно старое, но качество его было неплохое. Посмотрев на фотографию, Ева чуть было не вскрикнула: «Да это же я!». Однако сразу же прикусила себе язык. Молодая девушка на фотографии была поразительно похожа на ту, которая сидела в купе с Гошей. Только белые волосы незнакомки были коротко подстрижены. В принципе только короткой прической она отличалась от Евы, имеющей толстую белую косу. Нескрываемое удивление Евы заметил и Гоша. Он в этом нисколько и не сомневался, поэтому сразу же с восхищением произнес:

- Ну что? Я тебе же говорил, что ты как две капли воды похожа на эту девушку Татьяну. Даже при знакомстве с тобой я назвал ее имя...

Затем, немного подумав, он уже более серьезно сказал:

- А ведь эта была моя первая любовь, а может и последняя. Да и я сам в свои сорок пять не могу понять, есть или нет настоящая любовь в этом человеческом обществе. Тридцать лет назад она для меня была единственной, да еще какой!...

Дальше Гоша ничего говорить не мог, его глаза стали влажными. Для того, чтобы подавить свою сиеминутную слабость, он налил себе коньяка, затем и девушке. Очередная порция спиртного «развязала» ему язык и одновременно усилила неподдельный интерес молодой особы к тому, о чем начал вести свой разговор импозантный мужчина.

Глава четвертая.

В омуте чужой любви

Молодой Егорка влюбился в Таню, как говорят в народе, с самых пеленок. Только на полгода раньше родился мальчик, чем девочка. Детство, школьные годы они провели вместе. Да и жили они также рядом. Дома в деревне, где они родились, находились друг напротив друга. Эти дома разделяла только шоссе. Уже в восьмом классе Гошка, так называли мальчика всегда и везде, стал осознавать о том, что соседка Таня все больше и больше нравится ему. Взрослеющий паренек все делал для того, чтобы понравиться девочке, которая не по дням, а по часам стала превращаться в настоящую красавицу. Что только хорошего не делал молодой кавалер для своей возлюбленной: помогал решать трудные задачи по математике в школе и дома, носил за нее портфель в школу и назад домой. Даже успевал кое-что «принимать» на себя из части хозяйственных обязанностей, которые должна была выполнять девушка у себя в доме. Ни раз, и ни два, влюбленный по уши полон огород в летние месяцы за девушку-соседку, которая в это время читала книгу в саду, покачиваясь в гамаке.

Время для молодых бежало довольно быстро. Да и жизнь вносила свои коррективы. У Гошки к десятому классу появилась проблема, да и притом довольно серьезная. Его невеста становилась не только краше и стройнее, но и с каждым днем становилась рослее. Однажды зимой, в год выпуска, в школу приехала группа врачей из района с целью медицинского обследования сельских учеников. Для Гошки результат был неутешительным. Он был на целых пять сантиметров ниже, чем Таня. Десятиклассник не находил себе места, даже решил изменить тактику всевозможных походов со своей подругой. Когда сопровождал свою невесту в школу или домой стремился идти чуть-чуть впереди Тани или

позади ее, дабы хоть как-то стереть «превосходство» одноклассницы в росте. Гошка своим детским умом понимал то, что его невеста из-за его «росточка» может незаметно «уплыть», тем более, в родной его деревне все мужья в семьях были выше своих жен.

Неудачник решил не сдаваться, стал заниматься спортом. Даже для себя нашел друга по несчастью Мишку Худорошко, который также не «дружил» со своим ростом. Ребята стали напряженно заниматься спортом, даже все березовые чурбаны десятилетней давности за своими огородами топором раскололи, дабы накачать силы и прибавить в росте. Но увы... Сила у Гошки Лыбина прибавлялась, а вот с ростом проблема не разрешалась. Татьяна же без всякого напряжения брала верх над молодым парнем. Наблюдая за великим усердием жениха, невеста только посмеивалась, но дружбы с соседом не разрывала. Да и эта дружба для Татьяны была, скорее всего, просто дружбой молодых соседей. Она не относила эту дружбу с парнем к сфере любовных отношений. Чем взрослее становились соседи, тем отчетливее понимал Гошка бессмысленность своих притязаний на любовь к соседке-красавице. Они за все время дружбы, даже уже будучи взрослыми детьми, так и ни разу не поцеловались. Только однажды Татьяна позволила себе поцеловать своего вечного ухажера, да и то в щечку. «Пылкой» любви у нее к Гошке никогда и не было, если бы не случай...

Дело это было в период сдачи государственных экзаменов. В деревню приехали трое ребят из областного центра для помощи совхозу. Городские ребята были нагловатые, да и это было вполне понятно. Для них ребята из глухой деревни были не в счет. Как правило, тройка вечером приходила в клуб «на рогах» и довольно часто «буянила». Сельские ребята в основе своей не приструнивали городских забияк, чуть-чуть трусили. К этому же, многие из деревенских жили и работали в областном центре и поэтому боялись возможных ответных действий, которые могли «организовать» эти трое, находясь в своем родном городе.

Татьяна, как самая красивая девушка в деревне, оказалась в центре внимания приезжих. Да и самой девушке очень нравились ухаживания тройки. Преимущество городских еще состояло и в том, что у них водились деньги. Эти деньги ребята получали от завода, да и совхоз оплачивал их труд. «Невеста» Гошки постепенно, но уверенно уходила из поля зрения страдающего паренька. Весомой причиной этому являлись и подношения, которые устраивали городские для сельской красавицы. Из города для нее они привозили кое-что из одежды, сладости брали в местном магазине. Больше всех девушка любила зефир, она «уплетала» его, невзирая ни на что и ни на кого. С глубоким сожалением наблюдал Гошка за своей подругой детства и все больше ненавидел городских. Он, как

молодой хищник, жаждал расплаты за то, что его любовь отдавала пальму первенства не ему, а этим подпитым парням. И этот час расплаты наступил для него, притом очень быстро.

Возмездие состоялось в тот день, когда десятиклассники сдали экзамен по математике. Гошка в этот вечер пришел в клуб немного позже, фильм уже прокрутили. Взрослых в клубе не было, осталась только молодежь. Татьяна, как всегда, была в центре внимания городской тройки. Девушка с парнями стояла в нескольких метрах от входной двери клуба на улице и громко щелкала семечки, шелуха от которых то и дело веером падала на землю. Лыбин, подошедший к главному входу, не мог не заметить того, что «старшой» из городской тройки был чересчур пьяный. Парень также был долговязым, как верзила, имел продолговатую голову и длинные руки. Порою казалось, что он мог и без труда ходить и на руках, держа за пазухой свои ноги. Гошка сначала намеревался войти в клубный кинозал и «засветиться» перед своими деревенскими корешами. Однако визит пришлось отложить.

Причиной этому явилось то, что городской авторитет, окосевший от «водяры», начал приставать к Татьяне. Он без всякого стеснения кричал:

- Я тебя, красавица, хочу иметь... Тебе что, соска, не понятно? Я хочу тебя...

Далее просьба кавалера сопровождалась такой отборной матерщиной, что даже сторож бабка Акулина Мякишева, постоянный ветеран молодежных вечеринок в клубе, невольно закрыла свои уши и стала шептать себе под нос, скорее всего, это было что-то из молитвы. Потом верзила под дружное «ржание» своих собутыльников стал заламывать руки девушки, та не на шутку испугалась. Чем закончится все это «представление», Гоша выжидать не стал. Он незаметно подошел к тройке и уловив момент, когда верзила выпрямился, резко подскочил к нему. На какие-то доли секунды десятиклассник даже испугался, когда оказался рядом с городским. Он был ему под «пупок». Однако отступать было некуда и некогда. Школьник занес правую ногу несколько назад по отношению к долговязому и одновременно правой вытянутой рукой ударил соперника в грудь. «Подсечка» получилась неплохой, противник мгновенно упал, растянувшись на земле. Головой он «дотянул» до полусгнившего крыльца. Гошка даже слышал как звякнули зубы у верзилы. Городские явно не ожидали такой наглости от «деревни» и быстро решили исправить ситуацию. Они жаждали расправы с неказистым пареньком. Развязка могла наступить очень быстро и не в пользу школьника Лыбина. Однако все пошло совсем по другому сценарию. Откуда ни возьмись появился Мишка Худорожко, Гошкин друг «по несчастью». Он был

в легкой курточке и в красной шапочке на голове. Шапочку он практически летом не снимал, для этого были определенные основания. Мишка во время экзаменов довольно часто вместо отца пас совхозных коров и целый день был на жаре. Шапочка спасала юношу от солнца, да и от постоянно наседающих паутов. Легкую курточку школьник носил также неспроста, носил тогда, когда где-то пахло «жареным». Сегодня до пастуха дошла информация, что городские с раннего утра «чифирили», что могло привести к разборкам среди молодежи, в первую очередь, в клубе. Для исключения оных, да и для самозащиты школьник прихватил самодельный обрез. Мишка сделал его в кузнице, в строгой тайне от отца. Из обреза «оружейник» лично сам ни разу не стрелял, боялся большой отдачи при стрельбе. Куртка служила у него своеобразным прикрытием для оружия, дабы не пугать жителей деревни.

И сегодня, увидев происходящее и то, что его лучшему другу Гошке угрожает опасность, Мишка решил действовать наверняка, решительно и быстро. К месту разборки он прибежал вовремя, основные баталии еще не начались. Не успел еще один из городских и руку занести для удара Гошки, как пастух приставил обрез с взведенным курком к животу «агрессора». Тот не ожидал такой развязки и явно тухнул. Руки нападающего стали трястись, левая нога у городского задергалась. Страх перед оружием внес свои коррективы. Городской, который несколько секунд назад грозился «деревне» набить морду, перед сельскими ребятами залебезил:

- Ну, ладно, паря, я просто хотел с ним пошутить... Я... я... Мы... хотим с вами хорошо жить...

Дальше парень ничего не мог сказать, страх на какое-то время лишил его дара речи. Мишка и сам немного испугался, когда увидел болезненное выражение несостоявшегося обидчика друга Гошки Лыбина. Пьяная троица покинула клуб сиеминутно. Постепенно пришла в себя и Татьяна, она была в восторге от того, что вся эта «перепетия» так хорошо для нее закончилась. Блондинка подошла к Гоше, и поцеловав его в щечку, ласково и с улыбкой произнесла:

- Спасибо тебе, Гошенька, мой цветочек и хранитель... Я даже не знала, что ты такой мужественный и сильный...

После этих слов девушка с гордо поднятой головой пошла в сторону дороги, ведущей к ее дому. Гошка и Мишка весело улыбнулись и крепко пожали друг другу руки.

Ева с большим вниманием слушала своего собеседника. Интерес к истории любви мужчины к красивой женщине у сельской девушки был неподдельный. Впервые в своей жизни она хотела не только послушать эту историю, но и в какой-то мере самой почувствовать страсть этой любви, которую испытал ее собеседник. Ева сейчас не горела желанием задавать какие-либо вопросы

рассказчику, которого знала всего пять часов. Она только смотрела на Лыбина и во время его монолога иногда кушала все то, что ей нравилось. Порою Гоша останавливался, переводил дух. Брал бутылку коньяка и наливал его в маленькие рюмки. Одну для себя, другую для блондинки. Тостов, как таковых, никто не произносил.

Лыбин во время своего монолога уже не мог не замечать, что после очередной, хотя и не очень большой порции спиртного, большие голубые глаза его собеседницы становились все более теплыми и страстными. Все это придавало ему новые и новые силы, чтобы рассказывать историю своей поистине трагической любви к Татьяне без всяких прикрас, показать ее такой, какой она была на самом деле.

Ева и на самом деле сопереживала вместе с мужчиной, и радовалась тому, что он по уши влюбился в красивую школьницу. Ее глаза становились грустными, ей хотелось плакать, когда девушка, неизвестная ей, отвергла любовь молодого парня. Кротиха к концу монолога уже не сдерживала слез. Ей было жаль человека, у которого и в будущем жизнь сложилась неудачно...

После окончания десятилетки Гошка Лыбин рванулся поступать в военно-морское училище. Но увы, не поступил... Не прошел по конкурсу. На следующий год поступил в ветеринарный институт, стал учиться на ветеринара. Татьяна экзамены сдала сразу же и очень успешно, и стала учиться в университете на историческом факультете на Дальнем Востоке. Гоша, несмотря даже на то, что его любимая училась так далеко от Ктомска не падал духом. От Ктомска до города, в котором училась Татьяна было где-то около двух тысяч километров. Первая встреча Гоши с Татьяной произошла сразу же после первых каникул девушки, когда она приехала в родную деревню. Студентка была очень довольна встрече со своим одноклассником. Она все время тараторила о том, чтобы Гошка не падал духом после неудачного поступления в военное училище, а искал для себя другое высшее учебное заведение. Как и раньше, Гоша сопровождал Татьяну всегда и везде. Поцелуев у них все еще не было. Все встречи заканчивались теплыми рукопожатиями. В следующий раз Татьяна приехала на летние каникулы в свою родную деревню Васильковку только через два года. К этому времени Гошка закончил два курса ветеринарного института. За два года Татьяна сильно изменилась, при этом только в лучшую сторону.

О том, что на каникулы приезжает Татьяна, Гошка узнал от ее родителей. До этого парень писал своей любимой очень много писем, но она по непонятным для него причинам не отвечала. Быстрее лани примчался студент к дому Парфеновых, где жили родители Татьяны. Родители привезли свою дочь-красавицу с

разъезда на «Запорожце». Студентка прямо возле дома попала в теплые объятия своих родных и близких. Все они от мала до велика гордились Татьяной: кто своей дочерью, кто своей родственницей, а кто и просто своей селянкой. Еще раньше от родителей Татьяны Гошка узнал о том, что их дочь в университете учится очень хорошо и подумывает об аспирантуре.

За встречей родственников с приехавшей Татьяной, Гошка наблюдал из-за кустов густой акации в саду Парфеновых. Что-то в душе заскребло у паренька, когда он со стороны увидел свою одноклассницу после двух лет разлуки. Татьяна превратилась в настоящую красавицу. Затаив дыхание, Гошка продолжал наблюдать за тем, как Татьяна радостно рассказывала своим близким о приключениях, с которыми она добиралась до своей деревни с Дальнего Востока. Даже на расстоянии двадцати метров, которые отделяли парня в «засаде» от Татьяны, Лыбин заметил резкие перемены в облике своей соседки. Ему казалось то, что он улавливал из-за кустов даже запах тела девушки, который стал иным, более приятным. Студент-ветеринар все и вся в будущей историчке находил совершенным: и эти короткие белые волосы с челкой на красивом прямом лбу, и эти точеные загорелые ноги, которые прикрывала синяя короткая юбка. В период невольного «обозрения» приехавшей, Гошке казалось и то, что Татьяна заполонила запахом красоты всю деревню, которая, по-новому стала дышать и жить.

В этот вечер Гошка Лыбин к Татьяне Парфеновой в гости не пришел, хотя этой встречи ждал целых два года, которые показались для него целыми десятилетиями... Не встретился Гошка со своей любимой и на следующий день, ни через неделю. Для этого были определенные причины. На следующее утро после приезда Татьяны Гошку вызвали в контору. Управляющий отделением проинформировал студента о том, что в деревню звонила мать его друга из города и просила Гошку очень срочно приехать, так как ее сын попал в автомобильную катастрофу. Однокурсник лежал в тяжелом состоянии в больнице. Гошка выехал к другу в тот же день. Три дня и три ночи провел Лыбин в больнице возле постели своего друга, который, к сожалению, здесь и скончался. Отдавая дань уважения памяти друга, Лыбин помогал как мог его матери в трудную минуту ее жизни. Три дня пробыл Гошка в городе и после похорон Петра.

Только через десять дней приехал Лыбин в родную Васильковку. Все это время, несмотря на потерю друга, парень душой и сердцем был рядом с Татьяной. Но увы... Встретиться с любимой девушкой в этот раз не удалось. Татьяна, побыв в деревне неделю, уехала с родителями на юг, на море. Оттуда девушка

собиралась лететь самолетом на Дальний Восток, в свой университет. От досады Гошка плакал. Уж больно хотелось ему увидеть свою любимую и поговорить с ней. Еще на могиле только что умершего друга он дал себе слово в том, что он в первые минуты встречи с Татьяной скажет ей о том, что он ее любит. И любит так, как никто на этой земле.

Не получилось у Гошки с признанием в любви к Татьяне и в последующие четыре года. С болью в сердце изредка заходил Гошка в дом через дорогу, где жили родители Татьяны. Они прекрасно знали, зачем и почему навестил их молодой сосед. Они в один голос говорили о том, что их дочь не имеет возможности приехать в Сибирь по причине усердной учебы. От них Гоша узнал и о том, что Татьяна получила красный диплом после окончания университета и уже учится в аспирантуре. Молодого соседа эта информация очень радовала. К тому же, Парфеновы сказали ему и о том, что дочь в одном из писем заявила очень серьезно следующее: до защиты кандидатской диссертации она ни только не приедет в Васильковку, но и не будет выходить замуж.

Заверения пожилых людей дали очередную надежду ветеринару на будущее. Красота Татьяны, а может и первая любовь парня к своей молодой соседке, заставляли влюбленного «работать» над собой во всех направлениях. Главный недостаток парня - рост, давал день и ночь о себе знать. В том, что Татьяна опять «пошла» хоть и не намного ввысь, он убедился в саду, когда наблюдал из-за акации за молодой соседкой во время ее встречи с родственниками. Во время учебы в вузе студент доводил себя до изнеможения. Каждый вечер он пропадал в спортзале: занимался с тяжестями, бегал, с невероятным усилием колотил руками боксерскую грушу. За год подрос на целых пять сантиметров. Однако той, с кем он так настойчиво хотел соизмерить свой рост, не было.

Татьяна появилась через полгода в родных местах после того, как Гошку Лыбина, как молодого специалиста, направили в совхоз, который находился в пяти километрах от районного города Баклуши. Ветеринар был очень доволен распределением: как никак город рядом, да и в любое время можно побывать в родной деревне. Образ Татьяны не выходил из головы специалиста ни днем, ни ночью. Надежда на брак с Татьяной, даже ее маленькая капелька давала молодому мужчине силы для работы. Любимая соседка появилась у него в доме, где одну из комнат снимал совхозный ветеринарный врач, вечером, когда лучи солнца последнего дня мая собирались уходить с небосклона. Лыбин пришел домой поздно, где-то около девяти вечера и был приятно удивлен тому, когда хозяйка с улыбкой сказала о том, что постояльца в его комнате

ждет молодая особа, притом очень красивая. Ни о чем не думая и ничего не видя перед собой, Гошка рванулся в свою комнату. Мысль о том, что этой красивой особой может быть только Татьяна и никто другой, пронзила мозг ветеринара. Гошка резко открыл дверь своей комнаты и не верил своим глазам, своему сердцу и своей душе. За его письменным столом сидела Татьяна...

Она сидела за столом и листала одну из книг из серии «Жизнь замечательных людей». Гошка любил книги о героях Советской власти и поэтому читал эти книги всегда и везде, как только находил свободную минуту. Татьяна заметила как вошел Гоша и быстро встала из-за стола. Затем она отошла от стола на метра два в сторону и остановилась. Гошка также стоял возле двери и почему-то даже на правах хозяина не мог сделать ни шага в сторону своего письменного стола, где совсем недавно сидела та женщина, которую он знал всю свою жизнь и также ждал ее целую вечность. Молодому человеку было стыдно за себя, что силы его оставили и он ничего с собою не мог сделать. «Работали» только его глаза, которые «пожирали» эту красивую особу и «давали» информацию «туда», где он уже сам понимал то, что Таня, Татьяна сама пришла к нему.

Только зачем и почему она приехала в эту деревню именно сегодня, Гошка почему-то не знал, а может даже и не понимал. Ему, конечно, очень хотелось, чтобы Татьяна приехала именно сюда, именно сегодня и только к нему, а не к кому другому. «Да и это вполне заслуженно, и это именно я, а никто иной, страдал все эти годы», - думал про себя Лыбин. Ни день и ни год носил он в своей голове, в своем сердце эту особу, которую звали Татьяна. Какие только истории не «строил» молодой Лыбин, но везде и всегда главную роль в них он отводил Татьяне, которая была и оставалась главной героиней его фантазий. Только здесь и сейчас, стоя возле двери комнаты, в которой была Татьяна, мужчина по-настоящему сожалел, что за четверть века он так и ни разу ее не поцеловал...

Татьяна, так же как и Гошка, стояла и не решалась сделать хотя бы еще один шаг навстречу вошедшему мужчине. Она, как и вошедший, стояла и внимательно разглядывала того, который любил ее, любит и будет любить ее до конца своей жизни, даже какой бы она не была. Она это прекрасно понимала и знала, как никто иной на этой земле. Красивую блондинку это очень радовало. Ее так же радовало и то, что ее «извечный страдалец» внешне изменился и притом в лучшую сторону. Первое, что отметила про себя гостя, было то, что тот, к кому она приехала, довольно хорошо вытянулся, подрос, и скорее всего, догнал, а может даже и перегнал ее ростом. Черные, слегка вьющиеся волосы Гошки очень были к лицу ему и к тем глазам, которые так жадно ее разглядывали. Дальше особенности молодого мужчины она не стала

изучать. Ей стало казаться, что молчание длится уже целую вечность и она первой решила его нарушить.

Татьяна, улыбаясь, уверенно подошла к оторопевшему хозяину и также уверенно протянула руку для приветствия. Протянул для взаимного приветствия руку и Гоша, который, только сейчас начал кое-что «копировать» из окружающей его действительности. Поздоровавшись, гостя после некоторого раздумья произнесла:

- Вот, мой светик, я и приехала к тебе, думается, приехала навсегда. Я ведь знаю, что ты меня любишь и любишь очень сильно, ты ведь не такой как все, я ведь это точно знаю...

Сказав это, она быстро обняла мужчину, который все еще не «копировал». Трудно было предсказать то, что мог думать молодой мужчина о красивой женщине, которая только что сказала такие очень важные для него слова. Гоша, наверное, еще полностью и не осознавал значения этих слов. Однако в том, что эти слова адресовались ему и больше никому, он уже не сомневался. Он решительно подошел к собирающейся уже было садиться за стол Татьяне, и крепко ее обнял. Затем крепко поцеловал ее в губы. Девушка не сопротивлялась. Поцелуй получился долгий и страстный. Во время поцелуя Гошка ощущал теплоту женских губ красивой женщины, которая была мечтой всей его жизни. Он чувствовал запах ее духов, привкус губной помады. И это все пьянило Лыбина, придавало ему новый импульс чувств и страсти к этой поистине чертовски красивой женщине...

До полуночи просидели вдвоем за письменным столом два молодых человека, он и она. Каждый рассказывал о своем прошлом. Гоша рассказывал больше, да и жизнь его была, наверное, на виду у всех и без всяких тайн. Татьяна больше рассказывала о своих научных исследованиях и о том, как это интересно, но очень тяжело. По подсчетам Гошки до кандидатской диссертации Татьяне оставалось «тянуть лямку» еще около двух лет. Любопытство взяло верх и уже перед тем, как Гоша стал готовить постель к ночлегу, он мимоходом спросил свою любимую:

- Таня, а когда мы будем обмывать твою кандидатскую? - Татьяна громко рассмеялась. Потом не то со вздохом, не то с сожалением произнесла - Наверное, еще не скоро, я ведь сейчас соискательница...

На какое-то мгновение ответ Татьяны обескуражил ветеринара, но ненадолго. В этот момент ему было не до сроков защиты кандидатской диссертации. Разум у Гошки отступал на второй план. Желание, как можно быстрее овладеть этим красивым, стройным телом, о котором он уже не один десяток лет мечтал, брало верх. Страсть насытиться женской красотой и телом, испытать

чашу удовольствия до самого дна, стали преобладать перед его рассудком. Да и к этому все предрасполагало: и спиртное и этот теплый вечер, и, конечно, эти обвороживающие голубые глаза любимой женщины.

Гошка ни о чем уже не спрашивал Татьяну, а делал все то, что ему подсказывали чувства, его страсть как мужчины. Лыбин, словно пушинку, взял Татьяну на руки, которая до этого сидела за письменным столом. Блондинка нисколько не сопротивлялась нахлынувшим чувствам своего бывшего одноклассника. Она не сопротивлялась и тогда, когда молодой мужчина, страстно осыпая ее лицо поцелуями, понес ее в постель и стал лихорадочно раздевать. Через какие-то секунды она уже лежала перед Гошей нагая. Эта нагость пьянила парня, который еще ни разу в жизни не владел женщиной. Татьяна, как и раньше, не отталкивала своего партнера, но и не отвечала на его страстные поцелуи взаимной страстью. Гошка этого не замечал. Он даже боялся того, что вот-вот эта красивая женщина его отторгнет, и он уже никогда в своей жизни не получит больше возможности ее даже видеть. И этот страх заставлял мужчину действовать более решительно. Он быстро снял свои трусы и сделав страстный поцелуй, ввел свой пенис между ног Татьяны... Все для него это почему-то получилось очень просто. Через какую-то долю секунды он почувствовал такое ощущение, которое он никогда еще в жизни не испытывал. Только тогда, когда он понял, что он впервые в этой жизни стал мужчиной, Гошка успокоился.

После окончания полового акта он уже четко осознавал, что теперь Татьяна стала его женщиной, образ которой до этого момента не давал ему покоя, будоражил всю душу и сердце. Теперь для него, как ему казалось, его жизнь приобретает совсем другой смысл и совсем другие ценности. С этой мыслью он крепко заснул.

Утром Гошу ждала очень приятная новость. Проснувшись Татьяна, наверное, доселе наблюдавшая за спящим парнем, ласково чмокнула его в щеку и тихо шепнула:

- Егор Егорыч, я хочу стать с этого момента твоей женой и повелеваю тебе в скором будущем готовить свадьбу. Я ведь Татьяна, которую ты сильно любишь и сегодня я отдалась тебе, как женщина... Ты ведь счастлив?... Я в этом нисколько не ошибаюсь...

Слова, сказанные блондинкой, чем-то напоминающие эпизод из сказки Пушкина, рассмешили Гошку. Он был чрезмерно счастлив тем, что Татьяна сама предложила это, что «это» он очень сам хотел сказать, но почему-то стеснялся, а может даже и боялся это сказать.

Свадьбу сыграли через пару недель, в середине июня. Состоялась она в родной деревне молодоженов. День свадьбы опять

исходил от невесты, жених не стал этому перечить. Да и это было вполне понятно. Гошка готов был выполнить любое указание, любую просьбу своей любимой, которая для него на этой земле было всем. Деревенские свадьбы во многом похожи друг на друга. Практически все селяне проходят это семейное торжество, меняются только молодые. Ничего сверхестественного не было и на свадьбе у Гошки Лыбина с Татьяной Парфеновой. Однако «мелочи» поведения невесты и еще кое-что, даже в такой радостный и торжественный день для молодых, Гошка не мог не заметить. Эти «мелочи» исходили от Татьяны. При каждом тосте или здравицы в честь молодых невеста почему-то плакала. И это, Гошка, как человек, стремился понять и понимал это. Ведь его Татьяна прощалась со своей вольной девичьей молодостью..

Однако один из эпизодов, в котором главной «героиней» была опять Татьяна, никак не уместился в голове у жениха. Да не только у него. Со стороны невесты среди приглашенных был офицер, капитан третьего ранга. Как и почему он попал на эту свадьбу для Гошки было загадкой. Жених доподлинно знал то, что среди родных невесты военных, как таковых, не было. Практически все танцы Татьяна протанцевала с этим военным. Жених, которого звали Гоша, и который работал ветеринаром, казалось, для Татьяны не существовал. С грустной миной наблюдал Гошка Лыбин за тем, когда видел светящуюся от радости свою невесту, которая до упаду танцевала с моряком. Ветеринар и сам завидовал офицеру. Молодому человеку, которому было около тридцати, а может и чуть-чуть больше, очень шла парадная форма. В какой-то момент Гошка даже стиснул зубы, сожалея о том, почему он отступил от стези морского офицера и не стал поступать опять в морское училище. Моряк в этот момент был в центре внимания свадебного пиршества, особенно среди пожилых его участников торжества. Каждый, кто был на свадьбе, хотел своими руками пощупать белый китель офицера.

К сожалению, под вечер, когда основная масса гулявших, покинула гостеприимный дом молодых и их родителей, морской офицер стал для жениха настоящим врагом. И в этом была виновата его любимая Татьяна. Невеста ближе к вечеру на какое-то время покинула свое «ложе», не сказав ничего об этом своему жениху. Гошка, оставаясь всегда и везде на торжестве без невесты, на этот раз не без оснований стал беспокоиться. Прошло где-то около десяти минут после того, как Татьяна вышла из-за стола. Гошка окинул взглядом своих гостей. И его сердце стало очень тревожно биться. Среди оставшихся гостей, которые располагались за двумя рядами столов, Татьяны не было. Не было среди них и офицера...

Пулей выскочил из-за стола Лыбин и рванулся, не зная почему

в сад. Наверное, само сердце подсказало ему путь. Ни он, ни его сердце в своей тревоге не ошиблись. Татьяна и офицер были в саду и сидели на лавочке, где-то когда-то маленькими детьми Гоша и Таня играли в детские игры. Сейчас же на том месте Татьяна сидела на коленях офицера, который ее целовал. Он осыпал страстными поцелуями ее лицо, шею, руки. Татьяна, глаза которой были полны слез, страстно ему отвечала. Стоящему, неподалеку от целующихся, Гошке Лыбину казалось, что это продолжается очень долго, целую вечность. На какое-то время Татьяна отошла от любовного шока и невольно бросила взгляд в сторону дорожки, ведущей в ограду дома и обомлела... Перед ней стоял Гошка, ее жених. Глаза их на какое-то время встретились и тут же отвернулись. Никто друг другу ничего не говорил. Все было и так ясно, без эмоций. Гошка с полными глазами слез, резко развернулся и быстро направился в сторону калитки...

Невеста на свое «ложе» вернулась минут через десять и села рядом с женихом. Она, словно и ничего с ней не произошло, завела непринужденный разговор со своей подружкой. Гоша, видя безразличие невесты к тому, что происходило на их свадьбе, изредка бросал взгляды в сторону весело хохочущей Татьяны. Что произошло в саду с его невестой, почему она страстно целовала военного, он так и не понял. Офицер больше не появлялся ни в этот вечер, ни на следующий день...

Гоша, уже изрядно выпивший, как и Ева, на какой-то момент прервал свой монолог. Во время своего «душевного очищения» он замечал иногда, как его спутница порою закрывала глаза. Сон начинал одолевать Еву, в крайнем случае, так казалось мужчине. Рассказчик спросил свою молодую слушательницу:

- Ну, как, не надоела тебе еще моя исповедь... Время уже позднее, наверное, уже двенадцать ночи по-местному, а может и даже больше... Нам, скорее всего, уже и спать пора..

Обращение мужчины на какой-то миг «вырубило» Еву из той жизни, о которой так интересно рассказывал Егор Егорыч. Она, стараясь показать свою «боееспособность», громко, даже слишком громко отчеканила:

- Да, Вы, не думайте, что я уже сплю... Я не отрицаю того, что иногда мои глаза закрываются, это просто так... Мне очень-очень нравится Ваша любовь... Я еще не против про нее послушать...

Ответ юной пассажирки рассмешил Лыбина. Он улыбнулся, затем непонятно почему принял серьезное выражение лица. Скорее всего, о чем-то или о ком-то думал. Через некоторое время вновь улыбнулся. Ева, не зная почему, также улыбалась. Наконец Лыбин собрался с мыслями и не то весело, не то с сожалением произнес:

- Ты еще очень молодая Ева, и, наверное, еще не все знаешь

того, что в этой жизни надо за все платить, притом иногда очень-очень дорого... – Не закончив свою мысль, он вдруг встрепенулся и очень быстро произнес. – Ох, я забыл посмотреть твою малышку... Я побегу мигом и мигом прибегу...

После этого мужчина быстро открыл дверь купе и исчез в полутемном коридоре купейного вагона.

Еве Крот Еве также была нужна эта передышка, так как монолог мужчины продолжался довольно долго. Она сняла свои поношенные туфли и поставила их под под столик. Ногам сразу же стало легче и приятнее. Затем босая встала из-за стола и подошла к окну купе, чтобы открыть окно. Первая попытка открыть его оказалась неудачной. Только со второго раза, да и то, когда молодая пассажирка приложила большую силу, окно поддалось и открылось. Сильный порыв ветра сразу же заявил о себе в купе. Холодный воздух стал свеобразным душем для юной девушки, которая уже валилась от усталости.

Босой вышла Ева и в коридор. Людей не было и это радовало вышедшую из купе. Кое-где в коридоре были приоткрыты окна и ветер во всю «гулял» то здесь, то там, порою с силой «бросал» в разные стороны белые шторы, которыми были занавешаны окна. Блондинка подошла к одному полуоткрытому окну и высунула голову. Сильные порывы прохладного воздуха освежали голову, способствовали более ясному мышлению. Ева, рассуждая о выпитом сегодня спиртном, была приятно удивлена. Она еще никогда в жизни столько много не пила. Сейчас же она не чувствовала себя такой пьяной, как когда-то с Серегой...

Вскоре к Еве подошел и Гоша. Он сказал ей, что малышка спит и спит очень крепко. Это сообщение очень обрадовало молодую маму. Она, как и знакомый ей мужчина, продолжали стоять у полуоткрытого окна. Передышка, свежий воздух был необходим и Гошке, который набравшись сил, решил сделать последний рывок в изложении своей поистине трагической любви.

Ева, как и раньше, с большим вниманием продолжала слушать своего собеседника. Ей по-человечески было больно за то, что судьба так жестоко расправилась с этим прекрасным человеком. Чем больше, стоявший у окна, рассказывал о себе, тем больше он становился симпатичным для юной слушательницы. Кротиха, словно изголодавшийся ребенок по материнскому молоку, «глотала» все то, что говорил Егор Лыбин.

Через два дня после свадьбы молодожены зарегистрировали свой брак в районном ЗАГСе. По инициативе Татьяны Гошка вынужден был поменять свою фамилию. Главный специалист совхоза стал уже не Лыбиным, а Парфеновым. В душе парню не хотелось менять свою фамилию, но любовь к Татьяне, пусть даже и

безответная, брала верх всегда и везде. Через неделю молодая семейная пара переехала в село Патрикеево, где работал Парфенов. Квартиру молодые получили буквально через месяц. Квартира состояла из двух комнат и была благоустроенной. Все в ней было: газ, центральное отопление, ванна, балкон. В доме все было для счастливой жизни в молодой семье, но увь... Самого этого счастья в этой семье как раз и не было. И в новой квартире, наслаждаясь красивым телом своей жены, Гошка понимал то, что ее душа и тело, ее сердце равнодушны к нему. Это очень бесило Лыбина, как полноценного мужчину. Вся последующая жизнь, словно по воле Божьей, привела к распаду семьи. Не успела молодая пара и недели прожить в новой квартире, как Татьяна стала жаловаться на свое здоровье. Один день у нее болела голова, другой день она жаловалась на желудок. На все эти жалобы молодой, казалось бы и внешне здоровой жены, Гоша реагировал очень болезненно.

Любящий жену прекрасно понимал то, что все эти «болячки» могут связаны с беременностью Татьяны. Гоша стал предлагать жене съездить вместе с ним к гинекологу. Та настойчиво отказывалась от его услуг, что иногда бесило молодого мужа. Скрипя зубами Парфенов отпускал свою блондинку для лечения в город. Татьяна совершала визиты к врачу один, а то и два раза в неделю. От врача она приезжала до прихода мужа с работы. И это радовало главного специалиста совхоза. С домашними обязанностями хозяйка в принципе справлялась неплохо и в этом Гошка находил какое-то утешение. Возможно, все эти визиты к врачу, да и вся такая жизнь продолжалась бы месяцами или годами. Ежели бы не случай, который помог мужу разгадать тайну визитов блондинки к врачу. Этот случай был очень обычный и простой.

Однажды во время совещания в управлении совхоза директор попросил Егора Парфенова поработать по ветеринарному делу в соседнем отделении совхоза, так как женщина-ветеринар уходила в декретный отпуск. Не мешкая ни минуты, Гоша на служебном «УАЗе» поехал в соседнюю деревню «принимать» дела. Кучи бумаг или какого-то имущества не было, однако ветеринарные дела требовали выполнения определенных инструкций и отчетности. Женщина-декретница оказалась не только толковым специалистом, но и большой болтуньей. Она, после того как все ветеринарные дела были улажены, пригласила коллегу к себе в гости. Гоша не отказался от такого приглашения. Ему очень уже хотелось узнать о том, как живут коренные жители этого села, да и «подвешенный язык» женщины чем-то к себе приманивал. Варвара Николаевна, так звали хозяйку дома, пропустив пару стопочек первача, разговорилась вовсю. Гоше, порою, хотелось хвататься за голову, когда женщина как из репродуктора «выливалась» будущему

молодому отцу о том, какие у нее анализы и на каком она месяце беременности. Уже перед тем, как закрыть дверь дома за гостем, будущая мама, как бы невзначай, протараторила:

- Егорыч, кстати, я была на приеме у врача два дня назад и там видела очень красивую женщину по фамилии Парфенова... Она была с военным. Случайно, они не твои родственники? – Нет, это не мои родственники, - сухо ответил Гоша и поспешно выбежал из дома.

До Патрикеево главный ветеринар совхоза не доехал километров пяти. Остановился. У него не было сил для того, чтобы держать в руках рулевое колесо. Головные боли на нет нейтрализовали его мозг. Тяжело дышая, Парфенов вылез из кабины машины и упал навзничь на траву придорожной полосы. Лежащему было ничто и никто не мил. Все и вся его раздражало. Егор сам себя ненавидел за то, что он терпит все проделки Татьяны. Мысли о том, что пора уже уничтожить и стереть с лица земли эту девушку, которая кроме нервов и проблем в этой жизни ему не давала и не дает, становились основополагающими в мозгу мужчины. Однако подобные мысли тут же исчезали, когда Гошка вспоминал о том, как он страстно целовал это нежное тело, эти стройные и длинные ноги, и когда он, как животное, насытившись телом этой женщины, запахом ее духов, тут же счастливо засыпал. Засыпал, как убитый.

Лежа в постели с Татьяной, да и здесь в придорожной траве, Гошка осознавал, что без Татьяны он не жилец на этой земле. Никто другой, да и он сам ничего с этим поделать не мог. Только сейчас, узнав от ветеринарши о визите своей жены с офицером к врачу, он пришел к выводу о том, что Татьяна его не любит. Анализируя до мельчайших подробностей все ночи, проведенные с Татьяной, он как бы наяву стал ощущать ее равнодушие и безразличие к нему, даже в те периоды, когда они занимались любовью. Она не отдавала ему всего того, что могла дать как женщина, как жена.

Воспроизводя в памяти наиболее страстные эпизоды любви с Татьяной, он теперь находил ответы на порою странные моменты в ее поведении. Во время полового акта любимая блондинка на какое-то время уходила от реальной действительности. Скорее всего, она представляла себя в постели с другим мужчиной. Гошка Парфенов, даже обессиленный после любви, припадал к жене и продолжал ее страстно целовать. Татьяна на его ласку не реагировала. Она молниеносно поворачивалась к мужу спиной и тут же засыпала. Ежели и когда-то она отвечала на вопросы мужа или поворачивалась к нему, то ее глаза почему-то были равнодушными, даже холодными...

Рассказ Гошки Лыбина о тонкостях любви, половой жизни с

Татьяной буквально ошеломил Еву. И это ей казалось очень странным. Возможно и нет. Никто с ней раньше на эти темы не говорил. Только сейчас, здесь в этом поезде и в этом купе, слушая исповедь незнакомого мужчины, девочка-мать стала понимать то, что у нее было с солдатом, с отчимом. Она пришла к неутешительному выводу. Любви, как таковой, ни у нее и ни у солдата друг к другу не было. Все это было как у животных, а может, и даже еще и хуже.

Исповедь мужчины о своей страстной, одновременно и трагической любви к красивой девушке все больше и больше вызывала у Евы симпатии к рассказчику. Пьяный угар у слушательницы постепенно улетучивался, уступая место страстному прорыву любви, который возникал в ее голове к этому человеку. И не только в голове. Красивое лицо девушки покрылось испариной, стало розовым и горячим. Половое влечение к Гоше все настойчивее и настойчивее заявляло о себе. На какое-то время Еве хотелось сбросить свое жалкое одеяние и львицей броситься в объятия этого уже немолодого мужчины, и отдать свое красивое тело, свое сердце, свою душу только ему, который был в ее понятиях и чувствах не только пассажиром, но и страстным любовником...

Перемены в поведении молодой пассажирки заметил и Лыбин. Это особенно он улавливал тогда, когда на какое-то время замолкал, собираясь в очередной раз с мыслями. Ему очень хотелось как можно лучше высказать красивой девушке все то, что у него наболело и было пережито им за это столь долгое время. И поэтому он до глубины души был счастлив тем, когда понимал, видел и даже ощущал сопереживание молодой пассажирки. Ему же во время своего монолога все еще казалось то, что напротив него стоит не Ева, а та Татьяна, которую он так сильно любил и любит. Ему также казалось то, что слезы в глазах молодой незнакомки есть слезы Татьяны, той красивой девушки из далекого детства, которая так и не стала ему ни настоящей женой, ни настоящей подругой.

На какое-то время Лыбин прервал свой монолог. Причиной этому был не он сам, а его молодая собеседница. Ева стояла возле открытого окна с пунцовым лицом, которое было почему-то покрыто капельками пота. В больших глазах девушки застыла страсть и жалость, которая была адресована рассказчику. Опытный мужчина только сейчас стал понимать, что он все более и более становится равнодушным к этой красивой блондинке. Эта симпатия к молодой матери, еще ребенку почему-то позволяла ему говорить с ней все более откровенно, даже очень откровенно...

Лыбин после этого умозаключения тяжело вздохнул и тихо сказал:

- Ты, моя красивая пассажирка... Ты, наверное, еще не знаешь

что такое любовь, особенно тогда, когда ты влюбляешься в красивую женщину. Умная, порядочная женщина гордится этой красотой, делится ею со своим мужем. Сверхумная женщина торгует своей красотой, продает себя как товар, ищет для себя разнообразных удовольствий и приключений, как животное, как проститутка. Ради мужского члена она готова все отдать. У таких женщин красота является главным козырем в жизни. Они прекрасно знают это и продают свою красоту дорого, притом иногда очень дорого.... А покупателей всегда было много, как и сейчас, так и раньше...

Подтверждением этому явился его дальнейший монолог о взаимоотношениях с Татьяной. Через два дня после посещения дома ветеринарши Парфенов поехал в поликлинику, к гинекологу. Врача он нашел очень быстро. Жители совхоза «Заря коммунизма» обслуживались в поликлинике, которая находилась на окраине города. Врач, мужчина лет за шестьдесят, а может и чуть даже старше, «проглотив» информацию о цели прихода Парфенова, лично сходил в регистратуру и сам же принес медицинскую карточку Татьяны Парфеновой. Затем, открыв ключом в своем кабинете шкаф, достал оттуда толстую тетрадь. От того, что зачитал пожилой мужчина, Гошка чуть было не упал со стула. Запись, сделанная врачом-гинекологом в тетради, гласила о том, что пациентка Парфенова имеет четыре месяца беременности. Даже беглые подсчеты Гошки как мужчины, да и как ветеринарного врача, сделанные в голове, явно шли вразрез с тем, что было в реальности. Гошка впервые переспал как мужчина с Татьяной в конце мая, а сейчас на дворе было начало июля... К тому же жена ему ни разу не говорила о своей беременности. «Убило» мужчину еще и другое. Перелистав медицинскую книжку своей законной супруги он убедился в том, что его Татьяна была в этом заведении всего лишь один раз. И то у гинеколога. После того, как Гошка Парфенов закрыл дверь кабинета врача, он уже нисколько не сомневался в том, что Татьяна за его спиной вела двойную игру, ходит на «сторону».

Не подавая никаких признаков беспокойства, Гошка в конце концов решил узнать и найти все премудрости тайны, которую скрывала от него жена. Возможность для поиска истины представилась ему буквально на следующий день. «Больная» стала опять жаловаться на головные боли и была безмерна рада тому, что ее муж ни только не препятствовал очередному посещению врача, но и охотно проводил ее до автобусной остановки. Оставив Татьяну на остановке в ожидании автобуса, Гошка рысью бросился к соседу, у которого был потрепанный «Москвич». Сосед был мужик простой и понятливый, в машине другу не отказал. Долго «выслеживал» свою жену Егор Егорыч Парфенов. Как и следовало ожидать,

Татьяна свою поликлинику проехала мимо. Парфенов, словно опытный разведчик, упорно «шел» по следу своей любимой женщины. Та, в свою очередь, сделав пересадку на два автобуса, очутилась за городской чертой. Все это время, наблюдая за своей женой, Гошка плакал навзрыд в машине. Ему было очень обидно за то, что эта красивая, стройная блондинка уверенно спешит не к нему, а к другому мужчине, скорее всего к военному. Татьяна, отшагав «пехом» порядка около километра, пришла к дачному поселку и зашла в небольшой домик. Дача неизвестного для Лыбина поклонника Татьяны стояла на отшибе и буквально утопала в зелени густых кустарников.

Только через полчаса, словно кошка, Гоша незаметно подошел к даче и переместился к окну, которое к его радости было открыто. Домик стоял на высоком фундаменте и поэтому первая попытка мужчины заглянуть через окно вовнутрь оказалась неудачной. Бросив взгляд в сторону, Парфенов увидел в метрах пяти от себя небольшую кучу полурасколотых чурбанов. Неподалеку от нее лежал большой и тяжелый калун с длинным черенком-топорищем. Подставив один из чурбанов к стенке домика и взяв в руку калун, мужчина бесшумно перелез через окно. Он оказался в небольшой комнате. Татьяны и ее вероятного любовника здесь не было. Гоша осторожно на цыпочках подошел к двери, которая, скорее всего, разделяла домик на две комнаты и осторожно ее открыл. От увиденного он чуть было дар речи не потерял. Возле противоположной от двери стенки стояла большая кровать, в которой находилась Татьяна и знакомый ему офицер. Она и он «представились» Гошке в необычных позах. Ноги женщины были на плечах нагого «военного», и он, находясь спиной к непрошенному гостю, с силой «вдавливал» своим телом тело жены Гошки Парфенова. Вдавливал с такой силой, что Татьяна громко то ойкала, то громко пыхтела. Она, скорее всего, от удовольствия сильно хлестала своими тонкими руками голые ягодички мужчины и кричала: «Еще, еще мой любимый....». Призывы любовницы явно придавали очередной импульс страсти и энергии у «военного» без одежды.

Первое впечатление от поистине классического секса чуть было не послало вошедшего в «нокаут». Однако это нервное потрясение, не то что-то иное у Гошки прошло моментально. Шока или истерики, как таковых, у него не было. К этому он был уже заранее готов. Поэтому он очень равнодушно и даже с олимпийским спокойствием наблюдал за «утехой». Не скрипел зубами Парфенов и тогда, когда еле полуживая, красивая блондинка лежала на теле «военного» и жадно осыпала поцелуями его лицо, шею и грудь. Тот, как и эта женщина, конечно, не мог и

предполагать того, что кто-то из посторонних наблюдает за этим сокровенным и приятным, которое они делали продолжительное время. После обильного «дождя» страстных поцелуев, Татьяна лихо вскочила на шею «военного» и стала весело смеяться. Любовнику эта «проделка» Татьяны понравилась. Он, словно старик, с глубокими вздохами начал медленно подниматься с постели на корточках. Через несколько секунд «старик» приподнялся и с гиганьем стал носиться по комнате. Татьяна, сидя на шее мужчины, хлопала его по бокам своими стройными ногами и очень весело смеялась.

Во время одного из разворотов, «конь» неожиданно заметил стоящего у двери мужчину, да еще с большим калуном. Не то от страха, не то неожиданности «рысак» мгновенно опустил на все четыре кости. Падение мужчины с такой красивой наездницей нисколько не смутило последнюю. Блондинка, слетевшая с могучей шеи своего любовника, тотчас же оказалась на полу. Она, наверное, так и не понявшая того, что же произошла с ее «конем», продолжала весело смеяться. Затем блондинка, как ни в чем не бывало, стала целовать губы голого офицера. Только после того, как она насытилась своей страстью, она заметила неподдельный страх на лице своего любовника. Татьяна невольно повернулась лицом к двери, надеясь, возможно там, найти источник страха, который почему-то так сильно шокировал ее «коня». Увидеть возле двери своего мужа, да еще с калуном, она не ожидала. И это также ее, как и военного, шокировало. Дальше размышлять влюбленным или что-то думать было не дано. Что-то тяжелое со свистом пролетело над головой Татьяны, потом глухо ударилось о стену и срекошетив, вылетело в окно. Мгновенно раздался звон разбитого стекла...

Чуть испуганный, озлобленный, с полными глазами слез перед голыми мужчиной и женщиной стоял и Гошка, который со всей силой швырнул калун в сторону нагой жены. Только тогда, когда раздался треск стекла, «насильник» стал понимать то, какую ошибку в своей жизни мог бы он сделать, если бы калун попал в голову его любимой жены...

В этот злополучный день Егор пришел домой довольно поздно, пришел в подпитии... Татьяна уже спала. Быстро раздевшись, он лег рядом с той, которую только сегодня так сильно стал ненавидеть. Татьяна, увидев мужа, медленно повернулась к нему. Гошка протянул свои руки к ягодицам женщины, они были очень теплыми. Его опять стал пьянить запах знакомых ему духов, без которых он уже больше не мыслил жить...

Даже несмотря на любовные «перепетии» своей законной жены, Парфенов все равно продолжал с ней жить. Это продолжалось бы долго, месяцы, годы, а может и десятилетия.

Измена мужу со стороны Татьяны мало что существенного внесла в жизнь молодой пары. Блондинка прекрасно знала любовь своего мужа к себе и поэтому в свое поведение внесла определенные «коррективы». Теперь она не просилась в больницу, ссылаясь на головные боли, а просто исчезала из дома. Через пару недель после «засечки» Татьяна пришла домой поздно вечером. Пришла довольно пьяная. Разбудив мужа и отдав ему «положенное», она ласково чмокнула его, и как бы на сон грядущий, тихо шепнула ему на ухо:

- Мой соколик... Я знаю то, что ты и сейчас продолжаешь меня сильно любить, при этом очень безумно. Я знаю и уверена в том, что ты будешь всегда и везде прощать мои грехи, сколько бы их я не делала. К сожалению твоему, да и к моему, я тебе честно хочу сказать. Я тебя никогда не любила и не люблю... На свете нет таких сил и средств, которые бы заставили меня тебя любить... – Мужчина, лежащий рядом с той, которая сказала эти слова, ничего в ответ не произнес. Он только сильно сжал зубы и тихо заплакал...

Однако и жизнь с «нагрузкой» у Гошки с Татьяной не получилась. Скорее всего, это была судьба, а может даже и что-то другое. Первое воскресенье августа Парфеновы решили провести на природе возле речки. Речка была не ахти большая, но рыба в ней водилась. Еще вечером в семье было решено так. Гоша едет утром на велосипеде к речке и неподалеку от мостика находит место для отдыха. Татьяна по плану должна была приехать пару часов спустя. Погода в воскресный день выдалась словно по заказу и это очень радовало Парфеновых. К четырем часам дня у Гошки было все на «мази». Шашлыки из свежей свинины отдавали приятным запахом. В небольшой кастрюле докипали до «кондиции» свежие карасики. Парфенова это очень радовало. Он впервые в своей жизни организовывал такую «вылазку» на природе с красавицей-женой. Неожиданно по небу стали «снова» небольшие тучки, то и дело заслоняя солнце. Однако капризы природы не влияли на хорошее настроение мужчины. Он сначала без нервов реагировал и на получасовое опоздание своей жены. Только после того как часы стали показывать уже пять вечера, Гошка стал нервничать. В его голове мгновенно появились всевозможные мысли и домыслы. Он стал даже подумывать о том, что, наверное, жене дома или в пути стало дурно. Она очень плохо переносила беременность...

Парфенов несколько раз собирался на велосипеде выехать навстречу своей жене, но сдерживался. Боялся в пути разминуться. Татьяна появилась около шести часов вечера. На велосипеде не приехала, как они об этом договаривались раньше. Она прибежала к мостику в разорванном платье, без трусов. Ее лицо было в ссадинах, во рту торчал кляп из тряпки. Руки блондинки были за спиной туго

связаны ремнем из-под мужских брюк. Еще издали, когда только Татьяна появилась из-за кустов, Гошка сразу понял то, что-то неладное случилось с его женой. Он быстро бросился навстречу женщине, глаза которой были полны слез. Татьяна даже после того, как ее муж вытащил изо рта кляп и развязал ей руки, не могла произнести ни слова. Она только плача, показала рукой в ту сторону, откуда только что сама прибежала.

Мозг Егора Парфенова в этот тревожный момент работал как никогда четко. Он, словно выпущенная из лука стрела, рванулся через кусты, откуда только что выбежала его жена. Молодой мужчина даже не чувствовал боли тогда, когда ветки кустарников били со всей силой его лицо, туловище и ноги. Через секунд тридцать Парфенов преодолел кустарник и выбежал к полю, на котором под лучами солнца, переливаясь желтой краской, стояла пшеница, жаждущая скорой жатвы. Гошка молниеносно окинул взглядом широкое и бесконечное поле пшеницы. У него радостно екнуло сердце. В метрах пятистах, возможно, даже и больше, он увидел бегущих легкой трусцой двух мужчин. Сомнения не было. Они бежали со стороны кустарников. Гошка решил во что бы то ни стало догнать подонков. Любовь к Татьяне, ее повседневные «странности» и также понимание того, что будущий ребенок не от него, все равно не лишали мысли у мужчины о наказании тех, кто так жестоко надругался над его любимой женщиной. Парфенов решил отомстить еще и потому, что он хотел сорвать свое зло за все пережитое из-за этой женщины на удаляющихся от него людях. И эта месть придавала ему силы.

Расстояние между убегающими и Гошей постепенно сокращалось. Неожиданно один из преследуемых оглянулся назад и увидел бегущего за ними мужчину. Через несколько секунд один из беглецов изменил направление своего движения. Он, резко увеличив скорость своего бега, рванул вправо в сторону, где на расстоянии порядка двух километров виднелся лес. Такая тактика беглецов несколько не испугало Гошу. Второй беглец явно «терял» скорость. Жажда мести, как и любовь к Татьяне, придавали преследователю второе дыхание. Он медленно, но очень уверенно настигал свою «добычу». Парфенов бежал четко по следу, который оставлял среди пшеничного поля убегающий. Через метров пятьсот-шестьсот Гоша на пути преследования увидел мужские брюки. Только «перелетев» через них, он понял, что насильник «пожертвовал» своим ремнем брюк для того, чтобы связать руки Татьяны. Без ремня брюки создавали помехи для бега и поэтому насильник находу решил от них избавиться. С каждой секундой преследователь все отчетливее видел затылок убегающего. В том, что этот насильник был молодой и из городских, Гоша уже не

сомневался. Свидетельством этому были длинные волосы парня, который даже чувствуя надвигающуюся ему угрозу, почему-то замедлял свой бег. Наконец он, не то как волк, сильно завыл и не то как человек, истошно завопил и затем повалился на землю. Через какие-то секунды Парфенов был в метре от своей «добычи». Он не стал рассматривать свою жертву и коршуном рванулся к «волосатику». Худой и долговязый парень с длинными волосами, при всем при этом он был и без трусов, сжавшись в комок, плакал и просил прощения. Егор на это не реагировал. Месть человеческая переборола разум человеческий. Он, как исполин, резко схватил обеими руками за волосы лежащего и с силой притянул насильника к себе. Тот от боли закричал и быстро вскочил на ноги. В этот момент Егор Парфенов размахнулся и с ожесточением ударил кулаком в висок головы беглеца. Удар получился очень сильный и хлесткий. У парня что-то хрустнуло или треснуло. Он моментально почему-то обмяк и медленно повалился на землю...

Дальше наблюдать за состоянием своей «добычи» Егор не стал. Здоровье Татьяны и ее будущего ребенка для него было дороже, чем состояние какого-то подонка. Парфенов опять рванулся бежать в сторону речки. Потерпевшая от подонков лежала на траве и плакала. Одной рукой она, скорее всего, от боли гладила живот, другой рвала траву. Лицо ее до неузнаваемости преобразилось. Гошка понял, что нужна срочная медицинская помощь. Он, вскочив на велосипед, стремительно помчался в сторону села. Через час Татьяна была в городской больнице. В этот же день все жители деревни узнали о горе в семье молодого ветеринара. У жены ветеринара был выкидыш...

Татьяну выписали из больницы через два дня. Гоша на служебном «УАЗе» привез ее домой. Слез и причитаний о постигшем горе со стороны своей жены молодой муж не наблюдал. Наоборот, Татьяна, как казалось Гоше, даже повеселела. В глубине своей души рад был происшедшему и Парфенов. О том, что Татьяна забеременела не от него, законного мужа, а от другого мужчины знал не только один Гоша. Об этом знала вся деревня. Главный специалист совхоза нутром своим чувствовал, да и догадывался, что не только деревенские от мала до велика в курсе «любовных утех» жены ветеринара, но и многие другие. После случившегося Татьяна к мужу несколько потеплела и стала нежнее... Это его радовало. Он еще надеялся на лучшее будущее с любимой женщиной...

Однако радоваться семье Парфеновых не предстояло. Мужа, еще не отошедшего от одного горя, стал преследовать очередной кошмар. Из-за этого он не мог спать по ночам. Из его головы не выходил тот парень, которого он стукнул три дня назад. В тот же вечер, когда Татьяна выписалась из больницы, Парфенов сел на

велосипед и поехал на пшеничное поле. Он и сам не мог понять того, что и кто вел его сюда. Место «расправы» ветеринар нашел без особых трудностей. Свет луны, да и свет электрического фонарика позволили сделать это быстро. С замиранием сердца подходил к этому месту Гошка Парфенов, он же Гошка Лыбин. Он сам, не зная почему, упал на колени, когда увидел продолжающего лежать в пшенице «длинноволосика». Ползком, словно змея, приблизился он до некогда его «жертвы» и стал ощупывать тело парня. Потрогал лоб, послушал ухом сердце, хотел прощупать пульс. Каких-либо признаков жизни у насильника не было. Внезапная мысль о том, что паренек мертв, и скорее всего, в этом виноват только Парфенов, а никто иной, молниеносно пронзила мозг плачущего мужчины.

Остаток ночи Парфенов не спал. Он все это время строил различные версии, которые были одна другой реальнее и правдивее. Итогом своих суждений Гошка считал личную невинность в происшедшем. Он убил подонка совершенно случайно. К тому же, их будущий ребенок уже мертв. У Гошки исподволь появилась мысль о том, а стоит ли вообще информировать о случившемся органы милиции. Он себя успокаивал и тем, что в газетах, да и по местному телевидению, довольно часто сообщали об убитых, просили помощи от читателей и от зрителей, если кто-то из них располагал информацией о случившемся.

Однако утром все домыслы и версии ветеринара лопнули как мыльный пузырь. Трое работников милиции пришли в дом очень рано, где-то около восьми утра. Парфенов как раз в тот момент намеревался открыть ворота и выгнать свой служебный «УАЗ» на улицу. Не успел он еще и рукой схватиться за щеколду ворот, как внезапно для хозяина двора открылась калитка и так же внезапно появились три милиционера в фуражках с красными околышами. Ветеринар на какое-то время даже опешил, растерялся. В его сегодняшний план не входила встреча с милицией, тем более у себя дома.

Вошедший капитан, он, скорее всего и был старший в группе, заметив растерянность хозяина, лихо козырнул и представился:

- Я, капитан милиции Бородулин Иван Васильевич, а это мои коллеги. - Сказав это, офицер лихо развернулся и показал рукой на двоих старших лейтенантов, которые на какой-то миг приостановились. Остановившиеся офицеры также козырнули хозяину двора.

- А мы решили только сейчас Вас потревожить, а то раньше было как-то неудобно. Ведь Вы лишились своего первенца..., - тихо и как-то виновато произнес офицер. После этого он не то для приличия, а может и вправду, принял прискорбный вид. Парфенову

показалось, что на какой-то миг глаза капитана даже повлажнели.

Только через два часа милиционеры покинули дом Парфеновых. Больше всего они расспрашивали Татьяну, как потерпевшую. Ее показания капитан записывал на сером листе бумаги. После того, как офицер содержание написанного прочитал вслух, он попросил хозяйку сделать свою подпись. Татьяна сделала свои подписи на десяти страницах. Егор Парфенов подписался только на трех. Он проходил по делу у милиции как свидетель, как муж Татьяны Парфеновой. Проводив милиционеров за калитку, Гошка облегченно вздохнул и расслабился. Он с большим удовольствием сел на ступеньку высокого крыльца дома и трижды перекрестился. Коммунист Парфенов в Бога не верил, он был убежденным атеистом...

Надежда на то, что все то, что он сделал там на пшеничном поле останется тайной, которую он и только он один унесет с собой в могилу, у Парфенова с новой силой возгорелась. Вновь и вновь он благодарил себя за то, что он ни слова не сказал о происшедшем Татьяне. Несмотря даже на то, что она на этой земле была для него единственным и самым близким человеком. До обеда ветеринар занимался в своем кабинете бумажными делами, так как по отделениям совхоза ему сегодня просто-напросто не хотелось ехать. В кабинете напряженной работы с бумагами не получилось. Главного специалиста совхоза продолжали одолевать разные мысли, одна страшнее другой. В том, что он убил человека, Егор Парфенов уже не сомневался. От этой мысли ему становилось очень страшно. Он боялся за совершенное попасть в тюрьму. Однако в глубине души его «торжествовала» надежда на то, что все обойдется без всяких проблем и ничто, и никто не помешает ему с Татьяной дальше хорошо жить. Под впечатлением этой мысли он даже, как бы невзначай, восхищался силой своего удара, в результате которого погиб молодой парень.

Часы показывали ровно без пяти минут двенадцать дня. В это время, как правило, ветеринар отправлялся домой на машине обедать. Решил не изменять этому правилу и в этот день. Не успел еще водитель преодолеть поворот от конторы и выйти на прямую по дороге, ведущей к его дому, как он сразу же заметил милицейский «УАЗ» с мигалкой на крыше кабины. Он следовал за ним. Что-то опустилось внутри у ветеринара, ему сразу же стало сдавливать горло...

Дальше события разворачивались очень быстро и далеко не в пользу Гошки. Парфеновы в этот же день были вывезены на милицеской машине на место происшествия, где так жестоко была избита и изнасилована Татьяна. Здесь же нашли трупы «волосатика». Вскоре была привезена и собака, которая и привела

поисковую группу к тому месту, где уже почти целую неделю лежал труп убитого. В двух шагах от убитого милиционеры обнаружили ярко выраженный след спортивных кед. Эти кеды очень нравились Гошке и он в то злосчастное воскресенье их с большим удовольствием надел и носил. Дальше отпираться от содеянного было бесполезно и бессмысленно. Егор Егорыч Парфенов, главный специалист совхоза стал давать показания...

Ева, спокойно сидящая на приставном небольшом стульчике в коридоре вагона, услышав об этом, неожиданно заплакала. Плач молодой девушки ни сколько не смутил рассказчика, все время стоящего у полураскрытого окна, а наоборот, даже рассмешил. Лыбин неожиданно для плаксы наклонился к ней, и поцеловав ее в щеку, с улыбкой произнес:

- Не плачь, мое откровение... Все это для меня уже прошедший этап...

Сказав это, он решительно вошел в свое купе и сел на нижнюю полку. Юная слушательница быстро последовала за мужчиной. Некоторое время пассажиры скорого поезда сидели и молчали. Гошка, нарушив молчание первым, громко и как-то с сожалением произнес:

- Ах, где наша не пропадала. Пить так пить, жить так жить, любить так любить...

К чему и кому адресовались эти слова молодая блондинка не поняла. Она также не совсем до конца «врубилась» и тогда, когда Гошка, наполнив стакан коньяком, молниеносно его так «тяпнул», что у нее такое неожиданное поведение мужчины вызвало явное непонимание. Однако Лыбин не замечал свою слушательницу, а может просто не хотел этого делать. Немного похрустев свежим огурцом, он в прямом смысле «плеснул» остаток газированной воды из стакана к себе в рот и затем, глубоко вздохнув, уставился в глаза Евы. Кротиха «выдержала» взгляд мужчины. Это обрадовало рассказчика. Он, словно маленький шалун, весело улыбнулся и pozorному проговорил:

- Ева, а как там у коммунистов в «Интернационале» поется: «Это наш последний и решительный бой...». Вот и я решил заканчивать рассказывать тебе всю эту эпопею из моей неудавшейся жизни.

«Последний и решительный бой» Егора Лыбина в очередной раз заинтересовал молодую девушку, у которой во время заключительного монолога текли слезы. Почему они текли, наверное, и сама слушательница не могла понять. За убийство «волосатика» ветеринару дали восемь лет тюрьмы. Татьяна на суд почему-то не пришла. Не была она ни разу и на свидании со своим законным супругом за все время пребывания его в тюрьме. Отсидел

же в тюрьме Парфенов ровно пять лет, «скосили» срок за примерное поведение. Гошка очень тяжело переживал свою личную и семейную трагедию. Он также тяжело пережил и смерть своих родителей, которые по чистой случайности погибли еще в довольно молодом возрасте. Осужденного на похороны родителей отпустили, правда, только на один день и в сопровождении конвоира с оружием. Явно постаревшим и в какой-то мере озлобленным на людей вышел из тюрьмы бывший главный специалист совхоза. Знакомые, да и все общество, были равнодушны к тому, кто совершенно случайно оступился в своей жизни. Попытка в недалеком прошлом активного коммуниста заручиться какой-либо поддержкой у райкома партии провалилась. «Бывшего» члена парткома просто-напросто не пустили на прием к первому секретарю. И это сделал милиционер, который до прихода бывшего коммуниста мирно кимарил на стуле у главного входа в представительное учреждение. В душе и в сердце у отбывшего срок наказания был маленький огонек надежды - Татьяна, которой он бредил в тюрьме даже несмотря на то, что он ни разу от нее не получил письма.

«Концы» своей любимой Гошка решил искать в Васильковке, где родился он сам, где родилась и его первая любовь. Отец Татьяны очень обрадовался своему земляку и пригласил его за стол. Только после третьей чарочки первача старик «раскололся» и рассказал всю правду о своей дочери, которая шокировала Гошку. Исповедь отца о своей единственной дочери перевернула представление у Гошки Лыбина о Татьяне, которая была ему женой и его любовью. Информацию о своей дочери отец собирал по крупицам. Особенно удачным был «улов» за год до освобождения Егора, когда родители решили навестить свою дочь там, где она жила. Егор, сидя за столом, стремился не перебивать своего старого собеседника. Он только иногда то скрипел зубами, то иногда закрывал глаза, наверное, хотел того, чтобы его мозг более рационально «отфильтровал» полученную информацию. Только здесь за столом у тестя он в своей голове и в своей душе, да и в своем сердце осознал то, что каким он был наивным и глупым в отношениях со своей юной и красивой односельчанкой.

По информации отца Татьяна и на самом деле училась на историческом факультете университета. При этом училась совсем неплохо. Ко всему этому у молодой студентки уже на первом курсе учебы появился солидный протекже, куратор группы, который делал не по дням, а по часам головокружительную карьеру ученого. Недавний выпускник аспирантуры, новоиспеченный кандидат наук через год получил звание доцента, через два года стал заведующим кафедрой. Еще через год миллионный город узнал о том, что сын

первого секретаря обкома КПСС успешно защитил докторскую диссертацию. Еще через год всевозможные газеты области «хором» поздравляли самого молодого профессора с изданием самой «актуальной» книги. Сын самого главного партийного босса успевал пожинать лавры не только на поприще науки. Он сразу же «прицелился» в юную студентку из глухой сибирской деревни Васильковка. Татьяна все чаще и чаще ощущала на себе «пожирающие» взгляды историка. Да и не только его. «Пожирали» молодую блондинку и другие преподаватели и студенты. Кое-кто из них дарил ей цветы, приносил различные сладости. Еще далеко не «оформившимся» умом молодая крестьянка быстро стала понимать значение своего лица и своей фигуры. Этот «козырь» давал ей возможность не жить впроголодь, как жили в большинстве своем ее подруги.

Красота также позволяла Татьяне кое-где филонить и на поприще науки. В том, что молодой кандидат наук к ней неравнодушен, студентка убедилась на первой же контрольной работе. Все три вопроса, которые индивидуально давал преподаватель каждому студенту, как назло, Таня Парфенова не ахти-то знала. Так она и просидела в раздумье целый час. Для «отписки» студентка «сочинила» несколько предложений, которые явно не «попадали» в цель. Через неделю, Василек, а официально Василий Иванович зачитал оценки по контрольной работе студентам. В числе тех, кто получил отличную оценку была и Татьяна Парфенова. Все студенты группы, за исключением ее, получили контрольные работы назад. Это никто не заметил, кроме самой красивой блондинки университета и того, кто проверял контрольную работу. С этого момента студентка Парфенова без особого желания штурмовала исторические «высоты».

Не усердствовала она и еще в кое-каких науках и дисциплинах. «Пялили» глаза на красивую блондинку не только молодые преподаватели или студенты. «Пялили» глаза на нее и выживающие из ума «светила» с целой кучей ученых званий и с большими орденскими колодками. Пять лет учебы в университете пролетели для Татьяны как один день. Какой-либо близости, не говоря уже о сексе, между Васильком и студенткой не было. Развязка наступила тогда, когда красивая блондинка, как и все студенты, получили дипломы и распределение «по квартирам». Кто-то из вчерашних студентов поехал учительствовать в деревню, а кое-кто остался в городе. Были и те, которые пошли по стезе общественной и научной работы. В исторической науке осталась и Татьяна. Осталась благодаря Василию Ивановичу, который очень настойчиво просил ее испытать себя на этом поприще. По его словам, у студентки Парфеновой был «необычный склад

мышления». Так это было или не так, сама она не оспаривала. Да и не собиралась этого делать. Удача была на ее стороне.

Первый год в аспирантуре у вчерашней студентки ушел на сдачу кандидатских экзаменов. Все они были сданы на отлично. Взрослая красавица из Васильковки только сейчас стала понимать то, что ее заслуга, как «мозговой извилины» в освоении исторической науки, не так и уже весомая. Своей голове аспирантка «отдавала» процентов тридцать, ну от силы сорок. Все остальные «проценты» за нее «делал» Василий Иванович, точнее, его авторитет, еще точнее, должность отца. Черную «Волгу» со спецномерах, за рулем которой ездил сам сынок главного партийного босса области или в которой его возили, никто и нигде не останавливал. Иногда «перепадало» поехать на спецмашине своего научного руководителя и смазливой аспирантке. Она смеялась над тем, когда милиционеры, заведя новенькую «Волгу», еще издали лихо прикладывали руку к козырьку фуражки и «расцветали» в подобострастной улыбке. «Солидные» даже «ужимали» увесистые животы тогда, когда «начальник» стремительно пролетал мимо стража порядка. Навряд ли кому из них приходило в голову о том, что ослепительной красоты блондинка не имела никакого понятия о правилах дорожного движения, ни говоря уже о том, что такое карданный вал и с чем его «едят»... Василек не только давал «поручить» своей аспирантке, но и иногда «выручал» ее деньгами. При этом молодой профессор таинственно смотрел на молодую и красивую особу, и чмокнув ее в щечку, философствовал:

- Танечка... Деньги нужны каждому советскому человеку... Ты ведь тоже нуждаешься в них, чтобы на высшем уровне поддерживать свои штаны и внешнюю штукатурку. Так ли я говорю, моя историческая светилка?

«Историческая светилка» в ответ ничего не говорила. Она легко чмокала профессора в щечку и с обворожительной улыбкой брала деньги, и тут же положила их в дамскую сумочку.

Первая попытка Василька овладеть красивой блондинкой произошла в день торжественного собрания, посвященного очередной годовщине Октябрьской революции, когда все сотрудники и студенты университета собрались в актовом зале. С докладом выступил Василий Иванович. После собрания аспирантка неспеша направилась на кафедру. Она это делала всегда и практически каждый день, стремясь «ухватить» лишнюю минуту у молодого ученого, который считал своим долгом дать очередную порцию указаний своей подопечной по написанию кандидатской диссертации. Заведующий кафедрой был уже у себя в кабинете. В этот торжественный вечер, как и полагалась по партийным

«этикетам», Василек был одет по «уставу». Черный костюм, белоснежная рубашка с галустком с черно-белыми полосами придавали этому еще далеко не старому человеку особый вид, вид строгости и искусственной заумности. Василек явно «косил» и выдерживал рамки внешнего облика партноменклатурщиков.

Завкафедрой был в хорошем настроении и это сразу заметила Татьяна, как только вошла в кабинет своего наставника. Он был рад визиту аспирантки. Не успела та еще достать из дипломата свои «талмуты», как сразу же Василий Иванович подобострастным голосом прошептал на ухо ярко накрашенной и пахнувшей дорогими французскими духами блондинке:

- Таня, я хочу, я хочу тебя... Только сейчас или никогда...

Мужчина, тяжело дыша, начал страстно обнимать девушку. Парфенова все эти годы думала о том, что когда-то день «расчета» со своим покровителем для нее придет, и поэтому ласково и с улыбкой в ответ произнесла:

- Василий Иванович, я сама...

После этого, блондинка, играя бедрами, подошла к большому кожаному дивану и стала раздеваться. Желание Татьяны отдаться этому мужчине, при этом еще не уроду, да еще и «светиле» науки, который, конечно, не бескорыстно помогал ей пробивать дорогу в науке, нарастало с каждой секундой. К тому же, ей было уже двадцать с небольшим хвостиком и она еще ни разу не имела мужчину...

К сожалению, в этот вечер талантливая аспирантка и маститый ученый остались при своих нереализованных интересах. Не успела Татьяна еще и лечь на диван, как в дверь кабинета заведующего кафедры громко постучали. За дверью раздался звонкий, но заискивающий голос Анны Петровны, секретарши кафедры, любовницы секретаря партийного комитета университета:

- Василий Иванович, я знаю, что Вы работаете в данный момент... Будьте добры, поспешите в партком. Вас первый секретарь райкома партии Борис Иванович вызывает...

Секс по желанию и секс по расчету красивой аспирантки с научным руководителем состоялся только весной, да и то опять неудачно. «Трахнул» Василек долгожданную блондинку в собственном гараже, в салоне при работающем двигателе автомобиля. Отапливать салон требовали еще задерживающиеся морозы при наступающей весне. «Светило» оказался не только первоклассным теоретиком в свете исторической науки, но и опытным половым партнером. Это сразу же почувствовала «первоклассница». В этот день Василек нравился Татьяне как никогда раньше. Она была на седьмом небе от счастья, когда мужчина страстно целовал ее тело и когда они вместе с ним

изнывали от взаимной страсти и любви... Красивой блондинке в этот момент даже не претил крепкий запах спиртного, «густо» валивший изо рта профессора. Девушка, притягивающая к себе тело своего покровителя, сожалела только том, что ей надо было значительно раньше оказаться в его объятиях. Аспирантка первой покинула любовное «ложе»... Она была очень довольна первым мужчиной в ее жизни. В эту ночь Татьяна не спала. Она скучала по Васильку не по «расчету», она хотела его как женщина еще и еще...

О неожиданной смерти своего наставника и любовника Парфенова узнала через три дня, после того, как великая страна под мудрым руководством партии отпраздновала день Победы. Известие о смерти Василька аспирантку шокировало. Она не хотела верить в то, что его уже нет на этой земле. Весь университет, весь город, да и область только и шептались о том, что видный историк партии и всего советского народа умер в собственном гараже, отравившись угарным газом от «Волги». Бывшего шефа довольно многочисленного коллектива преподавателей и научного руководителя белокурой аспирантки со всеми партийными почестями и атрибутами похоронили на городском кладбище для избранных. После того как раздалась траурная музыка и горб с телом покойного опустили в яму, Татьяна заплакала. В смерти Василька она винила и себя. Она ругала себя за то, что в тот прекрасный день ей следовало бы вместе с ним покинуть гараж...

Смерть руководителя в корне изменила жизнь и научную работу красивой женщины. Через неделю после смерти научного руководителя актуальность исследования аспирантки Парфеновой была поставлена на «тормоза». Да и не только это. Татьяну из аспирантуры просто-напросто выгнали сами же историки-ленинцы. На очередном заседании ученого совета ведущей кафедры было признано то, что аспирантка Парфенова «не достаточно эффективно ведет поиск реализации научных разработок в практическую деятельность партийных организаций». Для некогда актуальной темы исследования также не нашелся новый научный руководитель. Девушке ничего не оставалось делать, как «уйти» самой. Через месяц бывшую аспирантку стало что-то подташнивать. После посещения врача-гинеколога она узнала о своей беременности...

Жизнь настоятельно требовала от одинокой женщины поиска всевозможных вариантов выхода из создавшейся ситуации. Она их искала, но все было безуспешно. Блондинка несколько раз перебирала в своей голове неплохой резерв мужчин, которые еще могли спасти ее «репутацию». Выбор беременной женщины пал на своего земляка. Несостоявшийся историк решила ехать в Сибирь к Гошке Лыбину, который ее очень любил. В том, что он будет любить

ее с «наследством» профессора, она также нисколько не сомневалась. В первый же час следования в поезде Татьяна познакомилась с молодым морским офицером. Офицер во время двухдневного совместного пути блондинку неоднократно любил, при том в какой-то степени даже по «военному». Малоопытная женщина от «причуд» военного была без ума. Он также был ошарашен красотой своей соседки по купе, но от брака с ней отказался. Офицера дома ждала жена и двое детей. Ветеринар Гошка Лыбин «клянул» на приманку Татьяны, притом с большой страстью и любовью. С невеселыми думами покидал дом своего тестя Гошка Парфенов, теперь уже Гошка Лыбин. Он только теперь понял то, какой он был наивный все эти годы и какой жестокой была та, которую он когда-то любил больше своей жизни..

Завершив свой «последний и решительный бой», рассказчик долгое время молчал, уставившись в окно. Смотря в эту серую, еще не проснувшуюся мглу, которая с каждым метром движения поезда на восток, рассекалась и рассасывалась первыми лучами солнца, он ни о чем и ни о ком уже не думал. Его голова уже больше ничего не «производила». Мозг, сердце и душа среднего возраста мужчины все «отдали» этой красивой и стройной незнакомке, которая продолжала почему-то плакать. Она и сейчас во время гробового молчания продолжала смахивать рукой очередную «порцию» слез.

У Егора Лыбина, честно говоря, эти слезы в душе кроме смеха ничего не вызывали. Он, наверное, как и все мужчины, считал то, что плач, слезы есть атрибут повседневной жизни любой женщины. К числу таких он относил и эту молодую пассажирку. Одновременно в его голове возникали мысли, своеобразные свидетели того, что Гошка Лыбин говорит сам себе неправду, просто-напросто врал себе. «Кислая» улыбка посетила его физиономию, когда он вспомнил о том, что он и сам давал волю слезам, когда четко понял, что Татьяна раз и навсегда исчезла из его души и из его сердца. Гошка эти тяжелые моменты в своей жизни никогда не забывал. Они преследовали его всегда и везде. Даже здесь, в этом вагоне и перед этой молодой блондинкой, которая так страшно похожа на его первую любовь, он опять верил в какое-то чудо. В какое он и сам четко еще не представлял. Благодаря «этому» он живет в том же городе, где живет его бывшая любовь. Благодаря «этому» он продолжает кого-то ждать...

«Перерабатывала» Гошкин монолог в своих мозгах и Ева. Неудачная любовь умного и порядочного Лыбина к вообще для нее незнакомой Татьяне, словно смерч, пронеслась по ее душе и сердцу. Юная пассажирка нисколько не сомневалась в том, что исповедь мужчины останется у нее на всю жинзнь. Вытерев слезы, она стала пристально разглядывать лицо того, кто ей только что поделился

своими сокровенными мыслями. Глядя на этого мужчину, она в душе сожалела, что какая-то там Татьяна не могла полюбить довольно симпатичного Гошку Лыбина, пусть даже и ветеринара...

Через какое-то время в голову российской немки стали приходить мысли и совсем другие, от которых она иногда краснела и потела. В этот момент ее сосед по купе становился для нее желанным и очень красивым. Боясь своих не обдуманных действий, она вновь возвращалась к исповеди Гошки Лыбина. Осмысливая все сказанное им, она нет-нет да и становилась на позицию надменной Татьяны, сделавшая жизнь Гошки Лыбина сплошным кошмаром. Создавая образ красавицы из деревни Васильковки, Ева задавала себе вопрос, на который ей, порою, хотелось дать положительный ответ:

- Ну, а почему Татьяна, пусть даже как и она, Ева, не может полюбить того, кого она сама хочет любить?... Ведь любовь должна быть взаимной. Так же?, - задавала она себе же вопрос. – При этом внимательно вглядывалась в лицо Лыбина. - Да и сам Лыбин почему-то вчера на вокзале в Ктомске пригласил к себе в купе для бесплатного проезда не бабку с перрона, торгующую семечками. Пригласил ее, красивую Еву, которая похожа на его Татьяну...

С этими вопросами и мыслями она опять всматривалась в лицо своего собеседника. Чувствуя то, что она в этот момент даже на стороне Татьяны, пассажирка с определенным равнодушием созерцала на молчащего мужчину. Лыбин после длительного молчания решил немного «тяпнуть». После очередной порции коньяка он глубоко вздохнул и тихо себе под нос произнес:

- Ну, что, старина, пора уже делать себе и отбой... Времечко-то быстро бежит, а то завтра надо встречать...

Сказав это, мужчина стал рыться в сумке, которая лежала на нижней полке. Наверное, не найдя в ней того, что искал, он резко отбросил ее в сторону. Затем, повернувшись в сторону красивой девушки, он с некоторым пафосом произнес:

- А хочешь, моя ночная сова, я тебе сделаю по поводу нашего знакомства очень хороший подарок? Ведь, ты, Ева, напоминаешь мне мою первую любовь, о которой я тебе эти долгие часы рассказывал. Я одно знаю, что от этих подарков ты не будешь богатой или счастливой... Однако для тебя это будет сюрпризом, а может даже и очень большим...

Увидев удивленное лицо блондинки, мужчина ловко запрыгнул на нижнюю полку, затем немного подтянулся и достал с верхней полки над дверью купе объемистый чемодан. Поставив чемодан на пол, Лыбин неожиданно для Евы близко наклонился к ней и как-то по-особому, скорее всего, с мужской нежностью проговорил:

- Здесь в этом чемодане и под нижними полками ты найдешь всякое барахло. Без него ни одна уважающая себя женщина не можетжить. Вот этим барахлом я занимаюсь уже два года. – Затем покачив головой, продолжил. – Всеобщий дефицит в большой стране приносит мне неплохие деньги и кое-что еще... – Потом усмехнулся, и положив руку на плече блондинки, еле слышно добавил, - Я тебе мешать не буду. Я выйду в коридор покурить и появлюсь где-то через час. Ну, а ты, давай потроши дефициты и одевай все и вся, что тебе понравится.... Ты, моя Татьяна.... Последние три слова Лыбин произнес по-особому тепло и ласково. Осторожно обняв девушку, мужчина стремительно вышел из купе.

Еве Крот ничего не оставалось делать как выполнять просьбу мужчины. Она открыла чемодан и нижние полки, в которых находилось «барахло». В чемодане и в сумках девушка впервые в своей жизни увидела настоящее изобилие тряпок, туфель и всего того, что необходимо для любой женщины. В этом «барахле» нуждалась и Ева. «Ассортимент» женского тряпья, который она видела в своем сельском магазине, ни шел ни в какое сравнение с тем, что было здесь.

Стоя перед «барахлом», Кротиха какое-то время себя спрашивала: «А стоит ли брать все эти вещи от незнакомого мужчины, да несмотря на его обещания, что он дарит ей все это бесплатно?». В момент раздумий Ева была в двух образах, в двух особах. Простая девчонка из глухой сибирской деревни, которая сейчас только «вползала» в мир цивилизации, очень боялась связываться с незнакомым мужчиной. Он даже допускала мысль о том, что это все «барахло» может где-то украдено Гошкой. Молодая крестьянка не хотела сидеть в тюрьме, тем более, когда она уже имела дочь. Одновременно в голове, стоящей в нерешительности блондинки, уже как-то незаметно появилась и другая особа. Эта особа уже мыслила другими понятиями, имела уже иные цели в своей жизни. Она, несмотря на детский возраст, уже кое-что намотала себе «на ус» из того, о чем только совсем недавно рассказывал сам Гоша Лыбин. Красавица Татьяна из деревни Васильковка что-то «передала» Еве Крот из деревни Водяное. У той и у этой было одно общее - красота, которой их наделила природа. Наделила, возможно, даже и в равной мере. Образ незнакомой и уже даже близкой Татьяны, ее жажда жить красиво и без проблем все больше и больше «вital» в сознании той, которая впервые в своей жизни стояла перед «горой» дефицитного тряпья. Перед таким изобилием одежды девушка не устояла. Ева решила делать и жить так, как ей хочется..

Егор Лыбин постучал в дверь купе ровно через час, как и обещал. Услышав ласковый голос своей попутчицы: «Да, войдите»,

мужчина открыл дверь. От увиденного он был ошеломлен. Даже не знал с какой стороны начинать рассматривать свою знакомую. Запах разнообразных лаков и духов господствовал в небольшом помещении. Это рассмешило Гошку. Он раньше и не думал, что эта «деревня» с таким вкусом может выбрать себе одежду и сразу же неслыханно преобразится. Это «преображение» на какое-то время «затмило» разум мужчины, который за свои годы имел ни один десяток женщин.

Ева какое-то время наблюдала за реакцией вошедшего мужчины. Она внимательно смотрела ему в глаза и молчала. Ждала реакции Лыбина на свое одеяние. Ждала с нетерпением, ждала с тревогой, ждала с надеждой. Гошка все время почему-то молчал. Он, словно опытный маляр, старательно «красил» своим взглядом юную блондинку то снизу вверх и наоборот. Вместо кисти у маляра были глаза, глаза страстные, жадно разглядывающие и пожирающие это существо, которое называлось девушкой и женщиной. При этом та и другая были поразительно красивые. И в этом Лыбин несколько не ошибался. Перед ним стояла уже не деревенская «лапотная» баба, а полная своего достоинства красивая особа, в которой воедино слились естественная красота и красивая одежда. Особо удивился мужчина тому, как Ева из своих длинных белых волос умело сделала прическу, которой она напоминала одну из знаменитых героинь романа Льва Толстого «Война и мир». Высокая прическа не только придавала Еве серьезный вид, но и оголила ее высокую и точеную шею. Красота молодой особы притягивала Гошку, который стоял как вкопанный возле двери купе и почему-то не мог сделать ни шага вперед или назад.

Нерешительность мужчины, наоборот, стала придавать блондинке уверенность и силу. Она уже не сомневалась в том, что ее красота поразила соседа по купе. Сейчас то, что она делала или собиралась делать, Ева сама не осознавала. Ею управляла, как ей это самой казалось, уже не кротость Евы Крот, а жажда жизни, наслаждений, которые были присущи Татьяне Парфеновой. Ева в данный момент и сама не знала того, почему ей этого хотелось. Не думая ни о чем и ни о ком, красивая особа решительно сделала шаг навстречу несколько оторопевшему мужчине, и обняв его за шею, тихо промолвила:

-Ты, мой светик, я исправлю свою ошибку...

Что понимала под этими словами девушка, Гошка Лыбин так и не мог понять. Он только почувствовал поцелуй Евы. Поцелуй ее был страстный, жадный и привлекающий. Гошка с силой прижал к себе ослепительной красоты блондинку и также ее поцеловал...

Сколько занимались любовью эти двое пассажиров под мерный стук колес поезда никто в этом мире не знал. Да этого они и

сами не знали и не хотели знать. В этом купе, на этом маленьком островке уединения, перемещающегося по земле со скоростью скорого поезда, были только двое, мужчина и женщина. Симпатичному мужчине было сорок пять лет. Ослепительно красивой блондинке исполнилось только шестнадцать. Сейчас они принадлежали друг другу и только. Остальной мир, в том числе и те, кто жил и обитал его, для них никакой ценности не представляли. Разные по возрасту, но счастливые и упоенные любовью, они не замечали времени. Гошке казалось, что он вернулся в свое прошлое и опять встретил на своем жизненном пути любимую Татьяну, которую он вообще никогда и не терял. Ева, страстно окунувшись в пучину любви, только сейчас по-настоящему, как существо, как женщина, почувствовала всю прелесть любви, силу и страсть мужчины. Она была от этого безмерна счастлива и ей любви хотелось все больше и больше...

Проснулась юная Кротиха где-то к обеду. Яркое солнце, наверное, уже сердилось на тех, кто так блаженно еще спал и поэтому все настойчивее «бегало» по купе. Слегка протерев глаза, девушка опустила ноги с нижней полки на пол и посмотрела вверх. Лыбин на верхней полке крепко спал. Окинув взглядом, мирно храпящего своего жизненного наставника и любовника, Ева радостно улыбнулась. Взяв полотенце и осторожно прикрыв дверь купе, она направилась в туалет.

- Уехать куда-нибудь, уехать одной без дочери, начать жизнь заново, жить по-человечески, - невольно подумала бывшая жительница села Водяное. И эта мысль укреплялась все больше и больше, когда Кротиха рассматривала себя в зеркале. Она сейчас не отрицала того, что эта мысль у нее впервые появилась еще на кладбище, на котором была погребена ее единственная подруга Нина Кулешова. И сейчас, здесь в женском туалете поезда, который стремительно уносил ее от этой жалкой деревни, от этих примитивных людишек, ей почему-то хотелось жить не так, как они.

Ева, впервые в своей жизни насытившись любви, хотела для себя всего лучшего, только хорошего и только приятного. Думая об этом, она на какой-то миг опять воспроизвела в своей памяти безрадостные, серые будни из жизни своей матери, да и тех, кто жил в деревне. Ничего утешительного в жизни этих людей она не находила. В отличие от них, Ева Крот имела одно преимущество – свою естественную красоту, которую ей подарила мать с отцом, природа, а может даже и сам Господь Бог. Очутившись в пучине любви с Егором Лыбиным, шестнадцатилетняя девушка впервые в своей жизни стала понимать значение своей красоты. Она теперь уже нисколько не сомневалась, что из-за этой красоты кое-кто из мужчин готов отдать кучу денег, а то и что-то другое.

Сегодня для Евы состоялось ее «первое крещение» как женщины, к тому же женщины очень красивой и очень молодой. Несмотря на свою неопытность и молодость, как женщины и любовницы, Кротиха не упала лицом в грязь. Любовный неудачник Гоша сегодня получил от нее как мужчина все, даже может и больше. Да и сама Кротиха осталась не в обиде как женщина от этого мужчины. Она кроме этого приобрела и еще кое-что... Подумав о последнем, Ева была очень довольна тем, что переспав с мужчиной, она получила все дефициты одежды и теперь была одета по последней моде...

Кротиха в купе вернулась с веселым настроением. Гошка спал очень крепко, как и прежде. И это радовало девушку. Она быстро стала одеваться. Во время одевания она то и дело косила глазами в зеркало, где иногда всплывало ее отражение. Только после того, как Ева полностью оделась, она позволила себе более пристально посмотреть на себя в зеркало. Нет, молодая особа себя нисколько не обманывала. Она и вправду была красивая. Ей все шло и было к лицу: белая блузка с красным пиджаком и белыми брюками, и лакированные туфли на высоком каблуке. Ей как никому другому подходила даже дамская белая сумочка, в которую Ева быстро положила кое-что из импортной косметики. Смотря на себя в зеркало и любуясь собою, недавняя беглянка из села иногда поглядывала и на того, кто ей все это дал. Спящий «благодетель» продолжал храпеть как паровоз, и конечно, не мог видеть благодарных глаз молодой девушки. Наблюдая за спящим, Ева ловила себя на мысли, что этот мужчина очень душевный человек и постарается по-доброму относиться к ее «Безымяшке», к маленькой Еве, имя которой однажды произнесла юная Кротиха во время разговора с Гошей.

Дальше рассуждать у блондинки не было времени. Она очень боялась, что спящий человек проснется и все ее планы могут разрушиться. Осторожно привстав левой ногой на краешек своей постели, Ева немного подтянулась, и просунула руку на противоположную верхнюю полку. На верхней полке она нащупала кожаный портфель, замками которого совсем недавно щелкал Гошка Лыбин. Засунув руку в портфель, Кротиха с радостью вздохнула. В одном из отсеков она нашла толстый кошелек из коричневой кожи, в котором было приличное количество красных купюр с портретом Ленина. Ева дрожащими руками вытащила толстую пачку этих купюр и отсчитав двадцать, возможно, и больше бумажек, быстро вложила их во внутренний карман «своего» пиджака. Затем она на цыпочках, дабы не скрипеть новыми туфлями, подошла к столику, под которым было все ее деревенское «приданное». Потом быстро вытащила из сумки свидетельство о

рождении и переложила его в свою дамскую сумочку. Свое деревенское одеяние женщина быстро зачихала опять в сумку.

Поезд, следующий на восток громадной страны, делал очередную остановку через двадцать минут на железнодорожной станции «Молихов-Главный». И это очень обрадовало Еву. Она надеялась на то, что Гошка еще будет спать. Однако ни это пугало молодую девушку. Мысль о том, что она через двадцать минут покинет навсегда это купе не так ее беспокоила. Ее душу и сердце терзало очень маленькое существо, которое для нее было дочерью. Судьба «Безымяшки», ее будущее куда больше беспокоили молодую мать, которая в начале своей жизни решила отдать на воспитание единственного ребенка незнакомому мужчине. К тому же сама мать не знала того, когда она опять встретится со своим ребенком, да и встретится ли когда-нибудь. Острые колики в груди, наверное, это что-то изнутри подсказывало матери не делать ошибку в своей жизни, на какое-то время чуть было не лишили сил у молодой девушки. Оказавшись во власти теплых чувств к ребенку, Ева быстро метнулась в сторону купе, где уже несколько часов находилась ее дочь. Дверь купе была закрыта. Это позволило Еве на какое-то время перевести дух, собраться с новыми мыслями. Затаив дыхание, юная Кротиха приложила ухо к двери. В купе две женщины о чем-то между собой разговаривали. Иногда в их разговор «вмешивался» плач детей, их лепетание. Плач и голос одного из них был до боли в сердце знакомым и близким для красивой женщины, которая стояла у закрытой двери купе и плакала. Желание увидеть свою кровинушку, а может даже и изменить свое решение, на какой-то миг овладело молодой матерью и она занесла руку, чтобы постучать в дверь купе, в котором две добрые русские женщины, мать и дочь уже несколько часов ухаживали за ее ребенком. Однако через несколько мгновений желание это сделать у блондинки пропало. Она сама, не зная даже почему, решила не стучать в эту дверь...

Ева быстро повернулась в сторону выхода и решительно направилась в тамбур вагона, где уже «гуськом» стояли нетерпеливые пассажиры в ожидании того, когда дежурный проводник откроет дверь, и они, опустившись по ступенькам на землю, станут гостями или жителями города.

Через несколько минут Ева, как и некоторые пассажиры, покинувшие вагон, сделала первые шаги по привокзальной площади. Обстановка на площади была аналогичной, что и в областном центре Ктомска. Люди бегали по площади как муравьи, нагруженные баулами и без них. Каждый из них несся куда-то и хотел что-то делать для себя. Молодой красивой женщине, вполне возможно, это только казалось. Кое-где к вагонам подбегали

спекулянты с котомками и предлагали пассажирам горячую картошку, овощи или спиртное. Большинство из торговцев после получения денег тут же «смывались» или меняли «дислокацию», боясь напороться на привокзальных милиционеров. Однако ни пассажиры, ни спекулянты с авоськами, никто другой и ничто иное не волновало красивую богато одетую блондинку, которая стояла возле поезда и плакала. Еву Крот в данный момент волновала судьба своей «Безымяшки», которую она оставила сознательно, надеясь на то, что без дитя у нее жизнь пойдет лучше, пусть хоть чуть-чуть лучше, чем это было раньше.

Двадцать минут, которые стоял поезд, для Евы пролетели как миг. В голове у плачущей женщины были разные мысли. Однако они почему-то не изменяли главного решения, которое приняла еще в Водяном нищая, но красивая селянка. И это решение у нее укрепилось в тот момент, когда она до потери чувств занималась любовью с Гошкой. Стоя в десяти метрах от вагона, в котором Кротиха впервые в жизни познала все прелести любви, она еще почему-то надеялась возле тамбура увидеть Гошку Лыбина, который только вчера пригласил ее к себе в купе. На этот раз мужчины почему-то не было. Гошка еще спал. Ночь, проведенная с молодой блондинкой, дала мужчине надежду на выживание. Окунаясь в сонный туман, он надеялся на то, что эта девушка, очень похожая на его первую любовь, станет ему настоящей женой, опорой в его жизни. Ему нравилась и дочка красивой сибирячки...

Ева Крот, конечно, не могла знать того, о чем думал чужой, но уже очень близкий для нее человек. Все то, что происходило сейчас в душе у богато одетой особы, было прямой противоположностью того, что было в душе у «гулящей» школьницы села Водяного. В ее душе произошло что-то очень серьезное. В чем это все выражалось, кто в этом виноват и почему это произошло, она сама не знала. Причины происшедшего с ней в этот еще теплый сентябрьский день, наверное, не знал и никто другой...

Отправление поезда для Евы, в котором была ее дочь, мало что изменило в мыслях и поведении молодой мамы. Только на какое-то время чуть-чуть защемило сердце и не более. Ева, как и кое-кто из провожающих на перроне, со слезами на глазах помахала рукой вслед, быстро набирающему скорость, поезду. Невольно возникшая мысль, что через год, а то и раньше, она все равно найдет свою дочку в самом дальнем городе на востоке страны, даже Кротиху приободрила. И с этой мыслью она согласилась, правда, только на несколько минут. Быстро спустившись по подземному переходу в здание железнодорожного вокзала, блондинка подошла к дежурному по вокзалу.

В небольшой комнате сидела довольно пожилая женщина в

форме железнодорожников. Увидев перед собою Еву, она высунула голову из окошечка и с улыбкой спросила:

- Вам что надо, гражданочка? Какие у Вас проблемы? Я Вас внимательно слушаю...

Сказав это, она приняла «служебный вид» и приготовилась выслушивать ярко покрашенную блондинку. Та, в свою очередь, почему-то стала не то стесняться, не то нервничать. Она то и дело открывала и закрывала маленькую дамскую сумочку. Она, наверное, и сама не осознавала того, что делала. В конце концов молодая дама, переборов в себе не то стеснение, не то страх, тихо промолвила:

- Скажите, товарищ начальник, пожалуйста... Мне что будет, если я отставила своего маленького ребеночка в поезде?... Я его забыла...

Дальше девушка не могла что-либо говорить. У нее все пересохло в горле. Начали дрожать руки и ноги. Такое «сногшибательное» заявление юной пассажирки несколько не обескуражило начальницу. На ее веку, наверное, и не такие «розыгрыши» были. Да и заявление богато одетой красотки женщина-начальница почему-то всерьез не восприняла. Она слегка усмехнувшись, громко произнесла в селектор:

- Я почему-то очень сомневаюсь в том, что ты, девочка, можешь терять своих братиков и сестричек. Да и отец тебе таких шалостей не простит. До свадьбы я думаю тебе, деточка, еще жить да жить...

На какое-то время пожилая женщина замолчала и продолжала внимательно рассматривать ту, которая потеряла свою дочь. По лицу начальницы было видно, что она еще не исключала того, что эта красивая соплячка ее просто-напросто разыгрывает. Женщина «горела» желанием отругать эту смазливую богачку. Однако делать это ей запрещали всевозможные инструкции. К тому же она не исключала и того, что где-то на вокзале бродит важный и богатый ее отец или другой родственник. Сохраняя служебный вид, женщина с равнодушием произнесла:

- Девушка, здесь у нас работы по горло хватает с другим спецконтингентом. Ну, а если кто-то и что-то теряет, обращаются в отделение милиции. Милиционеры находятся в пяти метрах от железнодорожных касс вокзала.

После этого начальница улыбнулась, и показывая своим видом то, что дальнейшего желания разговаривать с красоткой у нее нет, решительно закрыла окошечко и вышла вон из помещения.

В милицию Ева о «случившемся» заявлять не стала. Основной причиной этому явилось довольно странное поведение стражей порядка. Не успела еще Кротиха и подойти к комнате, на двери

которой висела табличка «Комната милиции», как дверь помещения открылась. Из комнаты милиции вышли двое: старичок, не то бомж, не то пьяница и милиционер. Поведение обоих у Евы не вызывало какой-либо симпатии. Старик был с заросшей бородой и от него разило туалетным запахом на приличном расстоянии. Несмотря даже на то, что он был маленького роста и вес у него был как у худого барана, он не боялся отпускать в адрес милиционера довольно приличную брань. И все это «деяние» не понятно почему, старичок сопровождал плевками в сторону милиционера. Эти плевки старый мужчина «испускал» изо рта практически каждую секунду.

Не давал себя в обиду и страж порядка, которому было лет за тридцать, а может чуть и больше. Еву, жадно наблюдающую за происходящим со стороны, удивила физиономия милиционера, Лицо у него было круглое, как глобус, без всяких признаков «словесности». Девушке казалось то, что эта голова, на которую была глубоко насажена большая фуражка с красным околышем, ничего не могла думать. Подтверждением этому являлись и действия, которые страж порядка совершал по отношению к старику. Сержант милиции то и дело толкал большим кулаком в спину старика и все время цедил сквозь свои гнилые зубы:

- Ну, ты, паря, катись отсюда, пока не зашиб...

В свой милицейский лексикон он иногда добавлял слово на три буквы, которое явно «возбуждало» бомжа для ответных действий. Через некоторое время милиционер со своим «негативом» направился в сторону выхода. Вскоре они перестали быть объектом наблюдения со стороны привокзальных зевак. Ева после увиденного стояла еще несколько минут возле комнаты милиции и раздумывала:

- Есть ли смысл заходить в эту комнату, из которой только что вышел старик с милиционером? Могут ли эти милиционеры помочь моему горю?

Этот вопрос она задавала себе несколько раз. Окончательно прийдя к выводу о нецелесообразности визита в комнату милиции, девушка неспеша двинулась к выходу в город. На глазах у нее были слезы.

Что представлял собой этот крупный город Молихов гостя не знала. Да и вообще-то в родном, казалось бы очень близком от Водяного в городе Ктомске, Ева не ахти как часто бывала. Незвестный город во многом был похож на Ктомск, те же улицы, те же рынки, те же люди. Даже улицы были с одинаковыми названиями, что и в городе, откуда она совсем только недавно приехала.

Порядка двух часов бродила Ева по незнакомому городу. И это

ей очень нравилось. Она впервые в своей жизни дышала городской жизнью, дышала своей свободой. На душе у нее было очень весело. Идящая по улицам четко понимала, что вся ее жизнь раньше была нищетой и сплошным кошмаром. Даже за шестнадцать лет юная и физически здоровая девушка устала и эта усталость требовала разрядки. Молодой организм «всасывал» в себя не только свободу действий со стороны юной блондинки, но и то, чем дышала, чем наслаждалась недавняя беглянка из глухой деревни Водяное.

В этот солнечный сентябрьский день Еве в чужом городе все нравилось. Она иногда останавливалась и внимательно смотрела на снующих мимо ее людей, на автомобили и автобусы, которые смачно обдавали горожан густыми клубами выхлопных газов. Нравился ей и перезвон трамваев. Новенькая была без ума и от легкого ветерка, «раздевающего» от листьев каждую секунду некогда зеленые березки, которыми буквально был засажен весь город. Кое-где желтые листья с берез не хотели падать на землю и при помощи ветра продолжали летать по воздуху, иногда «приземляясь» на плечи или на волосы прохожих. Те, в свою очередь, с неожиданными прищельцами поступали по-разному. Одни тут же снимали с себя желтые листья и бросали их на землю. Кое-кто из других с философским видом разглядывал своего «прищельца» и потом нежно, скорее всего, с сожалением опускал листок на землю. Те и другие прохожие прекрасно понимали, что на дворе уже осень, преддверие крепкой сибирской зимы...

Брожение юной Кротихи по городу было бесцельным и бессистемным. Она шла «туда», куда несли ее молодые ноги и куда глядели глаза. Неожиданно она «уперлась» в большое красивое здание, на самом верху которого находился не то щит, не то стенд с надписью «Кинотеар «Стрела». Приблизившись к зданию, девушка увидела афишу «Сегодня в нашем кинотеатре». В этот день в кинотеатре демонстрировался фильм «Любовь в Симле». В метрах пятидесяти от кинотеатра на пути Кротиха встретила столовую. Ева еще не испытывала страшного чувства голода, однако интерес к тому, как в этой столовой кормят, взял свой верх. При входе в столовую за кассой сидела довольно симпатичная девушка и неспеша читала журнал. Причиной такой «работы», скорее всего, было не обеденное время. В помещении за столами сидело человек пять, не более. Только после, как Ева неспеша прогулялась по столовой и прочитала все рекламные щиты, призывающие кушать разнообразные сорта хлеба местных хлебозаводов, неожиданно для себя она услышала чей-то окрик. Этот окрик касался Евы. Она машинально повернула свою голову в сторону кассы и не ошиблась.

Кассирша, несколько заискивая перед богато одетой блондинкой, дежурно спросила:

- Девушка, а что Вам отбивать?

Ева, стоящая одной ногой у выхода из столовой, такого приглашения явно не ожидала. Тем более, что-то заказывать в этой столовой она не собиралась. Однако, сама не зная почему, глубоко вздохнула и направилась к кассе. Запах свежесваренных пельменей приятно щекотал нос посетительницы. С двумя порциями пельменей и бутылкой напитка «Байкал» Кротиха «расправилась» очень быстро. Пельмени ей очень понравились и были не очень дорогими. Чуть меньше рубля заплатила Ева за обед. Тепло простившись с кассиршей, у которой была очень красивая короткая прическа из вьющихся черных волос, посетительница покинула столовую.

Желание сделать красивую прическу «как у кассирши» у Евы возникла через пять минут. И это она решила сделать в первой же парикмахерской, которая встретила ее на ее пути. В женском зале клиентов было очень мало и это укрепило желание девушки «проститься» с длинной косой былых волос. Обслуживала блондинку очень пожилая женщина с целым набором перстней, которые были надеты на пальцы обеих рук. Перед началом работы мастер даже советовала Еве не стричь такое «добро», а ходить и гордиться такой косой. Но увыв... Ева была непреклонна в своем решении и указала пальцем на стенд, на котором были изображены разные женские прически. Найдя ту, «как у кассирши», она с облегчением вздохнула после того, как женщина приступила к работе. Прическа «как у кассирши» заняла у Кротихи чуть-чуть больше часа и обошлась в десять рублей. Глядя на себя в зеркало, девушка не жалела ни о времени, ни о деньгах. Она была очень довольна своей новой прической, которая добавляла ей как женщине уверенность в себе, да не только это...

По рекомендации Нины Ивановны, так назвала себя женский парикмахер, Ева положила свою отрезанную косу в сумку на память, где еще находилось «деревенское одеяние». Увидев первый попавшийся на глаза мусорный ящик на пути следования, Ева без всякого сожаления бросила в ящик потрепанное деревенское одеяние и «память».

День был еще в самом разгаре. Красивая блондинка прекрасно понимала то, что вскоре бесцельное шатание по городу закончится и ей где-то надо будет искать ночлег. И не только это. Надо было где-то жить и жить не так как раньше...

Эти мысли уже ей приходили в голову тогда, когда она сидела в кресле женского салона в парикмахерской и в парке культуры и отдыха, куда Ева забрела. Купив мороженое, девушка уютно уселась за столик и начала наблюдать за теми, кто сновал по дорожкам парка. Раздумья Евы по поиску жилья неожиданно

прервала тройка жаловливых ребят. Они бегали вокруг небольшого фонтана и иногда поравнявшись с девушкой, сидящей за столиком, весело кричали: «Девушка в красном, дай нам прекрасным!». Прокричав эти слова, и, скорее всего, боясь того, что молодая девчонка с короткой прической за такое «сквернословие» догонит и уши надерет, а может даже и больше, они с криком и с свистом разбегались в разные стороны. Однако «возмездие» от «палача» в красном пиджаке и в белых брюках не приходило. Вскоре ребятам надоело «трюкачество» и они мирно уселись на скамеечке неподалеку от киоска, в котором продавалось мороженое. Сидящие иногда бросали завистливые взгляды в сторону той, которая аппетитно «уплетала» мороженое. Чувство жалости, пусть даже сиесекундное, заставило Еву купить для тройки шалунов по мороженому. Предела радости у ребят не было, когда «прекрасная в красном» пригласила всех их за столик, чтобы они отведали мороженое в вафельном стаканчике стоимостью одиннадцать копеек.

Через пару минут ребята разговорились. Ева вскоре узнала от ребят в основном все о жизни трехсоттысячного города. Она также знала и о том, какое место занимает хоккейная команда «Молот» и почему играет плохо футбольный клуб «Темп». О своей проблеме с жильем поведала малышам и Ева. Ребята, все как один, согласились сопровождать Еву до гостиницы, которая находилась через пару улиц от городского парка. Гостиница «Золотой колос» представляла собой четырехэтажное здание, обнесенное забором из металлических прутьев. Мальчишеское «сопровождение» Ева оставила на улице перед входом в гостиницу, а сама уверенно и с большой надеждой переночевать в гостинице вошла в здание. Администратор гостиницы, старая женщина с большим горбатым носом и большой копной седых волос, которые небрежно были уложены на голове, поначалу с улыбкой встретила блондинку. Старуха за всю жизнь научилась различать «кто и с чем залетел» в их теремок. Однако узнав о том, что у девушки нет паспорта, женщина приняла сразу же надменный вид. Сняв очки, она торжественно и нравоучительно прошепелявила Еве:

- У нас администрация и лично директор гостиницы Галина Николаевна работают строго по советским инструкциям...

Слушать поучения администраторши Ева не стала. Она развернулась и вышла вон. Тройка мальчишек сразу же заметила то, что их знакомая явно не в духе. Все они были также разочарованы тем, что у блондинки нет паспорта. Ева и ребята вновь вернулись в городской парк и за тем же столиком стали обсуждать дальнейший план действий. Каждый предлагал свой вариант. Ева, самая старшая по возрасту, конечно, понимала, что

она и ее новые друзья не в курсе той информации по жилью, которой владеют взрослые жители города Молихова. Она также понимала то, что дальнейшее хождение по гостиницам без паспорта для нее будет бессмысленным занятием. Инструкции действовали везде одинаково.

Практически до темноты Ева с тройкой ребят искала себе всевозможный ночлег. Использовались все варианты, но все было безрезультатно. Ни прохожие, ни старушки, сидящие на скамеечках возле подъездов маленьких и больших домов ничем не могли помочь Еве. Ребята на пути поисков даже обратились к пионерам одной из школ. Они также были бессильны найти жилье для их новой знакомой. Возможно, бабки и могли «шепнуть» Еве на ухо адресок одинокого старика или бабки, но почему-то этого они не делали. Глядя в глаза этим людям, Ева прекрасно понимала то, что они ей как человеку, как женщине не доверяют. Вероятно по одной причине: слишком молодая, да и слишком «смазливая»...

Наиболее реальный выход из создавшегося тупика для Евы предложил «Белый». С такой кличкой среди тройки ребят ходил Петька, по фамилии Лесков. Скорее всего, друзья так прозвали своего кореша за его белые волосы, которые почему-то торчали во все стороны и напоминали колючего ежика. Петька из тройки был самым старшим по возрасту, да и «врубался» в тот или иной вопрос более быстрее, чем его друзья. Ева сама замечала, что этот мальчишка больше всех проявлял рвение в оказании ей помощи. По словам «Белого» он живет уже третий год один с матерью в двухкомнатной квартире. Отец был, да непутевый, каждый день пьянствовал. Глядя на «взрослого» рассказчика, у которого было безрадостное детство, Ева внимательно глядела в грустные глаза мальчика и невольно сравнивала свою жизнь с жизнью Петьки. У Кротихи даже глаза повлажнели, когда она узнала о поистине трагической жизни паренька, который был на немного ее младше. Виновником несчастного детства мальчишки был его отец. Только по вине отца-алкоголика ни Петька, ни Верка-соседка, которые были одноклассниками, не стали первоклассниками в тот год, как все школьники их возраста пошли в школу. Три года назад это произошло. Еще с раннего утра в день первого сентября «Ванька Пузырь», такая кликуха была у отца «Белого», стал просить трешку на «святую водицу» у своей жены. Та наотрез не давала денег. У нее и взаправду денег не было. Все деньги мать потратила на сборы своего единственного ребенка, который через три часа должен был впервые в своей жизни идти в первый класс. Не дала трешку мужчине и соседка, тетя Поля. Она, как и мать «Белого» уже не спала, а готовила школьную форму для своей дочери. Мало этого. Тетя Поля, живущая напротив квартиры Лесковых, не только

вытолкала своего «любимого соседа» из своей квартиры, но и дала ему подзатыльник. При этом она еще успела сказать мужчине: «Ты, дерьмо вонючее, иди домой». Новую кликуху «Ванька Пузырь» никак не хотел принимать и всерьез решил отомстить своей строптивой соседке. Через полчаса Лесков неизвестно откуда принес бутылку бензина и хладнокровно разлил жидкость перед входной дверью тети Поли, а затем и перед дверью своей квартиры. Свою квартиру он к тому же запер на ключ. Мужчина, словно вампир, спокойно докурил сигарету и так же спокойно бросил бычок в лужу бензина. Пламя моментально охватило лестничную клетку пятого этажа дома, который наполовину был построен из кирпича и из дерева. Дому было далеко за полвека. Местные власти давно его хотели снести, хотели, но по каким-то причинам не сносили.

Пятый этаж горел как порох. Остальные этажи удалось сохранить, благо пожарка находилась в трехстах метрах от горящего дома. Дом от полного сгорания спасло еще и то, что на улице было многолюдно. Как никак был первый день нового учебного года. Люди, словно мураши, набросились на тушение пожара. Поэтому «коллектив» получился очень дружный. При тушении пожара использовали буквально все, вплоть до воды в придорожной канаве. Только два этажа из пяти остались пригодными для жилья. Пожар обошелся без человеческих жертв, не считая «глупой» смерти самого поджигателя. Да и то, наверное, «Ванька Пузырь» со страху оступился с лестничной клетки, а может и «чика» замкнула. Мужчина свалился с пятого этажа в лестничный проем и разбился на смерть. Соседка тетя Поля со своей дочкой, изрядна подгорев, успели выскочить из квартиры. Особенно «досталось» девочке, ожоги на лице и на теле остались на всю жизнь. Петьке с матерью повезло больше. «Пригорела» только мать, которая завернув сына в одеяло, преодолела полосу огня и дыма. Мать Петьки «должное» в своем спасении отдавала и покойнику, который будучи еще живым часто по пьянке выбивал входную дверь квартиры. Дверь выбивал, а не ремонтировал. Мать со всего размаху ногой выбила дверь квартиры и это спасло от верной гибели женщину и ребенка.

Погорельцы чуть больше года жили в общежитии хладокомбината, на котором работала Нина Николаевна, мать Петьки. Потом районные власти дали женщине с ребенком двухкомнатную квартиру в «хрущевке». Рассказ Петьки «Белого» не только заинтриговал Еву своим содержанием, но и дал определенную надежду на успешное разрешение жилищного вопроса. Не зная почему, Ева все же решила отказаться от предложения мальчишки, который настойчиво предлагал блондинке переночевать у них дома. Среди доводов, которые приводил мальчишка, было то, что у него есть место для ночевки и

добрая мама. Причины для отказа у Евы также были, притом очень веские. Ей не хотелось теснить незнакомых людей в «хрущевке». Имеющиеся деньги у девушки давали ей определенную надежду на более лучший вариант.

Петька был явно огорчен тем, что Ева отказалась от его предложения, Мальчишка не сдавался. Он, уже прощаясь с Евой, написал авторучкой свой адрес на клочке газеты, которая валялась на земле в парке. Сунув клочок газеты с адресом в руки девушки, мальчишка стал быстро собираться домой, так как на улице становилось темно. Внимательно посмотрев в глаза своей новой знакомкой, он с сожалением проговорил:

- Ну, я побегу, а то мамка, наверное, меня ждет, да еще будет переживать... Я хочу еще хоть чем-то ей и по дому помочь...

Мальчишка промолвил эти слова очень серьезно и вскоре скрылся из вида. Темнота уже по-настоящему брала в свои объятия большой город. Сотни, а может даже и тысячи электрических огоньков появились в окнах жилых домов, на улицах. Все они пытались «побороться» с темнотой, но успех был явно на стороне последней.. Ева, простившись с Петей, неспеша пошла по главной улице города в сторону железнодорожного вокзала. Здесь она надеялась найти хоть какое-то пристанище, хотя бы даже на ночь.

До вокзала было километра три. На пути следования Ева спрашивала у пешеходов о возможности ночлега. Обращалась не ко всем. Девушку интересовали те, кто на вид, по ее мнению, вызывал определенную симпатию или доверие. Смазливая блондинка жалостливо ворковала:

- Скажите, пожалуйста, а где в городе можно переночевать?

На один и тот же вопрос горожане отвечали и реагировали неоднозначно. Люди пожилого возраста отвечали:

- Даже и не знаю, как Вам помочь... Это очень сложно в нашем городе...

Были и те, кто увидев перед собою в полутемноте молодую девушку, шарахались в сторону или проскакивали мимо нее. Прохожие мужчины, кому было чуть за тридцать или около этого, с ответом на поставленный вопрос блондинки несколько медлили. Кое-кто из них и сам стремился задавать Еве вопросы. Наиболее «сексуальные» в адрес «бедствующей» отпускали шуточки типа:

- Я с удовольствием бы пригласил такую красотку к себе на проживание, да вот только жена сегодня дома. В данный момент ничем тебе, красотка, не могу помочь...

Ева пришла на привокзальную площадь Молихов-Главный тогда, когда вокзал практически опустел. Только возле главного входа в вокзал стояли «Волги» с горящими шашечками. Возле некоторых из них толпились небольшие группы таксистов. Иногда

от них раздавался очень громкий смех. Скорее всего, мужчины весело смеялись над содержанием анекдота, который только что рассказал кто-то из стоящих.

Полупустым было и здание двухэтажного вокзала. Вокзал по размерам был очень небольшим и грязным. Особенно грязно было на первом этаже, где располагались пригородные кассы и буфет. Буфет работал круглосуточно. Желающих покушать в этот поздний вечер было не так уже и много и поэтому буфетчица находила время поболтать с мужчиной, который стоял возле небольшого столика и пил пиво. Вполне возможно, это был не пассажир, а ее знакомый, а может даже и подсобный рабочий. Спрашивать у этой парочки о жилье Ева не стала. Она почему-то сразу же чувствовала то, что они ее горю ничем не помогут. Уж больно физиономии буфетчицы и мужчины ей были не симпатичны и не вызывали какого-либо доверия у молодой особы. Медленное брожение по первому этажу девушке вскоре порядком надоело и она поднялась по лестнице на второй этаж. Здесь было намного уютнее и чище. Даже может и надежнее, как никак в центре зала для пассажиров стоял небольшой памятник В.И. Ленину. Вокруг памятника располагались удобные скамейки, на спинках которых были выделены три большие буквы «МПС».

Ева после короткого знакомства с залом решила отдохнуть и присела на скамейку неподалеку от газетного киоска. В зале была относительная тишина. Эту тишину изредка прерывал приятный голос женщины-диктора, извещающей о прибытии или отправлении поездов. Дикторша иногда объявляла о том, что при вокзале в комнате матери и ребенка имеются свободные места.

Усталость и тишина сделали свое дело. Незаметно для себя юная Кротиха заснула. Спала она часа три. За это время ей снились сплошные кошмары. Ей снился отчим, который почему-то на нее с вилами бросался. Девушке снилась и ее дочь, которая тонула в луже крови... Снилось еще что-то очень страшное... От этого Ева громко вскрикнула во сне и проснулась. Открыв глаза, девушка обомлела. Перед ней стоял долговязый милиционер с густыми черными усами, и толкая ее рукой в плечо, с удивлением спрашивал девушку:

- Гражданочка, а у Вас все в порядке? Вам что плохо стало? Гражданочка, ну же просыпайтесь...

Увидев то, что молодая гражданочка наконец проснулась и испуганно уставила на стража порядка глаза, милиционер весело произнес:

- Гражданочка, в наших краях так сильно спать нельзя. Вас, такую красивую могут и украсть..

Ева ничего на это не ответила. Она еще не могла в себя

прийти от сноведений. Кошмары пугали сидящую. Она невольно опять закрыла глаза, надеясь на какое-то время забыть отчима и свою дочь. Однако ей это не удавалось. Кротиха с радостью открыла глаза, когда услышала надрывный голос ночного милиционера, который вернул ее к реальной жизни:

- Уважаемые пассажиры! Прошу Вас набраться терпения и не спать в ожидании поезда, дабы себя не подвергать дополнительной опасности. Кроме этого, не забывайте о том, что Ваши вещи без присмотра могут оказаться в руках случайных прохожих. Вот и все, что я хотел Вам сказать, уважаемые пассажиры...

Прокричав эти указания, милиционер приложил руку к козырьку фуражки и рысцой покинул верхний этаж. Через несколько минут эти же указания раздалась и на первом этаже вокзала. Ева, как и некоторые пассажиры решила строго действовать указаниям милиционера, так как в ее сумочке было приличное количество денег. Ее беспокоило еще и то, что некоторые молодые пассажиры просто-напросто на нее «пялили» глаза. Где-то в два часа ночи Еве захотелось в туалет, больше терпеть у нее не было мочи. Кротиха еще во время прогулки по этажу заметила приятное заведение с буквой «Ж», которое посещали женщины. Женский туалет в это позднее время блондинку не «принял». Девушка увидела на двери небольшую табличку, на которой корявыми буквами было написано «Закрыто». Ева не стала размышлять над тем, почему это заведение было закрыто. Естественные потребности все больше и больше заявляли о себе. Блондинка почти бегом спустилась по лестнице вниз на первый этаж. Кротиха обрадовалась, словно народившись во второй раз на эту землю, когда увидела женский туалет. Оказавшись в кабинке, молодая женщина облегченно вздохнула.

Не успела блондинка еще и щелкнуть щеколдой, запирающей дверь кабины изнутри и сделать свое «дело», как кто-то припер дверь ее кабины. Тотчас же раздался радостный голос женщины:

- Хмырь, смотри, кого я сегодня подловила... Краля, что надо, вот заказчик-то наш обрадуется...

Незнакомая женщина больше не имела возможности поделиться своей радостью с мужчиной по кличке Хмырь. Ева со всей силой ударила плечом в дверь кабинки. Дверь словно соломинка отлетела прочь. Прочь отлетела и та женщина, которая подпирала дверь снаружи. Удар был такой сильный, что «узница» по инерции сама вылетела из кабинки, и оступившись, рухнула спиной на пол. Не успела юная Кротиха и глазом моргнуть, как перед собою увидела бородатого мужчину в шапке-треухе. Он, приставив заточку к горлу Евы, весело прошепелявил:

- Ну, вот и все, теперь порядок...

Больше он ничего не говорил, а только быстро «шнырял» заточкой по верхней части тела и голове девушки. Ева от испуга ничего не могла сказать. От испуга у нее все и вся отключилось: мозг, тело, конечности. Хмырь со своей напарницей раздели блондинку полностью. Сняли даже розовые трусики, которые очень Еве нравились. То, что незнакомые люди с ней делали, молодая девушка не понимала и не чувствовала. Слезы застилали ее глаза, болела голова, ныло все тело.

Только где-то через пять минут девушка пришла в себя. В туалете никого не было. Стояла тишина. Еве не хотелось даже представлять то, что с ней только что произошло. Случилось это совсем по-глупому. Она и в голове себе не могла представить того, что в самом центре города, да еще на вокзале в туалете ее могут ограбить. Ей было стыдно и противно. Она плакала и от того, что она сильная и молодая не могла противостоять какому-то старику и неряшливой бабке, скорее всего пьяницам и бомжам, которые так ловко с ней расправились. Быстро вскочив и встав на ноги, блондинка чуть было не закричала от догадок и от бессилия: ее одежды возле кабинок и в умывальнике не было. Внимательно осмотрев туалетное помещение Ева увидела на подоконнике в полузатемненном умывальнике свою белую сумочку и этому очень обрадовалась. Стремительно подбежав к подоконнику, потрепешная быстро схватила сумочку и стала нервно шарить в ней. Денег в сумочке не было. Во втором отсеке сумки девушка нащупала свое свидетельство о рождении и кусок газеты, на котором Петька написал свой адрес. Этому Ева чрезмерно обрадовалась. Свидетельство о рождении давало ей возможность хоть за что-то зацепиться в этом городе и найти свою нишу в жизни.

Немного успокоившись, Ева стала раздумывать о том, как ей действовать дальше и что делать в сложившейся ситуации, когда даже на ней нет никакой одежды. Да и перед вполне возможными посетительницами женского туалета ей было стыдно. В туалете становилось прохладнее. Ева только сейчас заметила, что в больших размерах окне верхние стекла отсутствовали. Холодный сентябрьский ночной ветерок свободно гулял по туалету и «подмораживал» голую девушку. Юная Кротиха после недолгого раздумья решила спрятаться в самом дальнем углу туалета недалеко от кабинок. Каких-либо планов на дальнейшее она не имела, да и что можно было предпринимать в таком виде? Оставалось только ждать и только ждать, не зная кого и чего.

В гордом одиночестве в углу Ева простояла порядка полчаса, как дверь скрипнула и в туалет вошла посетительница. Из полутемноты, которая «царствовала» в углу, Ева увидела толстую

женщину в длинном плаще, которая тяжело дыша, несла в обеих руках по сумке. Открыв одну из кабинок, женщина стала забрасывать в нее свои сумки. Хозяйка баулов боялась того, что ее вещи могут украсть во время «туалетной процедуры», если бы она оставила их за пределами кабины.

Закончив «туалетную процедуру», толстуха так же как и раньше, и таким же способом, и с таким же сапом вытащила сумки из кабины и поставила их перед умывальником, намереваясь помыть руки. На какое-то время посетительница, от мысли помыть руки отказалась. Наверное, в кране не было воды. После некоторого раздумья женщина расстегнула свой плащ, затем расстегнула кофту и начала подтягивать свои трусы. Аналогичное она сделала и со своими чулками. Во время этого «занятия» и решила «заявить» о себе Ева, которая до этого молча стояла в углу и наблюдала за действиями толстухи.

Ева вышла из угла очень осторожно, стараясь не вспугнуть свою надежду-приманку, и тихо произнесла:

- Извините, я хотела Вас спросить...

Голос у девушки «получился» не то ангельский, не то сказочный, что наверное, так он шокирующе подействовал на женщину. Толстуха, услышав тихий голосок за своей спиной, даже в мыслях себе не представляла о том, что кто-то из людей еще есть в этом туалете. Тем более, доподлинно зная об этом, она в свое удовольствие «постреляла», сидя совсем недавно на очке. И сейчас, в эту ночь, да еще в туалете этот голос для нее показался не человеческим, а чем-то иным, может даже божественным... И это сильно испугало женщину, которая на время оставив свои трусы, начала быстро креститься и приговаривать:

- Спаси и сохрани Боже, прости и сохрани....

Дальше причитать она уже не могла. Перед ней во всей своей «красе» появилась Ева, правда без Адама... Толстуха, забыв все на этом свете, дала деру из туалета, забыв про свои баулы. Юная Кротиха, конечно, не ожидала такого поворота событий в женском туалете и на какое-то время ею овладел смех. Она смеялась громко, как никогда в своей жизни. Смеялась сквозь слезы. Ей, стоящей здесь голой, было обидно за то, что она украв деньги у Гошки Лыбина и благодаря ему же одевшись по последней моде, все это она за короткое пребывание в женском туалете «спустила». И все это у нее отняли какие-то бомжи. Раздумывать о чем-то другом у Евы не было времени. Она бросила взгляд на две большие сумки, оставленные толстухой. Раскрыть их и посмотреть кое-что для себя из одежды было первой мыслью нагой девушки. Благие намерения нагой прервал сильный стук в дверь туалета. Ева стояла не живая и не мертвая. Мысль о том, что толстуха явно «отошла» от неземного

голоса в туалете и нашла милиционера на вокзале чуть было не лишила дара речи у молодой блондинки. Она на стук никак не реагировала, а просто стояла как вкопанная и всё. Стояла и молчала.

Неожиданно для нее из-за двери показалась довольно упитанная физиономия мужчины, на голове которого была фуражка-сталинка. Мужчина, стрельнув глазами помещение и конечно, увидев нагую девушку, быстро «спрятал» голову за дверь. И это на какое-то время Еву успокоило. «Хорошо то, что хоть не милиционер был», - подумала она и спряталась за обратную сторону входной двери, которую только что открывал мужчина. Нагая притаилась и стала внимательно вслушиваться в то, что происходило за дверью. Через некоторое время там раздался громкий шепот. Потом на какое-то время он прекратился. Затем дверь со скрипом по-тихоньку открылась и вскоре в центре помещения Ева увидела знакомую толстуху и мужчину, «размеры» которого превышали женщину почти в два раза. Свой картуз мужчина держал в руках и почему-то ежесекундно потирал рукой свою лысину, которая даже в полутемном помещении ярко светилась.

Вошедшие, как единое целое, стали «лупить» глазами по туалету, надеясь найти ту, которая только что здесь была. Ева не стала испытывать терпение людей и сама вышла из-за укрытия. Тем более, входная дверь в туалет оставалась открытой, так навряд ли они ее бы нашли. При виде старой «знакомой» толстуха реагировала спокойно. Мужчина, скорее всего, это был ее муж, при виде стройной блондинки стал вести себя довольно странно. Странности его заключались в том, что лысый буквально впился глазами в нагую Еву. Он впервые в своей жизни видел такую красивую девушку, при всем при этом она была совершенно голой. Для приличия мужчина иногда старался отвести голову в сторону, но его глаза продолжали «косить». И это «деяние» не могла не замечать ни Ева, ни толстуха. Девушке стало неудобно стоять перед этим нагловатым, а может и даже туповатым мужиком. Однако другого выхода у нее не было. Инициатором «перевоспитания» лысого оказалась толстуха. Видя жадные глаза мужа, наверное, даже в полутемном помещении они светились как у кота, она с со всего размаху шлепнула рукой мужчину по лысине и при этом очень громко сказала:

- Ты, что старый кобель, голых баб отродясь не видел? Пошел вон...

Мужчина, как шаловливый кот, огрызаться не стал, а спокойно вышел из туалета, плотно закрыв за собой дверь. Только сейчас, выпроводив мужа вон, толстуха поняла то, что нагая девушка совсем не спустилась с небес, а такая же, как и все земные

люди. Она очень внимательно выслушала все то, что рассказала ей о случившемся эта девушка. Женщина быстро поняла трудную ситуацию, в которой оказалась Ева и от всего сердца решила бедняшке помочь. Валя, так назвала себя тостуха, оказалась порядочной женщиной и стала рыться в своих сумках. К великой радости Евы среди своих покупок она нашла простое спортивное трико, которое предназначалось для сына-школьника. Трико как раз оказалось впору для девушки. Это было в данный момент для нее пределом человеческого счастья. Трико было не очень дорогим и стоило всего один рубль двадцать копеек, однако Еве нечем было рассчитаться. Не долго думая, Ева вытащила из своей дамской сумочки оставшиеся бумаги, и протянула ее женщине. Та этот подарок с удовольствием приняла. Муж явно был очень доволен «покупкой» своей жены, после того как толстуха с Евой вышли из туалета.

Была довольной и Ева, которая босой спешно покидала здание вокзала, надеясь на то, что вскоре она найдет Петьку, адресок которого она крепко сжимала в кулаке. Улицу адмирала Нахимова найти для Евы, как оказалось, больших трудов не представляло. Таксист, стоявший возле автобусной остановки, расположенной неподалеку от железнодорожного вокзала, даже согласился было подвести девушку до этой улицы всего за «рубчик». Однако Ева, уже наученная городской жизнью, от предложения вежливо отказалась. После того, как молодой таксист рассказал все приметы и особенности следования до улицы Нахимова, Ева решительно шагнула в темноту неизвестных ей перекрестков и улиц.

Улицу, на которой проживал Петька Белый, Ева нашла только под утро, когда первые лучи солнца стали опускаться на землю. Поиски улицы были бы и короче, если бы не темнота. Амурский поселок, для девушки было непонятно почему так называли этот жилой район, от вокзала находился не так уже и далеко. Возможно было три или четыре километра. Днем для Кротики это расстояние ничего было бы не стоило преодолеть. Сейчас же, когда она двигалась в сторону Петькиного дома, ее преследовала на некоторых улицах сплошная темнота, различные ухабы. Иногда на пути следования проходили ватаги молодежи, явно подпитой, которую, как и бродячих собак, Ева очень боялась, и поэтому всевозможными путями старалась избегать. Еще издали, услышав в темноте брань или мат молодых людей, она как заяц давала деру. Иногда пряталась за угол первого же дома или лежала в придорожной канаве, или в другом укрытии, затаив дыхание.

Оказавшись возле дома, в котором проживал Петька Лесков, девушка стала разглядывать свое тело, которое прилично

«насобирало» ссадин и синяков за время ночного передвижения. Спешащие на работу люди, нарастающий шум автотранспорта, да и монотонный «шум» метлы, который производил дворник возле дома, свидетельствовали о том, что новый трудовой день для жителей этого города только что начался. Это также радовало Еву, сидящую на скамеечке возле подъезда Петькиного дома. Блондинка стала пристально и с нетерпением ожидать выхода мальчишки из подъезда. Белый появился в десять утра, когда через открытое окно одной из квартир подъезда девушка слышала сигналы точного времени. Мальчишка выскочил из дома для Евы неожиданно, когда она погруженная в свои раздумья, сидела уставившись глазами в проплывающую по небу тучку. И поэтому она не успела среагировать на появление Петьки, который с сумкой в руках как маленький рысенок, выбежав из подъезда, тут же скрылся за углом дома. Мальчишка был далек от мысли о том, что на скамеечке в тридцати метрах от его подъезда сидит Ева «в красном», которая в настоящее время сидела в простом спортивном трико. Это одеяние не выдерживала «конкуренции» с одеждой той девушки, которую вчера в парке встретил Петя.

«Скорее всего, Петька побежал в магазин», - подумала Ева и после некоторой «отсидки» на скамеечке, решила поближе подойти к подъезду, надеясь на стопроцентный «отлов» своего возможного спасителя. Тот вернулся из магазина через минут пятнадцать с туго набитой продуктами сумкой, которые ему переказывала купить мать. Петька сразу признал вчерашнюю девушку в «красном», однако был удивлен тому, что блондинка по его словам так быстро «поменяла кожу». Уличный жаргон на какое-то время даже рассмешил Еву, правда не на долго. Петька был очень доволен, что блондинка пришла к ним домой и поэтому со всей своей силой тянул Еву за руку к себе в квартиру.

Жилье Петьки с матерью было не ахти такое уже просторное и богатое. Небольшая двухкомнатная квартира на пятом этаже «хрущевского» дома не изобиловала и мебелью. Мать и сын спали в разных комнатах и это определяло вид мебели в их комнатах. В комнате «Белого» стояла небольшая металлическая кровать, письменный стол со стулом и небольшой черно-белый телевизор, который стоял на краешке письменного стола, на котором делал уроки школьник. В комнате матери посередине стоял большой круглый стол, у противоположных друг другу стен стоял большой шифоньер и диван, на котором спала хозяйка квартиры. Во время отсутствия матери школьник действовал как заправский хозяин.

Пока Ева ходила по квартире и рассматривала ее достопримечательности, Белый быстро сготовил глазунью и налил девушке кружку молока. Гостя быстро и без всякого стеснения

«расправилась» со всем угощением Петра. Причиной «наглости» девушки служил голод, а также доброжелательность и братское отношение Пети к Еве, как к сестре...

Мальчишка учился во второй смене и поэтому предложил Еве прогуляться по городу. Особых достопримечательностей в микрорайоне не было, однако Петька с гордостью рассказывал об истории того или иного «памятника». Это девушке даже очень нравилось. Ей также хотелось гордиться, как и Петьке, всем тем, что было в этом городе. Белый ушел в школу в два часа и обещал вернуться к шести вечера. Мальчишка предложил блондинке, чтобы она оставалась дома и ждала его мать. Однако Ева предложение молодого хозяина решительно отклонила и решила на улице ждать возвращения его из школы. С большой неохотой Петька с этим предложением согласился. Перед тем, как отправить гостью на прогулку по городу, мальчишка выгреб из небольшой копилки все медяки. Общая сумма накоплений составила где-то около трех рублей. Все эти деньги Петька отдал Еве, которая по его словам, должна поехать в центр и обязательно посмотреть «бочку». Мальчишка с азартом рассказал Еве о том, как он с матерью в прошлое воскресенье ходил на «бочку» и ему очень понравились мотоциклисты, которые на бешеной скорости летали по бокам «бочки».

Практически все время отсутствия Пети Ева бродила по микрорайону, который стал постепенно «впадать» в душу молодой девушки. Тратить сэкономленные мальчиком деньги Ева не стала и поэтому обошла пешком значительную часть улиц микрорайона. Нашла и школу, в которой учился Белый, ее маленький покровитель. Около шести вечера в школе прозвенел звонок и десятки школьников с гиком и свистом рванулись наперегонки в разные стороны, кто на остановки общественного транспорта, а кто и к подъездам своих домов. Ева, стоящая неподалеку от школьного двора, сразу же заметила белую голову Петьки в толпе школьников и приветливо стала ему махать рукой. Мальчишка, допуская мысль о том, что его новая подруга может прийти к нему в школу, также «стрелял» глазами тех взрослых, которые встречали своих «чад», чтобы сопроводить их до дому. Петька, увидев Еву, стремительно рванул к ней. Через пару минут, они, взявшись за руки, двинулись в направлении той улицы, на которой жил Белый с матерью. Кротиха, сильно сжимая руку мальчишки, с каждым шагом питала надежду на то, что она найдет у Лесковых пристанище, пусть даже и временное...

Нина Николаевна, мать Пети оказалась очень простой и порядочной женщиной. Она очень радушно встретила «хорошую девушку», о которой так интересно ей рассказывал вчера поздним

вечером ее единственный сын. Несмотря на то, что женщина за время работы прилично устала, она быстро приготовила все необходимое для стола. Где-то около восьми вечера Ева сидела за большим круглым столом в кругу своих новых друзей. Хозяйка все спрашивала и спрашивала свою красивую незнакомку о ее жизни. Петька в разговор женщин не вмешивался. Он со свистом уплетал за обеими щеками «фабричные» пельмени и изредка бросал пристальные взгляды на разговаривающих женщин. Глаза мальчишки светились от радости.

Юная Кротиха ничего «сверхестественного» из своей жизни не рассказывала. Она прекрасно знала о том, что ее ранние «деяния» не нашли бы хоть-какой-то поддержки у приветливой хозяйки, в том числе и у Петьки. Конечно, она не сгущала краски о своей жизни и не сидела за столом на правах «убиенной». Человеческое понимание и сочувствие, которое она нашла в семье Лесковых, у которых и у самих была далеко нелегкая судьба, придавали Еве оптимизм и уверенность в завтрашнем дне.

Нина Николаевна Лескова, у которой Кротиха нашла приют, на хладокомбинате большим начальником не была. Она работала на конвейере, упаковывала мороженное в картонные ящики. Женщина была очень трудолюбивой и честной. За это коллеги по работе избрали ее в профсоюзный комитет хладокомбината. Нина Николаевна, как женщина и как член профкома, стремилась делать все возможное для людей, которые обращались к ней со всевозможными вопросами. Эти же люди не оставили и ее в беде, когда она с сыном по вине мужа-пьяницы осталась без крова и без единой копейки в кармане.

О том, что Лескова приютила у себя одинокую девушку из глухой сибирской деревни и у которой нет ни родителей и ни родственников, вскоре узнал весь коллектив предприятия, да не только он. Нина Николаевна имела хорошие отношения не только среди работников хладокомбината и среди соседей. Имела она и немало знакомых и в городе. Все это позволило Еве, девушке с семилетним образованием даже «выбирать» будущую профессию среди тех, которые предлагала Нина Николаевна или ее товарищи по работе и друзья.

Да и Ева, прекрасно понимая свои способности и возможности, больших планов на будущее не строила. Она была полна желания хоть где работать, лишь бы заработать хоть немного денег. Через три дня после того, как она вошла в квартиру Петьки Белого, она узнав о том, что одна из уборщиц хладокомбината тяжело заболела. Узнав об этом, Кротиха решила ее заменить. Два месяца молодая блондинка убирала служебные помещения. За этот период каких-либо замечаний в отношении своей работы она не

получала. Благодаря Нине Николаевне к Новому году Ева получила небольшую комнату в общежитии предприятия. Радости не было предела. Со слезами на глазах в последний вечер уходящего года юная Кротиха уже в своей комнате встречала своих спасителей и покровителей. Ровно в полночь по телевизору раздался бой курантов. Радостная хозяйка от всей души благодарила Лесковых за радушие и гостеприимство.

Особой похвалы от Евы заслужил Петька Белый, который сидел за небольшим праздничным столом по-особому важно, как настоящий мужчина и с интересом разглядывал часы «Восток». Мальчишке нравился подарок от Евы, который она купила тому, кто ей впервые по-настоящему помог в этом незнакомом городе.

Глава пятая.

Жизнь в «шоколаде»

Первый год жизни в Молихове для Евы Крот в основе своей складывался удачно. Девушка по предложению Нины Николаевны пошла в вечернюю школу и «доучилась» до конца, получив свидетельство о восьмилетнем образовании. Днем она работала в хладокомбинатовской столовой, вечером сидела за учебниками. Работа в столовой была не ахти престижная, потеть приходилось, притом очень прилично и притом очень часто. Блондинка мыла посуду, готовила салаты, накрывала столы. От непристижной, да и от такой тяжелой работы новенькая не ныла, прекрасно понимая то, что она еще очень молодая. Эта молодость позволяла красивой девушке строить планы на хорошее будущее. К весне Еву по предложению профкома направили на курсы продавцов. Месячные курсы пролетели для молодой девушки как один день. Не только эти курсы для нее пролетели быстро. Быстро пролетело для Евы и зима. Зима в этот год в Сибири была по-особому морозной, иногда «зашкаливало» за сорок градусов ниже нуля. Ева боялась одиночества и поэтому все время старалась быть на людях. Одиночество приводило ее к грустным размышлениям и воспоминаниям. Свои грехи в этой жизни она прекрасно знала и поэтому перед сном молилась. Она не знала ни одной молитвы, да и Библию в этой жизни она не читала, даже и не видела. Грешница молилась, молилась как «самоучка». Она по ночам, лежа в постели и закрыв одеялом свою голову, тихо плакала и молила Бога о том, чтобы он простил ее и за «убиение» матери и за смерть отчима. Особенно усердно просила грешница Бога о том, чтобы он простил за ее дочь, которую она бросила на произвол судьбы. Ева засыпала с грустными глазами и грустными мыслями. Она и после молитвы

перед Богом не знала о том, простил ли ей Всевышний эти грехи или нет. Эти повседневные молитвы, отходящей ко сну, давали для молодой грешницы хоть какую-то надежду для облегчения души. Определенный интерес девушки к жизни в светском обществе давало и то, что все эти грехи знала только одна Ева. Никто другой в этом мире не был посвящен в ее «перепетии».

Юная Кротиха, несмотря на маленькую зарплату в шестьдесят рублей, понемногу «прибарахлялась». Она купила себе черное пальто с норковым воротником, зимние белые сапоги. Широким шарфом, который ей очень нравился, она повязывала себе шею. В своей комнате, как одинокий «зверек», она также не отсиживалась. Девушка неоднократно вспоминала свою подругу Нину Кулешову, которая покинув деревню, хотела жадно дышать городской жизнью. Вспоминая об этом, Ева стремилась отдыхать как бы за себя и за свою подругу. В выходные дни она ходила в кино, посещала музеи. Позволяла себе раз в три месяца ходить и в цирк. В холодные зимние дни или в непогоду она лежала в постели и читала книги, которые брала в городской библиотеке. Больше всех ее интересовали книги о любви, а также герои из серии книг «Жизнь замечательных людей».

О парнях, как таковых, блондинка еще не задумывалась. Да и на работе их было не так уже и много. Однако это несколько не говорило о том, что на Еву никто из сильного пола не обращал внимания. Она сама не скрывала удовольствия от того, когда она вся потная, даже красная от пара и горячей воды, работая на посудомойке, улавливала косые и жадные взгляды мужчин, которые приносили на кухню грязную посуду. Кроме веселых прибауток или тому подобного, которые иногда исходили из уст молодых мужчин во время мимолетных встреч, Ева ничего не слышала. Всеми этому она радовалась, тем более, ничего похабного в том, что «отпускалось» в адрес девушки, не было. В итоге этим и все заканчивалось. Никто из ребят молодых к Еве не «прикасался».

Начало весны для юной Кротихи было особенно радостным. И не только потому, что наступила ранняя весна, которая несла много тепла, свежего воздуха и зелени. В самом начале мая девушке предложили новую работу в качестве продавца мороженым в большом продуктовом магазине, который носил название «Тополек». Эту новость принесла Еве Нина Николаевна Лескова, благодаря которой девушка получила это место. Новая работа Еву очень обрадовала, даже несмотря на то, что магазин находился на противоположном конце города. Еве уже давно хотелось иметь постоянное место работы, да и чтобы оно было не так уже и «пыльным».

Девушка успешно прошла медицинскую комиссию и в

первый рабочий день во всем «производственном» одеянии пришла на прием к директору магазина на собеседование. Это делалось всегда и во всех магазинах. Не исключением был и «Тополек», который несмотря на отдаленность от центра, пользовался добрым уважением жителей микрорайона «Звездный».

Ровно в десять утра Ева робко постучала в дверь кабинета директора магазина. Услышав привычное: «Да, войдите», новенькая осторожно открыла дверь. За столом сидел мужчина лет пятидесяти, явно «нерусский». На лицо он «подходил» лучше к армянину или грузину. Лицо у директора было продолговатым, уши были большие. Нос у мужчины был длинный и представлял собой подобие полусогнутого полумесяца, один конец которого чуть-чуть не дотягивал до верхней губы. К «достоинству» портрета директора относились и его волосы, которые были черными и упругими, как проволока. Свидетельством этому было то, что коротко стриженные волосы сидели на его голове как иглы у ежика. Они, стояв по стойке «смирно», не могли закрыть хоть частично его плешину на голове.

Войдя в кабинет и уже на ходу осуществив первое «знакомство» с вполне возможно будущим шефом, Ева тихо произнесла: «Здравствуйте, товарищ директор». Директор продолжал сидеть и молчать. Мужчина сидел и глядел на вошедшую, как на какое-то ископаемое или вещь, которая доселе ему была неизвестная. Ева уже не стала себя утруждать изучением портрета директора магазина, а слегка покраснев, сама не зная почему, стала «блукать» глазами то на потолок, то на пол, лишь изредка поглядывая в черные глаза мужчины. Даже ловя на какие-то доли секунды эти глаза, она не могла прочесть то, что было на них «написано». Непредсказуемость шефа для Евы еще более возросла, когда тот даже не ответил на ее приветствие. Такое начало обескуражило новенькую. Она, не думая ни о чем, только стояла и виновато изредка бросала взгляд в сторону директора, который, наверное, по мнению Евы еще не отошел от производственных дел.

Новенькая была еще наивной и глупой, и ей не приходило даже в голову то, о чем так «блаженно» думал Иван Иванович Багдасарян. Нет, он не думал о производственных делах. Они у него всегда были на «отлично», как никак у него в «Топольке» был специальный магазин для ответственных партийных и советских работников района, в котором качество продуктов он контролировал лично сам. По-национальности Багдасарян был армянин, но этот «советский человек» был в районе, да и во всем городе «непотопляем», имея такую крышу над головой. Не только что «повкуснее», но и кое-что из шмоток поставлял директор «Тополька» районному начальству, притом шмотки были все

импортные. Порою и сам маленький шеф оставался в прогаре, но потом все это окупалось сторицей. Директор с наслаждением воспроизвел в своей голове совсем недавнее торжество. В первый день мая, как раз в Международный день солидарности трудящихся всех стран и континентов у первого секретаря райкома партии был день рождения. Справляли его всем районом. Праздник удался на славу. Этому даже не помешало и то, что начали «гуливанить» несколько поздновато. Причиной задержки явилась первомайская демонстрация трудящихся города. Ответственные работники и начальники сначала «отпервомаили» на партийном уровне, а потом и погуляли «славненько». Районная элита во главе с Петром Ивановичем в составе пятидесяти человек сначала погудела в ресторане, потом перебралась на базу отдыха шинного завода. Погода была на удивление. У всех и каждого из присутствующих радости на базе отдыха было через край. Иван Иванович не сидел рядом «впритирку» с первым секретарем за праздничным столом. Однако главный продавец района и не расстраивался. Мужчина прекрасно понимал, что хоть и за столом, а «ранжир» надо блюсти, ой как надо, а то завтра место у кормушки вместо тебя займет другой, не менее «достойный», чем он.

У Багдасаряна радостно стало на душе, когда пьяный «в дугу» Петр Иванович по-свойски целовал в губы своего «армянчика» и готов был тотчас же выполнить любую просьбу своего клерка. Первый секретарь, скорее всего, а может и точно, уже по пьянке ничего не удерживал в своей голове, в том числе и содержание полупшепота пьяного Ивана Ивановича. Партийный шеф по пьянке не удерживал в своей голове не только просьбу продавца. Он уже не мог удержать и свою собственную мочу. Мужчина немного обмочился в собственные брюки, метров двадцати не «дотянул» до туалета. Все приглашенные как мужчины, так и женщины, видели это и заискивающе «засанцу» улыбались. Багдасарян с чувством исполненного долга выполнил «партийное поручение», расстегнув и застегнув ширинку брюк самого уважаемого человека в районе. К сожалению, с «конца» первого уже ничего не капало...

Сразу же во вторник после праздника Иван Иванович заискивающим голосом прозондировал место «дислокации» первого секретаря у секретарши, в приемной. Ангельским голоском Тамара Ивановна через пару минут промолвила: «Иван Иванович, первый с удовольствием примет Вас завтра в пятнадцать. Удачи Вам...». До трех часов была еще уйма времени и поэтому работать, даже и «рукой водить», у директора магазина желания не было. Не до этого было, так как у его жены появилась срочная мечта. Она появилась у нее после того, как он в постели все досконально рассказал ей о происшедшем на базе отдыха. Жена, довольно долго

смеясь над «проделками» партийного босса, мирно повернулась спиной к своему мужу. Она собиралась тихо засопеть. В эту ночь непонятно почему для самого «милого Богданчика» женщина изменила свою тактику. Она через пару минут «проснулась». Она, мило улыбаясь, повернулась к уже засыпающему мужу и воркующим голосом произнесла: «Моя надежда и моя любовь, а мне что-то такое хочется...»

Только через полчаса крепко заснул заведующий магазином с женой в постели. Уснул как ребенок, как настоящий мужчина, оставив все свои силы на любовном «поприще». Только утром муж узнал истинную цену «ласки» своей жены. Лилек уже перед тем, как Иван Иванович хотел закрыть за собою дверь и выйти из подъезда, ласково шепнула ему на ушко: «Бога, а я дачку хочу, только очень близко к водичке....».

Дальше муж не стал слушать шептание своей жены. Он прекрасно понимал то, что Лилечек даже и в постели свои «взаимоотношения» с ним строила и строит на хозрасчете... Уже в машине, сидя на заднем сидении и рассматривая перед собою небольшую плешинку молодого водителя, Багдасарян мечтал о будущей даче, которая будет стоять на берегу великой сибирской реки, из которой даже из окна «теремка» можно будет ловить рыбу. В том, что «сказка» вскоре станет былью, директор нисколько не сомневался...

Неожиданное тихое «шествие» дум и замыслов у директора прервал робкий стук в дверь. Прощедив сквозь зубы: «Да, войдите», и находясь еще в плену сладостных мечтаний, директор нехотя поднял голову, дабы увидеть вошедшего или вошедшую. Та, которая нерешительно вошла и переминалась с ноги на ногу поразила директора своей красотой. Высокая, и стройная блондинка, густо покраснев, почему-то медленно поднимала свою красивую головку на тонкой точеной шее вверх и вниз и только изредка бросала взгляды на сидящего за столом. Красота этой девушки явно «брала» верх над теми, которыми «владел» за всю свою жизнь армянин Багдасарян. Мужчина не стал в данный момент утруждать себя опять подсчетом баб, которых он «оттрахал». В том, что их было больше трех десятков, он не сомневался. Довольно часто, сидя в мягком кресле в кабинете, армянин считал число «поверженных» женщин. Однако к точной цифре, как правило, он не приходил. Сейчас же все его внимание было сконцентрировано на новенькой. Новенькой явно уступала и Наталья Сергеевна, которая стояла в ликеро-водочном отделе. Крашенная блондинка, которую «трахал» Иван Иванович уступала вошедшей не только красотой, но и была значительно старше. Наташенька, которой Бог подарил немного красоты, но и одновременно наградил мужем-пьяницей, поднимала

настроение шефу. Наташа через неделю после прихода в магазин «отдалась» шефу, которому очень понравилась блондинка в короткой черной юбке и в черных ажурных колготках с рисунком. Этот наряд она «блюла» во все времена года, невзирая на страшные морозы или страшную жару. В назначенное директором время Наташа заходила в кабинет шефа, сбрасывала с себя белый накрахмаленный маленький халатик и больше ничего. Задыхающийся не то от наступающей уже старости, не то от жадности к удовольствию, Иван Иванович ловко снимал с женщины колготки и начинал свое дело... После секса директор магазина чувствовал себя как молодой огурчик. Секс делал его голову чистой и без «примесей», которые еще оставались после попойки с нужными людьми. Для удовольствия прихватывал иногда шеф свою подчиненную и на юг, когда уезжал на отдых...

Любовница директора «армянского Тополька», так прозвали магазин в честь шефа жители города, была не только горда за все «это», но и была благодарна армянину за его помощь в трудоустройстве своего «козла пьяного». Так она называла своего муженька среди работников магазина. «Козел» и вправду был непутевый, пил беспробудно. Не без помощи своего любовника Наташенька устроила своего мужа грузчиком в «Тополек». Работа была не ахти тяжелая, «козлу» она даже очень нравилась. Особенно рад был новенький информации напарника о том, что в магазине в день привоза ликеро-водочной продукции всегда бывает бесплатный калым. Бутылку вина или водки Наташа давала двум грузчикам на «законных основаниях». Продавщица боялась того, что мужики во время ответственной работы основательно напьются или воровать будут по-страшному. К тому же, калым положительно влиял на качество и скорость разгрузки. Меньше было и «стеклобоя». Убытки от «неусердия» грузчиков несла в первую очередь сама женщина.

В первый же день своей работы в магазине суженый Наташи, он же и «козел пьяный», решил в один присест все перевернуть и решительно покончить с неслыханным «беззаконием», которое мешало ему употреблять «святую водицу» во время работы. Узнав от напарника о всех премудростях своей работы, который уже здесь «стриг траву» около года, Николай так звали «козла пьяного», явно был недоволен «законной мздой», тем более от своей жены. Он на второй день своей работы попытался совершить «революцию». В этот день к тому же был большой привоз ликеро-водочных изделий. Привезли около полусотни ящиков «Московской». Грузчики кидали «родимую» где-то около двух часов. Бурча себе под нос, исправно работал и «козел». Двум мужикам попотеть пришлось изрядно. Они выгрузили ящики из машины, затем часть водки принесли в отдел,

заполнили водкой и подсобное помещение. Затем «забили» кузов машины старой тарой с пустыми бутылками. После завершения водочной «операции» Наташенька собственноручно принесла две бутылки «Московской» в комнату грузчиков и под сильные, но довольно жидкие аплодисменты мужчин поставила водку на стол. «Братья» не утерпели и «раздавили» бутылек во время обеденного перерыва. Для них это было делом привычным. Бутылка на двоих ни у кого из мужиков «побочных» явлений не вызвала. Николай несколько позже почему-то стал исключением. Первой это «исключение» заметила Наташа, жена «козла пьяного», когда тот почему-то беспрекословно исполнял все «служебные приказы» своей супруги, особенно тогда, когда он под общее одобрение стоящих в очереди людей приносил из подсобки очередной ящик «Московской». Зная точное количество ящиков с водкой, Николай был настоящим героем на «миг» у покупателей, жаждущих выпить или боящихся того, что «горилка» вот-вот закончится. Грузчик при выходе из подсобки улыбался и поднимал кверху два пальца в виде буквы «Фау». Затем он громко объявлял о том, сколько еще ящиков водки имеется в наличии. Эта информация мгновенно передавалась по цепочке. Без искажений она доходила и до тех, кто стоял за дверью. Относительно большой по площади ликеро-водочный отдел не мог вместить всех покупателей. На третьем часу работы, непонятно для Наташи, ее суженый, принес ей очередной ящик с водкой, мертвецки упал на пол. От кровоизпускания беднягу спасло то, что он упал на пустой ящик из-под тары.

Проснулся Николай где-то за час до закрытия магазина. Мужчина сразу же рванулся в свою каморку, где он припрятал пару бутылок водки во время разгрузки. К «распивону» Николая вскоре присоединился и его напарник. «Козел пьяный» попался на воровстве на следующий день. Перед самым обедом Николай победно принес к прилавок своей жены последний ящик, в котором оказались почему-то три пустых бутылки из-под водки. Увидев пустую стеклотару, продавщица с нескрываемым удивлением уставила глаза на родного грузчика. Мужчина, в свою очередь, делая недоуменный вид «в квадрате», уставился на родную продавщицу. Каждый из них делал недоуменную физиономию. Подобное что-то изображал и напарник Николая. Никто из грузчиков ничего не воровал и не выпивал эти три злосчастные бутылки водки. Виновников нашли в день получки, когда из зарплаты двух грузчиков «вытащили» по десять рублей с каждого за «хищение социалистической собственности». Больше всех от «несправедливости» директора возмущался Николай. «Революционер» целую неделю ходил по магазину и ныл о том, что

из его восьмидесяти рублей зарплаты неправильно «забрали» целый червонец.

Найти «правду» попытался «козел-пьяный» дома в день зарплаты после того, как «трахнул» свою жену. До этого он боялся даже рот открыть. Мужчина прекрасно знал о том, что Наташа с трудом переносит запах спиртного в период «любви», не говоря уже о трехэтажных матах, которые он частенько по пьянке отпускал в адрес некогда любимой «кошечки». Не успел еще «козел-пьяный» и повернуться лицом к своей жене и начать разговор о том, за что его обидел армянин, как Наташа резко оборвала мужа. Женщина рассказала своему мужу всю правду о причинах возмещения «ущерба». «Дерьмо», по словам Наташи, подложил ее мужу его напарник. Мужчину сильно угнетало то, что десятку с него удержали не законно. Поэтому он перед самым закрытием магазина раскололся перед супругой Николая. Наташа сиеминутно об этом проинформировала директора. «Крыть» то, что рассказала про воровство жена, Николаю было нечем. Про себя он это «деяние» не отрицал. Две бутылки с водкой он взял в подсобке. Третью он «вытянул» тогда, когда усердно «курсировал» в подсобку и обратно. Размышляя о приключениях своих подчиненных, Багадасарян очень радовался тому, что у блондинки из ликеро-водочного отдела такой муж простофиля, который даже не знает того, что «творит» его жена...

Появление очередной молодой блондинки, которой очень был к лицу белоснежный халатик и белый чепчик, не на шутку подняли половой аппетит у Ивана Ивановича. Член у него сиеминутно принял «боевое положение». Это привело к тому, что директор в силу биологических причин не мог встать из-за стола и пожать руку, вполне возможно, очередной своей «половой жертве». Багдасарян широко улыбнулся и кивком головы пригласил девушку присесть за стол. Улыбка начальника была такой широкой, что Еве показалось то, что его длинный нос вот-вот рассечет на две части частокोल полугнилых зубов. Юная Кротиха была довольна тем, что наконец-то до шефа дошло то, что кто-то зашел к нему в кабинет. Директор, как и подобает в этих случаях, выполнил все бюрократические инструкции. Откровенно говоря, он в своей жизни ни одной такой «писульки» не читал и не писал. В этом он не видел ни какой необходимости. Директор прекрасно понимал, что он шеф и ему дано от имени райкома, а и то выше, руководить в этом магазине так, как он хочет. Да и сейчас, глядя в глаза юной и красивой блондинки, он не думал о том, как научить ее лучше продавать мороженое. Он думал о том, как она хороша собою, даже очень хороша. Иван Иванович никогда и никого из подчиненных не спрашивал о их производственных показателях. Мало его

интересовала и личная жизнь тех, кто работал в магазине. О том, как эта молодая особа будет торговать и что она будет болтать, даже о нем, директор все равно узнает через свои каналы. В душе он гордился тем, что именно благодаря ему, в коллективе, который борется за звание коллектива коммунистического труда, царствует стукачество, а точнее, происходит принципиальное вскрытие недостатков, которые мешают строить коммунистическое завтра.

О своем думала и Ева, глядя на директора. Девушка, благодаря своему юному возрасту и неопытности, с открытым ртом внимательно слушала шефа. Она всегда держала в своей голове указания Нины Николаевны, которыми она напутствовала свою молодую ученицу. Поэтому Еве никак не хотелось создавать плохое впечатление о себе при первой встрече с директором такого крупного продовольственного магазина, каким являлся «Тополек». С начала монолога директора Ева усердно кивала головой сидящему мужчине. Через некоторое время она «дошла», что это не очень красиво. Дальнейшие указания директора девушка слушала очень серьезно, приняв чисто «служебный» вид.

Начальник свои ценные указания закончил минут через десять. Затем он, с удовольствием смыргнув носом пару раз, спросил у девушки:

- Товарищ Крот, ко мнэ у Вас есть хот какие-либо вапросы?

Задав этот вопрос, магазинный босс одновременно поднял телефонную трубку и начал кому-то звонить. Через пару минут в кабинет директора вошла довольно приличного веса женщина, однако небольшого роста, и повела Еву на рабочее место. Перед уходом из кабинета, Ева сделала полурабскую стойку и весело улыбнувшись, официально попрощалась:

- До свидания, товарищ Багадасарян...

Фамилию она произнесла медленно и как-то нарастяжку. Фамилия шефа для девушки с очень простой немецкой фамилией Крот оказалась труднопроизносимой. Директор, заметив определенное замешательство у молодой продавщицы мороженым в произношении армянской фамилии ничего не сказал. Он только рассмеялся и помахал рукой молодой блондинке.

Первый рабочий день у Евы прошел «на ура». Она даже не заметила того, как он пролетел. Тетя Дуся, так звали старую продавщицу, у которой Крот принимала «дела», была довольна сменой. Ева без труда отвечала на довольно «каверзные» вопросы пожилой женщины: «А сколько будет стоить одиннадцать мороженных, а сколько целый ящик?». Эти вопросы Еву смешили, однако ученица старалась держать себя очень серьезно. Если «задача» была трудной, Ева тут же брала авторучку и на картонке быстро перемножала те или иные «задания».

Пожилая женщина от самодовольствия была на седьмом небе, когда видела с каким усердием Ева «работает». Прилежание новенькой буквально через час стало достоянием всего коллектива. Информация о прилежной девочки дошла и до уха директора магазина. Тетя Дуся оказалась «сознательной» до самых костей и ногтей. Она за стойкой прилавка вместе с ученицей простояла до конца рабочего дня. Все это время она «тараторила» на ухо своей ученицы о том, как надо работать. Еве в этот день казалось то, что вот-вот ее голова лопнет от всевозможных инструкций и указаний старой женщины. Однако ей «по уставу» было положено все слушать и кивать головой. Это она и делала с особым прилежанием. Она только иногда улыбалась, когда тетя Дуся «загоняла» ее в угол в вопросах организации торговли. Пенсионерка к радости Евы не злорадствовала и не кичилась, когда девушка не могла ответить на ее «заковыристый» вопрос.

Перед уходом с рабочего места тетя Дуся подарила Еве свой «прейскурант». Это был небольшого размера картон, обернутый в целлофан. На нем аккуратно в столбиках было написана стоимость мороженого от одного до ста штук. Словно реликвию, передавала тетя Дуся этот картон. Она при этом даже немного всплакнула. Ева, видя истинное расстройство своей наставницы, по-детски ее обняла. Молодая сменщица, честно говоря, могла обойтись и без этого «прейскуранта». Считать стоимость продаваемого мороженого большого труда не стоило: одиннадцать копеек умножай на количество штук и вся песня. Еву, немного бесило то, почему стаканчик сливочного мороженого стоил не десять копеек, а на одну копейку больше. С десятикопеечным мороженым все операции с покупателями велись бы намного быстрее и удобнее. Свои «соображения» по улучшению торговли девушка придерживала в голове. «Раскрывать» рот в первый час работы, да еще этой бабуле, это было равносильно сегодня же потерять работу», - думала про себя блондинка и продолжала «впитывать» в себя то, что имела в своей голове тетя Дуся.

Домой наставница и ученица пошли минут через десять после закрытия магазина. На автобусную остановку женщины не торопились. через минут двадцать после закрытия магазина. Вечер был превосходный, все дышало весной. Практически все горожане сбросили с себя «атрибуты» зимней одежды, и соскучившись по долгожданному теплу, прогуливались по улицам кто в пиджаках, а кто даже и в рубашках. Были и те, которые считали, что они уже на юге и ходили в майках. К категории «южан» больше всего относились ребята-подростки, которые стайками «шныряли» по закоулкам, иногда пугая одиноких прохожих.

Автобус пришел быстро и вовремя. Женщины даже еще не

успели по-настоящему «разговориться». Ева быстро вскочила на подножку автобуса и стала махать рукой своей наставнице. Тетя Дуся, помахав в ответ девушке рукой, не то серьезно, не то шутя, громко произнесла:

- Ты, моя красавица, бойся нашего Багадасарянчика... Он очень дошлый до нашего брата, особенно до молодых и красивых...

Что и о чем дальше наставница говорила своей ученице, она не слышала. Автобус, заурчав как танк, медленно тронулся. Вся и все в нем задержалось, закрипело. Клубы дыма неожиданно «посетили» и Еву, которая стояла на задней площадке автобуса и все махала рукой тете Дусе, пока та не скрылась из вида.

Дома Ева решила немного «покумекать» над тем, о чем ее предупредила тетя Дуся. Кроме мимолетных мыслей в этом плане у нее ничего не получилось. Девушка и в голове своей даже не могла представить о том, что этот уже пожилой мужчина, которому по ее «прикиду» было где-то за пятьдесят, может еще что-то иметь к ней. Ева при этой мысли улыбнулась. Семнадцатилетняя девушка почему-то себе не представляла то, как могут любить друг друга люди, кому за сорок, не говоря уже о тех, кто одной или двумя ногами находится на кладбище.

Прошла неделя после того, как Ева впервые переступила порог «Тополька» и начала торговать мороженым. У красивой и молодой продавщицы сначала от непривычки болели ноги. Потом эти боли прошли. По мере увеличения своего трудового «стажа» девушка не стеснялась присесть на табуретку, когда поток любителей мороженого стихал. Эту «сядушку», так называла тетя Дуся табуретку, она передала Еве по наследству. Сама же наставница эту «сядушку» получила десять лет назад от одного добродушного покупателя. Произошли изменения и в манере поведения молоденькой продавщицы. Первые два-три дня Ева даже стремилась запоминать лица своих покупателей, надеясь на то, что они и завтра придут полакомиться мороженым. Но увы, этого не происходило. Мороженое в основном покупали ученики из школы, которая соседствовала рядом с универсамом. Школьники занимались в две смены. Во время большого перерыва Ева всегда была наготове, чтобы по-быстрому обслужить ватаги врывающихся в магазин школьников.

Директор «Тополька» после первой встречи со своей новенькой продавщицей больше к ней не подходил. Красивую блондинку это нисколько не страшило. Ева не видела своего шефа и в других отделах магазина. Контроль за работниками универсама осуществляла Элеонора Ивановна, заместитель директора, которая в первый день прихода Евы в магазин, отвела девушку на ее рабочее место. Однако в том, что директор бывает на рабочем месте и иногда

допоздна, Еву убедил один случай. Этот же случай в будущем перевернул всю ее жизнь...

Это произошло поздно вечером, за двадцать минут до закрытия магазина. Ева, как и ее коллеги, стала кое-где «подчищать» свое рабочее место перед уходом домой. Девушка, как обычно, начала считать количество проданного мороженого и сколько его осталось. Она в душе даже радовалась тому, что с каждым весенним днем все больше и больше продавалось сладкого лакомства. Один ящик и несколько стаканчиков мороженого, оставшихся после рабочего дня, продавщицу не волновали. Сегодня она продала на три ящика больше, чем в предыдущую смену.

Бухгалтерские подсчеты продавщицы прервал громкий смех, который исходил из отдела «Соки-воды». Отдел находился рядом с Евой и до ее уха доносился душераздирающий смех и матерная брань мужчин. Подняв голову, девушка увидела за высоким круглым столиком двух мужчин, которым было где-то по тридцать лет каждому. Они стояли и распивали водку из горлышка бутылки. Один из них, который был несколько повыше своего собутыльника и имел копну длинных рыжих волос, напоминающих сосульки, свисающие с крыш в начале весны, громко рассказывал анекдот о том, как заяц «трахал» лису. Его напарник, оскалив зубы, также громко хохотал. И все это время мужчины поворачивали свои физиономии в сторону Евы, надеясь увидеть или услышать ее реакцию. Реакции со стороны молодой девушки не было. Она, как самая молодая и не опытная продавщица, решила не связываться с пьяными мужиками. Девушку просто бесило безразличие поздних покупателей к тем табличкам, которые висели прямо перед носом мужчин и призывали их не курить и не сорить магазине, а также не распивать спиртные напитки. Удивило «первоклашку» и безразличие женщин-продавцов, которые иногда бросали ленивые взгляды в сторону гогочущих мужчин и ничего не делали для того, чтобы хоть как-то приструнить пьяниц. «Ну, если даже моим товарищам по работе это все по боку, то мне это и подавно не нужно», - подумала про себя Ева и открыв холодильник, стала пересчитывать оставшиеся стаканчики с мороженым.

Неожиданно кто-то уверенно подошел к ее стойке и также уверенно спросил:

- Скажите, у Вас еще мороженое есть?

Ева обрадовалась очередному покупателю. Она, не глядя на покупателя, при помощи пинцета ловко достала стаканчик мороженого из холодильника и поставила его на тарелку. И только после всего сделанного взглянула на покупателя. Поздним покупателем мороженого оказался курсант, который был наголо острижен и без фуражки. Фуражку он почему-то держал за пазухой.

Блондинка впервые в своей жизни так близко увидела курсанта. Раньше, если они кое-где и мелькали в городе, то Ева на них пристального внимания не обращала. На какое-то время взгляды Евы и курсанта встретились. Для девушки сам курсант, его физиономия ничего такого сверхъестественного не представляла. Да и глядеть в серьезное лицо военного человека она почему-то боялась. И поэтому ей больше всего «хотелось» смотреть на красные погоны с желтой окантовкой. Курсант, скорее всего, не ожидал встретить на месте тети Дуси такую красивую блондинку с ярко накрашенными губами. Молодая продавщица на какое-то время вывела военного из привычного «равновесия».

Курсант, видя перед собой ослепительной красоты девушку, несколько застеснялся. Он стал с некоторым нервным напряжением рыться в карманах своих синих брюк. Одиннадцати копеек у военного не оказалось и он протянул продавщице пять рублей. Ева, быстро положив на стол сдачу тройку и рубль, начал искать мелочь для дальнейшего расчета. Курсант, с улыбкой наблюдая за тем, как продавщица роется в большой тарелке с мелочью, неожиданно для Евы произнес:

- Девушка, если у Вас есть целый ящик мороженого, то еще продайте его мне...

Предложение военного очень обрадовало Еву. Она быстро выставила последний ящик мороженого на стол и быстро рассчиталась с покупателем. Курсант, словно пушинку, взял ящик двумя руками со стола и поставил его на пол. Затем улыбаясь, показал пальцем руки на стаканчик с мороженым, который стоял на тарелочке и полушепотом сказал:

- Это Вам, кушайте на здоровье...

Военный после этого наклонился вниз для того, чтобы взять руками ящик с мороженым. В этот же момент до Евы и до курсанта донесся громкий голос, который явно «адресовался» военному:

- Эй, ты, пей-жон в красной фуражке. Ты, бы хоть девушку мороженым угостил, да и нас бы не забыл...

У Евы сразу же екнуло сердце. Она со страхом посмотрела в ту сторону, откуда раздался голос. В том, что эти слова произнес долговязый рыжий, она не сомневалась. Рыжий был доволен тем, что он сказал курсанту. Скорее всего, он «выпустив» из себя унижающую достоинство военного «цитату», прекрасно знал о том, что курсант, участвующий в пьянке или в драке, после «общественной очистки» может быть исключен из военного училища. «Удовольствие» долговязого лило через край. Он был очень рад тому, что так ловко «подколол» будущего офицера. Рыжий, совершая такой «подвиг», даже не предполагал, что военный ввяжется в драку с двумя гражданскими, которым он даже

по росту был до ушей. Расчеты рыжего не оправдались...

Покупатель в военной форме, конечно, не сомневался в том, что эти «прикольные» слова относятся именно к нему и унижают его перед незнакомой блондинкой. И это заставило его действовать четко, а главное решительно. К тому же гражданских было двое, да и ростом они были выше его. Притом гораздо выше...

Ева Крот с замиранием сердца следила за действиями военного. Курсант неспеша разогнулся и также неспеша положил фуражку на ящик с мороженым. Затем он неожиданно преобразился, что у Евы даже дух захватило. В какие-то пару секунд курсант оказался у стойки, откуда только что раздался голос. Ева также даже глазом не успела моргнуть, как неожиданно для себя увидела долговязого рыжего, который, неестественно махая руками перед собой, почему-то рухнул на пол. На какое-то время верзила замолк. Ева от страха схватилась за сердце не от того, что рыжий от удара военного упал на пол, а потому, что голова рыжего чуть-чуть не дотянула до оконной витрины из стекла, на которой с улицы было написано «Пейте соки на здоровье».

Собутыльник рыжего явно трухнул перед военным и бросился наутек. Однако его бегство оказалось не столь удачным. Курсант ловко подставил подножку убегающему и тот споткнувшись, ударился лицом об столик. Столик тут же повалился на пол, потом подпрыгнул и грохнулся в витрину. Мгновенно раздался оглушительный треск и звон стекла, что сразу же привлекло внимание тех, кто находился в магазине.

В итоге после драки, происшедшей неподалеку от отделов «Мороженое» и «Соки-Воды», возле Евы скопилась большая толпа поздних покупателей. Продавщица мороженого стояла на своем рабочем месте и громко рыдала, ожидая своей участи. Девушка плакала навзрыд, даже несмотря на то, что ее очень старательно успокаивал военный курсант. В окружении осколков от разбитого стекла на полу лежал рыжий, у которого из носа сочилась кровь. Недавний «обидчик» военного лежал и охал, и все время руками хватался за затылок. Этой «части» его тела, скорее всего, больше досталось.

Довольно безрадостную картину возле новенькой продавщицы застал и директор магазина Иван Иванович Багдасарян, который был немедленно проинформирован Наташенькой о случившемся в отделе «Мороженое». Багдасарян, как и подобает начальнику, с серьезным и умным видом подошел к собравшейся толпе, которая в основном состояла из работников «Тополька». Каких-либо допросов у директора к участникам драки не получилось. Курсант спокойно «разложил» все содержание происшедшего по «полочкам». Плачущая Ева, как основной свидетель, только поддакивала

военному. Особых возражений у нее по содержанию драки не было. Рыжий, второй соучастник драки, он же и как возможный свидетель, постепенно «отошел» и с угрюмой миной стоял у столика и почему-то молчал. На вопросы директора рыжий не отвечал, понимая свою вину. Возможно, он и хотел что-то сказать, но ему мешали разбитые губы, которые он все время закрывал рукой. Собутыльник рыжего к удивлению зевач неизвестно когда и как исчез. Он успел сбежать еще до закрытия магазина.

Доводы военного до конца не убедили директора универсама. Он на полном серьезе отдал распоряжение своему заместителю о том, чтобы та срочно вызвала в магазин милицию. Курсант стал опять убедительно просить магазинного шефа не делать этого и стал заверять его о том, что к исходу завтрашнего дня витрина будет отремонтирована. Услышав это, преобразился и рыжий, который и раньше имел проблемы с блюстителями порядка. Ева даже рассмеялась тогда, когда долговязый, словно вьюн, обхаживал директора. Он со слезами на глазах просил мужчину не вызывать милицию. Ева с разрешения директора, как и все остальные работники магазина, пошла домой. Багдасарян, рыжий и военный пошли в кабинет директора магазина.

На работу, согласно графику, Ева пришла через день. Витрина была вставлена новая. Яркой краской блестела и реклама, призывающая покупателей пить сок на здоровье. Из информации коллег, девушка узнала о том, что витрину делали вчера пятеро гражданских во главе с долговязым рыжим. Курсантов там не было...

«Боксер» в военной форме в магазин к Еве в день ее работы не пришел. Он встретил ее на остановке, на которой Ева, как обычно, ждала свой автобус. Парня в военной форме она заметила сразу, как и заметила то, что он опять держал фуражку за пазухой. Встрече с любителем мороженого Ева очень обрадовалась. Ей было приятно видеть в кругу своих знакомых такого сильного мужчину. Девушке, как женщине, хотелось иметь парня, с которым можно было не только проводить свободное время, но и заниматься любовью. На дворе была весна...

Синичкин, такой была фамилия нового знакомого продавщицы, был курсантом высшего военного командного училища. Он учился на втором курсе и отроду ему было двадцать два года. Женька два года «отбурил» в Советской Армии в песках Туркестанского военного округа, пока надумал пойти учиться на отцов-командиров. Боксом заниматься заставила армия, особенно тогда, когда его сильно поколачивали старики-дембеля. Только через полгода службы рядовой Синичкин стал по ночам колотить самодельную грушу. Занятия боксом он скрывал от офицеров, боясь

наказания. Боксера заметили через полгода во время спортивных соревнований в мотострелковом полку. Женька занял тогда сразу же первое место в средней весовой категории. Под торжественные фанфары полкового оркестра командир части вручил победителю настоящие боксерские перчатки. С этим подарком бывший солдат не расставался и в стенах училища. Обо всем этом Ева узнала в первый же день встречи, когда Женя проводил ее до общежития.

В последнее воскресенье мая Ева пригласила курсанта к себе в гости. Женька был очень рад приглашению, и как полагается кавалеру, купил цветы, шампанское и коробку дорогих конфет. Почти до глубокой ночи сидели молодые люди в небольшой комнате и все говорили, говорили. Ева, как и раньше, больше молчала, боясь засветиться хоть в чем-то из истории своей далеко непростой биографии. В эту же ночь Женька остался у девушки ночевать. Этого, наверное, Ева хотела больше, чем тот, кого она пригласила. И об этом она нисколько не сожалела, когда боксер лежал весь выжатый, словно мочалка, отдав себя всего этой поистине «ненасытной» блондинке, у которой он когда-то совершенно случайно купил целый ящик сливочного мороженого...

Кротиха в эту ночь, лежа в постели, в душе очень радовалась тому, что она в армянском «Топольке» встретила этого парня, который всегда сам мог постоять за себя и не только за себя... «Защитник» девушки в это время крепко спал и не мог видеть на себе восхищенных взглядов красивой девушки. Он также не мог «фиксировать» того, о чем думала полная счастья Ева, в эту, незабываемую для них обоих, ночь.

Дальнейшей дружбы, не говоря уже о любви, у Евы с Женькой Синичкиным не получилось. Виной этому был сам курсант. За месяц до летних каникул Женька, как «боксерское светило» училища, в составе небольшой группы курсантов был направлен в строительный институт для «укрепления связи армии с народом». Мероприятие началось в актовом зале института, где произошел обмен информацией с обеих сторон. Потом хозяева и приглашенные в силу своих интересов и симпатий разделились на группы и «разбежались» кто куда. Женьку и еще одного курсанта будущие инженеры-строители пригласили к себе в комнату в общежитие. Гражданских было четверо. Все они жили в одной комнате и все же четверо учились на четвертом курсе.

Ребята оказались все в прошлом «дембелями». Студенты про армию знали непонаслышке, а «отбурили» по три года каждый. Гражданские жили по-скромному, однако для «дружбы» народа с армией все необходимое у них на столе было. Во время пиршества каждый из сидящих рассказал о своей недавней службе. Здравницы и тосты из ребят лились рекой. Выпили за здоровье пяти военных

округов, за будущих строителей. Потом начали пить и за отцов-командиров. Этот тост предложил Генка Толстяк, так прозывали «родоначальника» очередного тоста его друга. Все содержание тоста, посвященное двум курсантам, Генка выдержал в партийно-комсомольском духе, даже посыпались аплодисменты. Все последующее, конечно, пошло бы как по маслу. Если бы не бывший дембель из Уральского округа. Уже поднося стакан к губам, Генка возьми да брякни напоследок: «...чтобы офицеры не были волками». Родоначальник тоста еще долго примерялся к стакану, дабы выпить за здоровье гостей в военной форме. Каждому на нос из молодой компании пришлось уже по пузырью водки. Студенту не удалось выпить за офицеров не потому, что он уже «отключился». Причина для этого была совсем иная. Не успел еще «уралец» и обмочить свои губы в водке, как последовал страшной силы удар. Этот удар нанес ему в лицо будущий отец-командир Женька Синичкин. В результате удара нос толстяка чем-то стал похож на нос жителя не то братского Казахстана, не то жителя соседнего социалистического Китая. У студента также пострадал и доселе редкий частокол его зубов. Два зуба Генка выплюнул сразу. К радости жильцов хорошо было то, что толстяк не упал на телевизор, который он подпирал во время тоста. В худшем случае ребята лишились бы информации о руководящей роли партии на этапе совершенствования социалистического общества. Толстяк, едва стоящий на ногах, сначала даже не понимал, что с ним на самом деле произошло. Он даже боли никакой не чувствовал. Уже потом, когда завязалась драка, и когда его сотоварищи стали кулаками «рвать» дружбу, толстяк ринулся в «бой».

Результаты потасовки оказались неутешительными. Больше всех пострадали будущие инженеры. Генка позже оказался в больнице по «зубной части». Его гражданский собутыльник попал к хирургу. Женька выбил ему челюсть. Двое других постояльцев не пострадали, так как они во время драки трусливо покинули свою общагу-обитель. Боксер в основе своей не пострадал. Военному сотоварищу курсанта Синичкина все-таки досталось. В общей суматохе ему кто-то ударил пустой бутылкой по голове. Бутылка раскололась, однако голова осталась целой. На макушке военного только вздулся волдырь, чем-то напоминающий толстую оладью.

Через неделю истинная картина происшедшего в строительном институте стала достоянием командования училища, общественности города. По этому поводу начальника училища вызывали на заседание бюро областного комитета партии. Областная газета «Юность Сибири» поместила небольшую заметку, в которой рассказывалось о том, что курсант высшего военного училища грубо нарушил правила и нормы социалистического

общежития. Что конкретно произошло в стенах института газета почему-то своих читателей не проинформировала. «Общественного очищения», как такового, Женька Синичкин в училище не проходил. Его просто-напросто за две недели до начала каникул приказом начальника училища отчислили из рядов курсантов. На этом все и закончилось.

Женька перед отъездом домой зашел к Еве в общежитие. Он пришел поздно вечером с солдатским вещмешком, в котором были его боксерские перчатки. Пришел он немного «под газом». Это несколько не огорчило блондинку, которая ждала уже бывшего курсанта с большим нетерпением. За время дружбы с Женей Кротиха поняла, что этот парень в военной форме порядочный и грамотный мужчина. К тому же и не трус. В этот прощальный вечер Женька был более откровенным, чем раньше. Только сейчас Ева узнала о том, что ее друг живет в небольшой деревне Карловке на Урале и то, что он самый старший из пяти братьев. Синичкину сейчас было очень стыдно перед единственной матерью и своими братьями, которые видели в нем не только какой-то идеал, но и в какой-то степени надеялись на его материальную поддержку в будущем. Отец у Женьки умер перед его поступлением в училище, младшему брату был всего один год. Осталось у боксера в деревне и его любимая девушка, которая писала ему тогда, когда он служил в армии. Она продолжает писать ему и сейчас. Узнав об этом, Ева несколько на парня не обиделась. За свою короткую жизнь она о любви не только слышала, но и уже видела разное...

В этот поздний вечер бывший курсант и красивая блондинка пили за прощание. Женька, несмотря на то, что его мечта стать военным не осуществилась, пил за военных. Пил он за них со слезами на глазах. Одновременно парень уже делился с Евой своими планами о будущей гражданской жизни. Не сдерживала слез и Ева. Она пила за то, что бы у ее друга в будущем все было хорошо. Красивая блондинка в душе сожалела о том, что в силу обстоятельств дальнейшей дружбы у нее с этим парнем не получилось. Вытирая слезы, она приходила в мыслях к тому, что вполне возможно, у нее к этому военному могла бы прийти любовь, притом и настоящая... С этими мыслями она отдавалась Синичкину весь остаток ночи, отдавалась не только как молодая женщина и любовница, но и та, которая могла бы в будущем стать его женой. Женька уехал на вокзал рано утром. Поезд на Урал уходил ровно в восемь.

После отъезда Евгения Синичкина в душе юной Евы Крот что-то надломилось. Она, происходящее в ее душе, и сама толком не понимала. На работе у нее все было нормально. С каждым днем молодая продавщица все больше и больше осваивала премудрости

торгового дела. Однако у девушки почему-то в душе не было того энтузиазма, который был у нее во время короткой, но запоминающейся дружбы с боксером. Да и сама «боксерская история» у работников «Тополька» кроме улыбок и восхищения о ловкости и силе курсанта ничего не вызывала. Ева, возникшую у нее антипатию ко всему, старалась скрывать от окружающих. Она все делала для того, чтобы «скрасить» свою тоску по курсанту. В свободное от работы время Кротиха часто гуляла по городу, который ей нравился, особенно весной. Девушка принимала активное участие во всевозможных общественных мероприятиях как в городе, так и в общежитии. Участвовала она и в различного рода коммунистических субботниках и воскресниках по благоустройству территории. Девушка радовалась тому, когда улицы города после этих мероприятий сильно преображались. Не миновал этого и «Топольек». Ева, как и все работники универсама, была участницей уборки территории. Директор строго следил за чистотой внутри и вне магазина. Не было ни одного дня, чтобы «Топольек» не посещал чиновник из четырехэтажного партийно-советского «особняка». Большие или маленькие чиновники хотели кушать, при этом кушать повкуснее и подешевле.

Определенную отдушину на работе после разлуки с Синичкиным Ева находила в общении с дедом Арсением, внештатным дворником магазина. Дворника, как такового, в «Топольке» не было. Заместитель директора обходилась своими кадрами. В основном уборка территории ложилась на плечи грузчиков или уборщицы. В дни «напряженки» с кадрами или когда ожидалось большое начальство, замдиректора приглашала для работы пенсионера деда Арсения, бывшего егеря. Старик жил в одиночестве в однокомнатной квартире на первом этаже, прилегающей к универсаму, «хрущевке». За свой труд дедок получал натурой, количество и качество которой зависело от объема убранной территории. За малый объем работы ему давали бутылку вина. За особое усердие и большой объем убранной территории мужчине причиталась бутылка водки. По мере укрепления доверия между внештатным дворником и заместителем директора менялась и организация контроля. «Бесконтрольность» деда определялась его сознательным отношением к порученной работе. Бывший егерь всегда относился к работе честно и поэтому часто получал бутылку водки. После получения водки или вина дедок поруливал к Еве для разговора. Часто он покупал у нее и мороженое. Дедок был безобидным человеком. Кротиха по возрасту была для него внучкой. Скорее всего, и это располагала старика к доверительным разговорам с юной блондинкой. Ева внимательно слушала дедушку и особенно восхищалась его подвигами в войне против японцев. О

своей личной жизни мужчина мало говорил. Блондинка очень за деда переживала, когда узнала от Наташи из ликеро-водочного отдела о том, что единственный сын деда бьет своего отца за то, что он ему не дает денег на пьянку. Кротиха, стараясь хоть как-то помочь деду, довольно часто его угощала «нетоварным» мороженым.

За весной незаметно подошло и лето. Первые летние дни были очень теплыми. Это радовало молодую Кротиху. Ее радовало и то, что Петька Белый во время своих каникул стал довольно часто составлять ей компанию. Он даже отказался от путевки в лагерь труда и отдыха, где мог бы отдыхать целых двадцать четыре дня и всего за девять рублей! Мать даже грозилась за непослушание отстегать его кожаным ремнем, но все было бесполезно.

Лесков всегда был с Евой в ее выходные дни. Присутствие мальчишки не смущало молодую девушку. Ей было очень весело с этим непутевым молодым человеком, который был заводилой во всех делах. Благодаря Петьке Кротиха побывала на ипподроме, в цирке, на стадионе, в пригородных лесах и даже возле контрольно-пропускного пункта военного училища. Училище находилось от «Тополька» всего через две автобусные остановки.

Пребывание Евы с Петькой возле «военки» определило дальнейшую судьбу красивой девушки. Визит к военному училищу под «руководством» мальчишки состоялся в первое воскресенье июля. В этот день Ева была выходной. Да и погода располагала к отдыху и прогулкам. От предложения своего молодого друга посетить училище Ева не отказалась. Она и сама давно хотела посмотреть училище, в котором совсем недавно учился Женька Синичкин. Поглазев на серые стены военного училища, Ева с Петей приблизились к контрольно-пропускному пункту «военки». Ева возле мощного здания приостановилась. Лесков, как будущий солдат, решил «наравне» поговорить с дневальным, который почему-то был не в курсантской форме, а в солдатской гимнастерке. Во время переговоров Петьки с дневальным блондинка стояла и разглядывала фасад здания, на котором были высечены из камня ордена, которыми было награждено училище. Минут через десять Петька в полном объеме передал девушке всю информацию, которую только что получил от дневального из батальона обеспечения. Благодаря Петьке Ева была сиеминутно посвящена во все «секреты» курсантской жизни. Оказалось то, что курсантов, за исключением какого-то десятка, в училище нет. Все они уехали на каникулы. В «исключительный десяток» вошли двоешники и те, кто выполнял «спецзадания» командования училища. Не забыл Петька Белый нахвалить и курсантские балы, на которых очень часто бывают девушки из училищ или вузов города.

В конце информации Петька, немного покраснев и потупив взгляд, тихо произнес:

- Ева, ты знаешь о чем меня только что спрашивал сержант? Он спрашивал о том, почему твоя красивая сестра не ходит к ним на танцы.

Услышав это, Ева громко засмеялась, и легко шлепнув по Петькиной макушке, неспеша пошла по дороге, ведущей на автобусную остановку. За ней сразу же последовал и информатор.

В первый день сентября у отдела «Мороженое» было как никогда много покупателей. В основном это были курсанты военного училища. Ева в этот день работала и ей казалось то, что она находится на территории военного училища и там торгует мороженым. Среди очередников кое-когда попадались и гражданские, но они почему-то часто покидали место в очереди или «выдавливались» из нее. Особенно большой наплыв курсантов был после обеда. Курсанты, стоящие в очереди, по одному мороженому не брали. Молодые люди в военной форме брали его десятками штук в одни руки. Двое курсантов взяли три ящика мороженого целиком. За два часа до закрытия магазина Ева осталась без продукции. Для молодой продавщицы это означало то, что она выполнила дневное задание. Особенно этому радовалась Элеонора Ивановна, которая ходила по магазину и сообщала работникам «Тополька» о том, что молодая продавщица умело организует торговлю. В этот день хладокомбинат к поставке дополнительной продукции не был готов. Заместитель директора, скорее всего, на радостях отпустила Еву с работы немного раньше.

Такое «благородство» блондинку очень обрадовало. Она неспеша побрела пешком в сторону военного училища. Почему она пошла именно сюда, Ева и сама об этом не думала. Каких-то особых планов или замыслов у нее не было. Она пошла сюда просто прогуляться. Погода на улице стояла по-летнему жаркая, что поднимало настроение, медленно идущей по тротуару, красивой блондинке. Училище находилось на окраине города, где брал свое начало густой березовый лес, через который проносил свои воды небольшой приток великой сибирской реки. Наверное, и эта свежесть сибирской природы тянула в этот уголок девушку. После того, как перед взором Евы появился знакомый фасад мощного серого здания и КПП, Ева с грустью вспомнила о Женьке Синичкине и о том, что у нее с ним было.

Перед КПП училища стояла небольшая группа курсантов, которые «смирненно» слушали сержанта. Не доходя до КПП десяти метров, Ева услышала громкий и властный голос сержанта «Разойдись!» После этой команды курсантов словно ветром сдуло. Кто-то из них нырнул во внутрь КПП, кто-то направился в сторону

автобусной остановки, где стояли киоски «Союзпечать» и «Газированная вода».

Сержант еще издали заметил красивую блондинку, медленно приближающуюся к КПП и поэтому быстро «расправился» с отделением. То ли боясь того, что девушка свернет с дорожки, ведущей к училищу, то ли из других побуждений, он полувоенным, полугражданским шагом направился в сторону девушки. Эти действия почему-то вызвали смех у Евы и она остановилась. Военный, продолжая движение и поравнявшись с блондинкой, приложил руку к пилотке и громко произнес:

- Сержант Клюкин Александр Павлович. Чем могу служить такой красивой девушке?

Такое обращение показалось смешным пришельце и она громко засмеялась. Этот смех поддержал и сержант, который внимательно разглядывал блондинку. Он не скрывал в своей душе, что эта стройная девушка в короткой черной юбке и в синей кофточке с загорелыми ногами шоколадного цвета ему очень нравится. Не лукавила в своей душе и Ева, которая смеялась, скорее всего, искусственно, просто так. Она ни о чем не думала и только внимательно разглядывала того, кто послужил для нее источником смеха. Высокий и стройный парень в курсантской форме и вправду ей был симпатичен. Лицо военного чем-то напоминало ей одного из революционеров патристического фильма, который она видела еще в детстве в Водяном. К своему стыду, девушка почему-то фамилию героя и название фильма не могла вспомнить. Уловив изучающий взгляд смеющейся блондинки, Клюкин внезапно для Евы снял пилотку и обнажил свои густые русые волосы, которые не так уже по-солдатски были коротко подстрижены. Молодой человек хотел в полном объеме предствить свой «портрет» красивой незнакомке. Не успела Ева отойти от смеха, как Клюкин быстро вытащил расческу из внутреннего кармана гимнастерки и стал старательно причесывать свои волосы. Это «циркачество» вовлекло девушку в очередную волну смеха.

Неизвестно сколько бы продолжался смех молодых людей, если бы не зычный голос, который раздался со стороны контрольно-пропускного пункта училища:

- Товарищ сержант Клюкин, Вас вызывает командир роты. Через пятнадцать минут у него совещание в канцелярии.

Услышав это, сержант громко прокричал:

- Да, я знаю все это. Все будет нормально.

Нехватка времени заставила Клюкина действовать решительно и быстро. Он протянул руку девушке и тихо произнес:

- Давайте знакомиться. Меня, как Вы, наверное, уже поняли, зовут Клюкин Александр. А Вас?

Приняв рукопожатие, Ева улыбаясь, также тихо ответила:
- Меня зовут Ева... Вас я уже запомнила...

Этой ночью Ева Крот не спала. В голове девушки в очередной раз «промчалась» вся ее короткая жизнь. Воспроизводя образ Женьки Синичкина, девушка корила себя за то, что она в трудную минуту для парня не протянула ему руку помощи, в которой, возможно, он так нуждался. Определенную надежду на лучшее будущее Ева решила этой ночью связать с Александром Клюкиным, с которым она познакомилась всего несколько часов назад. Молодая особа еще до конца и сама не осознавала то, что между ними произошло. В своих мыслях Ева колебалась. Иногда она считала, что ей не стоит «забивать» свою голову очередным военным, который ей понравился с первого взгляда. В то же время молодая женщина четко понимала то, что в ее возрасте уже пора искать свое место в жизни. Еву пугало и сложность и непредсказуемость своего будущего, когда у нее не было ни родителей и ни близких. Девушку, погруженную в размышления, душили слезы, у нее сжималось сердце, когда она опять осознавала свое одиночество, которое с каждым днем, а то и с каждым часом ее тяготило все больше и больше.

Они встретились, как и договаривались, у автобусной остановки. В отличие от Женьки Александр фуражку с красным околышем не держал за пазухой. Он только иногда пальцами рук поправлял свой «картуз», ладно сидящий на его голове. Нового знакомого от боксера отличало и то, что он носил на своей груди несколько значков. Что они собой представляли Ева никакого понятия не имела. Это послужило основой ее первого вопроса к очередному «жениху», после того, как они сказали друг другу «Здравствуй». Немного усмехнувшись, сержант очень коротко рассказал подруге о своих «регалиях». Ева поняла то, что ее знакомый боевых наград не имел. Вместо них он имел только спортивные значки. В конце своей информации Клюкин бодро произнес:

- Да и вскоре эти значки уже никому не будут нужны... На следующий год мы идем толпой в армию, защищать свою страну и любимых девушек...

Последние слова Клюкин произнес с особым акцентом и весело посмотрел на Еву. После этого сержант к радости девушки вытащил из внутреннего кармана гимнастерки большую плитку шоколада «Солнечный». Поблагодарив за шоколад, девушка разломил плитку пополам и часть предложила парню. Тот вежливо отказался. Ева его не стала уговаривать и одну из частей плитки положила себе в дамскую сумочку.

Александр, наблюдая за тем, с каким удовольствием девушка

уплетает шоколад, не то серьезно, не то шутя, произнес:

- Ева, я хочу того, чтобы вся твоя жизнь была в шоколаде... Я очень постараюсь это сделать для тебя...

Сказав это, он сильно сжал руку девушки и потом нехотя ее отпустил. Ева словам военного большого значения не придавала и как бы все это пропустила мимо ушей. Вместо ответа она весело засмеялась. Затем блондинка взяла руку курсанта и сильно ее сжала в своей ладони. Молодые гуляли по городу около часа. За это время у них какого-либо особого разговора не получилось. Клюкин в отличие от Синичкина о себе почему-то меньше рассказывал. Он все больше интересовался жизнью своей подруги. Узнав о том, что у девушки умерли родители и у нее в этом городе нет родственников, Санька не стал больше докучать своими вопросами о личной жизни девушки.

Да и Ева сама решила сменить «пластинку». Она рассказала военному о своей работе и о том, сколько и когда берут у нее мороженное курсанты. Узнав об этом, Клюкин весело рассмеялся и пообещал в этом деле помочь. Проводив девушку на автобус, сержант предупредил ее о том, что на очередное свидание он придет только в субботу. Молодые люди определили и место очередного свидания - городской фонтан. С этим согласилась и Ева. Почему Санька придет только в субботу Клюкин Еве не разъяснил. Ева также об этом не стала спрашивать курсанта. Причину «отдаленности» очередного свидания Кротиха вскоре и сама узнала.

В этот день девушка работала. После обеда покупателей был немного. Ева неспеша отпускала свой «товар». Вдруг неожиданно для Евы, к ней примчалась Элеонора Ивановна и детским голоском весело прокричала:

- А ну, невеста, беги смотреть своих женихов, а то ведь пройдут...

От сказанного Ева немного покраснела. Однако увидев то, что все продавцы прильнули к окнам, даже и кое-кто «вывалил» на улицу, блондинка быстро примкнула к зевакам. Происходящее на улице и вправду было достойно созерцания. Увидев через окно колонну военных курсантов, идущих по улице под музыку военного оркестра, Ева стремительно выскочила улицу. Она надеялась увидеть в этой большой колонне Александра Клюкина, но увы... Сделать это было невозможно и только по одной причине. Все молодые люди, в том числе и Александр, были одеты в однообразную форму. Еве казалось то, что эти сотни курсантов, все как один, похожи на сержанта Клюкина, а он на них. После того, как глаза девушки «привыкли» к обилию фуражек с красными околышами, да и то внимательно вглядываясь, она стала различать определенные «отличия» в лицах курсантов, а также и их рост.

Колонна военных была очень большая. Послеобеденное солнце, казалось, решило отдать остаток своего света этим молодым людям. Его яркие лучи играли на голенищах хромовых сапог курсантов. Сотни сапог под лучами солнца ярко светились и словно клинки равномерно поднимались и опускались над землей. Уверенная поступь молодых и сильных людей, захватывающая музыка военного оркестра, который шел посредине колонны и играл «Марш славянки», подбадривали горожан, стоящих на обочине дороги. Кое-кто из них весело смеялся и махал руками будущим офицерам. Кто-то из горожан плакал, отдавая таким образом дань уважения Советской Армии. К числу таких относился и дед Арсений, который неизвестно когда и откуда появился. Старик стоял рядом с Евой и руками приветствовал курсантов. От него девушка и узнала о том, что оркестр играет «Марш славянки». От этой музыки у блондинки по всему телу «пробежало» что-то торжественное и гордое за этих молодых людей в военной форме...

Под впечатлением о торжественном прохождении курсантов по улицам города Ева находилась все эти дни, когда не было Клюкина. Он, как и они договаривались, пришел в субботу к городскому фонтану ровно в двенадцать. Ева к месту встречи пришла без трех минут двенадцать. Саша на этот раз был намного оживленнее, чем во время первого свидания. Это девушка почувствовала сразу, когда тот протянул руку для приветствия и сказал:

- Ева, наконец-то мы встретились... Мне эта неделя показалась целым годом... Тебе этого не показалось?

Сказав это, он вытащил из кармана брюк плитку шоколада и протянул ее Еве. Блондинка взяла шоколад и надломилась, как и раньше, на две равные части. Одну из частей она отдала Александру и при этом весело произнесла:

- Надо шоколад делить пополам и тогда жизнь будет шоколадным счастьем... Я в это верила и верю..

Курсант в ответ громко рассмеялся и от предложенной половинки «шоколадного счастья» не отказался. Он с таким же удовольствием, как и его подруга, стал «расправляться» со своей долей. Около часа молодая пара сидела на скамейке возле фонтана и наблюдала за всем тем, что происходило вокруг. Ева и Александр с удовольствием смотрели на фонтан, который «выдавливал» из себя тонкие струйки воды. Фонтанчики воды взвивались вверх и ярко блестели на солнце. Влюбленных смешили и маленькие стайки воробьев, деливших между собой «добычу», которую бросали птицам на асфальт отдыхающие горожане. Кое-кто из птиц намеревался друг друга клюнуть, если кому-то из них не доставался лакомый кусочек хлеба или печенья. Эта «бойня» птиц вызывала

заразительный смех у парня и девушки. Смех молодой парочки иногда был такой заразительный, что вызывал внимание прохожих. Они невольно останавливались и поворачивали свои головы в сторону красивого курсанта и ослепительно красивой блондинки. Кое-кто из зевак не без интереса поворачивал голову в сторону смеющихся и даже силился услышать то, что так сильно рассмешило молодых. Некоторые из прохожих, повернув голову в сторону молодых людей, не утруждали себя поиском причин смеха. Они просто сами весело улыбались. Все отдыхающие прекрасно понимали то, что молодость без улыбки и смеха не обходится.

Молодая пара, сидя на скамеечке, не только наблюдала за происходящим вокруг. Ева в начале встречи поделилась со своим другом о прохождении курсантов. Александр, услышав лестный отзыв о себе и о своих коллегах, весело рассмеялся. На этом все его восхищение и закончилось. В дальнейшем он ничего не говорил о военных. Молодой человек во время свидания по гражданской жизни не был «букой». Клюкин оживленно рассказывал девушке о своем детстве, о друзьях, с которыми он расстался, казалось, совсем недавно. Слушая молодого парня в военной форме, Ева кое-что находила общее с его жизнью, многое и не совпадало. Клюкин, как и Ева, родился в Сибири в такой же деревне. В отличие от юной Кротихи у Александра родители были живы и работали в совхозе. По ходу разговора Ева в кое-чем дополняла парня или спрашивала его, если это касалось сельской жизни.

За разговором, который довольно часто прерывался смехом, порою, и без всяких причин, молодая пара не заметила того, как небо покрылось тучами и заморосил дождь, который тотчас же «выгнал» из парка всех отдыхающих. Пospешили и Ева с Александром. Курсант, крепко взяв Еву за руку, повел ее в небольшое кафе с романтическим названием «Одуванчик», находящееся неподалеку от парка. В кафе Клюкин купил две чашечки кофе и две небольшие шоколадки. Горячее кофе для молодых оказалось как раз кстати, в первую очередь для Евы, которая не думала о перемене погоды и оделась налегке. От прохладного дождя ее не спасла даже и легкая шерстяная кофта. После кафе молодая пара неспеша побрела по улице. Каких-либо достопримечательностей на этой улице не было, за исключением кинотеатра. Возле него стояли длинные вереницы людей, жаждущих посмотреть фильм о самогонщиках.

Желание молодых посмотреть кинокомедию сразу же улетучилось, как только они встали в очередь. До начала сеанса оставалось десять минут. У Клюкина и у Евы подкрадывалось сомнение в том, что они не успеют взять билет на этот сеанс. На другой, который демонстрировался через два часа, им не хотелось

идти. Этот вопрос разрешился через пару минут, как только мощный ветер стал разгонять тучи на небе. Первые лучи солнца сразу же оживили не только природу, но и людей. Ева и Александр решили снова идти в парк. Они и сами не знали почему приняли такое решение. Парк с каждой минутой наполнялся все новыми и новыми отдыхающими. Особенно много было людей возле «чертового колеса». Первой покататься на таком «колесе» изъявила желание Ева. Она никогда на нем не каталась. Очередь за билетами на аттракцион продвигалась быстро и вскоре молодые оказались в небольшой кабине. Первые метры высоты не пугали красивую блондинку. Колесо все медленно крутилось и крутилось. Ева вместе с ним все выше и выше «уходила» в небо. Ей стало страшно. Взглянув вниз, девушка вскрикнула и невольно прижалась к плечу Александра. Молодой человек, понимая естественный страх девушки, сильно прижал ее к себе и крепко поцеловал ее в губы. Ева на поцелуй не ответила. Она только еще ближе прижалась к тому, который только что ее поцеловал...

После «чертового колеса» продавщица мороженого с курсантом стала встречаться чаще. Ева в свободное от работы время иногда сама приходила на конечную остановку автобуса возле училища. Дневальный по КПП, увидев красивую блондинку, тот час же информировал Клюкина и тот через пять-десять минут был уже рядом с Евой. Затем они уходили в лес или к речке и там подолгу друг с другом разговаривали. Время для молодой парочки пролетало очень быстро и незаметно. Это очень расстраивало влюбленных, которые с каждым днем, а то и с каждым часом понимали друга друга лучше, становились друг другу ближе и даже роднее...

Ева с нетерпением ждала свиданий с Клюкиным не только потому, что хотела насытиться его страстными поцелуями, но и еще по причине чисто «производственной». Она никогда не забывала похвалиться другу о своих успехах на торговом фронте. На ее успехи даже не влияла ненастная или прохладная погода. Высокие производственные показатели красивой блондинке «делали» курсанты военного училища, которые в послеобеденное время буквально расхватывали мороженое. Столпотворения военных, как такового, у прилавка не было. За день приходило около десятка курсантов, которые брали по одному, а то и по два ящика мороженого. Информация Евы о производственных успехах у парня вызывала смех. И этот смех Еву до поры до времени раздражал, пока она сама не узнала от Клюкина всю подноготную страсти военных к мороженому. Узнав об этом, девушка очень долго смеялась. Все курсанты училища без исключения знали о том, что в «Топольке» работает очень красивая блондинка по имени Ева.

Каждый из них также знал доподлинно и график ее работы.

Во время часов самоподготовки, которая проходила под неустанным контролем отцов-командиров, от каждого взвода снаряжался гонец в курсантской форме для покупки мороженого. Каждый курсант, по словам Клюкина, не против «пожевать» мороженое, тем более, покупая его из рук такой красивой продавщицы. Показатели по продаже мороженого у красивой блондинки значительно превышали те, которые когда-либо были на этом рабочем месте за все существование универсама. Понимая то, что все ее экономические «чудеса» «сидят» на Клюкине, Ева все больше и больше уважала этого молодого человека, благодаря которому она завоевала авторитет среди работников магазина. Да и не только среди простых клерков. Директор магазина на собраниях довольно часто нахваливал молодую продавщицу и говорил о том, что товарищ Крот держит советскую торговлю на уровне партийных требований...

Пригласить впервые Александра к себе домой Ева решила на праздник седьмого ноября. Клюкин пришел только вечером, где-то около семи часов. Погода в этот день была явно не праздничная. С утра стоял крепкий мороз, к вечеру пошел снег. Поэтому Ева на улицу не выходила. Праздничный парад войск в Москве и парад войск местного гарнизона она смотрела дома по телевизору, лежа в постели. Александр пришел к Еве радостный и несколько взволнованный. Он, едва открыв дверь комнаты и поцеловав Еву, сразу же сказал ей о том, что в следующее воскресенье в училище состоится курсантский бал для личного состава их роты. Командир роты эту идею на радостях подал сам, когда получил благодарность от начальника училища за отличное прохождение подчиненных во время военного парада.

В этот вечер к приему участника военного парада у Евы было все готово. Она с удовольствием поддержала тост Александра за тех, кто носил погоны. Молодые ребята в погонах Еве все больше и больше нравились. Эта любовь ее к ним в стократ усилилась, когда полупьяная Ева почувствовала сильные руки Клюкина, который подняв блондинку, понес ее в постель. Девушка не сопротивлялась. Она только жадно ловила страстные поцелуи военного, от которого пахло шипром и коньяком, и который был очень похож на какого-то революционера. Блондинка эту фамилию все так и не могла вспомнить...

К курсантскому балу Ева готовилась особенно тщательно. Не забыла она этой новостью поделиться и со своей наставницей. Ева и Нина Николаевна после того, как девушка получила отдельную комнату и нашла работу, стали встречаться реже. Не столь навязчивым стал и Петька. Мальчишка понимал, что Еве не до

него. Да и его «детская» любовь к старшей по возрасту девушке постепенно, наверное, стала угасать. Узнав о том, что Ева познакомилась с курсантом и готовится к балу, Лескова даже прослезилась. Это очень удивило молодую блондинку. Нина Николаевна не стала по этому поводу ждать вопросов от Кротихи и сама рассказала о том, почему она также равнодушна к военным.

С полковником Нина Николаевна познакомилась еще тогда, когда «тянула» лямку с муженьком Ваней. Познакомилась с офицером совершенно случайно, притом жарким летом. В этот вечер после работы Лескова составила компанию своим подругам, которые стремительно бросились на автобусную остановку для «штурма» источника передвижения. Сама она не входила в число активных, кто надрывая свой пуп, штурмовал автобус. Из-за своей скромности женщина нередко и страдала. Довольно часто, пропуская «туго набитый» пассажирами автобус, она злилась на себя и на свой характер. Скромница простаивала иногда на остановке по часу, а того и больше. Такая «картина» произошла с Ниной Николаевной и в тот незабываемый вечер. В ожидании очередного «громыхалы» она решила прогуляться по пешеходной дорожке. Женщина гуляла неспеша, только иногда оглядываясь в сторону остановки, дабы не «зевнуть» очередное «громыхало». Отойдя от остановки метров двести-триста, она увидела белого цвета «Волгу», стоящую на обочине дороги и военного человека, который что-то ремонтировал под раскрытым капотом автомобиля. Лескова, поравнявшись с машиной, увидела на погонах военного по три больших звезды. Марку машины и звание военного Нина Николаевна знала «на зубок». На такой машине возили директора хладокомбината, а такие три большие звезды она видела на погонах первого космонавта Советского Союза.

Пристального внимания машине, да и ее владельцу, Лескова не уделяла. Причиной этому было ее скверное настроение. Дело было и не только в автобусе. Женщину одолевали житейские проблемы и заботы. Ее вчера Ванек по пьянке «сжег» стиральную машину. По совету друга-алкоголика он решил за время отсутствия жены «перегнать» на машинке не «состоявшуюся» брагу. Собутыльник к другу принес целую флягу этого добра. В результате «эксперимента» изнутри машины пошел не то дым, не то какой-то чад. Хозяин хотел спрятать концы в воду. Однако не удалось. Хозяйка пришла где-то через час после неудачного эксперимента. Запах гари попеременно с запахом браги властвовал в квартире и мог напавал «убить» любого трезвого человека. Кошка Дашка и та спряталась под диван и почему-то жалобно мяукала. «Кулибины» спали на полу, обнявшись друг с другом. Они крепко спали не по причине запаха браги, а по причине ее чрезмерного употребления.

С такими житейскими проблемами в голове Нина Николаевна несколько раз продефилировала возле стоящей «Волги». Машина, несмотря на старания хозяина в военной форме, почему-то не заводилась. Во время очередного прохождения женщины ее окликнул военный. Он, скрывая свое неудовольствие, связанное с поломкой автомобиля, повернувшись лицом к женщине, уныло произнес:

- Девушка, будьте добры... Помогите мне эту машину завести. Надо вот только сесть в кабину и нажать на газ. Может что-то и получится... Она меня уже целый час мучает... Сможете это сделать?...

Увидев вспотевшее лицо военного, Лескова заразительно засмеялась. Девушкой она уже не была, хотя с этим растяжимым понятием она не совсем так долго рассталась. Помощь женщины оказалась кстати. Полковник вежливо усадил женщину в кабину на место водителя и указал ей какую педаль нажать ногой. Сам же он стал настойчиво вращать рукояткой коленчатый вал двигателя. Машина к радости «мученика» и женщины сразу же завелась. «Источник роскоши» стала издавать такой шум и грохот, что «водило» быстро выскочила из кабины. Страх, который возобладал в незнакомке, рассмешил офицера. Полковник, извинившись за чудо техники, предложил Нине Николаевне подвезти ее до дома. Та без колебаний согласилась. Николай, так звали военного, довез Лескову до самого подъезда, хотя сам он жил и работал, по словам мужчины, «совсем недалеко». Что означало «совсем недалеко» пассажирка прекрасно понимала. Военный жил в военном городке, а работал в военном училище, которые находились в противоположных концах города.

Полковник по своей натуре оказался человеком общительным. Зв время пути женщина кое-что узнала из его личной жизни. Многие из нее Лескову и огорчило. Будучи командиром части, офицер попал в автомобильную катастрофу. Причиной этому явилась неопытность и страх военного водителя. При спуске с горной дороги командирский «УАЗ» неожиданно заглох и это произошло на изгибе крутой дороги. Молодой водитель растерялся и не успел по-настоящему затормозить. Машину на большой скорости на повороте занесло. В итоге «УАЗ» несколько раз перевернулся. Командир к счастью или к несчастью остался жив. Он успел в ходе падения открыть дверцу и выскочить. Остался жив и солдат, благодаря тому, что он не выпустил из рук рулевое колесо. Погибли гражданские: дочь и жена командира. Убеленный сединой офицер, рассказывая об этом незнакомой женщине, плакал и корил себя за то, что он не научил свою семью правильно действовать во время аварий...

Через три дня история с «громыхалой» опять повторилась. Уже знакомая «Волга» для Лесковой стояла на том же месте, что и три дня назад. Офицер опять пригласил «девушку» прокатиться до ее дома. Лескова не отказалась и на этот раз. Полковнику нравилась попутчица. Это чувствовала и сама Нина Николаевна. Тем более, офицер подарил ей огромный букет роз. По дороге к дому Николай рассказал женщине о том, что в этих краях у него живет старая мать. Сын частенько помогает матери не только по хозяйству, но и выращивает на ее огороде розы. И на следующий вечер «Волга» подрулила к дому, в котором жила работница хладокомбината. Офицер, как и раньше он это делал, открыл дверцу машины и подал руку пассажирке. Лескова вышла из машины и пожав руку «таксисту», не могла не заметить его вопросительного взгляда. Лескова сразу же поняла этот взгляд. Нина Николаевна, тяжело вздохнув, и глядя в глаза офицеру, тихо произнесла: «Извините, Николай, я замужем...».

Дальше что-либо говорить офицеру женщина не могла. Слезы катились из ее глаз. Полковник, не отрывая глаз от понравившейся ему женщине, с сожалением сказал: «Извините, Нина Николаевна, я честно говоря, и не подумал об этом...». Через несколько секунд машина тронулась. Лескова со слезами на глазах провожала того, кто еще никогда в ее жизни не оставлял такой боли в сердце женщины, как этот военный с сединой...

Через год после этой встречи у Нины Николаевны не стало мужа. Вдова последней покидала кладбище. Слезы катились по ее впалым щекам, что-то сдавливало горло. Жалости, как таковой, у Лесковой к умершему мужу не было. Как и не было в памяти каких-либо приятных или запоминающихся моментов из совместной жизни с покойником. Душа и сердце женщины всегда были холодными к этому мужчине при его жизни. Такими они остались и после его смерти. Чуть больше десяти лет прожила Лескова со своим Ваней. Ничего кроме разочарования в жизни и от этого мужчины она не получила. Да и мужского в этом человеке ничего не было, кроме имени. В Иване, как в мужчине, господствовала лень, безразличие ко всему. Через месяц с небольшим после свадьбы он по пьянке впервые ударил свою жену кулаком в лицо. Удар был сильный, пришелся чуть-чуть ниже глаза. Маленькая отметина осталась на лице и по сей день у тридцатипятилетней женщины. Драки, ругань были повседневным делом в семье Лесковых.

Смерть мужа не лишила вдову интереса к жизни. Она, наоборот, дала какой-то толчок к ней. «Половодья» мужчин у Лесковой не было. Нина Николаевна их очень даже опасалась, особенно боялась подобных Ивану. Все серьезные мужчины были при женах. Мужской пол хладокомбината знал о том, что Лескова

вдова, однако даже холостые почему-то не искали пути-дороги к этой еще молодой и симпатичной женщине. Это, возможно, происходило по причине того, что она сама каких-либо поводов им для тесного знакомства не давала. Упаковщица мороженого в корне эти попытки рубила и потом об этом очень сильно сожалела. Ей, как женщине, очень хотелось иметь настоящего мужчину, который мог бы ей помогать в ее жизни. Да и не только это. Она хотела и мечтала также о мужской ласке и силе... От этих мыслей женщине по ночам иногда становилось не по себе. Она начинала плакать, глубоко уткнувшись лицом в подушку, дабы ее плач не слышал сын Петька...

Встреча с полковником с новой силой дала толчок к жизни, разбудила в женщине жажду любви и страсти... Мысли о мужчине с тремя большими звездами на погонах все больше и больше овладевали Ниной Николаевной. Особенно эти мысли господствовали в ее голове, когда Лескова ложилась спать. Именно в постели она отдавалась фантазиям и мечтам о том, чтобы она сделала, если бы он был с ней рядом в постели. Но увы... Мечты оставались мечтами и больше ничего. Знакомой «Волги» женщина больше не видела ни весной, ни летом, ни зимой... Надежда встретить Николая в женщине то вспыхивала, то вновь угасала. Наводить справки по «несостоявшемуся» жениху Лескова не собиралась. Ей как-то было стыдно это делать. В ее душе все-таки теплилась маленькая надежда на то, что и в этом большом городе все равно они когда-то встретятся. Тем более, Николай знал где жила его симпатичная пассажирка.

Встреча военного «таксиста» с Лесковой состоялась через два года после смерти ее мужа. И состоялась она в день 8-го марта не на автобусной остановке, а возле оперного театра, где в этот праздник было особенно многолюдно. Лескова в этот по-весеннему теплый день гуляла с Петей. Мать и сын бродили по городу довольно приличное время и делали все то же самое, что и сотни, а может даже и тысячи гуляющих горожан. Они «глазели» на людей, кушали мороженное, подставляли свои лица под первые теплые лучи весеннего солнца. В этот день жизненные дороги полковника и простой работницы хладокомбината, вполне возможно, и не пересеклись, если бы не Петька. Мальчишке уж больно хотелось купить матери небольшой букет цветов в киоске или у бабушек. Петя сразу же обрадовался, когда увидел у оперного театра целое «море» цветов и стайки мужчин, которые буквально облепили торговцев цветами.

Петька у матери на цветы денег не брал. Деньги для цветов мальчишка сам постепенно откладывал, экономя на школьном питании. Оставив мать возле универмага, Петька, как настоящий мужчина, уверенно рванулся в сторону цветочного базара.

Мальчишка долго не появлялся. Он все приторговывался и стремился своей матери купить цветы получше. Длительное отсутствие сына мать не расстраивало. Она понимала своего Петьку, который становился с каждым днем все взрослее и серьезнее.

Знакомую «Волгу» Нина Лескова увидела совсем случайно, когда «убивая» время, стала прогуливаться вдоль вереницы легковых машин, припаркованных на обочине дороги. Несмотря даже на то, что в машине Николая не было, у Лесковой учащенно забилося сердце, повлажнели руки. Женщина остановилась возле «Волги» и стала плакать. Владельца машины Нина Николаевна заметила сразу, когда тот с огромным букетом цветов отделился от толпы покупателей и торговцев, и направился в сторону стоянки своей «Волги». Николай уверенно приближался к машине. У него, как и у сотен снующих по улицам горожан, было праздничное настроение. Мужчине в этот день, конечно, и в голову не приходила мысль о том, что он через несколько минут встретится со знакомой Ниной с хладокомбината, которая сейчас очень пристально наблюдала за ним. Николаю, одетому в цивильный костюм, в этот праздник не хотелось чувствовать то, чтобы кто-то его брал в «объектив». Военная форма, да еще с большими звездами на погонах часто заставляла этого красивого и стройного мужчину держать «ранжир и марку».

Многие из гражданских, особенно, школяры, увидев военного, моментально открывали рот и в таком состоянии проходили не один десяток метров. Миновав «военный объект», малыши моментально начинали спорить между собой о том, кого они только сейчас видели. Бывало и такое, когда к полковнику приближался «гонец» из стайки спорящих и на полном серьезе спрашивал военного:

- Дяденька военный, скажите пожалуйста, кто Вы по званию? Генерал или старшина?

Подобные вопросы «знатоков» сместили офицера, и он с улыбкой смотрел вслед «просвещенному» мальчишке, который вприпрыжку бежал к своим друзьям, дабы не потерять из своей памяти слово «полковник».

С теми же, кто носил военную форму, большому начальнику иногда приходилось даже чуть-чуть потеть. Наиболее усердно соблюдали военные почести курсанты местного училища, которые перед полковником мелькали не только в стенах этого заведения, но кое-где и в городе. При встрече целого «полкана» в том или ином гражданском месте «беззвездочный» мир при встрече со старшим офицером порою переходил на такой строевой шаг, от которого не только дрожали витрины магазинов, но и кое-кто из прохожих невольно шарахался в сторону от защитника родины.

Николай Солнцев с самого детства мечтал стать офицером и поэтому дорожил всем тем, что было связано с военными и их жизнью. Он прекрасно знал то, что военная форма украшает не только его, но и всех тех, кто ее носит. Нравилась эта форма и женщинам. Это он почувствовал здесь в этом большом городе, после того, когда отслужил двадцать лет в горах в километре от турецкой границы. Боль по погибшей жене и дочери постепенно у военного затихала. Мужчина, еще находясь в расцвете лет, искал себе подругу жизни. Офицер после занятий нередко оставлял свою «Волгу» на стоянке возле училища и медленно бродил по городу. Он таким способом, конечно, не собирался найти себе женщину. Военному человеку, как и всем гражданским, после работы также хотелось расслабиться и отдохнуть. Представительницы слабого пола при виде статного мужчины в военной форме вели себя по-разному. Шествующие в гордом одиночестве при встрече с подтянутым офицером, как правило, глаза не отводили. Кое-кто из них весело улыбался или приветливо махал рукой. Замужние вели себя более степенно, особенно, если рядом с женщиной шел мужчина.

Реакцию слабого пола на пристальный взгляд человека в военной форме, по мнению Николая, определял тот, кто шествовал рядом с женщиной. Красивые женщины, если с ними рядом шел представительный или прилично одетый мужчина, на «стреляющего» офицера в большинстве никак не реагировали. Среди этой категории женщин были и «патриотки», которые «награждали» военного таким стеклянным и холодным взглядом, от которого перемерзли бы все медведи на Северном Ледовитом океане. Представительницы слабого пола, рядом с которыми дефилировали обросшие или синие от пьянки мужики, да еще впридачу с самого детства в неглаженных брюках, при встрече с ухоженным офицером с тоской и грустью глядели ему в глаза.

Через несколько метров офицер иногда останавливался и поворачивался на сто восемьдесят градусов. Он продолжал смотреть вслед симпатичной, но несчастной женщине. В последнем мужчина нисколько не сомневался. Бывало и такое, когда несчастная и офицер, словно по заказу, одновременно поворачивались и улыбались друг другу. О чем эти незнакомые люди думали и чего они хотели никто не мог знать. Это было тайной у военного и у той, у которой он вызывал симпатию...

Николай еще издали заметил, стоящую возле своей машины, женщину. Мужчина приятно был удивлен, когда увидел знакомое лицо Нины Николаевны Лесковой, которую он когда-то имел честь пару раз довести до дома. Сейчас ему было приятно видеть и осознавать, что и она его узнала. Солнцев, весело улыбнувшись, крепко пожал женщине руку. Затем он открыл дверь машины и

положил цветы на заднее сидение. Лескова стояла возле машины и наблюдала за своим знакомым. Она готова была смотреть хоть всю жизнь на этого военного в гражданской форме. Женщина благодарила Бога и своего сына за предоставленную возможность вновь увидеть этого офицера, по которому она в прямом смысле сохла. Увидев то, что Николай преподносит ей большой букет красивых роз, Лескова заплакала. У нее почему-то сейчас не было желания брать цветы от мужчины, которого она так долго не видела. Женщина, заикаясь от волнения или от неожиданной радости, повторяла одно и то же:

- Николай, не надо, не надо... Вы ведь эти цветы для другой женщины купили... Мне они не нужны. Спасибо, Николай, они мне не нужны... Пожалуйста...

Слезы и просьбы женщины не действовали на мужчину. Солнцев продолжал настойчиво просить свою знакомую взять розы. Видя то, что плачущая женщина не то боится, не то стесняется взять его цветы, Николай практически насильно «втиснул» букет цветов в руки Нины Николаевны. Увидев цветы в руках женщины, он засмеялся и сказал:

- Ниночка, да у меня сегодня с цветами большой резерв. Не бойтесь, все мои знакомые женщины сегодня не останутся без цветов...

Немного успокоившись, Лескова взяла букет в правую руку, так как из указательного пальца левой руки появились маленькие капельки крови. Это был результат «сопротивления» ее самой, не желающей взять букет цветов от того мужчины, по которому она очень сильно страдала. Острый шип от розы уколол и палец Николая. Мужчина и женщина, увидев результат своего «противоборства» весело рассмеялись. Происшедшее больше всего нравилось Нине Николаевне, которая, громко смеясь не то серьезно, не то в шутку, произнесла: «Ничего, до свадьбы заживет!». Сказав это, женщина вопросительно посмотрела в лицо «военного». Тот на афоризм женщины не прореагировал. Солнцев о чем-то напряженно думал, опустив голову вниз, наверное, хотел что-то очень важное сказать. Короткое безмолвие Николая насторожило Лескову. У нее очень тревожно застучало сердце.

После некоторого раздумья мужчина поднял глаза и отрывисто произнес:

- Нина Николаевна, я ведь год назад женился... Я очень счастлив с этой женщиной. Ее зовут Тамара, она у меня артистка театра. Приходите к нам в гости в театр, мы усадим Вас на самое лучшее место...

Слова о том, что Николай женился, словно молния, пронзили мозг Нины Николаевны. Плачущая женщина уже не могла слушать

то, о чем ей сейчас что-то говорил уже чужой для нее человек. Этот мужчина и этот мир с этого момента для Лесковой стали безразличны. Она взвыла как волчица и стремительно рванулась с места. Со слезами на глазах она убегала от этого симпатичного мужчины, о котором мечтала все эти ночи напролет. Она убегала не только от него. Женщина убегала теперь и от своего возможного счастья. Сейчас она четко понимала то, что именно она это счастье упустила, упустила навсегда. Лескова корила себя и за то, что она ничего не сделала для того, чтобы свои мечты превратить в реальность. Плачущая женщина, находясь в нервном шоке, не заметила машину, которая почему-то неслась ей навстречу с бешеной скоростью. Женщина от страха остановилась и закрыла руками свое лицо. Лескову из оцепенения вывел сильный скрип тормозов. Через несколько мгновений она открыла глаза. Машина стояла от пешеходки всего в нескольких сантиметрах. Разум вновь вернулся, к страдающей от безысходности, женщине. Нерадивая пешеходка только сейчас поняла, что ей еще суждено было пожить на этом свете. Даже осознавая это, нарушительница правил дорожного движения продолжала стоять на проезжей части дороги. Силы, как казалось Лесковой, оставили ее навсегда... Затем она медленно вышла на пешеходную дорожку. Женщина, дико озирающаяся по сторонам, ни на кого не реагировала. Ее не страшили ни угрозы и мат разъяренного водителя, ни осуждающий свист толпы зевак.

Нина Николаевна отошла от нервного шока только за углом здания, где она решила «передохнуть». Немного успокоившись, Лескова выглянула из-за угла в сторону, где была припаркована машина Солнцева. Она хотела еще раз, а может и даже в последний раз взглянуть на того, кто так глубоко запал в ее сердце и душу. Ей еще до сих пор не верилось в то, что именно этот человек способен «принести» ей несчастье, притом на всю оставшуюся жизнь. Увиденное страдальцей, еще больше усугубило ее состояние. К мужчине, который был всего несколько минут Лесковой люб и мил, приближалась женщина. В том, что она являлась женой военного, Нина Николаевна почему-то не сомневалась. Николай ускоренным шагом пошел навстречу этой даме и взял из ее рук какую-то коробку. Даже несмотря на свои слезы, определенное равнодушие к происходящему, Лескова видела то, что Николай и его жена, одетая в красивую норковую шубку, подходят друг к другу. И этого даже бы никто из прохожих не отрицал. Не отрицала этого и та, которая выглядывала из-за угла и горько плакала. «Волга» уехала от места парковки минут через пять. Теперь ни та, которая стояла возле угла дома и плакала, и те, кто сидел в машине, друг друга не интересовали. После того, как машина с ее любимым мужчиной

исчезла из виду, Лескова поняла то, что полковник стал для нее только прошлым, которое уже никогда ей назад не вернуть...

Настоящими для плачущей были только розы, которые совсем недавно ей подарил офицер. Нина долго разглядывала этот красивый букет, еще надеясь на то, что эти розы хоть что-то могут изменить к лучшему в ее неудавшейся жизни. К сожалению, этот букет красивых роз в целом, так и каждая роза в отдельности почему-то молчали. Глядя на них, молчала и та, в чьих руках они находились. Закрыв на миг глаза и стиснув зубы, Лескова крепко сжала в своих руках букет и потом со всей силой бросила цветы на проезжую часть дороги. Женщина, словно загипнотизированная, решительно пошла вперед в сторону цветочного базара. Петька уже стоял возле оперного театра неподалеку от автобусной остановки и выжидал мать. Увидев сына, мать сразу же поняла то, что он очень доволен своей единственной белой розой, которую он так долго выбирал у торговцев. Роза и на самом деле была очень красивой. Это даже признавали прохожие, смотря на мальчишку, который кого-то ожидал.

Со слезами на глазах мать приняла единственную розу от своего единственного сына. Цветы мальчишка для своей матери купил впервые в своей жизни. Это сейчас осознавали они обои, мать и сын. Со слезами на глазах Лескова ласково потрепала рукой мальчишку по его белой голове. Петька ничего в ответ на действия матери не говорил. Стиснув зубы, чтобы не заплакать, он молчал. Увидев то, что обеи руки матери в крови, он громко вскрикнул:

- Мама, посмотри, у тебя обеи руки в крови!

Только сейчас Нина Николаевна заметила, что у нее и вправду обеи руки в крови. Достав носовой платок из плаща, она быстро вытерла кровь и несколько по-философски произнесла:

- Эх, сынок, что руки в крови... Здесь не только они, сама душа и сердце в крови. А эту кровь мне принесли сегодня красивые розы...

Дальше она уже не могла что-либо сказать. Слезы душили женщину. Однако это продолжалось недолго. Первым на помощь матери пришел Петька, который, казалось, и сам вот-вот расплачется. Мальчишка решительно взял мать за руку и твердо произнес:

- Ничего, мамка, все у нас будет хорошо... Я ведь с каждым днем расту... Ты ведь сама это говорила. Правда же, моя любимая мама?...

После этих слов мальчишка громко засмеялся. Смех и слова, сказанные сыном, также рассмешили и мать. Она, дабы не портить праздничного настроения себе и сыну, решительно схватила мальчика за руку и увлекла его за собой. Вскоре они растворились в

многоликой толпе...

Этот Международный день женщин Лесковой запомнился навсегда. Оставшись наедине с темнотой в постели, женщина дала волю своим слезам. Дабы не издавать громких вздохов, она все глубже и глубже утыкала свое лицо в подушку, надеясь хоть на какое-то время заглушить свое горе и как можно глубже запрятать его от себя и сына. На какие-то моменты она забывала о своем несчастье и вставала с дивана. Женщина на цыпочках входила в комнату сына и также осторожно подходила к его металлической кровати. Затаив дыхание, мать прислушивалась к тихому посапыванию сына. Потом она крестила рукой спящего и так же бесшумно возвращалась в свою постель. Лежа на диване, мать всем своим нутром чувствовала то, что ее сын, ее опора и ее будущее сейчас не спит, а вместе с ней сопереживает горе своей матери. В эту ночь она в этом нисколько не сомневалась. Она не сомневалась также и в том, что ее Петька мог быть свидетелем встречи матери с незнакомым для него мужчиной. Он видел эту встречу, но не знал содержание того, что произошло у взрослых людей возле машины. Мальчишка также не знал и причин, почему мать пришла к остановке с заплаканными глазами и с руками, из некоторых пальцев которых сочилась алая кровь, чем-то напоминающая цвет роз... Эти двое, которые не спали в эту ночь, несмотря на большую разницу в возрасте, четко осознавали, что именно сегодня судьба у них отобрала возможное человеческое счастье. Без него не могла жить не только мать, но и сын этой матери.

Историю своей несостоявшейся любви, которую рассказала Лескова, Ева слушала очень внимательно. Глаза блондинки были полны слез. Слезы были и в глазах рассказчицы. Наставница в принципе была не против того, чтобы Ева дружила с молодым человеком, одевшему на себя военную форму. Провожая свою подопечную, женщина крепко пожала ей руку и произнесла:

- Ты, милая Евушка, будь очень осторожна, будь терпеливее и мудрее... В нашей жизни иногда очень трудно определить настоящее счастье. Ведь еще оно бывает и фальшивое...

Неделя в ожидании курсантского бала для Евы пролетела очень быстро. Ей казалось то, что она, как девушка, должна сдавать подобие экзамена в этой незнакомой для нее среде военных. Мысли во что одеться и как одеться на этот бал постоянно «сидели» в голове молодой особы. Ева в свободные от работы дни посещала большие и малые магазины города, надеясь на то, что ей именно сегодня удастся купить самое красивое платье или юбку с блузкой. Блондинка неоднократно находила красивую одежду, и даже несмотря на то, что цены явно «кусались», она все равно эти платья или юбки примеряла. Окружающие ее продавцы давали «добро», да

и сама Ева была довольна одеянием. Однако она расставалась с понравившейся ей одеждой. Очень маленькая зарплата не позволяла девушке купить дорогостоящее платье или юбку. Блондинка иногда со слезами на глазах расставалась с той или иной «мечтой».

Дальнейший процесс «слезовыделений» и переживаний Евы приостановил простой случай. Информация о том, что продавщица мороженого из «Тополька» собирается идти на курсантский бал дошла до каждого жителя общежития. Эта новость не обошла и строгую вахтершу тетю Валию. Во время дежурства этой женщины никто из посетителей без ее ведома не проскакивал через вертушку, ни днем и ни ночью. Прорвать «брешь» в строгом бдении вахтерши не удавалось никому, даже и в том случае, если тетя Валя крепко «кимарила» во время службы, издавая дикий храп. «Страж» проходной действовал только по инструкциям, тщательно проверяя «убедительные» документы у тех, кто жаждал попасть в столь секретное заведение. Комсомольским билетам, не говоря уже о профсоюзных, женщина не верила. За особое усердие на «боевом» посту женского общежития вахтерша практически во все советские праздники от директора хладокомбината получала грамоты или ценные подарки.

Исключение составляли христианские праздники. Женщина в эти дни сама не работала или брала отгулы. Почему она это делала никто не знал. У тети Валии, наверное, как и у всех грешных людей, были и исключения. Эти исключения она делала очень и очень редко. «Исключение» проходило через вертушку даже без предъявления паспорта, как самого главного документа. К удивлению Евы курсант Александр Клюкин оказался в списке не подлежащих контролю со стороны строгой вахтерши. В этом Ева убедилась, как только Клюкин первый раз пришел к ней в общежитие и намеревался пройти через вертушку. Тетя Валя при виде курсанта весело улыбнулась, и даже привстав со своего кресла-стула, мило проворковала:

- Проходите, проходите, товарищ сержант... Для военных у нас всегда дорога открыта...

Официальная обходительность вахтерши, к тому же и на высшем уровне, для молодой пары была неожиданной. От такого «сервиса» рассмеялись не только Александр и Ева, но и молодой паренек, стоящий возле вертушки, и еще не набравший веских «оснований» для того, чтобы оказаться в объятиях любимой девушки, проживающей в столь строго контролируемом заведении. Сержант Клюкин доверием вахтерши не злоупотреблял. Причиной этому была насыщенная курсантская жизнь. Однако его даже редкое пребывание в общежитии добавило уважения у тети Валии к

красивой блондинке. Блондинка ежедневно проходя вертушку, произносила строгой вахтерше дежурное: «Здравствуйте, тетя Валя», и тот час же поднималась наверх. После визита Клюкина Ева не могла не замечать теплого взгляда строгой женщины, который, порою, сопровождал ее до самой лестничной клетки.

Строгой и доброй тете Вале юная Кротиха решила поделиться о предстоящем бале буквально за два дня до его начала, когда окончилось «провалом» ее очередное вечернее посещение магазина для новобрачных. Выходить замуж Ева еще не собиралась, однако женские туфли она в этом магазине присмотрела. К тому же они были относительно дешевые. Приветливая продавщица терпеливо «обхаживала» молодую девушку, которая примерила из предложенного ассортимента ровно три пары. Одна пара белых туфель девушке подходила и это Еву очень радовало. Радость блондинки была скоротечной.

Продавщица, отложив коробку с туфлями возле кассы, спросила сияющую от радости покупательницу:

- Извините, девушка, а где Ваша справка от ЗАГСа? У нас продажа товаров осуществляется только по этой справке...

Еве ничего не оставалось делать, как принять недоуменный взгляд и со слезами на глазах под гневное бурчание продавщицы удалиться вон. Ева вышла из магазина злая как гимера. Да и при всем при этом погода была страшно морозная. В последнюю неделю ноября столбик термометра «зашкаливал» за тридцать пять градусов холода. Девушка, плача от обиды, что она не могла купить понравившиеся себе туфли, на жутком морозе в ожидании автобуса на остановке простояла более получаса. Кротиха львицей ринулась в дребежащее «громыхало», набитое до отказа пассажирами. Блондинка не могла согреться и в автобусе. Ее злили и некоторые полупьяные пассажиры, смотрящие на нее как на драгоценный камень, доставленный с Луны или с другой неведомой планеты. Только к восьми вечера Ева, подгоняемая сильным морозом, трусцой прибежала в общежитие. Мороз «потрудился» на славу, сделав из влажных ресниц девушки тоненькие белые сосульки, из-под которых она практически ничего не видела.

Тетя Валя сидела возле вертушки и о чем-то вела разговор со своей сменщицей. «Проделки» деда Мороза рассмешили женщин. Больше всех над Евой смеялась тетя Валя, которая уже намеревалась идти домой. Смех женщин не только не поднял настроение промерзшей девушки, а наоборот, привел к тому, что Ева, как маленькая девчушка, разрыдалась. Плакала она сильно. Слезы текли из ее глаз, словно маленькие ручейки. Плач красивой блондинки не на шутку «ошарашил» тетю Валю. Женщина, взяв девушку за руку, повела ее в свою вахтерскую комнату. Еве

пришлось перед «стражем» порядка «расколотся» и досконально рассказать о своем горе. Тетя Валя внимательно выслушала печальную историю с ее несостоявшимися покупками. После того, как девушка успокоилась, женщина, немного подумав, с радостью произнесла:

- А ты, знаешь, Ева, скорее всего, я тебе могу и помочь. Правда, эту одежду моя дочь носила два года назад... Сейчас она располнела после родов... Одним словом, пойдем сейчас же ко мне, чайку попьем, да и одежду примеришь...

Отказываться от такого предложения Ева, конечно, не стала. В душе она надеялась на положительное разрешение своей проблемы. Вахтерша жила в пятиэтажке, которая находилась неподалеку от общежития. Женщины, погоняемые крепким сибирским морозом, вскоре оказались в подъезде «хрущевки». Тетя Валя жила в небольшой двухкомнатной квартире одна. Одиночество женщины определенным образом восполняла кошка Мурка, которая сразу, как только открылась дверь, с удовольствием обнюхала вошедших женщин. Понимая состояние гостьи, хозяйка быстро открыла большой шифоньер и вытащила из него несколько платьев и костюмов, которые были аккуратно накрыты тонкими целлофановыми мешками. Красивая гостья была сразу же ошеломлена всем тем, что ей вытащила для обозрения тетя Валя. Девушка не могла даже себе представить того, как все эти тряпки на свою мизерную зарплату могла купить эта женщина или ее дочь.

Однако через несколько минут опасения блондинки быстро рассеялись. Хозяйка и ее дочь в никаком «криминале» не были замешаны. Все эти импортные «шмотки» принадлежали дочери хозяйки, которая вышла замуж за выпускника местного училища. Молодой офицер получил распределение на военную службу в Германскую Демократическую Республику. Пока Ева примеряла все нравившиеся ей «шмотки», хозяйка успела кое-что рассказать о хорошей жизни в этой стране. Не забыла тетя Валя «уколынуть» свою дочь и тем, что она уж больно падкая была там на все эти одежды. Вика, так звали дочь хозяйки, за пять лет пребывания в этой стране набрала тряпок на десять лет вперед. Но увы... Самой ей все это носить не пришлось. Если после рождения первого сына Вика оставалась при «девичьей» форме, то после рождения второго сына молодая женщина «разбухла» до неузнаваемости. В итоге все тряпки, по словам тети Вали, были брошены коту под хвост. Дочь вахтерши питала раньше хоть какие-то надежды на похудение. Этой мечтой она еще живет и сейчас.

Закончив монолог о своей дочери, тетя Валя встала на стул и тяжело дыша, сняла с шифоньера большую картонную коробку с женскими туфлями. Только где-то через час женщины сели за стол

«почаевничать». Настроение у молодой гостьи было просто великолепное. Она благодаря строгой тети Вали была одета во все импортное и при том во все модное и современное. Душа девушки «выла» от радости. Сидя за столом и потягивая горячий чай из блюдца с сахаром вприкуску, Кротиха быстро забыла все свои тяготы и скитания, которые ей пришлось перенести за те дни, которые она «отдала» поиску одежды. Пребывание блондинки в гостях у тети Вали затянулось. Пальму первенства в разговоре за столом держала хозяйка. Да и тема разговора у женщины была одна - бедовая жизнь дочери. По словам тети Вали молодая пара от «счастья» попала служить в «дикий край», в котором стоят всего два дома. В одном доме живут офицерские семьи, в другом солдаты. После ГДР у Вики стал пропадать интерес к мужу, который от безысходности стал основательно пить. О месте службы своего зятя хозяйка ничего не сказала. В том, что Вика с мужем живут не в городе, Еву убедили слова тети Вали:

- Она бедняжка живет в какой-то степи.. Днем там жара, на улицу невозможно выйти... Ночью холодно, да и волки воют...

В этот поздний вечер Ева Крот легла спать как никогда радостная. В небольшом платяном шкафу висело ее одеяние: белая короткая юбка, отливающая «позолотой» и белая кофточка с белым пиджаком. И все это было идеально чистое и высшего качества. Внизу в шкафу стояли белые туфли с блестящими застежками. Рядом лежали в маленькой целлофановой упаковке белые женские колготки с рисунком. В эту ночь молодой Кротихе приснился даже сон о том, что она побывала в сказочной стране Германии, где все хорошо живут и где так много красивой одежды...

Погода в воскресенье немного смиротворилась. Она, наверное, пожалела курсантов и их любимых. Термометр, висящий возле подъезда общежития, показывал всего двадцать градусов ниже нуля. Это было ровно в шесть вечера, когда Ева, набросив пальто на плечи, быстро заскочила в такси, которое для нее предварительно заказал Ключкин. Саша с нетерпением ожидал свою подругу и поэтому Еве не пришлось долго ожидать его возле проходной училища. Бал проходил в большой курсантской столовой. Для самих курсантов и для их девушек места было предостаточно. В раздевалке Ева, как и десятки других девушек, стала разглядывать себя в зеркало и в очередной раз себя прихорашивать. Юная Кротиха даже при беглом осмотре своих «соперниц» отметила то, что в большинстве своем она недурна собою, да и ее «шмотки» были богаче и красивее, чем у других. Все это придавала девушке уверенность в себе.

Ровно в семь часов вечера в зале заиграл военный духовой оркестр. С этого момента небольшие стайки девушек, кто смело, а

кто и робко, стали входить в зал. Звонко стуча каблучками своих белых туфель вместе с другими девушками в зал вошла и Ева. Весь зал был залит электрическим светом. Зал в центре был пустой. Курсанты стояли вдоль стен и внимательно наблюдали за теми девушками, которые входили в зал. Еве, наверное, как и другим девушкам, на первых порах было трудно отыскать своего кавалера. Все молодые люди были в одинаковой военной одежде. Однако никто из приглашенных не паниковал. Входящие группки девушек «таяли» на глазах. Неведомо откуда к ним подходили их поклонники в военной форме и уводили своих подруг в заранее облюбованные места.

Незаметно к Еве подошел и Александр Ключкин. Крепко пожав руку девушки и поцеловав ее в щеку, он произнес:

- Ева, ты не бойся нас в военной форме, хоть мы и военные, однако все порядочные ребята. На этих ребят в военной форме можно положиться. Это должны понимать особенно те, кто нас любит и кого мы любим...

Дальше Ключкин не стал философствовать. Сержант отошел от девушки на пару шагов и улыбаясь, спросил:

- Ну как, моя подруга, что ты нового находишь в моей военной форме?

Ева такого вопроса не ожидала. Только сейчас, когда волнение было позади, она увидела то, что Александр, как и его товарищи был одет в новую военную форму. Эта форма была значительно красивее той, в которой она два дня назад видела Ключкина. Новая форма была зеленого цвета и чем-то даже напоминала гражданский костюм. Она очень ладно сидела на Ключкине. На рукаве у ее кавалера были четыре узкие желтые нашивки. На вопрос друга о том, нравится ли ей его новая форма, Ева отвечать не стала. Она улыбаясь, поцеловала Сашу в щеку и сквозь смех прошептала:

- Я думаю, что у меня будет еще достаточно времени впереди для того, чтобы изучить эту новую форму одежды...

Ответ Евы с «намеком» сержанту очень понравился. Он, как и Ева, весело рассмеялся. Курсантский бал для Евы пролетел как один миг. Даже несмотря на то, что девушка ни один танец не умела танцевать, она была нарасхват. Первые два танца Кротиха танцевала с Ключкиным. Во время танцев какого-либо разговора у нее с парнем не получилось. Это было вполне закономерно и объяснимо. Сержант делал все возможное для того, чтобы молодая блондинка хотя бы на «тройку» осилила танец. Партнер успел только сказать своей подруге, что отцы-командиры пожалели «стариков», дав им поносить новую форму одежды на каких-то полгода.

Остальные танцы юная Кротиха «отдавала» себя другим кавалерам, которые были один краше другого. Красивой блондинке

с красивой фигурой и в красивой одежде было очень приятно быть в центре внимания этих молодых и сильных мужчин. Через час после начала бала «официальная» часть мероприятия закончилась. Военный духовой оркестр «сдал» свои полномочия. Уже далеко не молодые музыканты незаметно покинули зал. На смену «старикам» пришел небольшой оркестр из курсантов. Это послужило началу совсем других танцев. Ева никакого понятия не имела и об этих танцах, однако музыка заставляла ее оживленно двигаться и забывать обо всем на свете. Блондинка не была забыта военными и во время этих танцев. И в этом была «виновата» ее красота.

Внешний вид молодой блондинки, ее заразительный смех, искренность делали свое дело. Желающих потанцевать с подружкой «Клюки», так прозывали товарищи сержанта Клюкина, было все больше и больше. Поклонники занимали очередь, чтобы потанцевать с «шоколадной Евой». Саша все это видел, и даже несмотря на то, что остался без подруги на этом бале, всегда махал ей рукой и заразительно смеялся. Курсант сам даже не понимал того, почему он это делал...

Ровно в одиннадцать вечера ведущий бала зычным голосом прокричал на весь зал:

- Внимание! Внимание! Внимание! Сейчас объявляется конкурс на королеву и короля бала. Всех прошу выдвигать кандидатуры на самых красивых и самых привлекательных персон нашего мероприятия. Победителей ждет сюрприз. Заявки подаются только в письменном виде и опускаются в урну для голосования. Справедливое жюри под моим руководством без всяких нарушений определит по вашим голосам самую привлекательную пару курсантского бала. Всех прошу принять самое активное участие...

Дальше голос ведущего трудно было услышать. Раздался мощный шквал аплодисментов и одновременно заиграл оркестр. Молодые пары вновь закружились в танце по залу. Ведущий бала оказался настойчивым организатором. Из числа зевак, наблюдающих за танцующими, он создал жюри из пяти человек. Возле входа в зал была установлена небольшая урна, возле которой сидел «часовой» и бдил за правильностью голосования. На столе, стоящем неподалеку от урны, лежали заранее подготовленные небольшие листочки и авторучки для внесения той или иной кандидатуры. К двенадцати часам ночи ведущий «обнародовал» итоги голосования. К большому изумлению Евы Крот она была определена королевой бала. Королем бала был назван Александр Клюкин.

Еще не успел ведущий огласить результаты конкурса, как четверо курсантов подошли к Еве и усадили ее на стул. Затем же эти молодые люди подняли стул, на котором восседала королева бала и

стали шествовать с ним по периметру зала. Ева, красная как рак от стеснения и от неожиданности, хотела что-то сказать. Однако ее никто не слушал. Мощный шквал аплодисментов, издаваемых десятками мужских и женских рук заглушал лепетание королевы бала. Красивое лицо Евы, испускающее лучи счастья и радости, приумножало эти аплодисменты. Король бала в это время стоял возле стола с урной и также весело смеялся. Через несколько минут торжественное шествие королевы бала закончилось, но ненадолго. Ева неожиданно для себя оказалась на столе с королем бала. Этот стол, словно пушинку, подхватили мощные мужские руки и вынесли его в центр зала при музыкальном сопровождении оркестра.

Если бы кто-то со стороны из гражданских наблюдал за происходящим в этом зале, он невольно бы задержал свой взгляд на этом поистине красивом зрелище. В центре однообразной массы курсантов-краснопогонников, «разбавленных» разноцветием одеяний девушек стояли Ева и Александр. Королеве бала было только семнадцать лет, ее королю исполнилось совсем недавно двадцать два. Он и она весело улыбались и по-детски смотрели друг на друга. Они были счастливы. Военный и его подруга имели право на это счастье, потому что они были молодые и красивые. Организаторы конкурса не забыли и о призе. Ведущий бала торжественно вручил «королевской» паре торт, который весил целых два килограмма.

Только к двум часам ночи такси привезло молодую пару влюбленных к крыльцу общежития. Дежурившая возле вертушки тетя Валя очень обрадовалась тому, когда узнала от Евы о том, что она стала королевой курсантского бала. Ключкин на радостях прямо в вахтерской разрезал приз пополам и одну часть торта отдал женщине. Через десять минут молодая пара сидела за столом в небольшой комнате и уплетала за обе щеки остатки заработанного «приза». Здесь же была осушена и бутылка шампанского, которую Ключкин успел прихватить во время бала у своих друзей. Разговора, как такового, у молодых не получалось. Молодые люди в нем и не нуждались. Глаза влюбленных, светящиеся от счастья, заполняли молчание. Прошедший бал в военном училище был для молодой Евы настоящей находкой. Этот морозный вечер и ночь для молодой блондинки были особенными в ее жизни. Девушка заплакала от счастья, когда Александр подхватил ее на свои руки и понес в постель. Лежащей в постели нравилось все то, что с ней сегодня делал Ключкин. Еве нравилось то, как он ее раздевал и страстно целовал ее нежное и молодое тело. «Королева» на поцелуи и ласки мужчины никак не реагировала. Она и сама этого не понимала. Ей просто очень хотелось того, чтобы ее целовали. Нравилось и все.

Блондинке также нравилась и эта ночь, когда они, словно помешанные, не то люди, не то звери, страстно отдавались друг другу. Эта страсть на какое-то время отключала сознание молодых людей и отсекала их от этого мира с его множеством проблем. Только под утро все это «неземное» закончилось. Александр спал как убитый. Блондинка еще «бодрствовала» и осмысливала то, что вчера и сегодня с ней произошло. Она не была великим философом. Не относила она себя и к простым философам. Лежа в постели в этой маленькой комнате с молодым мужчиной, Кротиха в очередной раз благодарила свою мать и Бога, которые наградили ее естественной красотой. Благодаря этой красоте она стала королевой бала и получила торт, который она еще в своей жизни никогда не кушала. Благодаря этой же красоте она сегодня лежит в постели с таким красивым и молодым парнем, как Александр. С этими мыслями Ева ласково чмокнула спящего в щеку, повернулась на бок и крепко заснула...

Еве спать долго не пришлось. Девушку разбудил сильный стук в дверь. Сначала она подумала о том, что ее кто-то во сне будит. Стук был наяву и он повторился несколько раз. Ева посмотрела на будильник. Часы показывали начало двенадцатого дня. Приоткинув одеяло и приподняв голову, хозяйка комнаты стала выжидать дальнейших действий от того, кто так настойчиво стучался в дверь. Клюкин крепко спал и поэтому Кротихе не хотелось того, чтобы кто-то из посторонних его разбудил. Стук в дверь повторился. Он был еще сильнее и настойчивее, чем предыдущие. Еве неспеша и осторожно подошла к двери и прислушалась. За дверью раздался занудистый голос тети Нади, вахтерши проходной:

- Евочка, Кротик мой, выручайте меня. Курсантик милый, помощи пожалуйста. Я бы Вас не тревожила, да вот они, окаянные, людям отдыхать не дают. Я бы милицию вызвала, да она от них сама сторониться...

Дальше Ева слушать занудистый голос женщины не стала и приоткрыла немного дверь. Тетя Надя была явно не в духе. «Стрельнув» глазами в комнату и увидев в постели спящего Александра, женщина перешла на шепот:

- Девонька моя, я бы хотела чтобы твой касатик мне помог справиться с одной женщиной. Она у нас совсем недавно поселилась с ребеночком. Вредная она у нас... Сама не работает, постоянно пьет, да и сожителей водит... Я сейчас подходила к двери их комнаты... Внутри комнаты слышится дотошный плач ребенка. Я пробывала дверь открыть своим ключом, однако не получается...

Через десять минут после того, как Ева и Александр привели себя в порядок, они пошли к вертушке. Поднялись на пятый этаж, там жила «плохая» женщина. В ее комнате ничего не изменилось,

ребенок то громко плакал, то затихал. Очередная попытка тети Нади открыть дверь своим ключом успехом не увенчалась. Было ясно, что дверь изнутри закрыли на ключ. На призывы вахтерши изнутри никто не реагировал. Ключину пришлось с согласия тети Нади открывать дверь силой. Сильному парню это сделать большого труда не стоило. Он резко ударил плечом дверь и та мгновенно открылась. Все ахнули, когда увидели перед собою бесплатный стрептиз. Прямо на полу на матраце лежали мужчина и женщина, и занимались любовью. Еву поразила нечистоплотность тех, кто лежал на полу. Мужчина был заросший и пьяный. Половой партнер лежал на женщине и «мелькал» белой задницей. Он был голый, за исключением ног, на которых были надеты черные носки с дырками, через которые проглядывали его немытые мозолистые пятки.

Не блистала чистотой и женщина, которая, лежа под мужчиной, временами тихо ойкала. Раздался детский плач, вошедшие «переключили» свое внимание на ребенка. Они все были поражены тем, что увидели. Трех-четырёхгодовалый ребенок, связанный бечевкой для вешания белья, лежал в маленькой кроватке, он был голый. Неоднократные попытки мальчика освободиться от веревки привели к тому, что его живот и грудь были в ссадинах. Каждый из вошедших пришел к неутешительному заключению. Взрослые люди связали ребенка, чтобы тот не мешал им удовлетворять половые потребности. Ева и Александр воспитанием взрослых людей не стали заниматься, они быстро покинули комнату. Во время спуска по лестнице вниз молодая пара услышала властный голос вахтерши, который раздавался из «стрептизной» комнаты. Она просила жильцов сиеминутно покинуть общежитие. Что дальше было в этой комнате и что произошло потом с «плохой» женщиной и ее ребенком, молодых уже все это не интересовало.

Ева, после того как они немного покушали и вновь оказались в постели, нежно поцеловав Александра в губы, тихо произнесла:

- Сашенька! Я честно говоря, не хотела бы видеть свое будущее как у этих людей. Мне очень хочется то, чтобы мой будущий муж имел деньги и немного пил. Я также хочу, чтобы он всегда пах «Шипром»...

Клюкин весело засмеялся и отреагировал на философское рассуждение девушки чисто по-военному. Он приложил руку к голове, и будто отдавая честь большому начальнику, громко произнес:

- Товарищ начальница, Ваше приказание будет выполнено беспрекословно, точно и в срок....

Сержант Клюкин в училище вернулся утром в понедельник.

За прошедшую ночь два молодых человека признались друг другу в любви и решили пожениться. Свадьбу было решено сыграть на родине Клюкина. Время торопило молодых людей. Через полгода сержант Клюкин должен был получить первичное воинское звание «лейтенант» и поехать служить туда, куда прикажет Родина...

В феврале месяце для Клюкина наступили каникулы, последние перед выпуском. Молодые люди эти каникулы решили использовать для «утряски» их будущей свадьбы. Ева также пошла в отпуск. Родители Александра Клюкина жили недалеко от Ктомска в деревне с чисто русским названием Шумиловка. Название населенного пункта произошло от маленькой речки Шума, которая здесь брала свое начало. До Водяного, в котором совсем еще недавно жила Кротиха, было не слишком и далеко...

Родители Клюкина блондинке очень понравились. Каких-либо больших руководящих постов они в деревне не занимали. Отец и мать курсанта работали на ферме. Сама Ева также чувствовала то, что и она, как невеста и как будущая жена их сына, родителям Клюкина также понравилась. Взаимная симпатия родителей и детей придавала друг другу силы и надежды. Молодая пара успела также побывать у многочисленной родни жениха. О том, что Санька Клюкин привез к себе в деревню очень красивую невесту и в последнюю субботу июля у них состоится свадьба, деревня узнала мгновенно. Да и никто из организаторов свадьбы из этого никакого секрета не делал. Это было и невозможно сделать. Вся Шумиловка, насчитывающая в себе около пятидесяти дворов, не только знала о свадьбе, но и на «законных» основаниях должна была готовиться к этому пиршеству. Две третьих жителей деревни находились в тех или иных родственных отношениях с родителями Александра Клюкина. Молодые через пару дней решили вернуться в Молихов и остаток отпуска провели в городе, здесь время напрасно не теряли. Они, еще не имеющие никакого понятия о том, где будут находиться через полгода, быстрыми темпами «наверстывали» культурную программу. Влюбленные ходили в кино, посетили оперный театр и театр оперетты. Были и в цирке, успели побывать в местном краеведческом музее. Все эти культурные «вылазки» радовали молодых, в первую очередь Еву. Посещение различных культурных мероприятий и заведений, как ей казалось, переносило ее в иной мир, который доселе молодой девушке был недостижим. Несмотря на напряженный ритм курсантской жизни и подготовку к государственным экзаменам, Клюкин довольно часто приходил к Еве и оставался ночевать. До поздней ночи молодая парочка обсуждала содержание того или иного кинофильма, или театральной постановки. Молодые обсуждали не только содержание культурных мероприятий.

Все больше и больше в их разговоре актуальным становилось будущее место службы Клюкина. От всевозможной информации по этому поводу у Евы иногда уши «вяли». Распределение выпускников становилось самой актуальной темой разговора не только у будущих офицеров и их подруг, но и у тех, кто вообще не нюхал пороха и не ел солдатской каши. В орбиту всевозможных небылиц и домыслов втягивались и многие горожане. Был «осведомлен» о распределении молодых офицеров и директор «Тополька», который однажды «прыснул» молодой продавщице о том, что этот выпуск офицеров полностью направляется в Забайкальский военный округ, так как на советско-китайской границе очень тревожно и очень опасно. Подливал огонь и грузчик Николай. «Козел пьяный» довольно часто под «мухой» подходил к прилавку Евы и начинал ныть о своей службе в ЗабВО, где он когда-то служил военным водителем. Еще относительно молодой мужчина со смаком плакался о том, что в этих местах ничего путного нет, кроме жары, да каких-то драбаганов, бегающих денно и нощно по степи. Вполне возможная «цивилизация» будущего очень пугала молодую девушку. Она довольно часто делилась своими мыслями об этом с Клюкиным. Тот был большим оптимистом. Сержант, выслушав Еву, начинал рассказывать девушке «байки» о своей солдатской службе. Затем он все это дополнял фактами из аналогичной службы офицеров-преподавателей своего училища. Любой разговор на эту тему Клюкин завершал очень оптимистично. Даже в степях Забайкалья молодой паре будет не очень и плохо. Через пару лет лейтенант получит роту, еще через пару лет батальон. Потом у молодого офицера будет реальная возможность поступить в военную академию в Москве...

Санька Клюкин государственные экзамены сдал успешно. Да и распределение получил не в степи Забайкалья и не в Москву, а в Группу советских войск в Германии. Ева, стоящая на плацу, с замиранием сердца ждала приказа о распределении лейтенанта Клюкина. Она радостно вскрикнула в большой толпе гражданских, когда убеленный сединой генерал зачитал приказ министра обороны о присвоении первичного воинского звания «лейтенант» сержанту Клюкину и о том, что он направляется для дальнейшего прохождения службы в ГСВГ. Был рад своему распределению и лейтенант Клюкин. Он, сияющий от радости, сразу же после своего последнего построения на плацу, подошел к Еве и поцеловал ее. Блондинка, ответив на поцелуй мужчины, заплакала. В этот вечер офицер и его невеста были по-особому счастливы. Молодая парочка, сидя в небольшой комнате «общаги», строила поистине громадные планы. Молодой офицер тешил себя мечтами на быстрое восхождение по военной лестнице вплоть до генерала. Его молодая

невеста и законная жена, правда только через месяц, мечтала о безоблачной жизни и цивилизации в социалистической Германии.

На «ура» прошел для молодой пары и прощальный вечер курсантского взвода, где вчерашний курсант и новоиспеченный лейтенант Клюкин «протрубил» целых четыре года. Молодые офицеры со своими невестами, а кто уже и с женами, собрались на прощальную встречу в ресторане, расположенном на берегу реки. Шампанское лилось рекой, тосты произносились по любому поводу. Ева была от счастья на седьмом небе. Ей на этом вечере нравились все, кто был в офицерской форме. Больше всех, конечно, ей нравился лейтенант Клюкин, который буквально «носил» ее на руках во время танцев. Блондинке нравилась и эта музыка, и этот оркестр, и эти длинноволосые музыканты во главе с плешивым старичком. Кротиха заразительно смеялась и тому, как двадцать пять молодых мужчин налили себе по полному стакану водки, и положив в него по две маленькие звездочки, залпом его осушили. Этот ритуал офицерской жизни Еве особенно понравился. Она была счастлива еще и потому, что после «офицерского стакана» Клюкин стал разговорчивее и нежнее относиться к своей невесте.

Основной темой разговора у участников торжества была предстоящая служба. Ева, как и остальные юные участницы банкета, оказалась в курсе событий, чем жили новоиспеченные молодые офицеры. Оказалось то, что Клюкин только один из взвода был направлен за границу. Остальные его сокашники получили распределение в приграничные округа. Кое-кто из «внутренних» после спиртного стал даже кичиться тем, что на Китае можно быстрее сделать карьеру, чем в ГСВГ. Это подтвердил и командир курсантского взвода капитан Акынов. Он, как холостяк, три года прокомандовал взводом за границей и сейчас такой же взводный в училище. Опытный офицер ныл о том, что его сослуживцы на китайской границе через три-пять лет стали командирами батальонов, причем некоторые даже без академии. Ева из этого нытья себе много в голову не брала. Ей, как гражданскому лицу, да и будущей жене офицера, все равно почему-то хотелось ехать за «бугор», а не ходить среди какой-то пустыни или кормить стаи комаров в какой-то тайге, даже будучи и женой полковника.

На следующее утро лейтенант Клюкин пошел в училище для получения документов. Ева за время его отсутствия убрала в комнате и приготовила на стол. Александр пришел в общежитие ровно в двенадцать. Мужчина пришел несколько смущенный и расстроенный. Нервное состояние вошедшего Ева сразу же заметила. Не успел ее Клюкин еще и нежно поцеловать, как она, посмотрев пристально ему в глаза, тревожно спросила:

- Санечка, ты чем-то расстроен? Ведь все у нас в порядке?... Дальше ей что-либо говорить или спрашивать Клюкин просто не дал. Набрав побольше воздуха в свои легкие, он с волнением произнес:

- Евушка, ты знаешь, я сегодня был в училище и пропросился в ЗабВО. Я думаю то, что это будет лучше для нашей жизненной перспективы...

Произнеся эти слова, молодой мужчина со страхом посмотрел на блондинку. Для Кротихи сообщение Клюкина было полнейшей неожиданностью. Она сейчас не понимала своего будущего мужа, который только вчера говорил ей о высокой культуре немцев. Ева на сногшибательное известие лейтенанта никак не реагировала.

Красивая блондинка стояла и молчала. Только слезы катились из ее глаз. За целый день и ночь Кротиха не произнесла ни одного слова. Она на это время, как казалось Клюкину, для него умерла. Молодой офицер, стараясь оправдать свое решение перед красивой девушкой, все говорил и говорил. Александр держал своеобразный монолог перед своей подругой жизни. Он ссылаясь на то, что он уже и так потерял два года, будучи в армии, и это может в значительной мере «стопорнуть» его карьеру. Санька Клюкин несколько раз раскладывал всю свою службу по полочкам и заверял Еву в том, что через год, в крайнем случае, через два, он на Китае получит роту и поступит в военную академию...

Ева молча «переваривала» в своих мозгах все то, что преподносил на словах ее жених. Она все молчала и все думала. Блондинка верила и не верила в полководческие способности Клюкина. В случае сомнения ей сразу же приходили в голову «прелести» приграницы, о которых когда-то рассказывал Колесников. Да и не только он один. Когда Ева была на стороне своего жениха, то она с удовольствием вспоминала приятные отрывки из кинофильмов, в которых показывалась красивая форма советских генералов. И ей очень хотелось на это время стать женой генерала Клюкина. Молодая женщина, еще несведущая в военной жизни, в то же время уже не хотела ютиться в полусгнивших казармах и быть раздетой до «наготы» глазами солдат и прапорщиков.

Каких-либо кардинальных решений в своих отношениях с Клюкиным Ева принимать не стала. Расставаться с молодым парнем ей сейчас не хотелось, так как она еще никакого понятия о жизни офицеров и их жен не имела. Все минусы и плюсы об этом девушка решила близко к сердцу не брать. Она и сама еще не знала того, как сложится жизнь лейтенанта Клюкина, да и ее самой с этим молодым человеком через день, через год. Эта неопределенность в будущей жизни каким-то образом скрашивала решение Клюкина

изменить свое место службы. В душе молодой девушки теплился огонек надежды на то, что ее жениху повезет со службой и он добьется своих целей.

Через два дня Ева пошла к директору магазина и попросила у него отпуск по семейным обстоятельствам. Иван Иванович Багдасарян, узнав истинную причину отпуска, горячо поздравил молодую продавщицу с предстоящим браком и «определил» ей отпуск на десять дней. Через полчаса Ева получила также премию за высокие производственные показатели в сумме десяти рублей. Коллеги по работе подарили молодой продавщице большого медвежонка.

Рано утром следующего дня лейтенант Клюкин с большим баулом, в котором находилась его всевозможная военная форма, был уже на автовокзале. Ева, стуча по грязному асфальту каблуками своих туфель, шла неподалеку от военного и несла дамскую сумочку. В ее сумочке было два денежных оклада лейтенанта Клюкина. С этим капиталом молодые люди намеревались начинать новую жизнь. Блондинка, бросая взгляды на своего жениха, нисколько не сомневалась в том, что он все равно станет генералом и она ему в этом поможет.

В деревне Шумиловке практически все селяне готовились к свадьбе. Они были очень рады тому, когда где-то около обеда из автобуса вышли двое: ослепительной красоты блондинка и молодой лейтенант, до «отказа» нагруженный. Клюкин под тяжестью мешка основательно потел, однако не хотел показывать своим видом селянам насколько был тяжел его «баул», набитый формой и книгами, необходимыми для будущей службы. До позднего вечера засиделось семейство Клюкиных за праздничным столом. Родители молодого офицера наперебой рассказывали сыну о подготовке к свадьбе. Она шла полным ходом. Каких либо задержек или проблем на этом пути не было и не предвиделось. Кое-что привезли для торжественного мероприятия и молодые. Александр решил быть на предстоящей свадьбе в военной форме. Ева похвалилась родителям жениха своим подвенечным платьем, которое она сшила у знакомой портнихи. Мать лейтенанта на радостях даже немного всплакнула. У невесты не было родителей и родственников, и поэтому было решено играть свадьбу на одной стороне, на стороне жениха. Все денежные расходы этого мероприятия ложились на плечи жениха и его родителей. Было также решено и то, что Ева до свадьбы проживет в районной гостинице. На временном «членораздельном» проживании молодых упорно настаивала бабушка жениха. Она была очень набожной женщиной и хотела соблюсти все премудрости земной и христианской жизни. Молодые в принципе не были против этого. Любимый внук бабы Афросиньи решил не

перечить старой женщине. До свадьбы, тем более, оставалось всего пять дней....

Вечером молодые пошли в деревенский клуб. Клюкин решил не только посмотреть художественный фильм, но и показать себя в новой офицерской форме. Клуб представлял собой очень ветхое деревянное строение. Посредине небольшого зала стояло несколько примитивных скамеек из березовых досок. Такие же скамейки стояли и вдоль стен. Селяне, которые были в клубе, считали своим долгом поздороваться с молодым офицером. Кое-кто из мужчин даже умудрялся пускать не столь обидные остроты в адрес молодой и красивой невесты своего односельчанина. Ева на эти остроты не отвечала и не обижалась. Она иногда весело смеялась, глядя то на своего жениха, то на того, кто «выпустил» вполне уместную шутку. Фильм молодым не понравился не столько из-за содержания, а сколько из-за качества демонстрации. Кинопленка фильма была некачественной и поэтому его демонстрация несколько раз прерывалась. Зрители в тот момент дружно свистели, кое-кто даже и матерился. В эту ночь ни Ева, ни Александр не спали. Они неспеша бродили по деревне и рассуждали о предстоящей свадьбе. Рассвет в эту теплую ночь двое молодых людей встретили у костра в саду школы, в которой когда-то учился Санька Клюкин. Каждый из них в эту ночь строил планы только на совместную и счастливую жизнь. В эту ночь небо было настолько звездным, что можно было четко различать деревья в школьном саду. Ева и Александр смотрели на звезды и мечтали о своем прекрасном будущем. В том, что оно будет безоблачным, как небо в эту ночь, никто из них не сомневался...

Этим же утром Санька Клюкин отвез свою невесту на мотоцикле в районную гостиницу, которая находилась в тридцати километрах от деревни. Мест в полусгнившей деревянной гостинице было хоть отбавляй. Большими удобствами гостиница районного масштаба не блистала. Администраторша поселила Еву Крот в небольшую отдельную комнату. После оформления всех бумаг необходимых для проживания, молодые поехали по магазинам районного центра подкупить Еве немного продуктов питания. На первом этаже гостиницы был небольшой буфет. Между молодыми было решено и то, что Александр будет приезжать к Еве каждый день.

Первую ночь в гостинице Ева прожила роскошно. В десять часов вечера, как только Клюкин на своем мотоцикле покинул гостиницу, оставив свою любимую для временного проживания, Ева с удовольствием легла в постель. Она лежала в постели и слушала местное радио. После этого она вышла во двор гостиницы подышать свежим воздухом, так как погода была отменная.

Любителей свежего воздуха оказалось не так уже и мало. Около десятка человек сидели на скамеечках в небольшом садике и о чем-то разговаривали. Отыскав глазами свободную скамейку, присела и Ева. Девушка в принципе не о чем не думала. Она просто сидела и лениво наблюдала за происходящим вокруг. Иногда она прислушивалась к содержанию разговора, который вели две пожилые женщины, сидящие на противоположной скамейке. Женщины говорили о каких-то водозаборных устройствах, что блондинку явно не интересовало. Блондинка сразу поняла то, что женщины находятся в командировке и даже здесь на свежем воздухе продолжают обсуждать свои служебные проблемы.

Блондинка на какое-то время закрыла глаза и стала глубоко дышать свежим воздухом. В деревенской глубинке воздух был намного чище и «сытнее».

Во время воздушной «процедуры» возле уха Евы раздался уверенный мужской голос:

- Девушка, а к Вам можно подсесть? А то все остальные места в парке заняты...

Ева, не открывая глаза, также уверенно произнесла:

- Пожалуйста, садитесь. На этой скамейке места достаточно...

Кротиха сидела с закрытыми глазами минут пять. Вскоре ей надоело сидеть в «потемках» и она открыла глаза. Сделав это, блондинка сразу же повернулась в сторону сидящего незнакомца.

Ее соседом по скамейке оказался молодой военный, прапорщик. Ева благодаря Клюкину научилась четко определять воинские звания. Блондинка, мельком взглянув на прапорщика, про себя отметила о том, что он недурен собой. Дальше рассматривать незнакомца в военной форме она посчитала делом неприличным.

Прапорщик оказался довольно смелым, возможно, даже и чуть-чуть нагловатым человеком. Он, как только Ева открыла глаза и повернула свою голову в его сторону, с радостью произнес:

- Боже мой, какие красивые девушки в этой глуши... Я даже не думал и не знал об этом... Надо будет мне чаще ездить из европейской цивилизации в эти деревни. Чем черт не шутит, возможно, я здесь найду себе боевую подругу...

Увидев не то удивленный, не то «заинтересованный» взгляд к своей персоне незнакомой блондинки, прапорщик уже более уверенно продолжил:

- Я бы хотел представиться такой очаровательной блондинке. Меня зовут Игорь, фамилия Кузьмин. Однако мое гражданское лицо скрыто под военной одеждой. Одним словом, я также гвардии прапорщик. Я также боевой вояка, он же командир взвода из самой мощной группировки советских войск, которая находится в ГДР...

Последнее слово прапорщик почему-то произнес нарастяжку и с каким-то самодовольствием. Затем прапорщик не то шутя, не то серьезно, произнес пару предложений на немецком языке. Ева содержание сказанного не поняла. Однако этот немецкий с русским акцентом очень рассмешил молодую блондинку. Она заразительно засмеялась. Рассмеялся и военный. Никто из них не сомневался в том, что обоюдный смех был своего рода «передышкой» для того, чтобы рассмотреть друг друга поближе. Еве очень понравилось то, что незнакомый военный так решительно и с таким напором вступил с ней в разговор. В этом мимолетном знакомстве она почувствовала мужскую силу, а может даже в какой-то степени и наглость. Надвигающаяся темнота для Евы служила своего рода подспорьем для того, чтобы лучше разглядеть этого «вояку». На вид прапорщик был очень мощный мужчина. Лицо мужчины чем-то напоминало физиономию мясника из «Тополька», который не нравился продавщице мороженого. Этот же военный уродом не был, не был он и красавцем. Полукруглое лицо с коротким толстым носом и толстыми губами никак не гармонировали с густой черной шевелюрой. Волосы у прапорщика были очень густые, скорее всего, даже и упругими. Кое-где в этой копне проскальзывали седые волосы.

Рассматривал свою незнакомку и военный. Рассматривал без всякого стеснения, открыто, даже с какой-то страстью. Кузьмину очень нравилась молодая и стройная блондинка. Ему нравился ее спортивный костюм с двумя белыми полосами на брюках, которые плотно облегали длинные ноги девушки. Он безума был и от ее лица, особенно красиво остриженных белых волос. Прапорщик мысленно воспроизвел за какие-то доли секунды всех тех женщин, с которыми он когда-то переспал. И его сердце учащенно стало биться. Он никогда раньше в своей жизни не видел такой женской красоты, какой обладала эта блондинка из этой сибирской глуши.

За какие-то секунды он успел ее несколько раз «раздеть» и «одеть», и представить с каким бы удовольствием он переспал с этой девушкой. Для этого, как считал Игорь Кузьмин, у него было все. У него сейчас был полный карман денег, хоть и не слишком полный, но для этой блондинки хватит. Он к тому же доподлинно знал, что в такой глубинке и в таких гостиницах женщины намного податливее, чем городские...

Страстные мечтания прапорщика перебила Ева, которая почему-то почувствовала в военном близкого человека. Нет, в этот момент она не забывала об Александре Клюкине. Он продолжал быть для нее самым родным и близким человеком. Ей хотелось поговорить с этим прапорщиком не для поиска каких-либо приключений, а просто так, чтобы взять больше информации из

армейской жизни. Желание девушки поговорить с незнакомым мужчиной по душам, было вызвано еще и тем, что Игорь Кузьмин был из ГДР. Она надеялась, что более полная информация о службе офицеров за границей поможет ей и Клюкину как-то морально подготовиться к радостям и трудностям будущей жизни.

Закончив «обозрение» прапорщика, Ева, недолго думая, произнесла:

- Товарищ прапорщик, мне очень приятно с Вами познакомиться. Мой муж тоже офицер... Я же являюсь его женой... – Несколько смутившись, блондинка продолжила. - Честно говоря, я пока невеста, но через неделю у нас будет свадьба. Мы едем в Забайкальский военный округ, я знаю там плохо... Мой лейтенант Клюкин сказал о том, что из этой дыры даже лучше попасть за границу, да и карьера лучше...

Дальнейшие рассуждения Евы о прелестях военной службы в «дыре» Кузьмин прервал. Он очень громко засмеялся. На его смех даже прореагировали двое молодых ребят, собирающихся идти спать в гостиницу. Они остановились и с каким-то недоумением смотрели на прапорщика, который по-дикому смеялся. Смех прапорщика на какой-то миг разочаровал и Еву. Она с безразличием смотрела на физиономию военного. В данный момент он ее даже раздражал, притом и очень сильно. В первую очередь девушку раздражали кривые и прокуренные зубы молодого человека в военной форме. Кузьмин, невзирая на людей, почему-то все смеялся и смеялся. Это «зубоскальство» усиливало у Евы отвращение к незнакомому человеку.

Кузьмин, понимая, наверное, никчемность своего «зубоскальства», на какое-то время приумолк. Затем, бросив пристальный взгляд на блондинку, очень серьезно произнес:

- Эх, моя красавица, пять лет назад таким же желторотиком был и я. Я правда военного училища не заканчивал, но военную службу прошел не по учебникам. Меня учили всему по-немножку, как и твоего лейтенанта.... Я верил всему, что говорили старшие по званию и по возрасту. Три года солдатом отслужил в том же крае, где и ты со своим милым собираешься служить. Ничего в этой дыре я путного не видел, кроме песков да морозов. После службы строил большие планы на предстоящую гражданку, но увы... Решил податься в прапорщики. Карьеры, как ты видишь, я большой не сделал, кроме седых волос на моей голове. Они и есть моя карьера, моя зарубинка из армейской жизни...

Сказав это, прапорщик протянул свою правую руку к своей шевелюре и потом с грустью произнес:

- Благо за рубежом есть такие краски, которые могут скрыть нашу седины. У многих наших братьев по форме появляется ранняя

седина, да не только она. Сколько слез проливают в степях Забайкалья или в пустынях офицерские жены и их дети...

На какое-то время военный замолк, наверное, намечал в своей голове рассказать деревенской девушке наиболее интересные моменты из своей армейской жизни. Опустившаяся на землю темнота уже не позволяла Еве видеть четко лицо прапорщика. Молчание Кузьмина продолжительным не было. Неожиданно для блондинки он встал со скамеечки и шепотом произнес:

- Девушка, я понял то, что Вы очень интересуетесь офицерской жизнью. Я могу кое-какую информацию о «вояках» тебе дать, если ты не против того, чтобы мы все это обсудили в ресторане. Он здесь совсем недалеко, Я там вчера был вечером, кое-что из еды мне в этой забегаловке даже очень понравилось. Ну, что? Решай боевая подруга молодого лейтенанта...

Ева не ожидала такого разворота событий в первый же для нее вечер в гостинице. Она хотела решительно отказаться от приглашения военного. Это решение в ту же секунду предотвратил ее собеседник. Он осторожно взял руку девушки и крепко ее сжав, уверенно произнес:

- Я даю Вам честное слово в том, что я сам тебя не обижу и никому не позволю тебя обидеть...

Эти слова знакомого напрочь рассеяли сомнения Евы в непорядочности прапорщика. Она, ощущая свою руку в сильной ладони мужчины, весело засмеялась и сказала:

- Ну, что же, товарищ прапорщик, можно и сходить...

Небольшой двухэтажный ресторанчик и вправду находился недалеко от гостиницы, в метрах пятистах. На втором этаже посетителей не было. От безделья мучились и двое официантов, которые играли в бильярд и все время почему-то громко смеялись. Кузьмин, как и подобает кавалеру, уверенно провел Еву в зал и посадил ее за столик в самом углу помещения. Через несколько мгновений подбежал официант, неказистый мужчина лет сорока пяти. Еву даже на какое-то мгновение рассмешило его подобострастное «расшаркивание» перед прапорщиком. Мужчина неизвестно почему все время махал маленьким полотенцем перед Кузьминым и заискивающее отвечал на грубый голос военного. Из этого подобострастия официанта Ева поняла, что военные в этом ресторане бывают очень редко. Кузьмин на закуску не поскупился. Он также заказал бутылку шампанского, бутылку водки, две бутылки лимонада. Трапезничали они неспеша.

Во время трапезы Ева очень многое узнала из личной жизни офицеров. И не только это. Игорь кое-что рассказал девушке и о своей личной жизни. После десятилетки его направили в ЗабВО, где он прослужил солдатом три года. По словам прапорщика он служил

в тех местах, где даже не было возможности смотреть «телек». Деньги по словам Кузьмина у молодых офицеров были, но на них негде было что-либо купить. Кое-кто из советских «капиталистов» этими бумажками оклеивал стены комнат в офицерском общежитии. Практически все офицеры, за редким исключением, были холостые или вели холостяцкий образ жизни. Число последних возрастало летом, когда офицерские жены с детьми уезжали на родину. Кое-кто из них назад не возвращался по причине пьянства мужа или суровых условий его службы, не возвращался никогда. «Салаги» с маленькими звездочками поисками подруг жизни себя не утруждали, зная о том, что суровые степи не для нежных и красивых женщин.

Ева, несмотря на то, что шампанское начинало «гулять» в ее голове, внимательно слушала своего собеседника. Прокручивая в своей голове все «прелести» военной службы в Забайкалье, она убеждалась все больше и больше в том, что ее Клюкин сделал грубейшую ошибку в своей жизни. И за эту ошибку обязана рассчитываться, вполне возможно, и всю свою жизнь, Ева Крот, которая через неделю должна стать его женой. От этой страшной мысли девушке становилось не по себе. Занятая «разборками» своего горя, блондинка уже без всякого внимания слушала Кузьмина. У нее пропало также желание задавать прапорщику все новые и новые вопросы. За разговором Кротиха заметила то, что ее собеседник довольно много пьет спиртного. Он уже опустошил целую бутылку водки и заказал еще одну.

Раскрыв очередную бутылку, мужчина налил немного водки в рюмку, и, чувствуя на себе очень пристальный взгляд юной женщины, громко произнес:

- Эх, моя Ева, где наша не пропадала, но никогда не надо падать духом, Надо жить, как тебе бы не было плохо... Лишь бы наш мотор стучал... Наш мотор интернационалист. Он стучит в ГДР, стучит и в сибирской глуши... Главное то, чтобы он у нас побольше постучал... Стучал и у меня, Игоря...

После этого, он привстал и сильно ударив своим кулаком в грудь, слегка чмокнул собеседницу в щечку. Затем, слегка ухмыльнувшись, мужчина залпом выпил жидкость, которой была наполнена рюмка. Сделав это, военный с наслаждением крякнул и медленно опустился на стул. Кузьмин, насадив на вилку малосольный огурец, со вкусом стал его жевать. Ева, также немного выпив шампанского, стала кушать соленые грибы со сметаной. Каждый из них внимательно смотрел на стол и продолжал кушать, как бы показывая своим видом важность того, что они обоим так с усердием делали. Игорь, закончив с огурцом, пристально посмотрел на свою собеседницу и в упор ее спросил:

- Милая красавица, скажи мне, пожалуйста, а твой любимый имеет хоть что-то за спиной? Ведь в Советской Армии не обязательно блистать умом, здесь, порою, ух каким ушлым надо быть...

Ева не поняла вопрос прапорщика. Ей сейчас даже казалось то, что он явно «переборщил» со спиртным. Она на какое-то время уставилась на него, словно на умалишенного. Кузьмин, в свою очередь, уловил недоумение молодой блондинки решил «помочь» ей дальше:

- Я вижу то, что молодая подруга лейтенанта еще не освоила азы армейской жизни. И это очень плохо. Советская Армия наяву не та, что показывают по телику или пишут в книгах. Далеко не то и не та. Если у твоего «литера» нет за спиной престижных родителей или престижной жены, то ему легче и скорее слетать в космос, чем стать генералом. Да и из Забайкалья выбраться ой как трудно, даже несмотря на то, что он имеет такую красивую невесту...

Только сейчас Ева поняла намек полупьяного прапорщика. Из глаз девушки покатались слезы. Нет, она плакала не от шампанского или от той военной «науки», которую ей преподавал около часа мужчина. Ей было обидно за то, что Клюкин, словно наивный мальчишка, ради утопической карьеры решил ехать на китайскую границу. Еве сейчас даже не хотелось жить, когда она представила палящее солнце, расплавляющее асфальт, и себя, сидящую в небольшой квартирке, в ожидании мужа.

Нахлынувшие слезы девушки отрезвляюще подействовали на рассказчика. Он решил сменить «пластинку» своих воспоминаний. Буквально через несколько мгновений прапорщик Кузьмин стал с упоением рассказывать Еве уже о хорошей жизни в ГСВГ. Он уместно и умело рассказал девушке два анекдота из армейской жизни, содержание которых рассмешило Еву...

Только во втором часу ночи прапорщик и молодая блондинка вышли из ресторана. Неказистый официант тот час же поспешил закрыть дверь питейного заведения на замок. На улице не было ни души. С раздвоенным чувством Ева вышла из ресторана. На душе ее уже не так скребли кошки по предстоящим испытаниям, которые ожидали ее с Клюкиным. Она изредка со стороны смотрела на высокого и мощного военного, и даже немного ему завидовала, потому, что он служит в Германии. Идя с ним по улице Ева с какой-то симпатией относилась к этому мужчине. Она восхищалась тем, что ему удалось «выползти» из Забайкалья благодаря взятке, которую он дал начальнику отделов кадров. Подполковник взял деньги у прапорщика, даже невзирая на то, что вчерашний сержант всего-навсего как год назад стал прапорщиком и имел довольно низкий денежный оклад. Ева, идя по улице небольшого районного

центра, с каждым шагом ощущала прилив нежности к этому мужчине. У нее, как казалось самой блондинке, даже по-особому светились глаза...

Прилив женских чувств к себе у девушки, пусть даже временный, пусть даже в какой-то степени вызванный шмапанским, заметил и Кузьмин. Он, немного пошатываясь от спиртного, то и дело бросал страстные взгляды в стороны невесты молодого лейтенанта и все о чем-то думал. Перед самой гостиницей, прямо перед ее входом, военный ловко подхватил Еву на руки и крепко ее поцеловал. Этот поцелуй для молодой девушки был даже не столь и неожиданным. Ей почему-то хотелось поцелуя от этого могучего мужчины. Она не вырывалась из его рук и не била руками в лицо этому постепенно пьянеющему молодому человеку в форме советского прапорщика. Блондинка на поцелуй военного не ответила. Ей было очень удобно «лежать» с закрытыми глазами в руках богатыря. Прапорщик Кузьмин нес девушку на руках до своей комнаты. Он даже не затруднил себя открывать ключом дверь своей комнаты. Легкая дверь, словно пушинка, была «открыта» мощным туловищем Игоря.

Кузьмин раздел Еву очень искусно, что она не заметила как оказалась голой. Сквозь пьяную пелену, которая все больше и больше «окутывала» голову молодой блондинки, она чувствовала силу этого еще далеко не старого мужчины, который во время полового акта просто-напросто «припечатывал» ее к постели. Постель почему-то скрипела как несмазанная телега. Еве иногда казалось, что панцирная сетка кровати вот-вот провалится и они окажутся на полу. Однако это не случалось. Красивая блондинка, страстно отвечала на поцелуи мужчины и ласково иногда гладила на голове его черные волосы. Она также частенько принюхивалась к запаху тела своего любовника. Кротике казалось то, что оно «дышит» смесью запахов трав сурового Забайкалья и одеколona из чудесной страны, которая называется Германией. И она этому очень радовалась. Блондинка радовалась и тому, что она, как женщина, была с избытком удовлетворена новым партнером. С этими приятными чувствами Ева блаженно закрыла глаза и крепко заснула...

Клюкин приехал к своей невесте ровно в десять утра, как они и договаривались. Блондинка еще лежала в постели в своей комнате и внимательно слушала местное радио. Каких-либо мыслей в ее голове не было. Девушку не только немного подташнивало, но и во всем ее теле «гуляла» усталость. Скорее всего, это было последствие вчерашнего застолья с прапорщиком. Вполне возможно, о себе давала знать и бессонная ночь.

Клюкин влетел в комнату, как метеор, и сразу же стал целовать

Кротику. Затем быстро разделся и нырнул под ее одеяло. Невеста страстным поцелуем своего будущего мужа не сопротивлялась и только очень лениво на них отвечала... После того, как Александр обессиленный и счастливый свалился с блондинки и прижался к ее груди, он стал докладывать девушке о состоянии дел на свадебном «фронте». Ева, даже пропуская значительную часть информации мимо своих ушей, понимала то, что его родственники делают все возможное для успешного проведения торжества. Санька сказал и о том, что сейчас все Клюкины ищут машину для молодоженов, хотят найти новую «Волгу» белого цвета. Ева с улыбкой слушала своего жениха и все время ему поддакивала. Клюкина это очень радовало. Через пару часов офицер, сославшись на приятную занятость, уехал домой. Его красивая невеста была не против этого...

Игорь Кузьмин постучал в комнату Евы поздно вечером... Дверь ее комнаты была не заперта. В эту ночь, Кротику, утопая в море страстных поцелуев почти незнакомого мужчины, поняла то, что ее что-то неведомое притягивает к этому великану. Притягивает настойчиво и сильно. Почему все это происходило красивая блондинка еще и сама до конца не могла понять. Она ласково гладила руками и целовала широкую спину прапорщика, который устав от страсти, на какое-то время засыпал. Вновь гладила и вновь целовала. После очередного полового акта молодая женщина вновь и вновь погружалась в мысли, которые набегали к ней в голову, словно морские приливы на берег во время шторма. В этих «приливах» девушка уже все меньше и меньше находила место для Александра Клюкина, которого она знала чуть меньше года. Может только и того, что знала. Ослепительно красивая Кротику в своих мыслях сопоставляла своего жениха и любовника, который лежал рядом с ней и сильно храпел. Его храп был такой сильный, что блондинке временами казалось, что вот-вот кто-то прибежит из администрации гостиницы и попросит его не мешать своим храпом спать другим. Ева нередко приподнималась и внимательно разглядывала тело голого мужчины. Она делала это без всякого стеснения, как бы боясь ошибиться в его достоинствах и недостатках.

Сопоставляя достоинства своего жениха и своего любовника, понимала то, что первый в этих достоинствах проигрывал. Девушка не кривила своей душой, офицер был красивее прапорщика. Однако красоту Александра побеждала мощная фигура и мужская сила Кузьмина. В этом преимуществе блондинка уже убедилась в постели, в которой ее любовник был настоящим кудесником. Предпочтение любовнику блондинка отдавала еще и потому, что лейтенант Клюкин начисто проиграл в своей будущей карьере, изъявив желание служить в Забайкалье. Последнее было самым

важным для девушки в выборе мужчин, возможных ее мужей.

Право выбора мужчин, единственного мужа на всю жизнь на сей раз Божьей волей было предоставлено Еве Крот. Решить свою судьбу и судьбу двух военных могла только она, очень красивая блондинка из глухой деревни Водяное. Это очень радовало бывшую крестьянку, круглую сироту. Она только к утру приняла окончательное решение, приняла в пользу того, кто так сладко спал у нее под боком. Кузьмин был холостяком и служил в Германии всего год с небольшим. Женатым срок службы определялся в пять лет...

Санька Клюкин приехал на следующий день где-то только к обеду. Приехал, как и день назад, очень возбужденный и очень довольный. Немного поболтав в комнате гостиницы, молодая парочка решила перекусить в кафе. После этого жених посадил свою невесту на мотоцикл и повез ее в лес. Еве очень нравилась такая езда, тем более, день был очень солнечный. Она, сидя на заднем сидении, подставляла свое лицо свежему потоку воздуха и улыбалась. Иногда пристально разглядывала затылок сидящего за рулем Александра и все думала, и думала. Юная Кротиха сейчас сожалела о том, что через каких-то два дня она уже навсегда простится с этим парнем, и будет принадлежать другому мужчине, который доселе ей был незнаком. Через двадцать минут молодая парочка оказалась в густом березовом околке, который осаждали стаи паутов и комаров. В лесу Ева уже имела другое мнение о том, кто ее сейчас так страстно целовал и одновременно маленькой веткой березы отбивал от ее голого тела комаров. Ева, окунувшись в море страсти и любви, ласково гладила шею Клюкина. Он в этот момент был ей дороже всех на свете...

Этой же ночью прапорщик Кузьмин принес в комнату Евы огромный букет роз, запах которых по-настоящему пьянил ожидающую его блондинку. Игорь был в этот вечер тщательно побрит и от него очень «густо» пахло одеколоном «Шипр». И в этот раз Кузьмин действовал строго по-военному. Он уверенным шагом подошел к девушке и с улыбкой вручил огромную охапку роз. Затем также уверенным голосом произнес:

- Милая и красивая Евушка! Я хочу тебе сегодня сделать предложение стать моей женой. Несмотря на свою седину, я торжественно обещаю любить тебя и оберегать от всевозможных проблем...

Сказав это, он заразительно засмеялся, вплотную подошел к женщине, огромными ручищами схватил ее за талию и крепко поцеловал ее в губы... Этой ночью Ева Крот согласилась стать женой советского прапорщика Кузьмина. До ее свадьбы с молодым лейтенантом Клюкиным оставались всего только одни сутки, один

день и одна ночь...

Ночь для ослепительно красивой блондинки, давшей согласие стать женой «германца», была особо теплой и страстной. Эта же ночь для ее уже бывшего жениха Александра Клюкина она была поистине трагичной и кошмарной. Поздно вечером в дом Клюкиных, где допоздна продолжались приготовления к свадьбе, забежал на «огонек» школьный товарищ Сашки Клюкина Витька Лихов, ребята учились вместе в школе. Витька учился не ахти хорошо и поэтому в высшие учебные заведения не стремился поступать. Окончил «профессионалку» и устроился работать слесарем в районной гостинице. Работа была не так и уже тяжелая, однако требовала разносторонних знаний, сноровки и не малой. Одноклассник молодого лейтенанта был на все руки мастер. В гостинице он был и за плотника, и за электрика, и за водопроводчика. Даже освоил сапожное ремесло. Все работники гостиницы, не исключая и директора, ремонтировали у Виктора Ивановича свою обувь. Деньги, как правило, ему за работу не платили, рассчитывались водкой. Количество бутылок зависело от сложности и количества отремонтированной обуви. Здесь в гостинице и заприметил мастер то, что любимая девушка его кореша «разгуливает» с прапорщиком, тот был высокий и с мощной фигурой.

Информация однокашника сильно беспокоила жениха. Узнав о возможном «подвохе» со стороны своей невесты, он мигом побежал в гараж за мотоциклом, надеясь стрелой помчаться в гостиницу. Не успел Александр на мотоцикле выехать со двора, как внезапно пошел сильный дождь, словно стена. Дорога моментально вся раскисла. Небо стало страшно темным. Мужчина от бессилия перед природой заплакал. После того, как в доме все улеглись, Клюкин опять вышел во двор. В кромешной темноте никого и ничего не было видно. Ему казалось, что наступил конец света. Мысли одна страшнее другой то и дело посещали голову офицера. Он воспроизводил в своей памяти до мельчайших подробностей содержание всех разговоров, которые имел с Евой во время нахождения в гостинице. Что-либо подозрительного в поведении своей невесты не находил. Вне подозрения была его будущая жена во время их совместной любви в гостинице и в лесу. С этими благогостными мыслями Клюкин за огородами своего дома встретил рассвет...

В пять часов сквозь темную пелену облаков появились первые лучи утреннего солнца. Клюкин завел мотоцикл и выехал со двора. Попытки выехать на шоссейную дорогу, разделяющую улицу на две стороны, не увенчались успехом. Пришлось ехать за огородами, там не было такой грязи, кое-где были небольшие участки травы.

Тридцать километров бездорожья Александр Клюкин преодолел за три часа, он несколько раз падал вместе с мотоциклом на землю из-за непролазной грязи. Офицер не чувствовал боли, даже тогда, когда во время одного из падений заводная рукоятка пробила ему брюки и из-под штанины стала сочиться кровь. Влюбленному было не до этого. Он горел одним желанием, одной мечтой - добраться до злосчастной гостиницы и увидеть свою любимую Еву. Эту блондинку он любил больше своей жизни. Из-за любви к ней Александр решил сначала послужить в «дыре», чтобы создать в будущем комфортную жизнь для своей любимой женщины.

Клюкин, словно кошка, незаметно зашел в гостиницу и поднялся на второй этаж. Легонько постучал в дверь номера Евы, на стук никто не ответил. Постучал еще и сильнее, опять никто не ответил. Александр уперся плечом в дверь и сильно на нее нажал. Та медленно и со скрипом стала отходить от косяка. Открыв дверь, вошедший сразу же остолбенел. Евы в постели не было. На столе в небольшом ведре стоял огромный букет роз. Клюкин не то от страха, не то от негодования на какое-то время потерял дар речи, его мозг также отключился. Он присел на стул и стал тяжело дышать. Минут через пять он успокоился, что позволило ему думать и действовать дальше. Допуская мысль о том, что его невеста возможно находится в ванной комнате, жених ринулся в коридор. Ванной комнаты или ей подобное на втором этаже не нашел.

Решил спуститься вниз к администратору гостиницы. Не успел еще Александр порадоваться очередной мысли, как внезапно остановился. Остановился и тут же замер. В двух метрах от лестницы в угловой комнате он услышал голос Евы. Этот милый и звонкий голос парень узнал бы из тысячи, а может и из сотен тысяч женщин. Он очень осторожно подошел к двери и прислушался. В том, что в чужой комнате раздавался голос Евы, сомнений не было. Клюкин хотел было постучать в дверь, но это ему не пришлось делать. Дверь тотчас же открылась и из номера кто-то вышел. Офицер быстро отскочил в сторону и нырнул в открытую туалетную комнату, та находилась в самом углу коридора. Александру не удалось увидеть вышедшего. Только после того, как неизвестный стал стремительно спускаться вниз по лестнице, Клюкин выглянул из «засады». Информация Витьки Лихова была верной...

Дальше лейтенант действовал без всякого согласования со своим разумом. Ему было «до лампочки» соблюдать какие-либо человеческие этикеты. Он решительно рванул дверь и быстро вошел в комнату. Увиденное помutilo разум молодого человека. Перед ним в чужой постели лежала совсем голая Ева Крот, его невеста, его будущая жена. Клюкина от увиденного оставили силы, он стоял, как вкопанный, и молчал. Увидев Клюкина, замерла и Ева. Она лежала

и также молчала, не стесняясь своей наготы. Невеста первой нарушила гробовое молчание. Она в упор посмотрела на жениха и с равнодушием произнесла:

- Саша, ты знаешь, у нас свадьбы не будет. Ты не обижайся. Я только сейчас поняла, что у меня с тобою ничего не выйдет.... Я тебя разлюбила... Я также не хочу ехать в эти степи, где от жары и от холода умирают даже звери...

Слова любимой наповал «убили» вошедшего, нагая блондинка на какой-то миг лишила его разума. Мужчина, даже и сам не понимая этого, почему-то присел на корточки, потом опять встал. Затем пальцами обеих рук стал сильно давить на височные части головы, так он делал несколько секунд. Кротиха без всякого сожаления наблюдала за происходящим, она оставалась верной своему решению. Ее уже бывший жених все больше и больше приходил в себя, он думал сейчас не о зверях и не о том, что будет служить на советско-китайской границе.

Офицер Клюкин не мог даже на какой-то миг представить себя без Евы, без этой ослепительно красивой невесты, без этой белокурой женщины. Он день и ночь мечтал только о ней. Эта мечта была для него важнее любой карьеры, любых денег. Этой мечтой в последнее время жили и его родители, да и вся Шумиловка. Предстоящая свадьба была на устах у всех селян. Санька никогда раньше и сейчас даже в мыслях не допускал, что его мечта может испариться, словно капелька воды в знойную жару. Находясь в плену адских мыслей, он стал про себя ругать свою любимую бабушку, которая ради соблюдения людских и христианских приличий отправила на раздельное проживание невесту своего внука. Несостоявшийся жених продолжал стоять перед голой девушкой и с недоумением смотрел на нее. Он все еще не мог понять, почему та так круто изменила свое решение.

Ева, будто она ничего плохого молодому человеку и не делала, опять равнодушно проговорила:

- Клюкин, я все равно не буду твоей женой. Здесь моей вины нет.... Я пришла к выводу: для тебя главное в этой жизни карьера, а не жена. Я не хочу тебя обидеть, но ты никогда не будешь генералом... Я без родителей, да и ты из колхозной семьи... Ради твоей не генеральской карьеры я не собираюсь прожигать свою жизнь впустую...

Женщина на какое-то время замолчала, скорее всего, обдумывала ход своих дальнейших мыслей. Затем решительно произнесла:

- Знаешь, Клюкин, больше ко мне не приезжай. Я никогда не буду твоей женой... Я тебе уже изменила...

Дальше блондинка ничего не стала говорить. Она спокойно

легла на бок, повернувшись спиной к мужчине, и укрылась по самую голову одеялом.

Сказанное Евой, словно молния, обожгло голову Клюкина. Он продолжал стоять возле кровати и молчать. Александр никогда не думал, что за день до свадьбы у него такое может случиться, тем более, с девушкой, которую так сильно любил. Он, словно замороженный, оставался в плену вчерашних мыслей и надежд. Ему все еще не верилось, что все хорошее, связанное с этой блондинкой, может так быстро улетучиться. Офицер решил спасти положение и ринулся в сторону кровати, где лежала его любимая девушка. Ева, услышав шаги мужчины, резко скинула с себя одеяло и с явным непониманием, даже с каким-то презрением уставилась на бывшего жениха. Клюкин в этот же миг задержал свой шаг и внимательно посмотрел в глаза лежащей, он не находил в голубых глазах своей невесты ни сочувствия, ни жалости. Глаза Евы были ледяными...

Обратный путь домой для лейтенанта Клюкина был поистине трагичным. Дорога еще не просохла от дождя, мотоцикл то и дело бросало из стороны в сторону. Молодой человек этого не замечал. Его голова, сердце и душа плакали от боли и сострадания. Клюкин так и до конца не мог понять то, что же произошло с его Евой в эти какие-то три-четыре дня. Только вчера она была его девушкой, его женщиной, которой он владел как женой. Только вчера он надеялся с ней прожить целую вечность. Сегодня и сейчас она стала ему чужой, чужой навсегда. Это он почувствовал сразу же, когда смотрел в глаза Евы, смотрел последний раз в своей жизни. Голову Александра то и дело посещали страшные мысли. От глубокого несчастья, от безысходности ему не хотелось даже жить. Клюкину во время дороги хотелось врезаться на бешеной скорости в рядом стоящие от дороги березы и забыться навсегда. Без Евы он не представлял своей дальнейшей жизни, ему было все равно на этой земле. Да и в родную деревню ехать у мотоциклиста не было желания. Он перебирал в своей памяти все свадьбы односельчан, которые были на его веку и раньше. Своей «свадьбы» он не находил.

Лейтенант прекрасно знал, что теперь все от мала до велика в Шумиловке и за ее пределами, только будут и говорить о том, как молодой офицер был опозорен своей невестой. Санька плакал навзрыд, когда представлял своих родителей, если они узнают о страшном горе своего сына. Для спасения от этого позора себя и родителей Клюкин также не находил пока выхода. Он прекрасно знал, что сегодня вся деревня будет в курсе произошедшего в гостинице и без информации любовного неудачника. При въезде в Шумиловку мотоцикл Клюкина сильно забросило и он юзом покатился навстречу куче больших бревен. Через несколько мгновений Александр неожиданно почувствовал острую боль в

ступне левой ноги...

Только через полгода лейтенант Клюкин прибыл к месту службы в Забайкальский военный округ на должность командира взвода. Укрепленный район находился в трех километрах от китайской границы. У будущего «генерала» в руках была большая сумка с одеждой и солдатский вещевой мешок с остатками продуктов питания. Служить великому советскому народу и его стране у офицера желания не было. У вновь прибывшего все еще болело сердце и душа, что потерял свою любимую девушку. Молодой офицер иногда прихрамывал на левую ногу...

Ева Крот после того, как Клюкин, удрученный ее решением, захлопнул дверь, с большим нетерпением ожидала Кузьмина. Тот вернулся где-то через час. Блондинка сразу же рассказала ему о происшедшем со своим бывшим женихом. Игорь известию женщины очень обрадовался и сразу же предложил своей невесте «обмыть» это дело в ресторане. Та не отказалась. Последующая неделя для вновь испеченных жениха и невесты прошла как по маслу. На следующий же день прапорщик Кузьмин пошел в военкомат и продлил свой отпуск по семейным обстоятельствам. Военком, довольно молодой подполковник, с радостью поздравил прапорщика с предстоящей регистрацией брака. Он также одновременно еще раз выразил соболезнование по умершей матери военного, ради чего и приезжал Кузьмин. В этот же день влюбленные поехали в Ктомск для улаживания приятных проблем, связанных с браком. Преград для брака у военного не возникло, молодую пару зарегистрировали через пятнадцать минут после того, как они переступили порог ЗАГСа. Кузьмину, как военному, не нужны были какие-либо сроки для обдумывания. Ева Крот решила свою фамилию не менять. Она ехала с мужем в Германию, где говорили по-немецки. Через два месяца прапорщик Кузьмин прислал ей вызов. После получения заграничного паспорта на правах законной жены прапорщика Советской Армии Ева Крот через десять дней пересекла границу ГДР...

Глава шестая.

Боевая подруга

Поезд сообщением Брест-Магдебург прибыл в пункт назначения без всяких опозданий. Игорь Кузьмин встречал свою молодую жену в гражданском костюме и выглядел довольно представительно. На его могучей фигуре очень ладно сидел креплиновый костюм черного цвета с каким-то серебристым оттенком. Мужчина крепко поцеловал очаровательную блондинку в

губы и приподнес ей большой букет цветов. Вещей, как таковых, у Евы не было. Кротиха, повесив на плечо свою дамскую сумочку, и крепко сжав руку супруга, весело застучала каблучками своих белых туфель по лестнице, ведущей вниз к выходу из вокзала. На ходу блондинка то и дело тараторила, что ей очень понравились деревни и города социалистической Германии, через которые она только что проехала. Молодой супруг внимательно слушал жену и иногда поддакивал ей, и почти все время осыпал поцелуями ее губы.

Через полчаса молодые люди сели в автобус, через два часа уже были дома. Небольшой город с труднопроизносимым названием Давельбург сразу же понравился молодой блондинке. Особенно ее радовали чистые старинные улочки, аккуратно стриженные деревья и газоны. От вокзала до военного городка парочка шла пешком. Кузьмин вел свою подругу по главной улице города, где было самое большое скопление всевозможных магазинов. Ева то и дело заглядывала в их витрины и восхищалась одеждой, посудой, различными украшениями. За те двадцать минут пути, который они прошли от вокзала до контрольно-пропускного пункта части, Игорь очень кратко рассказал жене об истории немецкого городка и его достопримечательностях.

Первый вечер, который провели влюбленные в военном городке на территории европейской страны, был по-особому приятен для блондинки. Без ума она также была от мужской силы и ласки своего мужа. Глубокой ночью, когда Игорь, насытившись ее молодым и красивым телом, крепко захрапел, Ева стала воспроизводить в своей памяти кое-что из первого дня, проведенного ею за «бутром». В этот день ей вся и все в Германии очень нравилось. По-особому мил был в этот день и Игорь, который для нее по-барски накрыл праздничный стол. Она также была ему очень благодарна за то, что он с большим трудом выбил у командира полка отдельную однокомнатную квартиру для себя и для Евы, и покинул офицерское общежитие. Квартирка, несмотря на небольшие размеры, блондинке очень понравилась, здесь все было для хорошей жизни...

Первый день пребывания молодой особы в военном городке начался довольно необычно. Ева проснулась где-то около девяти утра. Игоря в постели не было, он уже давно был на построении личного состава части. Молодая хозяйка неспеша встала и также неспеша привела себя в порядок. В дверь квартиры кто-то постучал, на стук Кротиха не ответила, а сразу же открыла дверь. Первой советской незнакомкой на немецкой земле оказалась соседка Нина, так представила себя молодая женщина. Она протянула руку для приветствия и довольно смело вошла в комнату, затем очень спокойно уселась на стул. Новенькой ничего не оставалось делать,

как только созерцать за тем, что делала соседка и воспринимать то, что та говорила. Ничего сверхестественного для Евы не сказала. Из довольно короткого разговора молодая хозяйка поняла только то, что Нина является женой командира роты. Жена ротного с серьезной миной на лице также сообщила, что на следующий год ее муж получит должность начальника штаба батальона и будет поступать в академию. Затем приступила к опросу новенькой, та отвечала очень коротко, даже иногда привирала. Узнав о всем и вся, соседка пригласила Еву посетить немецкие магазины. Ей просто-напросто не хотелось одной шататься по городу. Жена офицера посетовала, что ее муж все время пропадает на «служ-бязе», а та подруга, с которой она раньше всегда ходила по городу, уехала с мужем в Союз в отпуск. Блондинка с огромным удовольствием предложение женщины приняла. Тем более, Игорь перед уходом на службу для своей красивой жены на стол положил сотню «социалистических» марок.

Через полчаса две молодые особы вышли из подъезда пятиэтажки. Сделав несколько шагов от дома, Ева двинулась в сторону КПП. У нее еще что-то осталось в памяти от того маршрута, который она вчера поздним вечером проделала со своим мужем, впервые в своей жизни перешагнув порог войсковой части. Нина Баранова решительно взяла новенькую за руку и весело произнесла:

- Ева, сразу видно то, что ты новенькая. Тебя вчера, наверное, твой муж сопровождал от вокзала до военного городка... Сегодня тебе пока через КПП перешагивать нельзя. Через неделю получишь аусвайс и тогда можешь спокойно гулять по городу. Сейчас же я тебя поведу другой тропой, через нее мы очень быстро окажемся в городе.

Еве Крот ничего не оставалось делать, как выполнять указания опытной соседки. Через пять минут представительницы прекрасного пола оказались возле тыльных ворот, в металлической сетке которых была небольшая дыра. Женщины, словно гимнастки, сначала очень низко пригнулись, затем выпрямились и без всяких проблем оказались на «свободе». Вскоре Ева с новой подругой оказалась на главной улице города. Несмотря на то, что на дворе был конец октября, погода стояла отменная. Весь город был залит лучами солнца. Всевозможные деревья, еще не везде сбросившие с себя листву, украшали улицы, подъезды домов. Все, что сейчас видела Ева, напоминало ей райский уголок. Блондинка, идущая по улице, иногда подставляла свое лицо солнцу и улыбалась. У нее было очень спокойно и весело на душе, ей никогда раньше не было так хорошо. Кротиха уверенно стучала своими каблуками по чистому асфальту и внимательно слушала соседку, она ей сейчас очень нравилась. Нина рассказала о том, что в городе есть восемь

гаштедтов, большой зоопарк и даже крепость, в которой когда-то находились узники восемнадцатого века. Не забыла показать новенькой и объект повышенной опасности, так она назвала гаштедт, который посещает командир полка со своими заместителями.

Жены советских военнослужащих в этот день каких-либо конкретных планов по закупке продуктов и одежды не имели, поэтому направились в первый же магазин, стоящий неподалеку от военного городка. Ева чуть было не потеряла дар речи, когда в небольшом продовольственном магазине увидела огромное изобилие продуктов. Он напоминал чем-то собой ларец с всевозможными яствами. Чего только не было на этих красивых полках и стеллажах! Радовало новенькую и культура обслуживания. Она внимательно наблюдала за тем, как продавец рыбного отдела по указанию покупательницы, старой немки достал из емкости живую рыбу и затем ее забил молоточком. Ева, вспомнив сервис своего «Тополька», невольно усмехнулась. Она внимательно глазела на полки с продуктами и ничего не говорила. Блондинка просто смотрела и вздыхала. Информацию о продуктах питания своей сослуживице давала Нина, которая сносно знала немецкий язык. Затем женщины пошли в двухэтажный магазин, до «верха» набитый всевозможной одеждой и обувью. Не обошлась Ева без ценных рекомендаций своей новой подруги и в этом магазине. Жена офицера не только сопровождала супругу прапорщика, но и шептала ей на ухо о том, как следует вести себя с продавцами. Баранова сказала, что немцы сразу же узнают русских женщин по одежде и по запросам. Кротиха, несмотря даже на то, что в ее кошельке было всего сто марок, решила примерить дорогостоящую шубу из ламы и из норки. Блондинка долго вертелась возле зеркала и любовалась собой. Красотой новой русской и красивой шубой любовался и продавец, мужчина лет пятидесяти. Он то и дело щелкал пальцами, когда видел радостное лицо блондинки в зеркале. Немец, стараясь угадать вкус новенькой, приносил новые и новые шубы. Уважительное отношение продавца не изменилось и тогда, когда Ева с улыбкой на глазах все предлагаемые шубы отложила в сторону. Нина, постоянная посетительница магазина с улыбкой посмотрела на мужчину и по-немецки произнесла:

- Ентшульдиген зи битте, ауфвидерзеен...

Продавец, словно извиняясь перед русскими покупательницами, несколько наклонив голову, на чистом русском языке проговорил:

- До свидания, товарищи женщины... Пожалуйста, приходите еще к нам...

Русская речь немецкого продавца вызвала неподдельный смех

у Евы. Она громко рассмеялась и протянула немцу руку. Тот, весело улыбаясь, крепко сжал руку очаровательной блондинки.

После посещения гостеприимного магазина у новенькой сразу же появились планы на покупки, она имела очень большое желание купить себе оранжевый кремплиновый костюм, понравились ей и туфли на высоком каблуке. Ей также нравилась и дамская сумочка из крокодиловой кожи. Кротихе все это нравилось, однако решила пока ничего не покупать. Первые покупки на немецкой земле хотела сделать в присутствии своего мужа...

После двухчасового посещения магазинов женщины забрели в парк отдыха. Парк по своим размерам был небольшим и тихим местом, на котором было очень много цветов и различных кустарников. Цветочный аромат по-настоящему пьянил Еву. Женщины зашли в летнее кафе и присели за маленький столик. Нина заказала два стаканчика мороженого с клубникой и две небольшие бутылки лимонада. Женщины во время лакомства мороженым продолжили свой далеко незаумный разговор. Как и раньше, больше всего говорила Нина. Женщина, понимая явную неосведомленность в немецких делах молодой блондинки, «испускала» все новые и новые пучки информации. Ева внимательно слушала говорливую соседку и радовалась тому, что ей еще предстояло увидеть, ощутить и купить на немецкой земле.

Предстоящие впечатления и ожидания приводили блондинку к однозначному выводу. С Игорем Кузьминым она нисколько не прогадала, и поэтому Кротиха все меньше и меньше винила себя в том, что так жестоко поступила с Александром Клюкиным. Первые часы пребывания на территории «райской страны» и особенно будущие перспективы успокаивали ее нервную систему. Она все в большей степени тяготела к тому мужчине, кто создал для нее эту бесппроблемную жизнь. За столом женщины проболтали около часа. Нина, порядочно устав от собственной болтовни, на какое то время даже замолчала. Ева, посматривая в глаза соседки, казалось, также «опустошила» подругу своими вопросами, связанными с пребыванием в социалистической Германии. Блондинке уже иногда казалось то, что она живет довольно долго в этой стране, в которую мечтает попасть каждый офицер доблестной Советской Армии. От этого самодовольства и самоуспокоенности жена прапорщика начала «перебирать» в своей голове самое интересное и запоминающееся из услышанного. Больше всех сейчас блондинке хотелось побывать на голых пляжах и на вечерах немецко-советской дружбы...

Без большого желания покидали женщины парк отдыха. Запах цветов и леса напоминал о себе и тогда, когда они вышли на улицу, ведущей в сторону военного городка. Во время пути Нина

неожиданно для Евы спросила свою подругу:

- Красавица, скажи пожалуйста, а как долго ты живешь со своим Игорем?

Вопрос вызвал у новенькой определенное замешательство, она не намеревалась жене офицера рассказывать о своей жизни с Игорем. Ее также не интересовала семейная жизнь соседки. Вмешиваться в жизнь других блондинка считала неприличным делом. Баранова, не дождавшись ответа на свой вопрос, без всякого смущения продолжила:

- Ева, ты не обижайся. В военном городке, как и в деревне, все знают друг о друге. Вся информация о всех проделках любого из нас лежит на столе у замполита и командира. Не последнюю роль в этом играет и женский совет, который состоит из преданных «матери» и «отцу» полка людей...

Кротиха, не понимая подоплеку вопроса жены ротного командира, остановилась. Затем внимательно и с каким-то презрением посмотрела в глаза женщины. Баранова также остановилась и также уставилась на молодую и красивую блондинку. Новенькая решила первой «атаковать» опытную «германку»:

- Если ты хочешь знать о моих отношениях с моим мужем, то я тебе скажу честно. Наши взаимоотношения очень хорошие, даже несмотря на то, что мы живем всего немного... Если у тебя есть что-то рассказать мне об Игоре, то можешь не скрывать.... Мне Игорь говорил о том, что его взвод уже два года является отличным...

Дальше Еве о достижениях своего мужа информировать подругу не пришлось. Нина с недоумением взглянула на красивую блондинку и громко засмеялась. Затем «стрельнув» глазами улицу, взяла Еву за руку и повела ее к небольшой скамеечке, расположенной под раскидистой ивой. Кротиха, словно провинившаяся школьница, смиренно последовала за своей подругой. Германка, присев на скамейку, прищурила глаза и откинувшись на ее спинку, некоторое время молчала. Наверное, основательно «переваривала» сказанное Евой о своем муже. Затем повернулась лицом к блондинке, и с пренебрежением или недоверием к Игорю или его жене, произнесла:

- Ну, во-первых, твой любимый муж даже не командир взвода, а работает простым прапорщиком на складе горюче-смазочных материалов. И всего только. Однако это еще не главное. Твой Игорь довольно часто пьет, хотя его зарплата значительно ниже зарплаты моего ротного...

Ева с недоумением смотрела на свою новую подругу и молча ее слушала. Информация постепенно «убивала» молодую блондинку. Рассказ подруги о далеко не идеальной жизни прапорщика

Кузьмина переплетался с тем, что происходило и в гвардейском мотострелковом полку. Чего только не узнала за эти полчаса Ева о своем муже и о том, что происходило, и происходит в военном городке. По словам Нины получалось, что все то, что когда-то прапорщик говорил красивой девушке в гостинице оказалось простой ложью. Сейчас Игорь перед Евой представлялся совсем другим человеком, человеком далеко непорядочным. Он продавал бензин местным немцам, которые по дешевке его покупали целыми канистрами, а то и бочками. Кузьмина вызывали несколько раз к себе на ковер командир и замполит полка. Игорь клялся и божился начальникам, что он исправится. Через месяц, через два «негативы» прапорщика опять всплывали. Он также частенько не выходил на службу. «Вояку» находили пьяным то в офицерском общежитии, то у немецкой проститутки, адрес которой прекрасно знали советские офицеры из отдела «молчи-молчи», работающие в тесном контакте с соответствующими службами ГДР. Не забывал Кузьмин побывать в постели и у продавщицы офицерского магазина, советской вольнонаемной, работающей по контракту. Она «принимала» у себя практически всех холостых офицеров и прапорщиков. Довольно мрачная картина, воссозданная женой офицера об Игоре, очень сильно расстроила Еву, она ударилась в слезы.

Нина, как бы искупая свою вину перед вновь прибывшей в военный городок, тяжело вздохнув, прошептала:

- Ева, ты прости меня за то, что я тебе причинила боль...

Однако тебе лучше сейчас знать всю правду, чем значительно позже. К тому же, не только твой муж имеет проблемы со службой. В нашей части таких наберется до десятка, включая некоторых офицеров. Я думаю, что сейчас твой Игорь исправится. У него ведь ты сейчас есть... Ты будешь все время с ним... Я понимаю, как очень туго приходится здесь нашим холостякам...

Последняя фраза женщины очень быстро успокоила Еву. Она вытерла рукой слезы и пристально посмотрела в глаза своей новой подруге. Она свой взгляд в сторону не отвела, для Евы это означало то, что все, сказанное ею, было правдой.

Кузьмин пришел домой после шести вечера. Пришел очень довольный, пришел с запашком пива. Ева, как послушная жена, приготовила мужу на стол. Игорь с большим удовольствием уплел за обе щеки наваристый борщ и пару котлет с макаронами, также выпил два стакана кофе. Ева сразу поняла, что ее любимый был голодный, так как обедать он почему-то не приходил. Кротиха с улыбкой смотрела на своего мужа, невзирая даже на то, что в ее душе скребли кошки. Ева решила за столом о плохом с Игорем речи не вести, тем более, в первый день их совместной жизни в этом военном городке. Блондинка, наоборот, решила поднять настроение

своему супругу. Она с удовольствием рассказала ему о своей первой «вылазке» с Ниной Барановой в немецкие магазины. Кузьмин внимательно слушал информацию о первом посещении женой немецких магазинов и весело смеялся. Затем молодые присели на небольшой диван и решили посмотреть телевизор, все программы были на немецком языке. Супруги немецкий язык не знали. Несмотря на это, некоторые моменты передач вызывали у них смех. Во время просмотра Игорь страстно привлек Еву к себе. Поцеловав ее в губы, с улыбкой произнес:

- Моя любимая, я хочу вести сейчас совсем другой образ жизни. Ведь теперь ты у меня есть... У меня сейчас есть предложение. Я думаю то, что ты не откажешься сейчас же сходить со мною в офицерское кафе. У нас есть с тобой повод для этого. Да и ты должна быстрее входить в курс нашей жизни...

Предложение мужа жену обрадовало, она уже успела за время его отсутствия по нему соскучиться. Женщина быстро переоделась. Парочка, крепко взявшись за руки, направилась в сторону офицерского кафе, оно находилось на первом этаже большого двухэтажного здания. Здесь же была офицерская столовая, офицерский клуб и библиотека. Молодые быстро и незаметно вошли в кафе, и присели за небольшой столик. Игорь сразу куда-то «испарился». Ева, словно желторотый воробей, стала внимательно разглядывать помещение и тех, кто был в нем. Помещение было небольшое, слабо освещаемое тремя небольшими люстрами, они располагались в один ряд посередине высокого потолка. При входе в кафе с правой стороны находился небольшой буфет. Здесь же продавалось пиво, любители которого образовали довольно приличный «хвост». За столиками, которых было где-то около десятка, сидели офицеры и прапорщики. Большинство из них курили. Клубы дыма доходили и до Евы, от которых ее тошнило. Блондинка, изредка напрягая слух, порою улавливала содержание разговоров тех, кто сидел за столиками. В основном военные говорили о своей службе и делились воспоминаниями о прошлой жизни в Советском Союзе.

Кузьмин пришел где-то минут через пять и принес два больших бокала пива. Пиво находилось в красивых бокалах, на которых было написано название города и изображена его эмблема. Кроме пива муж принес еще большую целлофановую упаковку тонкой соломки из теста, которая имела солёноватый вкус. Игорь после того, как Ева откусила небольшой кусочек соломки, слегка стукнув своим бокалом о бокал Евы, предложил тост за их любовь. Ева весело рассмеялась и как Игорь, наполовину опорожнила бокал. Пиво было холодное и отдавало каким-то специфическим запахом, что приятно щекотало нос. Блондинка с наслаждением

похрустывала соломкой и наблюдала за тем, что происходило в зале. К ее мужу то и дело подходили офицеры и прапорщики. Они здоровались с ним по ручке, кое-кто из них «стрелял» глазами в сторону Евы. Красивая блондинка весело смеялась и также протягивала руку для приветствия. Ей было сейчас не только весело, но и даже как-то торжественно. Непонятно почему, именно здесь в кафе за кружкой пива, Кротиха осознавала свою причастность к тем, кто с оружием в руках стоял на передовых рубежах защиты социализма в Европе. От этого ей все приятнее и милее становился муж, Игорь Кузьмин. Появляющиеся мысли о своем несчастливом детстве, о своей безымяшке, о несостоявшейся свадьбе с Клюкиным уходили на второй план. Новая жизнь очень радовало молодую женщину, которая с удовольствием потягивала пиво. Сейчас ей был приятен и дым, который выпускали люди, одетые в военную форму с большими и маленькими звездами на погонах. В этот вечер Еве хотелось очень много пива, и не только его... Она наравне со своим мужем пила и коньяк, который принес знакомый Игорю прапорщик. Блондинка охотно поддержала тост за красавицу Еву..

Домой влюбленные пришли поздно, где-то около одиннадцати вечера. Игорь, как только открыл дверь своей квартиры, мгновенно поднял свою жену на руки и в буквальном смысле бросил ее в постель. Ева была очень рада силе этого мужчины, который ее быстро и в то же время очень нежно раздел. Полупьяная и нагая женщина с умилением смотрела на своего великана, который в этот поздний вечер был по-особому красив при свете торшерной лампы, испускающей розовый свет. В этот вечер и для Игоря Ева была по-особому красивой. Он, как никогда раньше, страстно осыпал поцелуями ее нежное и белое тело. Ему в этот момент даже казалось, что при свете торшера он видит розовые сосуды и капилляры красивой блондинки. Мужчине хотелось в какой-то миг испить эту горячую кровь, которая была ключом в этом молодом и поистине красивом, и нежном теле. Кротиха в эту ночь почувствовала, что спиртное, как и для нее, так и для Игоря, служило своего рода стимулом любви и страсти. В эту ночь муж для нее казался наиболее нежным и страстным из всех мужчин на этой земле. Она, в свою очередь, также старалась для него быть покладистой и желанной... Они неистово принадлежали друг другу, без усталости и без остатка наслаждались тем, что дала природа каждому из них. Ева в эту вдохновенную для них ночь решила не трогать то плохое, о чем совсем недавно рассказала ей новая подруга Нина Баранова. Игорь в эту ночь для блондинки был превыше всего и превыше всех...

Первый месяц пребывания Евы Крот в советском военном городке пролетел для нее словно один час. Женщина за этот период

времени уже более глубже познакомилась с жизнью городка. Она, правда, не без помощи мужа, знала кто в полку хозяин, кто из офицеров командует теми или иными батальонами и ротами. Знала Ева и тех, кто числился в списке дебоширов и пьяниц. К числу последних относился и муж Евы Крот прапорщик Советской Армии Игорь Кузьмин. Ева продолжала молчать и не задавать излишних вопросов, связанных со службой своего мужа. Игорь, как и раньше, уходил на службу рано, но возвращался домой не так уже и поздно.

К семи часам вечера он был уже на кухне. По вечерам молодая парочка в основном смотрела телевизор, ходила в офицерский клуб для просмотра кинофильмов или бродила по городу. Иногда Ева и Игорь забегали в небольшое кафе, расположенное возле небольшого озера и пили пиво, которое Еве очень нравилось. Ночью, когда их губы смыкались в единый поцелуй, Ева, так как же и Игорь, после выпитого вина или пива, не чувствовала запах спиртного от своего мужа. Она чувствовала этот запах только тогда, когда сама не пила. Однако это ее ни сколько не пугало. Молодая женщина была и сама не против того, чтобы что-то выпить...

Через две недели пребывания в военном городке Ева получила не только аусвайс, как жена военнослужащего, но и «прошла» собеседование и с заместителем командира полка по политчасти. Замполит части, мужчина лет сорока, с густой шевелюрой на голове во время беседы делал какие-то пометки в толстой тетради, связанные с биографией молодой блондинки. Преданно заглядывая в глаза офицеру, Ева в своей душе даже в какой-то степени жалела этого политработника, который стремился до мелочей изучить заведомую ложь жены прапорщика Кузьмина. Ева радовалась, что «мать» полка не имеет возможности проверить все то, что так искусно она сочиняла. В заключение своего собеседования замполит назидательно просил женщину оказать действенное влияние на Кузьмина, который до сих пор позорил высокое звание советского прапорщика. Еве ничего не оставалось делать, как только утвердительно кивать головой и заверить представителя Коммунистической партии в армейской среде в решительном желании перевоспитать своего непутевого мужа. Майор от заверений блондинки радостно вздохнул и расплылся в такой улыбке, что Еве даже казалось, что офицер вот-вот чмокнет ее в щеку.

Иного рода получилось собеседование Кротики с председателем женского совета части. Руководителем женского коллектива оказалась пожилая жена командира батальона, муж которой должен через три года уходить на пенсию. «Подполковничиха», как таковых, бумажных «талмудов» не вела. Она с генеральским видом монотонно и нудно рассказала

новенькой, чем занимается женский совет части. После окончания беседы, Елена Викторовна, так звали председательшу, неожиданно спросила Еву:

- Товарищ Крот, Вы случайно в хоре не участвовали? К тому же, возможно, Вы и поете? – Новенькая громко засмеялась и ответила. – Честно говоря, я даже не знаю, умею ли я петь. Просто мне в жизни еще ни разу не приходилось петь в хоре. Однако я обязательно прийду на хор в следующую субботу.

Уже после того, как Ева перешагнула порог своей квартиры, она почему-то стала сожалеть о сказанном пожилой женщине. Содержанием бесед с замполитом и председателем женсовета Ева Крот сразу же поделилась с мужем, как он только сел ужинать. Игорь сообщение о художественной самодеятельности пропустил мимо ушей. В то же время пересказ содержания беседы замполита с Евой Кузьмина явно вывел из себя. Он быстро привстал из-за кухонного стола. Затем с какой-то даже злобой посмотрел на свою жену и громко прокричал:

- Ева, ты просто еще не знаешь чем дышит наша доблестная армия. Я три года протянул армейскую лямку на Китае. Видел многих офицеров. Среди них было много хороших, но и были армейские «козлы» в погонах. Наш брат солдат кое-кому строил гаражи, или воровал все для них необходимое. Или в нашем полку все нормально? Тот же женсовет пляшет и поет под дудку жены командира части. В наш магазин привозят разные дефициты и тому подобное. Казалось бы, все для блага нашей доблестной армии. Фига! Все идет по указке командира или замполита. Все дефициты оседают в карманах начальства, а простым клеркам один шиш... Мало этого, кое-кто из наших солдат работает у немцев, чистят канализации и копают ямы. А кто получает деньги?

Дальше Игорь почему-то не мог говорить. Он быстро открыл дверцу холодильника и вытащил бутылку водки. Затем, сделав несколько глотков из бутылки, сел опять за стол и замолчал. Ева на какой-то миг была ошеломлена реакцией своего мужа на назидательные указания замполита полка. Ева, стараясь хоть как-то «сбросить» гневный пыл у своего мужа, ласково обняла Игоря и поцеловала его в губы. Тот ответил тем же...

Приближалась очередная годовщина Великого Октября. Приготовления к празднику в части начались заблаговременно. В части в первую очередь обновлялась наглядная агитация. Делом первостепенной важности считалось «причесывание» портретов Политбюро ЦК КПСС, Доски Почета части. Готовили к празднику и концерт художественной самодеятельности. В этом активное участие стала принимать и Ева Крот. Певучего голоса у молодой блондинки не было, однако жена командира полка, она же и член

женсовета «нашла» у Евы хорошую дикцию. Весь женсовет сразу же признал у молодой блондинки хорошие задатки ведущего конференсье. Еву это даже очень обрадовало. Тем более, на эту «должность» ее рекомендовала сама командирша. Со слов Нины Барановой, да и от других знакомых женщин, молодая Кротиха была наслушана разное про жену командира части. На внешний вид командир и командирша даже были несколько похожи друг на друга. Командир части гвардии полковник Шарманов, как и его жена, был невысокого роста, с таким же небольшим животом. Командира от командирши отличало то, что он несмотря на свой небольшой рост, обладал очень властным командирским голосом, от которого любого солдата бросало в пот. Баранова рассказывала, что один молодой солдат от этого голоса даже оправился в штаны. Правда это было или нет, Ева оспаривать не собиралась. Побаивались командирского голоса некоторые офицеры и прапорщики.

Жена полковника в отличие от мужа обладала поистине ангельским голоском. Этот голосок был такой тихий, что кое-кто из женсовета напрягал свой слух или садился ближе к командирше, дабы не пропустить ее ценных указаний.

Ева после первой встречи с командиршей поняла то, что она попала сразу же в стан тех, которые нравятся жене командира части. И это определенное покровительство со стороны уже не молодой, но еще и не старой женщины, заставляло девушку напряженно работать над тем текстом, что ей дали организаторы концерта. После того, как Ева на «пять» провела генеральную репетицию концерта, командирша лично повезла блондинку в немецкий магазин, дабы купить платье для конференсье. У Евы душа пела, когда она садилась в командирский «УАЗ» позади своей покровительницы. Сама же командирша с важной миной села на переднее сидение. Женщины в своем городке не могли выбрать для ведущей концерта платье, его купили в соседней деревне. Платье Еве очень нравилось. Оно было длинное с люрексом, и со специфическим отливом не то темно-синего, не то светло-темного цвета. Платье было довольно дорогое, и тех денег, которые дал Еве ее муж не хватило. Пришлось пятьдесят марок занимать у командирши. Ева в душе радовалась этому платью, и даже прослезилась тогда, когда командирша, легонько шелкнув пальцем руки по носу блондинки, со вздохом сказала:

- Ну и вот и это дело наконец мы с тобою решили.... Ева, не переживай, я тебе деньги за это платье позже возмещу... А сейчас поедем в центр, я там заприметила кафе-мороженное...

Через пару минут «УАЗ» зеленого цвета с кругом красно-белого цвета на дверце, внутри которого были написаны две

большие буквы «СА», остановился возле кафе. Командирша купила три мороженое для себя и Евы, одно для водителя. Ева, как младшая по возрасту и по «должности», отнесла мороженое солдату, который уже мирно кимарил за рулем.

Праздничный концерт, состоявшийся в солдатском клубе, прошел на «ура». Зал большого помещения был набит до отказа. Перед началом концерта состоялось торжественное собрание, посвященное очередной годовщине победы Великого Октября. Доклад на собрании делал начальник политотдела соединения. В президиуме собрания находились и представители немецкой общественности города, которые вручили медали ГДР командиру и замполиту полка за активное участие в деле укрепления советско-германской дружбы. Концерт длился два часа. Каждый номер заканчивался под бурные аплодисменты солдат и офицеров, членов их семей. Без аплодисментов не обходились и номера, которые приготовили для советских военнослужащих представители местной организации союза свободной молодежи ГДР.

В этот праздничный концерт у Евы Крот получалось все. Она это и сама чувствовала. Блондинка, как никто в этом зале, наверное, гордилась своей красотой. Сразу же после объявления очередного номера программы Ева моментально скрывалась за кулисы и смотрела в огромное зеркало. Кротиха видела перед собою в зеркале очень красивую и стройную девушку высокого роста с тугими грудями и покатыми бедрами. Молодой женщине очень нравилась и ее высокая прическа из густых белых волос, которые были коротко острижены. В волнистых волосах девушки играли золотые блески. Для этого Ева побрызгала свои волосы специальным лаком. Да и одежда у нее теперь была значительно лучше той, какую ей всего полгода назад дала на курсантский бал тетя Валя из общежития. На ведущей было шикарное платье, шикарные туфли ярко красного цвета на высоком каблуке. Широкий шарф белого цвета с позолоченными нитками очень ладно сидел на ее точеной тонкой шее. На груди ослепительно красивой ведущей ярко светила под лучами электрического света большая брошь.

После окончания номера ослепительно красивая блондинка выходила из-за кулис и объявляла очередной номер программы. Зал сразу же взрывался от аплодисментов. Еве даже казалось то, что эти аплодисменты предназначены только для нее и больше никому. Ведущая иногда хотела взмахом своей руки, как опытный дирижер, «прихлопнуть» эти аплодисменты, но это не всегда получалось. Наиболее впечатляющим было завершение концерта. После того, как смешанный хор, состоящий из офицеров и прапорщиков и их жен, закончил песню, прославляющую руководящую и направляющую роль КПСС, зал в очередной раз взорвался

аплодисментами. Зрители в военной форме, которых насчитывалось более тысячи человек, словно молотобойцы, без усталости «колотили» в свои ладони.

Неожиданно с правой стороны от сцены раздался оглушительный не то стук, не то взрыв, напоминающий чем-то звук разбитого стекла. В эту же секунду сотни молодых людей повернули свои головы в ту сторону, откуда только-что раздался звук. От неожиданности тревожно екнуло сердце у ведущей концерта. Из-за оглушительного звука соизволил даже привстать с места и начальник политотдела соединения, который сидел в первом ряду. Зрители на какое-то время «отрешились» от концерта и ее ведущей. Буквально через минуту к начальнику политотдела дивизии на цыпочках подбежал капитан, начальник клуба. Он, чувствуя вину перед столь большим начальником, стал возбужденно докладывать:

- Товарищ гвардии полковник! Разбился один из членов Политбюро ЦК КПСС...

Капитан на какие-то доли секунды прервал свой доклад высокому армейскому чиновнику. Скорее всего, офицер намеревался более правильно изложить содержание происшедшего. Возможно и то, что он на какое-то время «проглотил язык», увидев довольно суровое лицо своего большого шефа. Полковник дальше почему-то не стал слушать подчиненного. Начальник, сделав вопросительный взгляд в сторону заикающегося капитана, с удивлением произнес:

- Капитан, что Вы городите? Кто Вам дал такую информацию?...

Полковник, ошарашенный информацией своего подчиненного, ломал себе голову над только что происшедшим чрезвычайным событием мирового значения... Он как три часа назад покинул свой теплый кабинет. О смерти Члена его никто не информировал...

Однако ломать голову политработнику долго не пришлось. Начальник клуба поняв то, что со страху перед таким начальством он что-то «сморозил», быстро решил исправиться:

- Товарищ гвардии полковник! Это упал со стены портрет одного из членов Политбюро... Кто-то из солдат задел рукой портрет или это случилось по вине таких громких аплодисментов...

В связи с тем, что в зале стояла гробовая тишина, содержание доклада подчиненного своему высокому начальнику услышали все. Полковнику очень понравилась вторая часть доклада начальника клуба. Он, весело улыбаясь, промолвил:

- Я думаю, что последняя часть твоей информации, капитан, самая правильная...

От такой положительной развязки весь зал с облегчением вздохнул. Командир с замполитом части, словно два кота в

ожидании тарелки со сметаной, повернув свои физиономии в сторону начальника, стали умиленно и преданно смотреть ему в глаза. Одновременно они не то с сожалением, не то с радостью «зыркали» на капитана, который был больше всех рад своей неожиданной смекалке. Воспрянул духом и большой военный чиновник, которому сегодня все и вся поклонялось в этом зале. Он повернулся к участникам художественной самодеятельности, стоявшим на сцене и сильно зааплодировал. Хлопки его ладоней были слышны даже в последних рядах огромного помещения. Через какие-то мгновения зал поддержал важного начальника и разразился оглушительными аплодисментами.

Ева, как ведущая концерта, опять оказалась в центре внимания сотен зрителей. Через несколько секунд весь зал встал и стоя продолжал аплодировать участникам концерта. Ева смотрела в зал и плакала. Это были слезы человеческой радости, женской радости, которую мужчинам стоящим в зале, наверное, было трудно понять. Она, «осыпаемая» этими аплодисментами, улыбалась и смотрела в сторону тех, кто сидел на первой скамейке солдатского клуба. Командирша весело улыбалась и приветливо махала рукой в сторону сцены. Женщина иногда кидала косые взгляды в сторону начальника политотдела, сидящего рядом ней. Во время аплодисментов командир с замполитом полка, словно им было по десять лет или чуть больше, запрыгнули на сцену и начали с двух сторон обнимать Еву. Блондинка, покраснев от неожиданного внимания к своей персоне, ослепительно смеялась. Из ее глаз текли слезы. Полковник и майор зашли с противоположных сторон сцены и стали пожимать руки каждому, кто принес удовольствие военнослужащим в этот торжественный праздник советского народа.

Через десять минут зал солдатского клуба был пуст. Ева находилась в костюмерной и упаковывала свое «официальное» платье в целлофановый мешок. Рядом с ней стоял Игорь. Неожиданно дверь костюмерной открылась и в нее вошли командир части со своим замполитом и начальник политотдела. Несколько особняком от офицеров стояла жена командира части. Полковник, немного отступив от Евы, по-отцовски любуясь красотой девушки, весело произнес:

- Вы и вправду хороши, хотя и носите такую фамилию как Крот... За концерт Вам большое спасибо. Здесь мне кое-кто говорил, что Вы очень порядочная и старательная девушка... Я думаю и в вашей семье будет все хорошо...

Затем, повернувшись в сторону Кузьмина, который стоял навтыжку перед неожиданно появившимся начальником, седовласый мужчина произнес уже более сурово и строго:

- Товарищ прапорщик, неужели Вам не стыдно за свое поведение перед такой красивой женой, как Ваша...

После этих слов, он лихо приложил руку к козырьку своей фуражки и последовал в соседнюю комнату, где для начальства был накрыт небольшой стол. Кузьмин, немного отошедший от ценных указаний полковника, несколько расслабился. Он опустил голову и молчал. Молчала и Ева. Вскоре они вышли из костюмерной. Из комнаты для приема почетных гостей раздавался только зычный голос начальника политотдела и заискивающий смех командира и замполита.

На следующее утро все обитатели военного городка только и говорили о концерте, а может, даже и больше об Еве Крот, как самой красивой женщине войсковой части. Все офицеры и солдаты, где только они не находились в этот день, да и в последующие дни, считали своим долгом поздороваться с ведущей концерта. Женщины городка на стремительный взлет новенькой реагировали по-особому, чем мужчины. Молоденькие жены ротных и взводных командиров при встрече с Евой охотно делились с ней своими впечатлениями о прошедшем концерте. Они также много «испускали» приятных эпитетов и в адрес жены алгоколика прапорщика Кузьмина.

Эти эпитеты, в первую очередь, касались внешнего вида ведущей и ее одежды. Женщины, мужья которых занимали более солидные посты в армейском ранжире военного городка, перед смазливой Евой не останавливались. Они сами ждали, когда Ева первой улыбнется и поздоровается. Кое-кто из жен «чижииков» Еву вообще не замечал, даже и после того, как она первой произносила очень короткое слово «Здравствуйте». Если в ответ ничего не звучало, блондинка быстро отворачивала в сторону свое лицо и ускоренным шагом удалялась от важного женского «объекта». Такое отношение далеко не единичных женщин к своей персоне Ева наблюдала и в последующие дни.

Молодая блондинка на первых порах очень тяжело переживала, когда видела пренебрежительное отношение к себе некоторых боевых подруг старших офицеров. Однажды вечером она своими тягостными мыслями по этому вопросу поделилась с Игорем, который почему-то все чаще и чаще стал приходить домой с «запашком», даже несмотря на критическое замечание начальника политотдела соединения. Своеобразная жалоба жены опять сильно взбесила Игоря. Мужчина, отбросив в сторону газету, быстро вскочил с дивана и с некоторой иронией, обращенной к жене, прошипел:

- Ева, я тебе и раньше рассказывал кое-что из «прелестей» нашей армии. Эти жены старших офицеров были и есть бабы

недалекого ума. Они прекрасно усвоили принцип: «Я начальник - ты дурак, ты начальник - я дурак». Ты не обижайся на меня. Ты ведь всего-навсего жена прапорщика, который и тот числится в «черном списке» командира и замполита. Даже офицеры, которые имеют зуб с местным начальством, не всегда получают тот или иной сервис... О коврах типа «розы» и говорить не приходится. Если бы я начальству целовал одно место, то я бы тоже имел кое-что по части тряпок...

На какой-то момент Кузьмин замолчал. Затем нервно стал ходить по комнате. Ева, увидев возбужденное лицо своего мужа, не на шутку испугалась. Блондинка почему-то в этот момент мужа очень боялась. Она немного успокоилась после того, как Игорь, пару раз матюгнувшись, опять со злостью произнес:

- К сожалению, я даже не отношусь к разряду тех, кто имеет волосатую руку... Я думаю, что она мне и не так нужна... Я ведь всего-навсего простой советский прапорщик... У нас такой принцип: «Все что есть в Советской Армии - принадлежит прапорщику».

Сказав это, Игорь почему-то злорадно засмеялся и пошел на кухню. Вытащив очередную бутылку холодного пива с немецкой этикеткой, мужчина стал жадно глотать темную жидкость. Ева, немного вдохнув и выдохнув, словно она у мужа и ничего не спрашивала, быстро пошла на кухню мыть посуду.

Определенные нотки скептицизма мужа к военной службе, мало повлияли на поведение его жены. Кротике, как ей казалось, сама удача жизни шла навстречу. Командирша, несмотря на значительную разницу в возрасте, все больше и больше становилась солидным «протезом» для восемнадцатилетней девушки. Через неделю после «звездного» концерта Ева с «избранными» женщинами побывала на многих «дружбах» у немцев. Была она на арматурном и сахарном заводе, в двух детских садах. Советские женщины везде встречали теплый прием местных немцев.

Наиболее запоминающим для Евы был прием, который устроили местные власти в оперном театре для небольшой группы женщин советского гарнизона. Этот прием был посвящен празднику Октября. Гости были усажены на первый ряд мягких кресел в небольшом зале. Они с большим вниманием прослушали концерт местных артистов, исполняющих немецкие песни. Большинство приглашенных содержание этих песен не понимали. Однако в том, что все песни были патриотическими, из них никто в этом не сомневался.

После концерта членов женсовета и приближенных командирше, пригласили на банкет. Первый тост за укрепление германо-советской дружбы произнес секретарь районной организации СЕПГ. С ответным словом выступила жена командира

части. «Избранным» женщинам были вручены добротные дамские сумочки и небольшие флаги ГДР, на которых свои автографы оставил руководитель партийной организации города. Затем начались танцы. Секретарь местной организации СЕПГ первым подошел к Еве и пригласил ее на танец. От неожиданности Ева на какое-то время даже отключилась. Жена советского прапорщика никогда не думала о том, что она когда-то в своей жизни будет танцевать с немцем, да еще с таким большим начальником. Ее партнером был мужчина лет пятидесяти с крупными залысинами и с довольно толстыми губами. Это даже не отталкивало Еву, а, наоборот, притягивало. Блондинке немец сразу же понравился. Девушку подкупало то, что он был довольно интеллигентного вида и очень чистоплотный. К тому же начальник неплохо говорил по-русски.

Последнее достоинство обрадовало Еву. Она очень боялась общения с этим незнакомым человеком. С самого начала танца Кротиха улыбаясь, словно заводная машина, пристально рассматривала самого главного мужчину немецкого города. Она, пристально рассматривая начальника, не находила каких-либо разительных отличий между ним и своим мужем, или теми офицерами, которых она каждый день видела на территории советского военного городка. У этого немца, как и у советских мужчин, были две руки, две ноги и все остальное... Вместе с тем, ее поразило идеально выбритое лицо партийного чиновника, а также чистота и свежесть рубашки с разноцветным галстуком, которые очень «подходили» к костюму серого цвета, в который был одет ее партнер.

Чиновник, наверное, имея довольно большой опыт в проведении подобных мероприятий, вел себя непринужденно и очень раскованно. Такая манера поведения чем-то подкупала молодую девушку. Ее обрадовало и то, что немец первый начал разговор на русском языке. Каких-либо военных тайн в общении с партийным чиновником Ева не рассказывала. Да и мужчина не стремился каким-либо образом «выудить» информацию у красивой блондинки о военной мощи советских войск, которые располагались в каких-то двух километрах от театра оперы. Ева, как это было возможно, приняла серьезный вид и очень коротко рассказала чиновнику о том, что ей понравился город и немецкие магазины. Что-либо рассказывать из своей жизни, тем более, из жизни военного городка, танцующая женщина сочла не нужным занятием. Перед самым отъездом в театр замполит полка и офицер из отдела «молчи-молчи» предупредили женщин о важности неразглашения военной тайны. Проживание в военном городке считалось делом только советских войск. Мужчина с большим вниманием слушал

информацию красивой блондинки. Он в ответ ей ничего не говорил и даже не поддакивал. Он только улыбался. После того, как танец закончился, партийный руководитель города с улыбкой поблагодарил Еву за танец на чистом русском языке. Затем вежливо раскланялся перед приглашенными женщинами и тут же вышел из театра. Жена партийного руководителя, проделав то же самое, что и ее муж, быстро последовала за ним...

По дороге в часть женщины наперебой делились впечатлениями, что они видели и слышали в гостеприимном театре. Ева вальяжно сидела на заднем сидении небольшого автобуса и молчала. Она в своей памяти до мельчайших подробностей воспроизводила все то, что видела и ощущала во время танца с самым главным человеком немецкого города, который насчитывал более двадцати тысяч жителей и около десятка промышленных предприятий. Партийный чиновник оставил в памяти молодой советской девушки очень хорошее впечатление. Еве казалось то, что ее руки до сих пор еще содержат остатки запаха одеколона, которым был надушен мужчина.

Через неделю в часть приехал представитель министерства иностранных дел ГДР, которого сопровождал полковник из политического управления ГСВГ. Через полчаса по тревоге в офицерском клубе был собран весь идеологический актив мотострелкового полка. Пригласили туда и Еву, как активного члена женского совета части. Молодой подтянутый дипломат, чисто говорящий на русском языке, оказался прямой противоположностью советского полковника, который в два раза превосходил по весовым габаритам своего немецкого собрата по оружию. Немец, к удивлению присутствующих, удивил своей эрудицией. Он очень подробно рассказал о промышленном развитии молодого немецкого социалистического государства, не забыв остановиться и на текущих проблемах. Среди этих проблем молодой гость назвал то, что кое-кто из немцев социалистической Германии делает попытки покинуть страну и остаться жить в ФРГ. Перебежчики используют все возможности, включая переход границы, постройки ниш в днищах грузовых автомобилей и другие средства. Эта информация вызвала определенное замешательство, беспокойство у сидящих в зале. Удивилась этому и Ева, которая видела в лице ГДР райский уголок земли, где процветает социалистическая демократия, спокойствие и социальное равенство.

Игорь Кузьмин также был ошарашен информацией жены о «нерадивых» немцах. Он, сидя в кресле и потягивая холодное пиво, то и дело приводил своей жене впечатляющие примеры из довольно сытой жизни социалистических немцев. Тех, кто бежал отсюда или собирался бежать за капиталистический «бугор», он называл

тупыми людьми и балбесами. Кое-где в разговоре на эту тему вносила свою «лепту» и Ева, которая считала то, что в Советском Союзе такой жизни и порядка как в ГДР и через сотни лет не будет. В ФРГ она никогда не была и не собиралась туда бежать. В том, что таких райских мест, как их Давельбург, на земном шаре очень мало, красавица из глухой деревни Водяное не сомневалась...

С каждым днем Ева Крот, как член семьи военнослужащего, все больше и больше заявляла о себе в общественно-политической жизни военного городка. После трех месяцев проживания в нем по настоятельной просьбе командирши Еву избрали членом культурно-массовой комиссии женсовета части. Какой-либо бумажной работы у нее не было. Вся работа Кротики заключалась в том, что она как конферансье, в составе десятка женщин организовывала небольшие концерты в своей части или в других близлежащих городах, где дислоцировались советские войска. Не без протекции командирши Ева была практически на всех торжественных мероприятиях у немецких друзей, которые всегда тепло принимали советских военнослужащих и членов их семей.

Красивая блондинка была также постоянной участницей красочных демонстраций, которые организовывали и проводили местные власти. Каких-либо стрессов или слез, обусловленных проблемами организации или выезда на то или иное мероприятие, у Евы не было. Никто из офицеров любого ранга и ранжира ей не перечил, а наоборот, они ей помогали. Каждый из них прекрасно знал, что за спиной этой красивой и ярко накрашенной девушки стоит фигура командирши, точнее, командира полка. Любое непослушание оных могло негативным образом отразиться на их карьере или сервисах и тряпках.

Молодая «прапорщица» все больше и больше завоевывала авторитет у командирши. Это давало красивой блондинке возможность приобретать определенные дефициты, которые регулировались лично командиром или замполитом части. На самом же деле все тряпки и сервисы распределяли люди без погон: командирша и замполитша полка. Иногда и у этих блюстителей справедливости возникали споры, если в магазин войсковой части привозили дефицитную вещь в одном экземпляре. Никто из простых смертных не знал содержание этих перепетий. Да и это никого не интересовало. Все в части вплоть до последнего хренового солдата знали писанные и неписанные законы Советской Армии, в основе которых был главный тезис о том, что командир всегда прав.

За потрясающий концерт, посвященный годовщине Октября, командирша лично вручила Еве Крот ковер «розы». Такая несправедливость «шахини» вызвало «заслуженную» обиду у жены

заместителя начальника штаба полка. Толстая майорша, каким-то образом узнав о об этом, при встрече со смазливой соплячкой ни только не здоровалась, но и отвернув свою толстую физиономию в сторону, почему-то смачно плевалась на землю. Ева при встрече с этой «мегерой» также себя неловко чувствовала. Иногда ей казалось, словно кто-то ей в заднее место кол вставил. Облегчение для блондинки наступило только после замены офицера.

От первого неожиданного дефицита Ева чуть было не расплакалась. Она сразу же побежала к дежурному по части искать своего мужа. Кузьмин в дежурку пришел только через полчаса. Денег для «роз» у него не оказалось. Их пришлось занимать у своих друзей. Поздно вечером прапорщик Игорь Кузьмин очень старательно вбивал гвозди в стену, на которую он вместе с женой собирался вешать очень дефицитный ковер. Молодая хозяйка просила своего милого тише стучать в стенку, дабы не раздражать стуком жену майора Полянчикова, заместителя начальника штаба, квартира которых находилась от них в двухстах метрах, в другом доме. Закончив дело с «розами», Игорь смачно выругался по отношению советских и армейских дефицитов. Затем пошел на кухню и налил в маленькие две рюмки по пятьдесят граммов водки. Посадив жену рядом с собою, он громко произнес:

- Ева, я пью за тебя, за твои успехи... Я, того и гляди, при помощи такой активной и красивой жены и до старшего прапора дорасту...

Дорасти до старшего прапорщика Игорю Кузьмину в этом полку раньше не удавалось. Не удалось ему и при жене, которая была под надежным крылом и защитой командирши. В том, что мужу Кротихи не везло с карьерой, он был виноват только сам. Молодого мужчину подводило пьянство. Виной этому была его дефицитная работа. В ротах и батальонах, как таковых, дефицитов не было. У советского прапорщика Кузьмина они были. Да еще какие! Игорек довольно часто замещал своего друга Кольку Степанова, который частенько болел или был в отпуске. Главный «тряпошник» полка из отпуска в часть приезжал всегда с месячной «задержкой», к тому же на законных основаниях. Прапорщик, едва переступив КПП, сразу же бежал в кабинет командира части с толстой папкой. В ней хранились всевозможные доказательства о болезни. Полковник Шарманов в медицине мало что смыслил. Для объективного анализа кучи справок и анализов офицер приглашал в кабинет начальника медицинской службы. Плешивый капитан довольно долго крутил в своих руках бумаги с всевозможными печатями и давал добро на их подлинность. От отпускного поноса никто и нигде не был застрахован...

Постоянное и временное пребывание на дефицитах давало

Кузьмину возможность не только иметь хороших корешей, но и зарабатывать неплохие деньги. Временный начальник вещевого склада на фальсификации всевозможных накладных не только пил, но и всегда кушал свежее мясо, масло и другую всевозможную «утварь». Корешком у Игоря был и прапорщик Козодоев, начальник солдатской столовой. Для прапорщика Кузьмина большой интерес представляла не только фамилия своего сослуживца, но и те дефициты, которыми располагал этот рано облысевший молодой человек. Во время своей холостяцкой жизни Кузьмин очень редко ходил обедать в офицерскую столовую. В небольшой комнатке, на двери которой было написано «Начальник столовой», два кореша просиживали довольно часто и довольно длительное время. Корешки не только хорошо кушали, но и неплохо выпивали. На склад горюче-смазочных материалов Игорь возвращался как огурчик, от которого часто из-за рта пахло то луком, то чесноком или совсем непонятно чем и кем. Да и к нему мало кто принимался. Кое-кто из посетителей сами «издавали» аналогичный запах. Были те, кто во время службы приглашал Кузьмина на «воздух», то есть на выпивон. Игорь в этих случаях бросал своему единственному солдату короткое и строгое указание:

- Если кто-то меня будет спрашивать, то скажи, что прапорщик Кузьмин ушел в подразделения. Ты меня понял, салага? Не дай Бог проспишь начальников, тогда пойдешь на кухню картошку чистить...

Подчиненный прапорщика вытягивался во весь рост и громко заверял своего начальника в том, что все будет нормально и без проблем. Нахлобучив фуражку с красным околышем на свою большую голову, Кузьмин тотчас же удалялся на «воздух». Любители «воздуха» сразу же уходили в «подполье», в те места, где их не могли заметить ни командир с замполитом, ни зампотех части. На «ты» с Кузьминым были и многие офицеры подразделений, которые нуждались в тех или иных «дефицитах», особенно во время проверок и в период подготовки к учениям.

Ева с первого дня пребывания в военном городке сразу же поняла то, что несмотря на низкий денежный оклад и воинское звание, Игорь позволял покупать себе спиртное. Это спиртное и дорогое пиво пила и Кротиха. «Блат» был у Кузьмина и на продовольственном складе, где Ева, как и другие жены офицеров и прапорщиков, получала пайковые продукты питания. Кореш Кузьмина, молодой прапорщик всегда стремился ей выбрать получше те или иные продукты. Эта «привилегия» на складе вошла в норму после концерта, на котором Ева была ведущей. Молодая женщина понимала и то, что одним из козырей «блата» является ее красота. Молодой завсклад частенько так страстно заглядывал в

глаза жены своего сослуживца, что Еве становилась как-то не по себе. На складе частенько свежих овощей или фруктов для посетительниц не было. Для Кротихи они всегда были. Кое-что из овощей и фруктов молодая семья покупала в немецких магазинах. Ева и Игорь нередко покупали все это за полцены и у немецких частников, которые жили рядом с военным городком. Летом молодая пара добывала для себя фрукты по «сезону» и более примитивным способом. Вечером молодые садились на велосипеды и выезжали за город. За городом вдоль дорог росли яблони, груши и сливы, которые собирались в основе своей советскими военнослужащими и членами их семей. Особенно тяжело «доставалось» фруктовым деревьям во время «атак» военнослужащих, которые проезжали по этим дорогам на всевозможные учения или полигоны.

Кротиха очень радовалась тому достатку, который имелся в их семье. И в этом была большая заслуга Игоря. Он использовал все возможности для пополнения семейного бюджета, которые имелись как в военном городке, так и за его пределами. Муж нередко приносил своей жене свежие цветы, которые он со своими корешами срывал на немецких полях, проезжая на БТРах. Ева и Игорь частенько лакомились рыбой, которую «добывали» солдаты в немецких хозяйствах. Кузьмин, хотя и не был заядлым охотником, но во время учений часто охотился на фазанов и зайцев, которые ходили целыми табунами. Однажды он привез домой целого кабана. Кabanье мясо Еве очень понравилось. Она с большим удовольствием под свежатину выпила две рюмки коньяка.

Сытная жизнь все больше и больше входила в небольшую квартирку молодых людей. Вечером, плотно покусав не только кое-что из «уставного» пайка, но и кое-что из солдатских дефицитов, Ева с Игорем выходили на балкон и дышали свежим воздухом. Игорь, как правило, с собою прихватывал бутылку холодного пива. Ева лакомилась всевозможными немецкими конфетами, которые чем-то напоминали съедобные резинки. Для красивой женщины в этот момент наступал особый пик земного блаженства. Она закрывала глаза и невольно вспоминала свое детство и нищету в Водяном. Осознавая то, что этой нищете наступил конец, блондинка, словно кошка, осторожно подходила к Игорю и жадно целовала его в губы. Через несколько мгновений они уходили в постель. Постельная идиллия дополняла земную идиллию блондинки. Она после того, как Игорь полупьяный от спиртного или пива, и от женской страсти и ласки, крепко засыпал, опять отдавалась всевозможным мечтам и надеждам. В душе и наяву молодая Кротиха была счастлива тем, что у нее наконец-то наступила такая жизнь, о которой она совсем недавно мечтала в

прогнившей избушке в глухой сибирской глубинке...

Жизнь в «райской» стране приносила для простой девушки из Сибири кое-что новое, о чем она никогда еще даже и не мечтала. С каждым днем жена прапорщика Кузьмина становилась все более популярной. И не только в своем военном городке. Перед Новым годом газета соединения «На боевом посту» напечатала большую статью об активной жизненной позиции члена семьи военнослужащего Еве Кузьминой. Корреспондент газеты рассказывал о том, как комсомолка Кузьмина ведет активную работу по интернациональному воспитанию среди военнослужащих Советской Армии и немецкой молодежи. Была помещена и большая фотография Евы в том нарядном платье, в котором она выступала на «звездном» праздничном концерте. Газету с заметкой Еве домой принес Игорь. Он, едва открыв дверь, сразу же начал «зубоскалить» по содержанию статьи. Молодые целый вечер смеялись над тем, что писака в статье об Еве многое и приврал.

Ева Крот не стала никому ничего по этому поводу доказывать или опровергать. На следующее утро командирша крепко пожалала руку своей подопечной и тихо шепнула на ушко:

- Ты, моя дорогая, так и скоро во всю Германию прославишься... Ты, у меня молодец и только... Евушка, не обижайся, что вместо твой настоящей фамилии Крот в статье тебя «обзывают» Кузьминой. Для многих в части ты есть только Кузьмина....

Ева в ответ ничего не сказала. Она в ответ командирше заразительно засмеялась, оскалив свои красивые зубы. В душе юная девушка была очень счастлива тем, что она имеет такую покровительницу, которая командует таким большим полком, насчитывающим более двух тысяч человек...

Приближался Новый год. Праздник был не военный, в большей степени гражданский, семейный. Однако он не лишал у военных возможности забывать о своем предназначении. В части за неделю перед праздником стали проводиться всевозможные совещания, на которых составлялись планы и инструкции по повышению боевой готовности. Прибавилось работы и женсовету, в том числе и Еве. По личному распоряжению командирши Еве было поручено вести программу Новогоднего огонька для офицеров и прапорщиков, и их семей. Ева с энергией взялась за это дело. Она всей душой чувствовала то, что у нее все это получится. Да и настроение у нее было очень праздничное. За два часа до начала Нового года Ева и еще двое женщин прошли по казармам, в которых располагались спецподразделения полка, и поздравили солдат с Новым годом. Женщины также вручили каждой роте большие торты, изготовленные членами женсовета.

За час до начала Новогоднего огонька замполит части еще раз проверил готовность ее организаторов. Он остался всем доволен. Два этажа Дома офицеров были в полной готовности для приема участников огонька. За пятнадцать минут до начала огонька на второй этаж в банкетный зал пришла небольшая группа местных немцев, которых сопровождал командир и замполит части. Сидящие за столами дружно приветствовали вошедших аплодисментами. Ева, на правах ведущей, открыла Новогодний огонек. С небольшим приветствием она обратилась и к немецким гостям на их родном языке. Это обращение ей написал лично сам замполит полка. Содержание «речи» на немецкий язык перевел один из солдат, который проучившись в институте два года, был призван в ряды Советской Армии. Ева это обращение выучила наизусть. Гости, услышав приветствие ведущей на своем родном языке, сразу же расцвели в улыбках. Мужчины встали и начали аплодировать красивой блондинке из Советского Союза, которая кроме «знания» немецкого языка обворожила их своей ослепительной улыбкой.

Ровно в двенадцать, когда куранты пробили двенадцать раз, все сидящие за столами встали и подняли бокалы с шампанским за наступивший Новый год. Торжество по уставному регламенту продолжалось около получаса. Затем все пошло так, как у русских. Участники торжества уже без всякого страха стали менять свои «ранжирные места» за праздничным столом, которые доселе были определены замполитом полка. На двух этажах, то здесь, то там, мгновенно образовались небольшие кучки военнослужащих и их жен. Были здесь также и вольнонаемные.

Для Евы такой пышный Новогодний огонек, да еще когда она была и ведущей этого мероприятия, был первым в ее жизни. Она поэтому и вовсю старалась. Она несколько раз спускалась со второго этажа на первый, где находился женский туалет и прихорашивалась. Сегодня она была по-другому одета, чем на том незабываемом для нее «революционном» концерте, который дал ей не то славу, не то признание в военном городке. Сейчас Ева, как и тогда, чувствовала себя в новом одеянии очень удобно. Блондинке очень нравилась короткая белая юбка с белой блузкой, на правой стороне которой был большой цветок, вышитый из блестящих розовых ниток. Точеная шея ведущей была повязана маленьким белым шарфиком. Наводя уже в который раз «марафет» в своей одежде, на лице и на голове, Ева несколько раз замечала завистливые взгляды многих женщин, посещающих женский туалет. Наиболее неказистые и толстые стремились почему-то не замечать ярко накрашенную блондинку со стройными ногами и в короткой юбке, из-под которой как им, наверное, казалось, вот-вот

«выпадут» не то белые, не то черные плавки. На эти взгляды Кротиха внимания не обращала. Ей в этот новогодний вечер было очень хорошо и этим она была очень счастлива. Она гордилась и тем, что ее работой было довольно руководство полка.

Ослепительно красивая блондинка специально несколько раз проходила мимо отдельного столика, за которым сидели немцы с командиром и замполитом части. Кое-кто из немцев сопровождал молодую блондинку обворожительным взглядом и улыбался. Командирша также была сегодня довольна своей любимицей и как всегда, приветливо махала Еве своей небольшой ручкой...

Счастливая Кротиха то и дело «шастала» по этажам и улыбалась своим сослуживцам и их боевым подругам. Ей сегодня все и вся на этих этажах нравилось. Ведущей огонька нравились эти молодые и сильные мужчины, в подавляющем большинстве одетые в парадные мундиры. Нравились и эти женщины, весело воркующие за столами или в коридорах здания. Кое-кого из модниц блондинка с трудом «признавала». Многие из представительниц слабого пола, «нацепив» на себя модные парики, доселе из брюнеток превратились в блондинок и, наоборот. Разнообразие цветов и красок, обилие улыбок радовало Еву, да и не только ее. Военные заботы и проблемы, как ей казалось, на это время покинули тех, кто принимал участие в этом торжестве. Торжественные здравицы и тосты лились ручьями, а может и даже, и полноводными реками.

Разнообразие спиртного и обильная закуска привели к тому, что кое-кто из виновников торжества «перебирал», при этом очень прилично. Некоторые участники огонька стали нецензурно выражаться, даже бранились. На первых порах Ева этого не боялась. Ее любимый Игорь ласково с ней простился и пошел в подвал клуба, где находились бильярдные столы. Ева, весело вздохнув, на короткое прощание чмокнула своего мужа в щечку. Кузьмин, слегка пошатываясь, как и все, неспеша пошел в бильярдный зал. Ведущая огонька, которой порядком уже стало надоедать «дежурное маячание» посреди зала, под села за праздничный столик к своей соседке Нине Барановой. Подруги мирно перешептывались и понемногу потягивали красное вино.

Затем начались танцы. Ева была нарасхват. С кем только она не танцевала! Красивую блондинку на танец пригласил даже строгий командир полка. Полковник, немного выпив, успел даже во время танца «нашептать» ей пару веселых анекдотов из армейской жизни. После окончания танца полковник, словно молодой лейтенант, нежно поцеловал блондинку руку и при этом громко щелкнул каблуками своих глаженных хромовых сапог. За танцами начались всевозможные аттракционы. После них Еву Крот ожидал

очень приятный сюрприз, которого она вообще не ожидала. В два часа ночи к участникам торжества обратилась председатель женского совета. Подвыпившая женщина, то и дело поправляя рукой свой парик с седыми волосами, который ей к тому же и не шел, громовым голосом известила присутствующих о том, что совет общественности части подавляющим большинством своих голосов признал Еву Кузьмину королевой новогоднего бала. Эта информация несколько обескуражила молодую женщину. Ведущая считала то, что эти выборы королевы бала были явно не «демократическими», по сравнению с тем, как они проходили на курсантском бале в военном училище. Заметив удивленный взгляд и замешательство красивой блондинки, на выручку «седой» полковничихе пришел сам командир части. Он, наполнив бокал шампанским, молодцевато вышел из-за «командирского стола» и подошел к ведущей. Затем поцеловал ярко накрашенную блондинку в щеку и торжественно произнес:

- Я и мои заместители решение общественности официально утверждаем...

После этого в зале раздался шквал аплодисментов, зазвенели бокалы. Под торжественную музыку оркестра председатель женсовета надела на голову Евы небольшую корону, напоминающую собой чем-то корону цариц или королев, которыми когда-то венчали выдающихся особ. С этой короной Ева была весь бал. Торжественная «коронация» Евы, была своеобразным признанием ее красоты, да, наверное, и не только этого. У девушки появился новый приток сил и творческой энергии. Красивая особа в эту ночь отдавала все для того, чтобы первый офицерский бал в ее жизни был радостным и светлым не только для нее, но и для всех тех, кто принимал в нем участие.

Прошло порядка трех часов, после того как куранты отбили начало нового года. Несмотря на столь позднее время, никто из участников торжества не расходился. Первыми огонек стали покидать немецкие гости. Среди провожающих была и Ева. Ей это впервые в жизни приходилось делать. В этих проходах она играла ведомую роль. Командир и замполит полка со своими женами считали проводы немецких товарищей одной из важнейших своих обязанностей и поэтому стремились как можно меньше пить спиртного. Молодая блондинка улыбалась, когда видела, как немецкие мужчины несколько «раскисли» от русской водки. Одного участника торжества по укреплению «дружбы» полушатающиеся командир с замполитом под аплодисменты своих жен «внесли» в микроавтобус. Немцы сквозь пелену алкогольного тумана дружно кричали: «Дружба-Фройндшафт» и также дружно хлопали в ладони через полуоткрытые окна автобуса...

После отбытия немецких гостей торжество стало стремительно приобретать оттенки русского застолья. Его участники и участницы в меньшей степени «подвергали» себя субординации. Некоторые прибавили «жару» в танцах. Кое-кто стал переходить на «ты» с тем, кто и по должности или по возрасту явно «превосходил» того, кто «тыкал».

«Апогеем» злоупотребления спиртного стала небольшая драка, которая произошла уже под самое утро в бильярдной. Драка произошла при непосредственном участии прапорщика Игоря Кузьмина. После того, как Ева с Игорем простилась, она его больше не видела. Она, надеясь на порядочность мужа, своего возлюбленного не контролировала. К тому же большого желания заходить в подвал она не испытывала. От густых облаков табачного дыма Кротиху тошнило. Вполне возможно, этой драки и не возникло, если бы командир и замполит части со своими женами не покинуло торжество. Ушедшие руководство мероприятием возложили на секретаря комсомольской организации полка, молодого лейтенанта. Запыхавшийся офицер стремительно подошел к Еве и шепнул ей на ухо о том, что прапорщик Кузьмин организовал в подвале драку.

Ева, словно рысь, рванулась вниз, надеясь моментально утихомирить своего мужа. Но, увы, своего возлюбленного усмирять ей не пришлось. Трое мощных офицеров, заслонив своими телами разбушевавшегося Игоря, крепко его держали. Игорь стоял в углу бильярдной и громко кричал на офицеров, которые не дают ему возможности набить «морду» целому майору.

В противоположном углу подвального помещения возле «морды» и его жены стояли два офицера. Они также не давали довольно буйным мужчине и женщине расправиться с прапорщиком Кузьминым. Поведение Игоря очень расстроило Еву. Она, невзирая ни на кого, со слезами на глазах бросилась было обнимать своего мужа. Но, увы... Она испугалась этого делать. Перед ней стоял совсем другой Игорь, которого она привыкла всегда видеть. «Повседневный» муж, пусть даже и полупьяный, был ласковым и что-то мог произносить и мыслить. Это был также не тот Игорь, которого она встретила совсем недавно в районном центре в Сибири. Перед Евой, стоящей в плотном окружении толпы зевак, стоял совершенно другой мужчина. Он сейчас был блондинке очень противен, как никогда. Лицо «незнакомое» было исцарапано, на левой щеке обильно сочилась кровь. Игорь то и дело делал попытки вырваться из-под сильных рук офицеров. Это ему не удавалось. Он тогда рычал и скрежетал зубами. Из рта прапорщика выделялась слюна, что делало его лицо неприятным и даже страшным. Что творилось в противоположном углу Ева

смотреть не стала. Слезы обиды и разочарования в своем муже душили красивую женщину. Она медленно отвернулась от Кузьмина и со слезами на глазах вышла вон. Через несколько минут блондинка была в своей квартире. Из Дома офицеров раздавались оглушительная музыка и смех...

Игорь пришел домой через два часа после того, как Ева со слезами покинула злосчастный подвал. Кузьмин, открыв ключом входную дверь, быстро разделся и затем зашел на кухню. Ева все это время не спала и плакала. Она поэтому слышала то, как Игорь достал бутылку водки из холодильника и жадными глотками стал пить спиртное из горлышка бутылки. Минут через пять мужчина грузно плюхнулся в постель. Через несколько мгновений он жадно поцеловал Еву в губы и с силой раздвинул ее ноги... Блондинка сопротивляться не стала, даже несмотря на то, что изо рта ее мужа выделось что-то вонючее, даже противное. Она в этот момент понимала бессмысленность своего сопротивления. Не только понимала, но и боялась это делать. Королева офицерского бала, словно стреноженное животное, лежала перед тяжело дышащим мужчиной и плакала...

В эту первую ночь нового года что-то в сердце Евы оборвалось. Кротиха поняла, что она и ее муж Игорь Кузьмин в эту ночь стали уже совсем другими, а может, даже и чужими. В том, что они уже никогда не будут такими, какими они были еще до наступившего нового года, женщина нисколько не сомневалась.

В своих рассуждениях Ева Крот не ошиблась. Начало наступившего года, да и практически весь год для Евы и Игоря стал далеко небезоблачным. На следующий день весь полк то и дело «шушукался» о том, что произошло в бильярдной. Все считали виновником произошедшего прапорщика Кузьмина, мужа Евы Крот. Многие старожилы военного городка, то и дело, «разбавляли» содержание драки дополнительными неблагоприятными поступками, которые прапорщик Кузьмин совершал за время своей службы в полку. К тому же, «древняя» информация обростала все новыми и новыми подробностями.

В этот же чертов день после обеда на квартиру Кузьминых прибежал полковой посыльный и сказал Еве о том, что ее просит срочно прийти на собеседование секретарь комсомольской организации полка лейтенант Басаргин. Ева тотчас же оделась и пришла в штаб полка, где на втором этаже находился кабинет главного «комсомольца».

Лейтенант очень приветливо встретил королеву офицерского бала. Офицер без всяких вступлений и обиняков очень подробно рассказал Еве о драке в бильярдной. Молодой мужчина не забыл также козырнуть и тем, что он успешно выполнил

рекомендации замполита полка майора Гришкина, который предупредил его о том, что бильярдная есть самое «злачное место в части», где могут возникнуть «по пьяной лавочке» драки среди офицеров и прапорщиков. В этом «злачном месте» было даже кое-что и поинтереснее. Нина Баранова совсем недавно рассказывала Еве о том, что однажды здесь на бильярдном столе женатый офицер «трахнул» одну из вольнонаемных, которая потом почему-то на его пожаловалась замполиту полка.

Ева, слушая рассказ вожака комсомольской организации части, внимательно смотрела на офицера. Она все это время старалась угадать истинное содержание внутреннего мира и души этого человека. Мнение у ней по этому поводу было двояким. Жена организатора драки прекрасно понимала то, что этому офицеру по долгу службы полагалось информировать замполита полка о чрезвычайном происшествии. И он это делал очень умело, и даже искусно. От своего мужа, да и от некоторых офицеров и их жен, Кротиха слышала далеко нелестные высказывания о «творческой» деятельности комсомольца. Вожак армейской молодежи пользовался очень большим доверием у командира и замполита полка. Они, благодаря этому информатору, знали буквально все хорошее и плохое, происходящее во всех подразделениях. Ева, видя сейчас перед собою еще юношеское и милое личико «дёгтемаза» с тщательно причесанными волосами, среди которых уже виднелись очень маленькие островки будущей плешины, почему-то не все брала близко к своему сердцу, о чем так подробно ей рассказывал Басаргин.

Драка возникла практически из ничего. К бильярдному столу, за которым «резался» прапорщик Кузьмин со своим другом прапорщиком Козодоевым, неожиданно для играющих «приплыла» жена майора Хорева, начальника химической службы части. Женщина была довольно маленького роста и до невозможности тощая, как палка. При всем этом участница огонька была одета в ярко красные штаны и цветную кофту. На голове ее был в прямом смысле «нахлобучен» парик из густых ярко рыжих волос. Своим внешним видом майорша напоминала циркового клоуна. Женщина, одетая по последнему «писку» моды, приостановилась возле бильярдного стола. Затем, не то с издевкой, не то с каким-то повелением, громко завопила:

- А ну, прапора Козодоевы, прекращайте курить, а то спасу нет от вашего дыма... Меня от этой дымехи тошнит...

Продолжить назидательное «словоблудие» жена офицера уже не имела возможности. Этого ее лишил прапорщик Кузьмин. Пьяный Игорь, который только что опустошил бутылку водки со своим напарником, без всякого чинопочитания произнес:

- Ты бы, шалава, катилась отсюда, блядь... Иди к своему химику и попроси у него противогаз...

Слова, сказанные прапорщиком, женщине явно не понравились. Она, как бы в отместку «прапорам Козлодоевым», взяла своей маленькой ручкой пару шаров с бильярдного стола и бросила их на пол. Это очередное «противоправное действие» опять не понравилось Кузьмину. Он со всей силой ударил женщину кием по худой заднице. Кий мгновенно переломился на две части, произведя при этом почему-то громкий звук. На этот звук сразу же повернулись другие пьяные и полупьяные игроки, и зеваки. Тотчас же раздался смех, который очень не понравился дотошной женщине. Полупьяная «химичка», с перекошенной от злобы физиономией, со всей прытью подбежала к Кузьмину. Она по-женски ловко извернулась и со всей силой процарапала рукой лицо обидчика. Муж Евы Крот, даже несмотря на то, что он был сильно пьян, среагировал мгновенно. Молодой мужчина, взяв худобу подмышки, с силой бросил ее на бильярдный стол. Зеваки от неожиданного циркового представления чуть было не попадали от смеха. На этом «витке» циркового представления застал свою возлюбленную начальник химической службы полка. Майор по физическим возможностям был даже несколько мощнее Кузьмина. Он также имел больше «прав» по своей должности. Старший офицер не материл обидчика своей жены. Он не махал и кулаками. Хорев, как более трезвый и натренированный мужчина, ловко схватил прапорщика за руку и резко завернул ее за спину обидчика. Кузьмин взыл от боли, как собака, и мгновенно опустился на колени. Никто из зевак не стал вмешиваться в происходящее. Кореш Игоря по кию и по пьянке прапорщик Козодоев к этому времени куда-то исчез. Через несколько минут в подвал прибежал лейтенант Басаргин. После его появления подавляющее большинство зевак сразу же исчезло. Их словно кошка слизала. Покинувшие подвал боялись попасть на заметку в «черную книгу» командира или замполита полка...

С тяжелыми чувствами покидала Ева кабинет главного комсомольца. Она прекрасно знала то, к чему может привести происшедшее с ее мужем. «Штрафные» санкции из-за мужа против Евы последовали незамедлительно. За ней уже не прибегал каждый день посыльный солдат по поручению женсовета. Кротиха и сама где-то неделю по собственному угрызению совести не ходила в Дом офицеров. Таким образом женщина хотела как-то спрятать свое разочарование от происшедшего. В своей небольшой квартирке жена прапорщика покоя себе не находила. С каждым днем собственного «заклочения» ей также невоготу становился и Игорь, который приходил домой «под мухой». Игорь для Евы

«увядал» с каждым часом. Равнодушие ее к мужчине господствовало и в постели. «Любовь» супругов, как правило, заканчивалась тем, что Игорь, насытившись телом своей жены, сразу же с нее сползал и тут же засыпал. Ева после того, как муж начинал храпеть, сиеминутно бежала подмываться в ванную комнату. Она хотела как можно скорее избавиться от того, что пьяный супруг во время полового акта «испустил». Очередной процедурой стерильности была чистка зубов. Зубы она чистила с особой старательностью. Затем женщина также усердно полоскала рот, надеясь избавиться от вонючего запаха, который исходил довольно часто изо рта мужчины. Этот запах содержал в себе смесь спиртного и сигарет, а иногда лука и соленой рыбы. И не только это...

Самовольное недельное затворничество Евы никаким образом не повлияло на командиршу. Полковничиха гонцов в солдатских погонах или кого-либо из своих подчиненных из состава женсовета за Евой не посылала. И это на нет изводило молодую женщину. Неизвестно сколько бы это затворничество красивой блондинки продолжалась, если бы не угрожающее положение Игоря, в котором он оказался. Ровно через неделю после происшедшего, Кузьмин пришел домой вечером очень возбужденный и к тому же не пьяный. Ева, едва увидев своего мужа, сразу же почувствовала что-то неладное. Игорь, не притрагиваясь к ужину, который уже стоял на столе, с глубоким вздохом произнес:

- Ева, ты даже не представляешь как против меня замполит волокет. После завтра будет суд прапорщиков... Меня хотят уволить за дискредитацию высокого звания советского прапорщика...

Последние слова он произнес с болью в сердце, словно хотел плакать. Немного помолчав, мужчина опять произнес:

- Ева, я этого, честно говоря, очень боюсь. Я уже несколько раз бывал в кабинете у замполита. Этот жук меня уже много раз предупреждал об увольнении.... Сейчас я думаю то, что это его последнее предупреждение... К тому же, наш начмед, который кроме как мазать больных солдат зеленкой ничего не умеет, сочинил целую петицию жене начхима, которую я будто сильно искалечил.... Она, недолго думая, с этими бумагами сразу же пошла к начальству... О том, что я ей причинил телесные повреждения, знает уже командир дивизии. Одним словом, наверное, мне придется хана.... Ты знаешь к чему это приведет...

Игорь больше ничего не мог говорить. На душе у него скребли кошки. В подавленном состоянии была и Ева, которая, выйдя замуж за Кузьмина, и живя в ГДР, строила большие планы на будущее. Мужу оставалось защищать передовые рубежи Европы еще три года. За это время она надеялась хоть немного накопить денег...

Сейчас эти планы могли в один момент рухнуть как карточный домик. От страха перед таким вариантом своего будущего у блондинки перехватило дыхание...

Целую ночь молодая пара не сомкнула глаз, обсуждая дальнейший план своих действий. Под утро Ева и Игорь пришли к выводу, что реальной силой, которая могла бы хоть в какой-то мере приостановить «карающий меч» над прапорщиком Кузьминым, была только командирша. Игорь даже привел своей жене несколько примеров из жизни военного городка, когда командирша приходила на помощь некоторым офицерам и прапорщикам.

Ровно в двенадцать дня Ева перешагнула порог офицерской библиотеки, где работала Нина Алексеевна, командирша. Заведующая библиотекой встретила Еву очень дружелюбно и сразу же усадила блондинку за стол. Вскоре женщины неспеша лакомились печеньем и пили чай. Командирша, как и раньше она это делала, все болтала о предстоящих планах работы женсовета. В его работе далеко не последнюю роль она отводила и Еве Крот. Это радовало молодую девушку. Ей даже казалось, что Нина Алексеевна забыла о похождениях прапорщика Кузьмина или вообще не хочет о них знать. Однако Ева, внимательно глядя в эти строгие глаза старшей по возрасту женщины, не только понимала, но и чувствовала своим нутром, своей душой притворство командирши. Кротиха прекрасно знала, что командир полка всегда держал свою жену в курсе происходящих событий в военном городке, да и не только об этом...

Ослепительно красивая особа с большим вниманием слушала свою наставницу и со всем соглашалась. Да и не соглашаться было не только бесполезно, но и бессмысленно. Ева, как никто на этой земле, понимала сложность жизненной ситуации, в которой оказался ее муж. На практике это означало ее равнозначность и для Евы. Из этого военного городка, из этой цветущей и сытой страны красивой блондинке не хотелось уезжать. Безысходность положения заставляла Еву действовать очень осторожно и неспеша. Это она понимала особенно четко, когда старалась хоть каким-то образом прочитывать глаза своей собеседницы.

Нина Алексеевна в отличие от молодой и смазливой блондинки таковых мыслей в своей голове не имела. Командирша, как женщина, в душе была очень суровая и практичная. Она прекрасно понимала то, что в этом военном городке ее муж гвардии полковник Шарманов бог и царь для всех живущих. Исключение для царя составлял замполит полка майор Цвииков. Однако и он, иногда на проделки командира смотрел сквозь пальцы. Причиной этому была его любимая жена, дотошная до всевозможных тряпок. Эта тяга, наверное, была вызвана еще тем, что предыдущие

двадцать лет семейная чета прослужила в степях Казахстана, где они кроме красного кумача да солдатских котелков ничего не видела. Замполиту оставалось четыре года до пенсии. Изголодавшийся по тряпкам и земным удовольствиям, политработник с ведома жены довольно часто прощал «ошибки» командира части. Майор, «забывая» проинформировать вышестоящее партийное начальство о проделках полковника Шарманова, иногда по ночам не спал. Коммунист не страдал от беспринципности. Он просто боялся того, что кто-то из личного состав полка «капнет» про командира наверх без его ведома.

Нина Алексеевна всегда жалела своего мужа. Она в равной степени переживала за его падения и взлеты. Полковник Шарманов приходил домой очень поздно. В своем кабинете он иногда засиживался до десяти вечера, а то и позже. Большими организаторскими способностями офицер не обладал. Да их и не надо было ему иметь. Да и не только Шарманову. Везде и всегда действовала магическая сила Устава и Приказа. Благодаря им полковник мог в любое время суток вызвать любого офицера и снять с него стружку. В этом плане командир части имел большой опыт. «Воспитывать» подчиненных офицеру охотно помогала и его боевая подруга. Шарманиха военного кителя не носила. Она также и на учения не выезжала. Однако ее дух присутствовал везде и всегда. Без нее у командира на все сто процентов не было бы таких больших звезд. Еще в стенах «военки» молодому сельскому пареньку понравилась, а может, даже и не очень, дочка заместителя начальника училища. Девушка очень часто посещала различные политические и культурные мероприятия. Почти четверть века прожили и прослужили Шармановы вместе. За все это время они ни разу не переваливали за Урал. Их «географическая» служба была чисто европейской. Офицер служил в столице Союза и в двух столицах союзных республик. Причиной этому были не полководческие способности Шарманова, а родословная его жены. Об «особенностях» своей боевой подруги командир никогда не забывал. Да и сейчас он был очень признателен ей за то, что знакомый генерал тестя дал возможность полковнику Шарманову перед пенсией послужить в Германии. Стратегическое значение своей невесты молодой лейтенант понял сразу же после свадьбы, которая прошла с большим размахом в одном из ресторанов столицы. Служба у начинающегося «салаги» шла как по маслу. За все время службы Шарманов молодой и уже зрелый уяснил только одно. Карьеру ему делали в большей степени не его подчиненные, а его боевая подруга, связи ее отца. Лично сам тесть в своей карьере не имел «волосатой» руки и поэтому спокойно дослуживал свой срок. Полковник, Герой Советского Союза десять лет ходил в

«полканах». До генерала, как говорят, был один только шаг. Но, увы... Без широких лампасов ушел он и на пенсию. У участника Великой Отечественной войны была не та «родословная». В том, что и его зять не будет генералом, командир полка гвардии полковник Шарманов также не сомневался. Не сомневалась и его жена...

С этими мыслями в голове Нина Алексеевна внимательно разглядывала красивое лицо смазливой блондинки, которая почему-то ей и сейчас продолжала нравиться. Командирша, честно говоря, этой простой крестьянке в какой-то степени даже и завидовала. Ей, особенно, в годы «лейтенантской» молодости хотелось быть красивее всех. Она даже злилась, когда подчиненный ее мужа имел красивую жену. Ей хотелось чем-то даже досадить этой женщине. Она нередко изыскивала всевозможные пути для того, чтобы «насолить» по службе обладателю красивой блондинки или брюнетки. Шарманихе, к ее сожалению, не всегда это удавалось сделать. Женская месть командирши «отступала» перед теми, кто имел куда солиднее связи, чем ее отец. Иногда в подчинении Шарманова были офицеры значительно его моложе и с очень красивыми женами. Через год или два «волосатые» птенцы покидали своего отца и сами становились его начальниками. Нина Шарманова от зависти иногда плакала и все им «прощала». Женщина прекрасно понимала то, что против архи-больших звезд и «непролетарской» родословной, которые имели вновь прибывшие офицеры, ни она, ни ее муж ничего сделать не могли. Да и не пытались. Это было равносильно тому, что против ветра одно дело делать. Ева Крот, как таковой, опасности для Шармановой не представляла. Супруг этой смазливой соплячки был простой прапорщик и больших планов на службу не имел...

Командирша, как опытный, не то философ, не то психолог, прекрасно понимала цель визита молодой девушки, как только она переступила порог библиотеки. И в этом она еще раз убедилась, когда стала смотреть на свои часы. Они показывали без четверти час. В это время командирша закрывала офицерскую библиотеку и шла на обед домой. Не успела командирша еще и привстать из-за столика, как Ева неожиданно для нее разрыдалась. Такая развязка беседы не столь уже и сильно ошарашила жену командира полка. Командирша стала ласково гладить голову молодой блондинки и тихо приговаривать:

- Ева, товарищ Крот, пожалуйста, успокойтесь. Ну, Ева, возьми себя в руки. Я прекрасно понимаю, что Вашего мужа могут выгнать из армии. Это для Вас двоих будет очень плохо. Однако я постараюсь Вам и Вашему мужу хоть чем-то помочь... Тем более, Ваш концерт очень понравился начальнику политического отдела...

Больше жена командира части ничего не сказала. Взяв

дамскую сумочку, она быстро вышла из библиотеки. Ева последовала за своей покровительницей. Женщины прошли через строевой плац, не промолвив ни слова. Каждый думал о своем...

Вечером пришел Игорь. Молодая пара опять стала обсуждать дальнейший план своих действий. Поведение Евы во время визита к командирше Кузьмину очень не понравилось. Мужчина просил свою жену вновь завтра посетить «нечаянно» библиотеку. Ева, несмотря на злорадство Игоря, к командирше не пошла ни завтра, ни на следующий день.

Суд прапорщиков состоялся через три дня после того, как Ева нанесла визит в библиотеку. Замполит на суд пригласил и жену «подсудимого». Обвинительных речей в адрес провинившегося было много и разного толка. Кузьмин стоял посреди небольшого зала, словно мертвый. Его китель, несмотря на относительно прохладную температуру в зале, был весь мокрый. Ева сидела в углу зала и тихонько плакала. Иногда она пристально бросала свои жалостливые взгляды то в сторону мужа, то в сторону стола, за которым восседали командир с замполитом. Кротиха прекрасно понимала то, что судьбу ее мужа сейчас определяют ни эти два десятка прапорщиков, смиренно сидящих за столами. Судьбу Кузьмина, его жены определяли сейчас только двое. Они сидели с серьезным и умным видом, имели большие звезды на погонах.

Решение собрания прапорщиков Ева встретила с большим удовлетворением и радостью. Прапорщика Кузьмина из армии не увольняли. Его основательно пожурили и дали последнее предупреждение. Зал, в котором было собрание, Кузьмин и Кротиха покидали последними. Во время выхода из клуба они неожиданно встретили командира с командиршей. Полковник с надменным и презрительным взглядом посмотрел на прапорщика Кузьмина и громко произнес:

- Товарищ прапорщик, я дал Вам последнюю надежду на исправление. Больше пощады не будет. Ясно?

Кузьмин, словно его только что вытащили из парилки, очень тихо и преданно произнес:

- Я Вас понял, товарищ гвардии полковник... Я, Вам, товарищ гвардии полковник, очень-очень благодарен за то, что Вы меня оставили в рядах нашей доблестной Советской Армии...

Ева мимолетно посмотрела на мужа. Из глаз мужчины текли слезы. Командирша, поймав преданный взгляд молодой подопечной, мило улыбнулась и, как всегда, помахала блондинке своей маленькой ручкой.

Ева Крот с этого момента почувствовала новый прилив сил и творчества, и решила делать все возможное для того, чтобы ее жизнь с Игорем была сытной и счастливой...

На дворе стояла настоящая зима. Зима в Германии значительно отличалась от той, которая была в Сибири. Здесь не было таких страшных морозов, отсутствовали и большие сугробы снега, которые когда-то в детстве маленькая Ева расчищала в небольшой ограде своей избушки. Немецкая зима имела и свои особенности. На дворе хотя и не было большого мороза, однако влажный воздух при небольшой минусовой температуре давал о себе знать. От влажного воздуха руки молодой женщины даже в теплых рукавицах иногда замерзали. Неотъемлемой частью зимы были и туманы. Они иногда были такие густые, что в двух метрах нельзя друг друга было видеть. Нередко шли и дожди, к которым в зимних условиях Ева вообще не привыкла. Спасало то, что зима была здесь не продолжительная и даже теплая. В некоторые зимние дни люди выходили на улицу в такой же одежде, что и летом.

Моральное и политическое воздействие командования части и сотоварищей положительно повлияли на поведение прапорщика Кузьмина. Он стал меняться в лучшую сторону. И это, в первую очередь, чувствовала Ева. Игорь приходил со службы без всевозможного запаха. Внес он определенные коррективы и в постели. Мужчина не был уже в такой степени эгоистом как раньше. Муж ласкал свою жену даже после того, как молодая пара, обессиленная от любви и страсти, медленно «утихала» в постели.

Каждый новый день Ева «открывала» в своем муже что-то хорошее и необыкновенное, которого до этого в Игоре не было. Мужчина становился настоящим семьянином. В выходные дни молодая парочка выходила в город и гуляла на свежем воздухе. С каждым новым выходом городок для молодой женщины становился все более знакомым и родным. Молодая супружеская пара побывала в крепости, где по словам Игоря, десятки лет сидели узники свободы. Ева вместе с мужем поднялась и на башню, на которую когда-то поднимался не то сам Гитлер, не то кто-то из его заместителей. Как правило, в выходные дни небольшое семейство лакомясь в кафе «Мороженое». Из довольно большого ассортимента этого лакомства Еве нравилось сливочное мороженое с клубникой, которое несколько отличалось от того, что она кушала в Советском Союзе. Игорь не был большим любителем мороженого. Он охотно пил пиво, в сортах которого прекрасно разбирался. Молодые уединялись за небольшим столиком и все время о чем-то болтали. Иногда это им надоедало и они начинали «глазеть» на тех, кто сидел за такими же столиками или наблюдали за теми, кто проходил мимо этого кафе.

Не обходили молодые стороной и магазины. Ева после «разборки» Игоря теперь по-особому любила посещать эти «заведения» именно только с мужем. Советская немка, прекрасно

понимая то, что ее муж не имеет никакого понятия в выборе женской одежды, просто-напросто хотела его присутствия. Она несколько раз примеряла все новые и новые платья и костюмы перед зеркалом и любовалась собою. Ей одновременно было приятно видеть и Игоря, который стоял рядом с ней перед зеркалом. Кузьмин в момент примерки ничего не говорил. Он просто громко сопел. Для Евы это означало то, что одежда или обувь, примеряемая его женой, ему также нравится. После своеобразного мужского «да» Ева больше уже не любовалась одетой блузкой или платьем. Блондинка любовалась своим мужем. Она прекрасно понимала, что Игорь был далеко не писанным красавцем, но ей нравился этот мужчина, ее муж. Кузьмин, как правило, ходил в город в цивильной одежде. Особенно Игорь «преуспевал» в своей фигуре, на котором очень ладно сидел коричневого цвета немецкий костюм. Кузьмин к этому костюму всегда одевал ослепительно белую рубашку с цветным галстуком и блестящие лакированные туфли черного цвета. В таком одеянии хотела видеть своего мужа Ева, жена прапорщика Кузьмина.

Высокий мужчина с мощным телосложением и ослепительно красивая блондика, которая была немного ниже его ростом, быстро «прижились» в немецких магазинах. Многие продавцы весело приветствовали молодых и красивых людей из Советского Союза на русском языке. Кое-кто из немцев говорил слова приветствия с большим акцентом, но это нисколько не расстраивало вошедших. Ева вместе с Игорем иногда в один голос приветствовали тех же немцев только на немецком языке, с тем же аналогичным акцентом. После взаимного приветствия те и другие громко смеялись, иногда пожимали друг другу руки.

Игорь и Ева, неспеша идущие по узким немецким улочкам или посещающие магазины, нередко становились «объектом», который привлекал проходящих немцев. Особенно это происходило тогда, когда Ева вместе с Ниной Барановой «шастала» по магазинам. Кое-кто из немецких мужчин, еще издали заприметив женскую пару, и в первую очередь, ослепительно красивую блондину с ярко накрашенными губами и стройными ногами, которые прикрывала очень короткая юбка, на какой-то миг замедляли свое движение. За несколько метров до встречи зевака вовсе «тормозил» и пристально бросал изучающий взгляд на Еву снизу вверх и сверху вниз. После того, как красивый «объект» проходил мимо, наиболее страстные мужчины поворачивались на сто восемьдесят градусов и придавались всевозможной фатазии. Ева, прекрасно понимая о чем могли мечтать эти мужчины, нередко сама разворачивалась на столько же градусов и от души смеялась...

Игорь, понимая притягательность мужчин к своей жене, на

Еву не обижался и не ревновал ее. Он в силу своих возможностей давал отпор тем, кто имел привычку «пялить» глаза на чужих жен. Русский, увидев томный взгляд прохожего на Еву, иногда на «зеваку» смотрел так грозно, что тот в сей же момент резко отворачивал свою голову в сторону и с неподдельным блаженством рассматривал приличной «округлости» жену или знакомую.

Красота Евы привлекала немецких мужчин, строителей социалистического общества не только на какой-то миг. У некоторых из них образ Евы был словно заноза в сердце, которая долго ныла и не давала им спокойно жить и спать. В большинстве своем Кротиха ходила по городу со своей подругой Ниной Барановой. Игорь в принципе также не был против лишнего раз с женой побродить по улицам или паркам города, но увыв... Служба требовала своей ответственности и выполнения обязанностей.

Однажды молодые подруги, преодолев ворота КПП, уверенно направились в обувной магазин, который находился в каких-то пятистах метрах от военного городка. Женщины спешили за приличной и совсем недорогой женской обувью. Об этом Ева и Нина узнали от своих подруг, которые уже успели «промаячить» все близлежащие магазины. В метрах ста от магазина перед женщинами, мирно шествующими по тротуару, неожиданно остановилась легковая машина советской модели. Из «Волги» ГАЗ-21 белого цвета с различными «прибабаками» на колесах и на дверцах, и с немецкими номерами стремительно вышел молодой человек. В руках высокого незнакомца было два небольших букета цветов. Мужчина на русском языке с небольшим акцентом весело произнес:

- Здравствуйте дорогие женщины из Советского Союза.... Я хочу подарить Вам цветы... Мне приятно это сделать, так как я очень интересуюсь жизнью Вашей страны...

Дальше русскую речь с немецким акцентом молодого парня женщины не стали слушать. Понимая то, что торжественный «монолог» от незнакомца требует немалых умственных затрат и поиска нужных слов, женщины без всякого стеснения приняли цветы от благородного немца. Хором сказав «Данке», «Спасибо», они продолжили свое движение к обувному магазину. Немец, радостный тем, что вручил цветы молодым женщинам, и видя то, что они торопятся куда-то, решил им не мешать. Сделав несколько шагов вместе с женщинами в сторону магазина, мужчина остановился. Затем, помахав рукой спешащим русским красавицам, он решительно направился к своей машине. Встреча с молодым немцем, которого еще по-настоящему женщины и не успели разглядеть, у подруг оставила очень приятный осадок. После того, как каждый из них купил все то, что желал, подруги решили

немного передохнуть. Женщины присели на небольшую скамеечку, которая находилась неподалеку от магазина. Ева и Нина, бросив в сторону друг друга несколько приятных комплиментов по поводу удачных покупок, приступили к обсуждению неожиданной встречи с немцем. «Заводилой» и фантазером в разговоре была Нина Баранова. Она, разглядывая небольшой букетик красных роз, неожиданно подаренных ей незнакомым немцем, весело смеялась. Потом, глубоко вдохнув запах цветов, с грустью сказала:

- Эх, Евка, жизнь наша бековая. Мы с тобою еще счастливые женщины, что наши мужья попали в ГДР. У моего ротного сослуживец попал в тайгу сибирскую. Пишет то, что кроме снега да комаров ничего не видит. Через пару лет, вполне возможно, и нас с тобою такая участь ждет. А этот молодой немец живет как цивилизованный человек. У него машина, скорее всего, хорошая квартира и красивая жена...

После короткого молчания подруга Евы опять глубоко вздохнула и проговорила:

- Ты, знаешь Ева, мы с тобою женщины замужние... Скоро надо опять ехать в наш могучий Союз... Я бы, будь незамужней, давно бы нашла себе в этих краях местного немца. У нас в полку до твоего приезда служил у майора Ветошникова прапорщик Турсуков. Прапор все время холостяковал, да и пил прилично. Его на службу днем с огнем не сыщешь... Все пропадал в городе, шатался по гаштедтам.... За полгода до его замены однажды я узнала о том, что он решил жениться на местной немке. Об этом узнали командир с замполитом. Ты прекрасно можешь представить то, что могли наши военные чиновники с ним делать... Бедному влюбленному пришлось даже пройти собеседование с командиром дивизии. Думаю и то, что влюбленная немочка прошла умственную «очистку» и в своих соответствующих органах. Сначала у нас и у них не давали разрешение на брак. Турсуков даже согласился на то, что он увезет свою немку в Казахстан, к себе на родину. Немка согласилась съездить в родную деревню своего жениха. Возвернулись они буквально через неделю. Немке не понравилось у нас. Не успели молодые выйти из электрички, как пошел дождь, да такой сильный, что до родной деревни, до которой было всего пару километров, они шли целый час. Жених нес свою невесту на руках, дабы она не простыла. Немочке к тому же не понравился уклад деревенской жизни, особенно магазин в ауле, где кроме гороха да водки ничего не было... Одним словом, немка поставила перед своим женихом условие: или ты останешься здесь со мною, или езжай один в свой великий Советский Союз. Прапорщик выбрал первое. Не знаю, что было у них дальше. Однако вскоре парочка зарегистрировалась... Через пару месяцев они переехали в другой

город, дабы им русские своими расспросами не докучали. Я слышала, что Жорик устроился работать слесарем на заводе и у них родился сынишка...

Ева, после того как Нина «достоверно» рассказала ей историю интернациональной любви, пару минут молчала. Она не собиралась оставаться в ГДР жить, хоть и была немкой. Ее пока устраивал и Союз... К тому же Кузьмину еще оставалось служить в ГСВГ приличное время...

Размышления Кротихи прервала ее подруга. Нина, внимательно глядя в глаза красивой блондинки, серьезно произнесла:

- Евка, я хочу тебе сказать то, что немец притормозил сегодня только ради тебя. Вот поверь мне, я точно знаю...

На умозаключение своей подруги Ева никак не прореагировала. Она была еще во власти дум о немке, которая вышла замуж за советского прапорщика. Блондинка и сама понимала то, что на немецкой земле жить намного интереснее, чем в каком-то Водяном, даже и в том же Ктомске или Молихове.... Менять русского Игоря Кузьмина на немца Кротиха не думала и не собиралась. Она была замужняя женщина. Ну, а то, что немец может хочет за ней «ухлестнуть», Еву это даже в некоторой степени завораживало и только всего...

Ровно через месяц советская «Волга» с немецкими номерами также неожиданно, как и раньше, притормозила перед Евой, которая шла по улице неподалеку от городского зоопарка. В этот день Ева гуляла одна. Нина Баранова уехала с мужем в отпуск. Увидев знакомую «Волгу», женщина очень обрадовалась. Ева от себя не скрывала то, что она в своей душе и в своем сердце даже надеялась на эту встречу. Игорь хотя был и для нее мужем, однако Ева иногда считала то, что она выбрала себе далеко неравного партнера своей жизни. Эти довольно пессимистические мысли об Игоре стали проходить в голову блондинки совсем недавно, где-то неделю назад. Большая «стружка» на мужа Кротихи действовала совсем мало. Он опять стал приходить с запахом спиртного. В те вечера, когда Кузьмин приходил с запахом, Ева и сама составляла ему компанию за столом, дабы не вдыхать от своего мужа запах водки или пива. После того, как Игорь насытившись женским телом, поворачивался на бок и засыпал, Ева долго не могла сомкнуть глаза. Иногда она не спала целую ночь. Молодая женщина все это время предавалась всевозможным фантазиям. Многие из этих тайн были ведомо только ей и никому другому. Королеве офицерского бала очень нравился молодой командир батальона капитан Марфин, который был высокого роста, подтянутый и очень энергичный мужчина. Женщине нравился этот военный, особенно

тогда, когда его батальон проходил торжественным маршем мимо трибуны. Ева, как и многие женщины части, стояла неподалеку от трибуны и с восторгом наблюдала за тем, как молодцевато печатал шаг этот молодой человек. Только этим и заканчивалась вся «любовь» очаровательной блондинки к этому симпатичному военному. Ева понимала то, что ее Игорь не шел ни в какое сравнение с этим офицером. И от этого женщине иногда становилась не по себе. В «тяжелые» моменты любовной страсти к комбату, ей хотелось даже убежать от этого прапорщика и из этой однокомнатной квартиры и куда-то спрятаться или исчезнуть навсегда, но только с капитаном. Дальше «страдать» по офицеру Еве было некогда...

Из машины вышел тот же высокий немец, который, как и раньше, нес в своих руках букет алых роз. На этот раз букет был значительно красивее и значительно больше. Ева, словно давняя знакомая, решительным шагом пошла навстречу знакомому незнакомцу и приняв цветы, сразу же протянула руку немцу для приветствия. Молодой мужчина очень был доволен тем, что советской блондинке понравились его цветы. Он, словно боясь выпустить жар-птицу из своих рук, быстро взял Еву за руку. Затем, легко открыв дверцу машины, немец осторожно посадил красивую блондинку на переднее сидение. Через двадцать минут немец из ГДР и русская немка из Советского Союза, словно давнишние знакомые, сидели за столиком в гаштедте небольшой деревни, которая находилась в тридцати километрах от Давельбурга. Хорст, так звали немца, решил как можно дальше увезти красивую блондинку от глаз ее и его всевозможных знакомых. Ева, сидела за столиком и потягивая пиво, внимательно рассматривала немца, который все время говорил и говорил. Женщине от этого разговора становилось с каждой минутой все веселее и радостнее на душе. Хорст, как оказалось, уже давно приметил очаровательную советскую блондинку, которую он совершенно случайно увидел в одной из праздничных колонн во время первомайской демонстрации. Ева, конечно, не предполагала, что этот симпатичный мужчина средних лет в тот праздничный день следовал за небольшой группой русских женщин до самого КПП советского военного городка. После этого немец устроил своеобразную «охоту» за советской красавицей, которая довольно часто бывала в немецких магазинах. Поклонник красоты Евы хотел уже очень давно приподнести цветы блондинке. Этому благородному поступку мешала подруга Кротихи или ее муж.

Рассказ Хорста все больше и больше завораживал сидящую блондинку, которая с большим аппетитом и неспеша кушала горячие сосиски с горчицей. Мужчина, также как и его собеседница,

лениво потягивая пиво и поглощая сосиски, продолжал рассказывать о себе. Хорст, получив высшее образование в Москве, в настоящее время работал в своем родном городе на заводе инженером. В Советском Союзе немец выучил русский язык. Холостяк с большим удовольствием рассказывал о русских женщинах, которые ему всегда очень нравились. Красивая блондинка в день солидарности всех трудящихся навсегда осталась в сердце молодого немца. Он, как только у него было свободное время, садился на машину и ездил вокруг советского военного городка, надеясь хоть еще один раз взглянуть на свою любимую...

Ева, как и в машине, так и за столиком, ничего о себе не говорила. Ей нравилось молчать. Она это делала даже с большим удовольствием. Блондинка молчала и тогда, когда немец говорил очень лестные комплименты в ее адрес. Красивая женщина на них в ответ Хорсту ничего не говорила. Она с умилением смотрела на своего собеседника и только смеялась. От этих комплиментов ослепительно красивой блондинке иногда становилось не по себе. В этот момент своей жизни она видела в этом немце, да и во всех мужчинах этой страны, что-то непонятное, потаенное для себя, которое, как ей казалось, очень сильно отличало их от ее Игоря, да и от всех офицеров советского военного городка.

Ева Крот впервые в своей жизни имела возможность так просто пообщаться с настоящим немцем, который хорошо говорил на русском языке. Боясь того, что у нее уже никогда не будет такой возможности пообщаться, она решила как можно больше взять информации от этого человека. Кротиha, получая эту информацию и заглядывая в счастливые глаза немца, чувствовала себя как никогда и нигде еще раньше счастливой. И это счастье, как это казалось блондинке, приносил сейчас ей немец Хорст. Она продолжала внимательно разглядывать немца. Сейчас он почему-то ей казался особенный, не такой, как все советские мужчины, даже и те, с которыми она была в постели. Еве хотелось сейчас поцеловать его тонкие губы и его чисто выбритое лицо, пощупать руками тело или хоть даже руки этого человека, который сегодня так по-джентльменски ухаживал за ней. Королеве новогоднего офицерского бала сейчас почему-то казалось то, что не только этот мужчина, но и вся социалистическая Германия гордится красотой Евы Крот, простой, но уже очень знаменитой блондинки из глухой сибирской деревни Водяное...

Сидящая за столиком пьянела не только от советской водки, которую небольшими порциями довольно часто подливал ей улыбающийся Хорст. Она пьянела и от этих поистине божественных мыслей, которые посещали голову пьянеющей женщины. Ева, страстно впиваясь в лицо немца, сейчас впервые почувствовала себя

тем человеком, которому только сегодня, только сейчас дали понять, что и он имеет право на счастье на этой земле, при этом с таким же «объемом» счастья, как и эти местные немцы...

Через пару часов «Волга» доставила Еву на большое поле цветов, которое было засажено одними гладиолусами. Хорст легко открыл дверь кабины, и осторожно взяв Кротику за руку, повел ее к полосе. Перед Евой открылась поистине неопиcуемая красота цветов, которые были разной окраски. Специфический запах гладиолусов пьянил молодую женщину, у которой текли слезы. Мужчина, внимательно наблюдающий за блондинкой, прекрасно понимал то, что это были слезы радости, а может, и даже слезы от настоящего счастья, которое захлестнуло красивую женщину из Советского Союза. И поэтому, видя эти слезы, Хорст также весело смеялся. Ева на смех мужчины нисколько не обижалась. Она только изредка доставала носовой платочек из кармана своих брюк и со смехом вытирала свои слезы. Еве в это момент казалось то, что это море цветов простирается до самого горизонта. Блондинка, несколько пошатываясь от спиртного, уверенно направилась в самый центр этой красоты. Хорст, весело смеясь и стараясь, как можно ближе держаться к красавице, поспешил за Евой. Полупьяная женщина на пути своего следования часто останавливалась и обнимала цветы. Наиболее яркие и красивые из них она целовала. Поведение и настроение русской блондинки передавалось и немцу. Он, как и Ева, останавливался и со смехом целовал цветы. Лицо Хорста светилось радостью. Мужчина и женщина, перемещаясь по полю, продолжали целовать гладиолусы и, словно маленькие дети, весело смеялись.

Счастливая Ева даже сейчас на поле еще не могла понять того, от чего ей так сегодня хорошо, то ли от водки, то ли от этого моря цветов, то ли от того, что с ней сегодня рядом немец-мужчина, к которому у нее в данный момент так много симпатий... Ей в этот момент жизни было все нипочем. Она не обращала внимания на проезжающие мимо машины, водители некоторых из них страстно сигналили, дабы хоть в какой-то степени приостановить «расхитителей» социалистической собственности. Мужчина и женщина никак на это не реагировали. Хорст и Ева, находясь в окружении цветов, радовались первой в своей жизни встрече на этой земле. Они также радовались высоко стоящему в зените солнцу, которое, как им казалось, в этот момент радовалось вместе с ними. Где-то посередине поля молодые люди, словно по зову собственного сердца и души, крепко обняли друг друга. Ева, прижимаясь к незнакомому мужчине, сразу же почувствовала его силу, его страсть. Блондинке, как никогда раньше, почему-то сейчас так страстно хотелось отдаться немцу, который в этот миг для нее

был чем-то и кем-то неземным, доселе неизвестным, доселе неприкосновенным...

Чувствуя дыхание Хорста, который страстно целовал ее губы, Ева на какой-то миг осознавала то, что этот мужчина из Германии, влюбившийся в советскую блондинку, также как и она, может любить ее даже и лучше, чем те мужчины из великого Союза.

Ева стала первой расстегивать пуговицы цветной рубахи немца. Мужчина последовал примеру блондинки. Они, раздев друг друга донага, одновременно повалились на землю. Через несколько мгновений эта земля стала отдавать свое тепло голым телам мужчины и женщины. Земля для блондинки показалась наиболее теплой и даже очень нежной в тот момент, когда немец, возбужденный от страсти к Еве, ввел в ее влагалище свой член... Влюбленные, насытившись друг другом, некоторое время продолжали лежать нагими на самом дне цветочного царства, которое, как им казалось, сделало все возможное для их счастья.

Ева вернулась в военный городок под вечер. Хорст довез женщину только до железнодорожного вокзала, так просила сама Ева. Ей не хотелось того, чтобы кто-то из военных или членов их семей видел ее вместе с местным немцем. На прощание Хорст крепко поцеловал свою спутницу в губы и подарил ей целую охапку гладиолусов. Ева, покинув машину, отошла на несколько шагов в сторону и повернувшись лицом к Хорсту, стала на прощание махать ему рукой. Мужчина стоял возле машины и также, как и блондинка, махал рукой и весело улыбался. Кротиха, сама не зная почему, на какое-то время остановилась и замерла. Потом решительно направилась в сторону мужчины. Хорст, словно на крыльях, стремительно бросился навстречу красивой блондинке. Через несколько мгновений они опять крепко обнялись. Ева, очутившись в объятиях немца, сквозь слезы тихо произнесла:

- Хорст, я тебя очень прошу забыть навсегда все то, что сегодня у нас было. Я никогда тебя не забуду, однако нам никогда не суждено быть вместе. Мы с тобою разные люди. Пойми меня правильно...

Вытерев рукой свои голубые глаза, которые были полные слез, молодая женщина промолвила:

- Я тебя очень люблю, но мне перед Богом стыдно, я ведь замужняя женщина....

Немец, которого после этих слов женщины, словно кто-то подстрелил, с тревогой посмотрел в глаза очаровательной блондинки и спросил:

- Ну, почему же?... Мы ведь друг друга любим... Я бы очень хотел опять с тобою встречаться...

Дальше Ева не дала ему возможности говорить. Приложив

ладонь к губам мужчины, она горько запричитала:

- Дорогой мой человек... Я замужем, заму-жем... Я также не хочу того, чтобы с нами разбирались люди из КГБ.... Дорогой мой, ты ведь прекрасно знаешь к чему это может привести...

На какое-то время они замолкли. Одни только их глаза смотрели друг на друга. Каждый из стоящих стремился в этих глазах найти хоть какой-то огонек надежды. Первым, наверное, понял безнадежность сложившейся ситуации Хорст. Он с грустью посмотрел на свою любимую женщину из России, и тяжело вздохнув, произнес:

- А может, даже и ты права, моя Ева...

Хорст после этих слов резко повернулся к блондинке и сильно поцеловал ее в губы. Затем он сел в машину и включил зажигание. Через несколько мгновений «Волга», взвизгнув колесами, исчезла из вида. Ева еще долго стояла и со слезами на глазах смотрела на перекресток улиц, где совсем недавно была машина местного немца Хорста, который был с нею всего несколько часов, и который оставил глубокую рану в ее сердце на всю жизнь...

Перед самым КПП Ева, поцеловав большой букет гладиолусов, подаренных Хорстом, со слезами на глазах бросила его в урну. Ей не хотелось иметь каких-либо приключений с Игорем. Ей также не хотелось и того, чтобы кто-то знал в войсковой части об ее мимолетном романсе с местным немцем. Игорь встретил свою жену навеселе. Дабы не иметь с мужем проблем, связанных с длительным отсутствием, блондинка с нежностью

поцеловала своего возлюбленного в макушку:

- Игорюша, я сегодня была на дружбе с немцами и поэтому не только немного задержалась, но и немного выпила...

Игорь после таких слов жены вопросов не стал ей задавать. Не задавал он и позже. Ева в этот вечер была наиболее прихотливая к спиртному и несколько изобретательнее в постели с мужем. Игорь в этот вечер был на седьмом небе от поведения жены. И от первого, и от второго. Для Евы же в этот вечер и в эту ночь муж ничего не значил. Она пила водку наравне со своим мужем, дабы «залить» свое прощание с немцем. Да и этой ночью она отдавалась своему мужу просто так, как обязывал ее уклад жизни для большинства женщин, который сложился в человеческом обществе. Чем больше Ева в эту ночь воспроизводила в своей памяти моменты из скоротечной встречи с немцем, тем почему-то противнее для нее становился ее муж, благодаря которому она и приехала в эту страну. Образ обеспеченного инженера Хорста из Давельбурга преследовал Еву всю ночь. Уснула она только под утро. Ее подушка была влажной от слез. Блондинка уснула с очень большой надеждой, что этот самый приятный момент в ее жизни остался тайной для ее и

Хорста, фамилию которого она даже не успела спросить...

Через два дня после незабываемой «цветочной» любви с немецким инженером Ева случайно встретилась в магазине с командиршей. Нина Алексеевна, расспросив жену прапорщика о житье-бытье, отвела свою любимицу в сторону и на ушко прошептала Еве:

- Евушка, я тебя очень прошу... Будь осторожна в своем поведении с местными немцами, а то моему Шарманову некем скоро будет и командовать... Да и еще. Будь добра, больше не прыгай через заборы, а то и пораниться недолго...

Сказав это, женщина ласково чмокнула Еву в щечку и мило раскланявшись, уверенно вышла из магазина. Ева после слов командирши стояла и не могла сделать ни шага. Мысль одна страшней другой проносилась в голове блондинки. Только теперь Ева поняла то, что в этой части все и вся контролируется, и все доносится по инстанции до командира. Не исключением в этом плане была и подруга Евы Крот Нина Баранова.

Прошло полгода после встречи Евы Крот с Хорстом. Тоска по немцу у женщины постепенно отходила на второй план. За это время у подопечной командирши ничего важного в жизни не произошло. Было, правда, и одно исключение. Притом исключение очень хорошее. Игорь пошел опять на «подъем». Ева объяснения этому феномену своего мужа сама не находила. Молодой парочке, скорее всего, помогал сам Бог. Буквально через неделю после разлуки Евы с Хорстом, Игоря словно кто-то подменил. Домой он стал приходить слегка «нагруженный» только пивом. В домашних «условиях» Игорь пил спиртное только с женой и только с ее разрешения. Достойный образ жизни мужа поднимал жизненный тонус жены простого прапорщика, которая прочно закрепилась на позиции второй женщины в части. Несмотря даже на то, что прапорщик Кузьмин не имел возможности «раздавать» медали и должности, многие жены военнослужащих стремились установить тесные контакты с его женой. Этим женщинам, особенно, молодым, нравилась очень красивая блондинка. К тому же, муж Евы, хотя был и прапорщиком, однако имел очень компанейский характер и никогда ни с кем не спорил. Желание поспорить, как таковое, у мужчины было и нередко. Игорь просто-напросто боялся очередной «стружки», после которой его могли и выгнать из армии...

«Советский образ» жизни молодой пары опять стал приносить радости Еве. Ее имя, как ведущей концертов и активной участницы художественной самодеятельности, стало фигурировать не только в полку, но и во всем соединении. Ева понимала то, что в этом не ее личная заслуга, а командирши. В Международный женский день 8 марта Ева Крот за активное участие в общественно-

политической жизни военного городка получила Почетную Грамоту. Через неделю в составе небольшой группы женщин она совершила увлекательную поездку в горы Гарц.

Через три недели после этой поездки прапорщик Кузьмин со своей молодою женою перебрался из небольшой однокомнатной квартирki в двухкомнатную. Эта квартира по размерам была в два раза больше старой и со всеми удобствами. Эта квартира имела и еще одно «достоинство». Она располагалась в доме неподалеку от гарнизонного магазина. В этом доме в основном жили семьи старших офицеров. До Кузьмина в этом доме никто из прапорщиков не жил.

Новоселье для прапорщика Кузьмина и его жены было совершенно неожиданным и даже случайным. В полку это новоселье также было своего рода «чрезвычайным происшествием». Ева от неожиданного предложения заместителя командира части по тылу перейти в новую квартиру заплакала. Ее муж принял это за первоапрельскую шутку. В конце концов это «везение» было и не так уже случайным. В этом новоселье была большая заслуга командирши. После торжественного собрания, посвященного Женскому дню, на котором Ева Крот получила Почетную грамоту, с поздравлением к ней подошла Нина Алексеевна. Крепко пожав руку своей подопечной, женщина неожиданно для награжденной спросила:

- Ну, что, милая моя. Скоро мы будем тебя поздравлять с пополнением? Наверное, наступила уже пора пополнять ряды нашей Советской Армии или отряд достойных женщин...

Ева от слов своей наставницы молниеносно покраснела как рак и какое-то время ничего не могла сказать. Девушка как-то виновато посмотрела на свою наставницу, и несколько опустив свою голову вниз, неожиданно для себя произнесла:

- Честно говоря, Нина Алексеевна, я сама не знаю, когда это произойдет... Даже может и скоро...

Рядом стоящие женщины весело рассмеялись. Заискивающе улыбалась командирше и Ева, которая со стыда готова была провалиться сквозь землю за свое вранье. В принципе больше никто на «высоком уровне» чисто семейный вопрос семьи Кузьминых не обсуждал.

Ева и сама, особенно тогда, когда Игорь отсутствовал, уезжая на какие-либо учения, предавалась размышлениям по поводу очередного ребенка. О втором ребенке она мечтала, но не очень часто и без всякого желания. Ей не очень хотелось иметь дитя, когда ее «Безымяшка» где-то скиталась по белому свету. Иногда ей приходила в голову мысль о том, что наступило время рассказать Игорю всю правду о своей девочке. Однако эта мысль тот час же

уходила далеко прочь. Ева боялась испортить вроде бы начинающуюся нормализоваться семейную жизнь с Игорем. Тем более, она прекрасно знала далеко неуравновешенный характер своего супруга. Молодая женщина в своей памяти восстанавливала образы очень немногих мужчин, с которыми она провела совместные ночи. После этих ночей у нее не было каких-либо «последствий» и это очень радовало Еву. Молодая Кротиха была не выдающимся гинекологом и не знала все «премудрости» мужчин и женщин. Ребенка как результат любви она ждала от Гошки Лыбина и от курсанта Синичкина, и от лейтенанта Ключкина.... Ждала она его и от немецкого инженера по имени Хорст... Ждала блондинка ребеночка и от прапорщика Игоря Кузьмина, с которым во время секса, как и с предыдущими, ничем и ни от кого не предохранялась... Одно время Ева даже «грешила» на Кузьмина, который частенько злоупотреблял алкоголем. Не было ребеночка от Игоря и в безалкогольные дни и ночи. В эти дни и ночи Ева брала вожжи любви в свои руки. При этом каких только она позиций и ситуаций с мужчиной не создавала! И опять все было безрезультатно...

Игорь, как мужчина, также просчитывал сроки вполне возможного появления ребенка у своей красивой жены. Его расчеты уже «подпирали», но видя то, что живот Евы почему-то оставался без изменений, он хранил молчание. Никто и никогда по этому поводу друг другу вопросов не задавал. Каждый думал о своей вполне возможной неопытности в этом деле. Молодых нередко посещала мысль о непонятной для себя болезни или неполноценности. Шли дни, месяцы. Каждый ждал, что самое «желанное» вот-вот появится...

Если сами молодые исполнители «желанного» ничего не сумели сделать для проявления ребенка, то за них это с лихвой сделали злые языки. Сиeminутный разговор командирши со своей «смазливой выскочкой», послужил основой сплетен для всех обитателей военного городка. Через час все женщины, и конечно, их мужья, «досконально» знали о том, что самая красивая женщина военного городка ожидает ребенка. Будущая мать ходила к самой «Шарманихе» и плакалась по поводу новой квартиры. Командирше ничего не оставалось делать как дать двухкомнатную квартиру своей любимице. Кое-кто из служивого люда, услышав это, не на шутку обиделся. Особенно «взвыли» жены командиров рот, которые годами жили в квартирах с подселением. Взводные и прапорщики, их жены в счет не брались. Совместного проживания двух семей в одной квартире никто из офицеров и прапорщиков не хотел. Это также пугало и командование части. Небольшая «общага» довольно часто приводила к пьянкам, особенно тогда, когда жильцы имели

общее пристрастие к спиртному. Кое-кто из семей прогуливал все ночи напролет. Бывали случаи, хотя и единичные, когда муж или жена из разных семей «путали» постели. Нередки были и квартирные драки между теми, кто носил погоны. Командиру и замполиту части с «погонами» работать было проще. Намного было сложнее с женами «погонов», которые не всегда подчинялись властному голосу командира или воспитательному воздействию замполита полка.

Всевозможные страсти в маленьких «общагах» разгорались в дни «больших» праздников, когда «родной» личный состав подразделений оставался под присмотром дежурных или ответственных офицеров. Уставшие от учений, нарядов, совещаний и инструктажей офицеры и прапорщики в дни праздников условно делились на группы по интересам. Часть из военных и их жен вырывалась в город. Другая часть основательно занимала «оборону» дома, имея довольно солидный запас спиртного и съестного. Группы трезвенников, как таковой, не было.

Ева Крот в этих всевозможных пирушках активного участия не принимала. Ей не очень нравилось то, когда некоторые прилично одетые люди из города возвращались по «русскому обычаю». Таких персон, кому и «море по одному месту» было не очень много, но они были. Не один праздник в части не обходился без каких-либо происшествий. В Международный женский день два прапорщика уже солидного возраста со своими женами-одногодками после «домашних» поздравлений, направились в город. Погода стояла идеальная, даже немного с летним «оттенком». После цивилизованного посещения городского парка четверка направились в гаштедт «Парадиис», что в переводе на русский язык означало «рай». В небольшом садике под тенью вечнозеленых небольших елок и им подобных растений мужчины и женщины с удовольствием принялись потягивать холодненькое пиво, запах которого не только приятно щекотал нос, но и давал прилив к новым наслаждениям. После одного «дуппелька» водки последовали второй, третий ... Дружное питье, как правило, сопровождалось и совместным посещением туалетных заведений, из которых «пахло» не чем-то естественным, как в великой стране, а чем-то приятным и цивилизованным. Все это радовало тех, кого послала большая и мощная держава охранять передовые рубежи социализма.

Подпитые мужчины решили немного посоревноваться в стрельбе в тире. Прапорщики, несмотря на солидное опьянение, «выбили» призы - пару небольших статуэток. После этого появилось желание «обмыть» призы. Боевые подруги поддержали своих мужей. Результат культурного посещения для двух семей был

удручающим. Некогда неразлучные друзья и подруги просто-напросто в ресторане передрались. Один из прапорщиков, несмотря даже на то, что был довольно хилым и маленьким, сумел так «вдарить» увесистым пивным бокалом по голове своему сослуживцу, что у того кровь так и прыснула фонтаном. Жена потерпевшего оказалась проворнее и нахрапистее своего муженька. Имея аналогичные «габариты», что и ее возлюбленный, женщина не только поцарапала своими длинными «когтями» «морду» того, кто обидел его мужа, но и успела в быстром темпе «преобразить» супругу обидчика. Она сорвала с головы своей любимой соседки, которая была почти на полметра ее выше ростом и в два раза толще, ярко белый парик. Парик, словно маленький самолетик, спланировав, мягко «приземлился» на самый дальний столик, за которым мирно сидели местные немцы и потягивая пиво, наблюдали за тем, как советские военные крепили «дружбу» между собой. Развязка наступила для русских неожиданно. Через пять минут приехала полиция. Несколько позже приехал и дежурный по части с двумя вооруженными солдатами. До позднего вечера в кабинете замполита полка горел свет. С нарушителями социалистического образа жизни проводилась напряженная политико-воспитательная работа...

На следующее утро, слегка осунувшиеся от пьянки и от воспитательного процесса, друзья-прапорщики дружно вышли из подъезда. Также дружно они направились и в солдатские казармы. Через пару часов из этого же подъезда вышли и их жены. Женщины пошли в гаштедт «Парадиис» искать то, что они потеряли вчера по пьянке. Подойдя к немецкому официанту, женщины то по-русски, то и по-немецки, а иногда используя все пальцы четырех рук, все делали возможное для того, чтобы узнать судьбу вчерашнего потерянного. Но, увы... Ни статуэток, ни добротного белого пиджака, который по пьянке оставил прапорщик с разбитой головой, женщины не нашли...

Ева, узнав о всех «ЧП», которые порождали офицеры, прапорщики и солдаты по «пьяной лавочке», всегда об этом сильно переживала. Кротиха, в первую очередь, переживала за Игоря, который мог «сорваться». Ева, радовалась тому, когда ее муж после окончания службы сразу же приходил домой. Молодая женщина, пока муж раздевался и мыл руки, быстро все готовила на стол. К вкусной пище она всегда ставила небольшую рюмку с водкой. Кузьмин с явным удовольствием кушал и также приятно кричал, когда «пропускал». Затем он мощной рукой ласково гладил свою женщину по заднице и весело смеясь, тихо и нежно произносил:

- Ева, а я еще что-то сладенького хочу...

Жена намеков любимого понимала с полуслова и тотчас же

направлялась в спальню, где у нее уже все было готово, чтобы «покушать» сладенькое...

Ева, как женщина и как жена понимала то, что «сладенькое» в большей степени и сдерживало Игоря от пьянства. Имея двухкомнатную квартиру, молодая Кротиха изыскивала все возможные варианты для культурного времяпровождения. Тем более, Кузьмин имел в своем подчинении только одного солдата. Прапорщик, казалось бы, «по уставу» имел много свободного времени, но, увы... Жизнь вносила много корректив, которые значительно урезали это время у всех военнослужащих и не только у прапорщика Кузьмина.

Наступивший год стал поистине чепэшным для военного городка. Все началось с полигона, на котором подразделения полка осуществляли боевые стрельбы. За два дня до дня Советской Армии немецкий грузовик с большим и длинным краном «выкосил» троих солдат, смиренно сидящих в кузове. Колонна советских автомашин ехала с полигона в военный городок. Молодые ребята погибли по вине немецкого водителя, который не справился с управлением на крутом повороте. На строевом плацу части проходила траурная церемония в связи с гибелью солдат. Через неделю произошло очередное «ЧП». Во время парко-хозяйственного дня молодой механик-водитель, по национальности казах, вместо первой скорости включил заднюю. В итоге сделал большой проем в кирпичной стене парка боевой техники. Пострадала не только стена, но и два дембеля, которые украдкой мирно курили, находясь вне поля зрения отцов-командиров. Дембеля были доставлены в окружной госпиталь. Одному пришлось ампутировать ногу.

Своеобразное невезение привело к тому, что часть заполнили различного рода и толка комиссии. Все офицеры и прапорщики были переведены на казарменное положение. Не ночевал дома и Игорь. Он, как и все, приходил домой только на прием пищи. Боевой подготовки, как таковой, в части не было. Солдаты с утра до вечера занимались уборкой казарм и территории. Офицеры, особенно те, кто имел в подчинении солдат, то и дело приглашались в кабинеты для ответов на вопросы всевозможных армейских чиновников. Командир с замполитом части безвылазно находились в своих кабинетах или у дежурного по части, ожидая очередного начальника.

Весной в части произошло еще очередное «ЧП», которое было не связано с жертвами. Однако оно вызвало очень большие пересуды среди семей военнослужащих. Всем офицерам и прапорщикам, согласно положению, предоставлялся один раз в год очередной отпуск, продолжительностью тридцать дней без дороги туда и обратно. Время отпусков определяли командиры

подразделений и все это согласовывалось с командиром части и его заместителями. В подавляющем большинстве отпускники со своими женами и детьми без всяких проблем уезжали на «Большую Землю» и также благополучно возвращались назад. Этот год стал исключением. Виновником специфического происшествия стал капитан Трикоза, офицер из штаба части. Мужчине было уже за сорок и он собирался через год с небольшим увольняться из армии. Военный прекрасно понимал свою бесперспективность в военной карьере и поэтому довольно часто проводил время в офицерском кафе. Любимым изречением седого и наполовину лысого военного было: «Мне больше взвода не дадут и дальше Кушки не пошлют».

«Честь» имела встретиться с этим офицером и Ева, когда она вместе с Игорем были в офицерском магазине. Длительного разговора с капитаном при выходе из магазина не получилось. Ева и Игорь узнали только о том, что Дима Трикоза по национальности был украинец, который мечтал на пенсии выращивать цветы на берегу Днепра и пить горилку. Горилка была настолько любимым «напитком» офицера, что он решил ее привести в военный городок. Но, увы, не получилось... В Бресте во время таможенного досмотра молодой солдат попросил офицера открыть чемоданы. Через минуту на столе стояли пять трехлитровых банок, на каждой из которых на этикетках было написано «Березовый сок». Изобилие очень дешевого и далеко не дефицитного напитка, которым были до отказа набиты все магазины великого Союза, вызвало подозрение у пограничника. Солдат обратился за консультацией к рядом стоящему прапорщику. Одну из банок самому же капитану и пришлось открыть. Из банки раздался своеобразный запах первача. Капитан в сопровождении двух пограничников последовал в мужской туалет и там вылил в унитаз всю «горилку». Таможня капитана «помиловала». Никто никаких бумаг не писал и ничего в полк не сообщал. Однако кое-что в свой «талмут» прапорщик пометил.

В свой последний отпуск капитан Трикоза поехал в феврале с женой. И опять неудачно. Во время таможенного досмотра у офицера под капитанскими погонами нашли шесть золотых колец, по три кольца под каждым погоном. Стали проверять и его боевую подругу. У нее в потайном «женском» месте нашли еще три кольца. Все это золото не было занесено в таможенную декларацию. Попытка офицера и его жены продать эти кольца немцам или полякам, и что-то купить из «шмоток» закончилась неудачно. Не успел еще Дима Трикоза со своей женой приехать в часть и открыть дверь своей квартиры, как за ним и его женой прибежал посыльный. Инофрмация о контрабандном провозе золота советским офицером пошла во все возможные инстанции. В этот же день офицера и его

жену хотели выселить из квартиры и отправить в Советский Союз. Командир части дал для упаковки «дембельских» чемоданов только двадцать четыре часа. Супруги одновременно ударились в слезы. Рано утром капитанша со своим мужем поехала к начальнику политического отдела соединения. Никто не знал о том, что они там говорили и где еще они дружно плакали. Офицера не выслали за двадцать четыре часа, пожалели. Через месяц его уволили тихо и незаметно. Торжеств или каких-либо проводов не было. Через день после отъезда капитана в его квартиру вселился прапорщик Кузьмин со своею супругой...

Возможно и не так бы «сильно» пострадал капитан Трикоза с женой, если бы не все эти проверки с верхов по поводу целой серии «ЧП». Круглосуточная нервотрепка донельзя выматывала тех, кто носил военную форму. Страдали и гражданские. Все культурно-массовые мероприятия были негласно отменены. Ева, в определенной степени новенькая в этом полку, стала также понимать то, что сейчас не до песен и не до плясок. После того, как женщины заканчивали домашние дела, все они, кто с детьми, а кто и без них, «вываливали» на улицу и судачили о том, что же случилось с родным полком, на Боевом Знамени которого было два ордена. Неудачи своих мужей тяжело переживали и их боевые подруги. Еве, у мужа которой не было «родного» личного состава, было значительно легче.

Больше всех в полку по «мужской части» страдала Нина Баранова. У ее Алексея дела шли совсем плохо. Принципиальность молодого офицера очень дорого ему обходилась. Во время одной из проверок рота не без помощи «стариков» получила «неуд» по стрельбе. Дембеля решили отомстить офицеру за то, что он уж так больно «радел» за десяток молодых солдат, которых хотели не по «назначению» использовать солдаты более раннего призыва. Буквально во время «осады» всевозможных начальников один «старик» из роты капитана Баранова солдатской кастрюлей разбил голову своему молодому сослуживцу. Нарушителя в этот же день после общественно-политической обработки посадили на гауптвахту. Казалось, все правонарушения в роте должны закончиться. Этого не произошло. На следующий день вечером за два часа до того, как рота должна была принять «горизонтальное» положение, домой к Баранову прибежал посыльный. Солдат сообщил ротному о том, что в подразделении забиты все туалеты. До этого они всегда функционировали «прилично». Сейчас же в помещении, где располагалась мотострелковая рота Баранова, в туалете и в коридоре господствовали лужи, в которых, то там, то здесь, мирно «дремали» островки солдатского дерьма. В казарме раздавался такой зловонный запах, что даже кое-кто из молодых

солдат «позволял» себе плотно зажимать нос, не говоря уже о «стариках». Ротный тотчас же прибежал в казарму и «оценив обстановку», принял решение о сиеминутном сборе командиров взводов. Четверо офицеров, за исключением отпускника, в спешном порядке стали разрабатывать план борьбы с «вонючим» наводнением. Для прочистки туалета в помощь внутреннему наряду в срочном порядке были брошены трое «специалистов», которые имели хоть какое-то понятие в этой «вонючке». За старшего здесь был сам ротный, который не только бдительно смотрел за тем, как его подчиненные работают, но и сам довольно часто крутил «чудо» солдатской техники, напоминающее собой не то пружину или не что другое...

Под руководством командиров взводов в коридоре, в спальнях и других помещениях начисто убиралось все то, чем был богат общественный туалет. Только в двенадцать ночи пришел домой муж Нины Барановой, от которого «перло» запахом человеческого дерьма. При появлении хозяина проснулась даже кошка Мурка, которой специфический и резкий запах офицера доселе был неизвестен. Капитан пришел домой недосыпать остаток ночи. Он пришел за всевозможными одеколонами и духами. Нина без всякого сожаления отдала своему мужу все свои духи, которые она имела дома. Баранов прихватил и свои. Загрузились этим «провиантом» из дома и другие офицеры роты. Через десять минут после посещения дома командир роты и трое его взводных с пузырьками в руках налево и направо брызгали всевозможными духами и одеколонами, дабы извести из казармы зловонный запах. Эту «уникальную» операцию ротный доверял только офицерам. Солдатам, в первую очередь, «старикам» не доверял, так как боялся того, что они этот пахучий дефицит могут украсть.

К сожалению, капитану Баранову свой «вонючий» дефицит скрыть от начальства не удалось. Что-то неладное в роте глубокой ночью заметил один из проверяющих офицеров из штаба соединения. Визит в подразделение был совершенно случайным. Майор со второго этажа офицерского общежития заметив яркий свет в казарме, решил посмотреть на «огонек», надеясь на то, что завтра у него будет вполне солидный материал о том, что в ночное время «старики» заставляют работать по ночам молодых солдат. К приходу проверяющего в роте было все в норме. В коридоре горел только дежурный свет. Всевозможные старики и молодые также спали. Не найдя «компромата», проверяющий решил напоследок зайти в туалет, так как сильно подпирало мочевого пузырь после довольно приличного «забора» пива в офицерском кафе. Посетителя удивила чистота и свежесть приятного заведения, даже пахиваало не то духами, не то одеколоном. Офицер, помочившись

с превеликим удовольствием, вышел в коридор. На радостях он решил по-отцовски поблагодарить дневального за чистоту в туалете, который стоял навтыжку возле тумбочки и преданно смотрел на офицера. Протянуть руку на прощание молодому солдату майору не захотелось. От дневального обильно исходил запах человеческого дерьма. Офицер загадочно улыбнулся и попросил молодого солдата зайти в канцелярию роты... Информацию о «вонючем» происшествии в подразделении капитана Баранова «контролер» писал в ротной канцелярии. До построения полка на строевом плацу она была доведена до всех проверяющих и командования части.

Баранов своих подчиненных на плац вывел без всяких опозданий. Вовремя и сам на себе успел сделать «марафет», несмотря даже на то, что лежал где-то около полчаса в ванне с водой, отмачивая запах дерьма своих подчиненных. Перед уходом на построение жена офицера на голову своего любимого мужа вылила около десятка «повседневных» норм одеколona. Женщина также пару раз успела обнюхать своего кормильца с ног до головы. Через три дня все проверяющие и контролирующие чиновники покинули часть с надеждой, что волна происшествий закончилась. У чиновников с большими звездами весь арсенал индивидуальных и массово-политических мероприятий был исчерпан. В папках и портфелях офицеров осели довольно объемистые тетради с различными отчетами и планами, в которых галочками красного цвета было отмечено то или иное проведенное мероприятие.

«Вонючее» происшествие в отличном подразделении, которым командовал офицер Баранов, на нет свело все усилия, прилагаемые солдатами и офицерами в недалеком прошлом. Некогда гремевшие на всю часть «барановцы» превратились в «вонючих баранов». Рота буквально за неделю после отъезда проверяющих сдала свои ведущие позиции в боевой и политической подготовке. Большая фотография командира отличной роты капитана Баранова была незаметно снята замполитом полка с полковой доски Почета. Узнав об этом, офицер впал в затяжную пьянку, о которой сразу стало всем известно. «Дембеля» роты сделали все возможное для того, чтобы на карьере молодого офицера был поставлен крест. Это им удалось сделать без особого труда. Нина Баранова, прекрасно зная всю подноготную своего мужа и его роты, каждый вечер «плакалась» молодой соседке о том, что теперь ее мужу не до академий и не до высоких чинов. Ева, слушая свою подругу, тяжело вздыхала. Блондинка ничем семье Барановых помочь не могла...

Только лето полк прожил без чрезвычайных происшествий. Осень, как и весна, опять преподнесла целую обойму нарушений. Во время боевых стрельб в составе подразделений солдату,

нарушившему технику безопасности, оторвало полруки. Через день молодой лейтенант, командир взвода по неосторожности потерял свое личное оружие. Пистолет искали на полигоне целым батальоном, даже немецких овчарок привозили. Какая-то надежда была на немецких полицейских. Оружие они также не нашли. Виновный «получил» все сполна как по военной, так и по партийной линии. Чепэшный полк решил посетить один из генералов объединения. Все и вся в части было поставлено «на уши», все красилось и белилось. Самые отъявленные разгильдяи из солдат брались под особый контроль, кое-кого «сплавляли» в санчасть. Туда также «сплавлялись» и те, кто был не в ладах с политграмотой, в том числе и те, кто не мог на политической карте показать столицу Советского Союза. В санчасти места не хватало. Остатки «спецконтингента» брались под особую заботу офицеров-политработников, комсомольских активистов, которые до позднего вечера сидели в Ленинских комнатах подразделений и «пичкали» защитников передовых рубежей социализма всевозможной информацией. Наиболее «одаренным» из ватмана делались небольшие книжечки, в которых красивым подчерком вносились фамилии и воинские звания всех начальников, включая Членов Политбюро ЦК КПСС, а также социалистические обязательства солдата. Командиры подразделений перед тем, как «отбить» любимый личный состав в постель, проверяли физиономии «салаг», дабы еще раз убедиться в том, что «старик» не оставил на лице молодого следов своих «экзекуций». Солдаты проверялись и на вшивость, так как в некоторых подразделениях это было далеко не исключением. Вши обитали у большинства «потерпевших» интимные места, вокруг которых росли волосы различных цветов и размеров...

Очень большой начальник прибыл в полк поздно ночью на черной «Волге» - ГАЗ-24. Прибыл не один, прихватил с собой одного подполковника из политического отдела армии. Прибытие целой свиты офицеров планировалось рано утром следующего дня. Генерал после утомительной поездки пошел отдыхать в офицерском общежитии. Политработник решил время не терять напрасно и уверенно пошел в «солдатские массы, которые в это время крепко спали. В помещении у дежурного по части ничего «крамольного» рано лысеющий подполковник не нашел. Капитан со старшим лейтенантом четко ответили на вопросы проверяющего. «Чижик» решил зайти в караульное помещение и проверить знание караульными политграмоты советского образца. «Нерадивых» оказалось не так много, всего два солдата, которые и то были призваны из казахстанских степей. Подполковник с радостью достал из кармана авторучку и стал что-то себе помечать в тетради.

Молодые казахи даже не знали какого цвета бюллетени и за кого будут они голосовать в период выборов в Верховный Совет СССР! Пока офицер вел беседу с солдатами, информация о «неподготовленности» двух казахов к выборам молниеносно пронеслась по еще спящему полку. Дошла она и до офицерских семей. Дежурный по части срочно послал посыльного за замполитом роты, от которой был снаряжен караул. Лейтенант прибежал в караулку минут через пять с большой папкой, в которой была гора всевозможных инструкций о том, как солдату Советского Союза следует вести себя на территории дружественной ГДР. Перед тем, как переступить порог караульного помещения, политрук очень тяжело сожалел о том, что его супруга забыла ему положить в папку образец бюллетеней по выборам, которые он только вчера вечером в очередной раз показывал своим подчиненным. Старший офицер после беседы с личным составом караула, сидя в комнате начальника караула, методически «добивал» молодого начальника караула и молодого политработника, которые понуря головы, стояли навтыжку и добросовестно «глотали» все мудрое, что выпускал из своих уст гонец из политического отдела.

За пределами караульного помещения постепенно наступало утро. Просыпалась и самая мощная в мире военная группировка советских войск на территории социалистической Германии. Встречал очередное мирное утро и Давельбург. Небольшие группы немцев, кто на машинах, а кто пешком, спешили на работу. В это утро природа для тех, кто жил в этом городе, приподнесла сюрприз. Все и все оказались в плену тумана. Такого «чуда» природы не было около трех десятков лет.

Плотное одеяло серой пелены окутало и военный городок, которому сегодня предстояло перенести и выстрадать всевозможные причуды военного чиновника с красными лампасами. Генерал проснулся за тридцать минут до подъема личного состава части. Затем, переодевшись в спортивный костюм, он решил проконтролировать физическую зарядку в полку. Уже немолодой «гражданский» с самодовольным взглядом, как у нахохлившегося индюка, открыл дверь одной из казарм, где досыпал положенные минуты сна многонациональный состав подразделения страны Советов. В это же время раздались звуки горна, которые настойчиво просили солдат проснуться и бежать на физическую зарядку. В автомобильной роте полка гражданского человека не заметили. Дневальный при виде седого мужчины с небольшим брюшком каких-либо команд не прокричал. Наплевательски отнеслись к старику и «старики», которые мирно продолжали храпеть, несмотря на робкие крики молодого дневального: «Рота, подъем!». Кое-кто из солдат на эти команды не

реагировал и продолжал мирно спать, кое-кто пошел отсиживаться в туалете. «Индюк» продолжал мирно шататься по коридору и разглядывать облезлую наглядную агитацию, которая висела на стенах. «Достопримечательности» начальник не успел как следует до конца разглядеть. Вышедший из туалета солдат в плавках, наверняка, это был «старик», громко дал команду дневальному:

- Эй, ты салага, почему службу хреново несешь? Ты чего слепой? Не видишь как в нашей казарме всякое дерьмо болтается? А ну, салага, гони этого старика...

Дальше в адрес старика от советского военного «старика» посыпалась такая нецензурная брань, от которой дневальный сильно трухнул. Дневальный мигом оказался у гражданского лица, которому по воинским уставам не следовало быть в подразделении. Через минуту «постороннее лицо» с перекошенным от злобы лицом, незаметно исчезло из помещения роты... Присутствие генерала успел вовремя заметить дежурный по части, который тут же рванулся туда, откуда только что был изгнан целый генерал...

Через тридцать минут генерал при всей своей форме и с регалиями, а также со строгим и надменным видом вошел в часть. Куда бы он не поворачивал свою голову, везде четко и бойко следовали команды, призывающие подчиненных стоять смиренно и не дрыгаться. Исполнение этих команд генерал не мог всегда проверить. И виной этому был густой туман, при котором буквально в двух метрах никого и ничего не было видно.

Генерал, сидя с умным взглядом в кабинете командира полка, напряженно про себя размышлял о том, стоит ли поднимать такую военную машину по боевой тревоге в такой густой туман. Он молчал и все думал, только изредка поднимал взгляд на окно, через которое только вчера светило яркое солнце. Сегодня его не было. Природа жила по своим законам и эти законы не мог изменить даже целый советский генерал. Преданно смотрел на генерала и командир части, стоящий навтыжку в своем кабинете. Полковник Шарманов, словно оловянный солдатик, на те или иные вопросы своего высокого начальника четко отвечал: «Так точно, товарищ генерал» или «Никак нет, товарищ генерал». Генерал иногда поглядывал на седого полковника и ему становилось не по себе, когда он видел «солдафонство» несколько старшего по возрасту мужчины.

Поднять мотострелковый полк по боевой тревоге в такой туман генерал не решился. И не только по вине матушки природы. У него были для этого и другие причины. Чиновник с красными лампасами был всего три месяца на новой должности. Подъем мотострелкового полка по боевой тревоге был первым ответственным заданием, которое он получил от командующего

армией. Начальник, сидящий в кабинете, горел желанием не только поднять полк по боевой тревоге, но и показать себя в роли «новой метлы», которую должны и обязаны все бояться. Генерал хотел также снять «стружку» с этого седовласого «полкана», который донельзя распустил своих подчиненных. У молодого генерала все еще что-то неприятное отдавало в сердце от того, когда его сегодня «старик» неизвестно какой национальности обозвал дерьмом, а молодой солдат, исправно выполняя приказ старослужащего, по сути дела выпроводил из казармы целого генерала. Это иногда «подмывало» мужчину поднять трубку и проинформировать командующего о том, что он готов поднять полк по боевой тревоге. К тому же этот чепэшный полк порядком треплет нервы у самого шефа.

Седовласый мужчина хотел поднять полк, но не поднимал, так как очень боялся плачевных последствий. Боялся не только из-за очень густого тумана. Перевес в этом отношении брали причины личного плана. Вчера утром звонила жена из столицы и радостным голосом сообщила о том, что у них есть надежда на то, что этой осенью они могут заменить в столицу, при этом всем на вышестоящую должность. Мужчине, понуро смотрящему в окно, никак не хотелось вместе со своей женой мотаться по пескам, когда у его любимой есть очень большие связи. Поэтому генерал хотел дотянуть до замены без всяких проблем. Страх за будущую карьеру в конце концов взял верх. Генерал поднял трубку и заискивающим голосом, и одновременно с большим «надутым» сожалением, доложил командующему о том, что в связи с густым туманом нет возможности поднять мотострелковый полк по боевой тревоге. Получив утвердительный ответ, генерал-майор с облегчением вздохнул. Ему в данный момент уже не очень-то хотелось «наказывать» этого полковника. В такой туман, чем черт не шутит, могли бы быть и человеческие жертвы. Генерал посмотрел на часы. Было ровно девять утра. В желудке что-то стало бурлить. Командир части, словно лиса, угадав желание начальника, тихо произнес:

- Товарищ генерал, для кушанья все готово. До офицерской столовой всего двести метров, не более...

Генерал с полковником вышли из штаба части. Строевой плац был густо «осажден» туманом. Никого и ничего не было видно. В военном городке стояла мертвая тишина...

Напряженный ритм боевой подготовки мотострелков, ежедневно, а то и ежечасно «разбавляемый» всевозможными чудачествами командиров, требовал отдыха для тех, кто носил военную форму и также для членов их семей.

Свой первый отпуск прапорщик Кузьмин со своей молодой женой провел в курортном городе Сочи. Офицеры и прапорщики,

побывавшие там, кроме восхищения ничего не высказывали. Никто из семьи Кузьминых там не был. Никто из них на родину также не собирался ехать. Ни у Евы, ни у Игоря родителей уже не было. Ева подпрыгнула от радости когда узнала о том, что ее муж едет в отпуск в начале августа. Погода в Германии стояла идеальная. Сильных дождей не было, не было и жары. Аналогичная погода была и на Черноморском побережье Советского Союза. Из Магдебурга до Бреста молодые доехали довольно шумно и весело. Соседями по их купе оказалась такая же по возрасту пара. Не только по возрасту, но и по потребностям. Мужчины решили в дороге «расслабиться», не отставали от мужей и их молодые жены. Еве в дороге почему-то очень нравились не только немецкие сосиски с горчицей, которых они набрали целую кучу, но и немецкая водка. На железнодорожном вокзале Бреста молодые пары тепло расстались. Слегка разгоряченная Ева, немного пошатываясь и крепко держась за руку своего могучего мужа, который также иногда выписывал замысловатые фигуры в ходе движения, решила с дороги немного отдохнуть и опустилась на скамеечку в небольшом парке. Игорь пошел получать деньги в кассе. Через полчаса он пришел очень довольный, принес с собой довольно толстую пачку советской валюты. Мужчина вальяжно опустился на скамеечку и стал ласково что-то шептать своей жене на ушко. Названная сумма денег, полученных Игорем, очень обрадовала Еву и она ласково чмокнула своего мужа в губы. Ева радовалась тому, что ее муж, хоть и прапорщик с небольшой зарплатой, однако получил вполне достаточно командировочных денег за пребывание в ГДР. С этим «капитальцем» можно было небезбедно отдохнуть на Черном море.

До отлета самолета из Бреста до Сочи было еще целых пять часов. Молодая парочка решила посетить ресторан «Золотой Буг». Ресторан был набит до отказа. Большинство посетителей были советские офицеры и прапорщики в гражданской форме одежды. Молодая парочка в ресторане повеселилась на широкую ногу. Игорь на явства и коньяки не скупился. Еве, которая была также, как и ее муж, навеселе, понравилось не только то, что было на столе. Ее рассмешил официант, который их стол обслуживал. Это был толстый мужчина, при том со странной плешинкой, которая охватывала практически всю его голову вплоть до ушей. Несмотря на свою полноту и занятость, мужчина метался по залу словно бабочка. Игорь, имея несколько сотен рублей во внутреннем кармане коричневого креплинового пиджака, чувствовал себя словно не то бай, не то какой-то хан из неизвестного ханства или королевства. Крепкое спиртное, хотя и было разбавлено обильной пищей, придавало мужчине новый импульс власти и

вседозволенности. Игорь то и дело подзывал к себе уже порядочно уставшего официанта, и властно, не то с издевкой, не то по-братски, давал ему новые и новые заказы. После того, как официант приносил заказанное блюдо, Игорь наливал лысому очередную рюмку коньяка и при этом громко произносил:

- Ты, паря, а ну выпей за доблестных офицеров Советской Армии...

Больше ничего существенного Игорь уже произнести не мог. Он по-бычьи глядел на официанта и молча наблюдал за тем, как тот выполнял его «приказ». Официант от очередного «приказа» «офицера» не отказывался. Перекинув белое полотенце через плечо, мужчина брал в руку рюмку с коньяком. Зыркнув по сторонам, он одной рукой крестился и со словами: «Да простит меня Бог», другой рукой сиюсекундно опрокидывал содержимое рюмки в свой рот. Ева, наблюдая за этим, от всей души смеялась. Официант в знак благодарности по очередности лобзался то с Игорем, то с Евой. Такое поведение лысого очень нравилось молодой парочке. Игорь в знак симпатии перед уходом сунул официанту в карман его белого сюртука целый червонец. Мужчина от радости чуть было не подпрыгнул. Он, как истинный джентельмен, со страстью поцеловал руку сияющей блондинки...

Месяц отпуска пролетел для Евы с Игорем словно как одна неделя. Молодая парочка в гостинице не жила. Она снимала маленький домик в небольшой деревне и платила за него пять рублей в день. В доме практически было все необходимое для проживания. «Фазенда» находилась в пяти минутах ходьбы до моря. На какие-либо мероприятия молодые не ходили. Они считали то, что они видели в ГДР, этого в Союзе не будет и через сто лет. Игорь с редкими перерывами находился не во власти «зеленого змия». От него не отставала и Ева. Сытная пища с обилием кавказской зелени стимулировала жажду питья. Красивая Кротиха иногда делала «перекуры» от попоек и думала о том, что она делает что-то не то в этой жизни и в этом отпуске. Она боялась за Игоря, который практически через день упивался «встельку». Однако это Еву не так пугало. Молодая женщина надеялась на то, что ее муж хоть здесь вдали от людей, и в первую очередь, от строгих чиновников с большими звездами, найдет какую-то отдушину, пусть даже и на спиртном поприще.

К тому же, Игорь в пьяном угаре для жены был значительно лучше в постели. Молодые на пляж уходили рано утром, немного «набросав» в желудок то, что было в холодильнике. Пару часов они лежали на песке, отдавая свое тело первым лучам яркого солнца. Иногда отдыхающие от загара уставали и начинали играть в карты. «Хитрых» игр они не знали и поэтому все время резались в дурака.

За час до обеда молодая парочка отдавалась теплой и нежной морской воде. Затем они неспеша шли домой и прятались в тени виноградника, которым был опоясан небольшой домик. Хозяйка дома к приходу своих квартиросъемщиков накрывала на стол. Молодые «иностранцы» еще вечером заказывали меню для пожилой женщины, дабы к обеду основательно покушать. Стол не обходился без красного вина, которое было приготовлено хозяйкой дома по ее собственным рецептам. Жильцы это вино считали напитком богов. Досыта накушавшись и напившись, молодые люди отдавались любовным утехам. В это время Игорь был по-особому нежен. Мужчина, словно пушинку, поднимал Еву на руки и нес ее в спальню. После обильно «пропущенного» вина Игорь превращался в постели в настоящего тигра. Молодой мужчина в иные любовные порывы готов был разорвать ослепительно красивую блондинку со стройными загорелыми ногами. Жадность секса у Кузьмина не знала предела. Любовь молодых людей с каждым днем обростала все новыми и новыми фантазиями, от которых Ева была без ума. Особенно ей нравились причуды мужа с вином. Игорь брал графин темного вина и опрокидывал его на нежное тело своей жены. Затем он своими поцелуями слизывал темную жидкость. Блондинка от этого получала истинное наслаждение. «Кудесничала» в постели и сама Ева.

Осень и зима в принципе ничего нового не принесли в жизнь советского военного городка. Ева и Игорь после первого совместного отпуска с каждым днем все больше и больше понимали друг друга. Молодую Кротику радовало, что ее муж стал жить как все люди. В «переустройстве» прапорщика Кузьмина, конечно, была заслуга и Евы. Этим молодая женщина очень гордилась.

В более спокойное русло входила и жизнь в войсковой части. Волна всевозможных происшествий стала обходить тех, кто жил на небольшом участке территории, обнесенной высоким металлическим забором. Для всех наступила передышка, во время которой военнотружущие и члены их семей даже позволяли себе на какой-то миг и расслабиться.

Исключением в этом плане стала командирская семья. За два месяца до нового года полковника Шарманова с инфарктом сердца увезли в групповой госпиталь в город Белиц. Происшедшее со своим мужем тяжело переживала Нина Алексеевна, которая практически дневалила и ночевала возле койки своего мужа. Только через месяц семья Шармановых прибыла в мотострелковый полк. За время отсутствия командира в части со скоростью света проносились различные слухи, сплетни и домыслы. Все они сводились к одному. Полковника Шарманова из-за болезни переводят в Москву в одну из военных академий. Еве, как и многим,

не хотелось в это верить. Она осознавала то, что без командирши у нее могут дела пойти не столь удачно, как это было раньше.

За неделю до нового года полковник Шарманов прощался со своим «чепэшным» полком. Для офицера, убежденного сединой, прощание со Знаменем части было особенно тяжелым. Целуя алое полотнище, офицер плакал. Плакала и его жена, стоящая на трибуне рядом со своим мужем, когда мотострелки торжественным маршем отдавали последние почести своему «отцу». Шарманов прокомандовал полком чуть более трех лет. Ева, стоящая в большой группе жен военнослужащих, наблюдала за всем происходящим и тихо плакала.

Через месяц в военный городок приехал новый командир, подполковник. Чего-либо сверхестественного новая «метла» в жизнь мотострелков не внесла. Как и раньше, подразделения занимались согласно расписанию занятий. Кто-то ходил в наряды, кто-то выезжал на полигоны. Ничего существенного не произошло и в личной жизни у Евы Крот, за небольшим лишь исключением. Новая командирша почему-то не стала покровительницей красивой блондинки. Новая командирша, наоборот, в большей степени прохладно, а то и очень холодно, стала относиться к «смазливой выскочке». Блондинка не знала того, кто дал ей такую кликуху. Одно она знала четко. Теперь ее так называли практически все женщины военного городка. Ева и Игорь понимали, что у новой командирши появились новые «любимцы» и поэтому они не так тяжело переживали происходящее. Ева, как и раньше, принимала активное участие в общественно-политической жизни полка. Кротиха не могла замечать того, как новая командирша постепенно ее «затирала». Кротиху уже не приглашали на всевозможные дружбы. Несмотря даже на это, жена прапорщика Кузьмина в основе своей не унывала. Она, как большинство жен офицеров и прапорщиков, с нетерпением ждала со службы своего мужа. Ева, как и раньше, прилежно выполняла всевозможные «обязанности» жены...

Очередной отпуск Игорь Кузьмин с Евой отгуляли зимой, в феврале. Молодая парочка провела его в сибирской деревне, на родине закодычного друга Игоря прапорщика Козодоева, который настойчиво просил своего кореша к нему приехать. Дружба с начальником солдатской столовой у прапорщика Кузьмина не прекращалась ни на один день, ни на один час. В зимний отпуск «вояки» и их жены строили большие планы. Особенно без ума от зимы был Козодоев, который то и дело рассказывал Игорю и Еве поистине захватывающие сцены охоты за зайцами в своей деревне. По словам друга семьи зайцев там было больше, чем у него на голове волос. До глухой деревушки с красивым названием Марьино

отпускники добрались без всяких проблем. Поздно вечером хорошо «врезали». На этом все планы военных и их жен закончились. На улице было за сорок градусов ниже нуля. Пару раз мужчины сходили на охоту, однако вернулись без единого убитого зайца. «Белые» где-то отсиживались в теплых местах или попросту перемерзли. Весь отпуск состоял в том, что женщины напару резались день и ночь в дурака, а мужчины без передыха «хлестали» самогонку, которой в деревне было по самые уши, а может и даже чуть-чуть и больше... Такое времяпровождение явно не нравилось молодой блондинке. Она с нетерпением ждала того момента, когда их поезд вновь прибудет на немецкую железнодорожную станцию Магдебург...

И на немецкой земле Еву ждали далеко не радостные вести. Весь полк был наводнен всевозможными сплетнями о том, кто поедет на уборку урожая. Каждый год из части на выполнение государственного задания выезжало около десятка офицеров и прапорщиков. Желających ехать на «целину» по зову сердца не было. Никто не хотел искать каких-то приключений на свой хребет или голову. К тому же во время пребывания на целине никто из военных не получал немецких марок. Полугодовая отсидка на одном жаловании мужа не находила восторга и у жен тех, кто в эшелоне с искусственной напыщенностью покидал сытую и чистую землю социалистической Германии. В числе кандидатов на «целину» в этом году оказался и прапорщик Игорь Кузьмин. Молодая Кротиха, узнав об этом, три ночи напролет плакала. Тяжело переживал это и Игорь. Мужчина перед своей женой хорохорился, однако это был просто фарс и ничего более. Игорь после этого известия стал больше пить. Он довольно часто приходил домой чуть-чуть тепленьким. Молодой человек пытался своим пьянством хоть как-то себя «очернить», надеясь на то, что алкоголика на такое «ответственное» задание не возьмут. По своей «линии» начала действовать и жена Кузьмина. За месяц до отправления «целинников» Ева вместе с мужем побывала в кабинете замполита полка, надеясь на то, что он как-то «отмажет» ее мужа от целины. Замполита словно подменили. Майор даже не протянул руку некогда подопечной старой командирши. Ева от неожиданности на какой-то миг даже застыла, словно на каком-то аукционе или на конкурсе красоты, оскалив в ослепительной улыбке все свои тридцать два зуба. Заметив явное нерасположение офицера к своей персоне, Ева сразу же сломалась. Из ее головы мгновенно улетучился тот десяток причин и доводов, которые она обсуждала со своим мужем прошлой ночью. Ничего внятного в свою защиту не сказал и Игорь. Он, словно ошпаренный, стоял навтыжку перед мрачным политработником и молчал.

Не принесло радости молодой семье и посещение медсанчасти. Медицинский начальник, капитан лет сорока с густой шевелюрой волос, записав целую обойму жалоб в медицинскую книжку прапорщика, ничего страшного в здоровье Игоря Кузьмина не нашел. После записи результатов осмотра, офицер, внимательно посмотрев на своего «больного», перевел взгляд на умиленное лицо красивой блондинки и тихо произнес:

- Молодые люди, Вы у меня на приеме далеко не последние... Я понимаю то, что никому не хочется ехать на эту целину. Но партия нас обязывает...

Дальше капитан агитировать никого не стал. Закрыв медицинскую книжку прапорщика, он с ухмылкой отдал ее Игорю. К командиру части молодая пара не пошла. Ева прекрасно знала то, что новый командир, тем более, его жена ихнему «горю» ничем не помогут. Шармановых в части уже не было...

В конце июня прапорщик Кузьмин в составе автомобильной роты под звуки торжественного марша, который исполняла небольшая группка военных музыкантов, на одной из потаенных станций ГДР был погружен в эшелон. Поезд двигался в сторону Советского Союза. Первым местом дислокации военных было Поволжье.

В одном из «скотских» вагонов находилась и Ева Крот. Ехать с мужем решила она сама, даже несмотря на то, что Игорь ее иногда и отговаривал. Ева, приняв это неординарное решение, была по-своему права. Сидеть в части целых полгода без мужа, когда еще у них не было и детей, она не видела никакого резона. Среди жен целинников она была также далеко не первой. Многие из боевых подруг уже ездили на целину вместе с «мобилизованными» партией мужчинами. Каких-либо громадных чемоданов Ева с собою не взяла. Игорь, как это было и положено военному, взял с собою дополнительный комплект обмундирования. Семья была довольна тем, что прапорщик Кузьмин и во время уборки урожая не имел подчиненных. Начальник горюче-смазочных материалов автомобильной роты, в которой было более сотни автомобилей, имел в своем распоряжении всего-навсего один бензовоз с единственным водителем. И больше ничего. Еву, даже не нюхавшую армейского «пороха», такое положение своего любимого даже радовало. Женщина не только знала понаслышке, но и видела то, как туго приходится офицерам и прапорщикам, которые имели в своем подчинении солдат.

Игорь за день до отправления воинского эшелона с «целинниками» проинструктировал свою жену о том, что в эшелоне далеко не «цивилизованный» личный состав. По его словам в целинную роту, как правило, «сплавлялись» одни непутевые

солдаты, те кто злоупотреблял спиртными напитками или довольно часто совершал правонарушения.

Для Евы, которая еще не скушала бочонок солдатской каши, выполнение «правительственного» задания на первых порах было даже занятием романтическим. Ей казалось то, что все армейские чиновники, в первую очередь, с большими звездами с особой прытью будут делать все необходимое для того, чтобы великая страна не осталась без хлеба. Перед самым отправлением эшелона на станции состоялся небольшой митинг, на котором большую речь «толкнул» целый генерал. Военный с широкими красными лампасами на брюках, словно индюк, ходил туда-сюда перед строем солдат и офицеров, и во время своей речи почему-то чихал. Ева в общем армейском строю не была. Она иногда только высовывала свою голову из вагона, дабы узнать, что происходит на этом митинге. Эшелон отправился поздно ночью. Перед отправкой еще раз вся техника была проверена, еще раз был пересчитан и личный состав. Путь до Волги тянулся целых семь дней. Для Евы дорога была очень далеко нелегким занятием. Прапорщик Кузьмин относился к управлению роты, однако это ему не давало абсолютно никаких «преимуществ». Управление роты находилось в таком же вагоне, что и личный состав. Кузьмин со своей женой расположился на нижней полке, которая была сколочена из сосновых досок. Эти доски еще отдавали запахом свежей сосны.

Было уже где-то за полночь, когда Ева приятно вытянулась на солдатском матраце, обтянутом белой простыней. Поцеловав мужа в губы, женщина тотчас же крепко заснула. Заснула с мыслью о том, что ее дорога к великой русской реке, будет интересной и простой. Однако все то, что происходило в поезде утром следующего дня, молодую «солдатку» сильно разочаровало. Ева, проснувшись рано утром, почувствовав, что ей хочется в туалет. Туалет, как таковой, вообще в вагоне отсутствовал. «Целинница» своим горем поделилась с Игорем. Он быстро протер глаза и стал сразу же «кумекать» о том, как же его жене разрешить свою естественную потребность. Поезд, словно ни в чем не бывало, шел на восток. Оправить естественные надобности Ева не смогла ни через час и ни через два. Молодая блондинка, понимая бесперспективность выполнения своего желания, поглаживая живот, дабы он не посмел что-либо «сотворить», мелкими шажками направилась в сторону нар и осторожно легла на матрац. Однако ни сна, ни покоя, как таковых, у женщины не получилось. Вагон иногда так дергало, что блондинке казалось то, что он вот-вот отцепится от остальных своих «собратьев». Кротиха про себя матюгала машиниста поезда. Она думала о том, что место машиниста занимает какой-то недоучка, который впервые в своей жизни увидел поезд. Такая езда и при этом

без всяких удобств стала сильно действовать на нервы Кротихи. Игорь в это время тоже не спал. Он, стараясь отвлечь свою жену от «естественных потребностей», довольно часто нашептывал жене на ухо армейские анекдоты. Анекдоты были очень смешными, однако они ни на грамм не укрепляли «боееспособность» молодой блондинки.

Поезд остановился рано утром возле небольшой станции. Название этой станции, да и самую станцию нельзя было разглядеть из-за густого тумана. Да и Еве было не до этого. Молодая женщина сразу же после остановки эшелона, словно козочка, быстро спрыгнула из вагона. Стремительно отбежав десяток метров, она стала «опорожняться». Игорь присел рядом со своей женой... Самых «счастливых» минут в своей жизни, как оказалось, ждала не только Ева. Десятки солдат возле железнодорожного полотна стали оправлять свои естественные надобности в зависимости от их сложности. Еве, сидящей на корточках, было очень неудобно видеть солдат и офицеров, которые, невзирая на ранги и возраст, делали свое дело. Это «дело» делала и Ева Крот, у которой, как и у других, иного выхода из «тупики» не было. Через десять минут поезд тронулся...

Первый день для молодой семейной пары «целинников» начался довольно сносно. Игорь делал все необходимое для того, чтобы его боевая подруга как можно легче переносила все трудности «борьбы» за высокий урожай. После «туалета» Еве даже очень понравилась гречневая каша с мясом, которую она аппетитно уплела с белым хлебом. Игорь гречку разогрел на металлической буржуйке. «Официальный» обед состоялся только в три часа дня. Эшелон сделал довольно продолжительную остановку. Командир автомобильной роты, пожилой майор с небольшой прядкой седых волос, которая еще «копошилась» на его приличной лысине, после того, как истошно закрипели тормоза эшелона, быстро выскочил из вагона и стал давать команды по организации обеда. Ева решила во время этой остановки подышать свежим воздухом. Девушку очень обрадовало то, что поезд остановился среди леса. Солнца, как такового, на небе не было. Оно было закрыто густыми темными тучами. Мелкие капельки дождя медленно и лениво падали сверху на землю.

Блондинка, взяв Игоря за руку, поспешила с мужем в сторону небольшого леска, который стоял как-то особняком от других небольших лесков, расположенных вдоль железнодорожного полотна. У молодых людей было одно желание, как можно быстрее освободиться от всевозможных шлаков, которые накопились у них после плотного кушанья солдатского сухого пайка. Ева, реализовав естественное желание, неспеша встала из-за густой травы, которая

на этот момент служила ей своеобразным укрытием от посторонних глаз. Выдвигаться в сторону эшелона ни блондинка, ни ее муж не стали. Еще возле эшелона один из взводных командиров, сосед по «кровати», сказал о том, что военные на этой станции будут стоять около двух часов. После «туалета» Кротиха решила с мужем побродить по лесу и подышать свежим воздухом. Это желание отпало через несколько мгновений и по довольно «интересной» причине. В лесу и вокруг него, кое-где прямо возле железнодорожного полотна находились поистине несметные «полчища» человеческого дерьма. От него, даже несмотря на ненастную погоду, исходил «уникальный» запах. Здесь также находились большие кучи всякого мусора и валялось несметное количество пустых банок из-под тушенки или гречневой каши советского производства. Скорее всего, немцы делали в этом месте для советских эшелонов своеобразный бивак, где военные могли не только перекурить от всевозможных дорожных передраг, но и сделать кое-что другое...

Обед из солдатской походной кухни, которая находилась в одном из вагонов, Еве явно не понравился. Солдатский суп с горохом был настолько прозрачным и не вкусным, что блондинка к нему даже не прикоснулась. Макароны с небольшими кусочками рыбы Ева немного покушала. Вместо фруктового киселя Ева предпочла небольшую бутылку лимонада, целый ящик которого Игорь купил еще в магазине при части.

Чем короче был путь к Волге, тем больше мучений испытывала на этом пути молодая женщина. В «штабном» вагоне, в котором было около двадцати человек, включая трех офицеров из управления роты, какой-либо «цивилизации» также не было. Практически все офицеры и солдаты курили. К тому же металлическая печка иногда начинала так смачно дымить, что сидящие в вагоне не могли друг друга видеть. По приказу ротного командира был даже выставлен специальный дневальный, который периодически открывал и закрывал входную дверь вагона, дабы регулярно впускать свежий воздух для людей.

Основным занятием в пути следования для большинства солдат был сон. Этому любимому занятию они отдавались дни и ночи напролет. Из-за движения эшелона невозможно было организовать регулярный прием горячей пищи и поэтому «целинники» активно «уничтожали» солдатские пайки. Плотнo покушав, они сразу же принимали «горизонтальное» положение. Офицеры, кроме сна, еще «резались» в карты. Ева, довольно часто составляла им компанию. Однако и это, частенько надоедало молодой женщине. Она часто просыпалась ночью, и усевшись на небольшую табуретку, высовывала свою голову через небольшой

проем двери. Кротиха, словно рыба, которая страдала из-за недостатка воды, наполняла свои легкие свежим воздухом и на какой-то момент засыпала. Блондинке очень хотелось в таком положении заснуть хоть на пару часов и не дышать этим тяжелым спертым воздухом, который стоял в вагоне. Он, как казалось Еве, опускался до самого пола. Женщине становилось иногда тошно от этого тяжелого воздуха, «производители» которого крепко спали, невзирая на сиеминутные тряски, дергания вагонов. От этого «комфорта» ей хотелось плакать. Во время такой поездки «целинница» не имела возможности почитать книгу, которую она прихватила у Нины Барановой. Не обходилось без проблем и во время приема пищи. Горячую пищу, которую получали солдаты во время коротких остановок, многие намеревались «основательно» покушать в пути. Однако это не всегда удавалось. Поезд во время трапезы иногда так дергался, что первое блюдо, словно находясь в состоянии космической невесомости, полностью взлетало вверх и потом через несколько мгновений опять опускалось в тарелку с явными «потерями».

Каких-либо происшествий, в том числе и чрезвычайных, на пути следования эшелона до первого места дислокации не было. Все хорошо обошлось и во время пересечения трех границ. Немецкие, польские и советские пограничники, и таможенники контрабанды и оружия среди личного состава автотомобильной роты не обнаружили. Ничего запрещенного не было и у Евы, кроме тех «порнографических» авторучек и игральных карт, которые они с Игорем купили у поляков во время одной из остановок на территории Польши. Да и то, никто из военных не напрашивался что-либо покупать у спекулянтов. Поляки сами свои «изделия» предлагали покупать, громко стуча не то кулаками, не то чем-то иным твердым по товарняку. От этих ударов в штабном вагоне проснулся даже медик-прапорщик, который весь путь следования спал. Из военных «целинников» никто не заболел.

Ровно через неделю после отправления личный состав автотомобильной роты приступил к выполнению «правительственного задания» в небольшой деревне Кирсановка Саратовской области. Ева Крот после того, как военные разгрузились и взяли курс в сторону деревни, села в бензовоз и заплакала. Плакала она от радости. Девушке не верилось, что наконец-то эта недельная тряска закончилась и она может, как все люди, ходить спокойно по этой ровной земле, где нет никаких трясок и дерганий. У Евы, сидящей в кабине рядом с мужем, который был за водителя, тотчас же неизвестно куда исчезла боль в спине и по бокам. Эта боль изрядно «накопилась» за время ее пребывания на солдатском матраце на деревянных нарах. Нежное и

красивое тело Кротихи также истосковалось по теплой ванне, которую она принимала в военной городке каждый вечер. От несвежести ее тело временами так зуделось, что Ева, сама даже не замечая этого, во время сна в вагоне расцарапывала некоторые его места до крови.

Незнакомая деревня на берегу великой русской реки Волги для тех, кто приехал по указке руководящей партии вести «борьбу» за урожай, ничего цивилизованного для военных не предложила. «Бойцы» расположились в только что построенном коровнике, где были сколочены вдоль стен двухярусные нары. Такая «цивилизация» явно не устраивала молодую женщину. Ева вместе с мужем пошла по деревне в поисках жилья. Молодая пара на следующее утро перебралась на временное проживание к одной из деревенских бабок. Старуха с превеликим удовольствием за пять рублей в месяц предоставила семье одну комнату в доме. Месяц «борьбы» за урожай на волжской земле для военных пролетел как один день. Ева в этой «борьбе» никакого участия не принимала. Урожай ее мало чем интересовал. Не давал информации о делах «целинных» и Игорь. Прапорщик Кузьмин по сути дела и сам на всю службу «забил». Он не без помощи начальника медицинского пункта, также прапорщика, довольно часто «болел». Кузьмин свое хозяйство перепоручил солдату-водителю, который не только получал бензин, но и оформлял все документы и отчеты. «Больной» вместе со своей женой часто уходили на Волгу и ловили рыбу. Погода стояла жаркая и молодая пара не теряла драгоценное время для загара. «Целинники» находили безлюдные места на берегу реки, и раздеваясь донага, подставляли свои тела лучам жаркого солнца. Солнечные ванны, как правило, не обходились без любви и без спиртных напитков. Обилия денег у молодой пары не было, однако это в принципе не мешало им не так и уже голодно жить. Хозяйка дома оказалась довольно сердобольной женщиной. Она бесплатно делилась с военным и его женой всем тем, что у нее было на подворье. У молодых были и свои продуктовые запасы. При этом и немалые. В этом была заслуга прапорщика Кузьмина. Он просто-напросто продукты питания воровал из солдатского «котла» с разрешения начпрод, такого же прапорщика, как и Игорь. Муж не обижал и свою жену. Кротиха, невзирая на то, что она не находилась на довольствии в роте, питалась куда сытнее, чем те, кто крутил баранку днем и ночью. Весь «харч» для блондинки стоил всего-навсего пару «пузырей», которые начпроду купил в магазине ее муж.

Вторым местом дислокации, где военные вели «борьбу» за урожай, стала Кустанайская область. В этот год на казахстанской земле был очень высокий урожай. День и ночь военные водители

перевозили зерно с поля на зерноток, а потом на элеваторы. «Гражданская» жизнь понемногу разлагала тех, кто приехал, казалось бы, делать доброе дело. Молодые люди в военной форме успевали не только работать, но и пьянствовать. Не столь продолжительное пребывание военных в казахской деревне с чисто коммунистическим названием Победовка все-таки оставило след в жизни селян и притом весьма заметный. Виной этому были не военные, а «победители», деревенские представительницы слабого пола. Трудно было объяснить то, почему в небольшой деревушке было больше женщин, чем мужчин. Еще, наверное, сказывались последствия большой войны, когда многие мужчины не вернулись с поля боя. Возможно и то, что многие мужики находили раньше покой на кладбище, чем женщины, злоупотребляя зеленым «змием». Спиртное даже во время уборочной в Победовку завозили довольно часто и в большом количестве. Спиртного хватало с избытком и для местных, и для тех, кто носил военную форму.

Еву не интересовал урожай и на казахстанской земле. Она не стремилась заглядывать на территорию школы, где располагалась автомобильная рота. Да и военным в этот момент было не до Евы. Работы всем было невпроворот. Игорь все реже и реже стал бывать в старом доме, где молодая семья снимала небольшую комнату. Кротиха понимала занятость своего мужа и поэтому старалась скрывать свое недовольство. Тем более, муж приносил каждый день кое-что из продуктов питания, нередко приносил и деньги. Это очень радовало молодую женщину. В деревенском магазине кроме больших банок с березовым соком и водки ничего не было. Игорь был доволен, когда видел, как его жена за обе щеки уплетала деревенскую сметану с белым хлебом или жарила свежие яйца с большими кусками домашней колбасы. Покушать любила не только блондинка, но и ее муж. Мужчина любил трапезничать за столом со своей женой вечером. Эта трапеза никогда не обходилась без самогонки. Наравне с мужем «пропускала» и Ева. Молодые после обильного жора и питья с гиком, словно маленькие дети, падали в постель и занимались любовью. Короткая летняя ночь пролетала как один час. Нередко влюбленные пребывали в постели до обеда. Они бы и спали больше, но мешал дневальный. Командир роты, заметив отсутствие «прапойщика», посылал за «служакой» посыльного. Игорь нехотя вставал, одевался и неспеша семенил в сторону школы. После ухода мужа Ева еще долго нежилась в постели. Блондинка все о чем-то думала, все о чем-то мечтала. Она довольно часто сожалела о том, что здесь не Германия, и даже не Поволжье. Иногда ей хотелось что-то приличное одеть на себя или хотя бы по-настоящему привести свою внешность в надлежащий вид. Леня брала свое. Подводила иногда и жадность. Женщине

просто-напросто в этой глухой казахской деревне не хотелось тратить духи и помаду на свою «штукатурку». Она прекрасно осознавала то, что и в этой глухой деревне по красоте нет ей равных. И это ее успокаивало. В своих рассуждениях женщина отводила подобающее место и «постельным» отношениям с Игорем. Здесь, как считала сама женщина, у нее и у него, и у них все было в полном порядке. На этой идиллической ноте заканчивались практически все размышления красотишки...

Но увы... Жизнь молодой и очень красивой блондинке приподнесла свои сюрпризы, которых она никак не ожидала в этой деревне. Прибытие военных автомобилистов стало важнейшим событием для жителей Победовки. Скорее всего, больше всех сгорали от нетерпения увидеть военных молодые девушки и холостячки. В первый же день многие из них стали «водить» дружбу с солдатами и офицерами. Об этом Еву регулярно информировал муж. Игорь после первого стакана первача, иногда и после второго, неспеша рассказывал жене об успехах военных на «блядском» фронте. Блондинка эту информацию мимо своих ушей не пропускала. После недельного пребывания в деревне Ева уже досконально знала о том, с какими «бабами» ведет дружбу тот или иной военный начальник. И не только он. В послужном списке «половых гигантов» в военной форме были и солдаты. Интерес блондинки к «блядам» особенно возрастал, если она «пропускала» граненый стакан первача. С особым вниманием слушала Кротиха своего мужа, когда он рассказывал о похождениях офицеров роты. У женщины глаза засветились как у кошки, когда она узнала о том, что капитан, заместитель командира роты по технической части по вечерам заводит в свою техничку-машину симпатичную молодую женщину, которая работает экономистом в совхозе. Слушательница от этой информации была несколько шокирована. Еве казалось то, что люди в таком возрасте и при таких должностях должны не прелюбодействовать. Ей даже не верилось в то, как некоторые женщины довольно приличного возраста могут стоять возле автопарка и ждать своих «друзей», которым из многих не было еще и двадцати лет...

Ева старалась понять всю эту «кухню» любовных отношений между деревенскими женщинами и военными. Иногда она была на стороне этих женщин, особенно тогда, когда шла по деревне или заходила в магазин. Прилично «прилизанные» офицеры и прапорщики, да и в основе своей солдаты, ни в какое сравнение не шли с деревенскими мужчинами. Ей иногда казалось, что деревенские мужики в своей жизни никогда не носили чистых рубашек с галстуками и также по-настоящему не брились. Нисколько не лучше выглядели и женщины, которые в основе своей

носили длинные юбки и кофты непонятно какого качества. Блондинка злилась и смеялась, когда видела в тридцатиградусную жару на головах многих женщин разноцветные платки. Она ничуть не сомневалась в том, что эти крестьянки не пользуются ни духами, ни губной помадой. Сомневалась она и в том, что эти женские «принадлежности» вряд ли когда им покупали или дарили их мужья, или любовники. Размышляя об этом, Ева очень радовалась тому, что ей и самой-то всего несколько лет назад удалось сбросить бабью «шкуру». В этом ей помог Гошка Лыбин, с которым она совершенно случайно встретилась на железнодорожном вокзале Ктомска...

Через две недели ударной битвы зв урожай на Победовку и ее окрестности нагрянул дождь. Все машины встали на прикол. Убирать хлеб не было возможности. Деревня на какое-то время замерла. Селяне в подавляющем большинстве занялись работой на своих дворах, кое-кто стал по-настоящему «гуливанить».

Существенно изменился образ жизни и у военных автомобилистов. Под неусыпным контролем командира роты и его заместителя по политической части во взводах стали проводиться всевозможные общественно-политические мероприятия. Вне всяких мероприятий были только одни «партизаны», так назывался взвод ремонтников из гражданских специалистов, призванных из предприятий для технического обслуживания военных машин. «Партизаны» были люди не глупые и действовали довольно рационально. В разгар страды они «пахали», в дни ненастья «блядовали». Управление роты ни первому и ни второму занятию «партизан» не мешали.

Вне политического воздействия в эти ненастные дни оказался и прапорщик Игорь Кузьмин. Главный «мазут», так прозвали его «целинники», в первый же «безработный» день пришел домой и попросил у жены что-нибудь покушать. После окончания сытной трапезы Игорь встал и как-то виновато произнес:

- Моя Евушка! Мой ротный посылает меня в райцентр за запчастями, да и так мне самому надо кое-что решить с бензином. Я думаю то, что не будешь против этого... Ты прекрасно знаешь то, что в Советской Армии приказы начальников не обсуждают...

Сказав это, Игорь поцеловал Еву в губы. Женщина, от сказанного своим любимым, несколько даже оторопела. Ей не очень хотелось быть одной в такую непогоду. К тому же, телевизор все время «рябил» или ничего вообще не показывал.

Ева «убийственной» информации своего мужа ничего противопоставить не могла. Она знала о том, что ротный с замполитом были недовольны работой ее Игоря. Поэтому она совершенно спокойно произнесла:

- Ну, ладно, потерплю... Такова уже участь военных жен, там и здесь разлука...

Молодая женщина, скрывая свое разочарование, для короткой командировки своего мужа стала собирать ему сумку с продуктами питания. Игорь почему-то настойчиво от харчей отказывался. Несмотря на это, жена положила ему в портфель небольшой кусок домашней колбасы, пару огурцов и пару помидоров. Кузьмин поцеловал Еву в губы и быстро вышел из комнаты. Возле дома стоял бензовоз, на котором прапорщик собирался выполнять приказ командира роты...

Время ожидания своего мужа из командировки для Кротихи летело быстро и незаметно, даже несмотря на непогоду. Дождь моросил день и ночь. Небо было плотно закрыто тучами. Иногда даже казалось то, что солнце навсегда куда-то исчезло. Еве ничего не хотелось делать. Она день и ночь просто-напросто валялась в постели. Временами женщина покидала постель и выходила на улицу в надежде пару часов погулять. Однако прогулки ограничивались только несколькими минутами. Непогода опять загоняла ее в дом, в котором Кротиха кроме сна ничего «дельного» не находила. Никто и ничто ее также не беспокоило. В такую непогоду жене прапорщика даже не хотелось кушать. Чувство голода она погашала чаем с густыми сливками или сосала леденцы, которых в деревенском магазине было достаточно много.

Игорь вернулся из командировки через три дня, рано утром в понедельник. На улице в этот день распогодилось как по заказу. Несмотря на раннее утро, солнце так светило ярко, что казалось, что оно решило искупить свою вину за эти три ненастных дня. Ева в этот день проснулась рано, и лежа в постели, радовалась ярким лучам солнца. Молодой организм женщины требовал движения и поэтому Ева решила немного размяться. Откинув одеяло, она стала своими ногами крутить «велосипед». В момент «езды» блондинка услышала как кто-то ключом открывает дверь ее комнаты. Через несколько секунд из-за двери появился Игорь. Не снимая сапоги, на которых было прилично грязи, мужчина быстро ринулся к постели и страстно стал целовать свою жену. Ева оказалась в крепких объятиях своего мужа, которого она с нетерпением ждала всю эту непогоду. От Кузьмина пахло немного потом, бензином и чуть-чуть женскими духами. Этими духами Кротиха никогда не душилась...

Прошла неделя после прибытия Кузьмина из командировки. Игорь за это время резко изменился и это сразу же заметила Ева. Муж Кротихи изменился в лучшую сторону. «Прогресс» мужчины женщину не только радовал, но одновременно и настораживал. «Мазут» приходил домой оживленным и даже деловым. Утром Игорь, что казалось для Евы

несколько странным, стал больше заглядывать в небольшое зеркало, которое висело над умывальником. Блондинка, находясь еще в «горизонтальном положении», косила глазами на своего мужа и весело смеялась над мужчиной, который старательно стремился искоренить неожиданно появившиеся «дефекты» на своем лице.

В субботу Игорь опять сказал своей жене о том, что он вынужден ехать в райцентр для выполнения приказа своего командира роты. Ева перечить приказам начальника опять не стала...

О том, чем занимается ее муж во время командировок, Крот узнала в понедельник. Узнала совершенно случайно. Погода в этот день, как и неделю назад, была отменная. Яркое солнце, зависшее над небольшой деревенькой в большей мере способствовало отдыху, чем работе. У Евы в этот день, как никогда раньше, появилось огромное желание погулять. Да и время прибытия своего мужа из командировки она не знала. Женщина неспеша вышла из деревни и также неспеша пошла по обочине асфальтированной дороги, ведущей в сторону районного центра Урицкое. На душе, у медленно идущей блондинки, было радостно и легко. Ей хотелось дышать и дышать этим несколько теплым и очень свежим воздухом, который ее даже пьянил. Идущая довольно часто останавливалась и делала глубокие вдохи, чтобы наполнить свои легкие этим целебным воздухом. По «асфальтке» то и дело проносились груженные военные машины, на дверях кабин которых были две крупные буквы «СА». Водители, увидев на обочине дороги красивую блондинку, неистово сигналили. Кое-кто из них сбавлял газ для того, чтобы лучше разглядеть идущую красавицу. Ева, наблюдая за действиями водителей, смеялась и иногда махала им руками. Молодая путница каких-либо планов на сегодня или на завтра не строила. Ей было просто очень приятно и легко идти по этой дороге под палящим солнцем и обращать свой взор в неведомый горизонт, который из-за ровной местности и отсутствия лесов сливался с землей.

Где-то за километр от деревни позади Евы раздался оглушительный скрип тормозов. Кротиха невольно повернулся в сторону источника душераздирающего скрежета. Перед собою она увидела небольшую легковушку военного образца с такими же двумя буквами, что и на больших грузовиках. Из машины молодцевато выпрыгнул уже немолодой мужчина в солдатской форме, на голове которого с большим перекосом на левое ухо свисала пилотка. Военный полустроевым шагом подошел к Еве и весело отрапортовал:

- Военный «партизан» из гвардейской автомобильной роты

старшина запаса Кормилов Иван Иванович...

Затем, слегка поправив солдатский ремень и «подобрав» живот, он опять произнес:

- Я хотел бы у Вас просить разрешения для того, чтобы Вас, такую очаровательную даму, о которой я так наслышан, немножко провести на моем чудо-технике... Я уже с самого утра проверяю свои тормоза, а теперь не мешало бы их проверить с нагрузкой... Я никак не хочу того, чтобы мой ротный с замполитом пострадали во время выполнения правительственного задания...

Сказав это, старшина ловко щелкнул каблуками своих сапог и протянул женщине руку для приветствия. Представление военного «партизана» Еву рассмешило и она с большим удовольствием протянула руку незнакомому человеку. Она также не стала ждать очередного приглашения от военного для проверки тормозов с «нагрузкой», и покачивая бедрами, направилась в сторону машины. Этот «тарантас», так называл военную легковушку Игорь, женщина несколько раз видела в деревне возле школы. Блондинка, ловко запрыгнула на ступеньку и также ловко заняла сидение рядом с водителем. Кормилов включил замок зажигания. Однако «тарантас» сразу не завелся. Только с третьей попытки двигатель как-то неестественно чихнул и взревел, что вызвало смех у сидящих в машине.

Водитель оказался на редкость веселым и добродушным человеком. Он все время не только «молол» языком, но при этом весело насвистывал. Еве становилось все радостнее от тех «порций» смеха и оптимизма, которые ей «вливал» этот мужчина. Кротике, которая то и дело в улыбке обнажала свои красивые зубы, казалось то, что она этого человека знает уже очень давно. Сама же блондинка с того момента, когда она запрыгнула в легковушку, мужчине не сказала ни слова. Она его только слушала и только смеялась. Девушка смеялась от того, что ей было очень весело в этот день. Она смеялась еще и потому, что все военные об Еве, жене главного «мазута» роты давно были наслышаны и восхищались ее красотой.

По пути в сторону райцентра, который находился в тридцати километрах от Победовки, Кормилов предложил Еве заехать в Урицкое и купить там новую электробритву. Старую «партизан» сегодня утром выкинул из-за непригодности. Предложение пассажирке очень понравилась. Она, посмотрев на часы, утвердительно кивнула головой. Перед въездом в город «партизан» решил заправить свой «тарантас» и повернул машину в сторону заправочной станции, которая находилась в полукилометре от райцентра. Водитель выключил мотор и пошел к окошечку автозаправки. Вышла из машину и Ева. Немного покачиваясь от

непривычной езды на столь «древней» машине, женщина решила немного размять свои ноги и направилась в сторону больших цистерн, в которых хранился бензин. Эти цистерны находились неподалеку от автозаправочной станции. Неожиданно для себя Ева увидела бензовоз, который она могла бы узнать из тысячи других. В том, что это был бензовоз Игоря Кузьмина блондинка не сомневалась. В кабине этой машины Ева со своим мужем несколько раз занималась любовью во время многодневного следования эшелона из Германии на Волгу и с Волги в Казахстан. Да и уже в этой деревне Игорь иногда приезжал к Еве домой и они уезжали туда, где их не мог увидеть человеческий глаз. С замиранием сердца Ева тихо и незаметно подошла к бензовозу, надеясь увидеть в кабине своего мужа. В кабине Игоря не было, не было его и вокруг машины. Кротиха быстро развернулась и направилась в сторону заправочной, возле окошка которой стоял «партизан» и с кем-то весело болтал. Подошла к окошечку и Ева. Она не поверила своим глазам. За небольшим столиком сидел ее Игорь, и весело улыбаясь женщине, которая сидела за этим же столом, только напротив, о чем-то разговаривал с Кормиловым. Ни «партизан», ни те, кто сидели за столом маленькой комнатки, не ожидали прихода Евы. Игорь, на какое-то время отвернувшись от своей партнерши за столом, поднял взор на «партизана» и обомлел. Рядом с Кормиловым стояла Ева. Прапорщик на какое-то время не мог совладать с собою. Появление жены было настолько неожиданным, что Игорь несколько секунд смотрел Еве прямо в глаза и только. Прямо смотрела в глаза своего мужа и Ева. Она, словно загипнотизированная, переводила свой взгляд то на Игоря, то на незнакомую ей женщину. Блондинка своим чутьем понимала то, что ее Кузьмин и эта женщина были далеко равнодушны к друг другу. И в этом Ева несколько не сомневалась. Тем более, несколько секунд назад глаза ее мужа излучали нежный свет. Этот свет был предназначен не для Евы, а для той, которая сидела за столом. Игорь, увидев в глазах своей жены не то испуг, не то удивление, на неожиданное появление Кротихи никак не среагировал. Не среагировала на Игоря и Ева. Обоим они поступили так, как будто никто никогда и нигде друг друга не видел...

После заправки «партизан» молчал, молчал как настоящий партизан. Кормилов, словно набрав воды себе в рот, молчал и в районном универмаге, когда выбирал себе электробритву. Кротиха от заправки до самой деревни плакала. Слезы молодой попутчицы в конце концов «раскололи» военного водителя. Уже перед самой Победовкой он решил рассказать Еве все то, что знал и слышал о любовных похождениях прапорщика Кузьмина.

Рассказанное потрясло Еву. Она, всхлипывая, словно

маленький ребенок, «проглатывала» все то, что успел ей рассказать этот веселый человек за несколько минут. С заправщицей АЗС прапорщик Кузьмин познакомился в первый же день, как только «целинники» прибыли в деревню. Игорь по долгу службы должен был наполнять свой небольшой бензовоз бензином на АЗС и потом везти его в деревню в автопарк военных автомобилистов. Кузьмин с первой же минуты знакомства уловил пристальный взгляд заправщицы и сразу же решил к ней «подъехать». Татьяна, так звали заправщицу, было где-то около сорока лет. Да и красотой, как таковой, она не блистала. Она была «средней». Ей сразу же очень понравился этот высокий и статный военный водитель, который приехал за бензином. В первую ночь после знакомства с молодым прапорщиком Татьяна спала очень мало. Она все думала о новом знакомом. На второй день они опять встретились на заправке. Женщина в этот день была очень признательна новенькому за то, что он привез ей целый ящик тушенки и целый ящик гречневой каши в металлических банках. Привез тогда, когда женщина сдавала смену. У заправщицы личного транспорта не было и поэтому Игорь решил отвезти все съестные припасы к ней на квартиру. Новая знакомая жила в очень добротном доме. Муж заправщицы был известный комбайнер. За уборку урожая два года назад получил орден. В семье детей не было, зато достаток в доме был. Татьяна после того, как Игорь занес ящики в дом, попросила его отнести их в подвал, который находился рядом с домом. Хозяйка в подвал спустилась первой, за ней последовал и Игорь. В подвале Татьяна поставила лестницу к стеллажу и стала складировать банки на верхнюю полку. Игорь доставал эти банки из ящика и подавал их в руки женщины. Закончив ставить банки, Татьяна не то специально, не то и вправду, чуть было не свалилась с лестницы. Причиной этому было волнение хозяйки перед таким статным мужчиной или высокие каблуки туфель, в которые она была обута.

С криком «Ой» Татьяна несколько накренилась и стала падать с лестницы. На помощь женщине пришел Игорь, который, находясь внизу, то и дело разглядывал красивые ноги старшей его по возрасту хозяйки. Мужчине нравились не только эти ноги, но и те белые плавки, в которые была одета Татьяна. Игорь, поймав налету хозяйку своими сильными руками, страстно прижал ее к себе. Затем он поцеловал ее в слегка накрашенные губы. Женщина ничего не говорила и не сопротивлялась. Она только еще сильнее прижалась к военному. Татьяна в этом мужчине даже через его зеленую рубашку с погонами почувствовала столько энергии и страсти, от которой у нее не только закружилась голова, но что-то приятное и томное возникло внизу живота. Игорь поднял хозяйку на руки, и усадив ее на какой-то мешок, в котором, скорее всего, была какая-то крупа, с

силой раздвинул красивые и сильные ноги Татьяны...

На следующий день Кузьмин опять встретился с Татьяной. Они занимались любовью уже не в подвале дома, а в небольшой комнатке бензозаправки на небольшом письменном столе, который стал для них любовным ложем.

«Партизан», тем более, Ева не могли знать все подробности того, чем занимался прапорщик Кузьмин во время выполнения приказа командира роты. Приказа, как такового, Игорю никто и никогда не отдавал. Военные начальники не только не могли приказывать, но они даже не имели на это право. Прапорщик Кузьмин был болен, тем более, очень серьезно. Доказательством этому была медицинская справка, в которой было черным по белому написано о том, что военнослужащий Советской Армии Кузьмин направляется в районную поликлинику для обследования. Справку подписал «медбрат» автомобильной роты, прапорщик.

Ненастная погода благоволила влюбленным. Игорь «официально» болел. Из-за непогоды не работала и Татьяна. Заправщице на время дождей и остановки всевозможных машин дали отгул. В доме хозяйка осталась одна. Муж, как передовик социалистического соревнования и орденоносец, во время прекращения сельскохозяйственных работ был вызван в столицу республики на телевидение. Татьяна с Игорем, занимаясь любовью с самого раннего вечера до утра, а также и днем, телевизор не включали. Им было не до передовиков, не до обмена опытом по выращиванию пшеницы...

Они все это время находились во власти ее величества любви. Их любовь не знала возраста. Она знала только одну страсть, которую испытывала сорокалетняя женщина и мужчина, которому еще не было и тридцати. Насытившись любовью, они на какое-то время предавались только своим, только личным размышлениям, которыми они делиться друг с другом не считали нужным. Игорь, положив свою голову на грудь Татьяны, мысленно сравнивал ее как женщину с Евой. Эта, лежащая с ним рядом, явно уступала по красоте той, которая была ему законной женой. Однако, ему как мужчине, почему-то сейчас хотелось любить именно эту женщину. Почему он ее хотел, Игорь так и сам не мог понять...

Предавалась своим откровенным размышлениям и Татьяна. У нее кроме симпатии к этому сильному и стройному парню ничего не было. И не без оснований. Она довольно часто в тайне от мужа по ночам плакала, когда тот, еще далеко не старый мужчина, не мог удовлетворить ее как женщину в силу своей половой неполноценности. Прошло уже пять лет с того момента, когда ее муж стал полным импотентом. Эта проблема несколько раз обсуждалась на семейном совете. Татьяна, как и ее муж, прекрасно

понимала важность и необходимость обращения к врачу. Однако дальше разговора никто ничего не делал. Образ жизни, ее уклад брал верх над любовью относительно молодых людей. Особенно боялся идти к врачу Николай, имя которого, как передовика производства, как коммуниста, было на устах всех деревенских жителей и не только. О передовом комбайнере писали районная и областные газеты. Орденоносец довольно часто мелькал на экранах республиканского телевидения.

Игорь для Татьяны появился словно божий дар. Увидев молодого военного, женщина всем своим сердцем почувствовала то, что и к ней может вернуться страсть женщины. Она сильно истосковалась по тому, что называлось настоящей и полноценной любовью. И в этом она не ошиблась. Женщина в первый же вечер в подвале и у себя дома в постели почувствовала не только силу молодого человека, одетого в военную форму, но и испила полную чашу ласки и страсти, которую, как ей казалось, она не видела и не чувствовала целую вечность...

«Партизан» довез Еву до самого дома. Настроения у блондинки не было. Ева, сидя за столом в ожидании Игоря, напрягала свою зрительную память. Блондинка хотела еще раз в какой-то мере нарисовать образ той женщины, с которой был на автозаправочной станции ее супруг. Целостный портрет любовницы мужа у Евы не получался. От этого бессилия ей хотелось плакать. Стараясь хоть в какой-то мере «затушить» свою нахлынувшую ненависть к Игорю, Ева стала, словно белка, метаться по комнате. С полными глазами слез она опять села за стол. Затем встала из-за стола и подошла к холодильнику. Открыв холодильник, женщина достала из него бутылку самогонки, которую она держала для своего мужа. Кротиха, вытащив из горла бутылки самодельную пробку, резко вдохнула. Острый запах первача на какой-то миг перехватил дух у Евы. Немного отдышавшись, женщина приставила горлышко ко рту. Теперь она уже не чувствовала противного запаха самогонки и ей даже стало как-то приятно на душе...

Прапорщик Кузьмин приехал домой тогда, когда уже сумерки прочно окутали небольшую деревеньку Победовку. В комнате Евы света не было. И это мужчину даже обрадовало. Не запертой оказалась и дверь комнаты. Игорь, плотно прикрыв за собой дверь, на какой-то миг приостановился, прислушался. Ева мирно и ровно храпела в постели. Мужчина быстро разделся и нырнул в постель. Спящая на появление мужа никак не прореагировала. Женщина спала нагой. Неожиданно для себя Игорь почувствовал острый запах самогонки, который исходил из того места, где обычно он спал. Кузьмин провел рукой по постели,

откуда пахло самогоном. Мужчина в своих предположениях не ошибся. Немного ниже подушки, на которой спал Игорь, лежала полупустая бутылка, из которой по-тихоньку вытекало спиртное. Низ подушки был насквозь пропитан первачом. Мужчина, дабы не разбудить свою жену, осторожно поставил бутылку на пол возле кровати. Поставил ее не столь удачно. Бутылка, как юла, кувыркнулась и с большим грохотом покатилась по полу. Неожиданный шум разбудил Еву. Кротиха открыла глаза и в тот же миг почувствовала страстный поцелуй Игоря, который хотел, как и прежде, завладеть своей женой. Однако не тут то было. Молодая женщина, еще какое-то время находясь во власти сна, решительно оттолкнула рукой от себя уже было взобравшегося на ее мужчину. Своеобразный натиск по овладению женой мощному Игорю не удался. Ева, словно львица, защищающая своего детенышка, обеими руками схватила Игоря за уши и с силой потянула их к себе. От неожиданной страшной боли тот сильно вскрикнул и тут же как пушинка слетал с женщины. Несмотря на темноту, некогда два любящих человека встретились друг с другом глазами. При лунном свете две пары глаз смотрели друг на друга и горели как угольки. Однако это были уже глаза не страсти и любви, как это было раньше. В голубых глазах блондинки светились яркие огоньки ненависти и презрения к тому, который был ее мужем и другом в жизни. Только раньше, а не сейчас. В карих глазах Игоря блестели огоньки, которые, как казалось Еве, просили ее только о прощении и пощаде. Возможно, в этих глазах было что-то еще нежное, но этого уже Ева не хотела понимать. В этот миг у полупьяной женщины жажда ненависти к некогда, вполне возможно, любимому человеку, брала свой верх.

Ева, словно лань, вынырнула из-под одеяла. Нагая женщина со всей силой вновь оттолкнула своего мужа, который ошарашенный поведением своей жены, сидел на краешки кровати и молчал. Мужчина, не ожидая такой силы и прыти от женщины, словно мешок с овсом, мгновенно плюхнулся на пол. Кротиха, видя беспомощность своего мужа, и понимая то, что он довольно пьян, решила действовать более решительно, дерзко и нагло. Она, схватив с постели одеяло и прикрыв свою наготу, истерично завопила:

- Ты, прапорщик... Я тебя отстирала и отмыла... Я тебя может даже и полюбила, ты же мне еще и изменяешь.... Я из-за твоей службы и жизни никакой не вижу, а ты еще, мразь крестьянская, мне изменяешь... Я тебя ненавижу, ты слышишь меня, прапор...

Дальше Ева ничего говорить не могла, женщину душили слезы. Она упала в кровать и уткнувшись лицом в постель, стала навзрыд плакать. Одеяло сползло с женщины и оголило ее нежное, несколько загоревшее тело. Игорь тем временем сидел нагим на

полу в метре от кровати и смотрел на Еву, тело которой то и дело вздрагивало от нервных конвульсий. Мужчина наблюдал за своей женой и скрипел своими зубами. Оскорбительные высказывания Евы разозлили Игоря и он решил дать бой своей жене. Кузьмин быстро встал, и словно исполин, двумя руками схватил нагую Кротиху за волосы. Та от боли сильно вскрикнула. Только и всего. Игорь опять же обеими руками с силой схватил голову женщины и повернул ее к себе лицом. Глаза исполина в этот момент были налиты кровью, его лицо перекосилось от не то страшной боли, не то от лютой ненависти. В этот момент мужчина был готов на все. Ева сейчас ему показалась такой чужой, что он был готов разорвать ее на мелкие части. Однако прилив неистовой ненависти к нагой женщине длился всего несколько секунд. Игорь чувствовал, как его мозг, его голова постепенно «входят» в густую пелену алкогольного тумана. Эта пелена на какой-то миг заглушила вспышку ненависти к Еве. Ему в этот же миг очень захотелось овладеть этой женщиной. Только в этот миг и не раньше и не позже.

Появившуюся вспышку страсти и любви к себе уловила и Ева. Мозг красивой блондинки, который был в наименьшей степени подвержен алкоголю, заставил ее действовать наиболее мирно и покладисто с тем мужчиной, который сейчас мог просто-напросто убить, а может даже и разорвать ее. Нагая блондинка именно в этот момент осознала свои ошибки. Она решила больше не говорить каких-либо пошлостей пьяному мужчине. Кротиха, внимательно наблюдая за своим мужем, решила изменить свою тактику поведения и на какое-то время стать покорной этому исполину, а может даже и очень покорной. В этом она видела единственный путь своего спасения. И поэтому Ева несколько не сопротивлялась тому, как Игорь, словно стервятник, заламывал ее нежные руки и с силой раздвигал ее ноги. Пьяный мужчина все это делал с одной только целью, как можно быстрее удовлетворить себя. На нежном и хрупком теле блондинки лежал не любящий ее мужчина, а настоящий садист...

Мужчина, который был в апогее своей половой страсти, забросив ноги женщины на свои плечи, с невероятной силой вталкивал половой член между ног блондинки. От животного насилия Игоря в нижней части туловища у лежащей были сильные боли. Но она не чувствовала этого, как и также не чувствовала боли от кое-где кровоточащих синяков, которые оставлял после себя озверевший гигант-мужчина на светло-шоколадном теле нагой женщины. Эта боль поглощалась звериным равнодушием и безразличием молодой девушки к тому, кто так ее страстно насиловал...

Ева после «буйства» мужа ни на минуту не заснула. Обида

глушила плачущую женщину. Через пару часов проснулся Игорь. Увидев это, Кротиха повернулась к нему спиной. Через какие-то доли секунды она почувствовала острую боль на левой щеке. Боль была настолько сильной, что Ева на какое-то время не то потеряла сознание, не то не стала понимать происходящее с ней. В левом ухе женщины стоял страшный шум. Блондинке казалось, что ее кто-то оглушил обухом топора или выстрелил из ружья. Только через несколько секунд она поняла, что муж «опустил» ей сильную пощечину. Левая часть лица и левое ухо горели как огонь...

Игорь вел себя так, словно ничего не произошло, а если и произошло, то все это было вполне «закономерно». Мужчина действовал дальше очень хладнокровно. Встав с постели, он повернулся боком к жене и назидательно произнес:

- Ты, немчура, больше со мною так не веди, а то будет еще хуже...

Больше Игорь ничего не сказал. Он вышел во двор, и смачно выругавшись через полуоткрытую дверь, направился в сторону уборной...

Целую неделю муж и жена не разговаривали друг с другом. Кузьмин, как и раньше, ходил на службу. Кротиха, как и раньше, готовила на стол своему мужу. Муж, как и раньше, после сытного ужина заваливался в постель и со страстью удовлетворял свои мужские потребности. Они, как и раньше, целовали друг друга. Посторонним людям казалось, что у этой молодой пары нет никаких проблем и все у них идет как по маслу. Однако это был только миф, своеобразная барщина на поле семейной жизни. И не более и не менее. Целую неделю Ева не появлялась на улице. Не ходила она и в магазин, боясь показаться со своими внешними «изъянами» на лице. Закупаться ходил сам Игорь.

На первый день через неделю после той поистине трагической ночи они стали разговаривать. Первым заговорил Игорь, потом она. У молодой супружеской пары жизнь потекла как и раньше. И не так, как раньше. Происшедшее той ночью заставило молодых уже по-иному посмотреть друг на друга. Каждый из них завязал для себя узелки памяти, без которых не обходится жизнь ни одного человека, ни одного поколения на этой грешной земле.

Ева поняла, что Игорь ей изменил, даже несмотря на то, что его жена была настоящей красавицей. У молодой Кротихи впервые за все время проживания с Кузьминым возникло сомнение в его порядочности и честности. Да и в настоящий момент она несколько не сомневалась в том, что ее законный муж продолжает наносить визиты к Татьяне. Организовывать какие-либо разборки по этому поводу блондинка не собиралась. Она считала это дело не только бесполезным, но и очень опасным занятием. Не последнюю роль в

этом умозаключении играл ее страх перед своим мужем, который отличался не только бычьим здоровьем, но и непредсказуемым поведением. При этой мысли и ей подобных у Евы сразу же начинали пламенеть щека и ухо. И не только это угнетала Еву Крот. Уходить от Игоря в данный момент своей жизни она не хотела, тем более, здесь и сейчас. Искать себе друга жизни в этой глухой деревне среди полуждоровых, полудиких и поголовно пьяных мужиков она не собиралась. После того, как ее ударил Игорь, она довольно часто думала о своем будущем. Блондинка приходила всегда к далеко неутешительному выводу. И эта бесперспективность пугала женщину. Безысходность будущего, даже и в ближайшем времени, заставляла ее идти опять к Игорю, который изменял ей и продолжал это делать без всякого стеснения.

Ева не хотела также менять свой более светский, более цивилизованный образ жизни в Германии на тот образ, который вели миллионы советских людей. Ей очень молодой женщине с прекрасными внешними данными намного было роднее и приятнее немецкий город с труднопроизносимым названием, чем эта деревня с громким названием Победовка. Она решила жить с Игорем так, как и раньше, и в то же время она решила кое-что изменить в своей жизни...

Кротиху, которой изменил муж, в определенной степени успокаивало то, что он был не один из мужчин, кто «сcurвился». У блондинки всплыл в памяти довольно анекдотичный случай, который произошел во время пребывания «целинников» на Волге. И в этом деле был замешан «партизан», мужчина солидного возраста и к тому же член КПСС. Очевидцем некоторых эпизодов происшедшего была и сама Ева. Местные холостячки не давали покоя не только солдатам, но и «партизанам», людям уже степенного ума и возраста. Отсутствие партийного контроля приводило к тому, что некогда активные борцы за коммунизм в стенах предприятия на целине превращались в настоящих «сачков» и страстных бабников. К числу оных относился и слесарь Шушаков. Михаил Иванович от работы старался всевозможными путями и методами отлынивать. Иногда и «потел», если в объективе его глаз показывался военный со звездочками, даже независимо от их количества и размеров. Своих коллег, да и кое-кого из солдат, он учил тому, что начальникам надо всегда уметь пыль в глаза пускать. Сам он очень умело пускал пыль не только на работе, но и на партийных собраниях «целинников». Здесь ему, как оратору и борцу за дело родной Коммунистической партии, равных не было. Коммунист стремился везде нос совать. Совал он его и туда, где «пахло» женщинами. А их очень много было в деревне Кирсановке. Михаил Иванович узнав о том, что все офицеры разъехались по

токам или по фермам, сразу давал «деру» на Волгу. Уж больно заядлый рыбак он был и не только рыбак...

В один из дней, когда ярко светило солнце на приволжскую землю, на КПП роты появилась довольно смазливая женщина и представилась женой слесаря Шумакова. Дневальный тотчас же пошел искать «партизана» по расположению роты и в автопарке. Мужа женщины не нашли. Об отсутствии слесаря доложили замполиту роты, который только что приехал из управления совхоза. Офицер оказался в курсе того, где находился коммунист Шушаков. Знал он также кое-что и из личной жизни своего подчиненного. Политработник пошел вместе с женой слесаря на берег Волги, где ее муж по информации дежурного по автопарку должен был рыбачить. Через несколько сотен шагов перед идущими открылась поистине идиллическая сцена любовной жизни. «Партизан», он же муж той, которая приехала к нему издалека, спокойно сидел в чем его мать родила на берегу великой русской реки и ловил рыбку. Рядом с рыбаком в таком же «одеянии» сидела тетя Надя из деревенской столовой и пила квас. Рядом с «семейной» парочкой на белой солдатской простыне лежала приличная закуска: большие красные помидоры, арбуз, бутылек самогонки, нижнее белье и ... две упаковки презервативов.

При неожиданном появлении своей законной жены рыбак свою удочку на песок не положил. Она у него просто-напросто от испуга и от изумления выпала из рук. Он даже не успел покраснеть, как его родная женушка стала впадать в истерику. Мужу, казалось бы, надо успокаивать супругу, однако он этого не сделал. Он, полусидя и полулежа, на коленях пополз в противоположную от жены сторону, а потом стремительно побежал прочь. Деревенская бабенка при виде столь грозной и прилично одетой женщины стала красной, как саратовский помидор или соседский волгоградский, и тоже ретировалась прочь.

Довольно долго пришлось политработнику успокаивать явно отчаявшуюся женщину, которая еще до сих пор не могла представить того, как ее муж, хороший семьянин, отец двух детей, член КПСС мог ей изменить. Она украдкой вытирала слезы и тихо бубнила себе под нос:

- Я дура, ему ноги даже мыла, кудри ему каждый день расчесывала... А он мне изменил. Я дура, из магазина ему все свеженькое таскала, лелеяла как детеныша... Он, сука коммунистическая, мне изменил, несмотря даже на то, что его портрет на доске Почета висит...

Женщина, продолжая что-то причитать и плакать, несколько приотстала от офицера, идущего в сторону расположения военных. Жена коммуниста, отойдя порядка трехсот метров от ненавистного

места, где ее муж «прелюбодействовал», вдруг резко повернулась и бегом побежала к тому месту, где лежали «трофеи» ее супруга и саратовской «помидорши». Она быстро схватила простынь. Затем на нее положила всю одежду влюбленных, включая «семейные» трусы армейского производства своего мужа. Не забыла она прихватить и презервативы. Все это гостя свернула в небольшой узелок. После захвата «вещдоков» женщина подошла к ожидающему ее офицеру.

Замполит роты, как начальник, как и мужчина, свою голову не забивал тем, что член партийной организации слесарь Шушаков изменил своей жене. Такое специфическое «ЧП» его нисколько не раздражало. Старший лейтенант досконально знал, что кое-кто и из офицеров его роты нашел себе подруг из местных женщин. К тому же «партизаны»-мужики были в большинстве с головой и умели замечать следы своего «блядоходства». И поэтому те причитания, которые шептала про себя и вслух эта еще не старая женщина, нервного тика у политработника не вызывали. Однако офицер в потенциях жены своего подчиненного слесаря и коммуниста сильно ошибся.

Своеобразный сюрприз новенькая преподнесла офицеру в канцелярии роты. Она, немного успокоившись, выпила с горя целый стакан воды из графина. После этого женщина закатила свои большие глаза к потолку и с истерикой прокричала:

- Я, товарищ начальник, здесь всех вас на чистую воду выведу... Организовало это красное офицерье целый бабник... Сами пьянствуйте и не смотрите за тем, чем здесь Ваши подчиненные занимаются. Дома я бы уже давно в партком и в райком съездила, а здесь у военных сплошной бардак... Я вот сейчас к первому секретарю поеду и все расскажу о том, что здесь у Вас происходит...

Офицер такого разворота событий в вверенном ему подразделении не ожидал, тем более, от какой-то продавщицы. У военного, да и у большинства тех, кто жил в условиях совершенствования развитого социализма, эта категория работников относилась к разряду воровитых людей. Такая «осведомленность» женщины в сфере партийного строительства на какое-то время даже вызвала страх у старшего лейтенанта. Он молниеносно стал в своей голове перебирать содержание всех «грехов», которые он вместе с ротным утаивал от вышестоящего военного и гражданского начальства. От этих тайн его сразу же бросило в жар. Молодой человек на какой-то миг съежился и от того, когда представил то, если его личное «прелюбодеяние» с заведующей районной библиотекой станет достоянием гласности местного района и группы войск в Германии. И эта грязь может исходить только от этой бабы-стервы. На этом умозаключении

раздумья офицера прекратились. И причиной этому были дальнейшие действия жены коммуниста Шушакова. Они были очень решительные и непредсказуемые. Женщина спокойно вытащила из нагрудного кармана военной гимнастерки своего мужа партийный билет и тихо, но уверенно, как генеральша, нараспев произнесла:

- Товарищ офицер, я как жена коммуниста и как член комиссии по охране социалистической собственности ставлю Вам ультиматум. Или я порву партийный билет, к тому же я проинформирую райком партии о всех ваших безобразиях, или Вы отпустите моего мужа домой. И только сейчас и не раньше, и не позже...

Офицер не ожидал такого склада ума от советского торгового работника, который бдительно стоял на страже социалистической законности и социальной справедливости. Он даже на какой-то миг чертыхнулся про себя коммуниста Шушакова за «излишек» перевоспитания своей жены.

Дело приобретало полувеселый, полусерьезный оборот. От первого и от второго военному становилось не лучше. Офицер решил на какое-то время взять инициативу в свои руки и попросил женщину не пороть чепуху. Та стояла на своем. Сидящие в канцелярии в конце концов пришли к обоюдному решению: надо вместе подумать. К тому же политработник хотел выиграть время. Он ждал ротного командира и хотел с ним посоветоваться. Через пять минут подъехал командир роты. Офицеры сразу же удались на короткое совещание. Через полчаса военные вынесли решение, которое очень обрадовало женщину. С учетом семейных перепетий, которые возникли в семье в связи с отъездом мужа на уборку урожая, было решено предоставить слесарю Шушакову краткосрочный отпуск для улаживания конфликта. Майор и старший лейтенант отпускали коммуниста по ходатайству его жены и под ее личную ответственность. Эту ночь гражданка Шушакова спала в канцелярии роты на раскладушке. Рано утром к ней пришел и ее возлюбленный. К обеду все было улажено. Уже не молодая парочка, вновь обретшая семейный покой, тепло простилась с политработником. Быстро отдаляясь от расположения «целинников», Михаил Иванович крепко держал свою жену за руку и одновременно с умилением что-то ворковал своей подруге на ушко. Та громко смеялась. Больше слесарь Шушаков в автомобильной роте не «партизанил». Скорее всего, жена сделала все возможное для того, чтобы ее муженек больше никогда и никуда от нее отлучался...

Кое-что рассуждал о супружеской жизни и Игорь Кузьмин. У него до сих пор в глазах стояло изумленное лицо красивой

блондинки, которую он увидел через окно в небольшой комнате автозаправочной станции. Молодой мужчина после отъезда Евы с «партизаном» не находил себе места. Не все спокойно было у него и на душе. Игорь несколько раз искоса поглядывал на Татьяну, которая как и раньше, продолжала с ним о чем-то говорить. Ее радостное выражение лица, ее громкий смех свидетельствовали о том, что она не признала в красивой блондинке с солдатом законную жену прапорщика Советской Армии Игоря Кузьмина. И это радовало Игоря. Чем тревожнее было у него в этот день на сердце, тем больше возникало желание овладеть этой далеко «немудреной» женщиной. После шести вечера, когда Татьяна сдала свою смену, влюбленные заехали в магазин закупиться. Через полчаса армейский бензовоз пересек проселочную дорогу, ведущую в лес...

Домой Игорь приехал поздно вечером. Ему не хотелось оправдываться перед женой. Он все успокаивал себя тем, что ни Ева, никто другой не видели его вместе с этой женщиной в постели или в лесу. Да и каких-либо «следов» Игорь, как мужчина, во время связей с Татьяной не оставлял. С благими намерениями он открыл дверь комнаты...

Поведение Евы явно вывело из равновесия Игоря. Он не сдержался и со всей силой врезал женщине по лицу. Удар этот был такой сильный, что у него самого некоторое время горела ладонь руки. Как таковой жалости к своей красивой жене у мужчины не было. Те оскорбительные слова, которые высказала его жена, были настолько унижительными, что Игорь, видя плачущую навзрыд Еву, никак на эти слезы не реагировал. Раньше он никогда не «распускал руки» и делал все возможное для успокоения своей красивой блондинки. Сейчас же и в этой деревне мужчина в глубине своей души допускал для себя определенные поблажки, которые давали ему «право» даже на измену своей жене. Он прекрасно понимал, что все равно Ева, не имеющая за своей душой ни кола и ни двора, и не имеющая на этой земле ни одного родственника, вынуждена будет его терпеть. Кузьмин к тому же свою жену не относил к числу идеальных женщин, которая, поменяла, вполне возможно, любовь к офицеру на симпатию к прапорщику, который тем и отличался от офицера, что служил в Германии. И это давало мужчине определенный оптимизм на продолжение любовного романа с Татьяной, из которой он, как мужчина, мог, как говорят в народе, «веревки вить», а может даже и более...

После той ночи, когда Ева получила от мужа пощечину, прошло около двух месяцев. В семье прапорщика Кузьмина в принципе ничего не изменилось. Военные автомобилисты завершили свою «борьбу» за высокий урожай на казахстанской

земле. Урожай был собран отменный. Районные и местные власти были довольны работой молодых людей в военной форме. Наиболее добросовестные офицеры и солдаты получили денежные премии или ценные подарки. Игорь Кузмин особым трудолюбием и прилежанием во время выполнения правительственного задания не отличился и поэтому в список передовиков сельскохозяйственной страды не попал. Семейная пара от этого сильно не расстроилась.

Совхоз «Путь к коммунизму», на центральной усадьбе которого находились основные силы военных, по уборке урожая в районе занял первое место. Директор совхоза решил устроить для офицеров и прапорщиков своеобразный прощальный банкет. На банкет была приглашена и Ева, единственная жена военнослужащего из «целинной» роты. Письменное приглашение для нее от директора принес Игорь. Кротику это очень обрадовало. Она очень хотела посмотреть как организуются банкеты в совхозе.

Банкет начался ровно в восемь вечера на одной из баз отдыха, которая находилась в пяти километрах от центральной усадьбы совхоза. Здесь была своеобразная дача для партийных и советских работников, а также и для других важных «птиц», довольно часто «залетающих» сюда в те времена, когда что-то в совхозе убиралось или забивалось. Компания на банкете собралась довольно приличная, порядка двадцати человек. Слабый пол за столом представляла одна только Ева, однако это ее ни сколько не пугало. За торжественным столом, на котором практически было все для обжорства и упоя, верховодил директор совхоза. Внешностью совхозный руководитель по сравнению с теми успехами, которые он имел на совхозной ниве, не так блистал. Он был среднего роста, лет тридцати пяти, не меньше. Фамилия директора в какой-то мере не способствовала его должности и его производственным успехам. Голубка Василия Васильевича иногда селяне запоминали не по его должности, а больше по фамилии. Такая фамилия довольно часто смешила совхозников, да и не только их. Ева, сидящая рядом с правой стороны от местного шефа, внимательно наблюдала за тем, как он «толкал» речь. Голубок в заключении своей пространной речи с гордостью сообщил о том, что он сегодня лично был за рулем машины, которая увезла на элеватор последнее зерно с тока. Раздались оглушительные аплодисменты еще не осоловевших от перепоя приглашенных.

Тостов на этом банкете было море. Они исходили из членов правления совхоза и также от офицеров автомобильной роты. Ева, не зная почему, в этот вечер решила основательно «расслабиться». Страсть к спиртному в какой-то мере вызвали и те неурядицы, которые она перенесла за это лето. В какой-то мере женщину страшили и будущие трудности. Ей не хотелось завтра опять сидеть

в товарняке, набитым по самые «уши» солдатами и нюхать спертый воздух этих здоровых парней. Да и очередная солнечная республика Украина, где военным предстояло убирать сахарную свеклу, не привлекала молодую особу.

Грусть блондинке нагонял и ее муж Игорь, который почему-то весь вечер даже не обращал внимания на свою жену. Он все время о чем-то болтал с главным инженером совхоза. Ева даже и в этот вечер допускала мысль о том, что Игорь «наберется ума» уехать опять к Татьяне. Об ее «шашнях» с военным уже судачили все селяне. Кротиха, стремясь каким-то образом подавить пессимизм в своей душе, не оставляла без спиртного ни один тост, который произносился за столом в этот вечер...

После десяти вечера Игорь с инженером уехали в неизвестном для Евы направлении. Полупьяный муж даже «забыл» проститься со своей женой. Такое поведение мужа Еву не расстроило и ничуть не обидело. После каждого тоста женщине было даже весело и легко. Красавица Ева была в центре внимания всей мужской знати, как в гражданских, так и в военных костюмах. Ровно в час ночи, Василий Васильевич, достаточно «поддавший», громогласно объявил о том, что прощальный банкет по поводу успешной уборки урожая заканчивается. Затем директор попросил своего завхоза провести участников торжества в небольшие домики, где им предстояло отдохнуть после сытой закуси и обильной пьянки. Раздались очень вялые аплодисменты. Командир роты «целинников» явно не хотел еще заканчивать торжество по поводу завершения уборки урожая. Офицер командным голосом прокричал уже было собирающимся гражданским клеркам беспрекословно выполнить указания своего директора:

- Я-я, как командир Советской Армии, это гражданский указ отменяю... Я-я-я приказываю выпить всей этой челяди еще раз за единство нашей армии и народа...

Дальше офицер ничего не сказал. Спиртное не позволяло ему произнести что-либо толковое или разумное. Майор говорил и двигался, скорее всего, машинально. Он быстро поднес к себе большой граненый стакан водки и залпом его выпил. После этого офицер рукой вытер губы и несколько секунд молча смотрел на своих подчиненных офицеров. Военные последовали приказу и примеру своего отца-командира. Они дружно встали из-за стола и в таком же темпе, и в таком же объеме «трахнули», что и их командир. Гражданские тем временем стояли и смотрели в сторону директора совхоза. Все с нетерпением ждали ответной реакции местного чиновника на действия военных. Директору, скорее всего, понравились действия военных. Он, словно послушный оловянный солдатик, также громко произнес:

- Ну, что же, мне как лейтенанту запаса, придется подчиниться гвардии майору Советской Армии...

После некоторого раздумья директор повернулся в сторону завхоза и прокричал:

- А ну, завхоз, неси еще наши резервы и запасы... Будем и дальше кутить с нашей доблестной армией...

Пьянка закончилась только в четыре утра, когда через макушки леса, который окружал дачный участок, стали проникать первые лучи утреннего рассвета. Через десять минут после последнего «посошка» участников «партийного» торжества словно корова языком слизала. Полупьяная Ева сидела в гордом одиночестве за столом и ждала завхоза, который божился ей о том, что он придет за очаровательной дамой ровно через пять минут.

«Очаровательная дама» просидела за столом пятнадцать минут, однако никого не было. Ходить в таком состоянии, да еще в темноте к незнакомой даче женщина считала бесполезным занятием. Боялась она разминуться и с завхозом. Ровно через полчаса за ней пришел не завхоз, а сам директор. Мужчина извинился за опоздание, и легко подхватив Еву под руку, повел ее к себе в небольшой домик. Ева, глядя в глаза местному начальнику, видела то, как они как-то неестественно светились. Она, как опытная женщина, знала о чем говорили и о чем просили ее сейчас эти глаза. Ослепительно красивой блондинке сейчас эти мужские глаза очень нравились. Кротиха решила сделать все то, что она читала в них. Через несколько минут мужчина и женщина подошли к домику, стоящему в глубине леса. Голубок осторожно открыл ключом дверь. Ева, сильно покачивая своими бедрами, вошла в комнату первой. Директор осторожно закрыл за собой дверь на ключ. Вошедшие прекрасно знали, что в этом домике им никто не смеет помешать, а также никто не узнает, чем через несколько минут занимались мужчина по имени Вася и молодая девушка по имени Ева...

Домой Ева вернулась только к обеду следующего дня. Игоря в это время не было. Отсутствие мужа женщину несколько не расстроило. Она не сомневалась в том, что ее Игорь опять у Татьяны. Кротиха, недолго раздумывая, бросилась в постель и с наслаждением стала воспроизводить в своей памяти содержание проведенной ночи с директором совхоза. Каких-либо неприятных воспоминаний у нее не было. Голубок, несмотря на свою веселую фамилию, оказался достойным и страстным партнером. И тем более, он обещал блондинке целую флягу майского пчелиного меда...

Через два часа после прихода Евы домой, к дому, в котором прапорщик Кузьмин снимал комнату, подъехал директорский

«УАЗ». Из машины вышел завхоз и еще один незнакомый мужчина. Они, тяжело дыша, занесли прямо в комнату Евы флягу меда. Мужчины тепло распрощались с лежащей в постели женщиной и вышли из дома. После того, как машина отъехала от дома, блондинка неспеша встала с постели и подошла к фляге. Затем она открыла крышку. Квартира сразу же наполнилась приятным запахом меда. Женщина медленно зачерпнула пальцем верхний слой тягучего меда и его облизала. Ей сразу же стало очень приятно во рту. С этим ощущением она пошла опять в постель и крепко заснула...

Наступил вечер. Около семи вечера в дверь комнаты Евы кто-то сильно постучал. Открыв дверь, хозяйка увидела перед собой ротного командира, который был чем-то встревожен. Майор сухо поздоровался и начал громко возмущаться:

- Товарищ Кузьмина, а где Ваш многоуважаемый муж? Я ему еще три дня назад отдал приказ, чтобы он рассчитался с совхозом по горюче-смазочным материалам. Только его бумаг и не хватает. Директор не может меня выпустить на погрузку только из-за отсутствия этих бумаг. Вверенная мне рота завтра рано утром должна выйти на погрузку, а прапорщика Кузьмина нет. Сегодня же он должен привезти бензин и осуществить заправку. Я хочу спросить Вас. Чем я буду заправлять свои машины? Может солдатской мочей или молоком совхозных коров?...

Дальше набор благородных мыслей у офицера закончился. Он перешел на такой мат, что Ева вынуждена была закрыть свои уши руками. Женщина не слышала того, что еще нового «отпускал» майор в адрес ее мужа. Через минуту она открыла уши, так как увидела, что губы ротного командира больше не дергаются.

Ева ничего конкретного возмущенному офицеру по поводу нахождения своего мужа не сказала. Блондинка и сама его с нетерпением ожидала. Она до темноты не собирала свои вещи в дорогу, надеясь, что у нее с мужем это получится куда быстрее и лучше. Офицер и Кротиха в ожидании прапорщика Кузьмина просидели в комнате около получаса. Игоря все не было. Острая нехватка времени заставляло сидящих за столом искать конкретный путь действий. Более ста машин не могли выдвинуться без бензина до станции погрузки, находящейся в ста километрах от центральной усадьбы совхоза.

По инициативе Евы было решено сразу же ехать в райцентр, где проживала любовница Игоря. На заправочной Игоря и его любовницы не оказалось. Поехали по адресу проживания Татьяны, который дала офицеру ее напарница. Ротный, сидящий за рулем легковушки, то и дело чертыхался в адрес Кузьмина. Ева его «творчество» не нарушала и молчала. Что-либо добавлять или

исправлять в далеко нелестную характеристику своего мужа женщина не собиралась. Она была и сама не прочь кое-что добавить к «деловой» характеристике своего некогда любимого. Женщина, сидя в легковушке, сейчас понимала, возможно еще и не до конца то, что после той пощечины между ней и Игорем появился водораздел отчуждения. И это отчуждение, нарастающее с каждым днем, а то и с каждым часом, стремительно превращалось в лютую ненависть к тому мужчине, который для нее был законным мужем.

Семейная жизнь требовала выполнения определенных этикетов и их Ева старалась выполнять. Как только Игорь входил в комнату, хозяйка дежурно чмокала его в щеку. Затем накрывала на стол. Пока мужчина «нажирался», женщина раздевалась догола и ложилась в постель. «Трахнуть» свою жену после плотного «жора» и обильного «выпивона» было неотъемлемым правом Кузьмина. И это стало для него даже «законом», особенно после того, когда Ева обозвала своего мужа «мразью крестьянской» и «прапором».

«Постельное» блюдо Кротиха переносила особенно тяжело. Еву постоянно тошнило от тяжелого запаха алкоголя, который испускал ее муж после посещения заправщицы. «Любовь» приносила блондинке одни только муки и разочарования. Она закрывала глаза и плакала навзрыд, когда пьяный, грубо раздвигая ее нежные ноги, с бешеной силой толкал свой член в ее влагище. В этот же момент Ева невольно завидовала своей сопернице, представляя то, с какой нежностью и страстью ее законный муж любил Татьяну. От этих мыслей Ева не только плакала, но и задыхалась. Женщине казалось, что сохранившийся запах духов любовницы Игоря ее душит, душит словно змея или удавка... Довольно часто после того, как мужчина сползал со своей безмолвной жертвы и засыпал, Еве хотелось схватить громадный нож, лежащий на столе неподалеку от кровати, и полоснуть им Игоря. На какой-то миг она представляла этого дебила в большой луже крови и это ей приносило радость. От этой мысли плачущей становилось легче на душе и она тихо смеялась, уткнувшись лицом в подушку...

Поиски улицы, на которой проживала Татьяна, основательно затянулись. Причиной этому были дороги. После прошедшего утром дождя они представляли собой глубокие канавы, наполненные дождевой водой вперемежку с различными мусором, который выбрасывали жители районного центра. Часы показывали ровно десять вечера, когда майор и Ева подошли к воротам двора, окружающего дом, где проживала Татьяна. В добротном доме во всех окнах горел свет. Офицер с ожесточением постучал в деревянную калитку. Через минуту ее открыл довольно молодой человек. Узнав причину неожиданного визита военного, парень

пригласил мужчину и женщину войти в дом. Затем он провел их в большую комнату, где за очень длинным столом сидело шестеро мужчин. Все они на вид были нехилые, довольно плотного телосложения. Исключением среди находящихся в комнате здоровяков был один только мужчина, который сидел за отдельным столиком как-то особняком. На вид он был небольшого роста и хлипкого телосложения, к тому же и с большими залысинами. Рядом с ним сидела плачущая Татьяна. Ева сразу же узнала эту женщину, с которой она видела своего Игоря на заправке. Вошедшая также поняла то, что мужчина с залысинами являлся мужем Татьяны.

На приветствие офицера никто из сидящих не ответил. Майора это нисколько не обидело и не смутило. Военный «целинник», словно никого не замечая вокруг себя, поставил обе руки на бедра и немного приподнявшись на носках хромовых сапог, строго спросил тех, кто, словно египетские фараоны, сидели за столом:

- Товарищи селяне! Я спрашиваю Вас, где мой прапорщик? Я на сто процентов уверен в том, что вы знаете где находится мой подчиненный... Или я не прав?...

Ротный командир, у которого от вчерашнего прощального перепоя «трещала» голова, на некоторое время перевел дух. Мужчина искал в своей голове наиболее убедительные слова воздействия на равнодушных крестьян. Через две-три секунды офицер опять приподнялся на носки и хотел было что-то произнести. Однако ораторствовать ему было уже не позволено. Муж Татьяны, зыркнув глазами на офицера, словно Ленин на буржуазию, вытащил из кармана брюк небольшую связку ключей и со злостью швырнул ее на стол. Ключи, выпущенные мужчиной словно из пращи, с рикошетом пронеслись по столу и упали через порог в следующую комнату. Связка ключей пролетела буквально в сантиметре от офицера. Майор со злостью скрипнул зубами и ничего не сказав, резко повернулся на сто восемьдесят градусов и быстро вышел из комнаты. Ева последовала за ним. Через несколько секунд непрошеные гости со связкой ключей покинули дом.

Стоящие во дворе дома нисколько не сомневались в том, что прапорщика Кузьмина надо искать в придворных постройках. И они в этом не ошиблись. Игорь оказался запертым в бане на мощный амбарный замок. К тому же окно бани было наглухо забито большими горбылями из березы. В небольшом помещении было темно и довольно холодно, как в карцере. Открыв дверь бани и включив свет, вошедшие были поражены увиденным. Особенно ужаснулась Ева. На полу в чем мать родила лежал ее муж

Игорь. Тело мужчины было в больших ссадинах. Его некогда густую шевелюру пересекал «панамский перешеек», который часто делали «старики» или некоторые офицеры нерадивым солдатам, не желающих стричься «по уставу», особенно во время контрольных проверок. Полупьяный Игорь, увидев ротного со своей женой, заплакал как маленький ребенок. Со слезами на глазах он приподнялся и стал целовать руки офицера. Голый мужчина благодарил своего спасителя и одновременно смачно материл тех, кто его так сильно отдубасил. Попытки жены прапорщика Кузьмина отыскать обмундирование и нижнее белье своего мужа не увенчались успехом. Нагой прапорщик был «загружен» в военную легковушку, которая взяла курс в деревню Победовку...

До раннего утра в комнате семьи прапорщика Кузьмина горел свет. Над квартирантом «колдовали» все специалисты роты. Старшина роты утюжил свою резервную форму, которая по размерам была несколько меньше, чем носил главный «мазут». Прапорщик-медик «штопал» кровоточащие ссадины мужчины-великана. Ева спешно готовила своему мужу и тем, кто его обслуживал, поздний ужин. Только через сутки Кузьмин закончил подчищать свои «хвосты». Через час после завершения «подчистки» директор совхоза подписал все необходимые бумаги и длинная колонна военных грузовиков под звуки совхозных музыкантов стала покидать деревню.

На станции погрузки военных провожал секретарь парткома совхоза. От него и узнала Ева Крот все то, что произошло с ее мужем после того, как он покинул партийное «мероприятие» по поводу успешной уборки урожая.

Игорь, порядочно подпив, напросился в пассажиры в машину главного инженера совхоза, который спешил забрать свою жену у своих родителей, проживающих в районном центре. Возле АЗС, легковая машина главного инженера тормознула и из нее вышел военный. Татьяна как раз в эту ночь работала. Смена ее должна была заканчиваться рано утром. Женщина, увидев своего возлюбленного, на этот раз решила изменить свой график работы. Сославшись на болезнь, Татьяна позвонила своей напарнице и попросила ее подменить. Любовнице прапорщика уж больно хотелось провести свой последний вечер с этим молодым и сильным военным. Никто из них не сомневался в том, что эта совместная ночь для каждого из них будет последней. «Пожарницу» через несколько минут привез муж на мотоцикле с коляской. Этим же транспортом назад в райцентр уехали Татьяна и Игорь.

В доме мужа Татьяны не оказалось. Женщина, не зная причины отсутствия своего супруга, решила не рисковать стелить постель на двоих в доме. Она решила все это сделать в бане. Чрез

пару часов в дверь бани кто-то сильно постучал. Влюбленные были напуганы неожиданным стуком в дверь. Они сначала не открывали дверь и не включали свет. Через несколько минут в дверь кто-то стал сильно колотить не то кувалдой, не то чем-то тяжелым. Татьяне ничего не оставалось делать как открыть дверь. Перед женщиной, потерявшей дар речи, стоял ее муж и улыбался. Через какие-то доли секунды в баню ворвались пятеро здоровых мужиков разного возраста. Каждый из них держал в руках кто кол, а кто и толстые шпакетинки от палисадника или огорода. И вся эта «вооруженная» до зубов армада стала колотить голого прапорщика. Кто-то из братьев знаменитого комбайнера взял военную форму и нижнее белье мужчины и здесь во дворе, облив все это бензином, поджег. Под вопли и веселый хохот одежда военного сгорела в одно мгновение...

Через пять дней воинский эшелон прибыл в Винницкую область. Положение на «свекольном» фронте в области было поистине критическим. Виной этому были обложные дожди, которые шли день и ночь. Сахарная свекла на полях, которую всевозможные партийные комитеты и организации обязались убрать в сжатые сроки, основательно «плавала» в воде. В такую непогоду бездействовала и техника. Всевозможные комбайны, тракторы и машины в прямом смысле утопали в грязи по самое «пузо». Аналогичная ситуация происходила и с военными машинами. В погожие часы, а то и минуты, все и вся бросалось на уборку свеклы. Основной рабочей силой в деревнях были женщины. Они с раннего утра «куковали» на полях возле больших буртов свеклы и обрезали ботву. Затем эта свекла доставлялась на сахарные заводы, где перебатывалась в сахар.

Непогода трепала нервы местному руководству по причине не выполнения всевозможных планов и обязательств. У офицеров-«целинников» были проблемы совсем другого порядка. Причиной этому был любимый личный состав. От безделья солдаты не только резались в карты, но и изыскивали пути для пьянства. От «вояк» довольно часто страдали жители села, которое было расположено в низине. Военные, проживающие в специально построенном доме для тех, кто приезжал для уборки урожая, поздно вечером уходили в самоволку. Уходили практически все, в том числе и немощные или больные.

Не только этим «отличались» военные «целинники». Дабы исключить за собой контроль со стороны офицеров в подразделении были свои „кулибины», которые вечером тайком подходили к деревенской подстанции и «вырубали» свет. Деревня тотчас же погружалась в темноту, которая, как правило, заканчивалась только с естественным рассветом. У селян все останавливалось: телевизоры,

холодильники. От этого страдали взрослые и дети. Для большинства солдат этот так называемый кураж ничего кроме смеха не вызывал.

Ева с Игорем, как они это и раньше делали, сняли небольшую комнату в доме одинокой женщины. Украинка оказалась приветливой женщиной. Постояльцы денег за проживание не платили. Хозяйку устраивало то, что Игорь без всяких проблем заправлял бензином «Запорожец» ее сына и «Москвич» ее брата. Кузьмин, после неудачного «сожительства» с заправщицей на казахстанской земле, на земле Украины вел себя более степенно. Мужчина, возможно, побаивался очередных экзекуций. Возможно это были результаты воспитательной работы командира роты и его замполита. Офицеры предупредили Еву о том, что в случае очередного правонарушения, они сделают все возможное для увольнения ее мужа из рядов Советской Армии. Кое-когда и Ева «промывала» мозги своему мужу. Все это дало положительные результаты. Игорь больше стал находиться на службе. Он стал значительно меньше продавать бензин селянам, как это он делал раньше на Волге и в Казахстане. Несколько меньше стал он и пить, что Еву радовало. Она даже на некоторое время немного «оттаяла» от той пощечины, которую она получила в Победовке.

Ева в ненастную погоду сидела дома. Женщина читала книги, которые она брала в совхозной библиотеке или смотрела телевизор. В солнечную погоду ходила гулять по селу, иногда забредала на поля, где росли арбузы или подсолнухи. Как такового желания бывать у солдат или офицеров роты у нее не было. Да и какие-либо новости в подразделении ее не интересовали. В относительном спокойствии жители села Мирюлюбовки, военные водители и семья прапорщика Кузьмина прожили две недели. Каждый жил своими заботами и стремился сам разрешать возникшие перед ними проблемы. Селяне постепенно стали привыкать к проделкам молодых парней в военной форме. Им ничего не оставалось делать как все это терпеть. Многие из крестьян в прямом смысле молились и ждали того момента, когда доблестные защитники Родины покинут их село.

В середине октября к военным автомобилистам приехал командир автомобильного батальона, подполковник. На совещании офицеров он строго секретно сообщил о том, что в конце месяца рота должна покинуть село и эшеленом отбыть в ГДР. Старший офицер просил своих подчиненных держать срок отбытия в строгом секрете, дабы не «расслабить» ряды воинов, которые с каждым днем пополняли «племя разгильдяев», на которых ежечасно поступали жалобы от местных жителей.

С одной из жалоб пришлось разбираться даже Еве. Ее, как женщину, для улаживания щепетильного вопроса привлек замполит роты. Старший лейтенант приехал к Кротихе где-то в обед. На улице лил дождь как из ведра. Офицер приехал на ротной легковушке взволнованный, даже злой. Постучав в дверь комнаты, офицер приветливо поздоровался с хозяйкой и сразу же изложил цель своего визита. Информация даже Еву, не имевшей в своем подчинении солдат, взволновала. В первый день прибытия «целинников» командир отделения сержант Перебейнос познакомился с местной девушкой. Ей еще не было и шестнадцати лет. В тот же вечер или ночь гвардеец переспал с малолеткой. Потом они стали встречаться каждый вечер. Через две недели ученица почувствовала то, что у нее нет менструации. Внучка, недолго думая, сразу же обратилась за «консультацией» к своей любимой бабушке. Старуха мгновенно «кинула» взгляд на солдата, который довольно часто гулял с молоденькой красоткой. Бабушка неоднократно угощала доброго молодца украинской «горилкой». Незабывала она также этому молодцу давать и бутылочку на посошок. Пожилая женщина, не сомневаясь на все сто процентов в проказах солдатики, сразу же проинформировала об этом родителей. Те молниеносно рванулись к директору совхоза и к секретарю парткома. Через полчаса в контору совхоза прибыли командир роты и его замполит. На совместном совещании родителей и управленцев было решено вызвать врача. Вскоре прибежал врач-ветеринар. «Человеческого» в деревне просто не оказалось. Подпускать молодую особу к военному врачу противились офицеры. Они не хотели того, чтобы солдаты узнали о случившемся. В кабинете директора врач наедине опросил и «обследовал» пострадавшую. Точный диагноз «специалистом» не был установлен. «Болезнь» требовала время...

«Чрезвычайное происшествие» стало набирать обороты и при том с космической скоростью. Родители и бабушка пострадавшей, дружно ревушие вразнобой, просили директора совхоза строго наказать «блядохода». Школьница после осмотра спокойно сидела в директорском кресле под портретом Ленина и тихо всхлипывала. Через пятнадцать минут был доставлен и «виновник», который покусился на целомудрие юной селянки. Начался перекрестный допрос молодых людей, которые не отрицали того, что у них произошло. Родители и воспитатели стали строить различные теории. После ожесточенных споров пришли к обоюдному решению: пока ничего и никому ни о чем не сообщать. Все ожидали прояснения. Под последним понималось посещение девушкой-малолеткой районного гинеколога. Обе стороны также решили пока не информировать районный комитет Компартии

Украины. Об этом убедительно просили родителей школьницы командир роты и его заместитель по политической части. Им не хотелось иметь в своей копилке такое тяжелое чрезвычайное происшествие...

Через десять минут после того, как офицер вкратце ознакомил Еву с содержанием происшедшего, было решено нанести дополнительный визит успокоения к родителям школьницы. У пятнадцатилетней девочки в «гостях» был и ее любимый. Ротный командир определил «виновника» происшествия к ней на постоянное место жительства. Начавшийся второй этап переговоров, в котором непосредственной участницей была и Ева, принес куда больше успехов. Влюбленные под громкие аплодисменты присутствующих даже крепко поцеловали друг друга. Было решено то, что если «что-то» и случится, то солдат после увольнения из армии приедет к своей любимой и зарегистрирует брак. Молодой жених дал на это свое согласие. Последовали аплодисменты. До «дембеля» солдату оставалось всего шесть месяцев. Директор совхоза также обещал сделать все возможное и невозможное для улаживания конфликта «между армией и народом». Вечером родители невесты на радостях накрыли большой стол, за которым сидели руководители совхоза, двое офицеров, родители и бабушка пострадавшей. В центре стола восседала невеста со своим неожиданным женихом. Через каких-то полчаса полупьяные сидящие не то от первача, не то от душевного спокойствия за сделанное, в один голос дружно кричали «Горько». Юные от возраста и розовые от стеснения, жених и невеста, словно неоперившиеся птенцы, в ответ на это робко чмокали себя в щечки...

Завершением «военной операции», которая прошла без потерь, в первую очередь, были довольны командир роты и его замполит. У офицеров настроение «рекой» лилось. «ЧП» завершилось так удачно, что и лучше и придумать нельзя было. Однако они ошиблись. О происшедшем в селе узнал командир автомобильного батальона. Узнал он об этом случайно и неслучайно. Посещение третьей автомобильной роты в этот день в его рабочем плане не предусматривалось. Только благодаря внеочередному совещанию в райкоме партии он оказался в этих краях. После совещания начальник решил по пути следования в свою «резиденцию» забежать и в подразделение майора Рябчикова. Командира или замполита в канцелярии роты не оказалось. Отсутствие офицеров несколько не расстроило начальника. Даже в какой-то мере и обрадовало. Сняв «стружку» со старшины роты за полнейший беспорядок в спальном помещении, офицер приказал найти рядового Посошкова. Все «достоинство» солдата заключалось

в том, что он очень досконально информировал командира батальона о всех происшествиях среди «целинников» майора Рябчикова. Довольно часто солдат информировал подполковника и о поведении гражданских. Узнав от «стукача» о ведущихся переговорах по улаживанию «блядского» конфликта, подполковник на всех парах помчался на своем «командирском» авто искать дом девушки-малолетки.

Управленцы совхоза, горланящие за столом в доме пострадавшей, «позволили» старшему офицеру сменить гнев на милость для его подчиненных. Подполковник, опрокинув большой стакан русской водки, на радостях обещал родителям невесты прислать на следующий день целый взвод солдат, которые будут все делать по ремонту дома и благоустройству приусадебного участка. Через час комбат дошел уже до приличной «кондиции». Он был не против и дальше попойнствовать, однако у него было много важных дел и поэтому он решил откланяться. На прощание командир автомобильного батальона с умным видом повернулся в сторону родителей невесты и с партийным пафосом произнес:

- Товарищи представители советского народа. Главное для доблестных офицеров Советской Армии привезти солдата в часть живым. Живой солдат - это великая радость для его матери, для его отца и также для всех его родственников.... Солдат распиздяй тоже ведь солдат... Ежели мы будем подавать сводки наверх о всех наших происшествиях, то количество их значительно превысит все количество зерна, которое перевозят военные автомобилисты на элеваторы нашей социалистической Родины... Я думаю, это не надо делать...

Философствование офицера понравилось военным и гражданским. Особенно этим мудрым мыслям пьяного радовались родители невесты. Они дружно закричали:

- Правильно товарищ... Верно говоришь, товарищ военный...

Отец и мать девушки, горевшие желанием назвать воинское звание офицера, почему-то не делали этого. Хозяева гостеприимного дома, скорее всего, не имели понятия в этих звездочках или уже сильно «перебрали». Командир автомобильного батальона покидал дом как покоритель Рима. В одной руке он нес большой арбуз, в другой руке крепко держал литровую бутылку с первачом. На пути к машине офицера сопровождали родители малолетки, которые заискивающе что-то говорили военному начальнику.

К двенадцати ночи военная легковушка подъехала к дому, где проживала семья прапорщика Кузьмина. Из машины под хмельком вышла Ева. Игорь еще не спал. У блондинки было очень хорошее настроение. В эту ночь муж был для нее по-особому

приятен и желанный...

Очередную годовщину социалистической революции Ева с Игорем встречали уже на территории социалистической Германии. В военном городке практически ничего не изменилось. Они как будто никуда и не уезжали. Время бежало и очередная «порция» офицеров и прапорщиков, подлежащих замене во внутренние округа Советского Союза, все больше и больше уединялась в своеобразные кружки «по интересам». Подавляющее большинство из них медленно, но верно «забивали» на службу.

Аналогичную позицию занимал и прапорщик Кузьмин. Ева в принципе не была против этого... Тем более, она очень переживала о том, что ее муж потерял на «целине» целых полгода не только жизни, но и те немецкие марки, которые он мог бы получить за время службы в Давельбурге. Семья стала немного экономить. Игорь пил пиво только по выходным дням. В свободное время молодая пара, как и семьи других заменщиков, летали по городу в поисках дешевых ковров, сервизов и тому подобного. Из-за экономии денег Ева и Игорь не поехали в феврале в отпуск. В Германии погода была также не ахти. Весь февраль и март моросил мелкий дождь ...

С самого начала весны в часть постепенно прибывали новые офицеры вместо тех, кто должен был заменяться. Каждый вечер в офицерском кафе проводилась «отвальная». Из кафе валил густой табачный дым, часто раздавался смех попеременно с матом. Во время отвалных были и слезы. Плакали жены тех офицеров, кто из цветущей Германии заменялся в горячие пески или голые степи огромного и могучего Советского Союза.

С замиранием сердца ждала замены и Ева. Она, как огня, боялась этих песков и степей, где отсутствовала какая-либо цивилизация. Она хотела жить только в городе или даже в городишке. У Кротихи теперь было приличное количество всевозможных шмоток, которых ей хватило бы на целый десяток лет. Ходить в модных брюках или в юбках среди каких-то ветхих строений аула или кишлака женщина явно не хотела. Игорь также не хотел ехать ловить «драбаганов» и все время хорохорился. У него контракт заканчивался через год. И поэтому на первый случай даже Забайкалье или ему подобная цивилизация прапорщика не страшила. По истечению контракта он мог покинуть «дыру» и драпануть туда, где было уютнее и сытнее.

В конце июля приехал заменщик и прапорщику Кузьмину. Игорь получил направление в Забайкальский военный округ, в один из укрепленных районов, который находился в трех километрах от «недружелюбных» китайцев. Никто из молодой парочки не плакал. Да и это было бесполезным занятием. Бывший забайкалец, сидя в

насквозь прокуренным кафе и жадно потягивая пиво, с улыбкой перечислял молодой паре все те льготы, которые они будут иметь на новом месте службы. Игорю, да и Еве, все эти льготы были по одному месту. Через два дня Игорь Кузьмин полностью рассчитался с частью. После этого он загрузил небольшой семейный скарб в железный контейнер и отвез его на грузовике на железнодорожную станцию. На следующий день рано утром семья прапорщика Кузьмина с большими двумя чемоданами и с унылым видом стояла возле дежурного по части в ожидании военной автомашины. Аналогичный груз и вид был и у членов семей двух офицеров, которые уезжали служить за Уральские горы. «Газон» пришел вовремя. Отъезжающие неспеша заняли места в кузове. Кое-кто из пассажиров с унынием смотрел в последний раз на строения военного городка. У всех щемило в сердце. Пять лет пролетели словно один миг. Машина легко тронулась. Через несколько секунд раздался «Армянский марш», который по заказу отъезжающего капитана-армянина играли музыканты полкового оркестра. Музыка до слез растрогала Еву. Блондинка, уткнувшись лицом в плечо своего мужа, тихо всхлипывала. Ева, то и дело прикладывая к своим глазам носовой платок, понимала, что в этом немецком городе с легко произносимым названием Давельбург она была как никогда счастлива и сыта. Именно здесь у Кротихи был самый лакомый и благополучный отрезок ее жизни. В том, что такое уже никогда в ее жизни не повторится, Ева почему-то не сомневалась. Выйдя на автобан, водитель прибавил скорости. Холодные потоки воздуха, которые просачивались из-под брезента, накрывающего кузов, словно маленькие ножи, «щипали» нежное тело молодой блондинки. Это вынуждало женщину все ближе и ближе прижиматься к понуро сидящему Игорю.

«Однополчане» и их жены, славненько покутив в поезде, следовавшему из Магдебурга в Брест, тепло распрощались на перроне вокзала. Кое-кто даже всплакнул. Среди них была и Ева Крот, которая еще никак себе не могла представить то, как она после Германии будет «осваивать» пески Забайкалья. Игорь по этому поводу не плакал. Он изыскивал возможности для того, чтобы основательно напиться. Мужчина залпом глушил водку и в поезде и в Бресте, как только они распрощались с однополчанами. Красивая блондинка стыдилась идти с мужем и по Белорусскому вокзалу столицы. Пьяный прапорщик описывал иногда такие «кренделя», что некоторые из вокзальных зевак весело улыбались. Кое-кто даже хохотал, словно выиграл тысячу рублей по спортлото. Ярко накрашенная блондинка и ее муж, на зевак внимания не обращали. Им было не до этого...

Чита встретила «германцев» довольно равнодушно. Никто

из военных не встретил достойную замену.. Причиной этому, вполне возможно, было и многочасовое опоздание поезда. Воскресный день подходил к концу. Молодая пара, выйдя из вагона, сразу же стала ежиться от довольно неприятной погоды. По перрону гулял очень холодный ветер, хотя по календарю была только первая половина августа. Еву страшила не только погода и неизвестность, но и те люди, которые сновали по вокзалу. В первый миг ей казалось то, что она очутилась в ином мире не то полузверей, не то получеловеков. Практически все пробегающие возле нее пассажиры дотошно разглядывали ее ярко оранжевый костюм с брюками и ее блестящие туфли на высоком каблуке. Она порою даже боялась, когда видела как кое-кто из пьяных и заросших мужиков без всякого стеснения «пялил» на нее глаза. От этого она иногда проверяла рукой наличие у себя всевозможных пуговиц и застёжек. Новый человеческий мир вынуждал женщину крепче держать в одной руке дамскую сумочку, а другой сильнее сжимать руку своего «блуждающего» мужа.

Первую ночь на забайкальской земле семья прапорщика Кузьмина провела не в мягкой кровати, а на бильярдном столе в Доме офицеров. Ева спала на огромном столе, подложив под голову легкую шерстяную шапочку. Игорь вместо подушки использовал свой армейский плащ. В эту ночь Кротиха спала очень плохо. Она видела сны, которые были один страшнее другого. Не зная почему, ей приснился Александр Ключин, который ей то угрожал пальцем, то смеялся, широко раскрыв свой рот. Ева от этого кошмара часто просыпалась. Ее тело становилось очень влажным. Приведения на этом скрипучем столе настолько пугали молодую женщину, что она иногда смахивала слезы, которые выступали из ее красивых глаз. От непривычного «комфорта» у жены прапорщика очень сильно болели бока и спина...

На следующий день после оформления необходимых документов в штабе военного округа прапорщик Кузьмин со своей женой был откомандирован в укрепленный район. До нового места службы пришлось ехать сначала поездом, затем на машине. Последний источник транспорта был без всякого комфорта. «ГАЗ-66» с «германцами», сильно надрываясь, медленно полз по гористой местности и по явному бездорожью. Сильный ветер, словно добросовестный дворник с метлой, сразу же сметал или заметал напрочь следы протекторов колес военного автомобиля. В кузове медленно движущегося автомобиля был настоящий ад. Ева с Игорем то и дело выплевывали из-за рта, как им казалось, целые комья песка вперемешку с не то глиной, с не то с землей. Блондинке также казалось то, что ярко светящее солнце вот-вот расплавит дырявый брезент кузова и она вместе со своим мужем погибнет или

задохнется от этой жары. Грузовик иногда так бросало в сторону, что молодая парочка вместе и по отдельности стукались своими частями тела о деревянные стойки, на которых крепилось брезентовое покрытие. Настойчивые попытки женщины вытащить бутылку минеральной воды из сумки и попить заканчивались неудачей. У Игоря при виде слез у своей жены терпение лопнуло. Он с силой ударил кулаком по задней части кабины водителя. Через несколько мгновений машина остановилась и из нее вышел старший машины, прапорщик. Военный неспеша подошел к задней части грузовика и с равнодушием спросил сидящих:

- Товарищи гвардейцы! Что изволите требовать? Я всегда к Вашим услугам...

Еве сильно не понравилась такая чопорность жирного кабана-прапорщика, который, скорее всего, узнав о том, что он везет «германцев», старался как можно больше поязвить. Однако «переговоры» прапорщика и молодой пары закончились вполне мирно. Было решено устроить небольшую передышку, которую каждый мог использовать по своему усмотрению. Мужчины пошли за противоположную сторону автомашины и без всякого стеснения «обмочили» колеса. Еве в этом плане было куда сложнее. Оправить свои естественные надобности она могла только за каким-то бугром или в низине. Поблизости населенных пунктов, как больших и малых, не было. Не было и придорожных туалетов. Мужчины, понимая щепитильность возникшей ситуации у такой красивой женщины, словно по команде повернули свои головы в противоположную сторону от небольших бугров песка, куда с оглядкой ускоренным шагом направилась женщина...

Во время перекура старший машины, стараясь рассеять грустные мысли вновь прибывших, начал нахваливать укрепленный район. По словам прапорщика в планах советского командования этому укрепрайону отводится важная роль в отражении китайцев. Советские войска здесь должны продержаться два часа до прихода основных сил. Кое-что «забайкалец» рассказал и событиях не столь давних, которые произошли на острове Даманском. Патриотизм «кабана» какой-либо ответной реакции ни у Евы, ни у Игоря не вызвал. Они молча слушали патриота и кисло улыбались.

Старший машины перед въездом в укрепленный район остановил машину и позвал семейную парочку полюбоваться «войсковым ландшафтом». Ева с Игорем неспеша выпрыгнули из кузова и посмотрели туда, куда рукой показывал прапорщик.

Мужчина с ухмылкой посмотрел на явно уставших молодых людей и тихо произнес:

- Вот это и есть передовые рубежи нашей социалистической Родины, которые Вам вместе предстоит охранять...

От увиденного ландшафта у Евы сильно защемило сердце. Внизу в небольшой котловине девушка увидела несколько небольших домиков, на крышах которых то там, то здесь играли лучи яркого солнца. Вокруг домов, как ей показалось, не было ни одной живой души. Не было и оживленного движения транспорта, который она когда-то видела в городах или даже в небольших деревушках. Внутри тела или души у молодой блондинки что-то опустилось, опустилось притом очень низко или глубоко. Этого сама Ева еще не могла определить. «Пейзаж» армейского городка явно разочаровал Еву. Ей стало не по себе. Она раньше все и вся передумала о возможных вариантах «местожительства» возле Китая, но такого убожества ее мозг, ее голова, да и ее фантазия представить себе не могли. Кротиха, стоя на небольшом пригорке, с чувством глубочайшего разочарования смотрела на своего мужа. Игорь, словно провинившийся кот, на которого только что насильно надели военную форму, пристально смотрел на то место, где ему Родина «приказала» служить и молчал. Прапорщик лишь изредка бросал косые взгляды на свою красивую жену, у которой было «пасмурное» настроение. И от всего этого он тяжело переживал. Ему было стыдно не только за то, что он всего-навсего прапорщик, но и за то, что он, имея красивую жену, не мог заместиться в округа, лежащие до Уральских гор. Кузьмин только сейчас и только здесь понял, что он есть самый маленький винтик, притом очень ничтожный во всей советской военной машине...

Первые минуты пребывания в небольшом гарнизоне у Евы и у ее мужа оптимизма не прибавили. Вокруг военного городка не было никакой колючей проволоки, не говоря уже о мощном заборе, который окружал «пристанище» советских войск на территории немецкого города. Машина, проехав КПП, представляющее собой небольшой шлагбаум, охраняемый двумя солдатами, у которых поясные ремни были на самых «яйцах», резко остановилась возле дежурного по части. Выпрыгнув из машины и отряхнув толстый слой не то пыли, не то песка, молодая парочка стала осторожно и с неохотой озиаться по сторонам. Только сейчас можно было по-настоящему ознакомиться с расположением военного городка, который находился в низине небольшой котловины, «обнесенной» со всех сторон своеобразным забором из довольно высоких склонов. Каких-либо архитектурных излишеств на территории части не было. В центре ровного плоскогорья стоял трехэтажный дом, где находился штаб части. По бокам трехэтажки спереди и сзади в метрах трехстах находились параллельно расположенные друг другу две аналогичные трехэтажки. Они были только несколько длиннее и шире, чем штабное «заведение». Этих пять домов, наспех построенные солдатскими руками, составляли все и вся военного

городка. Каких-либо деревьев, не говоря уже о цветущих газонах, здесь не имелось по причине их отсутствия.

Старший машины, тепло распрощавшись с «германцами», легко запрыгнул в кабину и показал рукой в сторону штабной трехэтажки:

- Товарищ прапорщик, идите в это здание, там дежурный по части. Он поможет Вам все уладить... Я покидаю Вас. Всего хорошего. Счастливо!

Игорь, козырнув своему коллеге, мигом побежал в сторону дежурки. Ева осталась прямо на дороге охранять два больших «гросс»-чемодана, которые, как ей казалось, хотя и были германского производства, но к таким климатическим условиям они явно не были приспособлены. Еве пришла в голову несколько злая мысль о том, что не мешало бы кое-кому из немцев побывать в этих местах, а не только этим чемоданам. Блондинка, стоящая неподалеку от дежурки, изнывала от палящего солнца. Несмотря даже на то, что было уже четыре часа дня, Еве казалось, что палящее солнце, вобравшее в себе всю солнечную энергию мира, вот-вот ее прожжет и она вспыхнет как спичка. Женщине от забайкальской жары хотелось на какой-то миг сбросить свои брюки и остальную «химию», и побежать к воде, и погрузиться на самое дно, пусть даже озера или грязного котлована. Тонкие шпильки ее ярко красных туфель, словно иголки, пронизывали верхний слой расплавленного асфальта. Глубокие следы оставались и даже тогда, когда женщина очень осторожно прогуливалась возле штаба. Через пять минут к «стоянке» Евы подошел Игорь. Мужчина с кислой миной на своей физиономии взял в руки два тяжелых чемодана и понес их в дежурку. Ева последовала за ним.

Дежурный по части, узнав о новом пополнении, сразу же проинформировал прибывшего прапорщика о том, что начальство ему ничего о «германце» не говорило. Только через полчаса капитану удалось найти заместителя командира полка по технической части и доложить о вновь прибывшем. Зампотех пришел в дежурку через час и к тому же с плохим настроением. Майор с загорелым лицом как у негра никому из молодой пары руки не подал. Офицер, сняв фуражку и вытерев черной ладонью пот с такого же цвета лысины, посмотрел на потолок и громко пробубнил:

- Прапорщик, ничего хорошего тебе не могу сказать. У нас штат в полку такими специалистами полностью укомплектован. Где и как Вы будете дальше служить точно ничего не могу сказать.... У нас в части в этот момент происходит смена власти. Старый полковник уходит, новый капитан приходит... Так, что пока не до Вас...

Зампотех полка, сказав это, пристально посмотрел снизу вверх на жену прапорщика и ускоренным шагом вышел из дежурки. «Германцы» простояли в помещении дежурного по части еще полчаса. За это время дежурный крутил всевозможные ручки разных военных аппаратов. Все было тщетно. Ему так и не удалось найти хоть какого-нибудь начальника, желающего «взять» на службу прапорщика Игоря Кузьмина. Такой «бардак» стал раздражать Кузьмина. Он, не стеснясь дежурного по части и посыльного солдата, начал крыть трехэтажными матами ту армию, которой он «отдал целых десять лет своей молодости». Ева, видя злобное выражение своего мужа-гиганта не на шутку испугалась и стала его успокаивать. Немножко трухнул и капитан. Он опять начал неистово звонить по второму кругу, понимая то, что скоро наступит вечер. Вечером вообще никого из офицеров и со свечкой не сыщешь. Дежурный по части, глядя на уставшие от дороги и черные от пыли лица новеньких, послал посыльного в столовую за продуктами, дабы хоть немного поднять жизненный тонус «германцев». Солдат пришел минут через двадцать и принес полный котелок солдатской каши, а также полбулки хлеба. Принес он и фляжку чая. Этот «жор» был предназначен для Евы и Игоря. Молодую блондинку внешний вид котелка и особенно солдатской фляжки довольно сильно отталкивал. Но увы... Голод «стучался» в ее желудок. Женщина с большим «трудом» скушала третью часть содержимого котелка и сделала несколько глотков чая. После такой пищи Ева сразу же почувствовала «неудобства» в своем животе.

Только к шести часам вечера, «кэп», удовлетворенный своей работой, сообщил новеньким о том, что сейчас придет посыльный и сопроводит их в офицерское общежитие. Молодой паре предстояло временно поселиться в пустой комнате двух молодых офицеров, уехавшим в отпуск на Большую землю. Еву это сообщение очень обрадовало. Она еле-еле держалась на ногах. Уставшей «германке» также очень хотелось поплескаться в ванне с холодной водой.

Офицерское общежитие располагалась на первом этаже солдатской трехэтажной казармы. Общежития, как такового, не было, было одно только название. Первый этаж здания был разделен на две части. Наименьшая часть была отдана для жилья офицеров и прапорщиков. В основном военнослужащие жили по двое в небольших комнатах-клетушках. Все удобства были общими: кухня, умывальник, туалет. Солдат, слабо владеющий русским языком, сопроводил приехавших до самой двери комнаты. Через пару минут он же принес и от нее ключ. Вставив ключ в замочную скважину, Кузьмин не без труда открыл дверь. По размерам комната была очень небольшая и с очень низким потолком. Еве казалось, что вот-вот Игорь заденет своей головой потолок. Стены были

темные от пыли или от табачного дыма. Запах табака господствовал в помещении, несмотря даже на то, что отпускники покинули свое пристанище три недели назад. У стен напротив друг друга стояли две солдатские койки с грязными матрацами.

Не отличались стерильностью и небольшие тумбочки, которые стояли возле каждой кровати. Ева открыла одну из прикроватных тумбочек и чуть было не задохнулась. В выдвижном ящике лежали непонятно какие продукты питания. Все они были покрыты плесенью. Дальше изучать «нечистоты» комнаты холостых офицеров у «германцев» желания не было. Со слезами на глазах Кротиха медленно опустилась на солдатский табурет...

Игорь первым решил навести порядок. Мужчина, сняв обмундирование и набросив на себя легкий спортивный костюм, спешно пошел искать ведро и тряпку для мытья. Через пару часов комната приобрела более или менее цивилизованный вид. За это время Ева перебрала свои вещи в чемоданах. Все необходимое для первого случая она развешала в небольшой шкаф, двери которого издавали такой скрип, что ей казалось, этот шум слышно и в Китае.

Поздно вечером «германцы» составили компанию одному офицеру, капитану, который приехал в Забайкалье ровно семь лет назад. На границе военный служил всего полгода. Капитан Сибилев оказался довольно порядочным человеком. Он не только не курил, но и весьма умеренно пил. Наличие таких «позитивов» вызвало у Евы даже определенные симпатии к соседу по общежитию. Женатый офицер очень скучал по своей жене и дочурке, которые уже больше года жили у его родителей на Украине. Причины их отсутствия новый знакомый объяснил тем, что его пятилетней дочурке противопоказан суровый климат Забайкалья. Несколько поникшим голосом капитан «жалобился» молодой паре о том, что он пока не может ничего сделать для того, чтобы поправить здоровье единственной дочери. Кому и куда он только не писал. В своих письмах и рапортах прикладывал медицинские справки с различными подписями и печатями, в которых врачи рекомендовали дочери капитана поменять климат. Ответы на письма и рапорты офицеру приходили, но не на все. После каждого ответа Сибилева вызывали к командиру или замполиту части. Чиновники с большими звездами в своих кабинетах «давили» на психику и сознательность подчиненного, хором напоминая о том, что он, как офицер и как коммунист, в первую очередь, должен и обязан выполнять долг перед Родиной и перед родной партией. После «прочистки» мозгов Сибилев часто плакал. «Ябеда» вскоре стал неугоден военному руководству. Честного офицера по службе «зарезали». Не переводили капитана и в «цивилизованные» военные округа.

Офицер, начав монолог о «прелестях» родной части, со злостью ткнул вилкой в тушенку, которая была в металлической тарелке. Затем он с жалостью посмотрел на Еву и тихо произнес:

- Ева, да и ты, Игорь, не берите эти трудности в свои головы... Я знаю, что нам крестьянам и рабочим трудно служить в Советской рабоче-крестьянской армии, особенно офицерам. Прапорщикам несколько проще, не понравился округ или земля, пиши рапорт и могут уволить... Мне, как офицеру, значительно труднее... Я вот из-за семьи поспорил с командиром. Месяц назад эта мразь мне прямо в открытую сказала то, что меня он сгноит в этой дыре... Дыра здесь, как Вы сами видите, такая глубокая и такая вонючая, что и до дембеля хрен дотянешь...

Характеристика дыры жену прапорщика Кузьмина очень расстроила. Она даже не ожидала того, что в таких плохих условиях могут жить советские офицеры той страны, которая держала первенство в космосе, снабжала половину мира оружием. Да и дальнейший монолог капитана Сибилева какого-либо оптимизма в душе блондинки не прибавил. Женщина сразу поняла, что ее собеседник, как и многие его коллеги, был очень разочарован в военной службе. Основным занятием в свободное время для многих офицеров была игра в карты или пьянство. На покупку спиртного уходила львиная доля денежного довольствия. Основной закуской для многих из офицеров, как по трезвянке, так и по пьянке, служила солдатская каша и тушенка. Каких-либо мероприятий для «души» в части не проводилось, кроме торжественных собраний, посвященных большим датам Советской власти и Советской Армии. Не было возможности для молодых офицеров и для знакомства с представителями слабого пола. В двадцати километрах от укрепрайона находилась небольшая деревушка, где находилась мужская тюрьма. Вынужденные «поселенцы» кроме пьянства и разбоя ничего не приносили в эти поистине безлюдные места. Те, кто сидел в тюрьме, и те, кто служил в этих краях, в принципе мало чем друг от друга отличались. Первые в эту «цивилизацию» ссылались из-за грехов, вторых сюда для защиты священных рубежей страны направляла партия и Родина. Первые в этих дырах имели «службу» срочную, вторые, как правило, бессрочную...

Сибилев, которому, наверное, и самому уже надоело «ныть» о делах армейских, решил немного еще «дернуть». Он неспеша взял бутылку и остатки водки разлил в три стакана. После этого офицер с какой-то надеждой в голосе произнес:

- Да мне не повезло со старым командиром. Он большой мудака и стерва, однако я его в одно место... Завтра должен приехать новый командир. Я слышал то, что он наш мужик, к тому же он очень молодой.... Я думаю у Клюкина все получится...

Кротику, которой уже было тошно от информации о «прелестях» родного края и армии, последние слова офицера о новом командире заставили на какой-то миг вздрогнуть. Услышав фамилию Клюкина, блондинка решила больше не переспрашивать Сибилева о новом командире. Она не исключала возможности и однофамильца Клюкина, которого она никогда в жизни и не знала... На фамилию нового командира никак не прореагировал и Кузьмин, который уже не мог шевелить языком....

Дальнейшие «посиделки» военных особого интереса у Кротики не вызвали. Она решила покинуть компанию мужчин. Пьяный Игорь исчезновения своей жены не заметил. Ева, не раздеваясь, грохнулась в постель. В эту первую ночь на «Китае» она долго не спала. Все думала о своей жизни. Новое место службы мужа блондинку не радовало. Ева Крот, лежа в постели и чувствуя специфический запах от солдатского матраца, в данный момент своей жизни не находила каких-либо решений из создавшегося тупика. Мысли о том, что ее муж может на такую службу просто-напросто «забить» и уволиться из армии, уходили на второй план. Ни она, ни он на громадной территории Советского Союза нигде не имели своего угла, не было у них и близких родственников. Везде надо было иметь связи, деньги, иметь хоть какое-то образование. Только тогда можно было строить какие-то планы или хоть на что-то надеяться...

На следующий день «картотека» новеньких о прелестях дыры пополнилась. Рано утром к ним громко кто-то постучал в дверь. Игорь, быстро надев трусы, лениво открыл дверь. Из-за двери высунулась голова солдата, который прокричал так громко, словно кто-то ему наступил на больную мозоль:

- Товарищ прапорщик! Вас срочно вызывают в штаб полка. Ровно в девять Вы должны там уже быть...

Ева на стук и то, что говорил Игорю солдат, никак не реагировала. Ей просто не хотелось открывать глаза. На душе у женщины было пусто. В иные минуты размышлений ей даже не хотелось жить. Безысходность армейской службы мужа и семейной жизни выводила женщину из душевного равновесия. С этими тревогами она вновь заснула. Игорь пришел где-то через час. Пришел расстроенный, не в духах. Закрыв за собою дверь на ключ, он неспеша разделся. Затем также неспеша подошел к кровати своей жены. Незаметно для Евы мужчина сделал попытку овладеть женщиной. От неожиданного прикосновения Ева проснулась, проснулась без всякого настроения. От вчерашнего застолья побаливала голова. Поцелуй мужа у женщины, которая спала в верхней одежде, явного сексуального желания и настроя не вызвали. К тому же изо рта Игоря пахло как из пивной бочки.

Блондинке такие прелюдии не понравились и она быстро встала с постели. Игорь, скрипнув зубами, отвернулся лицом к стене и на некоторое время замолчал. Ева, сидя за столом, также молчала. Каждый думал о своем. Каждый из них нервничал и проклинал все на свете за то, что эта забайкальская дыра даже в первые часы их пребывания не давало никому из них ни душевного покоя, ни человеческого счастья.

Первым нарушил гробовое молчание Игорь. Мужчина сквозь зубы произнес:

- Ты, знаешь... Я ведь сейчас в штабе был. Зампотех говорит то, что у них все вакансии заняты. Предлагают мне быть старшиной роты... Мне этот любимый личный состав по одному месту... Я не хочу в этой дыре лизать жопы солдатам. Я хочу быть без этого любимого солдата, которого я бы...

Дальше он ничего не стал говорить о любимом личном составе, а просто крепко выматерился. Сказанное мужем, Еве и без того испортило настроение. Одно ее успокаивало. Она тешила себя надеждой на то, что ее Игоря возможно переведут в другую часть, которая находилась в десяти километрах от укрепрайона. В душе женщины еще теплилась надежда на скорейшее выползание из этой дыры.

Вторая половина первого дня на забайкальской земле мало чем отличалась от первой. Разочарование новоселов было связано с бытовыми проблемами. После сна «германцы» по-человечески не могли умыться. В их комнате, как оказалось, отсутствовали запасы привозной воды. В подразделениях стояли большие бачки с водой, которые находились под неусыпным контролем дежурного по роте. Солдату для питья в день выдавалась одна фляжка воды. В офицерском общежитии в каждой комнате также стоял небольшой бачок с питьевой водой. Ни бачка, ни воды в комнате для вновь прибывших не оказалось. После многоэтажного мата Игорь решился идти на водный промысел. Вскоре он пришел довольный, неся большой солдатский бачок с водой. В этот же день у Евы от «разнообразия» пищи разболелся желудок. Общий туалет, представляющий собой довольно примитивное сооружение из березовых досок, находился неподалеку от офицерского общежития. Ева очень долго рассматривала это допотопное сооружение, дабы не попасть в ту часть туалета, где на одной из досок была коряво написана большая буква «М». Женский «отдел» туалета стоял без всяких обозначений. Новенькая, несмотря на это, ускоренным шагом рванулась туда, куда она уже ни один час «примерялась». Женский «отдел» представлял собой полное подобие той же уборной, что была и в ее родной деревне Водяное. Отсутствовало только сердце-образное очко. Вместо них были изношенные шины

от автомобилей, по краям которых лежали мощные доски...

Красивая блондинка, совершая вынужденный визит по нужде в туалет, видела «раздевающие» взгляды солдат, которые стояли маленькими группками неподалеку от приятного заведения и курили. Ева в душе кляла себя за то, что ее муж не генерал. Ее злило и то, что не сообразила дать кому-либо из больших военных чиновников на «лапу», чтобы избежать службу в таких дырах.

Явно не германский образ жизни на забайкальской земле к вечеру «взвинтил» молодую пару до предела. Особенно бесилась Кротиха. Ее раздражало буквально все: и эти климатические условия, и эта бытовая неустроенность, и эти солдаты... Злил ее и Игорь, который узнав в штабе о том, что его будут «трудоустраивать» только через десять дней, решил давить на «массу».

Поведение мужа делало равнодушной ко всему и Еву, которая к обеду последовала примеру «прапора». Женщина, лежа в постели и слушая надрывный храп мужа, некоторое время не спала и думала. Все мысли сводились к одному. У нее с Игорем здесь не будет хорошей жизни. От этих мыслей храпящий все больше и больше отдалялся от нее...

Игорь проснулся где-то под вечер. Его очень обрадовало «горизонтальное» положение своей супруги. Через открытую форточку комнаты гремела музыка. На плацу осуществлялся развод караулов. Кузьмин быстро одел свою форму и решил прогуляться по территории части. Прогулки, как таковой, во военному городку не получилось. Все, кого он встречал в это время, были выше его по званию. Игорь то и дело козырял офицерам. Пару раз он даже козырнул страшно худому «прапору». Новенький боялся «нацепить» на себя каких-либо приключений. Он прекрасно знал то, что незнакомые офицеры очень редко прощали «неуважение» подчиненных.

После некоторого раздумья Кузьмин решил забежать к дежурному по части. В помещении находился только помощник дежурного по части, прапорщик. Несмотря на относительную молодость, голова военного была вся седая. Прапорщики разговорились. Военные весело засмеялись и крепко обнялись, когда узнали то, что они служили в ГДР в одном и том же полку. Прапорщик Сурков военный городок в Давельбурге покинул ровно десять лет назад. Он, как и Игорь, был очень доволен тем, что через столько лет встретил своего «кореша». Через полчаса Сурков сдал наряд и пригласил Игоря к себе в гости. Сурков жил не на территории части, а неподалеку от нее, в небольшой деревушке Рыбино, где родилась его жена. Жилье военного и его жены даже домом нельзя было назвать. Это была просто небольшая деревянная

постройка, состоящая из двух половинок. В каждой из них стояла небольшая печь. В доме все было армейское: две кровати, два шкафа и несколько табуреток. На этом заканчивался в основе весь «шик» внутреннего убранства жилья.

К радости Игоря хозяйки в доме не оказалось. Хозяин в какой-то мере также был рад тому, что он уже год холостяковал. Ему порядком надоело повседневное нытье своей толстой жены, которая не имея детей, все время сидела и читала книги. Телевизора в доме не было по причине того, что гористая местность не позволяла принимать телепередачи. Только после второго стакана водки однополчане по-настоящему разговорились. Пьяный Виктор Сурков ничего хорошего о своем «родном» крае не сказал. И это тоска, безысходность от нового друга передавалась только что приехавшему «германцу». Игорь Кузьмин все пил и пил...

Гость проснулся поздно ночью. Прийдя в себя, и немного «прокрутив» в полупьяной голове содержание прошедшего застолья, он решил не будить своего друга и идти в свой полк. До него было не так уже и далеко, если идти не по дороге, а чуть наискосок через невысокую сопку. До сопки Игорь дошел довольно быстро. Мужчина шел к ней по тропинке, которую в темноте не было видно, но он ее как-то «чувствовал». Благополучно одолел Игорь и вершину сопки. Без проблем стал он и спускаться. Вдруг неожиданно погода испортилась. Заморосил мелкий дождь, звезды тотчас же исчезли с небосклона. Военный, поглубже натянув фуражку на голову, на какое-то время остановился, стараясь хоть каким-то образом соориентироваться. Надежда на то, что с вершины сопки можно увидеть военный городок в котловине по каким-то ориентирам не оправдалась. Светящихся фонарей или им подобных мужчина не увидел. Возникшее желание прапорщика отоспаться на земле, а утром пойти в часть из-за все усиливающегося дождя мгновенно пропало. К тому же неизвестный животный мир вызывал у него определенный страх. В конце концов путник решил идти наугад, надеясь на то, что до войсковой части все равно рукой подать. Неожиданно на пути мужчины появились какие-то ограждения из колючей проволоки. Игорь остановился и пристально всмотрелся в темноту. Прапорщик понял, что он подошел к парку с боевой техникой. Это означало, что совсем неподалеку должен быть его полк, а может и даже не его. Найдя небольшую дыру в проволочном ограждении, прапорщик мощными руками раздвинул его и благополучно пролез на территорию парка. Через десяток метров он увидел ровный ряд автомобилей. В том, что это был автопарк, Игорь уже не сомневался. Он уже и не боялся куда-то «блудануть». У вошедшего на территорию автопарка появилось даже желание здесь и переспать. Кузьмин подошел к

первой машине и стал дергать ручку кабины. Прапорщик нисколько не сомневался в том, что на этой стоянке есть не закрытая на замок машина. Как правило, в этой машине спали старики-часовые. Это было и в Германии, и здесь в Забайкалье...

Шатающемуся мужчине, к его сожалению, переспать в машине не удалось. Вдруг раздался громкий голос:

- Стой! Кто идет? Стой на месте, а то стрелять буду!

Такой команды в темноте пьяный прапорщик не ожидал. Он, покачиваясь из стороны в сторону, продолжал движение в неизвестном направлении. Через несколько секунд последовал опять окрик:

- Стой! Стрелять буду! Ложись!

Последняя команда из темноты явно принизила «достоинство» пьяницы. Он вместо того, чтобы выполнять команду вооруженного часового, начал кричать:

- Ты салага, я тебе покомандую... Я прапорщик Кузьмин!... Я тебя сам скоро в очке сгною...

Неожиданно раздался выстрел. После этого Кузьмин явно трухнул и молниеносно рухнул на землю. Упавший на землю, почувствовал то, как из одного места нижней части его тела пошел довольно неприятный запах. Прапорщик и часовой на какое-то время успокоились. Затем опять раздалась команда часового. На эту команду Игорь никак не прореагировал. Он лежал на земле, все думал о том, как лучше наказать «салагу». Пьяный Кузьмин неожиданно нашел возле себя довольно большой не то булыжник, не то камень. Машинально схватив камень в левую руку, прапорщик немножко приподнялся на правую руку, и со всей силой швырнул камень в сторону, откуда раздался выстрел и голос часового. После броска прапорщик в прямом смысле влип в землю. Через какие-то доли секунды раздалась автоматная очередь. В метрах десяти, а может чуть-чуть и ближе от лежащего просвистели пули. Только сейчас Кузьмин понял, что солдат его не видит и поэтому его выстрелы были без цели...

Прошло еще пару минут. В парке наступила мертвая тишина. Игорь Кузьмин мертвецки спал на земле. Ему уже было не до команд часового. Не собирался он и никого больше наказывать. Успокоился и молодой солдат, который сегодня впервые в своей жизни заступил на боевое дежурство. Невысокого роста мальчишка в военной шинели держал автомат Калашникова за плечом и шел в сторону столба, на котором находился коммутатор. За использование боевого оружия без причин часовой должен был отвечать. В том, что он струхнул и выстрелил неизвестно в кого и для чего, паренек уже не сомневался. Часовой вытащил рожок с патронами и стал их пересчитывать. В магазине из тридцати

патронов отсутствовало целых семь. Солдат, явно убитый случившимся, решил ничего об этом не сообщать начальнику караула. Он надеялся на то, что его выстрелы никто на соседних постах не слышал. Через несколько минут он, словно ничего с ним не случилось, стал курсировать по периметру парка. Одного боялся солдат - это расплаты за свою трусость от «стариков». Часовой на какой-то момент представил звериную морду старика Макулова, который довольно часто тыкал его солдатским штык-ножом в ягодицы во время марш-броска, когда молодой воин со слезами на глазах «трепыхался» в хвосте взвода. После марш-броска рядовой Абломов довольно частенько забегал в туалет и снимал штаны. Из больших кровоточащих ран, которые нанес ножом ему старик, бежала кровь...

Страшные сцены издевательств стариков над молодым солдатом были неожиданно для него прерваны шумом, который издавал один из автомобилей, стоящих в глубине парка. Часовой теперь уже нисколько не сомневался в том, что на его объекте находится посторонний. И те выстрелы, которые он произвел раньше, были по его мнению уже не напрасными. Эта мысль придала часовому новый импульс уверенности в себе.

Внезапно появившийся «ГАЗ-66» с включенными фарами, прорезав светом темноту на две части, стал двигаться по периметру парка. Солдат сразу же сообразил о том, что сидящий за рулем ищет ворота, через которые он хочет выехать. Прекрасно ориентируясь в расположении парка, рядовой Абломов стремительно рванулся через ряды стоящих машин в сторону ворот. Через несколько секунд часовой стоял у ворот и держал оружие наизготовку. Машина с включенными фарами к воротам приблизилась чуть-чуть позже. Не давая никаких команд, часовой передернул затвор автомата и направил ствол в сторону идущей машины. Молодой солдат нажал спусковой крючок до самого конца...

Грузовик через несколько секунд ткнулся в проволочное ограждение и заглох. Наступила тишина. Минут через десять в парк боевой техники прибежал начальник караула с разводящим. Возле ворот сидел часовой с автоматом в руках и плакал. Лейтенант быстро побежал к машине и открыл дверь. Из кабины вывалился прапорщик довольно мощного телосложения. Лейтенант пощупал пульс. Игорь Кузьмин был мертв. Остатки магазина молодой солдат разрядил в машину. Пули попали в голову, шею и грудь нарушителя...

О гибели своего мужа Ева узнала на следующий день еще лежа в постели. На улице было где-то около десяти утра. Проснувшись, она сразу же посмотрела на постель своего мужа. Игоря почему-то не было. Однако это ни сколько не смутило

женщину. Кротиха, повернувшись на бок, продолжала занимать «горизонтальное» положение. Тут же раздался стук в дверь и на пороге комнаты появился капитан Сибилев. Мужчина был чем-то явно расстроен. Это не на шутку обеспокоило женщину.

Офицер, закусив губу, тихо произнес:

- Извините за вторжение... Мне сейчас только сказали то, что прапорщик Кузьмин сегодня ночью погиб... Правда или нет, я точно не знаю. Лучше Вам самим прийти и посмотреть в медпункт... Убитый там лежит...

Ева, еще не до конца осознавая то, что сказал об ее муже офицер-сосед, сразу же рванулась в медсанчасть. Убитый лежал на носилках в небольшой комнате. Его тело было накрыто белой простыней, которая была не по его росту. Из-под простыни выглядывал один ботинок, второго ботинка не было. Ева медленно приподняла простынь с головы того, кто лежал на носилках и горько заплакала. Блондинка сразу же признала в убитом своего мужа. Лицо Игоря было безжизненное, на правой части виска был небольшой белый тампон, перехваченный лейкопластырем. Еве стало дурно и она, поддерживаемая лейтенантом-врачом, медленно вышла из медпункта.

Игоря Кузьмина похоронили на кладбище деревеньки Рыбино, в которой проживал его однополчанин прапорщик Виктор Сурков. Родственников на Большой Земле у погибшего не было и поэтому командование полка решило похоронить своего сослуживца неподалеку от войсковой части. Жена так же не была против этого решения. Блондинка, стоя на кладбище возле небольшой могилки мужа, и сама не знала того, где ее когда-то будут хоронить. В ее жизни Игорь был самым близким человеком и теперь его не стало. В этой «дыре» Кротиха осталась одна и ей было теперь все безразлично. Душа и сердце вдовы стонали от безысходности. Упав на колени, женщина крепко обняла руками свежий бугорок земли и тихо произнесла:

- Ты, прости меня, Игорь... Возможно, чем-то и я виновата в твоей гибели... Прощай мой прапор...

Плачущая хотела что-то еще сказать. Но почему-то не сказала. Она только здесь на могиле своего мужа поняла то, что она его никогда в жизни не любила. Не любит и сейчас, когда даже он лежит уже в земле...

После похорон мужа Ева Крот пришла в свою комнату и сразу же легла в постель. Женщина заснула мгновенно. Проснулась она глубокой ночью. Остаток ночи вдова отдала своим размышлениям. Гибель Игоря практически оставила ее один на один с этой жизнью, которая была для нее и загадкой и неопределенностью. Одно Ева Крот знала точно, что в этих краях

прозябать даже и женой целого генерала она не собирается. Ехать куда-либо конкретно она тоже не знала, даже несмотря на то, что могучий Советский Союз был очень большой. Искать мужа в военной форме после гибели Кузьмина ей не хотелось. Жизнь с Игорем навсегда отбила у блондинки желание быть женой советского военнослужащего. У молодой вдовы в душе горел маленький огонек надежды, который вдохновлял ее сердце не только сейчас, когда погиб Игорь, но и раньше. Мысль уехать в Ктомск или даже в Молихов у женщины появилась еще раньше, когда она сидела в кузове с Игорем после того, как они покинули Читу. Чем дальше они отъезжали от города, тем тревожнее становилось на душе у Евы Крот, тем быстрее ей хотелось уехать в Сибирь. Всего три дня назад у женщины была хоть какая-то надежда на помощь мужа. Теперь у нее никого не было и ничего. Вспоминая о своей дочери, Ева все меньше и меньше казнила себя за то содеянное, которое она сделала несколько лет назад.

После обеда в дверь ее комнаты осторожно постучали. За дверью раздался знакомый голос посыльного от дежурного по части:

- Здравствуйте! Дежурный по части просил меня Вам передать о том, что сегодня в семнадцать часов Вас приглашает к себе в кабинет новый командир полка. До свидания.

Сказав эти слова, дневальный сразу же рванулся бежать по коридору, издавая сапогами невообразимый грохот. Ева быстро встала и заправила кровать свою и Игоря. На душе было беспокойно. Через два часа после визита посыльного Ева ухоженная и накрашенная, в брючном костюме и в черных туфлях на высоком каблуке открыла дверь штаба части. Дневальный по штабу, зная цель визита молодой блондинки, с большим прилежанием сопровождал женщину до кабинета командира части. На двери кабинета висела небольшая белая табличка, на которой было написано черной тушью «Командир части».

Ева Крот робко постучала в дверь. На стук никто не ответил. Молодая вдова, не ожидая приглашения, решительно открыла дверь и вошла в кабинет. Хозяина кабинета за столом она не увидела. Она видела только спину военного. Через несколько секунд командир приподнял свою голову из-под стола. В левой руке офицер держал авторучку. Только сейчас Ева поняла то, что командир части искал на полу авторучку, которая закатилась под стол. Наконец военный показался полностью и встал во весь рост, словно на военном параде. Ева, увидев командира части, мгновенно остолбенела. Ей казалось то, что ее сердце остановилось и кровь застыла в жилах. «Застопорилось» и ее сознание. Она никогда в своей жизни не могла представить того, что перед ней стоит тот

Сашка, Александр, Александр Павлович Ключин, с которым она совсем недавно так жестоко обошлась. В памяти ярко окрашенной женщины сей же миг всплыл эпизод первой встречи с сержантом Ключиным, командиром отделения. Эта встреча произошла неподалеку от КПП военного училища. Вспомнив об этом, Кротиха почувствовала даже какое-то внутреннее облегчение. Ей стало казаться, что Санька Ключин за эти четыре года никогда и никуда от нее не отлучался, а всегда был с ней рядом. Однако ей это только казалось. Мозг блондинки осознавал то, что это был мираж и не более. Ключин, стоящий перед ней, был ее мужчиной из прошлого, а не в настоящем. Ева до боли закусила губу. Через мгновение она почувствовала привкус крови во рту...

Командир части, привстав из-за стола, сразу же обратил свой взор в сторону вошедшей женщины. Он в мыслях уже был готов к встрече с вдовой прапорщика Кузьмина, который так бесславно погиб на «поприще» военной службы. Мертвого прапорщика Ключин не видел, так как вчера он был на приеме у командующего округом. Не было времени познакомиться и с личным делом вновь прибывшего прапорщика. Возможно и с вдовой погибшего новый командир не встретился, если бы не звонок замполита полка. Майор настоятельно просил командира полка принять молодую вдову и сделать кое-какие подписи на ее бумагах.

Вошедшая женщина сразу же привлекла внимание молодого капитана. Перед ним стояла стройная и красивая молодая блондинка, да и одета она была «что надо». Офицер на какой-то миг задержал свое дыхание и чуть было не вскрикнул: «А, это ты, Ева?». Командир более внимательно посмотрел на вошедшую вдову прапорщика. Теперь у него сомнений не было. Да это была Ева Крот, его первая любовь, его первая надежда в этом человеческом обществе. Именно с этой девушкой он, Санька Ключин, сын простого колхозника и простой колхозницы связывал большие надежды на свою карьеру. И все эти еще полудетские и наивные мечты молодого лейтенанта совсем недавно разрушила эта девушка, которая за несколько часов до свадьбы отказалась от него. Она не только отказалась от него, но и изменила ему. Даже и сейчас он не мог представить себе того, что именно эта любовь в прошлом, а может, еще и сегодняшняя, находится у него в кабинете. Смотрит и молчит. Только маленькая струйка крови сочится с ее нежных и когда-то очень желанных для него губ...

Стоящие напротив друг друга мужчина и женщина одновременно узнали друг друга. Да и прошедшие четыре года практически мало что изменили в их внешнем облике. Каждый из них своей головой и своей душой понимал, что при встрече надо что-то друг другу сказать, хотя бы произнести одно слово. И это

осознавал в первую очередь капитан Клюкин, как командир полка, как человек, наделенный властью. Однако он этого не делал. Саньке в этот момент, как и пять лет назад, хотелось по-детски разглядывать эту молодую девушку, которую он когда-то встретил весной возле «военки». Они сейчас, как и тогда, стояли и любовались друг другом. Смотрели и думали. Каждый думал только о своем. И это каждое было тайной единственной и в тоже время общей. Сашка Клюкин, разглядывая вошедшую блондинку, не скрывал того, что Ева стала еще краше, чем была раньше. Ей очень шел этот брючный костюм оранжевого цвета из кремплина. Он не мог не отметить и того, что и прическа женщины была намного краше чем когда-либо.

Ева, стоящая в кабинете командира части в этот момент понимала то, что перед ней стоял не офицер, а Санька Клюкин, которого она когда-то любила. В этом же кабинете и в этот же момент она одновременно осознавала и то, что стоящий перед ней мужчина уже не есть курсант Санька Клюкин. Этот высокий и стройный капитан был намного серьезнее и суровее курсанта. В густых русых волосах молодого командира кое-где виднелась не по годам ранняя седина. На его высоком и прямом лбу в некоторых местах были глубокие морщины. Сейчас Ева, как и в тот весенний день, любовалась красотой и подтянутостью своего Сашки, который уже был давно не ее. На какой-то миг к ней возвратились чувства любви и страсти к этому мужчине, которые были у нее раньше. Эти чувства у женщины были и сейчас. Вошедшая, поймав себя на этой мысли, густо покраснела. Это заставило ее одновременно и действовать. Блондинка, облизав губы и чувствуя привкус своей крови, тихо произнесла:

- Товарищ командир, разрешите войти... Я жена прапорщика Кузьмина... Вы меня приглашали...

Дальше Ева ничего не могла произнести. На глазах ее выступили слезы. Видя душевное расстройство вошедшей, командир части быстро подошел к ней, и осторожно взяв женщину под руку, посадил ее на стул. Слегка прикоснувшись к руке, офицер почувствовал теплоту и нежность блондинки, которая когда-то ему принадлежала, как женщина. На какой-то миг капитан опять окунулся в мир страсти и нежности, которые когда-то давала ему Ева Крот, продавщица мороженого магазина «Тополек». Однако это мгновение так и осталось мгновением. И не более...

После некоторого раздумья капитан Клюкин присел за стол и стал внимательно смотреть в глаза Евы Крот, которая почему-то ничего ему не говорила. Неловкость положения этой женщины прекрасно понимал и сам Клюкин. Глядя на плачущую блондинку, офицер иногда становился на ее место в этой неординарной для нее

жизненной ситуации. Кротиха, наверное, никогда не думала и не предполагала того, что она когда-то в этой жизни еще раз встретится с тем, кому она растоптала душу и сердце. Санька Ключкин, наоборот, все это время думал о возможной встрече с той, которую он любил. Любил всегда, любил навечно. И поэтому он всегда держал в своей голове «зарубки» памяти о блондинке. Все эти «зарубки» им были выстраданы, даже выплаканы, особенно в те первые месяцы его молодой лейтенантской жизни, когда предательство Евы на нет лишило его сил. При виде плачущей вдовы прапорщика Кузьмина, командир полка гвардии капитан Ключкин уже нисколько не сомневался в том, что он выдержал с честью все те испытания, которые преподнесла ему как человеку эта жизнь. Самым тяжелым среди этих испытаний была его любовь к этой красивой блондинке. Молодой мужчина тогда и сейчас не отрицал того, что он проиграл любовную баталию с красавицей Евой Крот.

Сидящий за столом офицер, на плечи которого страна взвалила очень большой груз ответственности по защите священных рубежей Родины, даже несмотря на нехватку времени, сейчас решил дать своеобразный «бой» той женщине, с которой он, как человек, собирался когда-то прожить до самой старости.

Капитан Ключкин, как опытный стратег и тактик, не только на полях тактических учений, но и в жизни, решил высказать Еве все то, о чем он думал эти годы. Мужчина встал из-за стола и стал ходить из угла в угол. Ева, сразу же заметив волнение Александра Ключкина, повернулась к нему лицом и перестала плакать. Она понимала то, что сейчас Санька будет говорить ей что-то очень важное и ее слезы будут здесь неуместны. Ева приготовилась слушать исповедь этого мужчины. Она и сейчас, и тогда, ровно четыре года назад, понимала то, что ту боль, которую она причинила Сашке Ключкину, он будет нести и чувствовать до самого последнего дня своей жизни. Поэтому, сидящая за столом женщина, молчала и внимательно наблюдала за офицером. Ева чувствовала, что командир ее бывшего мужа очень страдает. Страдает и как военный, у которого не все в порядке в вверенном ему подразделении, и как человек, который когда-то пережил тяжелую личную трагедию.

После «маячного» хождения по кабинету капитан Ключкин сел за стол. Затем, внимательно посмотрев на ярко накрашенную женщину, уверенно начал говорить:

- Товарищ Крот, я честно говоря, даже не ожидал того, что мне в жизни придется вновь с тобою встретиться. Все эти годы я просил Бога, чтобы он мне помог забыть тот кошмар, который я испытал после последней встречи с тобою в гостинице. Полоса

неудач преследовала меня, словно снежная лавина. Мне казалось то, что она меня накрыла навсегда. После того, как я сломал ногу, я полгода пролежал в больницах и госпитале. Однако выжил и поехал служить на Китай, на который ты так не хотела ехать. Через полгода умер отец, получивший инфаркт из-за проблем своего сына. Еще через три месяца умерла мать...

Дальше, казалось бы, сильный и волевой офицер не мог говорить. Ева сразу поняла, что в смерти родителей молодого лейтенанта Клюкина основная вина ложится на ту девушку, которая разбила счастье или даже надежду на это счастье у их сына.

Кротиха стала сама плакать навзрыд, когда увидела в глазах капитана слезы. Через несколько мгновений молодой командир полка, пересилив сиеминутную слабость, начал говорить вновь. Голос мужчины по мере продолжения монолога обретал былую силу и уверенность, как когда-то Сашка Клюкин просил свою невесту быть его женой, несмотря на все предстоящие трудности армейской жизни. Чем больше говорил офицер, тем больше Ева понимала то, что даже несмотря на пакость, которую она «подложила» своему любимому, он все перенес и выстоял.

На Китай молодой лейтенант попал в самый разгар широкомасштабного развертывания советских войск. На границе было очень беспокойно и поэтому делалось все необходимое для экстренной и надежной ее защиты. В кратчайшие сроки строились казармы для личного состава. Днем и ночью прибывали эшелоны с боевой техникой. Офицерских кадров не хватало. Лейтенант Клюкин приехал охранять священные рубежи своей социалистической Родины без всякого желания. В госпитале у него была возможность по состоянию здоровья комиссоваться. Однако мечта стать генералом, в большей степени даже детская, переломило его и он делал все возможное, чтобы скорее выписаться и уехать в войска.

Первые дни, а может даже и часы пребывания в Забайкалье, до глубины души разочаровали молодого «генерала». Полк, в который попал офицер, по сути дела был только на бумаге. Все начинали с абсолютного нуля. До слез доводила и погода. На улице было больше тридцати градусов холода, а иногда и больше. «Первопроходцы» в военной форме спали в палатках, в которых стояли железные печки. К весне появилась первая казарма. Свою первую зиму на Китае лейтенант Клюкин пропьянствовал. Пил не по причине суровой зимы. Предательство красивой девушки с немецкой фамилией Крот лишило его смысла жизни. Выстоять перед первым суровым испытанием в жизни парню помог его командир батальона капитан Морозов. До приезда Клюкина в полк у этого офицера погибла жена и две дочери. Погибли во время

отпуска зимой, когда сосед повез женщин через озеро на разъезд. Лед был еще не окрепший, и все, сидящие на санях, утонули. Командир батальона первым заметил душевную «неустроенность» новенького. Наставник неоднократно беседовал со своим подчиненным, на которого катилась лавина жизненных неприятностей. Бывало и то, что начальник молодому офицеру прощал и ошибки по службе.

Благодаря командиру батальона, новенький встал в прямом смысле на ноги. Через полгода получил роту, через год стал начальником штаба батальона. Через месяц после назначения получил очередное воинское звание старший лейтенант «досрочно». В подчинении молодого офицера, как такового боевого батальона, не было. Было просто три сотни вооруженных солдат, которые день и ночь строили казармы, помещения для боевой техники. Офицеры и солдаты батальона жили и служили под одним небом и в равных условиях. Вместе спали, вместе мерзли, иногда разрезали замерзший хлеб ножовкой или пилой. С поставленными задачами справлялись в целом неплохо. Боевой подготовки, как таковой, не было. Чтобы солдаты не забывали о том, что они вооруженные защитники страны, раз в месяц выезжали на стрельбище.

К концу третьего года службы молодого начштаба ждали новые испытания. На просторах Забайкалья начались крупные военные учения. Через час после подъема полка по боевой тревоге командир батальона, подполковник с «пенсионным настроением» получил тяжелую травму ноги. Без страха командование подразделением принял начштаба батальона, старший лейтенант Клюкин. В первые часы батальон «строителей» был неуправляем. Целую неделю подчиненные старшего лейтенанта Клюкина то оборонялись, то наступали. С поставленной задачей справились успешно. На этих учениях молодой начальник штаба получил должность командира батальона. И помог ему в этом просто случай. Неудачнику в любви благоволила судьба в карьере. В первый же день учений мороз выдался на «славу». Было где-то около тридцати. Исполняющий обязанности командира батальона со своим замполитом делали все возможное для того, чтобы линия обороны была в полном объеме обрудована. Клюкин считал в первую очередь необходимым делать инженерные сооружения, замполит же настаивал на первоочередном обогреве личного состава. Командир батальона уступил политработнику и отправил взвод для оборудования палаток. В середине ночи подразделение старшего лейтенанта Клюкина проверил начальник политического управления округа. Генерал был всем доволен, в первую очередь, тем, что личный состав батальона окружен заботой офицеров и не имеет обморожений. Во время подведения итогов учений командующий

округом практически весь «разбор» сделал на положительном опыте работы молодых офицеров старшего лейтенанта Клюкина и его замполита. На следующий день после возвращения с учений командир дивизии на строевом плацу вручил Клюкину офицерские погоны с четырьмя маленькими звездочками, и здесь же зачитал приказ командующего округом о назначении капитана Клюкина командиром мотострелкового батальона...

С замиранием сердца слушала Ева Крот своеобразный рапорт бывшего жениха о своей военной службе. Она не могла не уловить в голосе Клюкина ноток достоинства и гордости за свою карьеру. И в этом его Ева прекрасно понимала. Саньке Клюкину из простой крестьянской семьи очень тяжело доставалась эта карьера. Ранняя седина в густых волосах молодого капитана являлась свидетельством этого.

Неожиданно зазвонил телефон. Клюкин поднял трубку и вежливо попросил «нарушителя» его монолога перезвонить попозже. Ева, сидящая в метре от телефона, поняла то, что звонила женщина. Звонок женщины очень обрадовал офицера и он с улыбкой положил трубку. На какие-то секунды Клюкин «размяк» и этим хотела воспользоваться Ева, которая хотела поинтересоваться семейной жизнью офицера. Однако опять раздался звонок. Капитан попросил очередного «нарушителя» перезвонить через пять минут. Видя занятость Клюкина, женщина передумала задавать какие-либо вопросы. К тому же сам Клюкин, не замечая вопросительного взгляда сидящей женщины, продолжал свой монолог. Содержание этого монолога уже не «шло» в голову посетительницы. После звонка женщины, которая по предположению Евы, была женой командира части, блондинка поняла, что сидящий за столом мужчина в военной форме, не есть тот Сашка Клюкин, который без ума «втюхался» в «шоколадную» девчонку. Это был совсем чужой мужчина, имеющий статус официального лица. От этой мысли у блондинки стало холодно на душе. По всей коже пробежала какая-то не то дрожь, не то какой-то легкий морозец... И теперь то, что говорил этот офицер из своей личной жизни, вдову погибшего прапорщика Кузьмина уже не интересовало. Она, внимательно вглядываясь в глаза капитана Клюкина, всем своим сердцем и душой понимала то, что у него возврата к истокам недавней любви к ней никогда не будет. Санька Клюкин, ее некогда любимый и страстный карьерист уже никогда не протянет ей руку. С этими мыслями Ева осторожно встала из-за стола и медленно направилась в сторону двери...

Капитан Клюкин во время своего монолога иногда бросал свой взгляд в сторону сидящей женщины. Разное он испытывал при этом. Вновь появившиеся чувства теплоты и нежности к блондинке,

нисколько не нарушали ровный ход мыслей, которые он, сидя за столом, высказывал своей и уже далеко не своей любимой женщине. То, что он сейчас говорил Еве, им было выстрадано душой и сердцем. Все эти годы он тысячи раз «прокручивал» в своей голове моменты короткой, но счастливой жизни со своей девушкой Евой. За это время все у него было: и слезы, и пьянки, и равнодушие к себе и к окружающим...

Звонок жены поднял настроение молодому командиру полка. Галя с сыном сначала обещала приехать только с Новому году, однако ехала значительно раньше. Сынишка и жена, наверное, очень сильно соскучились по отцу и мужу. Ласковый голос жены, который услышал в телефонной трубке командир полка, дал ему новый импульс энергии к жизни и к тому, что он делал. Звонок жены даже «застопорил» на какие-то мгновения его исповедь перед первой любовью. Слабинку в монологе заметила и Ева, которая этим тотчас же воспользовалась... Уже перед тем, как блондинка стала закрывать за собой дверь кабинета командира части, капитан Ключкин строго и официально произнес:

- Гражданка Крот, пожалуйста, зайдите в строевую часть. Там Вам необходимо забрать все документы, связанные с гибелью Вашего мужа. Я считаю, что он с честью выполнял свой воинский долг перед нашей Родиной...

Последние слова Ева услышала тогда, когда уже плотно закрыла за собой дверь. Ей почему-то казалось, что последние слова офицер произнес с определенной ноткой скептицизма и равнодушия...

Ева Крот уехала из части на следующий день. На вокзал в Читу ее повез на своем «Москвиче» прапорщик Сурков, однополчанин погибшего мужа. Прапорщик оказался очень порядочным человеком. Военный делал все возможное для того, чтобы облегчить тяжелую участь вдовы своего товарища. На вокзал они приехали за три часа до отхода поезда. Купили билет, немного посидели в прокуренном и грязном буфете вокзала. Ева неспеша пила лимонад из полугрязного стакана. Виктор из горлышка бутылки потягивал пиво. Через полчаса мужчина и женщина тепло простились. Прапорщик сел в машину и уехал. Ева со слезами на глазах стала прогуливаться по перрону. Настроения, как такового, у нее не было. Женщина вся была погружена в раздумья. Ева Крот с сожалением опять осознавала то, что ее жизнь опять возвращается на «круги своя». Кротиха, взяв билет до города Молихова, через пять лет решила опять ехать туда, где ей когда-то люди протянули руку помощи. В этом же городе она нашла свою первую любовь...

На вокзале по радио объявили о прибытии очередного поезда. Ева, гуляя по перрону, эту информацию пропустила мимо

ушей. Остальные поезда ее не столько волновали. До отправления поезда, следующего в сторону Молихова, оставалось больше двух часов. Через несколько минут «чужой» пассажирский поезд прибыл на станцию. Женщина с глазами полного равнодушия, прижавшись спиной к стойке газетного киоска, стала «глазеть» на выходящих из вагонов пассажиров. Неожиданно мимо нее ускоренным шагом прошел военный, который был высокого роста и статный. Офицер был в фуражке с высокой тулией и с красным околышем. Ева лицо мужчины не видела. Она успела заметить только его спину. Военный шел ускоренным шагом в сторону купейного вагона только что прибывшего поезда. Потом Кротиха увидела как офицер легко поднялся в вагон и исчез. Через несколько минут военный появился опять, но не один. Мужчина поочередно «принял» из вагона ребенка, затем женщину. Женщина, оказавшись в объятиях военного, стала страстно целовать его лицо и губы. При этом она почему-то плакала. Возле целующихся «путался» в их ногах небольшого роста мальчишка, который был одет в теплое пальто. Шея его была перевязана красным шарфом. Сердце Евы Крот неожиданно с болью екнуло. Она уже несколько не сомневалась в том, что офицер, который очень быстро спешил к купейному вагону, был никто иной как Санька Клюкин, молодой командир полка. Через пару минут, а может даже и больше, офицер взяв в одну руку небольшой чемодан, на другой его руке сидел счастливый мальчишка, направился в сторону выхода в город. За капитаном, смеясь и плача, шла женщина. Ева, дабы не попасть на глаза счастливой парочке, быстро спряталась за обратной стороной газетного киоска. Женское любопытство победило Кротиху. Она, словно озорной мальчишка, высунула голову из-за своего укрытия. Офицер и его сын в этот момент Еву мало интересовали. Блондинку, как женщину и как некогда невесту Саньки Клюкина, интересовала та, которая была женой молодого командира полка. Кротиха, словно загнанная мышка, быстро зыркнула глазами на жену своего бывшего жениха. В своих представлениях и догадках о жене Клюкина Ева не ошиблась. Она была под стать своему мужу. Женщина была только чуть ниже ростом офицера, такая же стройная как и он. Длинные черные волосы, часть которых ниспадала на плечи, прекрасно сочетались с ее смуглым и чистым лицом. Брюнетка была даже чем-то похожа лицом на своего мужа. От этого определенного сходства двух людей на душе Евы стало нестерпимо больно. Она, не зная почему, резко выбежала из-за своего укрытия, и схватив в руку чемодан, не пошла, а побежала в противоположную сторону от тех, кого она так внимательно рассматривала несколько минут назад. Метров через пятьдесят бегущая остановилась. Ей дышать становилось все труднее и

труднее. Затем женщина под воздействием какой-то неведомой силы повернулась на сто восемьдесят градусов и застыла. Военный со своей красивой женой и маленьким сынишкой неспеша спускались вниз по лестнице. Через несколько секунд они исчезли из поля зрения молодой блондинки, которая со слезами на глазах продолжала за ними наблюдать. После того, как они исчезли, и скорее всего, исчезли из ее жизни навсегда, Ева стала рыдать. Она плакала так сильно, что кое-кто из снующих по перрону пассажиров приостанавливался, надеясь оказать хоть какую-либо помощь плачущей женщине. Ева на зевак внимания не обращала. Никто из них не мог помочь ее горю, кроме того, кого она сейчас только видела. Клюкин от нее ушел гордый и чистый, ушел как настоящий мужчина, ушел навсегда. Красивая блондинка также поняла и то, что она проиграла свою партию в жизни этому скромному мальчишке в военной форме, даже несмотря на то, что она была красивой и питала надежды на большее право быть счастливой, чем этот гордо идущий капитан со своей женой. Ева Крот, немного постояв на перроне, уныло поплелась в зал ожидания, где она могла ожидать только поезд, но не счастье, которое она только что потеряла и потеряла навсегда...

Глава седьмая.

«Суворовцы»

Поезд в Молихов пришел утром. Ева неспеша покидала свое купе, торопиться ей было некуда. Этот город для нее был уже знакомый и даже родной, однако никто ее здесь не ждал. Близких родственников и друзей у Кротиhi не было, кроме Нины Лесковой. С этой женщиной блондинка связывала очередное «вхождение» в этот город, да и в свою жизнь. В поезде бывшая «германка» несколько раз «прокручивала» варианты предстоящей встречи с Ниной. Кротиха очень сожалела о том, что за все годы пребывания в Германии, она так и не удосужилась написать коротенькое письмо своей наставнице. И не только это портило настроение красивой пассажирке. Ева, прекрасно зная о всевозможных дефицитах в родной стране, в душе себя казнила за то, что она также не соизволила отправить посылку с какой-либо дефицитной тряпкой для Нины Николаевны и ее сына.

Часы на перроне железнодорожного вокзала показывали ровно восемь. Лучи утреннего солнца с каждой минутой все увереннее и веселее играли на лицах людей, проходящих по перрону. Многотысячный город начинал свою жизнь. Каждый куда-то и зачем-то спешил. И это в какие-то моменты женщину, неспеша

идущую по перрону с чемоданом, радовало. Радовало ее и то, что она, как и эти люди, может спокойно идти или носиться с полной головой своих личных и общественных забот. Она и сама этого хотела. Ей даже это очень нравилось, без всего этого жизнь теряла всякий смысл. Одновременно эта суматоха в какой-то мере и огорчала блондинку. Она считала, что эти же люди со своими повседневными проблемами забывали о тех, кто оказывался в бедственном положении. В таком «подвешенном» состоянии ощущала себя и вдова прапорщика Кузьмина, когда покинула вагон. В какие-то моменты ей даже казалось то, что она лишняя и не нужная не только для спящих пассажиров, но и вообще на этой земле.

Поднявшись в здание вокзала, Ева зашла в небольшой буфет при ресторане и купила бутылку шампанского, и две большие коробки шоколадных конфет. Она считала, что Нина Лескова и ее сын Петька будут довольны этими подарками. В душе Ева надеялась на то, что Лескова и ее сын были и останутся порядочными людьми, и в очередной раз поймут жизненную ситуацию вновь прибывшей. С этой надеждой Ева решительно пошла на остановку такси. Возиться с тяжелым чемоданом по автобусам ей не хотелось. Через пятнадцать минут Ева была уже у подъезда знакомой пятиэтажной «хрущевки». Неподалеку от подъезда, как и пять лет назад, на скамеечке сидело несколько бабушек. С замиранием сердца Ева нажала на кнопку звонка на двери некогда близкой квартиры. Никто на звонок внутри квартиры не ответил. Женщина нажала еще раз, потом еще. Опять тишина. Ева позвонила соседям напротив. Через несколько секунд из-за открытой двери показалось заспанное лицо довольно пожилой женщины. Увидев перед собой ослепительно красивую молодую блондинку с ярко накрашенными губами, старуха даже на какое-то время опешила. Она жила в этом подъезде всего три года, но доподлинно знала о том, что у соседки никогда в жизни не было таких смазливых особ. И поэтому «девица», которая интересовалась местонахождением Нины Лесковой, явного доверия у бабки не вызвала. Полусонная старуха, открыв свой рот, в котором не было ни одного зуба, еле шевеля толстыми губами, с недоверием спросила молодую незнакомку:

- Женщина, Вы, что даже не знаете о том, что Нина Николаевна как год назад умерла. Ой, как тяжело было все на это смотреть....Ой, какая была женщина. Весь завод, все соседи ее хоронили... А, ты, девица, даже об этом и не знаешь...

После этого бабка, словно ужаленная пчелой, мигом скрылась за дверью. Ева, услышав о смерти своей наставницы, на какое-то время отключилась. Непонятно откуда к ее горлу подкатился комок, ей стало очень трудно дышать. Женщина

медленно опустилась на рядом стоящий чемодан. Все планы на дальнейшую жизнь в этом городе, которые Ева связывала только с Ниной, рухнули как карточный домик. Молодая Кротиха опять оставалась один на один в этом большом городе. Искать место в гостинице или еще где-то сейчас ей не хотелось. Ева представила на какой-то миг свои мытарства в этом городе, которые она испытала когда-то еще девчонкой, и ей стало не по себе. Слезы, словно маленькие капельки утренней росы, медленно поползли по лицу. Блондинка почувствовала, что вся ее «штукатурка» потекла. И поэтому она, вытащив носовой платок, стала начисто вытирать лицо.

Неожиданно дверь у соседей открылась и та же бабка, которая на сей момент сменила гнев на милость, наклонилась к уху плачущей блондинки и тихо сказала :

- Девонька, ежели ты какая-то знакомая, али близкий человек, то знай, что в квартире умерший проживает ее сын Петро. Он весной этою возвратился из армии. Чем он сейчас занимается, мне и моим соседям он не докладывал...

Бабка, как и несколько минут назад, опять исчезла за дверью. Известие о том, что сын Нины Лесковой проживает здесь, блондинку очень обрадовало . Ей очень нравился этот белокурый мальчишка, который был всего на два года ее младше. Благодаря настойчивости «Белого», она познакомилась с его матерью. Лесковы по сути дела и помогли Еве Крот выйти на дорогу жизни. Вытащив из дамской сумочки небольшое зеркальце, Ева стала прихорашиваться. Затем она взяла чемодан и вышла из подъезда.

В метрах тридцати напротив подъезда стояла небольшая скамеечка, на которой Ева решила ждать «Белого». С замиранием сердца и со слезами на глазах блондинка присела на краешек знакомой скамейки. Воспоминания о былом, словно ураган, нахлынули на молодую женщину . Ей казалось то, что она опять держит в своей руке аресок, который ей когда-то на листке газеты написал белокурый мальчишка. Сейчас же взрослый парень в очередной раз давал зацепку для блондинки остаться в этом городе...

На дворе стояла теплая погода и поэтому Ева на несколько минут невольно засыпала. Проснувшись,она ускоренным шагом поднималась на пятый этаж и опять звонила в дверь. Никто опять не отвечал. Женщина в очередной раз себя успокаивала и продолжала мирно сидеть на своем «троне».

Петька появился где-то к обеду, после двенадцати часов. Ева к этому времени очень проголодалась и принялась доедать последний кусочек копченой колбасы с пирожком. Эти припасы она держала на всякий случай в чемодане. Именно во время этого

«занятия» в подъезд шмыгнул высокий и стройный молодой человек с белой головой. Еве при мимолетном появлении парня, похожего на Петьку, даже не верилось в то, что это может быть Петька «Белый», который раньше ей значительно уступал в росте. Выждав пять минут, женщина решила в очередной раз проверить наличие своего знакомого. Ева, быстро взбежав по лестнице и немного отдышавшись, нажала кнопку дверного звонка. Опять никто не ответил. Она нажала кнопку еще и еще. Дверь открылась.

Симпатичный парень высокого роста и с белыми волосами, который был в одних трусах, с равнодушным видом спросил молодую женщину:

- Ну, а что Вам надо, девушка? Вы, что ль ко мне?

Молодая женщина, ошарашенная «размерами» молодого хозяина, стояла у раскрытой двери и почему-то на поставленный вопрос молодого человека не отвечала. Она только несколько уперлась глазами в пол и молчала. Молчал и тот, кто задал вопрос. Блондину, вполне возможно, стало надоедать молчание смазливой девушки, и он сделал попытку осторожно закрыть дверь. При этом он почему-то все пристальнее вглядывался в лицо той, которая стояла перед его дверью. Через несколько мгновений, парень, словно осененный какой-то мыслью, быстро рванулся в квартиру, не закрыв за собою входную дверь. Хозяин, одетый в спортивный костюм, появился перед Евой минуты через две. Молодой человек, словно рысь, подскочил к девушке и крепко сжав ее руку, громко произнес:

- Ева, это ведь ты. Я даже тебя и не узнал. Ты так похорошела, что я дурень и не думал тебя в наших краях встретить... Ну, ладно, давай канай в мои апартаменты...

Вскоре Ева и Петька сидели за столом и пили чай без сахара, и даже без хлеба, не говоря уже о каких-либо булочках или пирожных. Петька несколько раз оправдывался перед неожиданной гостьей за такую трапезу. По его словам, он очень мало дома бывает. Все время пропадает у друзей, тех же дембелей, с которыми только что уволился на гражданку. Ева, потягивая темноватую горячую воду, смеялась, словно заводная, когда Петька рассказывал о своей военной службе. Девушка огорчилась только тогда, когда Петька, засучив штанину спортивных брюк, показал свою левую ногу. Ева даже вздрогнула, когда увидела следы настоящих экзекуций военного «старика» на ноге своего молодого сослуживца. Петька, увидев расстройство своей старой знакомой, тихо произнес:

- Эти шрамы мне оставили старики, когда раскаленным шомполом от автомата прокалывали мне мышцы. И только за то, что я отказался чистить их автоматы...

Больше парень ничего о своей армейской службе не говорил. И это также успокоило Еву, которой было обидно и больно за ту армию, в которой служил ее погибший муж. Ева, дабы дальше не нагнетать страсти вокруг Советской Армии, после некоторого раздумья, как бы невзначай, спросила Петра:

- Петя, а когда придет с работы Нина Николаевна?... Я даже в честь приезда ей и тебе купила бутылку шампанского и две коробки хороших шоколадных конфет...

Этот вопрос Ева задала хозяину квартиры сознательно. Ей до сих пор не верилось в то, что Нина Лескова умерла. Старая бабка, по мнению Евы, могла и по старости кое-что не то сказать.

Вопрос Евы молодого хозяина несколько не смутил. Он и сам ждал подходящего момента, чтобы рассказать Еве о поистине глупой смерти своей матери. Парень, несколько нахмурившись, на какой-то миг стал очень серьезным, и глядя в глаза своей собеседнице, со злостью произнес:

- Я бы, этих гадов-врачей из автомата порешил...

Дальше он говорить не мог. Слезы застилали глаза молодого парня. Ева поняла, что с матерью Петьки что-то случилось необычное. И сейчас она даже казнила себя за заданный вопрос. Однако и успокаивать своего друга она не стала, так как понимала, что это бесполезно. Через некоторое время Петька успокоился и начал говорить:

- Мамка никогда в жизни не болела. Да и жизнь-то ее была не из легких. Я ведь болван только сейчас понял, когда ее не стало. Я сам ей ни одну литру крови выпил. В смерти матери виноваты врачи. Я в то время в армии был. На похороны и то опоздал. Мать похоронили на кладбище ее родителей в деревне. Здесь от города всего тридцать километров, не более. После похорон всякое о смерти матери судачили. Мне от этого лучше не было. Правду о смерти мамы я узнал у молодой медсестры, с которой после дембеля познакомился. Она сказала, что пьяный врач поставил не правильный диагноз и по пьянке стал делать сложную операцию...

Сын о смерти своей любимой матери больше ничего не стал говорить. Петька сидел за столом и молчал. Ева, стараясь хоть как-то разрядить обстановку, быстро вскочила из-за стола и стала вытаскивать из своего чемодана гостинцы. От шампанского и конфет молодые люди не отказались. Ева, как бы извиняясь за «глупый» вопрос о смерти матери своего друга, начала рассказывать ему о своих приключениях, которые выпали на ее долю за эти прошедшие пять лет. Молодые иногда так заливались громким смехом, что Еве даже казалось то, что вот-вот прибежит бабка из соседней квартиры и накричит на них. Однако такого не случилось. Старая соседка боялась молодого человека и его друзей, которые в

смирении и покое держали не только этот подъезд, но и целый микрорайон.

По местному радио передали сигналы точного времени. Было пять часов вечера. Приближение вечера беспокоило молодую гостью. Она в своей голове уже давно искала возможные варианты по поиску гостиницы. В кармане у девушки было пятьсот рублей, остатки денег от некогда совместного семейного бюджета Игоря и Евы. С этими деньгами Кротиха собиралась делать очередной «старт» в ее неудавшейся жизни. Ева, с улыбкой посмотрев на свои часы, произнесла:

- Ну, что, Петя... Я пошла.... Мне надо до темноты найти место в гостинице. Я думаю то, что я теперь и без твоей помощи обойдусь...

Сказав это, Ева быстро встала из-за стола, и закрыв свой чемодан на замок, стал одевать свой пиджак. Молодой хозяин на предложение Евы никак не прореагировал. Он, как ни в чем не бывало, продолжал сидеть за столом. Вдруг Лесков неожиданно сказал:

- Евушка, а давай съездим на могилу моей матери. Это не так далеко от нас. Я думаю, что ты не будешь против того, чтобы посетить могилу моей матери. Чемодан оставляй здесь у меня. Я сам там не был целых три месяца. Раньше ездил чаще, а сейчас текучка заела...

Ева больше упрашивать себя не заставила. Она всегда уважала мать Петьки и поэтому предложение ее сына о посещении кладбища было как раз кстати. Через десять минут молодой парень и молодая девушка, одев на себя спортивные костюмы, направились в стороны продуктового магазина. Ева взяла бутылку водки, килограмм копченой колбасы и небольшой батон белого хлеба. Здесь же возле магазина она купила большой букет цветов. С автовокзала до деревни маршрутный автобус шел чуть-чуть меньше часа. Кладбище, находящееся в нескольких метрах от небольшого леска, было очень маленьким, и к тому же заброшенным. Мать Петьки в этой деревне родилась и выросла. Здесь же на кладбище покоились ее родители. Близких родственников у Петра в деревне не было и поэтому каких-либо планов по посещению родственников он не строил. С острой болью в сердце подходила Ева к могиле своей старшей подруги, которая в отдельные периоды жизни для нее была как мать. Кротиха, положив цветы на могилу Нины Лесковой, горько заплакала. Она до сих пор не верила в то, что еще молодая женщина могла умереть по халатности врачей в таком крупном городе. В какой-то мере плачущую девушку успокаивало то, что Лескову, которая всегда относилась к людям с доброй душой, те также по-человечески проводили ее в последний путь. В центре

небольшой металлической оградки стоял хороший памятник с фотографией Лесковой. Ева, нежно погладив рукой фото своей наставницы, отошла в сторону и присела за металлический столик. За этот столик сел и Петька. Он не мог сдерживать свои слезы и все время всхлипывал. Ева вытащила небольшой стаканчик из сумки и налила в него водку, который поставила на могилу. Сверху стакана она положила небольшой кусочек батона. Немного постояв возле могилы, женщина опять села на скамеечку. Она сидела и молчала. Красивая блондинка еще не представляла того, что Лесковой уже нет на этой земле, и она уже никогда не протянет ей руку и не спросит о жите-бытье своей красивой подопечной...

Вечерние лучи августовского солнца «бегали» по памятнику и как бы гладили умершую. Сидящая благодарила природу за эту ласку. В душе Ева была также очень благодарна Петьке, который сегодня решил вместе с ней посетить могилу своей любимой матери. Молодой мужчина понимал то, что для Евы его мать была далеко не чужим человеком. Кротиха искоса смотрела на плачущего молодого человека и ей его было очень жалко. Она, как женщина с далеко нелегкой судьбой, понимала и переживала за этого красивого парня, который в свои двадцать лет остался без родителей. Небольшая двухкомнатная квартира в пятиэтажке составляло все его богатство. Ева под воздействием этих мыслей осторожно протянула свою руку в сторону Петьки и так же осторожно положила ее на плечо парня. Петька мгновенно повернулся в сторону Евы и на какой-то миг их глаза встретились. Им обоим казалось то, что их глаза не только встретились, но и сомкнулись, как их руки, а может даже и как их губы. Никто из сидящих не нарушал этот момент. Каждый хотел продлить этот взгляд друг на друга. Ева, глядя в глаза своему другу поняла то, что Петька «Белый», некогда озорной, но вполне порядочный мальчишка, за эти годы сильно изменился и превратился в мужчину, не только по возрасту, но и по пережитому в этой довольно сложной и непредсказуемой жизни. Петька, словно чувствуя мысли своей подруги, также осторожно положил на плечо Евы свою руку. Эта рука была тяжелая и сильная, даже чем-то и притягивающая молодую блондинку...

Своеобразные поминки по умершей затянулись. Двое молодых людей, следуя русскому обычаю, незаметно для себя «вытянули» целую бутылку водки. У Евы стала кружиться голова. Да и Петька, как казалось девушке, также немного сдал свои «позиции». Молодых людей «спасала» надвигающаяся темнота, которая несла с собой прохладу и покой не только организму, но и душе. К тому же легкий холодный ветерок приятно освежал молодые тела. Часы показывали половину десятого. Ни о каком

автобусе уже не приходилось вести и речи. Надвигающаяся темнота и отсутствие транспорта сидящих вполне устраивали. Ева возникшей неопределенности даже радовалась. Ее душа и ее тело отдыхали. Похороны мужа, да и тяжелая дорога в Молихов давали о себе знать. Петька и Ева сидели в темноте и молчали. И это молчание, скорее всего, было условным, а может даже и необходимым. В первую очередь для Петьки «Белого». Уже несколько часов Лесков находился с Евой Крот, с той красивой девчонкой, которую он когда-то встретил в городском парке. Белобрысый мальчишка с первого взгляда влюбился в эту стройную девушку. Ни один день и ни одну ночь мальчишка бредил своей новой знакомой. Она, словно пиявка, впиалась в его сердце и душу. Он даже стал молиться Богу после того, как его мать с радостью приняла знакомую своего сына. День и ночь мальчишка в своей голове прокручивал сотни вариантов всевозможной помощи, которая могла бы хоть как-то облегчить судьбу Евы. Петька светился от счастья когда видел, как молодая Кротиха постепенно находит свое место в жизни. Взрослеющий парень не без оснований считал то, что только Ева может стать его невестой и женой.

Юная блондинка не замечала белобрысого поклонника. Школьник в душе переживал когда видел, как Санька Клюкин, не стеснясь даже его, иногда страстно целовал Еву. Красивая блондинка не только принимала поцелуи курсанта, но и сама отвечала на них. При виде этого Петька себя очень сдерживал, чтобы не разреветься. Волю слезам он давал ночью, когда слышал ровное дыхание спящей матери. Оставшийся наедине со своими мыслями, мальчишка, шмыгая носом, строил поистине детские планы по «захвату» своей любимой. На следующий день Петькины планы рушились, словно карточные домики. Курсант, как и ни в чем не бывало, продолжал целовать Еву, которая, как и раньше, весело смеялась и никакого внимания на Петьку не обращала. Так проходили дни, недели и месяцы...

Особенно тяжело Петька Лесков переживал тогда, когда осенью узнал о том, что Кротиха вышла замуж за молодого лейтенанта Клюкина. Старшеклассник две четверти получал одни только двойки. На уроках на вопросы учителей он не отвечал, а только мирно сидел за партой и наблюдал за тем, что творится вокруг. За низкую успеваемость своего сына Нина Николевна Лескова несколько раз была в кабинете директора. На последнем году учебы вроде бы у Петьки любовь к «противной» Евке поутихла. Он даже в своем классе нашел подобную ей. Танька Колесниченко была также красивой. К тому же и «Калека» на четыре месяца была младше Петьки Лескова. Но увь... Мальчишеская любовь, а может и даже и больше, брала свое. Особенно скучал Петька по своей

«противной» в армии. Сначала молодому солдату было не до мечтаний. На втором году службы у рядового Лескова уже было куда больше времени для любовной «тоски»...

Темнота намертво взяла в свои объятия небольшую деревню. В ее объятиях оказались и те двое, которые продолжали сидеть за столиком. Молодые, как и раньше, большее время молчали. Ева с удовольствием подставляла свое уставшее молодое тело свежей прохладе и своими легкими жадно поглощала все новые и новые «куски» ночного воздуха. Ей казалось то, что этот прохладный свежий воздух в этой небольшой деревушке содержит невидимые не то атомы, не то молекулы человеческой теплоты. И от этого сидящей блондинке становилось еще теплее и радостнее.

Мир ощущений молодой женщины неожиданно нарушил Петька. Он быстро встал из-за столика, и сделав полшага в сторону, упал на колени перед Евой. Чуть заплетающимся и тихим голосом он стал шептать Еве, словно боясь того, что его слова кто-то услышит посторонний:

- Ева, моя голубушка!... Я люблю тебя, ты слышишь меня, моя любимая... Я всю жизнь страдаю по тебе, наверное, ты даже этого не ведаешь. На могиле моей матери я прошу тебя... Будь моей женой. Мама, царство ей небесное, была бы не против того, чтобы мы вместе с тобою жили... Ева я не могу жить на этом свете без тебя... Пойми меня правильно...

Дальше парень ничего не мог сказать. Что-то сдавливало его горло, и слезы, словно маленькие ручейки, текли из его глаз. Объяснения Петьки в своей любви к Еве для той были столько неожиданны, что она быстро выскочила из-за столика и обеими руками крепко схватилась за оградку могилы, в которой навечно покоилась мать Лескова. Некоторое время девушка стояла возле оградки и молчала. Она ничего не говорила тому, кто только что признался в любви к ней. Кротиха никогда и ни при каких обстоятельствах в своей жизни не «брала» в счет Белого. До сегодняшнего вечера она считала его просто порядочным парнем и другом, или просто сыном Нины Николаевны. За все время знакомства этот паренек для нее был просто пареньком и только всего. Ева повернула свою голову несколько назад. Петька, словно сфинкс, стоял на коленях и молчал. Ждал, наверное, ответа от той, которая уже несколько лет не давала ему спокойно жить и дышать.

Ева опять продолжала молчать. И это молчание для двоих было поистине гробовым. В тишине деревенского кладбища, женщине казалось то, что сейчас каждый из них слышит не только стук своего сердца, но и зов своей души. Блондинке было жалко по-женски, а может даже и по-матерински, этого рослого парня, который только что не только объяснился ей в любви, но и просил

ее руки. От этого молчащей было вдвойне больнее. От ее решения сейчас зависело будущее самого близкого для нее человека, который когда-то без всякой выгоды и расчета протянул руку помощи молодой девчонке из глухой деревни. Благодаря этому пареньку, Еву по-матерински приняла и мать Петьки. Нахлынувший поток чувств и жалости к своему спасителю на какое-то время захватил Еву в свой водоворот. Она, даже не осознавая того, что делает, быстро ринулась к Петьке и упав на колени, произнесла:

- Петя, Петруша, я согласна стать твой женой... Я не хочу на этом кладбище прогневить твою мать, моя сиротинушка... Я хочу быть твоей, бери меня... Я не против того, что ты меня просишь...

Блондинка, задыхающаяся от чувств и страсти, больше ничего не могла произнести. Она быстро сняла с себя спортивный костюм, и постелив его на траву, стремительно вытянулась на «ложе». Столь неожиданная реакция Евы ошеломила молчащего Петьку Лескова. Он сам, да и его мозг, еще не могли «проглотить» того, что только несколько секунд произнесла и сделала та, которая, словно заноза, прочно сидела в его душе и в сердце всю жизнь. Парень никогда не ожидал того, что его желанная разденется и сделает ложе для любви. Попытка молодого человека хоть на какие-то доли секунды осмыслить происходящее мгновенно исчезла. Полупьяный мужчина решил использовать слабость своей любимой только сейчас и только здесь. Он быстро вскочил с колен и также быстро снял брюки. Затем Петька, словно боясь опоздать на самое важное событие в своей жизни, мгновенно впился в теплые и просящие страсти губы Евы, которая с нетерпением ждала мужской ласки и силы...

Лесков оказался никудышним партнером. В том, у этого «страдальца» Ева была первой женщиной, она убедилась сразу же. Петька очень долго «колдовал» над бюстгалтером, что не понравилось лежащей на траве женщине. Все эти «прорехи» Ева сейчас ему прощала. Ей в этот момент самой очень хотелось иметь мужчину. Женщина, быстро сняв свои плавки нащупала в темноте член мужчины и ввела его в свое влагалище. Петька как-то неестественно захрапел, и сделав несколько движений, мгновенно ослаб...

Ева, явно недовольная происшедшим, стала гладить его по спине и тихо приговаривать:

- Петя, ты мой дорогой.... Я знаю, что любовь не бывает грешной.... Я думаю и твоя мать это понимает...

Ева еще что-то шептала на ухо рядом лежащему мужчине. Что она еще говорила ему или себе, блондинка и сама не понимала.

Из-за выпитого спиртного женщину все больше и больше тянуло ко сну. Во время сна нагая иногда прикасалась рукой к низу

металлической оградки и нежно гладила холодный металл, надеясь найти в нем в этот момент не то сочувствие, не то взаимопонимание...

Ева с Петькой приехали домой рано утром. Лесков все время молчал и старался не глядеть в глаза своей любимой. Аналогичным образом «отвечала» и Ева. Она прекрасно понимала то, что парень страдает от своей мужской «неопытности». До полудня молодые спали, стараясь наверстать упущенный сон прошедшей ночью. В обед Петька ходил в магазин. Он купил в магазине все то, что написала в своем заказе на бумажке Ева. Лично для Евы парень купил большой букет красных роз. Девушке розы очень понравились. И не только они. В этот вечер Еве нравилось все: и розы, и шампанское, и даже Петька, который стремился сделать эту ночь для блондинки особенной и незабываемой...

После посещения кладбища своей наставницы и того, что там произошло, Петька становился для Кротихи более близким и дорогим. Молодая блондинка, иногда придаваясь откровенным размышлениям, так и не находила ответа на своей же вопрос о том, почему она дала согласие стать женой Петра Лескова. Она дала согласие быть женой того, кого никогда не любила. Кротиха в этот момент жизни себя не понимала. Скорее всего, выстраданное ею в жизни и очередные обстоятельства заставили молодую девушку протянуть руку этому парню. Петька, как и Ева, остался без родителей и звезд с неба не хватал. В отличие от блондинки он имел только жилье в хрущевке. И не только. Ева с каждым днем понимала то, что сын умершей наставницы по-настоящему любит ее. Каждый день, несмотря на то, что он еще не работал, мужчина изыскивал деньги на розы. Ева с благодарностью принимала дорогостоящие цветы, и мило улыбаясь, говорила:

- Спасибо, мой покровитель... Спасибо мой спаситель... Спасибо, моя сиротинушка...

Петька на эти слова не обижался. Каждый пристально заглядывал друг другу в глаза и радовался тому, что у них произошло. Особенно был счастлив Петька, который в своей подруге жизни и души не чаял. Ева, как таковой, свадьбы не хотела, как и не хотела расписываться в ЗАГСе. Лесков перечить не стал, хотя в своей душе он очень сожалел, что его любимая не хочет стать «законной» и на бумаге.

Первый месяц молодая пара прожила без сучка и без задоринки. За две недели молодожены сделали капитальный ремонт квартиры. Квартира была небольшая и не ахти современная, но жить в ней было можно. В магазинах практически ничего для настоящего ремонта не было. Все было куплено на «черном» рынке и втридорога. За все это платила Ева.

После ремонта квартиры Петька Лесков стал настойчиво искать работу водителя, так как другой специальности у него не было. Через неделю он устроился водителем на асфальтном заводе. Зарплата была небольшая, но Ева на это нисколько не обижалась. За квартиру платили своевременно, на кусок хлеба также хватало. Однако хотелось жить лучше. Самым большим желанием было для Лескова иметь троих сыновей, и чтобы все они были «мужиками». Уже после месяца совместной жизни Петр стал докучать своей жене тем, что он хочет в скором будущем иметь сына. Ева желание мужа не только слушала, но и чувствовала во время постельных «баталий». В это время мужчина особенно неистовал, что женщину не только страшило, но и причиняло ей боль. Петька таким образом старался сделать все «необходимое» для сына, первенца. Прошло три месяца, потом еще полгода. Еву никто и ничто не тошнило. Без проблем она продолжала составлять застолье для мужа и его друзей, которых у водителя было хоть отбавляй. Не реагировала Ева и на всевозможные намеки своего мужа.

После девяти месяцев совместной жизни Лесков решил основательно заняться проверкой «детоспособности» своей любимой. Ева и сама не была против посещения гинеколога. На прием к врачу пошел и Петька. Врач-гинеколог, мужчина лет шестидесяти с копной седых волос на «козле» за перегородкой долго крутил красивую пациентку. Тщательно вымыв руки после осмотра, седой мужчина начал что-то записывать в свой бумажный «талмут». После того, как блондинка оделась и присела на стул рядом со своим мужем, гинеколог громко произнес:

- Ну, что ж, товарищ мужчина, могу Вас обрадовать... У Вашей жены есть все возможное для рождения детей... Думаю то, что надо просто время...

Произнеся свой «приговор», врач спокойно закрыл свой «талмут», и также спокойно покинул свой кабинет. Петька от «диагноза» несколько даже опешил. Его подспудные мысли о «бракованной» жене рухнули. Через полгода семейная парочка опять пришла на прием к гинекологу. Опытный специалист и на этот раз был на «стороне» представительницы слабого пола. Визиты к врачу в конце концов сняли подозрение у Петьки к своей жене. Через два года Лесков решил взять «вину» на себя и стал грозиться тем, что он пойдет к урологу или к бабке-повитухе. Время бежало неумолимо быстро. Мужчина ни к кому не ходил, так как очень стеснялся показать кому-либо свое мужское «хозяйство». Такое состояние дел устраивало Еву. Она просто-напросто не хотела иметь детей. Женщина радовалась тому, когда половой «неудачник» сползал с нее и в который раз «кастерил» себя за «неполноценность». Кротиха, дабы хоть в какой-то мере поднять

моральный тонус своего сожителя, ласково гладила руками по его ягодицам и тихо ворковала:

- Петь, Петя, Петушок, не печалься, все будет нормально...

Ничего «нормального» у них не получилось и через три года совместной жизни...

Петька, признав свое поражение на «детском» фронте, решил сильно «припахать» и купить себе машину. Мужчина перешел на жесткий режим экономии. Купить в более кратчайшие сроки «железного» коня мешала Ева. И она мешала совсем непреднамеренно, покупая всевозможные дефициты из одежды и обуви. Тех тряпок и обуви, которую она купила в ГДР, ей бы хватило ни на один год. Беда состояла в том, что контейнер-трехтонник во время «кругосветного» путешествия по железной дороге сообщением Магдебург-Чита-Молихов по неизвестным причинам затерялся. После трехмесячного «законного» ожидания женщина начала энергично звонить на грузовую станцию «Молихов-Грузовой». Там попросили бывшую «германку» немного подождать. Прошло еще два месяца. Женщина позвонила опять, просили опять подождать. Поняв бессмысленность обещаний местных чиновников, Ева начала писать бумаги во всевозможные инстанции и ведомства, которые хоть каким-то образом были связаны с железной дорогой. В итоге бумажной волокиты вместо контейнера пришел ответ из министерства путей сообщения СССР с подписью заместителя министра. Чиновник, как и клерки на местах, сообщал о том, что поиски контейнера ведутся и вскоре он будет доставлен на место проживания получателя. Еще через год у получательницы заграничных «шмоток» пропало всякое желание не только писать, но и что-то получать. Какой-либо компенсации Ева также не получила...

Желание мужа купить автомашину у Евы особого энтузиазма не вызвало. Сама она не работала, а на «остатки» зарплаты Петра такое «животное» можно было купить только через полста лет, и то, если ничего не кушать. Петька все же семейные и финансовые проблемы начисто отметал. Мужчина понимая то, что на старом самосвальчике больших денег не заработаешь, стал искать высокооплачиваемую работу. Зимой устроился работать в автоколонну, в которой получил новый «КАМАЗ» и стал «дальнобойщиком». За «дефицитное» место и новую машину на «лапу» дал двести рублей. В погоне за длинным рублем мужчина очень редко был дома. Первые дни и недели Ева даже скучала по мужу. Потом стала привыкать. Зимой еще как-то ни шло. На улице рано темнело и поэтому Ева, немного посмотрев телевизор, сворачивалась «калачиком» на двухспальной кровати и сразу же засыпала.

В некоторые зимние длинные вечера женщина предавалась размышлениям о своем прошлом, стремилась заглянуть и в будущее. В этом будущем она почему-то рядом с собой не видела Петра Лескова. Даже несмотря на то, что он, ее муж не на бумаге, был вполне порядочным мужчиной и человеком. Петька не курил, умеренно и пил. Зарплату всю до единой копейки приносил домой. Еве это очень нравилось. Она постепенно привыкала и к кое-каким его причудам. Некоторые из них Еве даже нравились. Не успевал Петька в день полочки и перешагнуть порог своей квартиры с тощей пачкой красненьких купюр с изображением Ленина, он сразу же кричал:

- Ева, одевайся. Такси уже подано...

Еве ничего не оставлось делать как помогать реализовывать чудачество своего мужа и садиться в такси. Путешествие по городу на «тачке» стало жизненной потребностью молодого человека. Петька, как настоящий джентльмен, под всеобщий обзор глазющих жильцов пятиэтажной «хрущевки» садил свою красивую «красавицу» в машину и сразу же давал таксисту ровно три рубля. Не больше и не меньше. На эти деньги водитель возил семейную пару по городу. И не дай Бог, если таксист не укладывался в «финансы». Ежели «водило» немного «перебарщивал», то Петька ему не доплачивал. Если было наоборот, то заказчик без всякого стеснения требовал сдачи до последней копейки. Больше всех Лесков любил такси «Волгу»- ГАЗ-21. Любил эту машину и все. При всем при этом не смотрел на новые «Волжанки», снующие перед его носом.

Междугородние рейсы Петра значительно прибавляли семейный бюджет. «Золотой» червячок постепенно стал притягивать и Еву. Она решила работать. К тому же естественного прироста в семье не предвиделось. Недельное хождение по различным организациям в поисках работы для блондинки не увенчалось успехом. Причиной этому была «необразованность» красивой блондинки. Работать где-нибудь в прачечной и глотать клубы пара, или выносить горшки в детском садике молодой женщине с привлекательной внешностью не хотелось. Занять руководящие или хоть чуть-чуть «хлебные» места молодой блондинки не позволяло отсутствие у нее какого-либо диплома или «блата».

Всяческие дефициты, свободно гуляющие по обширной территории страны Советов, а также неожиданно появившееся у нее желание, как и у Петра, купить машину, заставили Еву вновь идти по торговой стезе. И поэтому она решила заглянуть в некогда родной «Тополек».

За время отсутствия «шоколадной» Евы «Тополек» значительно внешне изменился. Некогда обшарпанные стены были

аккуратно покрашены, более привлекательной стала и реклама. Новостей внутренних в магазине было очень много. Некоторые были для блондинки и неожиданны. Директор магазина Багдасарян буквально за неделю до прихода Кротихи скончался. Причины его смерти из работников магазина никто знал. Из окружения старого босса осталась только Наталья Сергеевна, заместитель директора магазина, в прошлом продавец ликеро-водочного отдела. Бышая любовница армянчика с большой теплотой встретила Еву и сразу же повела знакомую в свой кабинет. Через пару минут две блондинки сидели за столом и пили горячий чай с бубликами. За чаем каждый по-женски изливал свое житейство. Ева старалась как можно короче и меньше рассказывать о себе. Она очень боялась того, что «прожженная» подруга может ее кое-где поймать на голом вранье.

Узнав о том, что муж Евы, офицер Клюкин погиб при исполнении служебного долга, Наталья Сергеевна тихо всплакнула. Слезы на всю «катушку» «раскололи» сердце и душу еще далеко не старой женщины. Через час Ева все знала о прошлом и о настоящем магазина «Тополек». Кое-что узнала она и из личной жизни замдиректора. Наталья Сергеевна, как и Ева, совсем недавно потеряла своего мужа. «Козел» погиб по пьянке при «исполнении» служебных обязанностей. Произошло это зимой во время разгрузки ликеро-водочной продукции. Водитель машины, изрядно промерзнув, решил забежать в магазин для короткого обогрева. Грузчики тем временем выгружали ящики. «Козел», как всегда, был пьяный. Напарник, не сообщив своему коллеге о том, что хочет подогнать машину ближе к выходу, где складировались пустые ящики, залез в кабину и завел машину. Полупьяный «водитель» вместо передней скорости включил заднюю и практически раздавил Николая, который сидел на небольшом стульчике и потягивал вино в метре от задней части машины. Погибшего хоронили всем торговым «скопом». Речей и цветов было море. И эту поистине отцовскую заботу о погибшем грузчике проявил директор Багдасарян Иван Иванович. Благодаря ему в областной газете даже был напечатан некролог, в котором все торговые работники области, а также коллектив магазина «Тополек», борющийся за звание коллектива коммунистического труда, глубоко скорбили по поводу безвременной кончины своего коллеги. Сам же заботливый «отец» по словам крашенной блондинки скончался от инфаркта.

Ева покидала магазин радостная и строила большие планы на свое будущее. И не без оснований. Заместитель директора такого престижного магазина, даже несмотря на некоторые «шереховатости» отношений в недалеком прошлом, заверила

блондинку в том, что через неделю Ева может приступить к работе продавцом в ликеро-водочном отделе. Сейчас там работал мужчина, довольно неприятный, да к тому же очень воровитый. Каждый день он приходил к Наталье Сергеевне с жалобами о том, что кто-то из работников магазина ворует у него водку и обязательно в тот момент, когда он посещает туалет. «Потери» в некоторые дни составляли до пяти бутылок.

С первого дня своей работы «водколей» исчезновение спиртного сваливал на грузчиков. Вскоре все это им надоело и они решили восстановить свое честное имя и статус. Однажды, когда «пострадавший», лихо запрыгнув в новенький «Жигуленок», стал прикуривать, дабы получить удовольствие во время езды, двое мужчин преградили ему дорогу. С явно перекошенными физиономиями мужчины стали просить водителя открыть багажник. Тот наотрез отказывался это сделать. Мало того. Продавец грозился позвонить в милицию, дабы избавиться от «вонючих» грузчиков. До милиции дело не дошло. Мужчины насильно забрали ключ от машины и открыли багажник, в котором было пять бутылок водки. «Потери» за неделю продавец хотел испить в субботу в родной деревне у родителей после теплой баньки. Не хотел иметь проблем с недобросовестным продавцом ликеро-водочного отдела и новый директор магазина.

Сидя в автобусе и подставляя свое лицо первым лучам весеннего солнца, Ева прекрасно понимала то, что без знакомств и без «блата» в этом обществе жить невозможно. Без этого не стала бы заместителем шефа и Наталья Сергеевна, не получила бы «престижное» место и Ева.

Петька был от счастья на седьмом небе, когда узнал о том, что Ева будет работать в ликеро-водочном отделе. Соскучившись по женскому телу за недельное отсутствие, и взбодренный приятной новостью от своей жены, мужчина как никогда был нежен и жаден до Евы. Это радовало блондинку. Женщина радовалась и за подарки, которые привез ей муж, а также и за «левые» деьги, заработанные им во время перевозки попутных пассажиров и вещей. После постели молодая пара села за стол и с большим удовольствием пропустила несколько рюмочек водки, которая «шла» словно по маслу с крепкими солеными грибочками. За столом Петька, словно мальчишка, строил планы по накоплению денег для покупки машины. Против «планирования» не была и Ева, которая также, как и ее муж, все чаще и чаще с завистью смотрела на тех, кто с независимым взглядом пролетал по залитым водой дорогам на самом престижном «источнике роскоши».

На работу Ева Крот устроилась не через неделю, как обещала Наталья Сергеевна, а только через месяц и то с большим

трудом. Виной этому был новый директор магазина. Любовница умершего шефа не ожидала того, что она, как первая «леди» знаменитого в городе «Тополька, окажется не в почете у новой «метлы». За те два года, когда она стала заместителем директора и иметь отдельный кабинет ни одна более или менее смазливая особа без ее ведома не встала за прилавок. Кухаркина отсеивала своих соперниц мгновенно и без всяких причин. Она очень боялась того, что ее роль «первой леди» у директора кто-то перехватит. После гибели Николая шеф уже без всякого стеснения в своем кабинете «лапал» свою замшу. В магазине все эти проделки знали и все молчали. Никто не хотел терять «хлебное» место. Каждый день в дверь кабинета заместителя директора стучали, кто очень осторожно, а кто-то и очень сильно. С жалобами на обсчет или на обвес обращались многие покупатели. Наталья Сергеевна с очень умным и важным видом выслушивала «ходовков». Многих успокаивала, обещая своих нерадивых подчиненных наказать. Если кто-то из покупателей был разъярен или угрожал обратиться в милицию или ОБХС, а то и грозился физически расправиться с «ворюгами», начальница после краткой беседы с пострадавшим, выдержанной в духе партийных требований, шла в отдел, где совершилось правонарушение. «Воспитание» достигало цели. Продавец, случайно совершивший «ошибку», принимал «правильную» стойку и вид, что импонировало начальнице, и также вызывало явное удовольствие у тех, кого незаконно обсчитали или обвешали. На следующий день, а то и через час, аналогичная картина повторялась.

В понедельник, как и было договорено с Кухаркиной, Ева уверенно постучалась к своей подруге. Наташа, мило улыбнувшись и тепло пожав руку вошедшей, несколько угрюмым голосом промолвила:

- Ева, тебе хочу несколько подпортить наше настроение. Эта старая вобла даже не хочет о тебе говорить. Шеф решил сам заниматься кадрами в нашем магазине. Наверное, кое-что пронюхал про наше старые делишки и поэтому ставит своих людей... Я тебе советую немножко подождать, когда эта вобла утихнет... Ты, Евонька, нисколько не переживай, я тебе помогу трудоустроиться... Мы с тобою всегда понимали друг друга, ведь мы подруги...

После неудачного визита к Кухаркиной Ева сначала сильно огорчилась, но ненадолго. Она прекрасно понимала, что иногда надо и переждать для того, чтобы получить лакомый кусочек в этой непростой жизни. Не получила Ева «добро» на встречу с «воблой» и на следующий понедельник. В этот день директор магазина принимал по личным вопросам. Наталья Сергеевна,

сделав физиономию естественной мученицы, в очередной раз промолвила:

- Ты, понимаешь, Евушка, он опять ничего не хочет слушать о тебе. Эта старая вобла ссылается на то, что он все занят. Наверное, надеется на то, что и старый продавец может неплохо работать... Я ведь знаю, что на вверенной мне точке дела не блещут...

Очередной «провал» с визитом к директору очень сильно расстроил Кротику. Она даже домой не поехала на автобусе, а пошла пешком по городу. Женщина взвешивала все за и против в этой сложившейся ситуации. Деньги семье были нужны позарез. Иметь престижную «тачку» хотела и Ева, которой уже порядком надоели эти грязные автобусы с полупьяными и вонючими пассажирами. «Прокрутила» в голове блондинка и поведение своей новоиспеченной «подруги». Появившееся подозрение в недобропорядочности Кухаркиной, укрепилось у Евы дома. Целую ночь она обдумывала план своих действий и пришла к однозначному выводу. Идти в кабинет к директору надо без «блата». «Прыгнуть» через голову Натальи Сергеевны женщине помог случай.

Через неделю Ева опять постучала в кабинет своей подруги. И в очередной раз получила отказ. Со старой миной замдиректора сообщила блондинке о том, что шеф уже вплотную обдумывает план перестановки своих кадров. Затем женщина со слезами на глазах сообщила о том, что она завтра выезжает на Украину на похороны брата и вернется где-то через пару недель. Ева, услышав эту информацию, для приличия даже пустила слезу и выразила соболезнование своей подруге.

Следующий понедельник Кротику ожидала с большим нетерпением. Проснувшись она утром рано, когда первые лучи июньского солнца начинали только опускаться на землю. Приняв ванну и приведя себя в надлежащий «марафет», женщина неспеша пошла на остановку. Без пяти минут девять она стояла возле двери кабинета директора магазина. На какой-то миг ей представился первый визит, который она несколько лет назад еще смазливой девчонкой наносила Ивану Ивановичу Багдасаряну. Эти воспоминания прибавили молодой женщине уверенности и она решительно постучала в дверь. Услышав дежурное «Да, войдите», посетительница открыла дверь и переступила через порог. Ева значительно смелее, не так как в молодости, когда она заходила сюда, словно маленькая букашка, произнесла:

- Здравствуйте, товарищ директор... К Вам можно по личному вопросу?...

Желание у Евы назвать имя и отчество директора почему-то отпало. В начале приема женщина считала это делом не нужным.

Директор через несколько секунд этот «пробел» восполнил. Сидящий за столом мужчина, которому было уже за сорок, быстро встал из-за стола и походкой, напоминающей полустревой шаг военного человека, быстро подошел к Еве. Шеф крепко пожал руку девушке и уверенно произнес:

- Еще раз здравствуйте... Меня зовут Иван Петрович Чурсин. В занимаемой должности совсем немного... По какому вопросу пришли? Что изволите спросить?...

После этих вопросов мужчина легонько взял вошедшую женщину под руку и усадил ее за стол. Такой «сервиз» по-военному подтянутого человека, не только обнадежил Еву на положительный разговор, но и даже несколько рассмешил. Заразительная улыбка красивой блондинки, в свою очередь, рассмешила Ивана Петровича. Директор встал из-за стола, и вытащив из небольшого холодильника бутылку «Боржоми», налил воду в два небольших стаканчика. Ева от воды не отказалась. Даже мимолетное «знакомство» с внешностью директора вызывало у блондинки явную симпатию. Ей сразу понравился этот еще молодой мужчина с короткой стрижкой «ежик» и с несколько суровым лицом. Особенно нравились женщине черные глаза шефа, которые, как ей казалось, пронизывали ее до самых пяток.

Узнав цель визита очаровательной блондинки, директор громко засмеялся. Этот смех сначала очень расстроил Еву. Она даже подумала о том, что Кухаркина просто-напросто хотела ее разыграть и только. Сомнение во лжи Натальи Сергеевны рассеялось через несколько секунд. Чурсин, вдоволь насмеявшись, серьезно произнес:

- Ева Петровна, я теперь знаю откуда утечка секретной информации произошла. Эта Наталья Сергеевна везде успевает насудачить. Я ее просил никому о моих планах или кадровых перестановках не говорить. Я еще с ней поговорю. Да и эта искусственная блондинка так и липнет ко мне, дабы завоевать доверие. Я от кое-кого об ее «достоинствах» с умершим наслушался.... Я даже Вам, Ева Петровна, как незнакомой женщине, скажу прямо и откровенно. Мне нужны надежные кадры всех полов и возрастов, да и к этому нас призывает партия...

На некоторое время мужчина замолчал, потом весело рассмеялся. Ему самому очень понравилось последнее предложение, где он увязал «полы и возрасты» с руководящей ролью партии. Ева, несколько осмелев, поддержала смех директора. В дальнейшем у нее с директором разговор получился далеко не производственный. Иван Петрович, словно забыв о цели визита красивой блондинки, начал рассказывать кое-что из своей жизни. Узнав о том, что Чурсин только что как год назад уволился из рядов

Советской Армии в звании подполковника и получает пенсию больше двухсот рублей, Ева решила кое-что рассказать о себе и о погибшем муже. Только через час посетительница Ева Крот покинула кабинет «воблы». Чурсин на прощание тепло пожал руку блондинке и с некоторой загадкой шепнул ей на ухо:

- Ева, у Вас есть возможность в этом магазине занять все должности, кроме директора и дворника. Ты прекрасно понимаешь, я тоже хочу кушать кусок хлеба с маслом... Тебе же работать дворником с такой фигурой и с такой красотой и по уставу не положено...

Ровно через неделю Ева Крот принимала все спиртное, которое находилось за прилавком и в подсобном помещении ликеро-водочного отдела. Женщина считала все и вся с особым усердием. По своему опыту, да и понаслышке от работников торговли, она боялась в первый день своей работы «пролететь». Только к вечеру сдающий и принимающая дела с целой кипой бумаг постучались в кабинет директора. Чурсин, немного полистав бумаги, с улыбкой подписал «бегунок» увольняемому. Со слезами на глазах полупьяный, бывший продавец сухо произнес дежурное «До свидания» и быстро вышел из кабинета. Мужчина при этом со злостью хлопнул дверь.

Ева радостная и счастливая от того, что она с этой минуты имеет престижную работу, несколько покачиваясь на высоких каблуках своих туфель, стояла перед директором. Всем своим видом и глазами она выражала преданность новому шефу. Мужчина в это время сидел за столом и внимательно смотрел на ярко накрашенную женщину. У блондинки в этот момент голубые глаза были настолько томными и жалостливыми, что у Чурсина на какой-то миг возникло желание подойти к этой блондинке и поцеловать ее в губы. Однако он этого не делал. Директор решил сейчас соблюсти субординацию. Мужчина, отступив от томных мыслей, строго посмотрел на новую продавщицу ликеро-водочного отдела и также строго сказал:

- Ева Петровна, теперь можно подвести и итоги... Вы, думаю меня правильно понимаете, что Вы теперь моя кадра... Я надеюсь на то, что у нас теперь все будет идти правильно как по служебной линии, так и по другой...

После сказанного, которое было явно не законченное и с каким-то намеком, директор прямо посмотрел в глаза своей подчиненной. Ева стояла навтыжку. В ее глазах, как и прежде, горел огонек страсти и преданности. После некоторого раздумья женщина тихо произнесла:

- Я, Иван Петрович, Вас очень хорошо и правильно поняла... Директор, облегченно вздохнув после этих слов, также тихо

добавил:

- Я очень рад, что мои подчиненные правильно меня понимают... От этого понимания не только мне, но каждому из нас веселее и лучше живется...

Кухаркина приехала через две недели. Она никак не ожидала того, что смазливая блондинка будет работать в ведущем отделе. Женщина долго цокала языком и все нахваливала белый халат и накрахмаленную белую шапочку на голове новой продавщицы. Замдиректора, словно заводной будильник, то и дело тараторила:

- Ба, Евчик, я даже не ожидала того, что эта «вобла» так быстро тебя возьмет на работу. Я очень рада, что у нас все так получилось... Эта «вобла» сначала никак не хотела брать даже тебя...

Дежурное заискивание Кухаркиной перед Евой длилось недолго. Блондинка понимала то, что Наталья Сергеевна просто-напросто юлит и сама боится попасть в немилость директора. Слово «вобла» женщина произносила очень тихо и при этом озиралась по сторонам, словно загнанная лиса. Ева страх Кухаркиной понимала и продолжала дежурно улыбаться, стремясь как можно пошире раскрыть рот, дабы показать своей сопернице два ряда абсолютно ровных и идеально белых зубов. Наталья Сергеевна широкою улыбку «экономила» и не про причине того, что она не хотела так улыбаться. Экономия происходила по техническим причинам. «Товарный» вид улыбки портили три передних зуба внизу, которые были кривыми, но и почему-то от природы «выдвинулись» вперед. Женщина ходила несколько раз к зубному врачу, но тот оказался бессильным что-либо сделать. Вырывать родные зубы крашенная блондинка не хотела. Старый директор и с этими зубами ее «трахал», а мужа своего она никогда в счет не брала...

Ева Крот на «спирте» проработала неделю, потом месяц. Она постепенно втягивалась в работу, которая ей даже нравилась, особенно вечером, когда возле прилавка собиралась большая толпа мужчин, желающих как можно скорее «отовариться» жизненно необходимым товаром. От своих покупателей блондинка узнавала все новости как местного, так и международного масштаба. Не обходилось и без нервотрепки. Полупьяные мужики иногда хотели обслужиться вне очереди. Трезвые или «обиженные» были против нарушения социальной справедливости. Они часто не только смачно матерились, но и пускали вход кулаки. Продавщице было все это до «лампочки».

Ева знала то, что «веселые» покупатели давали «левых» денег чаще и больше. Эти деньги добывались ею разными приемами и способами. Не последнюю роль в этом играла ее природная красота. Многие из мужчин в знак «уважения» красивой блондинке

оставляли после расчета за спиртное несколько копеек сдачи. Кое-кто оставлял и рубли. Находились и «толстосумы», которые покупали у Евы бутылку коньяка или шампанское и здесь же дарили все это красивой продавщице. В стане ценителей красоты молодой блондинки однажды оказался целый народный артист из оперного театра. Мужчина не только хорошо «закладывал», но и оказался порядочным ухажером. Ева, впервые увидев неказистого мужичка, которому было уже далеко за полвека, никак не могла представить себе того, что он так сильно в нее «втрескается». Носитель искусства на второй же день во время покупки коньяка приподнес очаровательной блондинке большой букет красных роз. Через день Карл Янович принес продавщице билеты на театральное представление. Любовной истории с актером у Евы не получилось. Она во время очередного визита артиста вежливо отказалась от его очередных билетов и так же вежливо напомнила о том, что она мать троих детей, и у нее есть муж, который работает в милиции. «Версия» моментально подействовала на лавеласа. Мужчина с улыбкой извинился перед женщиной за «неудобства», мило откланялся и тотчас же покинул магазин. Ева никогда больше не видела артиста в своем отделе.

Ева понимала мужчин и часто просто заигрывала с ними. Молодая и смазливая блондинка некоторым мужчинам щедро дарила обворожительные улыбки, от которых у них, наверное, не только кружилась голова, но, вполне и возможно, происходило что-то другое... Кое-кто из покупателей в отделе «случайно» забывал кошелек или еще что-то. «Рассеянный» приходил за пять минут до закрытия магазина. Мужчина, извиняясь за свою забывчивость, через минуту предлагал свои услуги по транспортировке блондинки в любую точку города. Ева от этих услуг не отказывалась и использовала почитателей ее красоты и любителей спиртного на всю катушку. Домой она очень редко ездила на общественном транспорте. Путешествие на «такси» заканчивалось доставкой ослепительно красивой женщины до самого подъезда, где она проживала. Некоторым «таксистам» красавица позволяла на прощание поцеловать себя в щечку. Больше Ева никому и ничего не позволяла. Дома, когда не было мужа, блондинка отдавалась сладостным мечтам, которые были связаны с тем или иным «таксистом». От этих мечтаний женщине становилось невмоготу и она начинала мастурбировать...

Красота Евы, как и пять лет назад, стала существенно влиять на экономические показатели ликеро-водочного отдела. Очень часто Ева заходила в кабинет директора и просила его увеличить поставку спиртного в отдел. Чурсин тотчас же брал телефонную трубку и звонил на ликеро-водочный завод.

День выдачи зарплаты женщина ждала с особым нетерпением. В этот день у нее был «генеральный» сбор всех источников доходов. Свои деньги Ева мужу не показывала. Она еще и сама до конца не могла определиться в жизни с этим человеком. Недельные командировки Лескова довольно часто приводили женщину к философским размышлениям. После того, как Кротиха стала работать, у нее стали появляться и большие материальные запросы. Она считала то, что Петька не только должен «пахать» на машину, но и он же не должен забывать и о желаниях своей любимой. Убогость металлической кровати и скрипучего шифоньера вызывали гнев и раздражение у молодой особы. Она на эти «дефекты» Петьке неоднократно жаловалась. Тот долгое время не сдавал своих позиций. Мечта купить «тачку» была превыше всего для молодого мужчины.

Кротиха, превратившись из домохозяйки в работающую женщину, решила в корне изменить свою тактику по отношению к Петьке. Раньше не успевал еще муж перешагнуть порог квартиры, как она сразу же посылала его в ванну. Через десять минут подмытый и смачно надушенный тройным одеколоном, мужчина прыгал в кровать, в которой во «всеоружии» лежала в чем мать родила ярко накрашенная любимая женщина. Петька очень любил слизывать помаду с губ Евы. Эта помада значила для него больше, чем стакан водки или самогонки...

Мудрость Евы по выколачиванию денег у мужа дала свои результаты и довольно быстро. Лесков из очередной «дальнебойной» командировки вернулся, как всегда, усталый и грязный. Мужчина, перешагнув порог квартиры, на этот раз почему-то должного «сервиса» не увидел и не почувствовал. Ева встретила его в домашнем халате. На лице хозяйки также не было должного «марафета» и «штукатурки», что принизило половую страсть вошедшего водителя. Никто его не поцеловал даже и в макушку головы. Петька все эти «грехи» красивой жене простил. Не помогло мужчине и тщательное подмывание. К тому же блондинка не соизволила своему муженьку потереть ему спинку. Любовное «ложе» на этот раз также делал Лесков сам. Жена в постель к мужу пришла только через полчаса. За это время Петруня, страстно ожидавший свою партнершу, просто-напросто «перегорел». В кровати Ева вела себя, как разъяренная пантера. Она, дежурно чмокнув своего желанного в его маленькую плешинку на голове, повернулась к нему спиной и тихо проговорила:

- Петенька, у меня сегодня что-то живот болит... С самого утра я уже около десятка раз на унитаза сидела... Вот сейчас опять приспичило...

После этого женщина прытью ринулась в туалет. В туалете

Ева своих естественных надобностей не оправляла, а просто сидела на унитазе и стригла себе ногти. Понос жены, хотя и чертовски красивой, особой половой страсти у мужа не вызвал. Лесков, несолонно хлебавший, повернулся на бочок и через пару минут мирно захрапел...

Ева же в эту ночь не спала. Она все время думала о спальном гарнитуре, который ей обещал достать один довольно упитанный покупатель. За услугу мужчины дополнительных денег не собирался брать. При этом «доставало» жадно жрал глазами блондинку, будто только что он свалился с Луны в стадо земных женщин. Желание купить спальный гарнитур и вынудило Еву разбудить своего мужа. Тот, узнав о том, что его любимая хочет купить дорогостоящий гарнитур и без переплаты, только теперь понял капризы своей жены. Мужчина опустил ноги на пол, и почесав затылок рукой, неспеша направился в сторону кухни. Ева не стала следовать за мужем. Она прекрасно знала о том, что хозяин имеет «заначку» денег и прячет их где-то на кухне. Ева пыталась несколько раз найти «сберкнижку», но все было тщетно. Через десять минут Лесков принес ровно тысячу рублей. Ровно столько стоил гарнитур. «Тачка» от Петра «убегала» все дальше и дальше. Ева, быстро спрятав деньги в зале за небольшой ковер, который висел на стене, сразу же вернулась в постель к своему мужу. Лесков лежал голый на белой простыне и вполне заслуженно ожидал «оплаты». Опытная женщина с расчетом не стала временить, и крепко обняв свою половинку, со смаком поцеловала мужчину в губы. В эту ночь они долго не спали...

Ева на следующий день позвонила «блатному» и через три часа трое мужиков внесли в ее квартиру очень дефицитный «товар». Хозяйка сияла от счастья на зависть соседям и прохожим. Лесков пришел домой только вечером, и притом прилично пьяный. Жена его за это не ругала. Она понимала, что Петька с этим гарнитуром солидно разорился. Дабы в очередной раз не будить «зверя» из-за этих денег, Ева, легко хлопнув своего мужа по макушке, ласково прошептала:

- Иди, мой светик, помойся в ванне... Я тем временем, мой Петюня, все нам приготовлю на нашей новой постели... Иди, мой дорогой и любимый...

Муж от слов жены раскрыл рот до самых ушей. Ему даже казалось то, что он вот-вот проглотит весь новый спальный гарнитур. Пока хозяин брызгался в ванне в предвкушении «сладкого удовольствия», хозяйка с радостью застилала новой простыню широкий и длинный матрас нового гарнитура. Затем женщина быстро разделась донага и с удовольствием растянулась в постели... Через несколько минут из ванной комнаты в спальню

продефилировал Петруня...

Через пару дней Петр Лесков опять отправился в дальний рейс. Пошел в рейс вне очереди. Ради этого он даже купил большую коробку шоколадных конфет диспетчерше. Раньше он этого никогда не делал. Сейчас же из-за прибыльного рейса, он решил последовать примеру других водителей. В этот рейс Петька Лесков уезжал далеко и надолго. Перед отъездом Петька носился по дому, словно на крыльях. В надежде на хороший заработок и «левые» деньги, он в последнюю ночь так усердно «трахал» свою красивую блондинку, что Ева, ласково поглаживая руками спину своего мужа, серьезно приговаривала:

- Петушок мой... Ты, пожалуйста, так сильно не усердствуй... Вдруг сердце не выдержит... Кто мне тогда деньги будет зарабатывать?...

Петька в ответ на это только смеялся, и наоборот, прибавлял «жару», от которого Еве становилось очень хорошо и томно...

На второй день после отъезда мужа, Еву Крот после окончания работы вызвал директор магазина. Блондинка сразу же заметила то, что сегодня ее шеф необычно возбужден. Лицо мужчины светилось радостью. Чурсин к тому же был одет в дорогостоящий костюм черного цвета с белой рубашкой. К лицу ему был и черный галстук с белыми полосками. Продавщица сразу же поняла, что шеф был в верхах, и там его за хорошую работу даже похвалили. Аналогично вел себя и умерший Багдасарян.

Ева в своих предположениях не ошиблась. Усадив Еву за стол, директор сразу же блондинке выпалил:

- Я сегодня был там... У меня все даже в ажуре... Нашу работу не очень замечают те, кто очень сытый и обеспеченный. Жаль то, что сытые и голодные все равно считают нас жуликами и ворами. Ты же сама видишь, что это далеко не так. Ну, что ты, Ева, можешь украсть в своем отделе, кроме пустых бутылок?

После своего вопроса Чурсин весело засмеялся, потом подошел к холодильнику. Открыв дверцу, мужчина вытащил бутылку армянского коньяка. Через пару минут на директорском столе появилась и закусь. После выпитой рюмки коньяка шеф «напал» на маринованные огурчики. Такой деликатес у Евы вызвал смех. Директор на это прореагировал по-своему:

- Ева Петровна, я вижу и ты изучила все мои премудрости. Кроме огурчиков, я очень люблю гречневую кашу с мясом. Этого богатства за свою службу я довольно много скушал...

Дальше шеф не стал впадать в подробности армейской кухни. Налив очередную порцию коньяка, мужчина произнес:

- Ева, давай выпьем за нас. Для меня в этой жизни самое главное здоровье и такие женщины, как ты, Ева... Одним словом, за

нас с тобою...

Тост шефа продавщице понравился. Только через два часа после закрытия магазина Ева с шефом вышли из магазина. На улице было уже довольно темно. Чурсин, несколько пошатываясь, подошел к своему новому «Жигуленку» и открыл дверь. Ева стояла в двух метрах от машины и ждала то, что будет дальше делать с ней этот мужчина. Иван Петрович, сев за руль автомашины, с наслаждением закурил. После нескольких затяжек директор через окно дверцы весело произнес:

- Товарищ Крот! Я думаю, что Вы не против того, чтобы я Вас до дому довез.... А ну, быстрее прыгайте в машину. Я тебя довезу до твоего подъезда с ветерком...

Посмотрев на женщину, которая продолжала стоять и молчать, он опять добавил:

- Сегодня моя жена уехала к родственникам на целый месяц... Неужели такая красивая женщина не хочет сгладить мне старику мое вынужденное одиночество?..

Ева себя больше не стала упрашивать. Блондинка знала то, что благодаря этому человеку она имеет работу и приличные деньги. Кротиha, весело смеясь, быстро открыла дверцу машины и также быстро села на сидение рядом с водителем. Под громкий смех находящихся в машине, «Жигуленок» весело «пукнул» и быстро понесся по улице. В этот вечер Чурсин Еву Крот домой не повез, а повез к себе на квартиру. В том, что сегодня Ева будет принадлежать своему шефу, она поняла тогда, когда «Жигуленок» пересек трамвайную линию и направился в тот район города, где в основном проживали «белые» люди. Директору поведение блондинки понравилось. В этот вечер после выпитого коньяка в его кабинете девушка показалась ему как никогда очень красивой и податливой. Водитель, уверенный в своем успехе, без всякого стеснения правой рукой стал гладить стройные ноги пассажирки. Ева на это никак не реагировала. Шеф вовсе осмелел и стал наполовину снимать белые плавки блондинки. И на эти действия мужчины женщина никак не реагировала. Она только прикоснулась своей рукой к руке мужчины и ласково прошептала:

- Иван Петрович, пожалуйста, не надо, доедем до дому... Потерпите, пожалуйста, потерпите...

Через десять минут машина лихо подкатила к подъезду добротной девятиэтажки. Пока водитель ставил машину в гараж, Ева прогуливалась неподалеку от дома. Каких-либо мыслей у нее не было. Ей просто хотелось побродить в этот вечер. Воздух был наполнен свежестью и прохладой. Вскоре подошел Чурсин и они вместе, словно кого-то боясь, быстро прошмыгнули в подъезд. Иван Петрович, как только они зашли в квартиру, сразу же поднял Еву на

руки и понес в постель. Блондинка нисколько не сопротивлялась, а наоборот, была очень покладистой. Во время любви он и она молчали. Может, это было и даже и необходимо. Это молчание вызывало у находящихся в постели только одни чувства и одну страсть, которую нельзя было выразить словами. Находясь во власти жадной страсти своего шефа, Ева Крот видела и чувствовала в нем не только начальника, но и человека, мужчину, который еще был в обильном «соку». И от этого «сока» Еве становилось до изнеможения очень приятно. Молодой женщине было также очень приятно тогда, когда Чурсин уже «закончив», продолжал страстно целовать ее «шоколадное», стройное тело. Вдоволь насытившись друг другом, мужчина и женщина на какое-то время отключились от мира сего и погрузились в мир сноведений. Ева проснулась где-то около двенадцати ночи. Открыв глаза, она была приятно удивлена тем, что было вокруг нее. В спальне над кроватью горела небольшая настольная лампа. Розовый свет ее нежно падал на постель, в которой лежала нагая Ева. Иван Петрович мирно сидел на черном кожаном диване, и облокотившись руками на большой стол, о чем-то думал. Только сейчас Ева поняла то, что этот мужчина любовался и любит ее голым телом. Блондинка, оказавшись под пристальным взглядом хозяина, быстро натянула на себя одеяло и при этом даже несколько покраснела. Шеф, словно понимая мысли лежащей, тихо произнес:

- Ева, будь добра, не бойся. Я за тобою наблюдаю практически целый час. Пока такая красивая засоня спала, я уже, как видишь, накрыл на стол. И поэтому я тебя приглашаю откусать... Завтра у нас с тобою выходной день, будем давить вместе целый день сачка...

Сказав это, мужчина весело рассмеялся, и медленно приподнявшись из-за стола, направился на кухню. Еве ничего не оставалось делать, как идти в ванную комнату и привести себя в порядок. Через пятнадцать минут, мужчина и женщина, в чем мать их родила, сидели на мягком диване за столом. Стол «трещал» от изобилия всевозможных закусок и спиртного. Ева почему-то в этот вечер не стеснялась своей наготы. Ее нисколько не пугала и нагота своего шефа, который во время трапезы целовал тело своей продавщицы. Мужчина делал это с большим удовольствием после каждой выпитой рюмки армянского коньяка. Красивая гостья от предложенных Чурсиным тостов и рюмок не отказывалась. В эту ночь ее голова была полна всевозможными фантазиями...

Через полчаса, когда хмель стал более назойливо «штурмовать» мозги красивой женщины, она неожиданно для Ивана Петровича встала из-за стола и направилась «путешествовать» по его большой квартире. Мужчине это

путешествие по темным комнатам понравилось. Чурсин, словно тигр, устремился за женщиной, надеясь тотчас же ее схватить и понести в кровать. Однако не тут то было. Ева, хотя и офицером не была, оказалась в темноте намного изобретательней и проворнее своего шефа. Беготня вскоре блондинке надоела. Отмерив еще пару кругов по квартире, она неожиданно упала возле кресла, которое находилось в углу в одной из комнат. Хозяин, не ожидавший такой смекалки от своей подчиненной, через несколько мгновений запнулся о тело нагой женщины и так «мягко» приземлился на пол собственной квартиры, что из его глаз посыпались искры. От ощущения боли мужчину спасло то, что он оказался в сильных и страстных объятиях красивой женщины. Забыв о боли, Чурсин стал целовать Еву. Затем он поднял ее на руки и с силой бросил женщину на большое мягкое кресло. Ева, широко раздвинув ноги, страстно повлекла «раненого» к себе...

Только к раннему утру у начальника и у его подчиненной всевозможные фантазии на любовь закончились. Отдав все свои силы на любовь, они почти одновременно заснули. Одновременно они и проснулись. Солнце настойчиво «стучало» в окно. Сильно проголодавшись, скорее всего, это был результат ночных любовных «баталий», мужчина и женщина с жадностью накинулись на остатки пищи, которая была на столе. Хозяин квартиры после первой выпитой рюмки водки оказался более разговорчивым. Ева состояние мужчины понимала. Иван Петрович, словно полководец, овладев ею, своеобразной красивой «крепостью» был по-своему счастлив. Кротиха этому очень радовалась. Она в этот момент также по-своему была счастлива. Взаимопонимание сидящих дало основание мужчине говорить более откровенно:

- Евушка! Я честно тебе скажу, ты мне очень нравишься. И здесь я никуда не попру. Тебе в этой жизни даже проще. Ты очень красивая. Тебе даже не надо извилинами шевелить. Не то, что мне. Я ведь, любимая моя, почти двадцать пять лет протрубил в снегах Заполярья. Там я жизни никакой не видел. Здесь в моем родном городе я решил жить совсем по-иному. Стать шефом в таком престижном магазине мне помог не только мой жизненный опыт, но и кое-какие связи. За директорское место я отдал четверть моих «Жигулей»... Откровенно говоря, я мало что смыслю в этой торговле. Однако опыт руководства я имею приличный, а это, на мой взгляд, самое важное в этой сфере...

На какое-то время Чурсин замолчал. Замолчала и Ева, которой после откровенных размышлений мужчины стало жалко своего шефа. Оказавшись в «плёну» этой жалости, женщина, привстав из-за стола, крепко поцеловала своего любовника в губы и нежно пощebetала:

- Иванушка мой, не переживай... Я тебе буду всегда помогать. Не бери так сильно в голову, мой дорогой...

Чурсин на это ничего не ответил. Он только страстно поцеловал свою подчинненую в ее нежные губы. После этого он с жадностью выпил очередную рюмку водки. Иван Петрович после спиртного с удовольствием крикнул и вытер рукой свои губы. Затем он с силой привлек Еву к себе и посадил голую женщину на свои колени. После некоторого раздумья директор магазина произнес:

- Спасибо тебе, Ева... Я очень счастлив тем, что ты меня так хорошо понимаешь. Ты пойми меня правильно, мы с тобою ведь люди женатые... Я честно говорю. Свою жену я не люблю, хотя она армейскую лямку тянула наравне с мужем. У нас детей нет, вполне возможно, Бог это правильно сделал. Я ей изменял всегда и она прекрасно об этом знает... О том, что и она мне изменяет, я это тоже знаю. Сейчас она поехала к себе на родину. Поехала к тому, кого она еще в своей молодости сильно любила...

Чурсин замолчал. Женщина чувствовала то, что мужчина сильно переживает о своей неудавшейся жизни. Еве сейчас не хотелось мешать раздумьям своего шефа. Молчание длилось пару минут, не более. Неудачник тяжело вздохнул и налил себе очередную рюмку водки, которую залпом выпил. После этого, внимательно глядя в глаза нагой женщине, он тихо промолвил:

- Я надеюсь, что моя Ева Петровна останется моей любовницей... Для тебя я буду просто суворовцем. Одним словом, мы будем встречаться по принципу: сунул, вынул, убежал. Договорились?

Ева сначала военный термин своего шефа не поняла. Она его поняла чуть-чуть позже, когда Чурсин поднял ее на свои руки и понес в очередной раз в постель...

Петька Лесков приехал домой из командировки через две недели. Приехал в воскресенье, поздно вечером, когда Ева уже спала. Мужчина весь светился от радости, что во время этой «дальнебойки» он не только хорошо заработал, но и привез хорошие «левые» деньги. Была счастлива по-своему и Ева, которой с трудом удалось уговорить Ивана Петровича не ночевать у него и «отпустить» ее домой. Кротиха внутренним чутьем ожидала прибытие своего мужа в этот выходной.

Петька, перешагнув порог квартиры, разделся и быстро подбежал к постели своей жены. Мужчина, крепко поцеловав свою жену в губы, стал трясти целой пачкой денег перед лицом еще полусонной Евы. При этом Петька смеялся словно маленький ребенок. Ева, видя улыбающегося мужа, также ему улыбалась. Одновременно она чувствовала то, что Петька с каждым днем все больше и больше сходит с ума по своему «Жигуленку». И в этом она

не ошиблась. Во время целой недели «отгула» Петьку словно подменили. Он ни разу не купил бутылки пива. Не пошел он и в городскую баню, от пара которой она раньше был без ума. Не пригласил он свою жену покататься и на такси. Раньше они делали это без всяких проблем.

Лесков ради своей «тачки» решил экономить и на продуктах питания. Петька, увидев тяжелую хозяйственную сумку с продуктами, которую, как обычно, Еве доставляли домой ее поклонники, неожиданно для блондики сделал предложение:

- Знаешь, Ева, а может мы значительно сократим свой рацион. Я эту неделю не работаю, а ты, можешь и на работе хоть что-то подхватить. Мой напарник на этой неделе поедет на рынок за «Москвичом», а мы чем его хуже?

На «деловое» предложение своего мужа Ева прореагировала очень спокойно:

- Смотри, Петя, тебе виднее... Я думаю то, что не только в этой железке наше счастье...

Наступила осень, незаметно пролетела и зима. Ничего сверхестественного в жизни Евы Крот и Петьки Лескова не произошло. Лесков, как и раньше, ходил в дальние рейсы. Кротиха, как и раньше, работала в магазине. Чем больше ее муж строил планы по экономному «ведению» желудка, тем холоднее к нему относилась его жена. У самой блондинки желание купить машину то появлялось, то исчезало. Отвергла женщина и предложение Петьки о том, чтобы за городом взять земельный участок. Она не хотела «горбатиться» на этом клочке земли, который с начала лета «обдирался» великовозрастными пацанами или теми же соседями.

На женщину иногда находила тоска, особенно тогда, когда Лескова не было дома. Эта тоска у Кротихи уходила прочь только во время встреч с Чурсиным, который становился для нее родным и близким. Жена шефа все чаще и чаще ездила «оправлять» родственные обязанности. Этому Иван Петрович не мешал. Он с радостью отвозил свою половинку на железнодорожный вокзал. И оттуда пулей мчался в магазин, в котором работала его любовница Ева Крот. «Суворовские» отношения между Евой и Иваном Петровичем не только сохранялись, но и развивались по восходящей линии. К тому же Чурсин, как руководитель самого крупного магазина в городе, превзошел себя. Ему даже армянин Багдасарян «в подошву сапога не годился». Многочисленный коллектив «Тополька» работал словно часы. Резко сократилось число жалобщиков. Директор навел порядок и среди грузчиков, которые до этого котировались как люди «пьяного или пропавшего ранжира». Иван Петрович понимая то, эти люди «запущенные» в плане коммунистического воспитания, один раз в месяц устраивал

для них личный прием. Никто из клерков магазина не знал содержание беседы в кабинете шефа. Результаты воспитательной работы бывшего военного дали свои «всходы» довольно скоро. Грузчики на работу стали ходить без опозданий, чисто выбриты и по форме. Никто из них во время работы не пил и не воровал спиртное. Одно лишь работники магазина знали точно. Вечером каждую субботу старший грузчик заходил в кабинет директора. Через несколько минут мужчина выходил оттуда с небольшой сумкой. Что и сколько чего было в этой сумке никто не знал.

Через год, после того как магазин возглавил офицер запаса Чурсин, за «Топольком» стало прочно закрепляться новое название «офицерский». Это радовало не только Чурсина, но и Еву. Иван Петрович по самые уши влюбился в свою продавщицу. Директор на работе был очень строг к своей любимой и также снимал «стружку» с Евы, когда у нее что-то не клеилось. За строгость и принципиальность все работники магазина уважали своего шефа и поэтому никто из них не «капал» ни в райком партии, ни в вышестоящие торговые организации.

Ева, даже несмотря на строгость своего шефа, все больше и больше тяготела к нему. Кротиха с каждым днем, как это было когда-то и в мотострелковом полку в немецком городке, благодаря своей красоте, становилась важной персоной в «Топольке».

Влюбленные начальник и подчиненная изыскивали все возможности для взаимного общения. Пристанищем для них во время отсутствия жены шефа служила квартира Чурсина. Когда супруга директора была дома, они использовали автомобиль. Бывший офицер становился для Евы своеобразным магнитом, который ее чем-то каждый день притягивал. Почему он ее притягивал и почему она к нему «липла», женщина и сама толком не знала. Этот мужчина просто-напросто блондинке нравился. Нравился на работе, нравился и в постели. Она буквально изнывала от страсти к нему, когда они разлучались на неделю, даже и на день.

Петька Лесков купил себе машину ровно за три дня до Дня Победы, когда весна по-настоящему пришла в большой сибирский город. Собирался купить «Жигуленок», а купил старого образца «Волгу»-ГАЗ-21. Страдалец по железному коню Еву на автомобильный рынок не пригласил, хотел для жены сделать сюрприз. Петька уехал на рынок очень рано, когда еще на улице было довольно темно. В эту субботу почему-то прежнего изобилия легковых автомобилей не было. «Жигулей» было приличное количество, однако цены «кусались» страшно. Автомобиля такой марки по деньгам, которые имел в кармане Лесков, не было. Петька решил в этот день обязательно купить «тачку», так как боялся очередной волны повышения цен на все и вся, которая словно

лави́на захлестывала большую страну. Владельцы приличных «Жигулей», с которыми Петька торговался, иногда «заламывали» такие цены, что он хватался за голову.

«Волгу» продавала женщина, лет пятидесяти, при этом довольно интеллигентного вида. Машина выделялась своим внешним видом среди тех, которые стояли на площадке. «Волжанка» была «люксовая», что покупателю сразу же понравилась. О цене и о достоинствах «железки» Лесков с продавщицей ничего не стал говорить. Он предложил женщине прокатиться на машине, дабы в дороге «прощупать» самому все плюсы и недостатки «Волги». Та нисколько сопротивляться не стала. Она была обрадована тому, что покупатель сам сел за рулевое колесо. Петька узнал в дороге о том, что продавщица сама лично никогда в жизни за рулем не сидела. Машину на авторынок пригнал ее сын, который является важнейшей персоной в ученом мире города. Молодой доцент лично продавать машину своего умершего отца просто боится из-за своих коллег по кафедре. По словам жены умершего профессора ученый мир довольно часто «капает» друг на друга. Петька, как профессионал-водитель, остался доволен техническим состоянием автомобиля.

В этот же день Ева, сопровождаемая завистливыми взглядами соседей, с гордым и независимым видом села на заднее сидение личной автомашины. Петька своей покупке не мог нарадоваться. По дороге он то и дело хвалил свою «старушку», которая также сразу же понравилась и Еве. Лесков, выехав за город, съехал с автострады и помчался по проселочной дороге. Кроти́ха чувствовала себя в этот теплый весенний день по-особому счастливой и здоровой. Петька остановил машину в густом околке, который находился вдалеке от проселочной дороги. В лесу было тихо, приятно тянуло запахом набухающих березовых почек. Сибирская природа отдавала двум молодым людям всю свежесть весеннего леса, воздуха и тепла. Все это располагало для любви. В этот день сидения «старушки» для блондинки были намного мягче и удобнее, чем сидения новых «Жигулей»...

Петька Лесков катался на своей «железной старушке» недолго. Поздно вечером в день Победы он погиб и погиб по своей вине. Ева от этой страшной вести, которую принес ей милиционер, чуть было не упала в обморок. Узнав о случившемся, женщина медленно опустилась на диван и стала воспроизводить в своей памяти все то, что она вместе с мужем делала в этот праздничный день. Петька проснулся в этот день очень рано. Мужчина собирался ехать в соседнюю деревню, где хотел купить свежее мясо для праздничного стола. За два дня до праздника муж предупреждал Еву о том, в этот день он пригласил к себе в гости своего напарника. Мужчины

хотели заодно «обмыть» и покупку Лескова. «Гоношилась» к этому торжеству и Ева...

Лесков, выехав из города, придавил на «газ». Мотор «старушки» работал без всяких перебоев. Водитель, громко насвистывая себе под нос, не заметил на очень крутом повороте повозку, запряженную парой лошадей. Петька среагировал очень поздно, когда прямо перед собою увидел озверевшие морды лошадей и дышло, к которому крепилась повозка. Лесков рванул руль вправо, но было уже слишком поздно. Дышло, словно шило, насквозь проткнуло лобовое стекло и сильно ударило плечо мужчины. Через минуту на повороте предстала поистине ужасающая картина. Две окровавленные лошади лежали на шоссе, и издавая протяжный хриплый стон, в предсмертной агонии продолжали дрыгаться. В метрах пяти в канаве лежала опрокинутая повозка, впереди которой торчал небольшой осколок дышла. В метрах тридцати от дороги на опушке леса на «спине» лежала «Волга»... Петька, истекая кровью, медленно выполз из машины. Кругом не было ни души. Мужчина, сильно прихрамывая, подошел к повозке. Лесков за свою жизнь не боялся. Он боялся за тех или того, кто сидел на повозке. Возле опрокинутой повозки никого не было. От страха за содеянное мужчина присел на колени и заплакал. На какой-то момент его охватил порыв отчаяния. Водитель со слезами на глазах, ни о ком и ни о чем не думая, медленно пошел в сторону леса. Сильные боли в голове и в груди мгновенно забирали силы мужчины. Петька Лесков до леса не дошел...

Только через час, проезжающий по дороге мотоциклист, увидел перед собою страшную картину. На место происшествия приехали милиция и врачи, которые констатировали о том, что водитель погиб от тяжелых ран. Нашелся и тот, кто сидел на повозке. Им оказался пятнадцатилетний паренек, которому явно повезло. Мальчишка успел спрыгнуть с повозки и от страха дал деру в противоположный околок. Ева на место происшествия не поехала, считала это бесполезным занятием. Петра Лескова хоронили всей автоколонной, в которой он работал. Похоронили вполне по-человечески. Похоронили рядом с матерью. Некролог о трагической гибели водителя был напечатан в городской газете. Ева после того, как во время похорон на кладбище бросила горсть свежей земли в могилу Петра, больше туда никогда не ходила. Женщина и сама не знала того, почему она не хотела идти на могилу к своему мужу или к своему сожителю. Вполне возможно, ей было стыдно перед Ниной Николаевной за то, что она изменяла ее сыну и не могла сохранить жизнь единственного ребенка у такой прекрасной женщины...

После смерти Петра Лескова жизнь у Евы Крот пошла

совсем наперекосяк. Она и сама не знала, почему так все происходило. Сначала, казалось бы, все шло нормально. Блондинка тяжело пережила смерть своего друга. Петька официально не был ее мужем, но все равно Ева к нему довольно крепко «приросла». Директор, понимая состояние Евы, старался не докучать ей своими ухаживаниями. Только через полгода после смерти Петьки Лескова Ева вновь оказалась в объятиях Ивана Петровича. Встречи с Чурсиным оказывали целительное воздействие на блондинку. Через пару месяцев Ева стала приобретать свои прежние краски красоты и страсти к этому мужчине. Чурсин чувствовал это, и этому также очень радовался.

Через год после смерти Петьки Лескова скончался и Иван Петрович. Скончался он очень быстро. Смерть «произошла» при обычных «семейных» обстоятельствах. Ева прекрасно знала о сложных отношениях в семье своего шефа. Чурсин и его супруга, изменяя друг другу, не стремились об этом информировать вышестоящие общественные организации. Иван Петрович, как в армии, так и на гражданке, имел в партийной характеристике очень короткую формулировочку «хороший семьянин». Это служило для Чурсина, и не только для него, а для миллионов ему подобных, хорошим козырем для очередной ступеньки в служебной карьере. Неизвестно откуда жена директора узнала об очередных любовных связях своего мужа и какой-то смазливой блондинки из магазина, которым «командовал» Чурсин. На этот раз у боевой подруги офицера запаса нервы не выдержали. Чурсина не поехала в магазин и не стала там собирать «вещдоков» на своего мужа. «Униженная» решила действовать очень просто и наверняка. Жена шефа с карандашом в руках за пару вечеров сочинила разоблачительное письмо против своего мужа. Затем она напечатала несколько копий этого письма под копирку на печатной машинке. Одно слезное и разоблачительное письмо женщина отправила в райком партии, второе в обком, третье в ЦК КПСС. Ответы пришли в десятидневный срок и вся «объективная» информация стала «складироваться» в райкоме партии.

Вскоре руководитель коллектива коммунистического труда был вызван на ковер к первому секретарю райкома партии. На «ковре» у первого Ивану Петровичу стало плохо. Еще стало хуже со здоровьем дома, где в шикарной квартире произошли настоящие семейные баталии, которые с успехом выиграла некогда «боевая подруга». Во время спора муж, вскрикнув от боли в сердце, тут же рухнул на пол. В помощи машины скорой помощи мужчина уже больше не нуждался. Сердце бывшего военного, натруженное в снегах Заполярья, в условиях гражданской жизни не выдержало семейных передраг. Директора «Тополька» хоронили пышно и помпезно.

Тело Чурсина было помещено в районном Доме культуры. «Боевой подруги» Чурсина на траурном митинге и на кладбище не было. Нигде не была и Ева. Она просто-напросто боялась встретиться с женой своего любовника. На кладбище Ева приехала только через неделю, принесла на могилу небольшой букетик цветов. Через месяц после смерти своего «покровителя» Ева написала заявление об увольнении. Она прекрасно понимала то, что ей, как любовнице умершего, не дадут нормально работать.

Очередные попытки блондинки окунуться в сферу советской торговли заканчивались для нее полнейшим провалом. Ее даже не брали продавщицей газированной воды. Разное по этому поводу передумала Кротиха. Ей даже казалось то, что-то из управления торговли на ее кандидатуру наложил «лапу». Однако это были только догадки и предположения красивой женщины...

Десять лет после смерти Чурсина пролетали словно один день. За эти годы Ева Крот поменяла около десятка рабочих точек. Где только она за это время не работала! Ослепительно красивая женщина работала в детском садике воспитателем, уборщицей в школе. Работала она даже на стройке штукатурщицей. Престижных мест после магазина блондинка уже не могла найти. Высшего или специального образования, как таковых, у нее не было. Не могла она найти себе и «хлебных» покровителей.

Неутешительные успехи имела Ева Крот и на любовном фронте. После смерти Ивана Петровича Чурсина в ее любовных «сетях» плавала довольно мелкая рыбешка. Ева от этого «улова» иногда даже плакала. Она усердно придавалась слезам особенно тогда, когда ее очередной, так называемый «любовник», порою испускающий запахи «приятного» заведения, после вкусного обеда или ужина и пары стопок крепкого первача, сразу же «отрубался», так и не успев снять с себя «стоячие» трусы. После того, как «Суворовец» просыпался, Ева сразу же «всучивала» ему одежду и выталкивала за дверь своей квартиры. Несостоявшийся «половой» гигант на это не обижался и покорно покидал женскую обитель. Кротиха в большинстве своем на этих мужичков и не обижалась. Она понимала то, что она сама в этой социалистической иерархии занимает последние ниши. Женщина поэтому без всякого сожаления так скоро и без нервов «прощевала» и прощалась с мужиками. «Суворовцы» покидали гостеприимную хозяйку в приподнятом настроении. И это было вполне понятно. Их любовница была очень красивой и довольно страстной женщиной. Для них было все равно какую должность занимала та, с которой они переспали. Главное для многих залетных мужиков было то, что они «трахнули». С кем они это сделали, с бабой или с блядью, им было по одному месту. Все эти годы Ева жила ни шатко и ни валко.

Жила, наверное, как и все советские люди. Так же работала, так же гонялась за всевозможными дефицитами, так же ходила голосовать за того или иного кандидата в народные избранники. Также изнывала от тех свистоплясок, которые, порою, устраивали на человеческом попрании выжившие из ума политики.

Наступившую перестройку Ева встретила, как очередной эксперимент зажавшихся и заболтавшихся политиков. Явно не отягощенная знанием различных партийных догм, несостоявшаяся жительница коммунистического «дома» к любому мероприятию подходила в большей степени с позиций обывателя. И в этом она была совершенно права. Жизнь Евы с каждым днем становилась все тяжелее и тяжелее. Она, как и миллионы советских людей, часами простаивала в магазинах то за стиральным порошком, то за полукопченой колбасой. Не проходила и дня, когда кто-то из жителей большого города, не делился между собой о «демократическом» сервисе в очередях. Кто-то с ужасом рассказывал о том, что в одной из длинной очереди мужчина пробил бутылкой водки голову женщине, которая пыталась с грудным ребенком «влезть своей мордой» вне очереди. Всем этим сплетням Ева Крот верила без всякого сомнения. Она сама была свидетелем того, как пожилой мужчина в черном пиджаке с большой колодкой орденов и медалей пытался навести порядок в очереди людей, желающих купить свежие яблоки. Бюстостроителю порядка самому яблок не удалось купить. Да они ему уже и не были нужны. Издевательства над людьми со стороны власти участник войны не мог перенести. Со слезами на глазах ветеран войны пошел домой. Ночью у старика не выдержало сердце. На его похороны пришла и Ева, хотя она этого человека не знала. Женщина принесла покойнику большой букет цветов. Эти цветы Кротиха купила на последние деньги. Зарплату она не получала уже полгода. «Выручал» ее очередной «суворовец», который работал на мясокомбинате и приносил ей «шабашки», продажей которых Ева и жила.

После провала перестройки, Кротиха поняв то, что у нее в кармане нет ни гроша, решила «кумекать» своей «бошкой», дабы вообще не умереть с голода. Относительная молодая женщина ударилась в торговлю. Безработная женщина, заняв деньги у «мясного» любовника, поехала в столицу демократической России. Там она накупила две большие сумки различных «шмоток». Через пару месяцев у «челнока» появились деньги. К сожалению блондинки ее бизнес закончился довольно быстро. В начале лета Ева привезла большую сумку престижных женских шарфиков, которые пользовались большим спросом у сибирячек. Товар шел «на ура» и это радовало Еву. В этот день она сильно «припахала»,

что даже не кушала прироги, которые она всегда брала у постоянно спящих бабушек-торговок. На рынке уже опускались сумерки, когда радостная торговка начала собираться домой. Толстую пачку денег Ева не стала сегодня ложить к себе в бюстгалтер. Она деньги положила в сумку.

К женщине, держащей в одной руке баул, в другой дамскую сумочку, неожиданно подошел паренек. Он был худенький и маленький, которого и «соплей» можно было перебить. Незнакомец, несмотря на свои габариты, оказался проворным и нагловатым. Погладив руками свою бритую голову, он резко схватил Еву за руку и с ехидцей прошипел:

- Милая блондинка, пора тебе и ручку мне позолотить... Ты уже давно у нас на примете... Мы тебя охраняем днем и ночью... Белая тетя, гони полтинник...

Прошепелявив эти слова, «блатной», который по росту был по груди довольно сильной женщине, стал надменно смотреть в глаза блондинке. Ева с недоумением также глядела на мальчика. Глядела и молчала. Потом она, сильно ошарашенная диким поведением лысого, окинула беглым взглядом рынок. На рынке никого не было, кроме старика-дворника, который лениво размахивал «худой» метлой, дабы убрать остатки мусора между торговыми рядами. Оценив обстановку, Ева решила действовать напористо и наверняка. Она со всей силой и резко ударила кулаком «блатного» в лицо, и тут же одновременно наступила своим острым калбуком своей туфли на «плетенки» своего обидчика. Малец, не ожидавший такой прыти от красивой женщины, что есть силы завопил от боли и как-то неестественно упал на бок. Кротиха на какой-то миг от душераздирающего крика испугалась и со слезами на глазах бросилась на помощь парню. Тот, несмотря на слезы торговки, продолжал истерично вопить:

- Помогите! Помогите! Меня убивают... Караул! Милиция! Караул, меня убивают...

На крик тотчас же прибежал дворник, у которого почему-то тряслись руки. Старик то и дело бегал вокруг мальчика, и тяжело кряхтя, приговаривал:

- Ну и баба, наверное, и вправду убила нашего парня. Ой, что будет... Ой, что будет...

Эти причитания старика и вовсе расстроили Еву. Она опустилась на колени и начала своим носовым платком вытирать кровь на губах парня. При этом она все причитала:

- Ты же прости меня, дитя мое, что я так тебя обидела... Я ведь не думала, что так с тобою у меня получится...

Увещевания красивой блондинки на «блатного» ни какого воздействия не оказывали. Он, словно заводной, продолжал

кричать:

- Караул! Меня убивают.... Ой, убивают... Милиция... Ми-ли-ция-яя...

Ева, видя болезненные гримасы паренька, находилась в шоке. Ей никак не хотелось связываться с милицией. Она знала о том, что многие работники милиции не против того, чтобы им самим «позолотили» ручку. Неожиданно у бизнесменки мелькнула мысль о том, чтобы дать мальчишке деньги на откуп. Женщина быстро вскочила на ноги и направилась к своей сумке, которую она только что оставила на своем торговом столике. Бросив взгляд в сторону столика, Ева обомлела. Дамской сумочки не было. Ее будто корова языком слизала. Женщина, шокированная исчезновением своей сумки, в которой были все ее «навары», со слезами на глазах опустилась на скамейку. Через несколько секунд она посмотрела на своего «убиенного». Того на месте происшествия не было. Малец, как и ее сумка, исчезли мгновенно. Вдоль торговых рядов ходил один только дворник. Кротиха не сомневалась в том, что этот старик был доволен тем, как умело «расправились» с такой ярко накрашенной дамой два молодых пацана.

Ева Крот со слезами на глазах медленно направилась в сторону автобусной остановки. На пути следования она увидела новенький «Жигуленок», который стоял возле небольшого ресторанчика. Из машины раздавался громкая музыка. Неожиданно для плачущей женщины сзади ее раздался знакомый голос. Ева машинально повернулась на сто восемьдесят градусов и посмотрела на «Жигуленок». «Убиенный» сидел рядом с молодым водителем и истошно продолжал, как и на базаре, кричать:

- Помогите! Ой, убивают! Ой, помогите мне, меня убивают! Караул, зовите милицию... Мили-ци-яяя...

Ева, стиснув зубы, со злостью посмотрела на этих парней и бросилась бежать прочь. Среди полупьяных мужиков, которые даже в автобусе продолжали материться и харкаться, Еве, казалось то, что этот писклявый голос «блатного» она слышит и здесь. Целую ночь блондинка проплакала. Не только плакала, но и размышляла. Она сожалела о том, что к своим чуть за сорок лет она так и не нашла в этой жизни свое место и свое счастье.

На следующий день Ева на рынок не пошла. Не пошла не из-за того, что у нее украли деньги. Не боялась она и «крыши». Она просто не хотела идти на этот «дикий» рынок и унижать свое человеческое достоинство. Проснувшись она утром рано и сразу же залезла в ванну. Горячая вода для блондинки была настоящим Божьим подарком. Горячую воду в городе отключали в любое время суток и на несколько дней. Сидящей в ванне какие-либо толковые мысли в голову не приходили. Как бы она не крутила и не

вертела своим «мозжечком», вся надежда была на Еську, который приносил ей свои «шабашки» для продажи. Мужчина он был некрасивый, но это «качество» Ева пропускала не только мимо своих глаз, но и мимо своей души. Та, которая сидела и плескалась в ванне, четко понимала то, что пока у нее нет «хлебных» мужиков. Когда они появятся одному только Богу было ведомо знать. В этот день Кротиха решила как можно больше поддержать в своих «женских» сетях этого мужчину. Еська к тому же был очень практичным человеком. Особенно он преуспевал на женском фронте. Он три раза женился и три раза разводился. Мужчина только и пошел на «мясо», хоть каким-то образом скосить алименты своим детям. Сколько детей у него было и где они жили, мужчина не знал как на трезвую, так и на пьяную голову.

Ева «мясного» Еську нашла благодаря своей соседке бабе Поле, которая жила в том же подъезде, что и Кротиха. Сначала старуха не взлюбила молодую и смазливую новенькую. На первых порах бабка при виде блондинки расправляла «крылья», и гордо задрав свою голову к небесам, проходила мимо. Еве казалось в это время, что бабкин орлиный нос и тот становится курносым. Нищета постучала в дверь и этой одинокой старухи. Мизерную пенсию ей стали часто «притормаживать». При коммунистах старухе пенсию лично в руки приносил почтальон. При демократах она вынуждена была ходить лично на почту, да еще с «пачпортом». И ни один, а несколько раз. Соседка, дышащая на «ладан», иногда не получала ни гроша по несколько месяцев. Пенсионерку просили на почте прийти за пенсией завтра. Бабка приходила завтра, а пенсии все не было и не было. Ева, довольно часто слышала то, как старая соседка за своей дверью с большим «искусством» материла всех этих антихристов-демократов, которые не давали ей «пенчию».

Однажды крепкой зимой старой женщине вообще не повезло. При этом в одном месяце не повезло дважды. Первый раз не повезло тогда, когда бабка, оставив открытую дверь квартиры, пошла вниз за почтой. Почты не было, как и не стало продуктов питания, которые она хранила в своем холодильнике и на балконе. Бабушка от горя целый месяц плакала и охала, но помочь ничем себе не могла.

Второе горе лишило бабу Полю жизни. Однажды в дверь семидесятилетней женщины кто-то очень легонько постучал. Поднявшись с дивана и взяв в свои руки кошку Мурку, которая у старухи все и вся «продезинфицировала» своей мочой, женщина открыла дверь. Перед своей дверью стояла молодая девушка. Незнакомка мило улыбнулась и представилась старушке как работник районной администрации по содействию престарелым людям. Евина соседка от радости чуть было на задницу не села. Баба

Поля сразу же провела свою «спасительницу» в комнату, и раскрыв рот на ширину «приклада», стала слушать молодую сотрудницу. Девушка с толком и с умом «разложила» по полочкам всю дальнейшую жизнь пенсионерки. При сегодняшних демократах бабушке предстояло жить как при настоящем коммунизме, который ей еще в древней молодости обещали коммунисты. Все эти блага бабушка может получить здесь же в своей квартире и сиеминутно в том случае, если она подпишет несколько бумажек. С большими надеждами и с высочайшим оптимизмом подслеповатая бабушка подписала все необходимые для счастья документы. По своей неграмотности старая женщина поставила на бумаге замысловатые не то крестики, не то плюсики. На радостях хозяйка квартиры пригласила сотрудницу на чай. За столом в устной форме было обговорено и многое другое. Сотрудница обещала своевременно пенсионерки приносить пеннисию. Обещала она и отремонтировать «квартиру». Особенно тревожили старуху большие щели в углах, через которые не только протекала вода, но и бабушка могла видеть то, что делают соседи на балконе противоположного дома.

Прошел месяц. Никто бабе Поле пенсию не приносил. Старухе пришлось самой идти в районную администрацию. Там сказали то, что в связи с кризисом в стране еще никаких комиссий и организаций по содействию престарелым людям не успели создать. Бабка в слезы и пехом домой. Вот и в этот момент Ева встретила свою соседку. Блондинка, как и она делала раньше, с бабкой поздоровалась. И в этот момент горделивую «старость» словно подменили. Прямо на лестничной площадке баба Поля «раскололась». Беспомощную и обиженную женщину Ева пригласила к себе на чай. За чаем соседка дала блондинке адресок Еськи, у которого она пару лет назад покупала мясо...

Через неделю на квартиру старой соседки приехало несколько молодых мужчин. Среди «удальцов» был также молодой милиционер. Молодой сотрудницы, которая обещала бабке все возможные льготы и привилегии, не было. Удалые молодцы, лихо поздоровавшись с бабкой, также лихо вошли в ее апартаменты. Через несколько секунд один из пришедших, словно поп на паперти, с серьезным видом вытащил из черной кожаной папочки лист бумаги и стал читать. То, что читал молодой человек, старуху шокировало. Она уж доподлинно знала, что она не давала согласия безвозмездно отдать свою квартиру в городской фонд и переезжать в одну комнату общежития завода цветных металлов. Молодой чиновник после зачитки, неведомого доселе хозяйки указа, с почтением наклонился к безмолвно сидящей на диване женщине. Подслеповатая старуха увидела свои знакомые «подписи». Сверху и снизу документов стояли большие и маленькие печати. Бабушка

спорить с молодыми людьми и с этими печатями не стала. За все свои семьдесят лет жизни для нее печати значили больше чем Закон Божий. На следующий день, Ева, решив хоть каким-то образом оказать помощь своей соседке, поехала по адресу, который на память произвела старуха. Ни завода, ни улицы, на которой находился предприятие, Кротиха не нашла. Не было этого завода и в городском справочнике.

Ева, приехав домой, все как на духу, рассказала бабе Поле все то, что она слышала и не слышала о заводе цветных металлов. Вечером следующего дня молодая соседка опять постучала в дверь «пострадавшей». За дверью никто не отвечал. Блондинка дернула дверь за ручку, та открылась. Кротиха, боясь разбудить спящую старуху, очень осторожно вошла в спальную и обомлела. В петле скрученного капронового чулка, который был привязан к шнуру электрической лампочки, висело безжизненное тело бабы Поли. На другом чулке в петле болталась кошка Мурка... Новые жильцы заселили квартиру, трагически ушедшей из жизни женщины, через десять дней...

Год безработная Ева Крот кормилась мясом Еськи, который работал в жировом цехе слесарем. «Мясник» своей квартиры не имел, жил в общежитии мясокомбината. Жил как отшельник. Женщина только один раз побывала в комнате своего «мясного» друга и больше у нее желания посещать эту «обитель» не возникала. Во время визита у нее также не появилось желания заниматься любовью с этим заросшим мужчиной в его скрипучей до тошноты кровати, которая к тому же была без простыни. Тошноту у блондинки вызвали горы окурков. «Бычки» были разбросаны по всей комнате. Они были даже наверху сломанного платяного шкафа.

К себе в постель Еську блондинка запускала только после соответствующей «дезинфекции». В самом начале своего визита мужчина возле двери ставил «шабашку», которая по требованию Евы упаковывалась только в новый целлофановый мешок. Ева давала добро на посещение, если в сумке лежало не менее десяти «шабашек». На меньшее она не «претендовала». Претендующий на тело красивой «бабы» тщательно вытирал обувь о влажный небольшой половичок, который хозяйка специально положила на пол в маленьком коридорчике. Мужчина, тщательно вытерев обувь, под строгим присмотром блондинки тотчас же открывал дверь и тут же выбрасывал половик на лестничную клетку. В коридоре «суворовец» быстро раздевался. После этого он дефилировал в ванную комнату. Ванная «эзекуция» длилась в среднем тридцать минут. Иногда Ева, весело смеясь, кричала своему сожителю через дверь ванны:

- Ты, Еська, сиди и отмывай свое и не свое дерьмо... Я не хочу того, чтобы моя квартира превратилась в убойный цех или в свинарню...

Мужчина в ответ на это ничего не говорил, он только весело смеялся. Ева тем временем тщательно проверяла и сортировала «шабашку». Все мясо она делила на две части: для себя и для продажи. Мясо для себя хозяйка положила в холодильник. Продажное положила в отдельный мешок на дно холодильника. Вечером мясо по вполне приличной цене быстро расходилось среди жителей пятиэтажки.

Помывшись в ванне, Еська тщательно брился и также тщательно чистил зубы. После этого он с силой рукой давил на пульверизатор. Вся квартира «благоухала» от острых запахов «тройного одеколona». После ароматной «дезинфекции» сожитель, словно помытый дождем огуречик, с улыбкой выходил из ванны,. Ева к его выходу накрывала стол. После пропущенной рюмки Еька набирался смелости Еве не только рассказывать «похабные» анекдоты, но и целовать. Ева по время этой «процедуры» закрывала глаза. Его «рожа» ей нисколько не нравились, не говоря уже об его слюнявых поцелуях. Свободный рынок демократической страны требовал свое. От русской немки Евы Крот он требовал жертвовать своей красотой, что она и делала. Еська был неглупый мужчина и чувствовал «невосприятие» к себе этой женщины. Однако ему было все по колено. Он не сомневался в том, что эта нищая женщина со стройной фигурой и ослепительной красотой все равно ему «даст». И о том, как она это делает, он завтра же расскажет своим коллегам по работе и собутыльникам по общежитию...

В день Восьмого марта Еська Лихохвост сделал предложение Еве Крот стать его женой. В этот день Кротиха каких-либо планов не строила. Каких-либо цветов от кого-либо она также не ожидала. Своего «мясника» к разряду воспитанных мужчин или кавалеров блондинка не относилa. И поэтому ранний визит сожителя ее удивил. Услышав звонок, Ева неспеша соскочила с постели и подойдя к двери, посмотрела в смотровое окошечко. Увидев знакомое лицо, женщина открыла дверь. Перед ней с цветами стоял Еська. Мужчина был в приподнятом настроении и хорошо одет. Пришелец молниеносно зашел в квартиру и пренебрегая всевозможной «дезинфекцией», с улыбкой вручил хозяйке большой букет мимоз, завернутых в газету. Отдавая цветы в руки женщины, Еська тут же проговорил:

- Дорогая Ева! Поздравляю тебя с праздником.... Я тебя уже больше года люблю и хочу, чтобы ты стала моей женой в этот день...

Не заставив себя ждать ответа от блондинки, мужчина быстро зашел на кухню и вытащил из внутреннего кармана полупальто

бутылку коньяка. Неожиданное сватовство «мясника» Еву рассмешило. Она с улыбкой на устах направилась в спальню, чтобы поставить цветы в вазу с водой. Женщина неспеша стала освобождать букет от пожелтевшей газеты и мимолетно бросила свой взгляд на одну из ее разорванных страниц.

Хозяйку привлек броский заголовок статьи «Подвиг советского офицера». Внезапно возникшая перед глазами фамилия полковника Клюкина Александра Павловича на какое-то время «помutila» сознание Кротихи. Она, взяв отрывок газеты, быстро села на стул и стала внимательно читать сохранившуюся часть статьи. Основное содержание про подвиг офицера она не могла прочитать из-за отсутствия части газетной страницы. Информация о том, что за совершенный героический подвиг при выполнении интернационального долга на территории Демократической республики Афганистан полковник Клюкин награжден орденом Красной Звезды «посмертно», у Евы не вызывала сомнения в том, что этим героем был ее некогда любимый Сашка Клюкин. Что и как совершал этот подвиг советский офицер, она, к сожалению, прочитать не могла. Со слезами на глазах Кротиха перевернула газету на обратную сторону. Газета была почти десятилетней давности. Сначала Ева хотела спрятать этот отрывок «Красной Звезды» в свой платяной шкаф, однако почему то передумала это делать. Она быстро схватила газету и медленно пошла на кухню. Затем, засунув клочок бумаги дрожащими руками в мусорное ведро, села на стул и закрыла глаза. На несколько мгновений она мысленно воспроизвела в своей памяти все то, что у нее было так давно с Санькой Клюкиным. Только и всего. Вытерев ладонью набегающие слезы, хозяйка стиснула зубы и решительно пошла в комнату. Там ее ждал новоиспеченный жених. Ни в этот день и ни позже Ева Крот не стала женой Еськи Лихохвоста..

Через год Еська свои функции «спасителя» для Кротихи перестал выполнять. В этом его вины не было. Мясокомбинат в Молихове закрыли. Местные власти признали его нерентабельным. Мясо стали завозить из другой области. Ева это тяжело переживала. Еще тяжелей переживал Еська. Мужчина неделю после закрытия своей «кормушки» хоть как-то еще держался, а потом резко «пошел» вниз. Ева теперь его без «шабашки» не стала принимать. Ей было не до лишнего рта, тем более, алкоголика. Через пару месяцев после закрытия мясокомбината Кротиха совершенно случайно увидела своего бывшего «мясника» возле торгового центра. От увиденного через окно автобуса, женщина содрогнулась. Лихохвост сидел на земле возле небольшого торгового ларька и пересчитывал пустые бутылки из-под спиртного. Рядом с ним стояла с сигаретой в зубах старая женщина и что-то говорила на ухо

бывшему «мяснику». У Кротихи сдавило сердце и ей хотелось расплакаться. Сама она ехала на рынок для того, чтобы у богатых торгашей найти возможность подработать. У безработной в холодильнике стояла последняя бутылка молока и полбулки хлеба. В этот день ни денег, ни продуктов у красивой женщины не было. Она, как и все, хотела жить, и жить хотела неплохо...

Пролетел еще один год. Этот год Ева Крот не прожила, а просуществовала как животное, а може даже и хуже. Каждый ее день был днем борьбы за выживание. Она, как и тысячи жителей промышленного города, не имела работы. Да и те, кто работал, мизерную зарплату получали не вовремя или вообще ее не получали. С каждым днем люди становились суровее и довольно редко улыбались друг другу. Из-за отсутствия денег многие мужчины и женщины ходили заросшими или небритыми. Каждый экономил на всем, что «попадалось» под руку.

Кротиха в этот год за свою квартиру не платила. Мелкие чиновники, приходящие из ЖЭКа и других организаций, то и дело грозились отключить у нее воду или электричество. Кое-кто из них угрожал вообще ее выгнать из «хрущевки». Ева со слезами на глазах обещала рассчитаться с долгами через месяц. Проходил месяц, у нее не было работы, поэтому и не было денег. Лето Кротиха занималась лесными заготовками. Женщина брала в руки ведра или сумки, в зависимости от того, на что был урожай в лесу или на полянах, и садилась на электричку. В поезде ехала без билета. В переполненных вагонах стояли сотни подобных Еве с теми же ведрами и сумками. Билетные контролеры озлобленных и полуголодных людей боялись проверять. Ева однажды была очевидцем того, как двое мощных мужчин-безбилетников, взяв за ноги контролера-старика, выкинули его через открытое окно вагона. Дедок, скорее всего, остался жив, так как поезд набирал только что скорость...

Суровая зима для Евы Крот была особенно тяжелой. Из-за сильного мороза и безалаберности местных властей в разных местах города отключали отопление. Люди для обогрева использовали газовые плиты, делали всевозможные обогревательные «приборы». В городе возникали пожары, нередко были и человеческие жертвы. По местному телевидению всевозможные чиновники в происходящем во один голос винили жителей, которые не платили за жилье. Нередко большой город погружался в темноту. Местные власти экономили электроэнергию. В семьи многих горожан стал стучаться голод. Кое-кто из жильцов ловил бродячих собак и употреблял их мясо в пищу. Нищета порождала преступность. Кротиха от страха, как и тысячи городских жителей, быстро забегала в свою квартиру и надежнее

запирала дверь. Полуголодные люди, особенно молодежь, порядочно «вкусив» спиртного, искала себе приключений. С каждым часом пополнялась «копилка» убийств. Милиция задыхалась от «вала» правонарушений.

Люди изыскивали всевозможные пути выхода из создавшегося тупика. Стала его искать и Ева Крот. Время для размышлений у нее было достаточно. Особенно ей было над чем подумать в те дни и ночи, когда в квартире не было света и тепла. Плотнo укpывшись одеялом по самый нос, и глубоко дышая, дабы не замерзнуть, она предавалась воспоминаниям. Наиболее сладостными из них были воспоминания о социалистической Германии, в которой она, как жена советского военнослужащего, прожила чуть более трех лет. С этими «райскими» воспоминаниями она и засыпала на пару часов или чуть-чуть больше. Холод давал о себе знать. Если хозяйке становилось и совсем невтерпех от холода или от темноты, она открывала холодильник и вытаскивала бутылку с самогонкой. Первач разогревал ее тело. От выпитой самогонки становилось легче и веселее на душе. Женщина пила еще и еще...

Желание уехать в Германию у Евы появилось совершенно случайно. О собрании русских немцев в общественно-политическом центре своего города, блондинка узнала из небольшого объявления, которое было приклеено на заборе. Совершив две автобусные пересадки, женщина в указанное время приехала к пятиэтажному зданию. Собрание проходило в небольшой комнате. Желающих принять участие в его работе было очень много. Многие из пришедших стояли в коридоре. Ева покинула общественно-политический центр поздно вечером. Дома ночью она «перелопачивала» в голове все то, что она слышала на этом собрании. В этот вечер она более подробно узнала и о тех репрессиях, которым подвергались советские немцы при коммунистическом режиме. В эту же ночь Ева Крот впервые в своей жизни по-иному восприняла трагическую судьбу своей матери, которую она раньше ненавидела как врага. Кротиha все думала и плакала...

Торопиться с отъездом в Германию русская немка сначала не хотела. Все надеялась на то, что вот-вот Россия воспрянет духом и жизнь хоть как-то наладится. Время летело стремительно быстро. Жизнь не налаживалась, а, наоборот, с каждым днем, а то и с каждым часом становилась все хуже и хуже. Ева металась по своей убогой квартире и не находила для себя ответов на поставленные жизнью вопросы. Она не могла понять того, почему в ее стране, где имеются богатейшие запасы природных ископаемых и вроде бы живет и неплохой народ, царствует нищета и бесправие. Блондинка обращала себя опять к воспоминаниям о жизни в ГДР. В этой

небольшой стране с мизерными полезными ископаемыми люди жили хорошо. Находясь во власти этих впечатлений, женщина стала все чаще и чаще посещать общественно-политический центр...

Наступила очередная сибирская весна. Большой город не оказался в стороне от «немецкого» вопроса. Жители по-разному относились к тем, кто покидал страну. Ева по этому вопросу ни в какие передряги и перепалки ни с кем не вступала. Она каждое воскресенье ездила на железнодорожный вокзал и наблюдала за тем, как уезжали немцы на свою историческую родину. Многие из отъезжающих плакали. Еве казалось то, что это были слезы радости и надежды. Через месяц русская немка Ева Крот пошла в кооператив «Хаймат», который занимался оформлением документов на выезд. Еву принял сам директор, русский немец. Мужчина оказался довольно разговорчивым человеком. Видя перед собой красивую русскую немку, он решил все выложить «на гора», что знал о своей исторической Родине. С открытым ртом Ева слушала о сытой и беспроblemной жизни в ФРГ. От этого ей становилось все теплее на душе. Безработной и нищей женщине также казалось то, что сама судьба дала ей возможность оказаться в этом земном «рае». Вильгельм Теодорович в заключении своей продолжительной беседы дал блондинке список документов, необходимых для выезда в Германию. Мужчина также назвал и сумму денег, которые предстояло заплатить женщине за все услуги. С хорошими мыслями и большими надеждами Ева Крот покидала гостеприимный кабинет в небольшом помещении, где «готовили» русских немцев для отъезда на историческую родину.

Надежда уехать в Германию у Кротиhi пропала вечером, когда она, открыв папку и прочитав список необходимых документов, поняла то, что ей все эти документы и непонятные «формы» и за всю жизнь не собрать. На оформление всевозможных бумаги у нее также не было денег. В этот вечер весь ее «капитал» был равен стоимости десяти булок хлеба. Со страшными мыслями женщина направилась в кровать...

Утро для блондинки оказалось мудренее, чем вечер. Она нашла другой вариант, который позволил бы ей без проблем оказаться на исторической родине своих предков. Купив свежий номер областной «Недельки», женщина стремительно помчалась домой. Ей очень не терпелось развернуть газету и прочитать рубрику «В поисках друга сердца». Среди нескольких десятков объявлений о брачном знакомстве, женщина нашла и трех мужчин, которые искали для брака русских немок с целью выезда в Германию. Двое мужчин Еве подходили. Они не имели детей. Один был приблизительно с ней одного роста и веса. Второй с блондинкой был одного роста, однако почему-то он не указал свой

вес. Однако ее это не так смущало.

С первым кандидатом в законные мужья русская немка встретилась возле газетного киоска на железнодорожном вокзале. С Пашей она встретилась ровно в двенадцать дня, как и договаривались. Мужчина был в ярко красной спортивной шапочке и с газетой в руках. Свои приметы мужчина обозначил женщине во время телефонного разговора и поэтому она быстро «вычислила» своего жениха. Во внешнем виде у него ничего сверхъестественного не было. Это даже устраивало блондинку. У Евы росла надежда на возможный союз и во время короткой беседы возле киоска. Душа женщины «пела», когда Паша пригласил ее прокатиться на собственном «поношенном» «Мерседесе». Опустившись на мягкое сидение иномарки, немка сразу же почувствовала себя на седьмом небе. Через полчаса жених ловко подрулил к двухэтажной кирпичной даче. Во время показа достопримечательностей своей «фазенды» дачник то и дело ворковал о том, что он это «чудо» своими руками построил за два года, хотя рядом его сосед профессор собирает свою «хижину» без малого четверть века.

Через час Павел организовал приличный стол. Ева в этом участия не принимала. Женщина ходила по дачному участку и любовалась тем, что было на нем посажено. В это воскресенье погода была как по заказу. Блондинка, гуляющая на свежем воздухе, благодарил Бога и за погоду, и за хорошего жениха. Дачная «идиллия», которая в это время буйствовала в душе Евы Крот, привела к тому, что она сознательно решила «расслабиться». На столе были изысканные блюда и напитки, которых Ева уже порядочное время не употребляла. В этот вечер о «больших» делах за столом никто не говорил. Блондинке даже казалось то, что от изрядно выпившего Павла, исходит порядочность и жажда жизни. Кротиха не сопротивлялась, когда Павел, щекотя ее лицо и губы своими усами, уверенно поднял ее на руки и понес в кровать. Чувствуя сильные руки мужчины, она до боли целовала его губы и также неистово прижимала его поясницу к своей...

Проснулись сиеминутные влюбленные через пару часов. На улице еще на всю мощь стоял день. Светило яркое весеннее солнце. На даче и вокруг нее стояла мертвая тишина. Назойливо жужжали комары и летали бабочки, или им подобные. Первым стал говорить о больших делах Павел, который лежал в постели с Евой, лениво водил рукой по оголенному и нежному телу женщины. Ева чувствовала эти нежные прикосновения, и чуть-чуть приоткрыв глаза, любовалась мощным телом своего соседа. Павел, нежно чмокнув лежащую женщину в щечку, как бы невзначай, а может и даже с оправданием, произнес:

- Евушка, спящая моя, я, честно говоря, женатый человек... Я

люблю свою жену и единственного сына... Я хочу с тобой заключить только фиктивный брак. В настоящее время я занимаюсь продажей иномарок, и этот бы союз мне не помешал. Ты ведь видишь то, что число богатых людей в нашей стране растет не по дням, а по часам...

Дальше мужчина сказать уже ничего не мог. Мгновенно «поумневшая» Ева со всей силой ударила мужчину по лицу. Павел, словно ошпаренный, вскочил с постели и с силой схватив Еву за руки, стал их заламывать за спину женщины. Кротиха от боли вскрикнула и укусила мужчину за ухо. От боли хозяин «фазенды» неистово закричал и стремительно побежал вниз. Ева спустилась на первый этаж через минут пять. Павел сидел за небольшим столиком и прижимал белой тряпкой кровоточащее левое ухо. Ева, словно окаменевшая, со злостью посмотрела на своего «несостоявшегося» жениха и быстро выскочила из дачи. Затем она побежала по проселочной дороге в сторону леса, за которым проходила автомобильная трасса. Ева несколько раз оборачивалась назад. Боялась погони Павла или еще кого-нибудь. К счастью женщины, ее никто не преследовал...

«Первый блин» у Евы Крот на фронте замужества получился комом. Однако она не унывала. Одиноким русским немки были нарасхват у мужчин, особенно, у жизненных неудачников или у тех, кто еще что-то хотел совершить героическое за демократическим «бугром». Ева решила сама дать брачное объявление в газету. На код немки пришло около тридцати писем. С чувством собственного достоинства она распечатывала письма и внимательно их читала. Из всех писем Ева отобрала всего пять. По мнению женщины только эти мужчины могли ее чем-то обнадеежить. Остальных претендентов на выгодный брак блондинка отсеяла по разным причинам. К ним относились те мужчины, у кого были дети, а так же и те, кто еще не «членораздельно» жил со своей бывшей или настоящей женой. Не находили интереса у русской немки крестьяне и простые работяги. Не брала она близко к сердцу и тех, кто был награжден медалями и орденами Советского Союза. Ева прекрасно понимала то, что на ее исторической родине эти «заслуженные» будут не в почете.

На следующий день Ева всей пятерке позвонила и назначила каждому встречу с определенным перерывом возле газетного киоска на железнодорожном вокзале. Место первой встречи она решила не изменять, несмотря на неудачи с предыдущими двумя мужчинами. Женщина была полна желания «по-стахановски» принять всех женихов в один день. Блондинка надеялась на то, что даже за короткое время встречи она уже в состоянии отличить настоящего мужчину от простого мужика. Промашка с Павлом женщину многому научила. Теперь она не хотела с кондачка решать свои

личные проблемы. Немка также не хотела и ложиться в постель с очередным женихом без всякого на то «основания».

Сергей Иванович, первый из пятерки, которому Ева назначила встречу, к киоску пришел с пятиминутным опозданием. Такая «любовь» немке не понравилась. Кандидат в женихи опоздание свое объяснил тем, что в дороге сломался маршрутный автобус. На такси у мужчины не было денег. «Финансы» сразу же обескуражили Еву и она на первых минутах встречи в своей душе сразу же дала «отбой» претенденту. Не устраивала красивую блондинку и общая «культура» мужчины. Сергей Иванович во время беседы с женщиной все время сморкался, с удовольствием глотая специфического цвета жидкость, которая то и дело вытекала у него из носа-пяточка. Красивой невесте также не нравилось его громкое чихание, после которого претендент в мужья почему-то не использовал свой носовой платок. Не использовал, скорее всего, по причине его отсутствия. Ева, проводив очень важную персону, так о себе писал автор письма, радостно вздохнула и окончательно решила за «бугор» его не брать. Безработный мужчина с явно низкими экономическими и культурными «потенциями» на ее исторической родине кроме проблем ничего не мог «производить».

Второй «жених» имел определенные преимущества перед первым. Вася был не только богаче, но и чуть-чуть сообразительнее своего предшественника. Полустроевым шагом, словно на военном параде, он уверенно подошел к блондинке с «газетной» приметой и вручил Еве небольшой букетик цветов. Представив свою персону, мужчина галантно протянул свою руку для приветствия, и также галантно поцеловал руку Еве. Через пару минут Вася сидел со своей «невестой» в привокзальном ресторанчике. Деловая беседа расставила все по свои местам. У мужчины было все для возможного брака. У него не было жены, не было и детей. У него была хорошая специальность и хорошая зарплата, и большой горбатый нос... Ева, лениво потягивая пиво, на какой-то миг закрывала свои глаза. Она не могла представить себя с Васей, идущим по чистым улицам Германии, у которого такой большой нос. На прощание женщина даже легко чмокнула неудачника в щечку. Василий Николаевич, как начальник цеха, жизнь прожил не по учебникам. Он при коммунистах и при демократах не строил каких-либо иллюзий. Мужчина, покидая красивую блондинку, точно знал о том, что нищая русская немка за его большой и горбатый нос на свою историческую родину не возьмет...

Третий кандидат для сердца и души Евы назвался Шуриком. Мужчина чем-то своей внешностью напоминал героя известной кинокомедии. Он был высокого роста, но почему-то этот рост его сильно портил. Джинсы на Шурике были до такой степени

«затерты», что Еве казалось вот-вот они расползутся и через секунду, в крайнем случае, через две для всеобщего обозрения «вывалится» очень тощий зад мужчины. Цветов для немки ухажер не принес. Не пригласил он ее и в ресторан. Разговора на общую тему у блондинки и у блондина, от которого исходил почему-то очень неприятный запах, не получилось. Сухо промямлив друг другу «До свидания», мужчина и женщина через пять минут разбежались.

Четвертый жених по «плану» должен был прийти в четыре часа, однако он явно запаздывал. Битый час Ева «маячила» с вновь купленной газетой возле киоска. Очередного жениха все не было. Не пришел он ни через час, ни через два. Кротиха в ожидании мужчины успела купить три газеты и все их прочитать. «Пренебрежение» к своей персоне разозлило красивую женщину. Уставшая от ожидания, она вышла на привокзальную площадь подышать свежим воздухом. До появления пятого жениха оставалось около часа. Немного потоптавшись на площади, Ева медленно побрела в сторону колхозного рынка. На улице было дождливо и как-то даже неуютно. Основными торговцами на рынке были жители из южных республик страны. Красивая блондинка, легко покачивая своей фигурой, с улыбкой подходила к торговым лоткам. «Раздвинув» рот до самых ушей, она с некоторой нагловатостью брала фрукты с лотков, дабы отведать на вкус яблоко или сливу. Южные люди были не против того, чтобы такая красивая женщина провела «дегустацию» их товара. Кое-кто из них, увидев то, как ослепительно красивая женщина средних лет с улыбкой откусывает их «товар» своими белыми зубами, восторженно приговаривал:

- Ай, какая красавица! Кушай на здоровье, приходи исче раз к нам в гости... Исче тибе яблоко дам....

Ева с равнодушием смотрела своими голубыми глазами на торговцев, и немного с ними «позубоскалив», с независимым взглядом продолжала дефилировать от одного лотка к другому. Вскоре это «занятие» ей надоело и она направилась в сторону железнодорожного вокзала.

Пятый кандидат, Толян, внешних дефектов не имел. Да и по росту, и по жиру он к Еве подходил. Женщину только насторожила спортивная шапочка на голове мужчины, которая была натянута по самые уши. Лысых немка не любила, не хотела она иметь и мужчин с какими-либо дефектами головы. Опасения женщины на головные дефекты жениха через полчаса рассеялись. Толя предложил Еве покататься на своем «Запорожце» по городу. Немка не отказалась. В дороге сорокапятилетний водитель кое-что рассказал о себе. Мужчина высшего образования по своей лени-матушки не получил.

Окончил ПТУ и стал камненщиком. При демократах стал бригадиром «шабашников». С женой развелся пять лет назад. Себя в разводе не винил. Его бывшая жена, по словам водителя, была настоящей «блядью» еще с самых пеленок. Единственная дочь жила с матерью. Толик пригласил пассажирку к себе гости в небольшую квартирку на самой окраине города. Ева от приглашения посетить «обитель» одинокого мужчины отказалась. Она решила больше не рисковать. На первой же автобусной остановке женщина вышла из машины...

Неудача постигла Еву и во время очередного отбора кандидатов в женихи. На этот раз писем было уже не столько много. Красивая русская немка провела смотрины очередной пятерки мужчин. И на этот раз ее постигла неудача.

Безысходность в жизни и провалы в поисках симпатичного и одновременно «хлебного» мужа вынудили Еву ускорить подготовку документов для выезда в Германию. Русской немке к тому же никак не хотелось прозябать в своей квартире ветхой «хрущевки», которая из-за отсутствия многолетнего ремонта чем-то напоминала бараки для военнопленных в годы второй мировой войны. Свой очередной визит женщина решила нанести только лично к директору. Она доподлинно знала то, что мужчины быстрее решают дела, ежели перед ними сидит красивая блондинка с красивой прической и в очень короткой юбке с «удлиненными ногами».

Директор кооператива был в хорошем настроении. И этим решила воспользоваться вошедшая посетительница. Не успела женщина закрыть за собой дверь, как она с самого порога начала плакаться:

- Вильгельм Теодорович! Я уже была у Вас несколько месяцев назад... Сегодня я твердо решила ехать на историческую родину... Мне очень бы хотелось то, чтобы Вы мне рассказали еще раз о том, какие мне нужны документы и когда я уеду в Германию... Здесь мне эта нечеловеческая жизнь, да и одиночество страшно надоели....

Последнюю часть своего короткого монолога красивая посетительница произнесла с болью в душе. «Кооператор» на монолог блондинки сначала никак не прореагировал. Он за день таких слезных просьб слышал до десятка раз, а то и больше. На все эти просьбы мужчина реагировал по-разному. С семейными говорил сухо и официально. Одиноких женщин, у которых была куча детей и разводов, отправлял к своим подчиненным. Документы на «сложных» оформлялись месяцами. Среди одиноких посетительниц были и такого типа, как Ева. Железных правил обращения с таким контингентом у чиновника не было. Все зависело от той, которая сидела на жестком стуле просительницы.

Мужчина, стреляя блондинку томными глазами снизу вверх и сверху вниз, в данный момент в своем сознании почему-то оставлял место и для сладостных мечтаний. И не без оснований. Красивая блондинка, положив ногу на ногу перед самым окном директора и искусно оголив белую «ляжку», преданно смотрела шефу в глаза. От этих глаз и эротического вида женщины у директора что-то потекло между ног. Ева, как женщина, в половом «арсенале» которой было приличное количество мужчин, продолжала томным взглядом озарять мелкого чиновника. Блондинка не ошиблась в своих предположениях. Кооператор клюнул на ее приманку...

Приглашение директора вместе пообедать Ева восприняла с большой радостью. Женщина, стучая каблучками, словно порхающая бабочка, с улыбкой последовала за начальником, который от важности, казалось, вот-вот взлетит на небо или на другую планету. Майер, легко открыв дверь «Мерса», так же непринужденно посадил свою спутницу в машину рядом с водителем. Пассажирка, быстро освоившись на сидении, взглянула на себя в зеркало и осталась довольна своим внешним видом. Вилли, после того, как машина плавно тронулась, с улыбкой наблюдал за тем, как его новенькая часто заглядывала на себя в зеркало. По дороге в ресторан русский немец, рассказывая о сложностях своей работы, изредка посматривал на красивую немку. Она ему с каждой минутой все больше и больше нравилась. Особенно нравились ему ее ноги, которые были довольно широко раздвинуты. Водитель видел иногда и белоснежные плавки женщины...

В ресторане Ева с директором просидела порядка двух часов. За это время она не только хорошо покушала и выпила, но и практически обо всем договорилась. Необычайная податливость Вилли превзошла все ее ожидания. Она никак не представляла, что незнакомый мужчина будет рвать и метать для того, чтобы как можно скорее отправить ее на историческую родину своих предков. Майер за столом опекал свою блондинку как свою горячо любимую жену или дочь. Блондинке это очень нравилось. Кротиха также прекрасно понимала то, что он все это делает небескорыстно. В условиях демократической страны за все надо было платить. Намек на это подал и сам директор, который перед тем, как высадить свою клиентку перед ее домом, тихо произнес:

- Мне жалко расставаться с тобой, Ева... Все свои обещания в ресторане я обязательно выполняю... Для меня всякие бумажки или секретные «формы» как букашки... Думаю и водительские права для себя ты получишь через недельку. Эти глупые немцы еще не понимают то, что здесь у нас все можно сделать... Особенно сейчас, когда дураки стали богатыми, а умные бедными, хотя и раньше

такое же и было...

Больше о политике мужчина не стал говорить. Ему эта болтовня, как и новой знакомой, порядочно надоела. Майер, словно забыв о том, что раньше говорил, наклонился к блондинке и тихо произнес:

-Я вижу ты довольно неглупая женщина и понимаешь то, что в любом обществе за все надо платить... Я раньше думал о том, что любовь и секс понятия разновеликие. Первое возвышает человека, второе низводит его до низости и подлости... Теперь у меня в моей голове уже другая теорема, у тебя такая же...

Полупьяная женщина не дала что-либо дальше говорить водителю. Она, повернувшись к мужчине, легко поцеловала его в губы и тихо прошептала:

- Вилюшка, ты много по этому поводу не переживай... Я все понимаю, я тебе завтра перезвоню...

Сказав это, Ева, словно дикая козочка, легко выскочила из машины и уверенно пошла в сторону своей «хрущевки». Страсть к блондинке на какой-то миг захватила кооператора. Он выскочил из машины и хотел было последовать за отдаляющейся женщиной. Мужчина несколько не сомневался в том, что она, да и он, за взаимные услуги готовы растерзать друг друга в постели. Сделав пару шагов в сторону блондинки, Вилли вдруг вспомнил о том, что через полчаса у него важная встреча с чиновником из городской администрации. Вскочив в машину, водитель надавил на газ. Через несколько мгновений его «Мерседес» затерялся в автомобильном потоке...

На следующий день Ева, как и обещала кооператору, позвонила ему по телефону. «Мерс» приехал за блондинкой в шесть часов вечера. Через полчаса Вилли и Ева нагишом сидели в комнате просторной дачи. Каждый, сидя на мягком кожаном диване, с удовольствием потягивал немецкое пиво. Соленая соломка, которой они закусывали, также была с исторической родины предков, куда так рвалась Ева. Кротиха беспрекословно выполняла все прихоти своего нового «покровителя», бывшего подполковника советской милиции Прохорова. Гостя не могла не заметить того, что бывший милиционер, хотя и служил в «строгом» учреждении, однако был куда искуснее в половом отношении, чем она. Кротиха, уже находясь дома, несколько раз чистила свои зубы. У нее во рту еще очень долго сохранялся неприятный запах, который чем-то напоминал запах вонючей капусты, того, что выпускал ей в рот член бывшего милиционера. К тому же и сам длинный член русского немца напоминал собой вялую сосиску или полусгнивший банан, от которого красивую блондинку тошнило целую неделю. «Причуды» директора кооперативна пугали русскую

немку. Желание уехать на историческую родину предков было превыше всего и она опять шла «рассчитываться»...

На историческую родину Ева Крот попала только через три года и то не без проблем. Такого «подвоха» от немецких властей не ожидал и сам Вильгельм Теодорович. Права на вождение легкового автомобиля он принес через неделю. Еще через неделю были готовы к «производству» и все бумаги. Через месяц после отправки документов, блондинка узнала о том, что русским немцам для въезда в Германию необходимо сдавать тест на знание немецкого языка. Ева, хотя и была немкой, однако родной язык она не знала. Никакого понятия она не имела и о культуре русских немцев. «Язык» перечеркнул все планы блондинки. Она решила не ехать в Германию. Довести начатое дело до конца ей помог Вилли, который женщине нанял опытного репетитора. Ева также не пропускала ни одного занятия языковых курсов, которые были организованы при кооперативе. Все расходы брал на себя Майер.

Кроме постели мужчина отстегивал блондинке по десять долларов за «визит». Этих денег блондинке было достаточно для проживания. Половой «аппетит» у русского немца Вилли был громадный. Ева звонила ему на работу через день. В установленный час директор забирал свою любовницу. Зимой они «прозябали» на квартире Евы. Летом уединялись на даче, где Ева чувствовала себя очень вольготно. После «приятного» они частенько садились на «Мерс» и мчались к озеру. Озеро находилось в пятидесяти километрах от дачного поселка. Вдоль накупавшись, еще относительно молодая парочка на бешеной скорости мчалась назад. Подвыпивший шеф кооператива иногда доверял рулевое колесо «Мерса» своей очаровательной любовнице. Ева пьяной за машину садиться не боялась, так была уверена в том, что постовые милиционеры еще не забыли о подполковнике из областного управления внутренних дел.

После сдачи теста, через год Ева Крот получила приглашение на въезд в Германию. О своем намерении уехать за «бугор» она никому раньше не говорила. Держала она язык за зубами и среди соседей. Неизвестно от кого жители «хрущевки» все-таки узнали об отъезде русской немки и сразу же поменяли свое отношение к красивой женщине. Вместо приветственного кивка головой или дежурного «Здавствуйте», которые они раньше делали, соседи стали проходить мимо своей соседки молча, словно набирали в рот воды. Ева сначала болезненно реагировала на все это. Потом смирилась. Это произошло не без воздействия Вилли. «Запасной» офицер милиции, стараясь вывести свою любовницу на праведный путь жизни, без всякого стеснения ее поучал:

- Ева, моя дорогая... Пошли всех этих соседей, да и тех, кто

вокруг тебя ходит, в жопу... Эти люди просто завидуют тебе, хотя сами и толком не знают того, что есть и что еще будет в этой хваленной и сытой Германии...

Ева Крот уезжала в Германию за три дня перед Новым годом. Каких-либо «отбивных» или «отходных» она не делала. Да и настроения по этому поводу у нее не было. В стране творился беспредел. Поголовное пьянство и полуголодное существование простого люда какого-либо оптимизма у Евы не вызывали. Она про себя молила Бога за то, чтобы тот без проблем помог ей собраться в дорогу. Просила она Бога еще и о том, чтобы ее самолет не упал на территории некогда великого Советского Союза. Красивой женщине очень хотелось пожить еще для себя. О каких-либо богатствах на исторической родине предков она не думала и не мечтала. На те копейки, за которые она продала двухкомнатную квартиру с большими щелями в углах и с влажным потолком, некогда принадлежащей семье Лесковых, в Германии можно было купить хороший дамский велосипед...

Последнюю ночь на своей родине Ева провела на квартире у Майера. Жена покровителя довольно часто болела и не выходила из больницы. И на этот раз она оказалась в больнице. Эта ночь, хотя она была самой длинной в году, для влюбленных пролетела словно час. Мужчина и женщина, наслаждаясь собою, плакали. Больше всех от предстоящей разлуки страдала Ева. Ей казалось то, что без Вилли у нее за «бутром» не будет будущего. От этого она иногда плакала навзрыд. Вилли, словно маленький ребенок, «забирался» подмышки женщине и ласкового гладил ее груди и лицо. Иногда он «высовывался» и языком слизывал слезы красивой женщины. Блондинке такой «сервис» очень нравился. Она закрывала глаза, надеясь на то, что это поможет приостановить ее слезный поток и с силой притягивала к себе мужчину. Они в очередной раз погружались в мир страсти и любви...

Самолет вылетал из Молихова ровно в два часа ночи по местному времени. «Мерс» директора кооператива подрулил к аэропорту за час до отправления. Подгоняемая пронизывающим холодным ветром, парочка быстро забежала в здание аэропорта. У Евы больших чемоданов и баулов не было. Вилли рекомендовал свой любовнице не брать ни ложек, ни тряпок, которых в Германии хватит на весь мир. Блондинка ехала с небольшим чемоданом и с дамской сумочкой, в которой были все необходимые документы и билет до аэропорта Франкфурт-на-Майне. В этой же сумочке находилась и тысяча американских долларов. Эти деньги составляли состояние женщины, которое она нажила за пятьдесят лет на сибирской земле. На эти же деньги русская немка надеялась начать новую жизнь на исторической родине своих предков.

Диктор объявил о посадке в самолет. Ева со слезами на глазах крепко поцеловала Вилли в губы и сразу же ринулась в толпу отлетающих пассажиров. Майер, так же как и Кротиха, быстро пошел в противоположную сторону. Сидя в мощном «Боинге», Ева внимательно вглядывалась через окно в темноту, надеясь на то, что ее Вилли стоит за металлической перегородкой и машет ей рукой на прощание. Через несколько минут самолет мощно взревел и взял курс на запад. Переселенка все смотрела и смотрела в окошко самолета и продолжала махать той земле, которую она только что покинула. Ей казалось, что она эту землю покинула навсегда...

Глава восьмая.

«Прелести» исторической родины

Самолет подрулил к зданию аэропорта немецкого города Франкфурт-на-Майне утром, около десяти часов по местному времени. Ева Крот салон авиалайнера покидала предпоследней. Через час она подошла к стойке, где стояли немецкие не то контролеры, не то полицейские, которые очень внимательно разглядывали паспорт русской немки. Услышав немецкое слово «Битте», женщина с замиранием сердца переступила условную границу между тоталитарным режимом и страной, в которой все сытно кушали и наслаждались плодами демократии. С гордо поднятой головой блондинка перешла через здание аэропорта к стоянке автотранспорта. Здесь прибывших аусзидлеров ожидали большие комфортабельные автобусы. Часы на здании аэропорта отсчитали ровно двенадцать. До начала третьего тысячелетия оставалось ровно двое суток и двенадцать часов. Задержав взгляд на этих часах, женщина улыбнулась. Она сама не знала того, что принесет ей в следующем году историческая родина ее предков.

Через несколько часов около двухсот переселенцев из демократической России на автобусах были доставлены в пересыльный немецкий лагерь Брамше. Только через неделю блондинка оказалась в кабинете чиновника, который определял ее местожительство в Германии. Этим чиновником оказалась строгая немка с польской фамилией. Ева, имея «ограниченные» знания немецкого языка, старалась хоть как-то отвечать на поставленные вопросы официальной дамы. Аусзидлерша не могла сразу произнести название немецкой земли, куда ее только что «отфутболили». Немка, видя явное замешательство «руссачки», взяла ее за руку и подвела к политической карте ФРГ. Чиновница, нетерпеливо ткнув пальцем в то место, куда предстояло переселенке прибыть завтра к вечеру, усмехнулась и на чистом русском языке

произнесла:

- Сегодня из Сибири много переселенцев... Вы меня будете потом очень благодарить за то, что будете жить на юге Германии. В этой земле безработица значительно ниже, чем в бывшей ГДР... Вам бы и друга не мешало завести. Без него и красивой женщине будет куда труднее...

Чиновница ничего больше не сказала. Улыбнувшись уходящей вслед, она тотчас же приняла «официальный» вид. Ева официальной даме ничего не ответила.

Во втором пересылочном лагере Кротиха не пробыла и суток. Утром следующего дня ее автобусом доставили в небольшой город Фюлдер. Здесь ей предстояло прожить три года, как минимум. В ландратамте у Евы в очередной раз проверили документы и отправили на такси в общежитие. Открыв калитку довольно больших металлических ворот, Ева на какое-то время опешила. Возле нее неожиданно появились двое пьяных парней. Физиономии молодых людей чем-то напоминали русских. После приветствия своих земляков на чистом русском языке, вновь прибывшая поняла то, что ей предстоит жить в немецком хайме, но с русским «содержанием». Через полчаса новенькая получила ключи от маленькой комнатухи и необходимые постельные принадлежности. Комендантша фрау Крюгер новенькой также определила место на четырехкомфорочной плите. Указала и место в шкафу, где Ева могла ставить свою посуду.

Предоставленное жилье Еву разочаровало. Она никак не ожидала того, что красивой женщине, которую пригласила сама Германия, будет предоставлена такая «хата». На какой-то миг новенькую охватил страх перед своим будущим в этой стране. Кротиха, дабы не портить основательно себе настроение в первые часы пребывания в хайме, решила действовать более спокойно и рассудительно. Она еще раз осмотрела комнату и заправила кровать. Затем женщина быстро разделась и со слезами на глазах «плюхнулась» в постель, простынь которой отдавала своей неповторимой свежестью...

Кротиха проснулась около десяти часов утра. Открыв глаза, она невольно прислушалась. За дверью раздавался невообразимый шум. Аусзидлерша медленно открыла дверь и взглянула в коридор. От увиденного она ужаснулась. Большой верзила мужского пола катался на детском велосипеде по коридору и одновременно пинал футбольный мяч. Грязный мяч то прыгал по коридору, то попадал в стены, оставляя после себя небольшие темные пятна. Взрослые дяди и тети, стоящие в коридоре, со смехом наблюдали за футбольным «поединком». Ева, словно ничего не замечая, быстро проследовала в общественный туалет. Кабинку и очко ей также вчера определила

комендантша.

К обеду новенькая уже многое знала о жизни обитателей небольшого двухэтажного здания. В «хайме» проживало более двадцати семей. Все они в основном были из Сибири. Среди них каких-либо выдающихся личностей не было. По социальному составу львиную долю составляли бывшие колхозники и совхозники бывшей великой сверхдержавы. К числу оных относилась и Ева Крот. Жильцы в большинстве своем не отличались высокой культурой поведения. Во всех комнатах, где пребывала «душа русская», раздавался мат. Основным занятием жильцов было посещение шпрахкурсов. В свободное время мужчины и женщины отдавались игре в карты, пиву и курению. Сначала Еву Крот эти основные виды «деятельности» поздних переселенцев не устраивали. Она, как «белая ворона», сторонилась жильцов, часто просиживала в своей комнате или выходила на улицу гулять. Вести аскетический образ жизни женщина больше не выдержала. Через неделю и она стала, как и подавляющее большинство жильцов, вести привычный для нее «российский» образ жизни. Красивая переселенка с удовольствием стала потягивать дорогие сигареты «Мальборо». Запах этих сигарет очень нравился блондинке. Не стала «брезговать» Кротиха и пивом, который ей, как и сигареты, приносили двое среднего возраста мужчин. Они жили вместе в отдельной комнате, только напротив Евы. Новенькая не стеснялась брать от «холостяков» и более дорогие подарки.

Всю «подноготную» Федора и Николая женщина узнала от самих же мужиков, с которыми иногда до поздней ночи резалась в карты. Новые знакомые мало чем отличались друг от друга. Они не скрывали того, что поехали в Германию «вдоволь пивка попить, да и немного поработать». Эти «великие» идеалы еще молодых людей особого уважения к ним у Евы не вызывали. Кое-что из биографии своих «ухажеров» она узнавала и из женского общества, которое очень часто собиралось на кухне. Во время приготовления пищи многие женщины придавались сплетням. Ева на правах новенькой информацию о жизни этих людей в бывшем Союзе и здесь питала как губка. Сама же старалась держать язык за зубами. Ослепительно красивая женщина понимала то, что у нее грехов несколько не меньше, а может, даже и больше, чем у тех, кто жил в этом хайме.

Первый месяц проживания в хайме для Евы Крот пролетел быстро. И к тому же он был насыщен повседневными «скачками». Причиной этому были «запрограммированные» властями визиты и всевозможные термины в различные учреждения, которые проходили все приехавшие на постоянное место жительства. Немецкого языка Ева не знала. Переводчиком для нее во время посещения всевозможных «амтов» стала Татьяна Сейвольд. С этой

аусзидлершей Кротиха познакомилась на кухне на второй день своего прибытия в хайм. Соседка по электрической плите сразу же понравилась новенькой. К тому же женщины были одного возраста и незамужние. Татьяна от своего мужа ушла сразу же, как только получила документы в Брамше. Муж, по словам женщины, был у нее только на бумаге. Всю супружескую жизнь немец не работал, пьянствовал. У жены, которая работала поварихой в столовой, часто воровал. Детей у них не было. Татьяна едва ступила на землю своих предков, мгновенно освободилась от «мужского гнета».

«Освобождение» для женщины оказалось успешным. К женщине в хайм часто забегал на «огонек» «изгнанный» Виктор, который прибыл в Германию почти двадцать лет до того, как приехала Татьяна. Сын депортированного немца, который умер от голода в сибирской тайге, неплохо прижился на исторической родине своих предков. Друг Татьяны, закончив технический вуз в Германии и став инженером, построил себе двухэтажный особняк. В семейной же жизни у изгнанного получилась осечка. Ту, которую Виктор полюбил еще в Казахстане, здесь оказалась настоящей «блядью». У молодой и смазливой русской женщины появился «аппетит» к местным немцам, в первую очередь, к шефам.

Ева от всей души смеялась над тем, как Татьяна, словно народная сказочница, смачно пересказывала ей «перепетии» всей жизни своего друга. Ева ничего не говорила, она только смеялась над тем, что рассказывала ей новая подруга. Все услышанное и увиденное она «перелопачивала» в своей голове поздно вечером в постели. Кротиха все думала и думала. Татьяна оказалось для новенькой настоящей находкой, Божьим даром. Все «амты» Ева обошла без проблем. Визиты в учреждения давали все больше и больше информации о той стране, в которой переселенка намеревалась жить. Не без помощи новой подруги блондинка все смелее и смелее вступала в светскую жизнь общества, познавала его премудрости и особенности.

По инициативе Татьяны «холостячки» хайма решили посетить сауну, в которой голышом мылись мужчины и женщины. Сначала Ева решила дать «отбой» своей подруге. Кротихе никогда еще в жизни не приходилось мыться вместе с мужчинами. Утром ей пришлось примириться. Состоявшееся на кухне «бабское» собрание постановило все же идти в сауну. Основательно «поштукатурившись» и взяв с собою увесистые рюкзаки, тройка женщин пошла в сторону «диковинного» заведения. Сауна была не за «горами». Она находилась в трехсот метрах от хайма.

Посещение «матерщинной» сауны холостыми женщинами стало своеобразной сенсацией в русском хайме. Все жильцы независимо от возраста и пола, а также и алкогольного опьянения

были втянуты в «подведение» итогов. Ведущим «обозревателем» в этом деле была Татьяна. Она стояла в центре довольно обширной кухни и смаковала о том, что «наши женщины видели у местных немцев». От сказанного женщиной в адрес голых мужчин, с которыми сидели в парилке «наши бабы», кое-кто из жильцов брался от смеха за живот. Ева, как участница посещения сауны, ничего не говорила о «мужском зоопарке». Она стояла среди зевак и заразительно смеялась. О первом своем визите в общество голых мужчин женщина стала размышлять тогда, когда легла в постель. Ей было очень приятно «раскладывать» по полочкам все то, что она видела в сауне. В первые минуты пребывания в божьей «одежде» блондинка была пунцовая от стыда. Она очень боялась своей наготы среди большой толпы людей. Через несколько минут ее естественная «окраска» пропала. Голые женщины, как молодые, так и старые, явно не «дотягивали» до той блондинки, которая слегка покачивая бедрами, заходила в сауну или неспеша шла в бассейн, кишащий «разнообразием» того, что находилось между ног у мужчин и женщин. Ева все время «стреляла» глазами окружающих ее людей. Красота новенькой была настолько поразительна, что кое-кто из мужчин старался не смотреть в ее стороны, чтобы не нарушить ранее «привычные» формы нижней части тела.

В сауне женщина пришла к твердому выводу о том, что и на исторической родине предков она имеет возможность найти себе друга жизни, вполне возможно, даже и богатого. Перед ее глазами «всплыл» эпизод посещения финской сауны. Ева вместе с Татьяной вышли из парилки и быстро опустились на лежаки. Блондинка, с удовольствием закрыв глаза, на какой-то миг скинула с тела свое полотенце и раздвинула ноги. В этот момент ей было особенно приятно. Ее организм, поры несколько шоколадной кожи расслабились. Женщина открыла свои глаза минут через пять и обомлела. Напротив нее в метрах пяти сидел упитанный немец с рыжими усами и очень пристально смотрел на ноги блондинки. Ева, стараясь не замечать мужчину, нехотя повернулась на бок и стала разговаривать с Татьяной. Кротиха мельком заметила то, что наблюдающий за ней немец, быстро встал с лежака и прикрыв полотенцем свой «взбеленившийся» член, быстро поспешил в душевую комнату. «Беспокойство» немца также заметила и Татьяна. Она засмеялась и тихо прошептала своей новенькой подруге:

- Ну, что, Евушка? Я тебе раньше об этом говорила. Местные немцы очень падкие на русских баб, особенно если они красивы и молоды, да к тому же и нищие. Немецкие бабы из-за своей карьеры уже не знают как рождаются дети. Кстати, я где-то читала и о том, что состоятельные немки ездят в Африку, где за приличные деньги

трахаются с африканцами...

Только к утру новенькая крепко заснула. Заснула с теплыми воспоминаниями о посещении сауны и хорошими планами на будущее. Эти планы Ева Крот решила осуществить на исторической родине своих предков.

Через неделю после сауны блондинка с Татьяной пошла «чернить». О «чернухе» до хайма Ева никакого понятия не имела. Татьяна, имеющая солидный опыт этой работы, ради сохранения добрососедских отношений с вновь прибывшей, решила взять ее на «пробу». Для нее самой «черная работа» в этот день подвернулась совершенно случайно и притом ранним утром. Она сразу же стала стучаться в комнату Кротихе, которая еще крепко спала. Услышав сильный стук в дверь, Ева накинула на себя женский халат, бесплатно приобретенный ею в немецком Красном Кресте, и открыла дверь. Перед ней стояла соседка.

- Красавица, ты слышь меня, - радостно протараторила Татьяна. - У меня только что был Петька из соседней деревни. Он ищет рабсилу для ночной работы. Я уже там работала. За ночь можно сотню «отмочить»... Я думаю, ты индюшат можешь ловить...

Неожиданное предложение своей подруги Ева оспаривать не собиралась. Деньги ей нужны были позарез. Комендантша хайма неделю назад сказала Кротихе о том, что в городе социальных квартир нет. Не предвиделись они и в скором будущем. Ева решила искать частную квартиру.

Поздно вечером две молодые женщины, одевшись по-рабочему, сели на велосипеды и взяли курс в сторону деревни, где им предстояло работать. «Объект» находился в пяти километрах от Фюльдера. Не то птицефабрика, не то какая-то ферма находилась на самой окраине деревни. Татьяна, словно бригадир, четко поставила перед своей подругой задачу:

- Евка, у тебя работа очень простая. Ты должна ловить вот этих двуногих и тащить их к этой маленькой дверке.

Сказав это, подруга показала рукой в сторону узкого перехода в небольшой постройке. Ева, внимательно посмотрев в эту сторону, словно послушный солдатик, тихо ответила:

- Хорошо, я все поняла...

Через несколько секунд, «полководец», отдавший распоряжения, исчез. Оставшись в гордом одиночестве, Кротиха повернулась в сторону тех, с кем ей предстояло «работать». Птичье «войско» с опаской посматривало на свою «наседку». Одиночество женщины прервал мощный мужской голос на русском языке:

- Ей, кто там наверху? Давай быстрее этих лошадей...

Властный русский бас быстро отрезвил блондинку. Она, словно гончая собака, устремилась за рядом стоящим бройлером. К

сожалению, первый блин у Кротихи получился комом. Намеченная «жертва» так быстро отлетела в сторону от Евы, что она успела только чуть-чуть прикоснуться рукой к небольшому хвосту птицы. Через пару минут, а, может, даже и позже, запыхавшая, но очень довольная Ева передала своего «первенца» в окошечко. Своих «подопечных» Ева ловила до самого утра. Сколько штук она передала в это окошечко, женщина не считала. К семи утра следующего дня две подруги, уставшие, но очень довольные окончанием работы, сели на велосипеды и взяли курс в сторону родного города. Через полчаса, после того как Ева помылась, к ней в комнату вошла Татьяна и протянула ей две денежные банкноты по пятьдесят марок каждая. Ева с улыбкой взяла эти деньги и стремительно ринулась в сторону кровати. Ей очень хотелось спать. Уставший организм требовал отдыха.

К обеду блондинка проснулась. Во многих частях ее тела что-то нестерпимо ныло и болело. Женщина чувствовала себя очень вялой. Тех сил, которые еще только вчера ее легко и бодро поднимали с постели, у Евы не было. В «ремонте» ее организма посильную помощь оказала Татьяна. Соседка, натирая тело блондинки какой-то мазью, во время процедуры весело приговаривала:

- «Черная» работа это тебе не прогулка по Бродвею... Одним словом, моя блондинка, держись, я ведь все это уже прошла...

Ева, вскрикивая во время массажа от боли в спине и ногах, на нравоучения соседки по этажу ничего не говорила. Кротиха тихо и мирно все это слушала, нередко весело улыбалась. Особенно больная заразительно смеялась тогда, когда Татьяна при помощи небольшого светильника, который висел на стене в комнате Евы, с большим вниманием осматривала не то рану, не то кровавый синяк на заднице красотки. Медицинский осмотр новенькую очень смущал. Она даже про себя «чертыхала» того бройлера, который нанес ей «рану» на трудно обозримом месте. Во время лечения, блондинке ничего не оставалось делать, как выслушивать итоги обследования Татьяны, которая заразительно смеясь, то раздвигала, то сжимала ягодичы красивой блондинки...

Через неделю Ева Крот основательно «отошла» от «курятника» и в ней опять появилось желание «почернить». К этому времени блондинка и сама стала в кое-каких видах «чернухи» разбираться. Информация о рынке дешевой рабочей силы в хайме витала днем и ночью. И эту информацию приносили сами же жители хайма. Местные немцы в хайм не совались, боялись «засветиться» перед полицией. Ева, как женщина, не испытывала большого желания таскать кирпичи или подмывать «злачное место» у какой-либо старой бабушки, которая через какой-то час могла отбыть в иной мир. Мыть пол в каком-либо помещении

Кротиха считала для себя более приемлемым и более культурным занятием. Очередная «чернуха» по уборке производственного склада женщину очень обрадовала. Рано утром Ева, Татьяна и еще молодая девица из хайма были доставлены на старенькой «Мазде» в довольно большой город. Название города и его жители руссачек не интересовали. Рабочую силу в составе трех ярко накрашенных женщин прямо перед входом в огромное помещение встретил очень молодой парень. Никто из женщин не признал в нем местного немца. Молодой шеф с темным цветом кожи и с густыми грубыми волосами, весело улыбаясь, вежливо поздоровался с каждой женщиной по ручке. Затем, приставив указательный палец к носу, стал внимательно не то с иронией, не то с недоверием «изучать» физические возможности прибывших. Через пять минут тройка аусзидлерш была «озадачена» и получила все необходимое для работы. Ева, как и две ее подруги, получила большую швабру с тряпкой и полное ведро воды с каким-то белым порошком. «Лента» для мытья представляла собой длинный коридор около полукилометра и шириной около десяти метров. Немного опустив голову вниз, и находясь во власти своих личных дум, женщина начала монотонно махать своей шваброй из стороны в сторону.

Через несколько минут блондинку неожиданно кто-то сзади сильно схватил за плечи. Женщина не успела еще и по-настоящему отреагировать, как ее швабра оказалась в руках молодого начальника. Парень, смеясь, стал ловко махать мокрой шваброй по полу, что Ева едва успевала своими глазами «ловить» его движения. Через пару минут молодой учитель «промахал» довольно значительный участок коридора. Ева молча стояла и с кислой миной смотрела на это «чудо» техники. После выполнения своеобразного принципа «делай, как я», который был хорошо знаком женщине по службе ее погибшего мужа в рядах Советской Армии, маленький шеф быстро подал швабру в руки блондинке и громко произнес:

- Бери швабру и работай... Работай, большая русская краса...

Короткое предложение, которое произнес молодой парень на русском языке с очень большим акцентом, вызвало заразительный смех у женщины. Смех ей в тот же момент пришлось прервать. Не немец, презрительно посмотрев на руссачку, ускоренным шагом пошел в сторону лестницы, ведущей на второй этаж. Тот темп работы, который предложил ей маленький клерк, Ева не выдержала и в течение пяти минут. Через несколько метров «ленты» все ее тело стало потным. Капельки жидкости, которые «вылезали» из всевозможных пор и дырок тела, стали пропитывать тонкую ткань спортивного костюма женщины. К тому же вся ее голова и короткие пышные белые волосы стали мокрыми, словно после бани.

Через полчаса работающая почувствовала нестерпимую боль на левой ладони, которой она держалась за конец швабры. Ева с испугом увидела то, что посередине ее нежной ладони появилось большое красное пятно. Женщина со слезами на глазах вытащила носовой платок из кармана спортивных брюк и стала перевязывать свою ладонь. За этим занятием и застал Еву молодой «надзиратель». Он был недоволен работой красивой женщины из России. Со слюной на губах молодой парень со злостью прошипел на Еву:

- Я же тебя показал как надо пахать. Почему ты не пахай, как остальные русская баба. Иди и смотри, как оно работать могут... Иди русская краса...

Ева на очередное замечание начальника не ответила. Она, взяв с собой швабру и ведро, молча и быстро последовала за ним на второй этаж. Татьяна, имея такой же коридор и такую же «ленту» значительно опередила свою красивую подругу. К трем часам дня русские немки покинули свой объект, который у них отнял очень много физических сил. Больше всех из женской тройки стонала Ева. Она еще не имела производственного «стажа» по мытью полов, какой имели ее соседки по хайму. Денежный «улов» у женщин оказался не очень богатый. За семь часов тяжелой работы они получили всего-навсего по тридцать пять марок каждая. В этот вечер персонального врача у Евы Крот не было. Уставшая Татьяна спала.

Второй заход в то же производственное помещение и том же составе Ева осуществила ровно через неделю. Блондинка, имеющая определенные навыки в «половой жизни», на этот раз обошлась без мозолей. После окончания работы она уже не испытывала каких-либо сильных болей в спине, которые раньше буквально пронизывали ее позвоночник и шею. Третий визит на «черную» работу» на складе для новенькой закончился бесславно. У Евы в это утро сильно «разбушевался» желудок. Не проходило и пяти минут, как она на всех полных парусах устремлялась в туалет. Стремясь хоть каким-то образом «компенсировать» производственные «потери», вызванные просиживанием в туалете, Ева стала довольно часто «делать» брак в своей далеко не «ювелирной» работе. Маленький шеф в это утро почему-то среди руссачек появлялся очень редко. И это даже успокаивало блондинку. С олимпийским спокойствием Кротиха приземлилась в очередной раз на очко в туалетной кабинке. Вдруг кто-то сильно стал стучать по дверце. От неожиданного удара Ева чуть было от страха и по-настоящему «не навалила» в штаны. Не успела «страдалица» еще закрыть за собой дверь женского туалета, как перед ней неожиданно появился молодой «надзиратель». Увидев красивую блондинку, он спокойно

произнес:

- Мне хорошо жаль, что русская краса меня не понимает... Ты сегодня очень много сделал и хорошо работал. Больше тебе не надо работать...

За три часа работы в этот день красивая аусзидлерша денег не получила. В деньгах блондинка нуждалась и притом очень сильно. Желание Кротихи покинуть хайм усиливалось с каждым днем. И этому способствовали всевозможные ритуалы проживающих, перечень которых пополнялся с каждым днем, а то и с каждым часом. Сюда входили встречи новых и проводы старых жильцов, дни рождений, получение первой зарплаты. Жильцы хайма не забывали отмечать все праздники как исторической родины своих предков, так и той, которую они только что покинули. Все эти ритуалы сопровождались пьянками, в которых участвовало большинство жильцов. Редко какое-либо мероприятие обходилось без драк.

Стремясь покинуть «островок земли русской», Кротиха не без помощи Татьяны стала искать квартиру. Подруги от корочки до корочки просматривали все те немецкие газеты, которые были в хайме. Квартиры для съема были, однако цены за проживания сильно кусались. По немецким законам следовало и то, что квартиросъемщик частного жилья должен был платить хозяину так называемый кауцион, своеобразный денежный залог на случай своего непредвиденного поведения. Поиски нового жилья и само жилье требовало денег. Ева, взяв у Татьяны адресок очередной «чернухи», с очередными надеждами поехала на заработки.

Дом престарелых находился возле небольшого культурно облагороженного пруда, в котором мирно плавали несколько пар уток и лебедей. О том, что на смену заболевшей русской Вали придет другая русская женщина, администрация дома была осведомлена. У входа в вестибюль небольшого здания Еву встретил довольно пожилой мужчина и сразу же обозначил ей участки работы. Сначала Кротихе предстояло навести порядок в двух бюро и в двух туалетах. Новенькая с радостью принялась за работу. За десять минут до окончания работы в мужском туалете, который был уже последним объектом работы для новенькой, к Еве подошел тот же пожилой мужчина. Увидев красивую женщину, с которой пот лил словно из ведра, старик весело улыбнулся и стал щелкать языком. Ева поняла то, что «надзиратель» был очень доволен работой «русской». Через несколько секунд блондинка была вновь озадачена. Ей предстояло поработать на кухне. Одев на себя белый фартук, новенькая мухой носилась среди столов и расставляла блюда для бабушек и дедушек, стоящих и сидящих в инвалидных колясках в ожидании своей «пайки». После того, как старики сели

за столы, Ева решила немного передохнуть. Женщина незаметно покинула столовую и подошла к пруду. «Перекурить» ей не удалось. К ней подошел все тот же «старикан» и на русском языке попросил женщину о том, чтобы она покормила одну из престарелых бабок. Кротиха дежурно улыбнулась старику и несколько вяло направилась в сторону столовой.

«Клиенткой» Евы оказалась довольно старая бабка, лет восьмидесяти, а может и даже больше. «Голодная» с небольшой копной белых волос, через которые просвечивалась ее лысая голова, у аусзидлерши какой-либо симпатий не вызвала. Ева, дежурно улыбаясь, будто она по лотто выиграла миллион марок, на цыпочках подошла к столу и взяла с него небольшую тарелку с манной кашей. Бабушка, словно кошка, со стороны наблюдала за той, которая собиралась ее в данный момент покормить. С той же очаровательной улыбкой Кротиха осторожно подошла к бабушке, и присев на корточки, засунула ложку с кашей в засохший от древности рот женщины. Бабка без всякого желания стала неспеша шевелить челюстями. У старухи зубов, как таковых, вообще не было. Еве ничего не оставалось делать, как с равнодушием наблюдать за медленнодвигающимися челюстями старого существа. Что дальше бабка «учудила» для красивой руссачки было полной неожиданностью. Старуха, взявшись руками за подлокотники своей инвалидной коляски, вдруг, как раненый зверь, взвизгнула и дико закричала на немецком языке:

- У меня плохая еда. А-аа-а...

От неожиданных действий своей подопечной Ева растерялась. Она не ожидала того, что эта старая «карга» может быть такой нервной или сильно избалованной. По твердому убеждению Евы, такой сервис и такое питание престарелые люди в России приняли бы за коммунистическое благо, которым кормила партноменклатура ни одно поколение людей.

Размышления «руссачки» на этом витке и закончились. И виной этому опять стала эта же старуха. Она, так и не проглотив кашу, продолжала вопить. В конце концов манка бабке надоела. Старая женщина, собрав остаток сил «древнего» организма, глубоко вздохнула и потом еще глубже выдохнула... Биологически не переваренная пища старухи в тот же миг оказалась на красивом лице Евы. От этой массы, которая так неожиданно обрушилась на ее лицо, она чуть было не потеряла рассудок. Два ее голубых глаза были залеплены кашей. Из-за этого она ничего не видела вокруг. Не зная и не понимая почему, Ева резко взяла обеими руками «инвалидку» и толкнула ее вверх. Через несколько мгновений раздался страшный грохот. Старая карга, в очередной раз взвизгнув уже от страха, стремительно вывалилась из коляски, при этом

прилично мелькнула своим голым тощим задом...

Ева, невзирая на душераздирающие крики старого «надзирателя», быстро покинула столовую. Женщина дом престарелых покидала не в духах. Она так сильно хлопнула входной дверью, что на нее даже злобно таякнула небольшая собачка с красным бантиком на шее. Кто-то из посетителей дома престарелых старательно привязал свою любимую животину к штaketине небольшой оградки, которая опоясывала здание.

О происшедшем в доме престарелых Ева в хайме никому не говорила. За работу ей никто не оплатил. Через пару дней Ева этот довольно смешной эпизод из своей жизни забыла. Очередная «шабашка» подвернулась ей буквально через день. Работодателем для красивой русской немки на этот раз оказалась комендантша хайма. Фрау Крюгер иногда служила посредником в переправке дешевой рабочей силы из русского хайма для далеко нечестных немцев. На этот раз Еве Крот, как и другой жительнице хайма Зое, предстояло работать в столовой американской части. Эта часть находилась неподалеку от Фюльдера. Шеф столовой, местный немец, заверил комендантшу о том, что русские женщины, как самые добросовестные в мире, получают после окончания работ по пятнадцать марок за час. Женщин это обнадежило. Пройдя строгий контроль своих личностей и документов, переселенки оказались на территории некогда классовых врагов.

Первые впечатления руссачек об американской части были ошеломляющими. Мощного телосложения американский офицер, которого женщины увидели на контрольно-пропускном пункте части, очень пристально рассматривал красивых посудомойщиц. Ровно в десять утра к КПП подошел шеф столовой, молодой и очень щупленький немец. Мужчина с улыбкой протянул «руссачкам» руку для приветствия и сразу же повел их в столовую. Помещение столовой было очень большим и чистым. Молодой шеф с помощью своей работницы, которая неплохо знала русский язык, сразу же пришедших озадачил. Ева на этот раз решила усердно не потеть. Она прекрасно знала то, что чем она быстрее и качественнее сделает здесь, то быстрее же получит очередной участок работы в другом месте. Работа в столовой, хотя и в американской, была малоквалифицированная, тяжелая и потная. Женщины мыли посуду, накрывали столы для солдат. Пять часов работы пролетели, словно один час. Ева, как новенькая, была без «специальности» и была у всех на «подхвате». Пот с нее лился как из ведра. Коллектив работающих в столовой был небольшой и представлял собой сплошной «интернационал»: две полячки, три югославки, две «руссачки» и еще одна женщина. Национальную принадлежность этой особы блондинка так и не могла определить.

Молодой немец изредка заглядывал на кухню и посудомойку. Во время своего посещения он вел себя как погонщик верблюдов. Он кричал на всех работников столовой подряд, будто кто-то его укусил в заднее место. Вполне возможно, молодой шеф получал от крика и махания своими худыми и долговязыми руками величайшее удовольствие. А может, он ругал всех про «запас», стараясь у женщин вызвать страх. Молодые и пожилые женщины носились как козочки. Среди них была и Ева Крот, которая при такой организации труда только и думала о скорейшем окончании «столового» ада. Через двадцать минут после начала работы Еву послали мыть посуду. Посудомоечную машину блондинка увидела впервые в своей жизни. Четкой работы у женщины с таким чудом техники не получилось, даже несмотря на то, что короткий инструктаж по ее эксплуатации она получила от «руссачки» Зои. Принимая из машины горячие тарелки, Кротиха умудрилась обжечь себе пальцы обеих рук. Беспомощность новенькой в мытье посуды вынудила шефа отвести Еву на другой объект работы, где не требовалось читать технические термины на немецком языке. В хлеборезке у Кротихи что-то получалось. Через полчаса за блондинкой прибежала молодая полячка и отвела Еву в зал, где ей предстояло мыть пол. Эта работа женщину в какой-то степени даже и устраивала. Взяв швабру и ведро с водой, новенькая стала усердно мыть пол огромного зала. Здесь она увидела и своего молодого хозяина, который сидел за небольшим столиком в окружении американских солдат и о чем-то с ними весело болтал. Все, включая и тощего немца, говорили на английском языке. Молодые ребята словно по команде громко смеялись над тем, что им рассказывал молодой немец. Причиной смеха и оживленного разговора для сидящих были три большие породистые собаки. Хозяин с улыбкой каждой по очереди давал небольшие кусочки мяса и также по очереди нежно трепал животных по шее.

Закончив мытье полов и положив швабру в хозяйственный шкаф, Ева мигом помчалась в туалет. Ее подпирало уже давно как взади, так и спереди. Она давно бы «опорожнилась», однако не было времени. После облегчительного «процесса» женщина неспеша направилась на кухню. Хозяин уже заметил отсутствие новенькой и ждал ее с надменным взглядом возле входа на кухню. Всем своим видом он показывал то, что для посещения туалета надо было у него спрашивать разрешения.

Время близилось к обеду. Ева накрывала на столы. Подносы для нее казались очень большими и неуклюжими. Первые три ходки из кухни в зал Ева Крот совершила без всяких проблем. До конца ее кухонного «контракта» оставлось чуть меньше часа. Хозяин продолжал возиться со своими собаками, которые поменяли

свое место дислокации. Четвероногие животные теперь спокойно лежали на большом ковре посередине кухни и наблюдали за тем, как их друзья человеки носились с тарелками то туда, то сюда. На какой-то миг Еве Крот захотелось стать собакой и также получать лакомые кусочки мяса из рук хозяина. При этих мыслях у женщины стала появляться слюна, засосало в желудке. Она за все время работы еще не приняла ни глотка воды, не говоря уже о крошке хлеба. Молодой хозяин перед началом работы обещал перерыв, во время которого женщины могли бесплатно выпить соки. Все работали, но ничего не получали.

Проносась мимо лежащих животных, как гончая собака, Ева с улыбкой вспомнила о тех чудачествах, которые устраиваются на исторической родине ее предков в честь собак. В ее памяти сразу же всплыл эпизод телевизионной передачи, когда один из немцев подал в суд на врача только за то, что тот сделал не ту позу мумии умершей собаки. Владелец умершей животного со слюной на губах доказывал то, что мумия его четвероногого друга сильно деформирована. При жизни собака была более воинственной и более умной...

Надежда Евы на то, что последний час «чернухи» закончится и она получит свои долгожданные, потом пропитанные немецкие марки, не оправдалась. Взяв на поднос последние блюда, женщина с радостью направилась в обеденный зал. На пути следования блондинки случилось неожиданное. Одной из собак, до этого мирно спящей на ковре, ударила «моча» в голову привстать и на правах хозяйской животного прогуляться по залу. И это собака сделала довольно неудачно. Ева, не заметив животного на своем пути, прутиком перегнулась через собаку и рухнула на пол. Поднос с тарелками полетел вместе с женщиной. Часть тарелок с рисом и сосисками разбилась. Собака, явно не ожидавшая такой «наглости» от какой-то кухарки, не на шутку испугалась. Поджав хвост, псина с диким визгом бросилась прочь. Хозяин был шокирован происшедшим. Он, словно спринтер, стремительно бросился за своим четвероногим другом. Через пару минут тощий паренек со слезами на глазах привел «пострадавшее» животное. Ева тем временем дрожащими руками собирала с пола осколки тарелок и остатки пищи. Глаза красивой женщины застилала слезы, нежные руки были в крови. Кротиха плакала.

Молодой шеф приблизился к плачущей женщине. Он был взбешен, его физиономия напоминала чем-то лицо душевнобольного человека. Маленькие мышинные глаза зеленого цвета казалось вот-вот выкатятся из орбит. Левая щека у немца сильно дергалась. Он что-то громко кричал и махал руками. Во время этого крика руки и даже порою ноги тряслись как у

паралитика. Ева на вопли и движения немца не реагировала. Она хотела как можно скорее собрать все с пола и как можно скорее покинуть столовую. Наконец ей удалось с пола все собрать. После этого Кротиха неспеша отнесла поднос в посудомойку и также неспеша направилась в сторону выхода из столовой. Никто из обслуживающего персонала ее не видел. И это женщину даже радовало. Ей также казалось и то, что этот небритый и тощий немец также от нее отвязался. Но увы... Русская немка ошиблась.

Хозяин через неведомые для Евы ходы оказался перед ней перед самым выходом. Поравнявшись с аусзидлершей, разъяренный немец «выпалил» через зубы по-немецки несколько слов, значение которых женщина прекрасно знала по-русски. «Слабоумная и глупая корова» и «русская свинья» в сей момент вывели Еву из себя. Она молниеносно повернулась к юнцу, и приняв боксерскую стойку, со всей силой ударила хозяина в подбородок. Удар получился, как никогда в ее жизни, классический. Шеф упал на пол как подкошенный сноп. Ева услышала то, как цакнули его зубы. После того, как голова немца соприкоснулась с плоскостью паркетного пола, раздался глухой звук. Происшедшее чем-то напоминало эпизод из книги Николая Островского «Как закалялась сталь», когда Павка Корчагин классически, «по-революционному» расправился со своим обидчиком. Эту книгу Ева Крот читала в далеком детстве, но этот эпизод почему-то всплыл в ее памяти только сегодня и только сейчас.

Что дальше было в столовой и с хозяином Ева не знала. Красивая блондинка быстро закрыла за собой входную дверь и ускоренным шагом направилась в сторону контрольно-пропускного пункта американской части. До хайма она шла пешком. Чем дальше русская немка отходила от «американцев», тем сильнее она плакала. В этот момент ей хотелось все бросить и уехать опять в эту Россию. Сейчас Кротихе даже казалось то, что ее там никто и никогда не унижал. Да и в душе она смирилась с тем, что в эту страну она приехала только за хорошей жизнью. Раньше, тем более, сейчас, ей были по одному месту все ее предки со своими историями и заморочками.

Плачущая женщина впадала в две крайности, которые, словно надоедливые мухи, «теребили» ее мозг. Ева прекрасно понимала то, что за физическое оскорбление немецкого гражданина ее назад в Союз не вышлют. Немецкий паспорт был у нее на руках. Аусзидлерша была также и в курсе того, что в немецкой тюрьме не так уже и плохо кормят. Кротиха не пугалась и России. Немецкие газеты и телевидение довольно часто рассказывали о том, что бывшая страна тоталитарного режима уверенно идет к демократии. Покинувшая бывший Союз не беспокоилась и о своей материальном

положении. Ева выработала стаж для российской пенсии. Блондинку устраивал «равнодушный» вариант, который довольно часто повторяли в Советской Армии старые «карьеристы: « Больше взвода не дадут, дальше Кушки не пошлют». В этот трагический момент своей жизни она прекрасно понимала то, что ей взводной никогда не быть. О Кушке идущая никакого понятия в своей жизни никогда не имела и не хотела иметь.

«Руссачка» Зоя приехала на велосипеде в хайм через час и первым делом бросилась в комнату своей подруги. Ева еще не спала. Она лежала в постели и рассматривала рекламу товаров магазинов на будущую неделю. Подруга со смехом рассказала о «подвиге» Евы. «Приземление» молодого немца заметила полячка, к которой как на мед лип молодой хозяин. Девушка во время короткого перерыва все как на духу рассказала своим «кухаркам». Те независимо от возраста и национальности весело хлопали в ладоши и благодарили новенькую «белую» за то, как она так ловко проучила немца. «Анекдот» рассказанный Зоей, понравился и хозяйке небольшой комнатухи. Она долго еще «ржала» над тем, как она здорово расправилась с этой немецкой свиньей. Женщины, вдоволь посмеявшись над «подвигом», стали основательно обсуждать его последствия. «Юристы» пришли к однозначному выводу. Немец не такой дурак, чтобы из-за полученной пощечины обращаться в полицию. Нагловатый и хитрый немец не хотел иметь каких-либо проблем с полицией. К тому же он за пять часов работы в столовой красивой блондинке не заплатил ни марки...

Наступил месяц март. Минуло два месяца после того, как новенькая приехала в этот небольшой город и поселилась в хайме. Ева в первый понедельник марта, как и некоторые жильцы хайма, пошла на шестимесячные шпрахкурсы. В группе по изучению немецкого языка было чуть более двадцати человек. Все они были из республик бывшего Советского Союза. По возрасту Ева Крот среди занимающихся была где-то посерединке, не очень молодая и не очень старая. По знанию немецкого языка она также была где-то посередине. Первая неделя занятий показала то, что эти шпрахи были просто профанацией. Аусзидлеров немецкому языку учили две женщины. Одна из них была не то югославка, не то турчанка. Второй учительницей была коренная немка. К «руссакам» она относилась с явным пренебрежением. Группу спасало то, что эта довольно толстая женщина часто болела или делала «райсы-путешествия» то в солнечную Испанию, то в туманную Англию. За полугодовое пребывание в группе никто из учителей не «сгорел» на поприще своей работы. Ни у одной женщины не было желания как можно лучше «вдолбить» немецкий язык в голову аусзидлеров. Вполне возможно, учителя реально оценивали возможности и

способности тех, кто прибыл на историческую родину своих предков. Они понимали, что абсолютное большинство из группы престижных мест на рынке труда не найдет и за копейки будет мыть полы или таскать кирпичи.

«Научная организация» занятий мало чем отличалась от занятий в дошкольных группах детских садов бывшего Союза. В начале занятий учительница с заумным видом раздавала своим слушателям учебники. В порядке живой очереди сидящие читали содержание той страницы учебника, которую указывала учительница. Иногда «ученики» писали очень простые диктанты. Писали минут двадцать, «разборка» написанного длилась иногда часами. Практиковалась и самостоятельная работа. Эта форма устраивала обе стороны. Особенно практиковала это немка. Она запиралась в своем бюро и начинала названивать по телефону. После телефонных звонков женщина приступала к кофепитию. Такая форма научной организации труда и отдыха у толстой немки Магды занимала около часа.

В это время не удосуживали себя «потовыделением» и те, кто сидел за ученическими партами. Молодые и старые «курсисты» начинали от безделья и от безответственности играть в карты или травить «тюльку». Основной темой обсуждения у женщин было посещение магазинов. Кое-кто из посещающих был недоволен организацией шпрахов. К ним относилась и Ева Крот. По поводу «кончины» курсов состоялся небольшой банкет. «Русские» с обычным гостеприимством накрыли стол. Учительницы за «упорный труд» получили от слушателей подарки...

«Шпрахи» Еве не прибавили шансов для устройства на работу. Из всех организаций, куда женщина посылала заявления, она получала отказ. «Полувековую» женщину из России с немецкой фамилией нигде не брали на работу. Это не прибавляло жизненного оптимизма Кротихе. Не вызывала оптимизма у блондинки и «общага». Ева, даже не зная сама почему, после шпрахов стала очень тяжело переносить пьянки, которые проходили в хайме. Хотя Кротиха эти «мероприятия» не пропускала. Участвовала она в них очень незаметно и спокойно. После того, как у нее начинало в голове порядочно «шуметь», она сразу же покидала компанию и уходила в свою комнату спать. Спала она очень тихо, как мышь, не издавая каких-либо громких шумов. Многие жильцы, наоборот, с наступлением темноты начинали «шуметь». Местные немцы и в темное время «русский» хайм боялись, как черт ладана, и старались его как можно дальше обходить.

После полугодового пребывания в хайме Кротиха по-настоящему начала «хандрить». Причин для этого было достаточно. У нее не было работы. Она не знала немецкий язык. Значительно

пошатнулись и ее «финансы». Шесть месяцев «рабочих слез» пролетели очень быстро. Ева стала получать «социал», который в марках был значительно меньше.

Неудачи преследовали красивую женщину и в поисках отдельной квартиры. Настоящей помощницей блондинки здесь продолжала оставаться Татьяна Сейвольд. Татьяна, изучив информацию о жилье, которая была в местной газете, вместе с Евой заходила в телефон-автомат и начинала названивать. Сдавалось жилье очень много. Успеху мешала только «русская» национальность. Владельцы жилья, услышав немецкую речь с русским акцентом, вежливо переспрашивали «руссачку» о своей «тамошней» родине. Услышав о том, что искательница жилья приехала из России, немцы сию же секунду ложили трубку. Иногда в день женщины делали по пять, а то и более звонков. Все было безрезультатно. От слов «Россия, русские» некоторые квартиродатчики «шарахались» по телефону. Находились и радикалы. Они без всякого стеснения «звонарям» говорили: «Моя жена не очень любит этих русских и поэтому нас больше не беспокойте». Ева от такого отношения к своей персоне плакала.

В июле месяце Кротихе с жильем страшно «подвезло». И в этом ей опять помогла Татьяна, которая принесла очередную «порцию» информации о сдаваемом жилье. В этот день Татьяна не имела возможности звонить. Она работала на складе, перебирала яблоки. Еве пришлось звонить по телефону самой. «Болванку», в которой Татьяна написала на немецком языке все вопросы к хозяину жилья, блондинка перечитала несколько раз. Со спокойной душой и с большой надеждой на благополучное разрешение жилищной проблемы завтра Ева пошла спать. Ровно в десять утра она набрала номер телефона квартиродатчика. В трубке раздался очень ласковый и тихий голосок старушки. Немка, отвечающая на телефонный звонок русской женщины, не давала открыть Еве рта. Бабка, тяжело дыша в телефонную трубку, все что-то говорила и говорила. Содержание разговора Ева не понимала. Прервать монолог этой женщины блондинка также не хотела. Она очень боялась потерять своего возможного «спасителя». Через некоторое время голос старой немки замолк. И этим решила воспользоваться Ева. Она быстро пробежала глазами по своей «болванке». Через пару секунд блондинка ласковым голосом стала воспроизводить в трубку все то, что ей только что вчера вечером написала Татьяна. Свой монолог, к тому же очень короткий, аусзидлерша в трубку не успела воспроизвести. Буквально через пять секунд в трубке раздались короткие гудки. Кротиха поняла то, что немка положила трубку. Со слезами на глазах женщина положила трубку и посмотрела на табло телефона-автомата. Для очередного звонка

осталось всего десять пфенингов. Пять марок, которые были на телефонной карточке, словно корова языком слизала. В этот день Ева больше звонить не стала. «Руссачка» прекрасно понимала то, что и с этой «болванкой» местных немцев не проведешь.

Вечером с работы пришла Татьяна. Ева все рассказала то, что у нее произошло со старенькой немкой. Этой же бабке Татьяна позвонила через три дня. Ласковый голосок старухи вызвал определенный оптимизм у женщин. И в этом они не ошиблись. Бабка сдавала небольшую двухкомнатную квартиру. Сдавала не очень дорого. Женщины договорились о встрече с хозяйкой квартиры. Ночью Ева не спала. В голову «залетали» все новые и новые мысли, которые были «смачнее» одна другой. Утром Ева Крот встала очень рано и стала «марафетиться». Она никогда не забывала русскую пословицу о том, что человека встречают по одежке, а провожают по уму. О последнем она старалась не вспоминать. Кротиха не стремилась тягаться своими деревенскими «классами» с образованными жителями Германии.

Подружки, улицу на которой проживала бабка, нашли сразу. Она находилась через три улицы от хайма. Трехэтажный дом немки находился на Зеленой улице. Прежде чем нажать кнопку звонка, женщины, затаив дыхание, несколько минут любовались старинным особняком. У Евы даже на какое-то время в голове помутилось, когда она себя представила живущей на одном из этажей этого дома. Еще раз «перелопатив» всевозможные варианты встречи с хозяйкой, русские немки одновременно нажали кнопку звонка. Через минуту входная дверь особняка открылась. Из дома, с опаской оглядываясь по сторонам, вышла небольшого росточка пожилая немка. Увидев женщин, немка маленькими шажками стала семенить в сторону вошедших.

Не подав руки для приветствия, хозяйка особняка сопровождала женщин в небольшую прихожую. Аусзидлерши стояли в прихожей минут пять. Немка, словно царица, сидела на довольно старом диване возле старого камина и задавала вопросы стоящим женщинам. Ева в разговор Татьяны с немкой не вступала. Она молчала, так как очень боялась своим «языком» испортить дело. За нее и за себя отвечала Татьяна, которая быстро вошла в разговор с бабкой. Как только старуха стала одеваться, Ева поняла то, что они куда-то пойдут. Во время этой «передышки» Татьяна очень кратко передала своей подруге содержание разговора с хозяйкой. Женщина в своем доме жилье не сдавала. У нее было свободное жилье в другом собственном доме, который находился неподалеку отсюда. От этой информации Ева не пала духом. Она от жителей хайма слышала о том, что во всех домах и квартирах местных немцев господствует порядок и идеальная чистота.

Внешний вид и второго особняка немки каких-либо нареканий у женщин не вызвал. Двухэтажный домик был белого цвета и с большим садом, в котором росли яблони и груши. «Руссачки», взяв под руки старенькую даму с двух сторон, весело улыбались и преданно заглядывали в ее глаза. С веселым настроением и «сладкими» мыслями тройка вошла во двор. Бабка неспеша достала небольшой ключ из внутреннего кармана пальто и также неспеша направилась к лестнице, ведущей в подвал дома. Женщины решили не мешать старухе. Они остановились перед лестницей и стали наблюдать за тем, что намеревалась делать эта немка. Бабушка медленно спустилась по лестнице и стала ключом открывать дверь подвала. Ключ почему-то не проворачивался. Наверное, замок был ржавый или у немки просто-напросто не хватало силы для того, чтобы открыть ключом дверь.

Через пару минут немка, так и не открывшая дверь, немного поднялась по ступенькам лестницы вверх и по-немецки прокричала:

- Идите ко мне и помогите мне открыть дверь...

«Руссачки» с дежурными улыбками мигом спустились вниз по лестнице и тот час же оказались у злополучной двери. Ева, взяв ключ в руки, быстро вставила его в замочную скважину. Затем она с силой провернула ключ. В старом замке что-то проскрипело. Через какие-то секунды дверь под натиском Евы со скрежетом и визгом открылась. На блондинку сразу же «дыхнуло» запахом плесени и вонючей влаги, от которых женщине стало не по себе. Дабы не вдыхать то, что испускалось в темном подвале, Ева и Татьяна решили не входить в помещение. Бабка на правах хозяйки вошла в подвал, и нащупав в темноте выключатель, щелкнула им. Перед теми, кто стоял в нерешительности перед дверью и той, которая была уже в подвале, открылась удручающая картина.

Ева и Татьяна, которые никогда не помышляли о том, что в этой комнате кто-то может еще жить, без всякого интереса рассматривали все то, что некогда скрывалось за ржавой дверью. Татьяна, зная о том, что немка в русском языке «не в зуб ногой», ехидно произнесла в адрес старухи:

- Интересно, что хочет поймать в этом доме эта немка... В этом келлере, я думаю ничего нет, кроме мышей...

Дальше комментировать женщине не пришлось. Бабка, отодвинув рукой густо висящие тенеты, повернулась в сторону «руссачек» и сказала по-немецки:

- Я думаю то, что Вам это жилье понравится... К тому же оно у меня не очень дорогое. Будете платить всего триста марок...

После того, как Татьяна перевела сказанное немкой Еве, та в первый миг не могла ничего сказать. Она молча и тяжело дыша, стала внимательно смотреть в глаза той, которая предлагала ей

«бесплатное» жилье. Кротиха не могла себе представить то, что эта старая «стерва», имея, наверное, миллионы в банке и владея такими домами, так сильно может помешаться от жадности. Злость и ненависть к этой старухе переполняли сердце и душу Кротихи. Она поняла то, что и на этот раз ей с квартирой не повезло. Ради приличия красивая блондинка стала с дежурным равнодушием разглядывать все то, что называлось жильем. В осмотре этого жилья женщина не спешила. Ева, замкнувшись в себе, бросала молниеносные взгляды то вниз, то вверх, то налево, то направо. Все стороны «горизонта» вызвали явное разочарование у красивой особы. В помещении как такового пола не было. Вместо него была забетонированная площадка. Не было и «человеческих» окон. Вместо них были небольшие вырезы, поверх которых висели маленькие металлические решетки. Эти «достопримечательности» чем-то напоминали одно из учреждений бывшего Союза, куда направляли тех, кто не дружил с законом. В углах подвала зияли темные влажные пятна...

Дальше Ева решила не нагнетать себе «нервы». Она с кислой улыбкой спросила свою подругу, которая как и Ева, продолжала молчать:

- Танек, спроси эти старуху, а где у нее отопление. Я в этом смраде не вижу батарей. Я ведь же не могу без тепла в этом подвале жить, тем более, я одна...

Сказав это, блондинка весело засмеялась и стала наблюдать за тем, как бабка будет реагировать на вопрос ее подруги. Татьяна с улыбкой перевела вопрос Евы. Вопрос «руссачки» шокировал немку. Некогда веселая и даже несколько интеллигентная бабка в сей момент превратилась в надменное старое существо. Старуха от вопроса даже тяжелее стала дышать. Она сразу же полезла в карман за таблетками. Хозяйка жилья, проглотив одну из таблеток, почувствовала некоторое облегчение. После этого она неестественно уставилась старческими глазами на Татьяну.

Мысли о диком образе жизни русских, словно выпущенные стрелы из тугого лука, пронизывали старческую голову немки. Россия, не говоря уже о Сибири, немке Магде представлялась как сборище пьяных мужиков на большой территории, где бродят одни дикие медведи. Поэтому вопрос русской немки, которую Германия содержит, старая немка приняла как унижение. Вспомнив о том, как она сама после войны в тяжелых условиях строила этот дом, бабка Магда сквозь оставшиеся четыре зуба процедила:

- В моем доме нет центрального отопления.... Если кому-то и надо тепло, то пусть покупает масло... Бак для этого есть...

Дальше немка решила себя не утомлять. Перебирая руками ржавые поручни лестницы, она медленно поднялась наверх.

«Руссачки», полностью закончив осмотр «жилья», также поднялись на «свет». На улице в этот момент ярко светило солнце. Ева, словно выйдя из подземья, неожиданно для себя стала молиться. Ей даже не верилось в то, что в такой развитой и культурной стране есть еще такие «уголки», от которых можно и забыть о том, что ты еще человек. Бабка также отходила от той «цивилизации», которую она навязывала русским женщинам. Некоторое время все трое стояли возле дома и молчали. Затем старуха медленно пошла в сад и стали пинать ногами яблоки, лежащие на земле. Сгнившие яблоки издавали такой противный запах, что от него даже птицы шарахались. «Руссачки» на какое-то время приостановились возле одной из яблонь и стали раздумывать о том, что им делать дальше. У них было единое мнение: в такую «квартиру» под дулом автомата они не пошли бы жить. Заметив определенную растерянность своих клиентов, бабка, словно и ничего не произошло, неспеша подошла к женщинам.

Хозяйка, пнув ногой очередное яблоко, с улыбкой произнесла:

- У меня возле дома, как Вы видите, очень большой сад. В нем практически каждый год очень много яблок. Сейчас у меня нет сил все это убирать и поэтому многое гнивает...

На какое-то время женщина замолчала. Потом собравшись с мыслями, она повернулась лицом к Еве и опять произнесла:

- Я думаю, что такая красивая женщина имеет водительские права. Следующим летом Вы уберете все фрукты и овощи в моем саду. Потом на моей машине поедете продавать на рынок... Я Вам за это два ведра яблок дам...

Ева, водительские права имела, точнее, их купила. Наличие прав несколько не повлияло на то решение, которые они приняли вместе с Татьяной. Женское дежурное «приличие» заканчивалось. Подругам уже давно хотелось убежать от этого старого «дерьма», которому, наверное, и ночью снились гнилые яблоки. На вопрос старухи Ева не стала отвечать. Женщины, словно по команде, взяли друг друга под руки и молниеносно покинули сад...

После посещения «жилья» старой немки Ева уже стала по-другому смотреть на немцев. До этого она была о них без ума. Раньше они ей казались какими-то особенными, совсем не такими, как те люди, с которыми она прожила полвека в Советском Союзе.

Чем больше Ева Крот жила на исторической родине своих предков, тем больше ее розовые очки о Германии, как о стране достатка и культуры, темнели. Не прибавляло Еве настроения и ее одиночество. Женщина при теле и при «роже» уже несколько месяцев не имела мужчину. Ходить по улицам в поисках мужчины она не собиралась. Вечерами Кротиха довольно часто раздевалась донага в своей комнате и подходила к небольшому зеркалу, которое

она бесплатно приобрела на рынке. Ни с чем и ни с кем молодая блондинка отходила от зеркала и неспеша ложилась в постель. В постели женщина успокаивалась и еще долго продолжала оставаться наедине со своими мыслями.

Почти годовое пребывание на исторической родине своих предков нисколько не радовало красивую особу. Все ее состояние состояло из небольшой комнатки и металлической кровати. Не было у Евы и дорогостоящей одежды. Все ее «тряпье» она купила за бесценок на рынке или взяла бесплатно в Красном Кресте, как одна из малообеспеченных жителей страны. Кое-кто из «руссаков» был без ума от этого образа жизни. Еве же этот «образ» приносил почему-то одни разочарования. Иногда от этой «бековой» жизни она плакала. Слез добавляло и отсутствие мужской половинки. Ева очень долго не засыпала ночью, когда через стенку раздавались вздохи и ахи соседей. Порядочно «насосавшись» пива и водки на социальные деньги, аусзидлер Николай без всякого зазрения «драл» свою жену. Иногда молодая парочка так входила в «половой ритм», что красивой соседке казалось то, что ее сосед тяжело дышит и лежит не на своей жене, а на ней, Еве. От этого женщине становилось не по себе. В эти моменты она по-настоящему завидовала молодой соседке, которая красотой не блистала. Она имела только две руки и две ноги, и кое-что еще...

Ева несколько раз перебирала в памяти мужскую «картотеку» своего хайма. Одиноких мужчин здесь было очень мало. Число холостяков менялось с каждым днем. Комендантша эту категорию жильцов держала на особом контроле. Женщина не церемонилась с теми, кто много пил или на почве пьянства буйствовал. «Стукачи» регулярно информировали «шахиню» о всех проделках, происходивших днем и ночью в небольшом хайме. Особенно часто жаловалась комендантше старая седая женщина, которая жила со своей дочерью на первом этаже. До поздней ночи ежедневно перед окном ее комнаты играли в карты подпитые мужики. От этого шума женщине было невмоготу. Чего она только не делала для того, чтобы приструнить своих земляков. Она практически каждый вечер «кидала» через окно призывы успокоения для пьяных картежников. Один раз в порыве гнева старуха даже вылила на их головы кастрюлю горячей воды. Не подействовало. Мало этого. Какой-то сопляк в шортах детского поноса, которому бабуля хорошо «прокипятила» голову, сразу прибежал в ее комнату и бесцеремонно прокричал:

- Ты, что старуха, спятила? Кто ты «такое», чтобы мне и нам мешать в карты играть. Смотри, бабка больше не шути... А то, очень будет шлехт...

Больше «такое» мешать картежникам не стала. Женщина

решила лучше быть здоровой при мощной музыке и мате, чем быть с разбитой головой при полной тишине и порядке. В карты по вечерам играла и Ева Крот. Во время игры она внимательно рассматривала игроков. Эти мужчины ей не нравились. Она и сама не знала того, почему это так происходило. Мечта найти коренного немца с хорошей квартирой и машиной все больше и больше овладевала красивой блондинкой. На всякий случай Кротиха была и не прочь ограничиться и своими «родными» мужчинами. Однако надежда на «родных» таяла у русской немки с каждым днем, а то и с каждым часом. Этому «умозаключению» еще раз подвел случай, который произошел с ней через два дня после квартирной неудачи у престарелой немки. В этот вечер Ева была на грани нервного срыва. Все ее мечты найти жилье лопались как мыльные пузыри. Помыв посуду на кухне, женщина с довольно тусклыми мыслями вышла из кухни в коридор и подошла к открытому окну. Свежий воздух немного ее успокаивал.

Вдруг к женщине кто-то подошел сзади и сильно ударил рукой по заднице. Ева от неожиданности сильно вскрикнула и резко повернулась к тому, кто ее ударил. Перед ней стоял Семка Краут, который только что как две недели назад поселился в хайме. Одиноким мужчиной получал «рабочие слезы» и все деньги пропивал. И в это вечер от мужчины несло как от пороховой бочки. Увидев озлобленное лицо красивой блондинки, мужчина с усмешкой произнес:

- А не хочет ли такая красивая женщина с таким, как я, переспать? Ты же прекрасно знаешь, что вокруг твоей... и моего... вся земля вращается. По этой причине даже войны развязываются... Я думаю то, что ты не против попробовать моего...

Дальше ухажер ничего не сказал. Свое предложение он дополнил жестом, показав своей рукой на то место между ног, где находилась его, как в народе говорят, необходимая «запчасть». Ева на предложение пьяного ничего не ответила. Покрутив пальцем вокруг виска, она медленно направилась в свою комнату. В этот вечер и ночь блондинка многое передумала. Для Евы вывод напрашивался сам собою. С недавними соотечественниками у нее нет и не будет общего взаимопонимания.

Первым иностранным мужчиной, с которым Ева переспала на немецкой земле, был югослав. С ним она встретилась в магазине «Альди» во время закупки продуктов. «Первенец» попался блондинке совершенно случайно. Рассчитавшись за покупки, Ева неспеша пошла к столику и стала переключивать свои продукты питания из тележки в сумки. Целлофановая сумка, набитая до «отказа», не выдержала и развалилась. Тотчас же на пол посыпались яблоки и помидоры. Ева быстро присела на корточки и

стала собирать все то, что оказалось на полу. За этим занятием и ее застал незнакомый мужчина. Он, как и Ева, легко присел на корточки и стал ей помогать. После того, как они раскрасневшие от усердия по сбору яблоков и помидоров, распрямились, мужчина на русском языке с небольшим акцентом произнес:

- Вы, я думаю не обиделись, что я Вам помог собрать яблоки... Я люблю помогать русским женщинам...

От этого комплимента Ева расплылась в очаровательной улыбке. Женщина, посмотрев на своего неожиданного помощника, отметила то, что он был выше ее ростом. К числу достоинств Кротиха отнесла его черные волосы и большие усы. У нее еще никогда в жизни не было мужчин с такими большими усами. Через несколько минут Георг, так назвал себя югослав, словно давний знакомый, катал Еву на своем автомобиле по городу. Ева вся светилась от счастья. В этот солнечный день ей было приятно кататься с ветерком на ослепительно черном «Мерсе». Во время езды женщина иногда бросала пристальный взгляд в направлении своего соседа. По лицу мужчины она чувствовала то, что он был доволен своей «находкой». К вечеру Георг привез Еву к себе домой. Немного поболтав о своей жизни в Германии, югослав достал из холодильника бутылку шампанского и плитку шоколада. При виде шампанского и шоколада у Евы в памяти сразу же появились довольно теплые воспоминания о тех мужчинах, которых она «оставила» на просторах России. О солдате Колесникове ей не хотелось вспоминать.

Да и сейчас Еве Крот было не до солдата. Георг с улыбкой на глазах присел за столик и налил до краев два фужера. Мужчина и женщина по русскому обычаю чокнулись и пригубили шампанское. Неожиданно зазвонил телефон. Хозяин квартиры стремительно помчался в соседнюю комнату, где стоял телефон. Ева невольно прислушалась к разговору, который вел ее новый поклонник. Мужчина вел разговор на непонятном для женщины языке. После окончания разговора югослав подошел к Еве и начал нервно барабанить пальцами по столу. Блондинка поняла то, что чем-то хозяин расстроен.

Однако она ошиблась. Неожиданно для Евы Георг весело улыбнулся и привстал из-за стола. Затем стремительно подошел к сидящей на мягком кресле блондинке. Немного подумав, югослав произнес:

- Я хочу то, чтобы ты сегодня стала моей любовницей. Я никогда в жизни еще не имел в постели русских женщин, хотя довольно часто раньше был в твоей стране...

Сказав это, он ускоренным шагом пошел в туалет. Через несколько секунд он скрылся в туалетной комнате. Еве ничего не

оставалось делать, как сидеть на диване и неспеша созерцать на все то, что было в комнате. Прошло пять минут, а может и даже больше. Георг прочно занимал «оборону». Ева решила немного пройтись по квартире. Он встала с дивана и вошла в спальню хозяина. В комнате горела ночная лампа. Двуспальная кровать была разобранная. На какое-то время женщине показалось то, что она в подобной кровати не спала целую вечность. Ей также казалось и то, что ее мужчины не ласкали и не любили такую же вечность. Не долго думая, Ева быстро вошла в комнату и стала раздеваться...

Герг вошел в спальню минут через десять. Что делал хозяин так долго в «заведении» для российской немки осталось загадкой. Эти мимолетные переживания она выбросила из головы вон, когда увидела югослава с фужером шампанского. Глаза смутлого мужчины светились от счастья при виде красивой русской женщины, которая совершенно случайно оказалась в его постели. Неожиданно для Евы, он резко сдернул с нее одеяло и так же неожиданно для нагой женщины вылил полный фужер шампанского на ее тело. Кротиха от неожиданности сильно вскрикнула. Поймав удивленный и также испуганный взгляд блондинки, югослав громко засмеялся и произнес:

- Я хочу того, чтобы моя женщина пахла духами и шампанским... – Сказав это, он, словно лев, прыгнул в постель и со всей силой прижал к себе Еву...

«Руссачка» квартиру своего внезапно появившегося друга покинула через двадцать минут. Покинула с двойным чувством. «Иностранец» в силу своей мужской «немочи» был не то импотентом, не то непонятно кем или чем. Немного «помяв» женщину в руках, и облизав ее нежное тело слюнявыми губами, Георг несколько раз сделал стремительных рывков в сторону тела блондинки. После этого он почему-то затих, а потом вообще отвернулся к стенке. Еву такой мужской «компот» очень не понравился. Блондинке ничего не оставалось делать как последовать примеру мужчины. Стиснув зубы, она надеялась на благополучный финиш у мужчины ночью. Однако дальнейшее поведение Георга перечеркнуло все планы нагой блондинки. Через пару минут мужчина встал с постели и начал одевать брюки. При этом он все время почему-то молчал. Молчала и Ева, которая также стала одеваться. Югослав, одевшись, стал куда-то звонить по телефону. Ева только сейчас поняла то, что мужчина разговаривает по телефону со своей любовницей. Сегодня же красивая российская немка совершенно случайно нарушила размеренную жизнь одинокого мужчины. Словно читая мысли русской блондинки, Георг, перед тем как открыть входную дверь своей квартиры, тихо произнес:

- Ева, ты не беспокойся, я тебе заплачу за постель. Завтра я постараюсь опять встретиться с тобою в этом же магазине и в это же время...

На следующий день Ева Крот опять пошла в «Альди». Совершать в этом магазине каких-либо покупок она не планировала. Георга аусзидлерша прождала до самого закрытия магазина. Югослав не пришел ни на следующий день, ни через неделю. Денег от него «за заячью» услугу Кротиха также не получила. Вскоре первый «иностранец», пополнивший копилку половых партнеров, вообще улетучился из головы красивой и уже не молодой блондинки.

Относительное ничегонеделание постепенно расшатывало нервную систему Кротихи. Каждодневное брожение по улицам и магазинам блондинке надоедало. К тому же она большими деньгами не располагала, чтобы часами примерять сверхшикарные тряпки или глазеть на автомашины. Блондинка все больше и больше попадала в «сети» той жизни, которой жила историческая родина ее предков. Она, как и сотни тысяч русских немцев, привезя с собой определенные привычки и устои некогда социалистической страны, постепенно перенимала все то, что когда-то ее отличало от местных немцев. Ева теперь уже не стеснялась так же смачно сморкаться в бумажные салфетки. Это она делала нисколько не хуже, чем те, которые здесь прожили десятки лет. Раньше блондинка содержимое своего носа «отправляла» в тряпочный носовой платок. Каких-то несколько месяцев назад громкое сморкание немца в автобусе или на улице у красивой женщины кроме отвращения ничего не вызывало. Тогда Еве даже казалось то, что звук смачного «носовытирания» местного немца слышат не только москвичи, но и даже жители далекой Камчатки.

Почти год прожила Кротиха в небольшом немецком городишке. За это время женщина обрела определенную самостоятельность, перестала шарахаться от тех новинок жизни и техники, которые каждый день здесь заявляли о себе. Для женщины из далекой сибирской деревни перестал быть новинкой мобильный телефон, который она купила на сэкономленные деньги «социала». У новенькой, как ей самой казалось, все было. Была комната, кусок хлеба. Она не работала, но ей «социал» платил. Даже на эти копейки она могла позволить себе купить пиво, сходить в бассейн или совершить в выходной день поездку по всей стране. Нищей женщине с ее маленькими запросами этого хватало. Большого она и сама для себя не просила. Одного у Кротихи не было. Отсутствие моральной полноценности в этом обществе угнетало блондинку. Сибирячку удивляло то, что кое-кто из русских немцев не проявлял усердия в поисках работы. Многих

удовлетворял «социал». Ева, наоборот, хотела работать, но не могла найти работу. Она часто наносила визиты в социаламт к своему куратору. Красивая чиновница делала все возможное для трудоустройства красивой руссачки. Помогала в трудоустройстве своей подруги и Татьяна Сейвольд. Через неделю, а то и значительно позже, приходили ответы, которые писались словно по трафарету. Те, от кого русская немка получала ответы, благодарили Еву Крот за ее интерес к ихнему предприятию. В этом же ответе следовало сожаление о том, что организация не может принять ее на работу. Причины отказа не назывались. Невидимые чиновники здесь же желали неудачнице успехов в жизни и в поисках работы. От этих «трафаретов» Кротиха часто плакала. В поисках работы Ева была реалистом. В министерстве или в университете Германии она не «планировала» работать. Ей уже было пятьдесят лет. К тому же у нее не было ни специальности и ни «языка». Желание найти себе работу по душе и по своим способностям брало верх у блондинки. Она продолжала писать и искать работу...

Своеобразной отдушиной для Евы стали праздники, которые жильцы хайма и она никогда не обходили стороной. Приближался Новый год. Большинство «руссаков» в этот праздник планировало посещение своих родственников, которых у некоторых было «пруд пруди». У Евы близких знакомых не было. Она намеревалась посидеть за праздничным столом с теми, кто в силу различных причин оставались в хайме. За день до Нового года планы у блондинки резко изменились. Виноватой в этом стала опять Татьяна, лучшая подруга Евы. Женщина довольная и счастливая своей прической после посещения парикмахерской на минутку забежала к Еве. Блондинка в этот момент изучала грамматику немецкого языка. Подруга, ловко выхватив учебник из рук лежащей на диване женщины, весело проворковала:

- Евка, а ну кончай этим языком заниматься. Завтра уже Новый год. Я сейчас только что разговаривала со своим Виктором. Он предложил взять тебя в нашу компанию. Ты больно не переживай. В нашем балагане будут только одни русские... Возможно ты там найдешь своих знакомых. А может даже и знакомого....

Произнеся последнее слово, Татьяна легонько шелкнула свою подругу по икре одной из ног. Затем серьезно, словно мать или старшая сестра, сказала:

- Знаешь, подруга, по тебе уже все наши мужики из хайма плачут... А ты, все со своей грамматикой возишься, бросай это все к чертям... Жить нам осталось, кот наплакал. Одним словом завтра к десяти вечера будь готова по всей форме. К этому времени нас Виктор на своей машине заберет. Чао!...

После того, как Татьяна вышла из комнаты, Ева стала раздумывать о предложении своей подруги. Думала она совсем недолго. Быть в одиночестве в этом хайме она не собиралась. Кротиха полностью поддерживала свою подругу в том плане, что и ей пора найти себе друга, который не только мог катать ее на машине, но и любить. Этой любви у Евы в последнее время как раз и не было. Охваченная порывом подготовки к празднику, блондинка стала наверстывать все упущенное в сфере своего «марафета», которым она уже порядочно давно не занималась. Утром женщина сразу же пошла в парикмахерскую, где работала аусзидлерша Майя. Ева, как и многие «руссачки», очень редко стриглась у немецких мастеров. Русские немки считали то, что местные немки не могут делать красивых причесок. Только к шести часам вечера Ева Крот была в «форме». У нее была ослепительно красивая прическа. Она напоминала ту, которую когда-то молодая блондинка носила в советском военном городке на территории социалистической Германии. На женщине также очень ладно сидел брючный костюм белого цвета. Свои губы Ева покрасила перламутровой помадой. За час до приезда Виктора Кротиха решила показаться на люди и пришла на кухню. Причин для посещения кухни в этот момент у Евы не было. Однако женское самолюбие очень красивой женщины взяло верх. Блондинка сразу же оказалась в центре внимания кухонной «гвардии». На появлении красотки жильцы реагировали по-разному. Симпатичные женщины в один голос восхищались то прической, то костюмом блондинки. «Руссачки» с определенными изъятиями фигуры и лица старались не замечать свою соседку и демонстративно покидали кухню. Кое-кто из них «пристегивал» к себе и мужа.

Виктор приехал в хайм ровно в десять вечера. Через час тройка была уже в небольшой деревне с труднопроизносимым для Евы названием. Новогодний бал «руссаки» проводили в большом ресторане с русским названием «Тройка». Прибывшие сразу же оказались в центре внимания. Для Евы, все кто находился в зале, были незнакомы. Красивая блондинка со всеми здоровалась и всем в равной степени улыбалась. Через несколько минут она освоилась и на правах новенькой приглашалась то к одной, то к другой группке людей. Все новые знакомые были к ней очень благожелательны. Узнав о том, что Ева совсем недавно приехала из России, они засыпали женщину вопросами. Кротиха на все вопросы отвечала очень скупое. Она стремилась, наоборот, сама, как можно чаще, задавать вопросы своим бывшим соотечественникам. К большой радости Евы, в русской компании, насчитывающей порядка полусотни человек, были и аусзидлеры из Ктомской области и города Молихова. Ева, после того как часы пробили ровно

двенадцать и гости выпили по бокалу шампанского, решила поближе познакомиться со своими земляками. Первую землячку, с которой Ева познакомилась, звали Катерина. Молодая девушка всего как два месяца назад приехала из Молихова. Этот город для Катерины был родиной и поэтому она с особой щедростью делилась с блондинкой о жизни своего города. За десять минут короткой беседы Кротиха буквально все знала о том городе, который она всего год назад покинула. Катерина и ее родители прежде чем попасть в Германию, прошли аналогичный путь оформления документов, что и Ева Крот. И здесь блондинка, густо покраснев, решила спросить свою молодую землячку:

- Ну, а как там, наш немец, директор кооператива «Хаймат»?... Все, наверное, непокладая рук, работает... Наши немцы сюда прут и прут...

Молодая девушка, скорее всего, не поняв о каком немце идет речь, решила переспросить свою красивую собеседницу:

- Ева, о каком директоре речь ведете? Сейчас там работает молодой парень с простой русской фамилией. Я ее почему-то забыла...

На некоторое время она призадумалась. Скорее всего, в своей памяти перебирала все то, что было связано с кооперативом. Закончив «перебор», Катерина неуверенно произнесла:

- Я от своих родителей слышала о том, что буквально год или полгода назад в этом кооперативе был директор с немецкой фамилией. Мои родители говорили о том, что его звали Вилли... Он был застрелен в лесу, когда летом поехал на машине в деревню к своим родственникам... Так ли это, я сама точно не знаю...

Услышав это, Ева сильно сжала свои кулаки и ее тело покрылось испариной. На какое-то время она пристально смотрела на свою молодую знакомую и замолчала. Она на несколько секунд отключилась от тех, кто веселился на этом празднике. Блондинка перенеслась к воспоминаниям той последней встречи, когда ее в аэропорту провожал Вилли Теодорович Майер. Этому человеку она была очень многим обязана. После шокирующей информации Ева потеряла всякий интерес к Катерине. Безразличие блондинки к своей персоне почувствовала и молодая собеседница. Катерина поняла то, что в ее последней информации о погибшем директоре, красивая блондинка нашла что-то особенное и тайное. И эту тайну ей не дано знать. Мило улыбаясь, Катерина тепло попрощалась с Евой и незаметно исчезла в толпе танцующих людей. Ева, словно тяжело больная, медленно пошла в угол зала, где стояло несколько стульев. Присев на один из них, она закрыла глаза...

Неожиданно ей спокойствие нарушил симпатичный мужчина, лет сорока пяти-пятидесяти. Он, словно озорной школьник, быстро

подошел к Еве. Протянув руку очаровательной женщине, мужчина так же по-озорному прошептал ей на ухо:

- О, Боже, такая красивая женщина и не танцует... Вы, я думаю не против того, чтобы я Вас пригласил на танец. Не против?...

Ева с полужакрытыми глазами равнодушно посмотрела на того, кто хотел ее пригласить для танца. Известие о смерти Майера наповал ее убило. Теперь все происходящее на этом вечере было для нее безразлично. Ева даже не стала внимательно разглядывать своего партнера. Она машинально произнесла: «Я не против» и тотчас же встала со стула. Незнакомец взял блондинку за руку и вскоре они оказались в кругу танцующих. Кротиха этот танец не танцевала, она просто-напросто передвигала ноги и только всего. Женщина и не стремилась начинать какой-либо разговор с тем, кто ее пригласил на танец. Ее голова и душа были заполнены тяжким известием о гибели Вилли. Ева сколько не силилась, но так и не могла представить его лежащим в гробу. Ей даже во время танца хотелось все это бросить и убежать куда-нибудь в какой-то маленький уголок на этой земле и вдоволь поплакать. И не видеть никого и ничего.

С этими мыслями она часто смотрела на танцующих и по-доброму им завидовала. Ей казалось то, что все эти «руссаки» не испытали в своей жизни столько много трудностей, какие вынесли она, красивая женщина. Во время своего «отрешения» от мира, Кротиха бросала короткие взгляды на своего партнера. Он, как и блондинка, почему-то молчал и также лениво передвигал ногами. Игра в молчанку длилась минуты три. Первым нарушил молчание мужчина. И это он сделал как-то неординарно. Крепко прижав к себе Еву, он с улыбкой произнес:

- Я вижу и чувствую то, что у моей красавицы сегодня в первую ночь наступившего года вообще нет настроения. Это очень плохо. Однако я не виновник этого мрачного торжества. Нам сегодня всем по человеческому уставу положено веселиться...

Сказав это, мужчина быстро вывел Еву из круга танцующих. Затем он, легко поддерживая женщину, повел ее в буфет. Это Еву очень обрадовало. Блондинке очень хотелось выпить после того, что ей сегодня рассказала молодая девушка из Молихова. Прежде чем сесть за столик, Ева пристально посмотрела на того, кто предлагал ей свою компанию за этим столиком. Незнакомый мужчина вроде был с умным выражением и недурен собой. Все это и еще что-то непонятное в нем почему-то очень сильно подкупало Еву. Кротиха почему-то была уверена еще в том, что ее партнер не относится к той категории мужчин, которые после солидной порции пропущенного спиртного, носились с красными «рожами» по залу и с гиком и свистом прыгали как лошади.

Ева приняла решение не отказывать новому знакомому в его приглашении выпить за новый год. Незнакомец к тому же оказался очень «хозяйственным». Он успел не только хорошо «загрузить» съестным небольшой столик, но и откуда-то принес очень большую красивую розу. Мужчина, слегка наклонившись к женщине, опять по-озорному произнес:

- Я бы очень хотел того, чтобы в этом новом году для такой женщины, как Вы, счастье лилось рекой... Я пью за то, чтобы Ваши мечты стали реальностью...

Сказав это, она слегка чмокнул Еву в щеку. Женщина сразу же почувствовала приятный запах мужского одеколона. Это и что-то еще непонятное на какой-то миг притянуло блондинку к этому далеко знакомому человеку. Ева с Николаем, так звали мужчину, за столиком просидела больше часа. Она нисколько об этом и не сожалела. «Томадой» в небольшой компании был Николай. За это время незнакомец стал для женщины близким человеком. Блондинка без всякой боязни не стала противиться просьбе мужчины побродить по ночному городу.

На улице было безлюдно. В два часа ночи город уже по-настоящему спал. Только возле ярко освещенного русского ресторана ходили люди, издавая то там, то здесь смех или крики. В метрах двухсот от ресторана, Николай уверенно взял Еву за руку. Женщина этому не сопротивлялась. Почувствовав сильную руку мужчины, она на какое-то время решила забыть о смерти Майера. Взявшись за руки, мужчина и женщина неспеша колесили по улочкам спавшего города и молчали. Неожиданно повалил снег, да такой сильный, что Еве даже показалось, что она опять оказалась в далекой Сибири. Блондинка смеялась и рукой ловила крупные снежинки, которые тотчас же «расплавлялись» в ее нежной ладони...

Николай, как и во время танцев, первым нарушил молчание. Между идущими завязалась непринужденная беседа. За два часа после знакомства Ева Крот многое интересного узнала из жизни Николая Петрова. Во многом жизнь этого человека была трагична. Многим из жизни бывшего офицера женщина и восхищалась. После окончания средней школы юноша поступил в военное училище на Дальнем Востоке. Затем молодого лейтенанта направили на китайскую границу. Через год советский офицер привез к себе в часть молодую немку Фриду, ставшую для него опорой и любовью. Через год родился сын Феликс, которого назвали в честь рыцаря революции. На рыцаря революции в большей степени хотел быть похожим отец малыша, молодой комбат капитан Петров. Командир отличного батальона вел решительную борьбу с «дедовщиной» в вверенном ему

подразделении. За усердие по службе офицер первый в соединении получил орден «За службу Родине». Офицера-орденоносца в прямом смысле носили на руках. Правда до поры до времени. Даже с орденом Петров «пахал» как папа Карло и поэтому всегда рубил «правду-матку» на всевозможных совещаниях и собраниях. Не забывал офицер критиковать некоторых начальников и повыше, которые запускали руки в солдатский карман. В этот период великая страна стала втягиваться в войну в Афганистане. Не остался без своего «я» Петров и здесь. На совещании в соединении он высказал осторожное сомнение в целесообразности ввода советских войск в соседнюю страну. Мнение молодого офицера не совпадало с «научно» обоснованной политикой партии и Советского правительства. Через несколько часов после совещания к офицерскому дому, в котором проживала семья молодого командира батальона, подъехал «УАЗ». Из машины вышли четыре старших офицера, которым по долгу службы надо было блюсти все законы и «недопускать» инакомыслия в Советской Армии. На следующий день капитан Петров в сопровождении начальника медицинской службы части был «доставлен» в окружной госпиталь в психиатрическое отделение. Это небольшое заведение в отличие от других отделений имело окна с металлическими решетками. Ровно полгода в госпитале пробыл молодой офицер. Здесь же он «отметил» свой двадцать восьмой день рождения.

Ева, гуляя на свежем воздухе, внимательно слушала рядом идущего мужчину. Эту далеко невеселую историю сам «псих» Еве рассказывал с некоторым юмором. Чем чаще женщина бросала взгляды на своего рассказчика, тем больше ловила себя на мысли о том, что пережил молодой парень двадцать лет назад. Ева и сама жила в те годы и в том обществе, которое считалось пределом демократии и человеческой справедливости. После «психушки» офицер не был официально осужденным или заключенным. Однако это «заведение» напоминало ему о себе каждую ночь и каждый день гражданской жизни. Все время пребывания офицера в психиатрическом заведении строго контролировалось. Два мощных амбала в белых халатах, постоянно находящиеся в помещении, львиную долю времени «отдавали» молодому капитану. О поведении «сумасшедшего» информировались соответствующие военные органы и медицинские работники. В определенной мере контроль спадал, когда Николай садился для просмотра телепередач. Из наблюдателей и контролеров никто не сомневался в том, что средства массовой информации, работающие под партийным руководством, никогда не «развратят» молодого орденосца. К тому же он сам не собирался никого «развращать» или убивать. Да и в этом заведении было и невозможно друг друга

убить. Здесь все было крепко прикручено и крепко прибито. Кровати и прикроватные тумбочки были прикручены маленькими болтами к полу. В столовой «больным» давали только металлическую посуду. Из сервиза были исключены ножи и вилки, дабы никто из военных друг друга не поранил. Не было и всевозможных ручек в всевозможных дверях. Не исключением этому были и туалетные двери. Перед сном приходил медицинский работник и «избранным» давал какие-то таблетки. Никто из них не знал для чего они и против какой «заразы». Комбат эти таблетки никогда не пил. Боялся, чтобы его не отравили. Все таблетки он аккуратно складывал в носовой платок, который постоянно был у него в кармане синей пижамы. Во время посещения туалета «больной» быстро выбрасывал их в унитаз и также быстро смывал водой. За шесть месяцев пребывания капитан Петров старался уже никому больше не мешать. Старались не мешать молодому офицеру и военные медики, которые, скорее всего, для «балды» вызывали его на всевозможные приемы, проводили всевозможные тесты. Иногда они офицера «прокручивали» и «просвечивали» и все что-то писали в своих толстых тетрадях.

В «психушке» Николай Петров понял то, что с надеждой на большую военную карьеру ему придется распрощаться навсегда. Даже если и оставят его в славных вооруженных силах, то к полувековому своему юбилею он больше должности начфина или начпроды не получит. Рано поседевший молодой человек в своих прогнозах сильно ошибся. В его медицинской книжке черным по белому написали далеко непонятный для него диагноз. Военная медицина ходатайствовала перед вышестоящим командованием об увольнении капитана Петрова из армии. Врачи также рекомендовали его не допускать туда, где есть оружие и где стреляют. Через пять месяцев пришел приказ из столицы великой страны. Военное ведомство увольняло офицера по болезни...

Через месяц Петров с женой и маленьким сыном покинул прежнее место службы. Семья с небольшим чемоданом поехала к себе на родину в Ктомскую область. В областном центре образованного молодого офицера на инженерные должности почему-то не брали, несмотря на большие вакансии. Бывший военный решил опуститься «пониже». В намерении стать военруком в одной из школ также отказали. Опустился еще ниже. Хотел работать дворником в одной из престижных гостиниц. Заведение было в снегу «по уши», однако почему-то директор гостиницы не брал на нищенскую зарплату довольно молодого и сильного мужчину. После многомесячных мытарств в поиске работы, забившись в небольшую комнату, которую семья снимала на самой окраине города, Николай и Фрида стали держать

семейный совет. Молодые люди никак не могли понять причины отказа в работе высокообразованному человеку. Перед тем как идти в то или иное учреждение, муж и жена еще раз проверяли все необходимые документы. Все было в порядке. Во время визита в отделы кадров бывший офицер бойко по-военному отвечал на поставленные вопросы. Чиновники его вежливо провожали и предлагали подойти завтра утром или к обеду. На следующий день он с надеждой заходил в отдел кадров и с полуоткрытым ртом устремлял свой взор в сторону начальника отдела кадров. При повторном посещении начальники на приветствие безработного не отвечали. Они с официальным и с явно равнодушным взглядом нехотя бубнили: «Главный шеф сказал, что в Вас наша отрасль не нуждается».

Вполне возможно, ходок во всевозможные структуры и дальше продолжал исправно «исполнять» права и обязанности советского гражданина, если бы не один случай. После посещения техникума, где бывший военный хотел испытать себя на поприще физической культуры, у Николая было архискверное настроение. Ему в очередной раз отказали в приеме на работу. Завернув за угол техникума, неудачник решил погасить свое горе кружкой пива. Через несколько минут он уже стоял возле небольших кустиков, которые спасали любителей пива от жары или одновременно служили «местом слива», и с наслаждением тянул холодное, сильно «разбавленное» пиво. Соседом «по кружке и по месту» оказался мужчина лет пятидесяти, а может и старше. Несмотря на солидный возраст и седину, мужчина отличался военной выправкой. На гражданском пиджаке была широкая колодка с орденами и медалями. Только на втором бокале пива отставные офицеры разговорились между собою.

Узнав о том, что молодого офицера не берут на работу, Степаныч, так назвал себя седовласый знакомый, стал довольно громко смеяться:

- Ну и ты, даешь, желторотый капитан... Я даже и не думал, что ты себя так будешь вести на гражданских приемах... Сразу видно то, что ты, салага, только по полям бегал с любимым личным составом и кричал благим матом вперемешку... Я то совсем по другому профилю бегал, и куда больше всяких бумажных инструкций прочитал. Одно я тебе скажу. В каждом отделе кадров и военкомате есть перечень болезней, по которому нас увольняют...

Дальше Степаныч замолк. Наверное, считал то, что остальное должен «кумекать» его молодой собрат. Молчание «салаги» полковника в отставке насторожило. Бывший капитан исподлобья смотрел на своего коллегу по пиву и рассуждал над его намеком. Молодой человек долго не мог «врубиться». Заметив определенное

беспокойство Петрова, отставник, на этот раз уже с ухмылкой и даже с издевкой, произнес:

- Ну, если и ты правду глаголишь про свою историю болезни, то они все правильно делают, что тебя на все большие и малые посты не пускают... Шизофреники никогда в человеческом обществе не были в почете... Я думаю, что ты с политикой никак не был связан... А то, совсем было бы тебе хана...

После этого Степаныч отошел немного в сторонку и с большим смаком отлил только что выпитое пиво под небольшой кустарник. Деревце имело довольно «кислый» вид от чрезвычайного засилия органических удобрений, которые «испускали» с небольшими перерывами любители пива. Примеру своего старшего наставника последовал и Николай. После «облегчения» мужчины купили по третьей кружке пива. После первой «затяжки» пива Степаныч опять заговорил:

- У тебя, паря, статья совершенно «уникальная». По этой статье тебя даже в случае ядерной войны никуда не возьмут... А ежели и возьмут тебя, на случай войны с китайцами, то будешь работать на кухне... Будешь картошку чистить, и то думаю, без ножа...

Последняя мысль очень понравилась отставнику. Он, чуть было не поперхнувшись от очередного глотка пива, весело рассмеялся:

- Ну ладно, салага, давай пять, я пойду домой, а то моя старуха, уже наверное, заждалась...

Еще долго стоял Николай Петров возле кустарников. Все раздумывал о том, что только что ему сказал Степаныч. Молодому человеку не верилось в столь пугающие «свойства» своей болезни и он продолжал строить далеко идущие планы в своей жизни. Старший товарищ оказался прав. Планы Николая Петрова остались только планами. В городе мужчине не удалось устроиться на работу и все по той же «причине». Такое «житье» вскоре молодым супругам порядочно надоело. Они решили на своем семейном совете вообще покинуть город и устроиться в небольшой деревне. Деревня находилась неподалеку от города. Через неделю молодые поехали «на разведку». Еще через неделю семья Петровых жила уже в небольшой трехкомнатной квартире. В тому же все были при деле. Николай работал трактористом на «Беларусе». Фрида пошла работать экономистом на птицефабрику. Благо она успела до замужества закончить экономический факультет института. До самого отъезда в Германию Николай как таковой карьеры не сделал. Все время работал на тракторе. Добрым «карьеристом» была его жена Фрида, которая через два года работы стала главным экономистом птицефабрики. Через год женщина была награждена

орденом «Знак Почета».

Петровы ехать на историческую родину своих предков большого желания не испытывали. И вообще бы не поехали, если бы не страшное горе, которое посетило их семью. За два года перед отъездом по нелепой случайности умер их единственный сын Юра, уже взрослый мужчина. Да и сам он в этой смерти был не виноват. Это был какой-то рок судьбы. Злосчастная бутылка водки «левого производства», которую купил друг Юры, оказалась причиной внезапной смерти единственного сына. Друзей не могли спасти и в районной больнице. После смерти сына родителей словно подменили. В этом обществе им было все безразлично и немило. Потеря любимого и единственного сына навсегда закрыла дорогу к счастью у этих людей. К тому же у Фриды стали сдавать нервы. Причиной этому была не только смерть сына, но обстановка, в которой жили миллионы советских людей. Жена Николая уже не работала, так как некогда передовую птицефабрику закрыли. Надоедало Петровым и повседневное стояние в очередях за булкой хлеба или за стиральным порошком. Видя то, что все больше и больше русских немцев уезжают в Германию, ехать решили и они...

Прогулка продолжалась уже больше часа. К неспеша идущим по улицам города незаметно подкрадывалась усталость. Особенно ее чувствовала Ева Крот. Да и монолог Николая понемножку стал утомлять женщину. На какое-то время рассказчик замолк. И этим решила воспользоваться блондинка:

- Николай, не пора ли нам брать курс в сторону ресторана... Я думаю, что там нас с тобою уже потеряли...

Мужчина на предложение своей спутницы ничего не ответил. Он продолжал смиренно идти по улице и только иногда крепко сжимал руку красивой женщины. Так молча он шел где-то минуты две-три. Ева в этот момент даже понимала молчание идущего. Она своим нутром чувствовала то, что Николай о чем-то напряженно думает. В этом она не ошиблась. После того, как идущие подошли к мостику, перекинутому через небольшой ручей, мужчина очень сильно сжал руку блондинки. Ева от боли даже чуть-чуть вскрикнула. В какой-то миг эту боль красивой и стройной женщины почувствовал и Николай. Однако он почему-то за такой «сервис» не извинился. Это очень удивило Еву. Через несколько шагов, кавалер, держащий женщину за руку, понял свою бестактность и тихо произнес:

- Извини, я тут в своей голове порядок в мыслях наводил... Я к тому же тебя хочу пригласить к себе в гости... Моя квартира здесь буквально через один дом...

Для Евы это предложение было неожиданным. Женщина, с улыбкой посмотрев на приглашающего, с некоторой степенью

недоверия к своему знакомому сказала:

- Николай, как-то негоже женатому мужчине приглашать к себе одинокую женщину. Я не представляю того, как я буду входить к тебе в квартиру, в которой твоя жена...

Больше Еве ничего уже не пришлось говорить. Николай, как будто запамätуя о том, что он только совсем недавно до боли сжимал ладонь этой красивой блондки, опять сильно сжал ее руку. Ева «простила» и на этот раз очередное «нашествие» Петрова. «Пострадавшая», незаметно для мужчины, посмотрела на своего бывшего соотечественника. Он был чем-то расстроен. Кротиха видела его лицо и понимала то, сколько силы воли и мужества ему надо было иметь, прежде чем, ей тихо сказать:

- Эх, Ева...Ты не переживай, все будет с тобою с порядке... Моя жена погибла два года...

Дальше мужчина говорить не мог. У него из глаз текли слезы, что-то его душило. Петров свою слабость погасил молниеносно. Ева с облегчением вздохнула, когда опять услышала тот уверенный голос, который она слышала в начале своего знакомства. Петров, вспомнив о том, что он мужчина, и ему нельзя «раскисать» перед такой красивой женщиной, начал говорить:

- История с моей Фридой в очередной раз меня закалила. Приехали мы сюда с большими надеждами. Именно Фрида хотела уйти от всех проблем, которые преследовали нас в Союзе. Однако здесь, проблем, правда, иного плана, оказалось куда больше. Они преследовали нас с каждым днем, а то и с каждым часом. Фрида, как немка, строила большие планы на земле своих предков. Она прекрасно знала всю историю своих предков, много читала о современной Германии. Главный экономист птицефабрики с большим стажем и с прекрасным знанием языка в небольшом городишке никому не был нужен. Стремясь хоть как-то погасить в себе апатию и пессимизм, моя женщина заканчивала всевозможные курсы. Курсы были только курсами и только всего. «Социальное» пособие унижало достоинство женщины, которая всю жизнь жила ради своего самоутверждения. Прошло два года. Фрида так и не нашла работы. Пуцфрау ей быть не хотелось. В день своего рождения она покончила с собой, выпрыгнув с девятого этажа социальной квартиры. Она всю жизнь была для меня человеком, женщиной и женой. Она не могла жить в этом мире без смысла и цели. К сожалению, ей в трудоустройстве я ничем не мог помочь. Я ее всегда понимал. Понимаю и сейчас, когда ее уже нет.... Человек не может существовать как животное...

На некоторое время мужчина замолчал. Молчала и Ева. Она ничего не говорила и ни о чем не думала. Она, словно заколдованная, почему-то сильно сжимала широкую ладонь

мужчины, у которого, как и у нее, была далеко не сладкая жизнь...

Остаток ночи и последующие два дня наступившего нового года Ева Крот провела в квартире Николая Петрова. Уезжала Ева поздним утром, когда небольшой городишко уже в полную силу вступил в повседневный ритм своей жизни.

В том, что она переступила порог квартиры незнакомого мужчины, Ева Крот нисколько не сожалела. Наоборот, появление в своей жизни нового друга, советчика, напрочь перечеркнуло все то, что так наивно и порою бессмысленно созерцала все эти годы Ева. Несколько часов, проведенные с Николаем, для женщины были поистине уникальными. Пятидесятилетняя блондинка, за время проведенное с Петровым, впервые поняла смысл жизни. Она плакала, когда воспроизводила в своей памяти наиболее запоминаемые «участки» своей жизни. Сидя в автобусе, который медленно двигался в сторону Фюлдера, женщина размышляла о том, что говорил ей «псих»:

- Эх, Ева, кто его знает, что представляет наша жизнь. Одно я твердо знаю, что в обществе, где господствует культ желудка и наживы, не может быть человеческого счастья. Нельзя говорить о каком-либо счастье, даже порядочности, если люди убивают друг друга за кусок хлеба или готовы пожертвовать своей совестью за толику небольшого наслаждения. Я думаю, что природа, наша земля способна прокормить всех живущих. Трагедия состоит в том, что те, кто живет на этой земле, сами виноваты во всех своих же бедах. В первую очередь надо лечить душу самих людей, и тогда можно с полным основанием говорить о счастье Человека...

Суждения умного мужчины женщине очень нравились, нравились не только потому, что они были правильными. С проблемами человеческих отношений она сама на каждом шагу встречалась. Все ее детские мечты о лучшей жизни в один момент были перечеркнуты не ей лично, а теми устоями, которые были в обществе. В крушении своих идеалов блондинке признался и Николай, который с глубоким сожалением сказал:

- У меня, Евушка, мои представления о справедливой жизни треснули тогда, когда мне еще не стукнуло и двадцати... Раньше кредом всей моей жизни были такие установки. Величие и бессмертие для умных, для дураков и глупых чиновников бесславие, но увы...

На некоторое время Кротиха «остановила» свои размышления. Неожиданно для себя она рассмеялась. Причиной этому был очередной эпизод, связанный с пребыванием в квартире Петрова. Во время последнего застолья, когда Ева намеревалась уезжать домой, она убедительно просила хозяина не подкладывать в ее тарелку пельменей, которые Николай очень любил и всегда

держал про «запас» в своем холодильнике. Несмотря на просьбы красивой блондинки, Петров все добавлял и добавлял свое любимое «блюдо» своей новой знакомой. Ей уже никак не хотелось кушать пельмени. Она, весело смеясь над действиями хозяина квартиры, тихо проговорила:

- Николай, ну хватит мне этих пельменей, а то мой желудок не выдержит...

Мужчина, словно специально, продолжал ложить добавку красивой женщине и при этом философски рассуждал:

- Эх, Евушка... Вся человеческая жизнь своеобразная система унитаза. Каждый из нас ради наполнения своего желудка готов, порою, продать свою честь и достоинство. Подавляющее большинство живших и живущих считало, и считают это главным смыслом своей жизни... Унитаз экспонат уникальный. Чем больше мы «вкладываем» в этот унитаз, тем больше растут наши потребности и желания. Мы даже не замечаем того, что это изделие в равной степени смывает все: нашу индивидуальность, наши историю, да и нас самих... Да, хотя и наша жизнь понятие относительное, кроме обмена веществ и девяти месяцев...

Философствование не оставило Еву и в хайме. Теплая постель в какой-то мере способствовали ее размышлениям. Чем больше этому придавалась женщина, тем большее было у нее на душе. Блондинка, невостребованная обществом, мужчинами, да и даже собственным «Я», в этой сытой стране трезво понимала бессмысленность своего одиночества. Мысль об одиночестве в этот момент настолько напугала блондинку, что ее сердце стало учащенно биться. Ева думала, что оно вот-вот остановится. Гонимая этим страхом, она быстро встала с постели и подошла к шкафу, где хранились всевозможные таблетки. Проглотив таблетку анальгина и запив ее минеральной водой, женщина опять легла в постель и придалась воспоминаниям..

Время, проведенное Евой в квартире Петрова, большим разнообразием не отличалось. Основное время они посвятили словопрениям. Чем больше они болтали, тем больше симпатий у Евы вызывал этот мужчина. Блондинка сравнивала его со своими «бывшими». Петров был чем-то на них похож и непохож. Это понятное и во всем непонятное подкупало женщину. Ева как-то по-особому тянулась к этому мужчине. Даже в момент любви она ощущала не только его мужскую силу и ласку, но и какую-то мужскую особую притягательность, которую она в своей жизни еще никогда не испытывала. Страсть Евы Крот к «психу» была поистине неисчерпаема. Она этого даже не скрывала. После того, как они уставшие и счастливые от любви, на какое-то время отделялись друг от друга, Ева, словно маленький ребенок, страстно прижималась к

Николаю, и все повторяла и повторяла:

- Я хочу тебя, я хочу тебя, ты слышишь меня... Мой любимый, я хочу тебя любить...

От этих слов мужчина заразительно смеялся и ласково гладил нежное тело нагой красивой женщины. На какое-то время «потенциал» у Петрова куда-то исчезал. Он молниеносно откидывался на подушку и замолкал. Умолкала и Ева. Молчание женщины длилось недолго. Она, словно умирающая от жажды, стремилась опять «зачерпнуть» глоток любви, пусть даже и про запас. Нагая блондинка с новой силой и новой страстью увлекала в свои объятия нагого и стройного мужчину...

Рано утром Николай проводил Еву на автовокзал. Перед тем, как закрылась дверь автобуса, мужчина серьезно сказал:

- Ева, теперь у нас друг от друга нет никаких тайн... Я вижу то, что ты порядочная женщина. Я не скрываю того, что ты мне очень нравишься. К тому же у нас, как в народе говорят, три дня любви пролетели, словно три часа. Потом наступит жизнь с ее проблемами. Мне бы очень хотелось того, чтобы эту жизнь мы прошли вместе. Я думаю, что и ты хочешь под старость жить и любить. Жизнь без любви, это жизнь без смысла, это всего-навсего фикция, мираж настоящей человеческой жизни. Поэтому я тебя не тороплю, думай сама. Я всегда давал возможность женщинам самим думать и принимать решение. Подумай и ты...

Ева несколько раз собиралась позвонить Петрову. Она несколько не сомневалась в том, что он этого звонка очень ждет. Как также не сомневалась и в том, что он ей первый никогда не позвонит. На этот раз право выбрать себе любовь было предоставлено блондинке. Кротиха несколько раз набирала номер телефона Петрова на своей «мобилке» и давала тотчас же отбой. Не позвонила Ева Крот ни в первый день разлуки, ни во второй. Не звонила она и ночью, когда блондинке становилось невмоготу, когда она слышала отрывистое и тяжелое дыхание через стенку соседей, занимающихся любовью. В это время Ева тихо плакала. Ей именно сейчас хотелось набрать номер телефона Николая или просто встать с постели и бежать до небольшого городишка, в котором жил очень близкий для нее человек. Иногда она даже выходила на улицу, надеясь поймать попутную машину до ее «счастливой» остановки. В том, что с этим человеком у нее будет все нормально и хорошо, Ева не сомневалась. При этих мыслях плачущая блондинка, крепко сжав зубы, опять возвращалась в хайм. Почему это она делала, женщина и сама не могла понять.

Через неделю боль и тоска по Николаю у Кротихи почему-то стала утихать. Через некоторое время в голове у блондинки остались только воспоминания. Ева даже этому радовалась. В том, что у нее

не стали дальше развиваться контакты по восходящей линии с этим умным и сильным мужчиной, в большей степени она винила себя. Одновременно она и не видела своей вины. После того, как у нее спал пик жажды к этому человеку, Кротиха стала осознавать то, что она, как женщина, хотя и красивая, не «подходила» к этому человеку. Миры, которыми жил он и Ева, были сильно противоположными. Делать очередные ошибки на закате своего жизненного «солнца» женщина уже не хотела. Да и времени у нее на это было уже в обрез.

Лето пришло как-то незаметно. Оно Еву радовало и одновременно огорчало. Она, просыпаясь утром, часто выглядывала в небольшое окно своей комнаты и внимательно разглядывало все то, что происходило на улице. Аусзидлершу радовали спешащие на работу люди и также всевозможные «пробки» из-за обилия автомобилей. Женщину радовали и маленькие стайки велосипедистов, которые, словно муравьи, быстро скатывались с горки или напряженно «пыхтели», взбираясь на возвышенность. Рабочий ритм небольшого города, к сожалению, какого-либо оптимизма у Евы не вызывал. Она все еще сидела на «социале» и довольствовалась тем, что ей «давали» различные амты. Без перемен у нее было практически везде.

Мало этого. Кротиха лишилась всевозможной поддержки со стороны Татьяны Сейвольд. Виктор, друг Татьяны, нашел более высокооплачиваемую работу в другом городе. Здесь же нашлась работа и Татьяне. Через день подруга Евы со слезами на глазах покинула этот «дерьмовый остров». Ева после выезда подруги из хайма по «бумажным» вопросам стала обращаться к местной немке, которая когда-то жила в бывшей ГДР. Женщина довольно сносно владела русским языком. За помощью к ней обращались многие аусзидлеры. Ева услугами переводчицы пользовалась только пару месяцев. Вполне возможно, «интернационал», притом еще и бесплатный, надоел бывшей учительнице русского языка. Она просто-напросто стала вежливо отказывать аусзидлерам, ссылаясь на всевозможные причины, связанные с болезнью своей любимой собачки или поносом у мужа.

Намерению Кротихи жить спокойно и ровно в какой-то мере мешали местные власти. Всевозможные письма из различных амтов продолжали портить нервную систему женщины. Однажды она из одного амта получила целых три письма. Никто из жильцов не мог перевести их содержание. Ева пошла к новому коменданту хайма. Мужчина мельком взглянул на бумажки и словно, его какая-то муха укусила, стал громко ругаться. Ева со слезами на глазах быстро покинула бюро и тот час же написала ответ чиновникам на русском языке. Ева Крот сообщила работникам амта о том, что немецкий

язык она не знает. У нее также нет и денег для перевода всевозможных бумаг. Утром следующего дня, после того как она купила почтовую марку на конверт, блондинка бросила письмо в почтовый ящик. Больше Еве Крот никто из этого амта бумаг не присылал...

Наступила осень. Кроме дождей и хмурых дней, которые Кротиху напоявал «убивали», ее донимал и комендант «русской общаги». Немец каждую неделю вывешивал на доску объявлений небольшой листок бумаги с фамилиями жильцов, которые в очередной раз предупреждались о необходимости поиска квартир. Хайм предназначался только для временного проживания вновь прибывших, которые «поставлялись» из республик бывшего Советского Союза. На листке бумаге иногда делалась приписка о том, что если указанные жильцы в указанное время не покинут хайм, то это будет сделано при помощи полиции. Кое-кто из «бесквартирных» жильцов переправлялся в «Африку», в другой хайм. В этом хайме в основном проживали беженцы из стран Африки, Азии и Восточной Европы. Ева ни того, ни другого не хотела и поэтому, она как можно «лучше», улыбалась коменданту, если его встречала на своем пути.

Господин Шнайдер в определенной степени щадил красивую блондинку из далекой Сибири. Ева Крот понимала то, что ее красота имеет интернациональное значение. Она видела, что на ней в равной мере довольно часто задерживали свой томный взгляд негры и французы, и «руссаки». Не исключением был и комендант. Для него, как и для большинства немцев, приехавшие из некогда великой державы, были одинаково равны во всех отношениях. Немцы не забивали себе голову тем, из какой бывшей союзной республики бывшего Советского Союза приехали новенькие. У них для всех прибывающих был общий материк и континент: «Руссланд», иногда «Россия». Большинство коренных немцев, приезжающих на свою историческую родину, не называли немцами из России. Для них немцы из России были и оставались русскими, «руссками». Кое-кто из жителей Германии тамошний образ жизни прибывших «оттуда» связывал с бродящими медведями, а также с пьяными мужиками и бабами. Не всегда однозначное отношение местных немцев к тем, кто приехал на историческую родину своих предков, конечно, не прибавляло настроения последним...

Чем больше Ева впадала в отчаяние от казалось бы несложных бытовых проблем, тем больше у нее возникало желание посетить свой город в бывшей ГДР, в котором когда-то находился советский гарнизон. Ей хотелось, как и тридцать лет назад, когда она была еще очень юной и красивой, окунуться в ту жизнь того городка и той страны, которую она когда-то считала источником счастья,

изобилия, да и прообразом коммунистического завтра. За день до отъезда Ева в кассе железнодорожного вокзала купила льготный билет, который действовал только в субботу и воскресенье. Кротиха взяла также план-расписание прибытия и отбытия поездов на те станции, где ей предстояло пересаживаться. Билет на прямой поезд, который бы доставил ее прямо до некогда «социалистического» города Давельбурга, женщина не купила. Для нее он был очень дорогой. Вместо трех часов на скором поезде, ей предстояло ехать девять часов на «попутных» поездах и с шестью пересадками.

Месяц август «изобиловал» довольно теплой погодой и поэтому в вагоне было очень жарко. Поезд чем-то напоминал блондинке советские электрички, которые в выходные дни доставляли пассажиров от областного центра в периферию и обратно. Как и там, и здесь, в эти дни вагоны становились «резиновыми». Практически во всех поездах на пути следования машинисты по селектору просили пассажиров не прикасаться к дверям, дабы они во время движения не выпали из вагона. Пассажиров в эту субботу почему-то было очень много. Все они были разного возраста и различных национальностей. Ева могла без «промаха» определить среди них русских, турков, югославов, китайцев, африканцев. Немецкая речь в вагоне, да и иногда на вокзалах, слышалась довольно редко.

Во время движения в вагоне в одном из поездов, в котором сидела Ева Крот, «забили» туалет. Бывшая сибирячка не ожидала этого «происшествия». Она молила Бога за то, что у нее все было в порядке с желудком. Блондинка как-то равнодушно наблюдала за тем, как кое-кто из «интернационалистов» подходил к туалету и дергал за ручку двери. Некоторые из них, еще не освоив всех премудростей немецкой туалетной техники, неоднократно пытались попасть в «приятное» заведение. Подняв голову вверх, и увидев красную лампочку, они с сожалением отходили от туалета.

Чем ближе подъезжала Ева Крот к своему бывшему месту «службы», тем почему-то тревожнее становилось на ее сердце. Она с трудом узнавала эти места. Буквально за несколько километров до Давельбурга блондинка сделала пересадку в небольшом городишке Гастан. В этот город Ева когда-то с покойным Игорем ездила на автобусе в магазины. В те времена он был очень красивым. Сейчас же он чем-то напоминал «зашарпанные» города, чем изобиловала российская земля, особенно после того, когда страна вступила в эпоху демократических преобразований. И здесь, некогда ухоженное небольшой зданием вокзала, было почему-то полуразрушенно. Вокруг него буйствовали какие-то растения, скорее всего, сорняки. Некоторые из них были выше Евы. До следующего поезда было около получаса и Кротиха решила более

основательно ознакомиться с городом своей юности. Она неспеша стала спускаться вниз по подземному переходу. Ступеньки подземного перехода во многих местах были отбиты и грязные. Они чем-то напоминали ступеньки из древних пещер, по которым очень часто проходили люди, надетые в обвув с деревянными подошвами.

Бывшая интернационалистка с тревогой в сердце бросала взгляд то налево, то направо. Везде в переходе была безрадостная картина. Стены серого цвета, чем-то напоминающие не то тюремные казематы, не то давно заброшенные склады, были в некоторых местах исписаны. В надписях разных цветов и размеров принимали участие молодые люди разных национальностей и континентов. Увидела Ева и «труды» своих бывших и настоящих соотечественников из России. В самом верху одной из стен синей краской было размашисто написано слово «Андрей». Рядом с именем женщина прочитала всемирно известное русское слово из трех букв. Оно было значительное крупнее по размерам, чем русское имя и дополнялось рисунком.

Стараясь не попасть в очередную «колдобину», которыми был очень богат подземный переход, женщина брезгливо восприняла и доску объявлений. Вместо расписания о прибытии и отправлении поездов на доске красовался довольно большой рисунок. Смысл и содержание рисунка, Ева, даже опираясь на свой полувековой интеллектуальный уровень, так и не могла понять. Не могла женщина понять и тех курильщиков, которые почему-то гасили свои бычки, используя для этого доску объявлений. Надземная часть небольшого вокзала блондинку также ничем не обрадовала. Перед самым входом в здание вокзала играли в футбол два темнокожих мальчика. Молодые футболисты так усердно пинали ногами мяч, что тот иной раз даже «залетал» в стены привокзального помещения.

После короткого наблюдения за футбольным поединком маленьких немцев, Ева, стараясь не «зацепить» своими ногами небольшие кучи мусора, которые, то там, то здесь, мирно «отдыхали» на грязном асфальтном поле, открыла дверь вокзала. Дверь с целой дюжиной больших и маленьких дыр жалобно скрипнула. Женщина оказалась в помещении вокзала. От той чистоты и блеска, который Ева Крот видела три десятка лет назад, остались только одни воспоминания. Внутри вокзала не было ни души. Какие-либо билетные кассы и небольшие цивилизованные «забегаловки» отсутствовали. Отсутствовал и туалет, что послужило основной причиной того, что Ева вынуждена была осмотреть природный ландшафт привокзальной площади. Через пару минут блондинка была уже возле небольшого леска, состоящего из неизвестных для Кротиhi высоких деревьев. Красивой и чисто

одетой женщине было стыдно и неудобно перед тем, что она увидела здесь. Возле деревьев и в глубине леса находились десятки куч человеческого дерьма. Красивый островок природы служил отхожим местом для пассажиров и прохожих. Оставила «автограф» на этом участке и Ева Крот. И не без причин. Женщина потратила более десяти минут на поиск туалета или ему подобного заведения на вокзале и вокруг него. И все без успеха... Разное передумала о причинах настоящего запустения этого небольшого вокзала женщина. Она в большей степени склонялась к той мысли, что такая «разруха» есть причина недавнего наводнения, которое затопило многие земли бывшей социалистической Германии.

Поезд прибыл в город Давельбург ровно в три часа дня. Ева с замиранием сердца вышла из вагона. У нее выступили слезы, когда она увидела совсем знакомую вывеску на перроне небольшого вокзала. Блондинка сразу же заметила то, что вывеска с названием города была не ахти чистой, даже несколько ржавая. Через несколько секунд очень красивая женщина с роскошной прической сделала первый шаг по привокзальной площади. Сделав его, Ева на какой-то миг закрыла глаза. Ей казалось то, что и сейчас через тридцать лет ее подхватит на руки прапорщик Кузьмин, мужчина-исполнин...

Однако это были только мгновенные мечты многолетней давности. Женщина уверенно направилась в сторону вокзального помещения. И сразу же впала в некоторое замешательство. Неподалеку от входной двери она увидела на скамеечке серого цвета молодую парочку «русского производства». В этом Ева нисколько не сомневалась. Прожив в Германии больше года, она без всяких ошибок научилась определять физиономии «руссиков», будь они мастерами машинного доения или знаменитыми учеными. Мужчина с большими залысинами на голове, которому было уже точно за тридцать, «лапал» руками молоденькую девушку. Ей было лет двадцать, не больше. У Евы не только «рожи» влюбленных не вызвали симпатии. Аусзидлерше также не нравилось их одеяние. В первую очередь, девицы, Рыженькая была в таких потертых джинсах, что из больших и малых дыр виднелось белое тело. Из-под очень короткой кофточки темного цвета также выглядывал и пупок на животе молодой особы. Мужчина стремился ухватить свою «наездницу» за ухо. Иногда это ему удавалось. Притянув рукой девушку за ухо, он смачно целовал ее в губы. Рыжая в ответ на это громко кричала:

- Пет-тя, не лезь, а то вдарю...

Ева, мельком взглянув на любовные перепетии подпитой парочки из России, отвернулась и быстро открыла дверь вокзального помещения. Зал для пассажиров встретил свою

«землячку» полным равнодушием и грязью. У Евы сразу же упало настроение. В вокзальном помещении пассажиров было очень мало. В пяти метрах налево от выхода в город стояла небольшая кучка зевак. Небольшая стайка девушек и парней, среди которых были и «руссаки», о чем-то громко говорили и смеялись. Они говорили то на русском, то на немецком языках. Из всей этой группы выделался явный «руссак». Парень был высокого роста и очень худой. Он, наверное, как и Ева, признав в ослепительно красивой женщине свою землячку, без всякого стеснения сквозь зубы процедил:

- Ого, какая краля пошла... Вот бы мне такую...

Кое-кто из его компании, увидев в вошедшей блондинке настоящую красавицу, стал свистеть и щелкать языком. Ева, не обращая внимания на свист молодых парней, сделала серьезную мину и направилась в сторону женского туалета. По ее воспоминаниям он находился за углом, в метрах десяти-пятнадцати от молодежной стайки. Блондинка в своих воспоминаниях не ошиблась. Туалет находился на том же месте, что и тридцать лет назад. Вместо некогда добротной деревянной двери корчиневого цвета, она увидела «древнюю» дверь синего цвета. В некоторых местах краска на двери облупилась, о чем свидетельствовали довольно большие «плешины». Женщина легко дернула за ручку двери. Дверь не открылась. Ева дернула еще раз. Туалет был закрыт. Кротиха, явно недовольная таким сервисом, повела взглядом несколько в сторону, надеясь найти приятное заведение для представителей мужского пола. «Мужицкое» заведение было также закрыто. На такой же «древней» двери возле металлической ручки была приклеена тоненькая картонка. На ней авторучкой с синей пастой было по-русски написано «Вход 50 коп.». У недавней пассажирки после всего увиденного сразу же пропало желание изучать исторические достопримечательности вокзала. Она решительно прошла через весь зал и вскоре очутилась перед выходом в город.

Небольшой город жил своей жизнью, как и тридцать лет назад. Продолжительный отрезок времени наложил на город и определенные особенности, которые Ева сразу же заметила. Возле привокзальной площадки для парковки машин отсутствовали некогда красивые небольшие газончики. Немного постояв возле вокзала, женщина решила перейти улицу. И здесь ее поджидала неожиданность. Она уперлась в высокое здание банка, которого тридцать лет назад здесь и в помине не было. Еще через пятьдесят метров она увидела новую бензозаправку. Стараясь погасить в себе сомнение, Кротиха решила уточнить у прохожих дорогу в тот район города, где когда-то располагалась советская часть. Порядка пяти

минут Ева простояла, пока она нашла «достойного» жителя, который, по ее мнению, мог хоть что-то сказать о расположении бывшего военного городка.

Первая попытка найти надежный источник информации для блондинки закончилась неудачей. Молодая девушка, вполне возможно, вьетнамка, прогуливающая с детской коляской напротив вокзала, на вопрос Евы по-немецки ничего не ответила. Молодая горожанка, улыбаясь, стояла перед Евой и в прямом смысле заглядывала женщине в рот. Ева повторила свой вопрос на чистом русском языке. Девушка реагировала как и раньше. Поняв то, что у этой молодой особы ничего не узнаешь, женщина по-дежурному улыбнулась и пошла прочь. Через десяток метров перед Кротихой, идущей по тротуару, возникла тройка молодых велосипедистов. Они чем-то были похожи на девушку с коляской. Спрашивать о советском военном гарнизоне у этих молодых людей она не стала. По ее твердому убеждению, они все равно бы ничего ей не сказали.

Бывшая интернационалистка в очередной раз решила довериться своей памяти. В том, что она идет в правильном направлении, она убедилась тогда, когда миновала Дом культуры. Идя по городу, женщина внимательно приглядывалась ко всему тому, что изменилось в нем за время ее отсутствия. Многие перемены Еву просто поразили. По улицам в основном дефилировали не те люди, или их потомки, которых она видела тридцать лет назад. В нынешнем Давельбурге, как Еве казалось, больше проживало выходцев из Азии или Африки. Ей даже как бы «невзначай» пришел в голову эпизод из здешней жизни, когда она много лет тому назад принимала участие в коммунистическом субботнике с небольшой группой молодых вьетнамцев. Молодые люди трех социалистических стран во время подобных мероприятий в основном наводили порядок в парке, где находился памятник советским воинам-освободителям. В этот день к груди каждого участника прикреплялся большой красный бант. Кроме банта вручались также новые грабли, метлы и белые перчатки. Приятные воспоминания, связанные с пребыванием молодых вьетнамцев в этом городе, чуть-чуть подняли настроение красивой блондинке. Через несколько минут ходьбы Кротиха оказалась на автобусном вокзале. Увидев мощные каштаны, возле которых когда-то она с Игорем вышла из автобуса и впервые ступила на землю города, Ева заплакала. Женщина медленно подошла к одному из деревьев и нежно погладила его мощную и довольно старую кору. Затем, словно маленькая девочка, Кротиха поцеловала кору дерева и медленно опустилась на колени.

От автобусной площадки до войсковой части было рукой подать. Ева несколько успокоилась и решила пройтись по

«истории» своей жизни. Женщина медленно шла по улицам и просто их не узнавала. Эти некогда ухоженные и аккуратно уложенные булыжником улицы были не только безлюдными, но и во многих местах имели малопривлекательный вид. Не отставали от улиц по внешнему облику и жилые дома. На многих из них висели объявления о том, что это жилье сдается внаем. Ева иногда читала эти объявления и сравнивала стоимость жилья. По сравнению с югом страны, где жила Кротиха, здесь жилье было в три, а то и в четыре раза дешевле. По улицам женщина встречала и свои знакомые магазины. Окна и двери многих из них были просто-напросто забиты досками...

Вот и знакомый крутой поворот улицы, идущей в сторону мотострелкового полка. Ева полная надежды увидит высокий забор с колючей проволокой, которым по всему периметру был обнесен советский военный городок, на какое-то время даже остановилась. Как такового забора не было. По обе стороны широкой асфальтированной дороги стояли небольшие современные дома, которых тридцать лет назад не было. Не увидела Ева и «прежнего» контрольно-пропускного пункта военного городка. Пройдя еще несколько метров, блондинка не то нутром, не то своим сердцем почувствовала то, что она уже находится на территории военного городка. На месте КПП стояли мусорные баки. Ева с замиранием сердца направилась по дороге в сторону дома, в котором она когда-то жила. Сначала она его даже не узнала. Некогда серое пятиэтажное здание сейчас представляло собой красивейшее сооружение. Стены здания были ослепительно белого цвета. Балконы, переоборудованные по последнему «шику» моды, утопали в цветах. Увидев цветы, Ева слегка улыбнулась, так как в ее памяти всплыл довольно курьезный случай из ее давнишней армейской жизни. Молодая девушка с немецкой фамилией, только что прибывшая в часть, решила облагородить свой балкон и повесила перед окном на тоненькой веревочке два небольших горшка с цветами. Эту «самодеятельность» заметил начальник тыла полка, довольно глуповатый офицер. Он явно не хотел того, чтобы внешний вид «уставной» пятиэтажки кто-то нарушал. «Вычислив» балкон прапорщика Кузьмина и его молодой жены, начальник устроил настоящую «разборку» этих горшков. В первую очередь влетело Игорю. Отголоски этой маленькой «эпопеи» чуть-чуть даже поймала Ева на собрании женщин полка. Ей влетело бы куда больше, если бы у нее не было покровительницы в лице жены командира полка. Против Шарманихи никто не мог что-то сказать. На практике это означало то, что против ветра одно дело делать...

Ева Крот прошла по периметру вокруг дома несколько раз. Она все время восхищалась его благоустройством. Подошла она и к

своему подъезду, из которого, как ей казалось, она вышла только вчера. Подъезд, как и остальные, был в идеальном состоянии. Прямо у входа в подъезд висели добротные щитки-указатели, на которых были написаны фамилии жильцов. Среди тех, кто жил в этом подъезде, все были с немецкими фамилиями. Ева схватилась рукой за ручку входной двери и тихо заплакала. В этот момент ей казалось, что она соприкоснулась с тем временем, когда она была очень молодой и сильной, и может, даже счастливой. На какой-то миг ей хотелось нажать на кнопку дверного звонка, и как тридцать лет назад, легко подняться на свой этаж и зайти в квартиру своего незабываемого и счастливого времени. Однако она почему-то не решалась позвонить в «свою» квартиру. Немного успокоившись, Кротиха достала носовой платок и вытерла свои глаза. Затем еще раз обогнув «свою» пятиэтажку, блондинка решила посмотреть солдатские казармы, которых тридцать лет назад было пять. Большие и мощные постройки довоенного времени Еве во время проживания на территории советского военного городка по-особенному нравились. Все они были светло-коричневого цвета и были обнесены тонкими «заборами» зеленых насаждений.

Вскоре перед женщиной показалась и лесопосадка, состоящая в основном из каштанов. Деревья за тридцать лет превратились в настоящих исполинов. Мощные ветви, давно не видевшие пилы и топора, раскинули свои кроны на несколько метров в стороны. Внимательно посмотрев через лесопосадку, Ева почему-то не увидела привычного цвета казарм. Она быстро вошла в глубину «леса» и невольно остановилась. Все то, что Кротиха в этот момент увидела, для нее было незнакомо и даже очень чужое. Мощные металлические ворота стального цвета, которые закрывались только по личному приказу командира части, отсутствовали.

Женщина быстро преодолела «ворота» и оказалась на «территории» советской части. Сейчас же перед ней в середине некогда большого строевого плаца лежало зеленое поле, обрамленное мощными высокими каштанами. Ева даже на какой-то миг от увиденного содрогнулась. Мощные казармы, солдатскую столовую, офицерское кафе, офицерский и солдатский клубы словно кто-то языком слизал. Аусзидлерше сейчас казалось то, что на месте оных прошел мощнейший бульдозер, который начисто и навечно снес с земли некогда мощное военное подразделение, в котором насчитывалось более двух тысяч вооруженных людей с несколькими сотнями единиц боевой техники и орудий. Кротиха, питая надежду на возможность нахождения каких-либо остатков от советской части, стала внимательно смотреть себе под ноги. К ее сожалению, «территория» части, чем-то напоминающая собою

футбольное поле, была совершенно ровная и чистая.

С полными глазами слез, Ева Крот подошла и тому месту, где когда-то располагался солдатский клуб, в котором несколько лет назад состоялся ее триумф как женщины, как человека. Сейчас здесь никого не было. Только слабый ветер иногда колыхал плотные ряды зеленой травы. Бывшая ведущая «звездного» концерта, глядя на эту траву, неожиданно для себя упала на землю и горько заплакала. Она сама не знала того, почему она сегодня и здесь так сильно плачет. Вполне возможно, с этим местом у нее были связаны самые лучшие годы ее жизни. Может, она плакала еще и потому, как ей казалось, что она первая и может единственная женщина из бывшего Советского Союза, посетившая через столько лет этот военный городок. Кротиха допускала и то, что ее слезы на этом участке некогда советской части, есть слезы ее личной безысходности и разочарования. Лежа в этой траве, блондинка поняла, что и на исторической родине своих предков она не нашла своего не только человеческого, но и женского счастья. Ева, раздумывая над этим, так и не могла понять, почему это так произошло. Ей казалось то, что в этой жизни она делала все правильно...

С грустью и с большим сожалением покидала Ева Крот свой бывший военный городок. Разные мысли «ползли» ей в голову. Для нее он был уже в прошлом. Одно было у женщины только настоящее. Это память о своей молодости. Отрезок ее она провела и здесь, на этом зеленом поле...

В Фюльдер Ева Крот прибыла рано утром поездом. Было воскресенье. Блондинка неспеша вышла из поезда и также неспеша направилась к вокзалу. Откровенно говоря, ей почему-то не хотелось идти в этот город и в этот хайм. Тоска по Давельбургу и по военному городку, который она только что покинула, брала свое. Выйдя из вокзала, женщина медленно направилась в сторону почты. Почта была закрыта, только возле телефонных автоматов стояло несколько человек. Кое-кто из людей стоял в кабинке и вел телефонный разговор, кое-кто «маячил» возле. Не успела Ева Крот миновать кабинки с телефонами, как кто-то ее окликнул по-русски:

- Скажите, Вы, случайно по-русски не говорите? – Ева, несколько повернув голову назад, улыбнулась и с иронией неизвестно кому произнесла. – Ну, допустим, что я говорю по-русски. И что из этого? Здесь многие говорят по-русски...

После этого она развернулась и увидела перед собою женщину. Дальше рот блондинке не пришлось раскрывать. Пожилая незнакомка начала так тараторить, что Кротихе ничего не оставалось делать как ее слушать:

- Я здесь уже битый час стою. Все смотрю, кто из русских

мимо проходит... Вы, женщина, сразу же мне показались русской... Уже больно ты, женщина, красивая и прибранная... Русских баб сразу видно. К тому же и немोक я научилась разужнавать... Они совсем не то, что наши...

Еве надоело все это выслушивать, и она, уставившись на «руссачку», тихо спросила:

- Да, возможно, Вы и правы... Однако, что Вы, от меня, «руссачки», хотите?

Задав этот вопрос, Ева весело засмеялась и стала ожидать ответной реакции от той, которая блондинку остановила и «бросила» в ее адрес довольно приятный комплимент. Женщина почему-то молчала, скорее всего, раздумывала о том, как ответить. И этим решила воспользоваться Ева. Она стала внимательно разглядывать незнакомку. Какой-либо симпатии у нее эта женщина не вызывала. Землячка была довольно жирная. Блондинке даже казалось, что вот-вот ее живот вывалится на землю или разорвет черную кофту, в которую была одета незнакомка. Не нравилось Кротихе и остальное ее одеяние. «Руссачка» была одета в черные брюки, которые очень плотно обтягивали ее очень крупный зад. Голова незнакомки была повязана небольшим платком, на котором ярко блестели небольшие не то цветочки с ягодами, не то ягоды с цветочками. Ева, находясь в Германии, в этих фигурах с платками разных цветов и оттенков «без промаха» определяла женщин из глухих русских деревень.

Заметив изучающий взгляд красивой блондинки, женщина в платке опомнилась и опять, как и раньше, начала причитать:

- Знаешь, девонька, знаешь красивая, я здесь уже битый час стою у телефона и никак не могу дозвониться до своей дочери. И не знаю даже почему... Мне сын уже десять раз объяснял как это надо делать. Он сказал по карточке звонить в Россею куда дешевле. Я думала то, что все поняла. Ан, нет. Мне тутa один парень нерусский хотел помочь, да я его не поняла. Наверное, и он меня тоже не понял. Я, дева, кое-что в немецком-то кумекаю... Я только вот не пойму того, почему я не могу дозвониться до моей доченьки...

Кротиха про себя отметила то, что какой-то год назад и она была «белой» вороной в этих телефонах. Блондинка с большим желанием решила помочь своей землячке. К тому же возле автоматов уже никого не было. Это в какой-то мере помощнице придало силы. Ева быстро набрала цифры, указанные на карточке, затем код страны, города и номер телефона телефона дочки. Через пару секунд в трубке раздался женский голос. Незнакомка, словно рысь, выхватила из рук блондинки телефонную трубку и начала назидательным голосом кричать в трубку:

- Ну, что там у тебя нового?... Все пьешь и не работаешь? Я

тебе тварь раньше говорила... Надо было со мною ехать, ты все не слушала меня...

Такой тон разговора не понравился Еве и она решила немного отойти от автомата. Мысль о том, что надо идти в хайм или просто пошататься по улицам просыпающегося города, у блондинки почему-то пропала. Ей хотелось до конца помочь своей землячке. Не в последнюю очередь сыграло в этом и желание женщины послушать то, чем закончится разговор матери и дочери.

«Звонариха» набирала обороты в сфере ценных указаний своему чаду:

- Ты, бы, мразь, меньше в бутылку заглядывала, а искала работу... Если не работаешь, то ищи себе мужика..

Дальше Ева не стала слушать. У нее в прямом смысле, как ей казалось, уши отпали от матерной брани, которую испускала пожилая мать в адрес своей непутевой дочери. Кротиха отошла в сторонку, дабы не докучать своей незнакомке и дать ей еще больший простор для «словопрений». Увидев перед собою небольшую скамеечку, блондинка присела на нее и стала наблюдать за телефонной будкой, в которой находилась мать непослушной дочери.

Минут через пять к Еве подошла и «звонариха». Ева этому даже обрадовалась. Ей очень уже хотелось узнать то, чем так была недовольна незнакомая ей женщина. «Звонариха», словно не замечая свою «спасительницу», медленно опустилась рядом с Евой на скамейку. После короткого молчания она уставшим голосом стала говорить:

- Эх, красавица! Я на свете прожила уже шестьдесят пять годков, а жизни, как таковой, не видела. Все одни проблемы. Мои родители привезли меня с Волги в глухую Сибирь. Все тогда я пережила. Вышла замуж тоже за немца. Думала, вот оно счастье. Но увы... Муж всю жизнь пил. Буквально перед отъездом в Германию по пьянке застрелился, хотя уже документы были на руках. Я сама здесь уже десять лет. Здесь жить одной пенсионерке можно. Вся проблема с этими дочками. Детей у меня трое. Старший сын, ангел мой... Здесь же закончил институт, работает. Женился на местной немке. Все у него есть, как говорят, кроме птичьего молока...

На какое-то время женщина замолчала. Слезы, словно небольшие ручейки, настойчиво катились из ее впалых глаз. Блондинка, увидев слезы в глазах женщины и услышав кое-что из ее далеко несладкой жизни, только внимательно смотрела на собеседницу и тяжело вздыхала. Одновременно и женщина в цветастом платке изредка бросала изучающий взгляд в сторону красивой блондинки и также о чем-то думала. Еве поэтому даже казалось то, что вот-вот она начнет о ком-то или о чем-то говорить.

По этой причине Кротиха держала рот «на замке». В своих предположениях она не обманулась. «Звонариха», немного покашляв, еще раз зыркнула глазами на свою красивую собеседницу и тихо заговорила:

- Сейчас у меня одна проблема - это две взрослые дочери. Старшая живет со мною в этом городе. Она для меня прямо страшный ад, лучше и не скажешь. Приехала сюда с ребенком. Внучка очень хорошая, да родители ее хуже идиотов. У дочери муж русский, на десять лет ее старше. Там был инженером. Здесь настоящий тунеядец. Ни дня не работал, а все пиво и сигареты глотает... Деньги на все это идут большие. Дочь только год всего и проработала. Пошла потом по дорожке своего мужа. Год назад у них родился сын. Вроде и ребенок не урод, но больно нос у него имеет греческий профиль. Сейчас муж моей дочери постоянно бьет ее все за то, будто она нагуляла этого ребенка от нерусского. Я знаю, что у мужа моей дочери, да и у нее самой носы курносые... Одним словом, черт их поймет, кто у кого и что нагулял. Я так устала от всего этого, хоть в петлю иди с этими кровопийцами. Сама всю пенсию отдаю этим скотам... Еще и подрабатываю у местной старухи, кормлю и выгуливаю ее кошку... Бабка из-за своей старости не может это делать...

Заработки женщины на «кошачьем» фронте Еву не только рассмешили, но и придали интерес к жизненным неурядицам «звонарихи». Кротиха решила задать вопрос своей незнакомке:

- Скажите, что у Вас случилось с другой дочерью?... Она, что в России осталась?... Или у нее другие проблемы?

Вопрос блондинки несколько оживил и «звонариху». Она, тяжело вздохнув, решила продолжить изливать свое горе:

- Эх, красавица, младшая дочь это самое страшное горе. В то время, когда мы все собирались ехать, она не хотела. Ей и там было хорошо. Прошло пять лет, времена резко изменились. Она в России уже пять лет ни имеет работы. Ударилась в пьянку, стала у себя в доме принимать мужиков. Год назад пропила свой небольшой домик, которой я ей оставила. Сейчас даже не знаю, где она живет. Вот недавно дала какой-то номер телефона. Вот и я ей звоню...

После этих слов женщина заплакала. Слезы свои она вытирала рукой. Ева, смотря на плачущую россиянку, также за нее сильно переживала. Кротиха в знак не то понимания, не то сочувствия даже положила свою руку на плечо несчастной русской немки. Сочувствие блондинки для «звонарихи» послужило, скорее всего, причиной для ее очередных душевных излияний:

- Эх, красавица, душа моя изболелась по этим деткам. Вроде я здесь и не голодная и обогретая, а вот душа болит. Иногда лежу в постели и плачу. Я ей копейку высылаю, хоть небольшую, но

высылаю. Меня беспокоит еще и то, что по всей Россее сейчас идет разбой. Люди друг друга за кусок хлеба убивают. У нас в Калининском районе, что на Ктомщине, и то стало очень беспокойно... Моя родственница из Михайловки неделю назад письмо прислала. Она прописывает о том, что и в ихних краях даже есть бандиты, которых возглавляет не то Кутузов, не то Нахимов... С ним водится какая-то беспутная баба по кличке не то Двупалая, не то Рваное Ухо. Одним словом, тяжело там у нас стало, да и здесь далеко не мед...

Причитания бывшей сибирячки длились не очень долго. Она куда-то торопилась и поэтому быстро простилась с Евой. После прощания каждый из них пошел в противоположные стороны. По дороге Кротиха стала думать о том, что ей совсем недавно изложила пенсионерка. Блондинка горе или заботы посторонней и чужой женщины близко к сердцу не брала. У нее и своих забот хватало.

Неожиданно для Евы у нее в голове что-то сильно не то дернуло, не то сильно обожгло. Через некоторое время присела на скамеечку в парке и отключилась от мира сего. Ее мозг теперь работал над тем, что в конце своего монолога сказала эта пенсионерка. Только сейчас Ева Крот поняла то, что судьба ей помогла встретить свою землячку. Незнакомка жила в той области и районе, где родилась и жила сама Ева. Мало этого. Родственница «звонарихи» живет в деревне Михайловке, в той деревне, от которой совсем близко находилось Водяное. В этой деревне в далеком детстве красивая блондинка очень много «нагрешила». От явных совпадений у сидящей женщины выступил пот. Ей почему-то в этот момент даже захотелось куда-нибудь забиться от людей. И забиться навсегда. Чем страшнее приходили к Еве в голову мысли, тем добросовестнее работал ее мозг, доставая из глубин своей памяти все новые и новые пласты информации. Эти пласты Ева, как человек, только для нее известным причинам стремилась не «вспахивать». Сейчас же десятилетиями не востребуемые пласты памяти стали все настойчивее и настойчивее заявлять о себе.

Через несколько минут Кротиха построила в своей голове своеобразную модель жизни тех бандитов, о которых только что говорила «звонариха». И эти бандиты для Евы были очень знакомыми, а может даже и очень родными. Женщина заставляла свой мозг работать над новой и еще неизвестной для нее жизненной моделью, которую она за последние тридцать лет вообще не стремилась создавать. Опираясь на информацию землячки, блондинка неожиданно для себя пришла к выводу, что в ее родных краях, вполне возможно, появилась ее дочь «Безымяшка», она же есть и «Двупалая». От этой мысли ее сердце тревожно забило. В ее модели нашлось и место для Саньки

Пегова, «Кутузова», того паренька из седьмого класса, которому она в детстве выбила глаз. В памяти Кротихи словно наяву возник небольшой листок из ученической тетради, на котором было написано: «Я все равно тебе отомщу, чуть-чуть попозже. Пегий». В этот же момент блондинка почему-то вспомнила и теплый купейный вагон пассажирского поезда, в который он совершенно случайно попала благодаря симпатичному и серьезному Гошке Лыбину. Ева даже улыбнулась, когда на какой-то миг вновь очутилась в омуте приятных воспоминаний о той ночи, когда она впервые в своей жизни отдалась этому мужчине. Даже и сейчас, когда ей уже было за пятьдесят, она об этом никогда не сожалела. Ева Крот почему-то и через столько лет верила в порядочность Гошки Лыбина. Она еще по-детски верила в то, что ее «Безымяшка» стала прекрасной дочерью Гошки и носит его фамилию. Эти рассуждения женщину окончательно успокоили. По дороге в хайм она даже зареклась больше не строить всевозможные фантастические модели или домыслы, а жить дальше, жить как можно лучше и счастливее...

В хайме Кротиху ждало приятное предложение. Не успела Ева закрыть за собою дверь своей «хибары», как кто-то постучал. Блондинка неспеша открыла дверь. Худенькая соседка с первого этажа, увидев Еву, неслыханно обрадовалась:

- Ева, к тебе вчера приходил старенький немец. Он и сейчас сидит в детской комнате. Говорит, что ждет тебя. Наш комендант рекомендовал ему с тобою встретиться...

Удивленная неожиданным появлением старого немца, блондинка стала спускаться по лестнице вниз. Худая «руссачка» не удержалась и тихо прошептала красивой блондинке:

- Смотри, Евка, не прогадай... Он очень богатый, хотя и сильно старый....

В детской комнате и вправду сидел старый немец. Ева мгновенно окинула его взглядом. Старику было где-то за восемьдесят лет. К тому же он был с большой плечиной. Женщина робко подошла к сидящему на стуле и тихо на ломаном немецком языке произнесла:

- Здравствуйте... Я пришла... Что хотите от меня...

Ева еще что-то хотела сказать, но у нее не получилось по причине незнания немецкого языка. Старик, увидев такую красивую женщину, которая к тому же очень покраснела, весело улыбнулся. Неожиданно для Евы он в таком же ломаном «варианте» по-русски произнес:

- Здравствуйте, госпожа Крот, я рад тебя видеть... Мне о тебе говорил господин комендант... Меня зовут господин Шальке, доктор Шальке...

Дальше плешивый ничего не стал говорить. Он встал со стула, и взяв подмышку небольшую черную папочку, медленно направился к выходу из хайма. За ним последовала и Ева. Внимательно изучая плешину впереди идущего старика, блондинка терялась в догадках. Она так и не могла понять того, какие причины заставили прийти к ней в хайм этого человека, да к тому же и доктора...

Господин Шальке привел Кротиху в небольшое летнее кафе. Мужчина, ловко щелкнув пальцем, позвал официанта. Через минуту молодой парень поставил на стол бутылку минеральной воды. Ева, последовав примеру своего пожилого незнакомца, налила себе в стакан воды. Вода оказалась очень прохладной, что в какой-то степени подняло настроение уставшей женщины. Через десять минут старик полностью удовлетворил все догадки блондинки. Теперь Еве стало все ясно, почему этот незнакомый немец пришел именно к ней, а ни к кому другому в русском хайме. «Руссачка» все эти «премудрости» хорошо поняла, так как немец неплохо знал русский язык. Господин Шальке сам не говорил почему или от кого он умудрился изучить кое-что из русского языка. Кротиха же считала в данный момент это спрашивать неуместным. То, что предлагал этот дед женщине, ее очень обрадовало и вполне устраивало. Немец предлагал блондинке из России с немецкой фамилией быть у него домашней работницей, пуцфрау.

Утром следующего дня, ровно в десять часов Ева приехала на ту улицу, где проживал ее новый знакомый. Без всякого труда она нашла и дом, в котором ей предстояло пуцкать. Дом хозяина превзошел все ее ожидания. Это был трехэтажный особняк, чем-то схожий со зданиями советского времени. В те незабываемые для Евы времена, да и не только для нее, в этих зданиях располагалось районное партийное и советское начальство. Господин Шальке встретил красивую женщину очень почтительно. Он тепло поздоровался с ней за руку и даже усадил за свой письменный стол, на котором стояла небольшая пишущая машинка и лежала большая стопка книг. Мужчина после некоторых словопрений сразу же повел Кротиху по дому, где ей предстояло за десять евро в час наводить порядок. На обход трех этажей и подвала, а также на всевозможные рекомендации и указания старик потратил около часа. Ева чувствовала то, что восьмидесятилетний старик порядочно устал, снуя по всевозможным помещениям и подсобкам. Однако он не сдавался и все время бодрился. После утомительного «путешествия» по своему дому хозяин устало сел на мягкий кожаный диван черного цвета, и достав носовой платок из внутреннего кармана коричневой жилетки, по-озорному произнес:

- Вот и все, дорогая русская немка Ева... Мы все теперь

обсудили и обо всем договорились. Я к тому же немного устал, как-никак старость свое берет...

Сказав это, старик весело улыбнулся и блудливо посмотрел на Еву. Кротиха на эти слова ничего не ответила. Немного покраснев, она отвела свой взгляд в сторону. Согласно указаниям деда, женщина работала два дня в неделю и по четыре часа в день. В первые же часы на туалетно-половом поприще особняка Ева почувствовала то, что этот старец был обходительным и улыбался только для проформы. Где бы Ева не работала, старик с ученой степенью доктора наук контролировал пуцфрау буквально на каждом сантиметре той площади, где она убирала. Щепетильность деда привела в первый же день к довольно неприятному казусу. И виной этому был сам хозяин. Не успела домработница помыть пол в комнате, в которой когда-то жила покойная жена доктора, как он стал совать свою плешивую голову под кровать. Сначала Ева даже не поняла, что хочет делать, как ей казалось, этот довольно почтенный немец. Она без всякого подвоха спросила старика:

- Господин Шальке, Вы, возможно, что-то потеряли и теперь что-то ищите?

К удивлению Евы дедок ничего не отвечал, а, наоборот, стал «углубленно» пихать свою небольшую лысую голову в проем, образованный полом и кроватью. Только тогда, когда голова хозяина совсем скрылась под кроватью, Ева поняла то, что этот мужчина контролирует качество ее работы. С этой мыслью в своей голове Ева собиралась «застыть». Возможно, она бы и так стояла, если бы не дикий вопль, который неожиданно для нее стало издавать это старое существо. Дедок, внимательно просмотрев пол под кроватью, и успев даже пальцем старческой руки «мазнуть» по только что вымытой поверхности, остался доволен работой очаровательной русской блондинки. На радостях старик или не рассчитал или забыл о том, что его «думающий агрегат» еще находится под кроватью. Он почему-то резко мотнул головой и задел своей лысиной довольно толстую и с острыми концами доску кровати. От неожиданного соприкосновения с твердым предметом, на лысине мужчины мгновенно появился довольно мощный рубец. Из него тотчас же фонтанчиком брызнула кровь.

Старик вслепую прижал рукой невидимый ему источник крови. Увидев кровь на рукаве своей давно нестиранной и неутюженной рубахи, хозяин особняка, словно ошпаренный кипятком, быстро вскочил с пола и диким голосом то по-немецки, то по-русски закричал:

- Помогите! Помогите! Спасите!..

От этого истошного вопля Кротихе самой чуть плохо не стало. Она, думая о том, что не дай Бог, это старое существо отбросит

«коньки», стала бегать по комнате, словно ей самой кто-то пробил голову. К сожалению, все ее метания по комнате вслед за стариком ничего не дали. Она не могла найти каких-либо медикаментов, так как не знала где они находятся. Старик это знал, но от страха потерял разум. Через несколько секунд, Ева, придя в себя, приняла довольно простое решение. Она быстро вытащила из своего кармана спортивных брюк чистый носовой платок. Затем она с силой, отжав старческую руку хозяина от плешины, стремительно наложила платок в форме бинта на то место, откуда шла кровь. Через несколько мгновений кровь остановилась. Через пару минут в комнате возникла поистине идиллическая картина. На диване мирно и блаженно сидел дед, на голове которого был носовой платок. Рядом с ним сидела очень красивая женщина из России с немецкой фамилией и именем. Она нежно придерживала деда за плечо...

Только через час дедок вошел в прежний жизненный тонус. После этого курьезного случая Ева поняла то, что в ее работе должен отсутствовать брак и не должно быть производственных простоев. «Потовыжимальная» организация труда привела к тому, что блондинка в первый день ни минуты не отдохнула. Она также не выпила ни глотка воды. Доктор Шальке не выполнял своего обещания по восстановлению физических сил своей пущфрау. В кафе немец с умным видом клятвенно заверял «руссачку» в том, что во время работы она может пить прохладительные напитки, которыми у него забит весь подвал. Не получила Ева и обещанных десяти минут перерыва после каждого часа работы. За четыре часа пущканья домработница успела убрать только один жилой этаж и подвал. На большее у нее сил не хватило. За двадцать минут переработки хозяин денег не заплатил. После работы Ева сразу же упала в постель. У нее сильно болели спина, руки и ноги. Эту боль в какой-то мере скрадывали четыре слегка красные бумажки, лежащие на тумбочке. С этих денег начался отсчет материального благосостояния еще нестарой русской немки, которая родилась в небольшой сибирской деревне с необычным названием Водяное...

На следующий день Ева опять работала у деда. На этот раз работала несколько быстрее. Производительная работа российской немки на коренного немца не действовала. Хозяин, словно выпущенный после недельного голодания тигр, носился по этажам и давал очередные указания, от которых у блондинки появлялись головные боли. Она чуть было даже не бросила тяжелый старый пылесос, который издавал невообразимый шум, напоминающий грохот гусеничного трактора. Этот трактор аусзидлерша видела еще в годы своего далекого детства. Шум старого «тягача» несколько не смущал выжившего из ума немца. Он, как и в первый день, на

какое-то время куда-то исчезал, потом опять появлялся. Это очень короткое отсутствие хозяина Ева во второй день работы стала использовать для передышки. Как только немец покидал «расположение», женщина сразу же садилась на первые попавшие ей диван или стул. Сделав несколько затяжных выдохов и вздохов, домработница нехотя вставала и внимательно прислушивалась. Убедившись в том, что внизу и вверху не раздастся глухой или звонкий звук шагов немецкого доктора, она присаживалась опять. В противном случае, она быстро вставала, и издавая своеобразное дыхание тяжело физически работающих людей, принималась усердно мотать шваброй или сухой тряпкой по полу.

В этот же день Ева изрядно «припахала» и над благоустройством туалета, включая унитаз хозяина. Переселенка, увидев это заведение, нисколько не сомневалась в том, что оно не убиралась уже несколько лет. В лучшем случае два года, после того, как умерла жена хозяина. Немка была значительно старше господина Шальке. Перед «атакой» туалета господин Шальке дал очередные ценные указания своей домработнице. Ева и без него знала, где убирать грязь. У нее по этому заведению вопросов не возникало. Да и не могло возникнуть. Все и вся в туалете было так грязно, что «руссачке» на какой-то миг ни за какие деньги не хотелось убирать «приятное» заведение немецкого доктора. Осознавая то, что она также человек, хоть и необразованный, как этот старик, немка из России перед тем, как драть туалет, подумала о своем человеческом достоинстве. Бывшая жительница глухой сибирской деревни Водяное какое-то время стояла в нерешительности. Через несколько секунд она это сомнение отбросила прочь. Кротиха понимала то, что других таких «рабочих» точек ей нигде и никогда не найти, даже несмотря на ее красивую внешность и фигуру. Кроме социала, которого ей хватало только на пропитание и кое-какие одежды, других источников доходов у нее не было. Эти же «вонючие» деньги для Евы были как раз кстати. Немец давал деньги сразу и лично в ее руки, минуя всевозможные налоги и ведомства. Своеобразным «допингом» для «вонючей» работы Еве стал как ни странно сам хозяин. Мужчина, отыскав в подвале целую дюжину банок и бутылочек с всевозможными очистителями, быстро вошел в туалет, и словно на важном научном симпозиуме или конференции, назидательно произнес:

- Госпожа Крот, поймите то, что унитаз является важным элементом в нашей жизни... Это я Вам правильно говорю...

Слова старика, голова которого была перевязана повязкой, Еву очень рассмешили. Заразительный смех блондинки понравился и хозяину. Он, словно старый кот, который уже не мог ловить мышей, а только мог лениво слизывать сметану с блюда хозяйки или

хозяина, быстро вышел из туалета. Два часа напряженной физической работы отдала «приятному» заведению хозяина русская немка. Особенно ей пришлось попотеть при освоении «целины» туалетного очка хозяина. Оно было страшно коричневого цвета. Ни раз и ни два Ева с остервенением мазала и насыпала всевозможные химикалии, как твердого, так и жидкостного вида и содержания на этот зловонный унитаз. Вполне возможно, причиной производственных издержек был и не сам унитаз, а те «препараты», которые принес из подвала хозяин. Они из-за многолетнего «прозябания» потеряли свои качества и свойства. Ева не могла предъявить каких-либо претензий к этим препаратам, так как не знала немецкий язык. Хозяину все это было на руку. Он прекрасно понимал, что эта русская все равно будет у него работать из-за финансовых проблем. Это его очень радовало. Его неоднократные попытки пригласить на «приработки» местных немок заканчивались полным провалом. Неделью назад к нему приходила не то югославка, не то румынка. На следующий день почему-то эта еще очень молодая девушка не пришла...

Через месяц Ева Крот освоила всю технологию туалетно-полового производства. У нее уже не болела спина, не ныли руки. К трудолюбию красивой блондинки стал привыкать и хозяин. Он уже не проверял столь щепетильно полы и шкафы, которые всегда с большим старанием и рвением мыла или протирала его пуцфрау. Уже через две недели работы все комнаты женщина убирала без личного присутствия хозяина особняка. Исключением был только его рабочий кабинет и еще одна небольшая комната. И на этих «объектах» контроль был не всегда неусыпный. Под тихое посапывание работающей блондинки дедок иногда засыпал на стуле или на диване. Этому не мешал даже мощный рокот старого пылесоса. Ева терялась в догадках от того, почему именно в этих комнатах дедок всегда продолжал сидеть. Размышления по этому поводу были. И причиной этому являлась информация о деде, которую Ева получала из разных источников. Старый немец был миллионером. Он также имел несколько собственных домов, которые сдавал внаем. Кое-что Кротиха знала и о необыкновенной жадности старика. Однажды он проболтался своей домработнице о том, что он продолжает ездить на своем авто, которому уже давно за тридцать лет. Богатого или жадного человека Ева не собиралась убивать. Она также не собиралась что-либо воровать из его кабинета или комнаты.

Причины таинственного пребывания хозяина в своем кабинете и в небольшой комнате Ева узнала только через четыре недели. Это произошло в тот день, когда к деду приехал мужчина-врач. Врач был минут двадцать, не больше. Медицинский контроль

хозяин проходил в своей спальне. После того, как врач покинул особняк, из спальни вышел господин Шальке. Дед был доволен своим здоровьем. На ломаном русском языке он начал говорить о том, что несмотря на свои восемьдесят лет он чувствует себя молодо и бодро. Немного поболтав с работающей блондинкой, мужчина опять «забился» в рабочий кабинет. В этот день Ева кабинет убирала последним. Хозяин, перед тем, как Ева сюда зашла, весело зыркнув маленькими поблекшими от старости глазами, и что-то мурлыкая себе под тонкий и горбатый нос, вышел из комнаты. Домработница, войдя в кабинет, внимательно пробежала взглядом все то, что висело на стенах и лежало на столе. Это она делала всегда. Пуцфрау боялась того, что сам хозяин или кто-то из его гостей во время ее отсутствия мог что-то сломать или разбить. И на этот раз в кабинете ничего необычного не было, за исключением большого стеклянного стакана, стоящего возле пишущей машинки. В стакане находились всевозможные кольца и перстни из золота. Ева подумала о том, что эти изделия, скорее всего, принадлежали умершей супруге немца.

После окончания работы пуцфрау поставила на место свой инвентарь, затем помыла руки и пошла искать хозяина, дабы получить от него деньги. Хозяин оказался в рабочем кабинете. Женщина застала немца за довольно необычным занятием. Доктор Шальке сидел за письменным столом и с умным видом пересчитывал все золотые изделия, которые час тому назад Ева видела в стакане. Наименование и количество изделий старик старательно записывал шариковой авторучкой на листке бумаги. Увидев «руссачку», хозяин широко улыбнулся, раскрыв свой беззубый рот. Затем он медленно встал из-за стола и вытащил из кармана своих брюк деньги. Мужчина в присутствии женщины стал их считать. Ева с улыбкой наблюдала за действиями плешивого старика. Привычка господина Шальке уже несколько не раздражала женщину, как это было раньше. Она уже смирилась с тем, как миллионер дрожащими руками несколько раз пересчитывал сорок евро. Количество пересчетов зависело от числа купюр. Если купюры были очень маленького достоинства, то хозяин, как правило, пересчитывал три, а то и четыре раза. Если были четыре десятки или две двадчатки, то обходился парой пересчетов. Зная экономические «способности» своего хозяина, Ева не стремилась допускать переработку. Это приводило ее к головным болям. Однажды она «переработала» пятнадцать минут. Хозяин не сумел просчитать в голове заработок своей пуцфрау. Он сел за письменный стол и с помощью карандаша начал осуществлять поистине «астрономические» подсчеты. Кротиха в это время сидела на стуле и молчала, задрав голову на старую мебель

или облезший потолок. Через минут десять целый доктор, скорее всего, не математических наук, неспеша пошел в соседнюю комнату, в которой находились деньги. Через минут пять он также неспеша в старых комнатных тапочках подошел к Еве. Блондинка с улыбкой встретила своего «капиталиста». Она улыбалась и тогда, когда дедок начал пересчитывать уже не «свои» деньги. Уставшая и потная, как загнанная лошадь, «руссачка» с улыбкой наконец-то получила до последнего цента свой заработок.

Во время денежного расчета женщина наиболее четко понимала то, что для нее означает историческая родина ее предков, в чем состоят все ее житейские «премудрости». После пересчета золотых изделий дед Шальке понял то, что эта красивая русская, честная и порядочная женщина и не может украсть у него золото или другие ценные вещи. Недоверие коренного немца к немке из России исчезло. И это обрадовало блондинку. Господин Шальке уже больше не «пялил» глаза на свою домработницу, а сидел в своем рабочем кабинете. Явно старый ученый большой работоспособностью не отличался. Перед уходом домой, Ева, как правило, заставляла хозяина трехэтажки в «рабочей» форме. Он мирно храпел или на письменном столе возле пишущей машинки, положив на лысую голову небольшой коврик, которым закрывал старое «чудо» техники, или бодро храпел на диване в окружении десятка небольших грязных подушечек.

Шло время. В жизни у Кротихи каких-либо кардинальных изменений не происходило. Она, как и прежде, не работала, как и прежде, жила в хайме. Работать на «постоянку» ей также не удавалось устроиться. Однажды ей «постоянка» подвернулась, но не очень удачно. Во время разговора в небольшой группе «руссачек», прогуливающих по городу, Ева совершенно случайно узнала о том, что на овощном складе есть вакантное место. На следующее утро Лиля, так звали аусзидлершу из хайма, привела новую трудовую «единицу» к шефу. Шеф, еще молодой немец, очень коротко «озадачил» новенькую. Через пять минут Ева оказалась в большой группе поздних переселенок и иностранок, которые быстро и сноровисто перебирали яблоки. Через час работы Ева прилично устала. К тому же ей быстро стали «надоедать» тяжелые ящики с яблоками. Она иногда посматривала на свою подругу Лилю, которая очень ловко «расправлялась» как с яблоками, так и тяжелыми ящиками. Веселая улыбка подруги в какой-то мере поднимала настроение блондинке. Кротиха решила не оставлять от соседки по хайму. Через некоторое время к ней подошел хозяин и стал контролировать качество перебранных яблок. Наметанный глаз немца сразу заметил приличный брак в работе. Он со злостью посмотрел на работающую Еву и тут же отошел в сторону. Через

пару минут к новенькой подошла Лиля и стала назидательно причитать:

- Ева, наш шеф недоволен твоей работой. Надо работать не только быстро, но и качественно. Я знаю, тебе надо время. Я это уже прошла. Одним словом, как у нас в России говорят, торопись медленно, но и качественно...

Ева почти час старалась выполнять «завет» своей подруги и своего шефа. У нее почему-то это не получалось. У Лили количество перебранных яблок было в два раза больше и это очень раздражало блондинку. К тому же, она за своей спиной видела злые глаза немца, который «шнырял» то там, то здесь, стараясь добиться того, чтобы работающие женщины из всех континентов мира не допускали брака. Чем больше женщина отставала от своих коллег по работе, тем тревожнее становилось у нее на сердце. Подавленное настроение послужило причиной того, что у Евы во время установки ящика на деревянный поддон он почему-то выскользнул из ее нежных рук. Через мгновение она почувствовала резкую боль в носке правой ноги. Работница от боли вскрикнула и сразу же присела на корточки. На ее крик прибежала Лиля. Со слезами на глазах блондинка сняла свой туфель и с ужасом увидела то, что пальцы ее ноги были в крови. Через некоторое время к потерпевшей подбежал и хозяин, который от злости был готов удавить эту красивую новенькую. Немец стал куда-то звонить по мобильному телефону. Через двадцать минут приехала «Скорая помощь». Врач быстро перевязал ногу женщине. Этой же машиной Ева была доставлена в хайм. Шеф овощного склада Еву Крот не приглашал ни через день, ни через неделю. Молчала и Лиля...

Через день после «производственной» травмы красивая переселенка из России пошла «чернить» к старому миллионеру. Этот день для женщины стал поистине счастливым. Старик, увидев то, что его домработница пришла к нему в дом с явно подавленным настроением и с перевязанной ногой, стал интересоваться происшедшим. Со слезами на глазах женщина рассказала все, что с ней произошло на овощном складе. Не забыла «поплакаться» и о том, что она уже давно живет в русском хайме, где шум и гамм не прекращаются ни днем и ни ночью. Дедок посочувствовал Еве, пообещал помочь. Через день по просьбе хозяина Ева пришла вновь в трехэтажку. Через минут пять она уже была возле небольшого двухэтажного дома с большим фруктовым садом. Господин Шальке, как настоящий джентльмен, в черном костюме и в белой шляпе, а также с небольшой черной папочкой подмышкой, повел женщину в дом. Перед входом в квартиру старик снял шляпу. Затем, вытерев носовым платком лысину, он заискивающе произнес:

- Госпожа Крот! Эта квартира моей матери, которая умерла

десять лет назад. Она была очень доброй женщиной... Я ей очень многим обязан. Я думаю то, что эта квартира Вам понравится... Она будет Вам стоить недорого, всего четыреста евро...

Кротиха ничего деду не ответила. Она только мило улыбнулась старику. В этот момент она нисколько не думала о цене квартиры. Ее сердце в этот миг билось особенно радостно. У блондинки впервые за все время проживания на исторической родине своих предков появилась реальная возможность пожить одной в квартире. Это ее очень подкупало. Ева на радостях решила основательно посмотреть качество жилых комнат. От увиденного она содрогнулась. Квартира имела уникальный «грязный» вид. Во всех трех комнатах некогда белые обои были черные от пыли и грязи. Будущую квартирантку также поразило своей уникальной древностью сооружение, стоящее в углу небольшой кухни. Оно напоминало не то вертушку, не то что-то другое, на котором стояли большие металлические тарелки. Ева открыла одну из задвижных полок старого кухонного шкафа и сразу же отпрянула... Несколько ложек и вилок были покрыты плотным слоем ржавчины...

Большого желания осматривать квартиру своего хозяина у блондинки не было. Она, приняв «дежурную улыбку», быстро вышла из квартиры. Старичок с аналогичной улыбкой поспешил за ней. Эту ночь Ева не спала. Поздняя переселенка все думала о квартире, просчитывала в своей голове все минусы и плюсы. К окончательному решению она не пришла и утром. На обдумывание ушел и день. Ева обратилась за советом к жильцам хайма. У них также не было единого мнения. Кто-то советовал брать квартиру, кто-то советовал воздержаться. Кто был против, выдвигал довольно веские аргументы. Небольшая квартира доисторической давности была без центрального отопления и без ванны. Да и еще и без балкона. Только к утру следующего дня блондинка приняла окончательное решение. Ева, несмотря на уйму недостатков и дороговизну квартиры, решила войти в нее. Главным аргументом для «руссачки» было то, что она будет иметь отдельную квартиру. Кротиха прекрасно осознавала то, что ей самой невозможно найти квартиру, тем более, она жила на «социале»....

Дедок был страшно обрадован тому, что его домработница решила снимать у него квартиру. Он даже на радостях предложил Еве стакан минеральной воды. Через неделю женщина подписала договор о найме жилья. Содержание договора переводил на русский язык сам хозяин. Кое-что пыталась переводить со словарем и Ева. Вскоре это ей все надоело и она размашистым почерком поставила свою подпись. На следующий день блондинка открыла ключом дверь «собственной» квартиры. В этот же день заносить свои немудреные пожитки женщина воздержалась. Для этого были

причины. Требовался основательный ремонт квартиры. Дед хотел отремонтировать квартиру и сам, но только через три месяца. Еву этот вариант не устраивал. Ей хотелось быстрее покинуть хайм и жить одной. Квартиру она отремонтировала через неделю. Сама она в этом участия не принимала. Ремонт ей сделали жильцы из хайма. Четверо мужчин, двое взрослых и двое молодых ребят, поднаторевшие в подобных ремонтах у своих же земляков, делали сами все и вся. Сами даже ездили покупать обои и всевозможные краски. Все квартирное «благоустройство» хозяйке обошлось в два ящика самого дорого пива и четыре «пузыря» водки, которую Ева купила в русском магазине. Кроме этого, она дала «на лапу» по пятьдесят евро каждому.

Через две недели Кротиха пригласила деда Шальке в «свое» жилье. Он был счастлив тем, что его квартира приобрела человеческий вид. Сидя на темно-голубом диване, который женщина привезла из Красного Креста, дедок с умилением смотрел на красивую «руссачку» и все время на ломаном русском языке повторял:

- Какой хороший вкус имеет эта русская баба... Какой хороший...

Чистая и уютная квартира придала женщине интерес к жизни. Теперь она могла спокойно сидеть возле телевизора или читать книгу. Блондинка в душе благодарила страну своих предков за то, что она помогла ей и деньгами, на которые она приобрела телевизор, холодильник, кое-что из мебели и тряпок.

Через месяц после того, как Ева переехала в квартиру, повезло ей и с работой. В трудоустройстве женщине опять помог господин Шальке. Прочитав объявления в местной газете, дедок сам предложил услуги женщине в поиске работы на «базис». Ева этому очень обрадовалась. После согласия домработницы хозяин сразу же стал с кем-то говорить по телефону. К концу работы Кротиха получила от деда белый конверт. Что было написано в этом послании от немецкого доктора блондинка так и не узнала. Утром следующего дня Ева поехала по адресу, указанному на этом конверте. Возле входа в здание ее уже ждал пожилой мужчина, который в отличие от господина Шальке имел густую копну седых волос, да и возрастом он был лет на двадцать младше старого покровителя Кротихи. Через полчаса Ева приступила к работе. Работа была несложная. Женщине предстояло убирать в пяти бюро, в которых находились одни компьютеры, и два туалета: мужской и женский. Пуцфрау также имела и четкий график работы. Уборка помещений не требовала больших физических усилий. Пылесос здесь был современный и очень легкий. Выдали женщине и спецодежду.

Лето для Евы Крот подошло очень незаметно. Кротиха радовалась не только теплой погоде, но и своей жизни. У нее в принципе все было теперь нормально. Она работала на «базисе», подрабатывала у деда. «Руссачка» постепенно привыкала и к соседям, которые, как она позже узнала, относились к категории каких-то родственников деда Шальке. Родственники хозяина жили этажом ниже. Мужчина лет шестидесяти и женщина лет восьмидесяти очень радушно встретили новую поселенку, которая приехала из глухой Сибири. Доброжелательность соседей по-настоящему окрылила русскую немку. Ева была на седьмом небе от предвкушения будущей тишины и человеческого спокойствия. В этом ее убедило недельное проживание с новыми соседями. Соседи вели очень спокойный образ жизни. Они никому не мешали.

Господин Краузе, мужчина с большим животом, был пенсионером. Он редко появлялся на улице, даже тогда, когда там «зашкаливало» за тридцать градусов тепла. Госпожа Фрай чем-то была схожа с мужчиной по образу жизни. Основным занятием для соседей был сон. Они спали, как Еве иногда казалось, днем даже больше, чем ночью. В этом новенькая убеждалась на следующий день, как только занесла свои вещи к себе в квартиру. В этот день ей пришлось пять раз спуститься по лестнице со второго этажа вниз. И виной этому был крепкий сон старых немцев. Соседи не реагировали на звонки почтальона и тех, кто намеревался попасть к ним в квартиру. Посетители звонили в дверь тех, кто жил этажом выше. Блондинке пришлось забрать почту соседей. Вечером Ева осторожно постучала в дверь соседям. Через несколько минут дверь открылась и в дверях появился господин Краузе. Старик с дежурной улыбкой принял почту. Аналогичная картина произошла и на следующий день. Соседи словно вымерли...

Только через месяц стойкое убеждение русской немки о поголовной порядочности немцев пошатнулось. И притом очень сильно. Соседи этажом ниже, по мнению Евы, относились к той категории людей, которые портили ложкой дегтя целую бочку меда. «Представления» соседей начались буквально через неделю, когда Ева получила ключ от квартиры. Мир покоя и тишины на первом этаже был условным. Вполне возможно, этого мира и раньше не было. Не проходило и ночи, чтобы сосед не «дубасил» свою старую сожительницу. От кулаков или от чего-то тому подобных бабка громко кричала. В отличие от русских женщин, которые, попав под кулак своего возлюбленного, кричали: «Ой, ой, больно», бабка истошно вопила: «Ай, ай... Хильфе! Хильфе!». Ева, увидев при встрече синяки на физиономии старой женщины, во внутренние дела соседей не влезала.

К тому же не всегда отношения между соседями были

натянутыми. В дни мирного равностояния сосед садил свою бабу в машину и они уезжали закупаться. Продуктов они покупали много и часто. Соседи имели хорошую пенсию и позволяли себе хорошо покушать. Старики позволяли себе не только плотно покушать, но и не пренебрегали сексом. Ева сначала и мысли в своей голове не допускала о том, что шестидесятилетний мужчина и восьмидесятилетняя бабушка могут еще пребывать в совместной постели. Это сомнение красивой блондинки укреплялось еще и тем, что эти люди не были законной супружеской парой. В первую субботу июня все сомнения блондинки рассеялись.

В этот солнечный день Ева занималась стиркой. Взяв очередную порцию выстиранного белья, она вышла в сад, где находились стойки для просушки. Проходя мимо соседей, женщина заметила то, что у них одно из окон открыто. Ни о чем не думая, и ничего не подозревая, Кротиха начала вешать белье. Через несколько секунд она услышала громкие не то всхлипывание, не то оханье, не то кряхтение соседей. Ева, даже не зная почему, решила прислушаться к этому звуку. Своеобразный звук из окна не исчезал. Любопытство у женщины взяло верх. Она, раздвинув перед собою висающие простыни, и немного приподнявшись на носки своих тапок, внимательно посмотрела в окно. Оно находилось на очень низком расстоянии от земли. То, что Ева увидела через окно соседей, ее поразило. Бабушка, в чем ее восемь десятков лет назад родила мать, стояла спиной к соседу. Мужчина, обхватив старушку за плечи обеими руками, дергался взад и вперед. Соседка, схватившись сухими ручонками за небольшой платяной шкаф, после каждого тесного «контакта» мужчины то и дело издавало сладостное «Ах». Во всей этой любовной перепетии больше потел рыжий немец. Во время полового акта он то и дело «подбирал» свой большой живот, который чем-то напоминал большой глобус. Красивой соседке, внимательно наблюдающей за этой сценой, казалось, что из-за этого большого живота мужчина не в полной мере получает свое удовольствие. Любопытная блондинка и дальше была полна желания оставаться незаметной для соседей зевакой. Но увыв... Через несколько секунд бабушка неестественно не то закричала, не то завопила. В этот же момент голова голой и очень тощей старухи почему-то скрылась. Сразу же за ней «последовал» и толстый сосед. Ева ночью почему-то долго смеялась над тем, что «творили» днем пожилые соседи. Она никак не могла представить то, что люди еще в таком возрасте могут заниматься любовью. У них, наверное, и совсем неплохо получилось...

То, что неплохо «творили» старые соседи, не могла творить еще нестарая и уже немолодая красивая блондика. Она до сих пор не нашла себе ни мужа, ни друга. У нее даже по советским меркам

не было и «сожителя». После уникальной любовной сцены, которую для нее «устроили» соседи, мысль Евы занять мужчину не покидала ее ни днем, ни ночью. Эта мысль особенно давала о себе знать по ночам, когда нижние соседи начинали, хоть и довольно редко, пыхтеть и охать. В эти минуты Еве становилось не по себе. Она со слезами на глазах начинала гладить рукой то место, в котором так давно не было мужской «принадлежности». В это время блондинка погружалась в воспоминания о тех мужчинах, которых она имела за прошедшую жизнь. С этими мыслями она и засыпала. Днем она значительно реже «купалась» в сексуальных воспоминаниях. В свободное время Кротиха ходила по городу, надеясь хоть как-то «зацепиться» за мужика. Мужчин на улицах было очень много и разных, но улова не было. Дабы хоть как-то скоротать время, переселенка иногда ударялась в изучение немецкого языка. Русская немка довольно часто ходила в городскую библиотеку, где брала учебники на дом. Кое-чему учил ее и дед Шальке. После того, как домработница заканчивала уборку, он во время ее «получки» довольно много говорил по-немецки. Это Еве очень нравилось. Она в этот момент почему-то даже «узревала» то, что ее хозяин с большой плешинной еще и не такой старый, как это ей раньше казалось. В душе этот мужчина чем-то даже ей нравился...

Симпатии Евы к господину Шальке росли медленно, но уверенно. Причиной этому была не Ева, а сам хозяин особняка. Чем дольше работала женщина в этом доме, тем больше что-то непонятное тянуло ее к немецкому доктору. Препградой этому не стали даже его негативы. Старик оставался, как и раньше, очень жадным. Он не выполнял своего обещания о том, что через каждый месяц работы его домработница будет на одно евро больше получать. Кротиха, зная слабость многих мужчин на женскую «юбку», продолжала удивляться скупости деда. Он, как ей казалось, мог скорее удавиться, чем дать лишнюю копейку чертовски красивой женщине. Ева не докучала старика своими финансовыми запросами. Она ценила его помощь. Исходя из этих соображений домработница не портила с ним отношений. Каждый из них оставался в этой жизни при своих интересах. Кротиха понимала то, что все люди, в том числе и дед, и она, хотят хорошо жить и ничего не делать. В том, что ее хозяин очень богатый, а она очень бедная женщина, блондинка никого не винила. Не винила в своей нищете она и даже Советскую власть. Во всем этом «руссачка» видела волю Божью...

Божья воля, скорее всего, привела и к тому, что красивая блондинка летом оказалась в постели с владельцем особняка. В первый вторник июля Ева пришла как обычно. Только несколько

необычно началась в этот день ее «чернуха». Нажав кнопку звонка, Кротиха подняла свою голову вверх. Из окна второго этажа на этот раз лысой головы хозяина не появилось. Не увидела этой головы Ева и после второго и третьего звонка... Первой мыслью женщины было то, что дедок заболел или даже умер. С замиранием сердца она приложила ухо к двери. Из подвала еле доносился надрывный шум какого-то мотора или ему подобного. Ева быстро спустилась вниз по лестнице, ведущей в подвал. Дверь в подвал была открыта. Кротиха застала своего хозяина за необычным занятием. Мужчина был в резиновых сапогах и большой шваброй гонял по полу воду, от неподалеку стоящей стиральной машины. Воды в подвале почему-то было много. Дед не успевал ее собирать тряпкой. Домработница сразу же бросилась на помощь хозяину. Ей раньше даже в голову не приходила мысль о том, что миллионер, притом очень старый, еще сам может стирать. Во время уборки в комнатах женщина неоднократно замечала то, что всевозможные тряпки, как лежащие и висящие, особой белизной не отличались. После окончания «борьбы» с водой, Ева открыла стиральную машину. И тут же чуть было не потеряла дар речи. В стиралке было белья в три, а то и в четыре раза больше, чем предназначалось инструкцией. Вытащив белье из машины, Ева увидела и «стиральный порошок» - огрызок хозяйственного мыла. От увиденного мыла Кротиха очень громко засмеялась. Засмеялся, словно маленький жеребеночек, и хозяин. В этот день Ева поняла то, что скупой донельзя хозяин, дабы сэкономить электроэнергию и порошок, в прямом смысле «насиловал» машину, которая была по возрасту ни чуть не младше его.

В этот день Ева Крот не только мыла полы и «боролась» с всевозможной пылью. Она успела и кое-что выстирать из гардероба хозяина. Вывешенное белье в лучах летнего солнца быстро высохло. Ева его погладила и сложила в шкафы. Домработница покидала особняк старого немца поздно вечером. «Мастерица» на все руки понравилась доктору. Дедок, рассчитавшись с немкой из России по прейскуранту, на прощание весело улыбнулся и тихо произнес:

- Эх, где моя молодость?! ... Я думаю то, что я еще и не такой старый, как кто-то из людей думает... Я правду говорю, моя Ева...

Ева очень удивилась не только этим словам, но и той улыбке, и тому взгляду старика, каким он в прямом смысле «раздевал» стройное и гибкое тело уже немолодой, но красивой блондинки. Ева, стараясь не обидеть это старое существо, в ответ весело заулыбалась. После некоторого молчания, слегка покраснев, она очень громко произнесла по-русски:

- Вы, правы, доктор Шальке... Вам, я думаю, надо искать хорошую женщину...

Домработница, ничего больше не сказав, стала медленно открывать наружную дверь для выхода из дома. Не зная почему, она на какой-то миг остановилась. И этим воспользовался хозяин. Он, поняв намек женщины, несколько приосанился и весело ответил:

- Да, Вы правы, госпожа Крот... Я думаю то, что я скоро эту женщину найду...

На следующей неделе Ева Крот у господина Шальке не работала. Дедок позвонил ей на «мобилку» и сказал о том, что он всю неделю будет в больнице. О своей болезни немец домработнице ничего не сказал. Ева также сочла неприличным занятием спрашивать старика об его болячках и местопребывании. Всю неделю Ева «гоняла» дурака. «Базис» в принципе ее не так физически изматывал. После работы женщина бродила по городу. Телевизор порядочно стал ей надоедать. Каких-либо интересных передач для своей души в этом современном ящике, в котором «находилось» около сорока каналов, блондинка не находила. Надоедал ей и немецкий. Женщина, для того хоть как-то «забить» к себе в голову дополнительное слово, ложила каждый вечер учебник под подушку. К ее сожалению, такое рационализаторство немецкого «ума» не прибавляло. Язык Еве давался очень трудно, сказывался ее возраст. «Полтинник» жизни не давал ей возможности устроиться на престижную работу. Она видела то, что те, кому даже за сорок лет на рынке труда в стране ее предков не котируются. Возможно, этот рынок чувствовал ее разум, ее мозг и поэтому не стремился рьяно принимать немецкие слова, которые Кротиха зубрила как днем, так и ночью во все времена года и при различной погоде. Иногда она читала всевозможные немецкие учебники вслух. И все напрасно.

Господин Шальке в принципе каких-либо «кардинальных» слов из сферы немецкого языка также не давал. Ева даже сетовала на то, что если бы она работала в полноценном немецком коллективе, то она бы скорее изучила немецкий язык. «Руссачка», исходя из всех своих личных позитивов и негативов, а также и из повседневной жизни Германии, реально смотрела на свое место в этом обществе. Она понимала, что найти хорошую работу в этой стране, для нее, как и для сотен тысяч ей подобных аусзидлеров, просто-напросто останется несбыточной мечтой.

Неделя, когда Ева Крот «бездействовала» у деда Шальке пролетела очень быстро. Она не заметила того, как наступила суббота. В этот день в Фюльдере проводился фломаркт. Рынок, на котором продавались всевозможные тряпки и безделушки разных времен, Еве очень нравился. Она, как и многие жители небольшого городка, с нетерпением ждала его открытия. Кротиха себя к числу первых покупателей и зевак не относил. В отличие от многих жителей города она любила поспать. И в эту субботу она позволила

себе «приличное» время полежать в постели. На рынке блондинка «объявилась» только к двенадцати дня, когда он уже всю кишел продавцами и покупателями. Кротиха любила ходить по таким рынкам в гордом одиночестве, особенно после того, как покинула хайм со специфическим укладом жизни. Одинокое маячить женщине нравилось еще и тем, что никого не надо было ожидать или выглядывать в потоке движущейся толпы. Ева обходила рынок очень тщательно, начиная свое движение по правой стороне того или иного ряда. Только после того, как она обходила все торговые ряды, она считала рыночное «дело» законченным. И в эту субботу она не изменила своим правилам и привычкам. Только к трем часам дня блондинка выбралась из многоликой толпы рынка и направилась в городской парк. В этот солнечный день в парке было как никогда многолюдно. Причиной этому были, расположенные неподалеку от парка, всевозможные пивные и «сладкие» точки. Ева Крот, купив небольшой стаканчик сливочного мороженого с ягодами, неспеша пошла в сторону больших столов, где уже сидели десятки жителей города. За этими столами каждый чем-то «баловался». Кто-то пил пиво, кто-то с аппетитом уплетал за обеими щеками жареные куриные окорочка. Переселенке очень нравилось сидеть за этими столами, хотя бы и потому, что она в какой-то мере здесь чувствовала свою причастность к тем людям, которые называли себя немцами.

И сейчас блондинка, лениво кушая мороженое, не стремилась докучать себя внимательным изучением тех, кто проходил мимо нее или сидел за столиками. Этому в значительной мере не давали яркие лучи солнца, которые, словно раскаленные иглы, впивались в голову женщины. Достаточно «пожарившись», Ева решила пересестись за столик, над которым стоял большой зонт. Сидящую под тенью не тянуло домой. Яркое солнце, свежий воздух, тихий людской гомон располагали одинокую женщину к спокойствию и безразличию. Ее желание сидеть под зонтом хоть до «посинения» укрепилось после того, как на небольшой трибуне появились музыканты. Зажигательная музыка, словно лексир молодости, добавила спокойствия на душе Кротихи. Она, закрыв глаза, стала внимательно слушать незнакомые ей мелодии.

Во время этого «занятия» ее кто-то легонько толкнул в плечо. Ева от неожиданности легко вскрикнула и медленно повернулась. К ее удивлению перед ней стояла «звонариха», которую она совсем недавно видела возле телефонных автоматов. «Землячка» во второй раз толкнула блондинку в плечо и весело проговорила:

- Ну видишь, крававица, мы опять с тобою встретились. Я даже и не думала, что опять тебя встречу, тем более, в таком городе, где люди бегают, как пьяные мураши... Я давненько за тобою

примечаю... Я вижу то, что ты все одна, да одна... Ты ведь такая краля, такая красивая... Даже здесь я вижу, как по тебе томными глазенками «стреляют» сидящие мужики...

Еве понравился очередной комплимент «звонарихи», которая когда-то выпускала отборную брань в адрес своей непутевой дочери. Кротиха, легонько толкнув рукой плечо своей знакомой, весело произнесла:

- Да, я честно говоря, даже не ожидала Вас в очередной раз встретить... Значит судьба опять встретиться...

«Звонариха» больше не дала возможности Еве выговориться. Она ловко взяла блондинку за руку и повела ее за небольшой столик, который находился позади зонта. На этот раз действия пожилой аусзидлерши были очень энергичными, что ее очень резко отличало от той крестьянки, какую Ева видела возле вокзала. Как только «звонариха» села за стол, она сразу же показала рукой на мужчину, который потягивал пиво из большого бокала:

- Знакомься, это мой друг или фройнд, как называют таких мужиков в Германии... Я этого мужика по газете «выписала», сейчас уже два месяца «примеряемся». Вроде он у меня пока держится, а там потом посмотрю, куда его девать... Если не проштрафится, пригрею, проштрафится выгоню... Мне ведь с ним детей не делать...

Сказав это, женщина громко засмеялась и легонько чмокнула своего «выписанного» в макушку лысины. Такие «словеса» и поведение знакомой Еву рассмешили. К ее заразительному смеху присоединилась и «звонариха» со своим другом. «Выписанный» оказался неплохим мужчиной и всю старался ухаживать за двумя женщинами. Через минут десять за столиком появились три больших бокала прохладного пива и большие тарелки с фри-картофелем. Кротиха внимательно смотрела на полную женщину и радовалась. Она нисколько не сомневалась в том, что «кузнецом» сегодняшнего хорошего настроения ее землячки был «выписанный». Павел с умилением смотрел в глаза «звонарихи». Еве в этот момент казалось то, что он в любую минуту готов «служить» своей подруге.

Дарья Бейфус в очередной раз поделилась своими тягостными размышлениями о своих дочерях. Не забыла она и кое-что рассказать и о своей родной сестре, проживающей в сибирской деревне Михайловке. Эту информацию блондинка слушала с большим вниманием. Более трех десятков лет не была Ева в этой деревне и поэтому все фамилии, которые называла Дарья, для нее были незнакомы. Блондинку удивило совсем даже не это. Ее страшила та нищета и безысходность, которую переносили и испытывали ее землячки. По словам Дарьи вся деревня ударилась в запой, которые длятся неделями, а то и больше. Мужики мрут, как мухи...

Ева Крот у рассказчицы о жителях Водяного не спросила. На прощание «звонариха» крепко обняла Еву, и весело смеясь, сказала:

- Евушка, приходи к нам в гости... Мы с дедом будем тебе очень рады. Если ты хочешь, я тебе и «выписанного» найду, ты только скажи или позвони. К нам очень много «руссаков» ходят... Только скажи...

После этого толстуха в очередной раз крепко прижала к себе блондинку и также крепко поцеловала ее в щеку. После того, как Ева отошла от пожилой пары метров на десять, она услышала привычный голос «звонарихи»:

- Если ты окажешься в наших краях, то забегай к моим родственникам. Они у меня все люди добрые. Ты, Ева, знай это... В нашей Михайловке люди добрые...

Со слезами на глазах шла Ева по улицам города. Последние слова толстой немки из сибирской деревни «достали» ее до самого сердца. Именно в этот момент блондинке пришла к мысль о том, что, вполне возможно, и ее «Безымяшка», которой уже за тридцать, влачит жалкое существование, как и дочь Дарьи Бейфус...

В эту ночь Ева не спала, хотя, как таковых, головных болей у нее не было. Все, как ей казалось, было у нее при теле и при месте. Одно только было плохо. У нее сильно болела душа, душа женская, душа человеческая. Она только сейчас поняла то, что эта толстая, даже несколько уродистая и сильно «матерщинная» простая колхозница Дарья из ее района, из ее области оказалась более человеческой и порядочной, чем красивая Кротиха. Эта баба с примитивным знанием немецкого языка оказалось на деле настоящей женщиной с истинно русской душой во всех жизненных ситуациях. Несмотря на всевозможные трудности, эта немка из глухой сибирской деревни с русским названием не бросила и не бросает своих детей на произвол судьбы. Она пила, пьет и будет пить со своими детьми чашу жизненных испытаний до самого дна и до последнего своего издыхания...

Этой ночью российская немка Ева Крот, как никогда раньше, поняла трагическую ошибку в своей жизни. Она поняла ее, как человек, как женщина, как мать. Чем больше Кротиха это осознавала, тем больше себя ненавидела за то, что она несколько десятков лет назад проявила материнскую слабость в теплом вагоне, навсегда покинув свою крошку-дочь, которой даже имя не дала. Чем больше плачущая блондинка осознавала свою женскую и материнскую подлость, тем больше ей не хотелось жить в этом человеческом обществе...

Ева заснула только рано утром, где-то в четыре часа. В шесть она уже проснулась. Ее организм настоятельно требовал еще сна, физического и нервного покоя. Кротиха проснулась из-за того, что

видела очень страшный сон... Во сне она видела одноглазого здорового мужчину с густой шевелюрой седых волос и высокую, стройную блондинку. Лицо молодой девушки женщина почему-то не могла вспомнить... От этого сна Еве стало очень страшно. Она, не зная почему, решительно подошла к холодильнику и также решительно взяла из него бутылку водки... К господину Шальке госпожа Крот пришла вовремя.

Дедок с большим нетерпением ожидал свою домработницу. Это сразу же Ева заметила, как только переступила порог его дома. Шальке был одет как на официальный прием. На нем был строгий светлый костюм, белая рубашка с черным галстуком с белыми полосами. Увидев наряд своего хозяина, Кротиха весело рассмеялась и тихо по-русски произнесла:

- Вы и вправду, господин Шальке, как настоящий жених...

Старый немец от этого комплимента расцвел, словно цветок. Весело смеясь, он галантно поцеловал нежную руку женщины, которая приятно пахла дорогими духами. Четыре часа для Евы пролетели незаметно. Ничего нового в смысле работы дедок в этот день ей не предложил. Это приятно удивило женщину, которая раньше только и успевала выслушивать всевозможные ценные указания старца. Домработницу удивило еще и то, что почему-то «нафуфыренный» доктор сегодня вообще голову не высовывал. Он все время был в своем рабочем кабинете. Ева сделала попытку навести порядок и здесь. Однако кабинет был изнутри закрыт на ключ. В том, что хозяин в своем кабинете, женщина несколько не сомневалась. За время работы она несколько раз проходила мимо и всегда слышала там голос господина Шальке. Он кому-то звонил или ему звонили. Во время длительного затишья в кабинете хозяина блондинка думала, что старый ученый опять спит на диване на подушках или на столе, положив облезлый коврик на свою лысую голову. На этот раз в своих рассуждениях ошиблась. И в этом она убедилась после окончания работы. Домработница, осмотрев еще раз свои «владения», помыла руки и направилась к кабинету хозяина. Не успела она еще и приблизиться к кабинету, как дверь его быстро распахнулась. Перед блондинкой стоял господин Шальке, который был при том же «параде», но без пиджака. Доктор с улыбкой встретил свою работницу, и ловко взяв ее под руку, решительно повел Кротиху вглубь своего кабинета. Все эти действия мужчины для блондинки в определенной степени были неожиданными. Хотя кое-что из подобного дедок делал и раньше. Сегодня, как это казалось Еве, он делал это по-особому, даже как-то по-торжественному. Не успела женщина и сделать трех шагов в глубину кабинета, как в углу комнаты увидела небольшой столик, в центре которого стояла большая горящая свеча. Здесь же на столе

стояла очень красивая большая бутылка с тонким горлышком. В небольших тарелках лежали тонко нарезанные кусочки колбасы и что-то еще другое.

Для приличия блондинка отвернула голову в сторону, дабы больше не разглядывать то, что было на столе. Ева неожиданно для себя остановилась и с недоумением спросила хозяина особняка:

- Господин Шальке, а почему сегодня у Вас такое торжество?

Она собиралась еще что-то сказать, но побоялась. Дедок, как и она, в равной степени «владели» иностранными языками. К ее радости немец понял ее вопрос и весело ответил:

- В нашей стране сегодня нет праздников... У меня, у нас он есть и очень большой... Ева, ты можешь этот праздник угадать?

Кротиху этот вопрос поставил на некоторое время в тупик. Выручило то, что дедок сказал о том, что в Германии сегодня нет никакого праздника. Поэтому ей не пришлось долго напрягать мозги и вспоминать национальные и христианские праздники, которые им когда-то на шпрахкурсах перечисляли учителя.

Домработница в силу этого весело «бухнула» сияющему деду:

- Я думаю, господин Шальке, то, что у Вас сегодня день рождения...

Шальке, услышав слова Евы, от радости даже чуть-чуть подскочил. Он, словно ребенок, громко по-детски засмеялся. Женщину поведение старого немца рассмешило. Некоторое время они обоим весело смеялись. Кротиха опять переспросила немца:

- Я угадала Ваш праздник, господин Шальке?... Да?... Да?...

Старик на вопрос женщины ничего не отвечал. Он, словно настоящий джентльмен, притом очень молодой и очень сильный, вновь легонько схватил женщину под руку и с особой нежностью посадил ее за стол. Ева от такого ухаживания хозяина даже растерялась. Она на некоторое время почувствовала в действиях старого человека не то подвох, не то какое-то издевательство. За то время, которое она работала у этого старика, словно лошадь, он ей даже не так часто соизволял подать стакан самой дешевой воды. Сейчас же «лакейство» деда перед Евой в некоторой степени ее раздражало. С другим немцем, которому она ничем была не обязана, она бы по-другому действовала. Этому же лысому существу каких-либо «ослушаний», не говоря уже о презрительном взгляде в сторону хозяина, она не могла позволить. И все по одной причине. Он для нее был источником денег, хоть и небольших. Она понимала, что дед платил ей за то, что она работает. В этой стране никто и ничто бесплатно не давал денег и не дает. «Чернуха» позволяло простой женщине из глухой сибирской деревни не влачить нищенский образ жизни. Исходя из этих мыслей, Ева продолжала «корректировать» свое поведение.

Дальнейшее поведение деда, притом очень неожиданное, напрочь отмело все сомнения и опасения домработницы. Дед быстро сел за стол и также быстро наполнил два больших бокала искрящейся жидкости из большой и красивой бутылки с тонким горлышком. Затем хозяин встал из-за стола и решительно протянул бокал своей домработнице. Смущенная Ева сразу же почувствовала приятный запах прохладной жидкости. Немец очень близко подошел к женщине, и внимательно посмотрев в ее глаза, тихо и нежно произнес:

- Госпожа Крот, я думаю Вы не против, чтобы порадовать меня в очередной день рождения.... Вы не думайте, что я уже такой старик... Я еще очень молодой мужчина...

Сказав это, он по-озорному слегка ударил краешком бокала о край бокала стоящей женщины и начал пить. Ничего не говоря, пригубила бокал и Ева...

Кротиха просидела за праздничным столом у господина Шальке до позднего вечера. Осталась она у деда и на ночь. Домой пришла рано утром, когда по улицам, которые только-что начали просыпаться, побежали первые автомобили. Ева проснулась где-то после двенадцати дня. Просыпалась она неспеша. Ей некуда было спешить. К тому же, сегодня ее «базис» был свободный. Поэтому она с толком и с расстановкой стала размышлять о том, что вчера вечером и ночью произошло с ней, с женщиной, которую звали Ева Крот.

После первого выпитого бокала вина домработница по просьбе хозяина послушно села за стол. Дед настойчиво стал приглашал женщину покушать. Этому приглашению Кротиха обрадовалась. Усердие по уборке квартиры забрало у нее очень много физических сил. Затем дед на правах хозяина предложил тост за здоровье очаровательной красавицы из России. Переселенка с большим удовольствием выпила за себя. Через полчаса хозяин включил музыку и пригласил блондинку на танец. Ева от приглашения не отказалась.

Ровно в девять вечера домработница решила идти домой. Она, несколько одурманенная вином, встала из-за стола, и чмокнув деда в щеку, громко произнесла:

- Я поздравляю Вас еще раз с днем рождения... Всего Вам хорошего... До свидания... Для Вас подарок за мною...

Дальнейшее развитие событий для Евы были непредсказуемы. Хозяин быстро и решительно схватил за руку женщину, которая намеревалась покинуть его дом. Старик, о чем-то размышляя, держал ее руку несколько секунд. Скорее всего, он «переваривал» тот легкий поцелуй, которым только что его одарила эта красивая немка из России. «Застопорилась» на несколько мгновений и

домработница. В этот момент какого-либо желания оставаться за праздничным столом у нее не было. Ей просто скорее хотелось идти домой, понежиться под душем и сразу же завалиться в постель. Больше ей ничего и никого в этот вечер не хотелось. Поэтому она с определенным интересом ждала то, как сейчас дальше будет действовать именинник.

Кротиха всем нутром чувствовало, что этот старый мужчина никак не хочет ее опускать сегодня домой после изысканного стола и очень дорогостоящего вина. Господин Шальке стоял перед женщиной и внимательно смотрел ей в глаза. Через некоторое время он опустил руку женщину, потом опять ее также решительно взял и потянул ее в сторону стола. Ева медленно «пошла» за своей рукой и за тем, кто тянул ее руку...

Только в час ночи парочка закончила пребывание за столом. Мало кто из них сомневался в том, что они не были пьяными. Вино и всевозможные деликатесы, которые дед заготовил заранее, сидящим за столом очень нравились. И чем меньше у них было физических сил продолжать это торжество, тем больше каждый из сидящих, даже находясь в винном тумане, думал о самом сокровенном. Миллионер Шальке думал о том, что сидящая перед ним красивая женщина в этот вечер может на какой-то миг стать его любовницей. До появления домработницы в своем кабинете он в какой-то мере сомневался. Сейчас же это сомнение у старого немца постепенно рассеивалось...

Пришло два года после смерти жены, и он за это время ни с кем не делил постель. В свой день рождения, когда ему стукнуло только восемьдесят один, он почему-то еще верил в любовь. Настоящей любви, как таковой, между ним и умершей женой не было. Двадцатилетним юношей господин Шальке связал себя брачными узами с тридцатилетней женщиной, лишенной красоты. Одно ее было преимущество - это богатство. Молодой парень прекрасно понимал то, что в обществе, где есть богатые и бедные, лучше иметь богатую жену, чем иметь красивую и нищую. В богатствах молодой человек не ошибся. Капитал у него, благодаря наличию у жены множества всевозможных магазинов, разрастался с каждым днем.

Шли годы. Взаимопонимания в молодой семье не было. Не было и детей. Деньги способствовали тому, что каждый из супругов имел возможность хорошо «погулять» на стороне. Куда бы богатый молодой человек ни ездил, в каких бы странах ни отдыхал, он оставлял свой «след» в женском обществе. Господин Шальке, как правило, выбирал блондинок. Не отставала от своего мужа и жена. География «следов» супругов включала в себя практически все страны и континенты. До России, тем более, до Сибири, ни он, ни

она не дошли... Времена были не те, да и с классовыми врагами было опасно...

Узнав от коменданта «русского» хайма о том, что у него живет очень красивая блондинка, да еще с немецким именем и фамилией, доктор Шальке очень обрадовался. Первую ночь после молниеносной встречи с блондинкой, пожилой мужчина не спал. Он, не смыкая глаз, воспроизводил в своей памяти буквально все ее черты и особенности лица, фигуры. Мужчина был рад тому, что он когда-то получил какие-то азы русского языка от отца, который находясь в русском плену, проявил определенный интерес к языку страны-победительницы. Чем больше Шальке наливал вина в бокал красивой блондинки, тем больше хозяин дорогостоящего особняка утверждался в податливости пьянеющей домработницы...

Не теряла свой разум и рассудок и Ева Крот. Сначала она какое-то время оставалась в плену нерешительности и отчужденности к этому старому человеку. С первых минут, когда ее к себе в кабинет пригласил хозяин и попросил выпить бокал вина, она старалась держаться осторожно. Кротиха уже тогда боялась не «переборщить», дабы до конца выдержать «марку» порядочной женщины. С этими мыслями и намерениями она вновь села за стол после настоятельной просьбы немецкого доктора. Дальнейшее поведение деда каких-либо проблем у оставшейся женщины не вызывало. Еве очень понравились слова деда о том, что главным подарком для него на этом торжестве является она, очень красивая женщина из России...

Миллионер первым спился за столом. И это испугало женщину. Кротиха, несколько пошатываясь от спиртного, осторожно взяла мужчину под руки и повела его в спальню. Затем также осторожно его раздела. Услышав ровное посапывание старика, женщина на цыпочках вышла из спальни и закрыла за собою дверь. Потом она зашла опять в кабинет и посмотрела на свои часы. Они показывали ровно час ночи. Блондинка посмотрела в окно. Улицы были в плену темноты. Вспоминив о том, что она, вполне возможно, плохо «пахнет» от недавней физической работы, женщина пошла в ванную комнату. В ванной блондинка пробыла порядка получаса. Горячая вода настойчиво клонила купающуюся ко сну. К тому же пьяный угар все больше и больше заявлял о себе. Кротиха после ванны опять зашла в кабинет хозяина и налила себе стакан минеральной воды, которую с жадностью выпила. Присев на диван, нагая женщина на некоторое время погрузилась в раздумья. Идти домой в такую ночь и в таком состоянии она не собиралась. Она также исключала возможность идти в спальню хозяина. Блондинка этого не хотела, несмотря даже на то, что хозяин перед тем как «отрубиться», действительно просил ее стать его

любовницей. Старик причину этому объяснял тем, что ему нет никакого интереса жить одному в этом доме с дорогостоящей мебелью и тряпками.

Ева страсть хозяина к своей персоне объясняла вином, который очень быстро взял деда в «плен». Чем больше сидела нагая блондинка в кабинете богатого старика, чем разнообразнее был в ее голове «винегрет» мыслей и домыслов. Дабы хоть на какое-то время отключиться от назойливых мыслей, женщина включила телевизор. Шел остросюжетный фильм о двух влюбленных. Ева многое из фильма не понимала, однако страстные эпизоды любви старого мужчины и очень молодой женщины в корне изменили «старые» представления красивой аусзидлерши о любви и сексе. Под впечатлением фильма у сидящей женщины вновь появились мысли, которые напрочь отрицали те, которые были в ее голове всего несколько минут назад. Домработница опять ставила под сомнение невозможность посещения постели своего хозяина. Чем желаннее ей казался дед, тем больше в ее голове появлялся «фактический материал» из жизни тех, кто жил в этом городе и в этой стране, да и за рубежом. Ева ни раз и ни два видела в своем городе парочки, которые, она исходя из ее «остаточного» социалистического сознания и воспитания, считала далеко не парой друг другу. Она не могла представить того, как может стать женой или любовницей очень молодая девушка из Азии или Африки очень старому мужчине, который в два раза ее старше. Не находила аусзидлерша объяснения и тем женщинам из Германии, которые ездили за «приключениями» на другие континенты. Этими «нестандартами» блондинка не всегда возмущалась. Женщина немного «уступала», особенно тогда, когда она, посмотрев фильмы с классической любовью или полных эротики, с сожалением выключала свой «ящик» и сразу же намеревалась заснуть. И это ей не всегда удавалось сделать. Она, как живое существо, хотело ласки, в первую очередь, ласки мужской. Красивая женщина довольно часто своей рукой очень нежно проводила по рядом лежащей подушке и плакала. Плакала от отчаяния, так как у нее не было мужчины, ни старого и ни молодого. Плакала и от зависти. Ее очень бесило то, когда она видела очень молодых девушек из Азии или Африки, проносящихся мимо ее на «собственном» дорогостоящем «Мерседесе»...

Часы показывали ровно три ночи. Безысходность, нищета, а может даже и желание иметь мужчину, стали все больше и больше «просить» не только мозг, но и душу блондинки идти к этому старому мужчине, к этому старому существу. Ева решительно встала с дивана и также решительно вошла в спальню миллионера. Дед проснулся где-то в четыре часа ночи. Ева в это время не спала, а

просто лежала и ни о чем не думала. Ей очень нравилось нежиться в этой постели. Ее нежное тело после застолья настоятельно требовало отдыха и человеческого спокойствия. За время пребывания в постели миллионера женщина часто впадала в спячку, но через некоторые мгновения, а то и минуты просыпалась. Она еще не представляла себя спящей рядом с хозяином, который то мирно и тихо сопел, то переходил на такой дикий храп, что Еве хотелось порою покинуть это ложе. «Любовница» владельца особняка заставляла себя бодрствовать еще и потому, что она боялась проснувшегося деда, который по пьянке или по-старости мог забыть о вчерашних «притязаниях» к русской немке.

Однако получилось все как нельзя лучше. Дедок, как только проснулся, сразу же включил настольную лампу, которая стояла на прикроватной тумбочке. Он сей миг повернул свою голову налево, где когда-то спала его жена. Вместо старой и некрасивой женщины немец увидел идеально «слеplенную» головку очаровательной блондинки. Господин Шальке счастливо улыбнулся, и быстро придвинувшись к женщине, ласково чмокнул ее в щечку. Затем, приподнявшись на руки, он с силой сдернул одеяло и стал жадно целовать нагое тело блондинки, которое отдавало женской нежностью и духами...

Кротиху, которая только что вчера переспала со старым дедом, не очень расстроило то, что дед оказался полным импотентом. И сейчас, продолжая лежать в своей постели в хайме, она прекрасно понимала, что в таком довольно зрелом возрасте мало кто из мужчин может достичь в сексе тех «вершин», которые они имели в молодости. Ева улыбнулась, когда вспоминала серьезные заверения старика о том, что у него есть знакомый врач, большой специалист по восстановлению мужской половой потенции. Господин Шальке обещал своей домработнице к следующему разу быть настоящим мужчиной. Кротиха в оживляющие свойства медицины, особенно для этого старика, мало верила. Она хотела верить совсем в другое, в то, что дед ей обещал в эту ночь. Шальке, тело которого напоминало чем-то скелет, обтянутый одной кожей, в порыве страсти и нежности к нагой женщине, клялся домработнице в том, что он за постель ей будет платить по сто евро. Ева на предложение мужчины ничего не ответила. Она весело улыбалась и сильнее притягивала к себе это существо. Два часа дед «слюнявил» блондинку. Ева на старческую ласку мужчины ответила несколькими дежурными поцелуями. И только и всего. Однако дедок и этому был безумно рад. На радостях он сразу же отблагодарил свою первую любовницу после смерти жены. После «секса» он подошел к Еве, которая уже была одета по всей форме и намеревалась идти домой, и дрожащей рукой

протянул ей одну бумажку. Любовница внимательно посмотрела в глаза старика и не могла понять того, что в них было. Или сожаление за эти деньги или благодарность за ночь, проведенную с такой красивой женщиной...

Очередной визит к деду Кротиха осуществила только через две недели. Господин Шальке заранее предупредил домработницу о своем отсутствии. Причину своего отсутствия хозяин не объяснил. И это очень расстроило женщину. Ева сначала даже места себе не находила. Разное она по этому поводу передумала. В том, что этот старик может болеть, для нее неожиданностью не являлось. В его возрасте уже многие «жили» в потустороннем мире. Блондинку беспокоило совсем другое. Она хотела то, чтобы этот дед хоть бы еще год, лучше даже несколько лет протянул на этой земле. Она бы исправно у него работала не только по уборке дома, но и ублажала старика в постели, за которую он начал хорошо платить.

Господин Шальке позвонил ровно через две недели и притом поздно вечером. Он извинился за длительное отсутствие. В этот же вечер он пригласил блондинку на «русский» чай. Ева с нетерпением этого приглашения ждала и поэтому не стала отказываться. На сей раз дедок оказался в постели значительно резвее...

Наступающую весну Ева Крот встретила более уверенно, чем предыдущую. Причиной этому были деньги. Старый миллионер стал для красивой русской немки настоящим спонсором. После первой ночи, которую он провел с блондинкой, он стал нежнее относиться к своей домохозяйке. Он даже изменил график ее работы. Теперь женщина работала только раз в неделю и только по два часа. К тому же дедок повысил ей «жалованье» на целых пять евро. Кротиха не упускала из поля зрения и «постельный» источник. К радости блондинки дедок здесь ставку не менял. Сложившаяся «экономика» и расклад жизни более или менее удовлетворяли немку из России. В жизни «полувековой» женщины появился оптимизм и удовлетворение. Ева уже не так завидовала тем немцам, которые имели шикарные машины или проводили ежегодно отпуска на Канарах. Весь ее европейский «стандарт» состоял в том, что она работала на «базисе» и пуцкала. Вместо шикарной машины у нее был старенький велосипед с фломаркта. Аусзидлершу сейчас даже устраивали ежедневные прогулки в седле двухколесного «зверя». Она не имела миллионов, но даже те деньги, которые она честно отработывала на государственном и «любовном» поприще, позволяли ей строить какие-то планы на завтра...

В начале лета господин Шальке стал все больше и больше жаловаться на боли в голове. Иногда он лежал в своей спальне

часами и никуда не выходил. Ева старалась в эти трудные моменты хоть как-то поддержать своего спонсора. Она ему часто звонила, а иногда и приходила. Больной приходу своей очаровательной блондинки очень радовался и подолгу гладил ее руку. Со слезами на глазах женщина уходила от своего хозяина или любовника, неся в своей голове довольно тяжелые мысли. Она не хотела того, чтобы это старое существо умирало, даже не из-за денег. Блондинка в какой-то мере привыкла к этому старику, и ей, как дочери по возрасту, не хотелось смерти этого человека. Особенно сильно «прикипала» женщина к деду, когда посещала его в больнице. В первый понедельник июля господина Шальке выписали из больницы. Узнав о том, что хозяина выписали и он уже дома, Ева сразу же после «базиса» села на велосипед и через несколько минут оказалась в объятиях хозяина. Домашнему уюту был рад и миллионер...

Июль был, словно на заказ. Каждый день с утра до вечера стояла очень теплая погода и поэтому Ева с хозяином всегда были в саду. Ева садилась в большое плетеное кресло и читала деду сказки на немецком языке. Дед часто смеялся над тем, как произносила некоторые слова его любовница. После чтения мужчина и женщина гуляли по саду. Во время прогулок Кротиха пристально всматривалась в свое старое существо и понимала то, что дни его сочтены. Это понимал и сам хозяин трехэтажки. Однажды после «секса» мужчина неспеша повел свою любовницу в ту комнату, где он когда-то ее «трезорил». Затем достал из шкафа все тот же стеклянный стакан, в котором были украшения ее умершей жены. Господин Шальке, не пересчитывая содержимое, весело улыбнулся и протянул стакан домработнице:

- Ева, возьми все это... Оно уже мне не нужно, я думаю, там все это не нужно...

Больше тяжело больной ничего не мог что-либо сказать. Глаза его были полны слез. Хозяин не вытирал эти слезы, и они, словно маленькие капельки утренней росы, быстро выпадали из его глаз и также быстро растворялись на его белой рубашке. Ева ничего не сказала своему покровителю по поводу его подарка. Она, как и дед, плакала и с тоской смотрела ему в глаза. Выцветевшие глаза дряхлого старца, как женщине казалось, ничего уже ей не говорили. Блондинка, нежно положив свою руку на плечо мужчины, легко чмокнула его в щеку и тихо прошептала:

- Спасибо Вам, господин Шальке... Спасибо за то, что Вы мне помогаете... Спасибо за то, что Вы у меня есть...

Затем они вместе пошли пить чай. За чаем старику стало опять хуже, но старался крепиться. Он не только крепился, но и не забывал о своей любовнице. Перед уходом Евы домой, он опять взял

ее за руку и повел женщину на третий этаж своего дома. В одной из комнат миллионер открыл ключом большой шкаф из крепкого дерева и улыбаясь произнес:

- Все это, Ваше, госпожа Крот... Эта одежда моей покойной жены. Здесь всего много...

Старик, неожиданно для Евы тихо вскрикнул, и преодолевая боль, сказал:

- Ева, я тебе отдаю ключи от этого шкафа и от квартиры. Всю эту одежду ты можешь забрать. Если меня не будет, то приходи в дом и наводи порядок...

Утром следующего дня Ева пришла не по «графику» к деду Шальке. Неспеша открыла дверь. Затем поднялась в его рабочий кабинет. Хозяина не было ни в кабинете, не было его и в спальне. Неожиданно кто-то позвонил в дверь. Ева быстро спустилась вниз к выходу. Перед блондинкой стояла пожилая женщина, которая с грустью произнесла:

- Нашего соседа поздно ночью скорая забрала...

Больше женщина ничего не сказала. Она очень быстро повернулась спиной к Еве и также быстро исчезла. В этот день Ева Крот в больницу своему покровителю не звонила. Она до позднего вечера наводила порядок в его доме, все надеясь на то, что господин Шальке вновь придет к себе в свой громадный особняк. Этим же вечером домработница перетаскала домой все то, что ей разрешил забрать старик. В эту ночь Кротиха не спала. Она с удовлетворением пересматривала и пересчитывала все то, что ей подарил немец. За две недели Ева все тряпки умершей хозяйки успела по-дешевке распродать. Дорогую одежду, включая две шубы и две дубленки, за относительно низкую цену она продала жильцам из хайма. Кое-что «пихнула» на фломаркте тем же аусзидлерам. Себе ничего не оставила из одежды хозяйки, так как она очень брезговала носить чужие вещи, особенно тех, кто уже умер. Золото Ева оставила себе...

Господин Шальке больше не вернулся домой. Он умер в больнице. Узнав о смерти немца, Ева горько заплакала. Домработница господина Шальке не провожала в последний путь своего спонсора ни в его доме, ни на кладбище. Только через неделю после похорон она поставила на могилу своего покровителя небольшой букетик цветов. Этот букетик был очень мал и даже ничтожен по сравнению с теми живыми цветами, которые все еще лежали на свежевырытом холмике земли. Это различие в цветах не страшило женщину. Смерть немецкого доктора Кротиха восприняла как закономерное явление для всех живущих на этой земле. Одно она знала, что у нее любви к этому старому немцу не было. Не было у нее и сожаления. Она понимала, что этот богатый немец прожил достаточно и вкусил в себя все прелести жизни. У этого старого

существа сладкого и хорошего значительно было больше, чем у нее. Кротиха в то же время благодарила покойника за то, что он, несмотря на свою жадность, перед смертью проявил к ней определенное снисхождение. И то не за так...

Смерть господина Шальке не только лишила блондинку возможности приработка, но и порядочно заставила ее понервничать с квартирой, которую она снимала у миллионера. У покойника появилось множество всевозможных родственников, которые, словно голодные собаки, стали растаскивать имущество богатого немца. О существовании оных дед Еве раньше не говорил. Бывшая домработница даже не предполагала того, что обеспеченные люди могут превращаться в настоящих зверей из-за денег. Через месяц особняк деда был продан. Затем родственники господина Шальке принялись за небольшой домик, в котором снимали квартиры пожилые соседи и Ева. Гонцы посещали квартиру по несколько раз в день. От этого Еве становилось иногда даже дурно. Порою она плакала. Сначала визитеры в один голос говорили о том, что через полгода они будут продавать этот дом и поэтому просили квартиросъемщицу искать себе жилье. Через неделю эти же люди свое мнение меняли. Они уже просили Еву не беспокоиться и продолжать жить в квартире умершего. И здесь же ее предупреждали о том, что с первого января следующего года они повысят плату за проживание. Сколько будет обходиться ее проживание, никто из родственников господина Шальке не говорил. Стараясь предотвратить надвигающуюся катастрофу, Ева наняла себе адвоката, русского мужчину. Тот долго вел переговоры с владельцами жилья. В итоге вроде все «умялось». Визитеры уже на все сто процентов успокоили блондинку. Ей предлагали жить в этой квартире до самой смерти, однако процент повышения на жилье опять почему-то не называли.

Адвокат за пару часов всевозможных консультаций и переводов с немецкого на русский языки, и, наоборот, «слизал» с бюджета женщины целый «базис». Несмотря на убытки и нервные стрессы, которые приводили не только к головным болям, но и к слезам, Кротиха успокоилась и стала потихоньку входить в ритм своей далеко небогатой жизни. Теперь без деда у нее оставался один «базис». На этом «провианте» блондинка не могла себе позволить даже бутылку пива выпить, не говоря уже о посещении самого бедного ресторанчика. Нищета заставила ее обратиться в соответствующие амты, где ей были «положены» определенные дотации. Кротиха раньше в эти учреждения не обращалась, так как «своих» денег ей вполне хватало. У нее в то время был спонсор, хотя и старый, но богатый...

В конце июля погода почему-то испортилась. День и ночь

моросил дождь. Непогода наповал «убивала» нервную систему красивой блондинки. Ева практически целые дни лежала на диване и смотрела телевизор. Иногда она читала немецкие или русские газеты, стараясь хоть как-то отвлечь себя от грустных мыслей. Ночами Кротиха часто просыпалась. Ей снились одни кошмары, от которых она вскрикивала или плакала. Все эти кошмары, как Кротихе казалось, посылались ей по воле Бога. Сам Господь Бог просил женщину устранить свою ошибку, которую она, как молодая мать, совершила несколько лет назад. С каждым днем, а то и с часом, она понимала свою ошибку. Поэтому блондинка часто плакала, уткнувшись лицом в подушку. Со скверным настроением шла она и на «базис».

Ехать к себе на Ктомщину Ева решила в начале августа, когда погода немного «пошла» в лучшую сторону. И решение она приняла окончательное. Женщина боялась того, что с такими кошмарами, которые еженочно посещают ее голову, она не протянет и года. Свой грех она собиралась исправить сама и только одна. У нее не было ни мужа, ни детей, ни родных, которые могли бы в какой-то степени облегчить ее судьбу. Она была всегда и везде одинокой на этой земле. Блондинка, размышляя о своей надвигающейся старости или тяжелой болезни, надеялась на немецкий дом престарелых. В нем она почему-то видела свое спасение. Однако в этом возрасте женщина еще не хотела попадать в это заведение. Иногда этот дом ее сильно и пугал, когда она слышала от руссачек о существующих там проблемах. Ева еще надеялась на то, что ей Господь Бог даст возможность и побольше пожить, если она исправит свой очень давний и тяжкий грех. Короткие летние ночи Кротиха использовала для общения с Богом. Она с ним делилась своими тайнами, своими мечтами. После того, как умер дед Шальке, немка из России стала просить у Бога помощи в поиске мужчины. Надежда на то, что сильный пол «рассосет» ее одиночество, преследовала Еву день и ночь, ночь и день. К ней уже «наклевывался» один «руссачок», которого она встретила на барахолке. Вовчик все время находился в командировках, тянул кабель по Германии. Приезжал домой только на выходные или праздничные дни. Одинокая женщина и одинокий мужчина с большим нетерпением ждали очередной встречи...

Август пролетел незаметно. В этом месяце Кротиха оформила необходимые документы для выезда и «выбила» отпуск. Успешно решила и финансовые проблемы. Через Вовчика ей удалось сплавить за приличные деньги золотые изделия умершей жены господина Шальке. Она все изделия продала, кроме сережек и цепочки, которые ей самой очень нравились. Однако эти изделия блондинка с собою в Сибирь решила не брать. Она очень боялась того, что за дорогие украшения ее там могут даже и убить...

Рано утром первого сентября Ева Крот с небольшой дамской сумочкой, в которой было пять тысяч евро, и с небольшим чемоданчиком в руках села на поезд. Самолет вылетал из Франкфурта-на-Майне ровно в десять утра. Только после того, как Кротиха прошла регистрацию, она несколько расслабилась. С радостью и с душевным спокойствием красивая женщина заняла место в самолете возле окошечка. Ей всегда нравилось сидеть возле него и наблюдать за тем, что происходит за бортом авиалайнера. Через несколько минут двигатели мощной машины неслышно взревели, и Ева сразу же закрыла свои глаза. Она в этот момент ни о чем и ни о ком не думала. У нее не было страха во время перелета, не было страха и перед тем, что ее будет ожидать на родине. Во всем блондинка положила на Бога. Она считала, что именно Бог, и никто иной, определяет то, кому и какой крест нести на этой грешной земле. С этими мыслями блондинка крепко заснула...

Глава девятая.

Расплата. Дорога в рай

Самолет прилетел в аэропорт в двенадцать ночи по местному времени. Ктомск уже спал. В этом Ева Крот убедилась, когда самолет заходил на посадку. Практически весь город находился в темноте, только кое-где светились едва заметные с высоты огненные точки. Почему они светились так тускло, кого или чего они освещали, блондинку это не интересовало. Чем ближе она подлетала к своей родной земле, и к тому месту, где она полвека с небольшим назад родилась, тем тревожнее становилось на ее сердце. Она так еще и не решила, куда ей сейчас ехать. У нее иногда даже возникало сомнение в целесообразности своего «визита» в эту далекую и мало известную родину. Этими сомнениями и тревогами женщина была еще «напичкана» и тогда, когда уже получала свой чемодан. Выйдя из багажного отделения, бывшая пассажирка медленно направилась в зал ожидания. В зале ожидания, который находился на втором этаже аэропорта, практически было безлюдно. Безлюдие на какой-то миг испугало ярко накрашенную женщину, которая была в осеннем пальто черного цвета и в женском зеленом брючном костюме. Медленно идущая по залу женщина, внимательно смотрела по сторонам. К своему удивлению никого из пассажиров, только что приземлившегося самолета, в здании аэропорта она не видела. Во время посадки самолет был набит пассажирами под самую «завязку». Только увидев через стекло снующих людей возле стоянки такси, расположенной у входа в здание аэровокзала, Кротиха поняла причину безлюдия в зале

ожидания. Всех недавних ее пассажиров встречали родственники. Кое-кто из них сам искал источники передвижения.

Красивую блондинку с дамской сумочкой и с небольшим чемоданом никто в эту ночь не встречал. Немного побродив по залу, она присела, присела напротив телевизора, который был подвешен с потолка. Желание смотреть телевизор у сидящей вскоре пропало, даже несмотря на то, что шел какой-то боевик. Причиной этому было отсутствие звука. Приняв «безразличную» позу, Ева закрыла глаза, и дабы окончательно не заснуть, опять начала думать и строить свои планы на ближайшее время. В областном центре задерживаться она не собиралась. Не хотела она задерживаться и районном центре Калинино. Этот небольшой городишко, как и Ктомск, для прибывшей ничего не представлял, кроме своего названия.

Желание сразу же ехать в родное Водяное все больше и больше овладевала полуспящей блондинкой. Однако и оно было довольно «рыхлым». Ева, погруженная в мир мечтаний, металась из стороны в сторону. Она то хотела исполнения своего желания, то нет. У нее из-за страха отпадало желание попадать на глаза очень порядочным родителям своей единственной подруги Нины Кулешовой. Кротиха считала, что они еще могли быть живы. Боялась она и тех своих односельчан, которые, наверняка, еще не забыли «гулящую» немку. Страх постепенно уступал разуму женщины, разуму матери. Она одно точно знала, что следы своей дочери надо искать в родной деревне. В случае неудачи здесь, она намеревалась идти дальше, идти до последнего издыхания своей жизни. Сила, деньги, да и человеческие долг и обязанность перед своей кровинушкой у нее сейчас были...

Размышления блондинки, сидящей с закрытыми глазами, внезапно нарушил ровный голос женщины:

- Гражданочка, Вы, не против того, чтобы я к Вам подседа?.. Ночь-то длинная, а мне предстоит сидеть до пяти утра... Думала, что мои родственники вот-вот меня заберут...

От неожиданного голоса, который прозвучал прямо перед ухом Евы, Кротиха невольно открыла глаза. Перед собой она увидела милое лицо пожилой женщины. Женщина стояла перед блондинкой и ждала ответа на свой вопрос. Сначала Кротиха не «врубилась», почему эта женщина задает такой вопрос. Посмотрев по сторонам, Ева увидела много незанятых скамеек.

Заметив недовольный взгляд проснувшейся женщины, незнакомка, словно в оправдание, сказала:

- Я знаю то, что места свободные на этаже есть. Однако меня интересует совсем другое. Я вот смотрю на Вас и думаю... Наша ты или не наша. Чем-то Вы похожи на местных, и чем-то очень не

похожи...

Внимательно посмотрев на блондинку, женщина после некоторого раздумья, опять тихо произнесла:

- А, Вы, случаем не из Германии? Ведь самолет из Франкфурта-на Майне только два часа назад как прилетел...

Недовольная настойчивыми расспросами пожилой женщины, Ева стала более внимательно разглядывать незнакомку. Одновременно она в душе терзала себя вопросом, стоит ли с ней вообще разговаривать. Только после того, как женщина присела на скамеечку рядом, Кротиха сказала:

- А мне как следует Вам отвечать?... Говорить правду или немножко соврать? – Увидев улыбку на лице присевшей женщины, она продолжила. – Вы правильно угадали... Я есть и местная и неместная.... Когда-то я жила в Сибири, сейчас живу в Германии... Сегодня прилетела самолетом. Сейчас сижу и жду утрешнего автобуса...

Вскоре у сибирячек завязался разговор. Ева узнала от новой незнакомки очень много интересного из ее жизни. Эльза Вайс живет, как и Ева, в Германии. В настоящее время находится в гостях у своих родственников. Со слезами на глазах женщина рассказала и том, что заставляет ее два раза в неделю посещать этот аэропорт. Прошло ровно две недели после того, как она села в мощный авиалайнер в немецком аэропорту. Душа у пожилой женщины от радости пела. Причин для этого было целое море. В своей родной деревне с русским названием Семеновка, где когда-то жили только одни русские немцы, она не была целых десять лет. К тому же и свой семидесятилетний юбилей она хотела отпраздновать на этой земле среди горстки оставшихся родственников. Намеревалась она также в последний раз сходить на могилы своих родителей и предков.

Бабушка взяла с собою в дальний путь целых два чемодана всевозможных подарков, деньги на которые она «выкраивала» из маленькой пенсии. В аэропорту Ктомска долгожданную гостью ждали родственники и знакомые. От радости даже бабка всплакнула. Через несколько минут она в сопровождении своего внука пошла в камеру выдачи багажа. Стояли они там очень долго, до тех пор пока на конвейере не исчез последний чемодан. Внук с бабушкой ожидал свои подарки еще десять минут. Нетерпеливая немка пошла искать по аэропорту хоть какое-то начальство.

Переговоры женщины с разными начальниками и начальницами продолжались около часа. Все чиновники в один голос и притом очень дружно говорили прилетевшей из-за бугра о том, что ее чемоданы к ним в аэропорт не «прилетали». Со слезами на глазах гостя стала держать совет со своими родственниками и близкими. Все решили беспрекословно исполнить рекомендации

дежурного по аэропорту. Согласно этим рекомендациям и ездит теперь Эльза Вайс через каждые три дня в аэропорт. Немка, бывшая гражданка некогда мощного Советского Союза надеется на то, что «родные» немцы вышлют два чемодана ее очень скромных подарков. Маленького медвежонка, который очень громко рычит и играет разноцветными огоньками, с нетерпением ждет правнук Эльзы. Об этом чудо-медведе прабабушка писала в письме своему Данилу еще за полгода перед тем, как приехать к себе на родину.

По настоянию внука Эльза Вайс даже ездила в независимый Казахстан. Внук Петр допускал мысль и о том, что немцы, вполне возможно, могли отправить бабушкины чемоданы и туда. Как-никак город Ктомск и Кустанай находятся друг от друга не слишком далеко. К сожалению, и там чемоданов не оказалось. Власти соседнего аэропорта независимой страны, дабы не впасть в грязь перед жительницей сытой и цивилизованной Германии, вручили госпоже Вайс несколько бумаг, притом с очень большими печатями. В этих бумагах извещалось на казахском языке о том, что в данный момент к ним чемоданы не поступали, а, ежели и поступят, то они немедленно сообщат госпоже Вайс по указанному ею телефону...

В конце своего небольшого монолога о плохом немецком сервисе бабка и вообще расплакалась. Вместо того, чтобы дарить своим землякам скромные платки и кофточки, ей самой с мира по нитки собирали одежду. К тому же в ее родных местах погода сильно испортилась.

Ровно в пять утра за бабушкой приехал внук на «Ниве». Эльзе Вайс и его внуку предстоял далекий путь. Им предстояло преодолеть двести километров. Женщины тепло распрощались и каждый надеялся на то, что немецкие власти в конце концов доставят в большой город Сибири чемоданы. Правнучек Данило с нетерпением ждал своего медведя от своей прабабушки Эльзы Вайс...

После разговора с незнакомкой Еве спать уже не хотелось. Она начала думать о нелегкой судьбе Эльзы Вайс, которая, оставшись без мужа с тремя детьми, много лет проработала в колхозе в Сибири. Много отдала русская немка для того, чтобы довести до «ума» всех своих детей. Сейчас блондинка понимала слезы этой пожилой женщины и от всего сердца и от всей души желала ей всего хорошего. С этими мыслями незаметно для себя она и заснула...

Порснулась Кротиха где-то около семи утра. Она спала бы и больше, если бы не громовой голос молодого человека, который, словно на военном параде, кричал:

- Все желающих прокатиться по доступным ценам до города прошу следовать за мною...

Парень бегал по пустому залу и кричал так громко, что сразу

же просыпались одинокие пассажиры, которые в силу тех или иных причин оказались в эту ночь в здании аэропорта. После живого «будильника» Ева решила немного размяться и вышла на улицу. Привокзальная площадь аэропорта встретила иностранку отвратительной погодой. На улице шел сильный дождь. Он был такой холодный, что Ева сразу же как-то неестественно сжалась, когда несколько «пучков» холодной воды попали ей на голову и в лицо. Несмотря на то, что был только второй день сентября, ветер иногда «заносил» на привокзальную площадь очень большие потоки холодного воздуха. Кое-кто из спящих по улице от этого холода прятал носы в воротники своих курток или сразу же устремлялся в здание аэропорта. Через несколько минут в здание забежала и Ева.

В Калинин Кротиха приехала на рейсовом автобусе, который прибыл в районный центр с большим опозданием. Задержка автобуса произошла не по вине пассажиров, а по техническим причинам. В десяти километрах от областного центра у автобуса лопнуло колесо. Поблизости никакого технического сервиса не было. Молодой водитель «проковырялся» с колесом целых два часа. Во время вынужденной остановки пассажиры разбрелись по небольшим березовым околкам. В основном по нужде. Кое-кто собирал грибы. Побродить по лесу вышла и Ева. Свежий воздух, запах леса придал красивой блондинке новый прилив сил и размышлений. Она, медленно прохаживаясь по редким «березникам», все думала и думала о том, как же ей действовать дальше. В лесу женщина приняла новое решение. Она уже не хотела ехать напрямик в родное Водяное, а желала сначала заехать в Михайловку к родной сестре Дарьи Бейфус. У родственницы «звонарихи» блондинка собиралась немного переждать, даже в какой-то мере даже затаиться. От новых мыслей у Евы приподнялось настроение. В этих березовых лесках она сейчас почувствовала себя более уверенной и не такой одинокой. Ей казалось, что она и никогда не уезжала из этого дивного края, в котором очень много лесов и добрых людей...

Из Калинин до Михайловки Кротиха ехала на перекладных. Сначала она намеревалась ехать на маршрутном автобусе. Она подошла к билетной кассе. У небольшого окошечка, которое было с «намордником» в виде небольшой металлической решетки, ее ждало разочарование. Продавец билетов, молодая и очень толстая казашка, с недоумением спросила улыбающуюся пассажирку:

- Гражданка, Вы, что не слышали о том, что сегодня этот автобус вообще не идет по расписанию... Многие автобусы не ходят из-за отсутствия бензина. Пора бы и знать, что сегодня и все школьники на занятия пошли...

Дальше «кудахтанье» казашки блондинка не стала слушать. Она взяла в руки чемодан и с явно недовольной физиономией покинула перекошенное здание небольшого деревянного автовокзала. С убитым видом Ева ходила вокруг здания и «просчитывала» в своей голове всевозможные варианты, дабы попасть в деревню Михайловку. Спасательных вариантов в голове не было. Только через десять минут такой вариант нашелся. Он не исходил от самой Евы. Вариант исходил из «капитализма». Не успела неудачница отойти от автовокзала и десяти метров, намереваясь по дороге «стрельнуть» кого-либо до Михайловки, как она улышалась голос пожилой женщины:

- Желающие поехать по маршруту Калинино - Петухово - Михайловка прошу выйти к общественному туалету...

Незнакомка, испуганно озираясь по сторонам, быстро куда-то исчезла. Блондинку объявление не только рассмешило, но и заинтересовало. Она, обойдя уже в который раз перекошенную постройку, так и не нашла общественного туалета. Подобие туалета в метрах ста было, но только подобие. Никто из пассажиров автовокзала в этот «туалет» не ходил. От «тогдашнего» туалета осталась только небольшая яма, вокруг которой буйно росли сорняки. Кротике пришлось обратиться за «подсказкой» к проходящему молодому человеку, который на ходу «клевал» семечки из большого подсолнуха. Паренек очень рассмеялся, когда Ева спросила у него о месте расположения общественного туалета. Молодой прохожий, выплюнув содержимое изо рта, весело произнес:

- Сразу видно то, что Вы не из наших краев... Общественный туалет это у нас колхозный рынок, который получил такую кликуху за свою грязь... Одним словом, идите прямо по главной улице от здания автовокзала и через метров триста будет этот рынок...

Окинув изучающим взглядом блондинку, парень вновь принялся за подсолнух. Спокойно накидав к себе во «внутрь» несколько штук еще неспелых семечек, «источник» справки с равнодушным видом продефилировал в противоположную сторону от красивой блондинки. Колхозный рынок Ева нашла без всяких проблем. Трудности возникли перед входом на рынок и на его территории. После прошедшего дождя солончаковая почва рынка напоминала собой месиво из грязи, которое было густо усеяно бычками от сигарет и бумажными пакетами из-под всевозможных воды и пива. Грязь вынудила Еву немного подогнуть свои брюки, и в прямом смысле делать ужимки и прыжки по преодолению больших и малых луж, которыми был очень богат колхозный рынок.

Рынок своего официального названия и предназначения явно не оправдывал. В центре большого участка земли стояла большая

лужа, вокруг которой располагались около десятка, сколоченных из березовых досок, столиков. За этими столиками торговцев не было. Отсутствовали и покупатели. Причиной этому, скорее всего, была ненастная погода или отсутствие товаров.

«Дикторшу», которая носилась вокруг автовокзала и собирала себе пассажиров на путь следования, Ева заметила сразу. Да и не заметить ее было невозможно. Она, стоящая рядом с мужчиной возле небольшого столика, была в единственном экземпляре на колхозном рынке. На столике стояло несколько ведер картофеля. Блондика сразу поняла то, что сегодня торговля у этих людей явно не шла. Как и не было вокруг них и пассажиров, желающих поехать с ними.

Еве торговцы обрадовались. Супружеская пара, немного посетовав на плохую погоду и отсутствие клиентов как за картошкой, так и для поездки с ними, стала собираться в дорогу. Михаил так, назвал себя мужчина, быстро забросил в багажник своего старой «Волги» два мешка с картошкой. Там же нашли себе место и два пустых ведра. Ева, в отличие от Михаила и Нади, так звали жену водителя, очень обрадовалась тому, что она оказалась единственной пассажиркой. Удобно расположившись на заднем сидении салона, она стала осыпать семейную пару вопросами о житье-бытье людей, которые жили в этих краях.

Через столько лет отсутствия на своей родине для нее все это было новое. Водитель и его жена оказались очень «податливыми» на всевозможные ответы, особенно если они касались вопросов местной жизни. Через полчаса дороги Кротиха знала уже многое не только из жизни новых знакомых, но и знала кое-что из жизни деревень, через которые они следовали. По словам Михаила вся сибирская деревня по-тихоньку вымирает. Люди от безысходности не только запиваются, но быстро уходят из жизни, особенно мужчины. Ева, как и раньше, не стремилась говорить что-либо о себе. Она старалась держать язык за зубами. Возможно, все это так и продолжалось бы до самого конца ее поездки, если бы не водитель.

Михаил с самого начала хотел обговорить с красивой блондинкой цену ее перевозки. Его поразило то, что она даже не поинтересовалась этим. В этих краях жизнь, в том числе и бензин, дорожали с каждым днем. Водитель днем и ночью изыскивал любые возможности для «левого» приработка. Сегодня он с женой был в большом «прогаре». Изматывала нервы и погода. Семейной паре за несколько часов пребывания на рынке в райцентре удалось продать всего два ведра картошки, да и то по цене покупателя. Дабы вообще не попасть в убыток, Надежда решила прихватить попутчика на автовокзале. Она точно знала о том, автобус сегодня в ихние края не идет. Пассажирку, которая была очень красивая, и к

тому же явно не местная, водитель решил взять с «натяжкой». Уж больно эта женщина была не «ихней». Поэтому он и решил первым бросить пробный камень в сторону той, которая забросив ногу на ногу, сидела на заднем сидении его «старушки» и молча слушала о том, что он с женой «балаганил». На какое-то время мужчина приумолк, собираясь найти в своей голове подходящий вопрос.

После того, как супруга на несколько секунд замолкла, водитель, немного кашлянув, тихо произнес:

- Ну, а, Вы, где живете и путь куда держите?... Нам довольно интересно знать и о Вас... Вы, наверное, издалека... Нашенские бабы в такую погоду такую одежду не одевают...

Задав вопрос, он кашлянул, и словно боясь ответа на свой же вопрос, стал внимательно смотреть на дорогу. Вопрос мужчины для Евы был неожиданным. Ей не хотелось «выдавать» какую-либо информацию о себе. Длительное молчание мужчины давало возможность блондинки для обдумывания. Она начала срочно искать в своей голове что-либо подходящее для того, чтобы скрыть истинную причины своего прибытия в эти края. К сожалению, в голове у Евы в данный момент «заготовки» не было, и поэтому она, словно не услышав вопрос полузаросшего щетиной мужика в шапке-ушанке, продолжала молчать. Неизвестно, сколько бы еще длилось молчание блондинки и водителя, если не участок дороги, залитый водой...

Водитель, скорее всего, не заметив перед собою приличную лужу на дороге, растерялся. Вместо того, чтобы плавно «тянуть» машину перед препятствием, он сильно дал «газу». «Старушка», вильнув задом, оказалась в канаве. Михаил не планировал этого, тем более, в пятидесяти километрах от своей деревни Петухово. Он быстро вылез из кабины, и смачно плюнув на землю, еще смачнее начал материть себя за то, что на этой небольшой луже не «устоял». Разогнув болотные сапоги до самого верха, водитель стал осторожно спускаться в канаву, дабы посмотреть свою «Волгу» как она «сидит». Женщины тем временем, иногда бросая взгляды в заднее окно машины, поочередно возмущались капризами природы. Особенно «кастерила» Россию, в которой живут одни дураки и есть плохие дороги, жена Михаила. Через несколько минут подошел водитель. Он недовольным голосом пробурчал женщинам:

- Одним словом, приехали... Зад машины утонул, она сидит в этой проклятой канаве по самое брюхо... Я че еще думаю... Нам очень долгое время придется ждать подмогу в эту ненастную погоду, черт бы ее побрал...

Искоса бросив взгляд на Еву, которая была очень расстроена тем, что ей не повезло с транспортом, Михаил прогнусавил:

- Эх, милая и белая... Вам придется вылезти из машины, если

Вы хотите раньше добраться до своей деревни. Нам с Надеждой тоже хотелось поспешать, да Бог не дал. Боженька сегодня нас решила просто-напросто наказать...

Кротиха не ответила, промолчала. Водитель, поправив шапку на голове, с извиняющимся видом еще раз посмотрел на блондинку и молча стал спускаться в канаву. Кротиха, поняв то, что «водило» ее не обманывает, стала неспеша застегивать пуговицы на своем осеннем пальто. Это она делала без всякой нервотрепки. Она принимала свою судьбу такой, какой ей предстояло быть. Кисло улыбаясь, она открыла дверь машины. И как раз в этот момент подул ветер и одновременно пошел дождь. Дождь был такой сильный и холодный, что пассажирка сразу же почувствовала холод, еще не успев ступить ногами на землю. Блондинка, словно кто-то ее очень сильно ударил по ногам, быстро спрятала их в кабину и плотно закрыла дверь. Через некоторое время прибежал и Михаил, который намеревался при помощи топора нарубить старый валежник под колеса своей машины. Мужчина, весь мокрый, быстро запрыгнул в кабину, и невзирая на женщин, начал материть эту погоду и то общество, в котором он живет.

Последнее мужчина материл очень искусно. «Артист» употреблял такие слова, что Еве, доселе молчавшей как бука, очень все это нравилось. Она во время монолога мужчины, словно озорная девчонка, весело смеялась и приговаривала:

- Ну, Вы, и даете, Михаил!... Как у Вас все это складно получается... Хоть сразу же роман пиши или кинофильмы ставь по Вашим анекдотам и прибауткам...

«Артист», получив комплименты от красивой женщины, делал все возможное, чтобы еще раз доказать свое неординарное мышление, которое базировалось не на учебниках или на заумных книгах, а на его горьком жизненном опыте. Исходя из этого, мужчина продолжал:

- У нас многое говорят о предстоящей хорошей жизни, однако никто ничего для простых людей не делает... Вот недавно у нас выборы прошли в деревнях. Главой районной администрации избрали бывшего секретаря райкома партии. Во время выборов ходил по каждому дому, приходил даже к одиноким старушкам. Все обещал хорошее, божился даже тем, что раз и навсегда покончил и покончит с коммунистическим прошлым. Зачитывал перед селянами какие-то книги о том, что его, как и всех нас, сверху обманули. Кое-где даже слезу пускал... К себе на квартиру приглашал ходоков из деревень, чтобы показать им бедность и убогость своей «хрущевки». Простые люди ему опять поверили. Не прошло и месяца после выборов, как с новой силой у чиновника проявилась волчья страсть к наживе. Районный начальник купил у

нового русского большой дом, в котором могут поселиться все жители нашей деревни. Жена начальника ездит по западным курортам, сын где-то кутит в Ктомске в окружении смазливых девочек...

«Развернуться» на всю мощь в дальнейшей критике местного князька Михаилу не дала Надежда. Она, ласково щелкнув рукой по шапке своего мужа, весело проговорила:

- Михаил, прекращай тюльку травить. Думай как эту машину из этого болота вытаскивать, а то и до вечера домой не приедем. К тому же, вся наша живность уже и жрать хочет...

Крестьянин, быстро уловив мудрую и правильную мысль супруги, сразу же открыл дверь кабины. Через несколько секунд он опять скрылся не то за машиной, не то где-то в лесу. Женщины почти одновременно посмотрели в окна машины. К их радости дождь перестал, только изредка на землю падали небольшие капли воды. Водитель пришел в салон минут через десять. Пришел очень довольный, словно кого-то нашел для вытаскивания машины. Михаил, открыв дверь салона, с улыбкой произнес:

- Ну, бабоньки, я Вам толкоча нашел... Я думаю то, что сразу он нас вынесет из этой паршивой канавы...

Женщины, словно по команде, одновременно повернули свои головы в заднее окно салона. Через небольшое окошечко они увидели белую морду лошади, которая мирно стояла возле канавы и лениво созерцала на всех тех, которые стоял возле машины и сидел в ней. Надежда, не верившая в успех того, что эта старая и тощая лошадь может чем-то им помочь, с недоверием восприняла предложение своего мужа. Она, постучав пальцем по своему лбу, серьезно произнесла:

- Ты, что, дед, вообще вспятил с ума?... На такой дохлятине хочешь свою машину вытащить? Это же пустой номер, я думаю все равно надо где-то трактор искать...

К радости Евы, и той же Надежды, все получилось очень хорошо. Общими усилиями, и, конечно, усилиями лошадиной «единицы» наконец-то удалось вытащить машину из канавы на шоссе. Успех «операции» пришел только через несколько попыток. Все были довольны тем, что машина опять оказалась на шоссе. Был доволен и одноногий мужчина-лесник, который на небольшом «тарантасе» объезжал свои владения. Ради «спасения» своих земляков он пожертвовал своей кобылой. В роли «толкача» выступала и Ева Крот. Она, сняв туфли и подвернув брюки, находясь по самые щиколотки в придорожной воде, усердно толкала плечом и руками «зад» железной «старухи». На суше водитель так «прогазовал» свою машину, что от грохота и дыма падали желтые листья в близлежащих березовых околках.

Через минут пятнадцать после «операции» весь «экипаж» в полном составе сидел в машине. Некоторое время пассажиры были погружены в свои раздумья. Ева, изредка поглядывая на затылки впереди сидящих мужчины и женщины, с сожалением думала о том, что с ними случилось на этой дороге. У нее нестерпимо болели подошвы ног. Она также чувствовала неудобство от остатков грязи на ногах. Грязь осталась, несмотря даже на то, что она старалась ее смыть холодной водой из канавы. Сейчас ей почему-то очень захотелось опять в свою квартиру в небольшом немецком городе, в которой можно было с удовольствием принять душ. Однако у нее в этой глубинке Сибири не было ни квартиры, ни душа. Блондинка на какое-то время «затормозила» эту мысль. Она, изнывая от холода и неудобств, пришла к мысли о том, что только Бог в день ее приезда послал такую плохую погоду. Она начала опять себя корить за то, что она напрасно приехала к себе на родину. Здесь в этой глуши, кроме дождя и моря грязи, ничего не было и не будет.

Кротихе стало сейчас безразлично даже все то, о чем только что рассказывали ей эти мужчина и женщина, которые кроме тяжелой работы и «ящика» с черно-белым изображением, да кучи детей, в этой жизни ничего не видели. В этот момент блондинку ни только это так сильно удручало. Ее тревожило непредсказуемость своего будущего в этой глуши. Сидя в машине, Ева не знала того, что ее ожидает здесь через пять минут, не говоря уже через две недели, когда она намеревалась отлететь из аэропорта Ктомска к себе на историческую родину своих предков. На душе женщины было очень скверно, и поэтому она, полузакрыв глаза, продолжала мирно сидеть на сидении. На какое-то время притихла и Надежда. Бодрствовал лишь один Михаил, который после своей ошибки смотрел на грязную шоссейку уже более внимательно. Он также изредка затягивался сигаретой. После затяжки сразу же начинал размахивать рукой перед собой, стараясь как можно меньше «пускать» дыма для пассажиров.

Всеобщая «молчанка» длилась порядка тридцати минут. Она бы длилась и больше, если бы не встречный мотороллер, который медленно двигался по шоссейке навстречу «Волге». Поравнявшись с мотороллером, Михаил быстро открыл окно своей двери, и что есть мочи прокричал:

- Большой привет, наша стража...

Больше он из-за совместного движения своей машины и мотороллера ничего не успел сказать. Голос водителя стал причиной того, что обе женщины были «выведены» из некоторого затишья. Первой заговорила Надежда, которая обрадованная появлением знакомого или знакомой на шоссейке, сразу же оживилась. Женщина повернула голову в сторону Еву и громко

произнесла:

- Красавица, ты даже не знаешь того, кто сейчас проехал мимо нас. Это проехала наша управа на мужиков, наш милиционер и Богиня. В нашем Петухове осталось немного мужиков. Все вымерли из-за пьянки или отсутствия хороших женщин. Настя Ступина также без мужика. В настоящее время она стала грозой для всего села. Баба не очень толстая и не так уже и высокая... Она вот самбой или боксом в молодые годы занималась, когда на повара училась в городе. Училась по всем правилам... Мужикам ой как достается, если она немного самогонки выпьет...

Дальше расхваливать «управу» на мужиков Надежде не дал ее возлюбленный. За «мужицкий» пол решил заступиться Михаил, который до этого времени покорно выслушивал все то, о чем так с наслаждением рассказывала Еве его жена. Он хорошо прокашлялся, прежде чем уверенно постоять за своих деревенских собратьев. Затем со смехом произнес:

- Надюха, хоть нашего брата перед незнакомой женщиной не позорь... Подумаешь, какая-то Настя Ступиха, нашла кем пугать...

Небольшая реплика, до этого молчавшего мужа, подлила масла в огонь женщины. Она, как это показалось Еве, не на шутку рассердилась на мужа:

- Михаил, ты че неправду говоришь нашей красавице. Все в деревне знают о том, что Настя всем мужикам деру даст. Ты забыл о том, как она чуть было не угробила Петьку Ферулина, который подбил глаз своей Фекле по пьянке. Та в тот же вечер пришла к Богине и пожаловалась на своего мужа. На следующее утро Ступиха так Петьке надавала по морде возле магазина, что тот по сей день ее и магазин обходит... В прошлом году все селяне, в том числе и те мужики, которые по справедливости пострадали от нашей милиционерши, хотели ее избрать управом. Жалко то, что не получилось. Из района приехали какие-то начальники, они в один голос говорили о том, что рукоприкладство в нашем обществе не практикуется. Я очень рада тому, что и нынешний управ боится нашу Настю, когда сам напивается...

Рассказ о деревенской Богине Еву рассмешил. Она, отойдя на некоторое время от тревожных мыслей, поддержала разговор крестьянки:

- Ну, я вижу то, что у Вас в деревне, несмотря на все проблемы, и не так уже и плохо живется... В любой деревне будет порядок, если у руля будет женщина...

Надежда, найдя в лице блондинки себе поддержку, немного зевнув, опять промолвила:

- Честно говоря, жизнь у нас очень плохая и беспросветная. В деревне все разграблено. Даже коров совхозных все порезали, зато

собак очень много стало. Все друг у друга воруют, нередки и драки. И не только по пьянке... Милиция уже не приезжает разбираться, как они делали раньше. Да и сами милиционеры воруют... В нашем районе появились целые банды, которые рыщут по селам и обдирают нашего брата. Мой Михаил вынужден в Ктомске купить обрез, дабы мы ночью спокойнее могли спать...

Незаметно на обочине дороги промелькнул указатель. До деревни Петухово, где проживали Михаил и Надежда, оставалось десять километров. Водитель, после того как промелькнул указатель, повернулся боком к Еве и сказал:

- Вы, случай не желаете к нам в гости заехать... Вы бы у нас чайку попили, погрелись... Потом я и до Михайловки Вас доброшу... До нее всего тридцать километров. Я думаю и погода к этому времени получше станет...

Красивая пассажирка такого предложения от водителя не ожидала. Однако это ее обрадовало. Она еще сама даже не представляла того, как у нее пойдут дела в Михайловке. Она в прямом смысле ехала на «деревню дедушки». Ева не исключала мысли и о возможном отсутствии в деревне сестры «звонарихи». Поэтому она без всякого стеснения согласилась побывать в гостях у хозяина металлической «старухи».

Петухово встретило гостью из Германии яркими лучами заходящего солнца. И это ее очень обрадовало. Она при лучах солнца чувствовала себя значительно лучше и увереннее. Ее радовала природа, но не то, что она встретила при въезде в деревню. Михаил, пользуясь тем, что он на машине и тем, что дорога во многих местах просохла, специально сделал для блондинки небольшой круиз по своей родной деревне.

Супружеская пара, привыкшая к своим родным «апартаментам», на достопримечательности деревни реагировала очень спокойно. Кротиха же была очень удручена тем, что она увидела в этой деревне с милым русским названием Петухово. Две некогда большие улицы в этот момент чем-то напоминали собой селение периода войны, когда освободители входили в разрушенные врагом деревни. Пожарищ, как таковых, на этих улицах не было. Не было и развороченных снарядами построек. На пути следования Кротихи очень изредка попадались строения, которые можно было бы назвать домами или избами, и то с большой натяжкой. У большинства строений лежали большие горы навоза и всевозможного хлама. Неприглядный вид деревни расстроил блондинку. Дабы не докучать своим унылым настроением семейной паре, она решила просто молчать во время очень короткого круиза. Ее спасало еще и то, что Михаил, словно заведенный, поворачивая свою голову то налево, то направо, за

каких-то пять минут в общих чертах обрисовал свое Петухово. За это время Ева узнала практически все о немногочисленных «петухах».

Мало чем отличался от своих односельчан и дом семейной пары Сорокиных. Блондинка, вышедшая из машины, сразу же оказалось во власти грязи и куриного помета, который был в изобилии как перед домом, так и во дворе. Ева, где на цыпочках, а где и на пятках своих туфель, дабы не наступить на всевозможную грязь и ей подобной, в сопровождении хозяйки вошла во двор. Двор встретил приехавших мощным кудахтаньем, которое издавали десятки куриц и петухов. К этому гвалту двуногих через несколько секунд присоединилась и собака, которая, увидев хозяйку, стремительно бросилась ей навстречу. Хозяйка мило улыбаясь, присела на корточки и стала ласково гладить своего четвероного друга. Еве же собака не понравилась. Животное почему-то было облезлое, особенно его тощий зад. Найда была грязная, как свинья, скорее всего, лежала в грязи или где-то еще...

Не увидела Ева Крот надлежащей чистоты и в самом доме Сорокиных, которые пригласили ее в гости. Дом, состоящий из двух комнат и небольшой кухни, «трескался» от грязи. Блондинка, вошедшая в дом, сразу же оказалась во власти всевозможных запахов, которые «испускались» от многих источников. Неподалеку от входной двери стояло несколько мешков с полусгнившей картошкой. Этот запах женщине был знаком еще из далекого детства. Специфический запах выделяли и два ведра пищевых отходов, стоящих на небольшой печи. Надежда, невзирая на все эти запахи, быстро взяла Еву за руку и повела ее в горницу. Горница, в которой был относительный порядок, гостю показалась очень уютным помещением. Это в какой-то мере подняло настроение Кротихе. Хозяйка предложила Еве в этой комнате раздеться и располагаться. Предложение блондинку обрадовало. Гостя быстро открыла чемодан и через несколько минут она уже в спортивном костюме сидела в небольшом кресле. Рядом с ней покорно сидел маленький котенок. В отличие от собаки это животное было очень чистое. К тому же у кота все его черное «одеяние» было без всяких дефектов. Ева, мило улыбаясь, взяла котенка к себе на руки и стала ласково его гладить руками. Котенок от этого ласково маяукал и тесно прижимался к телу блондинки.

Через час в горницу зашла хозяйка и пригласила Еву в баню. Предложение Надежды оказалось для Евы неожиданным. Она не думала о том, что хозяева после такого напряженного дня и в такую непогоду могут еще топить баню. К радости госты и в бане, которая была очень небольшой по размерам, было все уютно и чисто. Жара, как таковая, в бане отсутствовала. Сухие дрова, которыми полностью была набита печка, весело трещали и выделяли тепло.

Это тепло с каждой минутой все больше и больше заявляло о себе. Ева поняла то, что хозяева решили наспех протопить баню, дабы согреть горячую воду и как можно больше «собрать» горячего воздуха для своей новой знакомой. Кротиха с большим удовольствием помылась в бане. От горячей воды и тепла ей значительно легче стало на душе...

Хозяева накрыли стол к восьми вечера. Все блюда были из крестьянского подворья. На столе стояли тарелки с большими кусками мяса, здесь также были вареная картофель, молоко, сметана. Среди деликатесов были сибирские пельмени и соленые грибы. Крестьянское застолье обрадовало блондинку из Германии. Она, явно проголодавшаяся, с благодарностью смотрела на раскрасневшихся хозяев, которые только что пришли из бани.

«Правил» за столом Михаил. Он, подустав от плохой дороги и от домашних дел, с особым наслаждением посматривал на трехлитровую банку с самогонкой. Он медленно открыл банку и также медленно наполнил светлой жидкостью три больших граненых стакана. Ева, увидев перед собой большой стакан, да еще с самогонкой, вежливо отказалась. Она очень давно не пила самогонку. Сейчас она еще боялась пить и на пустой желудок. Вежливый отказ гостыи какого-либо воздействия на мужчину не оказал. Он, не замечая улыбки красивой женщины, взял пустую тарелку и положил на нее самый большой кусок мяса. Затем на эту же тарелку положил несколько больших картофелин. Все это «самодельное» блюдо хозяин поставил перед Евой и наизидательным тоном произнес:

- Ева, все это для тебя. Самогонка пойдет лучше, если ты все это съешь.... Кто много ест и много пьет, то никогда не будет пьяным...

Кротиха в какой-то мере была очень рада блюду и хозяину, который решил ее основательно накормить. Ее желудок уже давно заявлял о своем существовании. Гостыя с большим аппетитом «растрескала» говядину и скушала две большие картофелины. Хозяин с хозяйкой тем временем с удовольствием «опрокинули» по первому стакану самогонки. Первый «стопарь» придавал хозяину смелости. Он, налив второй стакан, повернулся лицом к Еве и тихо спросил:

- Наша красивая гостыя, я давно тебя хочу спросить... К кому ты приехала ... Да и ты сама-то откуда будешь. Ты не обижайся за наш спрос. В наших деревнях сейчас много люда бывает из чужих краев. Большинсто из чуждых хотят нам что-то напакостить, что-либо своровать. Ведь они прекрасно знают о том, что у нас нечего воровать, кроме живности...

Сорокин, внезапно замолчав, опустил свою голову вниз,

затем ее поднял вверх и после этого опять повернулся в сторону Евы:

- Ты не обижайся на нас со старухой. Мы люди честные. К власти, так и к богатствам других не рвемся... Я вот здесь только что покумекал и пришел к выводу о том, что лучше нам с тобою сегодня в Михайловку не ехать. Уже и темно ехать, да и я решил с устатку немного выпить... В таком состоянии мне бы не хотелось ехать. Наш участковый с нашего пьяного брата три шкуры дерет. Позапрошлый год я провожал своих родственников на разъезд. Перед этим немного выпил. Ну и тот, черт бы его побрал, «замочил» меня. Осенью милиционеру целого бычка отдал, дабы не лишиться водительских прав...

Ева ничего не оставалось делать, как ответить на вопрос людей, которые от всей души пригласили ее в гости. Она и сама за этим столом намеревалась открыть хозяевам кое-какие свои личные тайны. Поэтому, словно снимая с себя тяжелый груз ответственности и таинственности, она по-озорному ответила:

- Я, добрые мои люди, от Вас тайн не держу... Я приехала к своей родственнице Бейфус, которая проживает в Михайловке... Приехала на две недели. Сама я приехала из Германии...

Информация о том, что Ева приехала к Магде Бейфус из Германии, обрадовала семейную чету Сорокиных. Особенно этому был рад Михаил. От сказанного Евой, он даже чуть-чуть привстал со стула. Ему не верилось в то, что эта красивая женщина может приехать в эту глушь, тем более, к Магде Бейфус, сын которой два года назад чуть было не стал мужем дочери родного брата Михаила. Хозяин, уже вовсю осмелев, неспеша подошел к Еве и что-то стал нашептывать ей на ухо. Блондинка быстро встала из-за стола и направилась в горницу, где находился ее чемодан с вещами. Через минуту она вышла оттуда и принесла свой немецкий паспорт.

Сорокины с большим интересом рассматривали небольшую картонную корочку, на которой была написана фамилия и имя блондинки. Все последующее застолье было посвящено только Германии. Хозяйева на всю «катушку» расхваливали капиталистическую страну, в которой все живут только хорошо. Первенство по задаваемым вопросам блондинке держала хозяйка. Ее интересовало буквально все об этой загадочной стране. Ева сначала как-то старалась сдерживать себя рассказами о жизни в Германии. После второго «стопаля» самогонки язык женщины все больше и больше набирал «обороты». Весь этот вечер и ночь сидящие за столом всесторонне обсудили германский «вопрос». Не забыли они и некоторые проблемы мировой политики...

Сорокины уложили спать Кротиху на своей постели. Перед тем, как пойти спать, в дверь горницы постучала Надежда. Она,

словно кошка, осторожно подошла к немке и тихо прошептала ей на ухо:

- Я хочу тебя огрочить... Мой Михаил только что вспомнил о том, что Магда Бейфус вчера утром уехала в Казахстан к своим родственникам. Они собираются тоже уезжать в Германию. Когда она приедет и сколько она там пробудет никто не знает...

Столь неожиданное сообщение Еву разочаровало. Несмотря на то, что ее голова в прямом смысле раскалывалась от спиртного, она продолжала изыскивать варианты по розыску Магды Бейфус. В эту ночь Ева практически не спала. Спокойствию даже не способствовала абсолютная тишина в доме и на улице. В те короткие минуты, когда Кротихе удавалось засыпать, она видела одни только кошмары. Проснувшись от этих кошмаров, немка старалась мгновенно воспроизвести их содержание. Однако этого сделать ей не удавалось. Вполне возможно, этому мешал самогон, возможно, что-то совсем и другое. От страшных сноведений и тупых болей в голове блондинке становилось невмоготу. Ей казалось, что вот-вот ее сердце разорвется или вылетит из груди...

Плохое настроение гости почувствовали и заметили хозяева, как только она села за стол завтракать. Больше всех за блондинку переживала Надежда, которая, как казалось Еве, готова была вот-вот расплакаться. Сопереживал и Михаил. Не у кого не было желания начинать разговор на ту или иную тему. Каждый делал все то, что обычно делает любой человек во время принятия пищи. У Кротихи кусок хлеба стоял «поперек». Она, выпив большую кружку молока, сидела за столом и наблюдала за тем, как хозяева кушали жареный картофель, запивая его молоком. Ева пристально всматривалась в этих людей. Они перед ней ни в чем не были виноваты. В происшедшем она прежде всего винила себя. Ей надо было бы перед отъездом позвонить «звонарихе» и толком узнать о планах ее сестры. Первым нарушил молчание Михаил. Слезы, которые текли из глаз красивой гостьи, в конце концов «вывернули» душу хозяина. Он, почесав рукой переносицу, тихо произнес:

- Ева, я думаю тебе нечего ехать в эту Михайловку. Ты просто поживи у нас до приезда своей родственницы... Я к тому времени все узнаю... Возможно, она вот-вот и приедет... Ты нам не будешь помехой. Правду, я говорю, старуха?

Затем, повернувшись к жене, он стал внимательно смотреть на Надежду, надеясь найти у нее поддержку. Хозяйку такое решение мужа очень обрадовало. Она, словно ребенок, громко засмеялась и также громко сказала:

- Конечно, я не против того, чтобы Ева у нас погостила... У нас работы во дворе и на огороде достаточно...

Кротиха от радости заплакала. В знак благодарности и правильного понимания ее жизненной ситуации женщина поочередно подошла к хозяйке и хозяину, и со слезами на глазах крепко пожала им руки.

Первый день пребывания в семье Сорокиных для Евы получился поистине крестьянским и ударным. Погода в этот день с самого утра была отменная. Яркое солнце за пару часов просушило двор. До обеда Кротиха постирала свое грязное белье, а затем стала заниматься уборкой в доме. Надежда тем временем убирала двор. К вечеру Ева уже в своих туфлях могла спокойно пройти по двору, не боясь попасть в тот или иной источник грязи. Михаил, пришедший с работы, а работал он на кузнице, был обрадован той чистоте и порядку, который за весь день навели обе женщины. За ужином опять все были в сборе и все без исключения «пропустили» по стакану самогонки.

Как и вчера, «заводилой» по немецкому вопросу была Надежда. После выпитого стакана самогонки она старалась рассказать Еве все о тех немцах, которые уже уехали или еще остались в Петухово. По словам хозяйки уехавшие неплохо живут на исторической родине своих предков. Многие имеют свои машины и работают. О своих деревенских немцах Сорокина рассказывала очень умело и смешно. Ева с Михаилом от смеха брались за животы. Немке очень понравился эпизод, рассказанный хозяйкой, как молодой внучек из Германии приехал к своей бабушке в деревню. Приехал через пять лет, когда ему уже стукнуло пятнадцать лет. Очень грузная бабушка рысью бросилась к ограде своего дома, когда узнала от управляющего о том, что ее внучек из самой Германии в гости к ней приехал. Мелитта, невзирая на свой старческий возраст и больные ноги, с глазами полные слез, пристально всматривалась в тех, кто шел от конторы в сторону ее дома. Дочь с зятем она узнала еще издалека. Внука, которого, как ей казалось, только вчера она садила на горшок, женщина не признавала. Даже на расстоянии двух шагов старухе не верилось в то, что перед ней стоит ее любимый внучек. Бабка Мелитта не узнавала своего некогда спокойного внука, который не только сильно вырос, но и стал «архимодерным». Эричек, стоящий перед женщиной, почему-то на этот раз был в больших и длинных штанах. Одна штанина у него была зеленого цвета, другая чем-то напоминала цвет детского поноса. Этим цветом бабушка ради любимого внука готова была пожертвовать. Как и была готова сразу же сходить в «лавку» и купить бедному Эрику черный материал на брюки. На голове внучка набекрень одета была не то шапочка, не то что-то иное. На его шее висел какой-то небольшой ящик, от которого шел провод, соединенный с ухом юнца. После того, как

Эричек поздоровался с бабушкой, он сразу же отошел в сторону. Со слезами на глазах старуха смотрела на юное создание и не могла понять того, почему он так сильно дергает головой, словно его кто-то ударил паленом по макушке. Чем больше Мелитта разглядывала одеяние и «снаряжение» «маленького» иностранца, тем больше в ее голове возникало головомок. Подслеповатая женщина своего любимца не признавала до тех пор, пока не увидела родимое пятнышко под мочкой левого уха мальчишки. С тяжелыми чувствами провожала Мелитта своего внука туда, где он порядочно «испортился». Внушек ни в какую не хотел оставаться в деревне жить. Эричек все равно уехал, несмотря даже на то, что бабушка обещала ему отдать все свои сбережения. Не польстился мальчишка и на очень красивую девочку Майю, которая жила возле деревенского клуба и могла стать его невестой...

Прошло три дня, как семья Сорокиных «приютила» Еву Крот. О том, что у них поселилась красивая блондинка из Германии уже знали не только все жители Петухово, но кое-кто и из округи. За это время в доме кузнеца побывало около десятка «гонцов», которые хотели увидеть бывшую соотечественницу и узнать о том, как она там живет. Были и те, кто имел своих родственников в Германии. Кое-кто пытался передать с Евой письма или подарки своим родным. Кротиха ничего не брала. Ее смешило то, что одна женщина собиралась передать через нее своему брату литровую баночку сибирских грибов.

Среди пришедших была и учительница. Галина, которая преподавала в местной школе химию и физику, Еве сразу понравилась. Понравилась не только красивой внешностью, но и своим разумом. Женщина собиралась с мужем через месяц выезжать на историческую родину своих предков. Учительница до мельчайших подробностей расспрашивала блондинку о трудностях жизни аусзидлеров. Кротиха заметила, что она не проявляет сильного желания ехать туда, откуда несколько дней назад приехала Ева. Блондинка на прямой вопрос учительницы о том, стоит или не стоит ехать в Германию, ничего не ответила. Лишь улыбнулась.

Вечером все подробности встреч становились известными семейной чете Сорокиных. Информация о визите «химички» рассердила Михаила, который даже не прикоснулся к стакану самогонки, пока с прямоотой не высказался об учительнице:

- Я тебе, Ева, прямо скажу об этих людях... Их надо гнать отсюда и оттуда, - «кипятился» хозяин. - Они, как ящерицы, ищут в жизни то место, где удобно спать и вкусно пожрать. Галька эта является женой директора школы. Раньше у него была фамилия русской жены Пирогов, а сейчас Майер. Это его родная фамилия. Я

его знаю как грязного человека. Он раньше работал в комсомоле, вместе с дружинниками разгонял собрания верующих немцев. За усердие стал работать в райкоме партии. Жил не очень плохо. В те времена он обижался, если кто-то его называл немцем. Вскоре времена поменялись, райкомы поразогнали. Сейчас учителям зарплату месяцами не платят. Майер в эти голодные времена и вспомнил о том, что у него есть историческая родина, где пока сытно еще живется. Вызов он ждал два года. Я думаю то, что он и там приспособится... Если у нас станет лучше, а там хуже, он опять приедет...

Михаил об этом человеке не стал ничего больше говорить. И это как-то успокоило Еву. Ей не очень хотелось, чтобы Сорокин расстраивался о каком-то немце, который вот-вот будет жить в Германии. Михаил, «жалобно» смотревший на стакан самогонки до своего монолога, почему-то к стакану продолжал не прикасаться. Неожиданно для гостя он быстро встал из-за стола и подошел к комоду. Ева, посмотрев в сторону хозяина, увидела то, как он быстро достал таблетку из маленького пузырька и проглотил ее. Больше за столом Ева речи о немцах не вела. Она боялась, что еще такой разговор «на нервах» может подорвать и без того «шаткое» здоровье человека, который ей предоставил стол и ночлег. В то же время любопытство Кротихи увидеться с «грязным» немцем лилось через край...

С директором Майером Ева встретилась на следующий день при очень неожиданных обстоятельствах. Узнав о том, что занятия в школе к двум часам дня заканчиваются, Ева подошла к последнему звонку. Небольшие группки мальчиков и девочек быстро вылетели из классов, и, словно маленькие мышки, исчезли из школьного помещения. В рабочем кабинете директора школы не оказалось. Ева подошла к техничке, которая сидела на стуле перед входом в школу и что-то говорила плачущей школьнице. Блондинка подождала, пока девочка успокоилась. Узнав от техничке, что директор с восьмиклассниками в актовом зале, она направилась туда. Она очень осторожно подошла к актовому залу, дверь которого была настежь открыта. Ева сразу же заметила то, Иван Иванович был чем-то расстроен. Он стоял на небольшой сцене, и неистово жестикулируя руками, о чем-то громко говорил.

Кротиха на цыпочках вошла в зал и села на самую заднюю скамейку. Женщину обрадовало то, что никто из сидящих в зале, включая и директора, ее не заметил. Через несколько минут вошедшая была в курсе того, что произошло в школе с восьмиклассниками. Оказалось, что вчера после уроков мальчики, используя видеоманитофон, просмотрели в актовом зале порнографический фильм. Сегодня утром директору «донесли». Он

сейчас вместо урока истории целый час «докапывался» до того, кто был родоначальником показа «порнухи». Ему так и не удавалось из кого-либо «выбить» показания. Это очень раздражало школьного руководителя. Через минут пятнадцать после того, как Ева оказалась в зале, директор опустил своих воспитанников. Старшеклассники, словно ошпаренные кипятком, мигом покинули помещение. Кротиха, видя пролетающих мимо себя мальчишек, сразу же поняла, что эти ребята так и не «знали», кто им подбросил кассету с голыми бабами.

Майер, заметив в актовом зале красивую и прилично одетую блондинку, от неожиданности сильно «трухнул». Он, конечно, не мог предположить, что кто-то из незнакомых ему людей может быть на его уроке по истории российского государства. Мужчина от неожиданного визитера не только покраснел, но и вспотел. Он, сильно заикаясь, преданно посмотрел в глаза красивой незнакомки и тихо спросил:

- Вы-ы-ы, извините меня, пожалуйста... Вы, случайно не из районного отдела партии, из райкома партии... Ой, извините, не из районной администрации?

Ева, видя то, что директор принял ее за очень важную «птицу», сразу же решила мужчину успокоить:

- Да, Вы, товарищ Майер, не переживайте... Я просто хотела посмотреть на Вас... Я узнала о том, что Вы российский немец, да к тому же, собираетесь выезжать на родину своих предков....

Майер после слов блондинки, словно на мир родился. Через минуты он вновь принял позу «начальствующего лица». Он, понимая то, что блондинка заметила, как он «трухнул» перед ней, заискивающе произнес:

- Вы, уже меня извините... Мне очень достается от всех этих учеников... Вы, знаете то, какие молодые кадры в настоящее время «производятся» в наших деревнях, особенно в этой сибирской глубинке. Вот сейчас целый час прозанимался воспитанием и все без толку. Сердце иногда пошаливает... Собственно говоря, почему я такую красивую женщину держу в коридоре? Вы не против зайти ко мне в кабинет? Чайку попьем, да и нам есть о чем поговорить. Мы с Вами здесь земляки, будем и там земляками...

Визитерша от предложения директора не отказалась. Одарив еще относительно молодого мужчину обворожительной улыбкой, она направилась с ним в его кабинет. Российский немец оказался разговорчивым человеком. Посадив блондинку в мягкое кресло напротив себя, он начал тараторить, как старая бабка на базаре. Еве это очень нравилось. Ей просто-напросто было хорошо в этом мягком кресле. Женщине также было приятно слушать самого директора школы, которого она в далеком детстве боялась как огня.

Она тогда всегда переживала, когда видела недовольный взгляд, проходящего мимо нее, школьного чиновника. Особенно переживала девочка в те дни, когда у нее с матерью была «напряженка». Сейчас же Кротиха сидела перед заискивающим перед ней директором школы и внимательно слушала все то, что «производил» довольно мясистый и длинный язык мужчины...

Нет, Ева Крот ничего плохого не имела к этому мужчине. Наоборот, после того, как он потряс перед собою несколько раз звонком и вызвал к себе свою секретаршу, она и вообще забыла о каких-либо негативах к этому человеку. За то время, которое было необходимо молоденькой секретарше для приготовления небольшого «закусончика», Кротиха внимательно «изучала» внешний вид руководителя школы. Вместе с тем, чем больше и внимательнее рассматривала женщина рыжее лицо своего земляка, тем меньше симпатий было у нее к этому человеку. И для этого у блондинки были определенные основания. Она сразу же воспроизвела в своей памяти педагогическую работу директора, который десять минут назад в актовом зале школы поливал грязью маленьких детей, их родителей только за то, что они посмели без его ведома просмотреть видеокассету о голых женщинах. Уши женщины и сейчас еще «воспроизводили» отборный мат рыжего мужчины, который адресовался школьникам. Ева, болтая с руководителем школы, в душе даже радовалась тому, как он, увидев ее в актовом зале, по-настоящему «навалил» в штаны...

При «своих» мыслях был и российский немец Иван Иванович Майер. Он был далеко не дурак и реально смотрел на все то, что было в его жизни тогда и сейчас. Он, «прожигая» глазами неожиданную посетительницу, не скрывал того, что она была чертовски красивая, красивее даже учительницы биологии, не говоря уже об его жене. Брак с Галиной Пироговой вообще бы у него не состоялся, ежели бы не отец невесты, который был первой «шишкой» в районе. Через день после свадьбы Ванька Майер стал Иваном Ивановичем Пироговым. Еще через день новоиспеченный Пирогов стал директором школы в деревне Васили. От тестя, который верховодил всем районом и жил в райцентре, было далековато. Однако «периферия» не огорчало молодого директора школы. Через год он уже работал в районном комитете комсомола, потом в райкоме партии. Кабинет молодого инструктора райкома партии был на один этаж ниже, чем кабинет тестя. Карьера у немца могла бы быть очень большой, если бы не смерть тестя. Мужчина умер во время своего пятидесятилетнего юбилея. Умер совершенно неожиданно. Он был абсолютно здоров, тем более, оздоровлению помог курорт в Сочи, где все семейство пребывало две недели. Занемогшего доставили в районную больницу. Через час прилетел

вертолет из областного центра, однако было уже поздно. После смерти тестя для Пирогова наступили поистине мрачные времена. Все те, которые раньше ему, как родственнику самого большого начальника, были не прочь целовать одно место, сейчас отвернулись. В том, что его направили в небольшую деревушку Петухово, он был обязан своей жене Галине. Она еще кое-что сохранила из старых связей покойного отца...

Размышления школьного шефа прервал стук в дверь. Дверь открылась и вошла секретарша, которая принесла директорский «закусончик». Ева молниеносно бросила взгляд на поднос и ее сердце радостно забилося. Ей только сейчас и именно в уютном кабинете директора захотелось покушать. Это желание возникло еще и потому, что Иван Иванович, бросив томный взгляд на очень стройные ноги своей посетительницы, как бы невзначай, произнес:

- Я думаю, что такая очаровательная женщина из моей исторической родины будет и не против коньячка отпить...

Госпожа Крот улыбнулась и с детским задором ответила мужчине:

- Я с большим удовольствием не только отопью, но и выпью... Я думаю, что настоящий директор школы не будет ругать за пьянство бывшую школьницу... Правильно я говорю, Иван Иванович?

На вопрос бывшей ученицы директор ничего не ответил. Он быстро встал из-за стола и подошел к небольшому шкафчику, в котором были посуда и всевозможные стаканчики. Ева, мельком взглянув на «учебный» шкаф директора, мимоходом промолвила:

- Ну, Иван, у тебя как у настоящего бизнесмена все есть. Есть секретарша молодая и есть что покушать. Даже есть все необходимое для того, чтобы на достойном уровне встретить такую красивую женщину, как я...

Все то, что только сейчас сказала Ева Крот о директоре и себе, Ивана Ивановича нисколько не смутило. Он никогда не скрывал своей зависти к тем мужчинам, которые имели очень красивых жен. За все время работы в руководящих органах, в том числе и в школе, он понял то, что он читал с трибуны, есть просто-напросто фикция. Русский Пирогов, он же русский немец Майер никогда не верил в коммунистические сказки. Для чиновника была одна мечта и отрада - женщины. Они никогда не были против наличия в своей жизни «женского» элемента. Во времена тестя он мог бы женщин каждый день «топтать» как соломѹ и притом на выбор. «Топтать» по желанию ему мешал тот же райком, где он работал. Российский немец страшно боялся отклониться от генеральной линии партии или ценных указаний первого партийного лица. В противном случае ему был бы «каюк». Поэтому чиновник мирно жил со своей

Галиной, лишь изредка заглядывая под юбку другим женщинам. И сейчас в преддверии возможного выпивона с этой красивой блондинкой, у директора «выплыл» из головы радостный эпизод из летнего отпуска, когда он на своем «Запорожце» возил на лоно местной природы биологичку Анну Петровну. Она была очень страстной женщиной, возможно потому, что лучше знала устройство мужчин и их половые потенции. От воспоминаний о биологичке у директора «что-то» поднялось между ног. Майер был сейчас доволен тем, что надел на себя очень тугие плавки, которые он все время собирался выбросить из-за ветхости.

Лестный комплимент красивой блондинки, адресованный в адрес директора, Майера заинтриговал. Иван Иванович решил приударить за ней. Глядя в голубые глаза гостьи, он думал, что она, как и он, желают друг друга. Страстные взгляды школьного чиновника, которые он метал в сторону блондинки, напроочь отмели у нее тревожные нотки в отношении этого человека. В том, что еще директор имеет хорошие способности любить женщин, Кротиха убедилась, когда заметила неестественное состояние мужской «принадлежности» у хозяина кабинета. При виде «этого», она даже покраснела. У нее же самой «что-то» повлажнело между ног. Ева, внимательно разглядывая мужчину, с очаровательной улыбкой стала очень медленно и незаметно раздвигать свои ноги, которые до этого стеснительно прижимала друг к другу. Одновременно старалась поймать своими глазами черные глаза директора, который осторожно разливал коньяк в ослепительно чистые маленькие стаканчики. Ловить взгляд рыжего блондинке удавалось все чаще и чаще. На какое-то время их взгляды пересеклись, остановились.

Кротиха по-настоящему пьянеть стала только после третьей рюмки коньяка. Майер продолжал держаться на должном «уровне». И это очень нравилось блондинке. Она не любила мужиков, которые в прямом смысле раскисали от запаха винной пробки. Иван сейчас понимал, что у него наступил очень ответственный момент в его жизни, когда он имеет возможность в своем кабинете «осчастливить» очередную бабу. Нет, даже ни бабу, и ни биологичку, а очень красивую женщину, за которую он бы сейчас отдал не только свой старый «Запорожец», но и свою жену впридачу. Его сейчас даже не интересовала идеальная постельная «преданность» своей жены, которая почему-то с неохотой хотела ехать на историческую родину его предков. Мужчина искоса бросал взгляды чуть-чуть ниже пояса женщины. Он уже видел под очень короткой юбкой ослепительно белые плавки жительницы Германии, от которых, даже на расстоянии, в голове Ивана Ивановича что-то шумело, что-то взрывалось...

Прошло около часа, после того, как Ева Крот перешагнула порог кабинета директора школы. Об этом она нисколько не сожалела. Она всем своим нутром понимала, что ее земляк и будущий гражданин Германии по-настоящему втрескался в нее. Это радовало блондинку и не только потому, что она была очень красивой женщиной. Пьянеющая аусзидлерша радовалась еще и потому, что ей удавалось взять на «крючок» еще нестарого, даже и неглупого мужчину. Этот ее земляк, как казалось Еве, всю жизнь на этой земле пресмыкался ради жирного куска мяса или красивой женщины. После очередной порции коньяка Кротиха несколько ушла от «возмездия» к директору. Теперь ей уже хотелось просто-напросто расслабиться в этой сибирской глубинке. Ей, как женщине, как бабе, да и пусть и как животному, захотелось ласки. И эту ласку, как ей сейчас казалось, мог дать только этот мужчина, сельский интеллигент, от которого пахло не только коньяком, но и дешевым одеколоном. Желание отдаться директору у блондинки удвоилось после того, как Иван Иванович вытащил из своей папочки «злосчастную» кассету и вставил ее в видеомагнитофон. Ева наблюдая за этим, про себя усмехнулась, вспомнив о том, как за эту «порнуху» директор «воспитывал» своих учеников. Сейчас же он был очень далек от воспитательного процесса. Ему нужно было как можно скорее до «кондиции» накачать эту красивую женщину. В том, что она его хочет, он нисколько не сомневался. Нажав кнопку на переключателе телеканалов, и убедившись в том, что «порнуха» пошла, Майер весело произнес:

- Евочка, я думаю, что и нам, еще нестарым людям, наступила пора голых женщин посмотреть. Я вчера со своей Галиной целую ночь крутил... В наши времена такой техники не было, да и женщины вроде были не те...

Увидев пожирающий взгляд мужчины, Ева встала с кресла и быстро пошла к двери. Открыв дверь и убедившись в том, что в приемной никого нет, онаа плотно ее закрыла и быстро провернула ключ в замочной скважине. Слегка покачиваясь от спиртного, и стараясь как можно больше «вихлять» своими крутыми бедрами, она направилась к столу. За столом Ивана Ивановича не было. Он появился перед Евой через минуту, выползая из-под стола. Блондинка мужчину на какой-то миг не узнала. Директор был абсолютно голый. В зубах он держал маленькую розочку, которую, скорее всего, он вытащил из синей вазочки, стоящей на шкафу. Иван Иванович был явно не при директорской «роже», а, наоборот, он был очень раскрепощенный и веселый. Поведение школьного чиновника прибавляло блондинке «секса». Мужчина на коленях неспеша полз навстречу смеющейся блондинке и тихо приговаривал:

- Ну и ты, Евка, настоящая Сатана красоты, ну и ты баба... Я давно такую хотел иметь... Ты, моя Сатана, ты моя сказка...

Вид и поведение мужчины рассмешили Еву, и она, словно маленькая козочка, лихо отпрыгнула от мужчины, стоящего на четвереньках. Игра блондинки очень понравилась директору. Он, словно лев, быстро подскочил к женщине и с силой схватил ее сзади за юбку. Кротиха почувствовала, что маленький и нежный замок на правой стороне ее бедра лопнул. Затем она ощутила очень сильные руки Ивана Ивановича, который с такой же силой стянул с ее «попо» белые плавки. Через некоторые мгновения Ева Крот почувствовала между ног что-то упругое и теплое...

Начать половой акт, не говоря уже о том, чтобы его закончить, директор не успел. Это произошло по вине Евы, у которой после того, как мужчина снял с нее плавки, почему-то неожиданно появилось отвращение к этому человеку. Она в этот момент представила себе директора школы родного села Водяное, который узнав о том, что его школьница «нагуляла» и беременная, дабы не иметь неприятностей по «службе», просто-напросто выгнал ее из школы, так и не разобравшись в чем суть дела. И сейчас, увидев взади себя удобно пристроившегося Ивана Ивановича с довольной лисьей «мордой», Ева отпрянула от мужчины и с силой ударила его ногой по голове. Майер от неожиданного удара молниеносно плюхнулся на заднюю часть своего тела и звонко ударился затылком головы о пол...

Кротиха, одев плавки и юбку, подошла к столу. Затем она взяла со стола бутылку коньяка и через горлышко допила остаток спиртного. После этого она резко повернулась к директору, который, словно пораженный молнией или каким-то другим разрядом, продолжал лежать на полу в том, в чем его мать родила. Бросив презрительный взгляд на голого мужчину, блондинка произнесла:

- Знаешь, шавка служивая... Я не люблю таких мужиков проституток, в них очень много дерьма... – Переведя дух, она опять, уже более уверенно, произнесла. – Жалко то, что эта мразь к нам на историческую родину едет. Очень жалко...

Сказав это, Кротиха с гордо поднятой головой вышла из кабинета своего земляка. В дом Сорокиных она пришла поздно, когда уже деревенский пастух пригнал коров. Хозяйка приходу Евы очень обрадовалась. Она сразу же для Евы на стол поставила большую кружку свежего парного молока. Она выпила молоко в один присест. Такого вкусного молока она уже не пила несколько лет. Затем, сославшись на усталость, пошла спать. Ни Михаил, ни Надя ничего по этому поводу не сказали. Они сами через полчаса также пошли отдыхать. Ева, перед тем как заснуть, слышала через

дверь с каким трудом засыпали хозяева. Мужчина жаловался жене на то, что у него от тяжелого физического труда болит поясница. Женщина, в свою очередь, жаловалась на «поношенные» ноги.

Кротиха проснулась около десяти утра. Осеннее солнце всюду гуляло по двору. Хозяев в доме уже не было. Почистив зубы и слегка перекусив, она вышла на улицу и присела на скамеечку, стоящую перед палисадником. Яркое солнце и «устроенность» на сердце и на душе благотворно действовали на женщину. Закрыв глаза, Ева сладостно прокручивала в своей голове неприятную сцену из вчерашнего застолья с Майером. Она не заметила того, как заснула...

Неожиданно ее кто-то сильно толкнул в плечо. Ева громко вскрикнула. Открыв испуганные глаза, она еще больше испугалась того, кто перед ней так неожиданно появился. Перед ней стоял высокий молодой человек. Он стоял перед женщиной и внимательно разглядывал ее. Ева сразу же поняла то, что он не из местных. На нем был дорогой костюм черного цвета. К лицу молодому человеку была и белая рубашка со светло-коричневым галстуком. Блондинка с испугом смотрела на стоящего мужчину. В отличие от нее, незнакомец почему-то спокойно и внимательно рассматривал женщину.

Первым относительное противостояние нарушил парень. Он, наклонив свою голову с пышной копной черных волос, с извинительным тоном спросил сидящую женщину:

- Скажите пожалуйста, Вы, случайно не Ева Крот, которая приехала из Германии?

Увидев подтверждающий кивок головы женщины, он продолжил:

- Меня к Вам направила наша районная организация русских немцев, которая Вас хочет сегодня пригласить для выступления...

Молодой человек на несколько мгновений почему-то замялся. И это мимолетное замешательство у Евы вызвало определенное подозрение. Однако ненадолго. Уверенный голос представителя российских немцев все больше и больше гасил недоверие блондинки к незнакомцу. Он, как и раньше, спокойно продолжил:

- Многие немцы, живущие в нашем районе, еще не спешат выезжать на историческую родину... Выжидают время, чтобы принять правильное решение... Вы, только что прибыли оттуда, поэтому нашим колхозникам будет очень интересно послушать Вас... Многие из наших знают, что и там есть свои проблемы... Одним словом, нам нужна свежая информация живого человека. Я думаю то, что у Вас очень хорошо получится...

Предложение о выступлении перед земляками сначала испугало Кротику. Она никогда в жизни не получала никаких поручений или приказов от представителей подобных структур. К тому же к такой молниеносной встрече она не была готова. Несколько поразмыслив, она решила отказаться от предложения молодого чиновника:

- Я, даже не зная Вашей должности и фамилии, хотела бы отказаться от Вашего предложения... Я никогда перед людьми не выступала... Тем более, через столько лет...

Боязнь женщины за ответственное выступление перед земляками была не очень продолжительной. Причиной этому был молодой чиновник, который все увереннее склонял женщину к поездке:

- Меня зовут Николай Александрович. Я представляю интересы российских немцев в районе и поэтому Вам не надо беспокоиться о том, как лучше выступить. Это выступление будет в виде живой беседы... Цифры о жизни наших немцев в районе я постараюсь и сам зачитать...

На некоторое время чиновник замолчал. Затем, пристально посмотрев в глаза красивой женщины, с улыбкой произнес:

- Одним словом, мы договорились. Сейчас идите и переодевайтесь. Я здесь на скамеечке Вас подожду... Я жду свою служебную машину, на которой мой водитель повез старую бабушку, находящуюся на лечении в Калинино...

Больше Ева Крот не стала упираться и отнекиваться. Открытая и добрая улыбка молодого человека взяла свое. Сейчас ей и самой захотелось пообщаться с земляками.

Кротику из дома Сорокиных вышла минут через тридцать. Выглядела она не очень «пышно», но красиво. На ней был брючный костюм черного цвета, такого же цвета были и туфли на низком каблучке. На свою тонкую шею блондинка повязала белый шарфик. Ева оделась очень скромно, зная о том, что крестьяне не любят каких-либо «прибабыхов» на женщинах.

Блондинку возле ограды встречал почти новенький «Мерс», который она никак не думала встретить в этой глухой деревеньке. Николай Александрович на правах руководителя вежливо усадил Еву на заднее сидение автомобиля. Затем также вежливо представил немке своего молодого водителя, который, стоя возле задней дверцы машины, молчал как рыба:

- Госпожа Крот, знакомьтесь, это мой водитель Пал Палыч... У нас все его зовут Пашей...

Такая форма знакомства с молодым водителем рассмешила Еву. Она, протянув руку мальчишке, весело проговорила:

- Я очень рада с Вами познакомиться. Меня зовут Ева

Петровна... Можно просто называть Ева... У нас в Германии отчества вообще отсутствуют...

После официальной части молодой чиновник вальяжно плюхнулся на переднее сидение «Мерседеса» и тихо свистнул. Пал Палыч завел мотор и автомобиль с бешеной скоростью рванулся с места. Чиновник после того, как машина тронулась, весело улыбнулся и тихо себе под нос прогнусавил:

- Одним словом, госпожа Крот, у нас все идет по плану... Мы делаем с Вами все, как и это было задумано...

На эти слова, в которых, вполне возможно, был заложен определенный замысел или даже подвох, Ева Крот никак не прореагировала. В порядочности молодых людей, которые приехали за ней, она нисколько не сомневалась. Ей также казалось и то, что сегодня и погода не могла ее обидеть или обмануть. На улице стоял по-настоящему теплый летний день. Мимо полуоткрытого окна «Мерса» быстро проносились загадочная, и еще неоцененная блондинкой, природа. Женщине, сидящей в кабине современной комфортабельной машины на какой-то миг хотелось остановиться посреди этих степей и закричать на весь сибирский мир о том, что насколько он красив и вечен.

Увидя одухотворенное лицо красивой пассажирки, молодой чиновник, словно читая ее настроение и мысли, повернулся лицом к ней и с улыбкой произнес:

- Ева, я думаю, что Вы не будете против очень короткой остановочки в сибирском лесу. Нам всем не мешало бы подышать свежим воздухом... Воздух сибирской осени особый...

Предложение чиновника было для Кротики как раз кстати. Она и сама хотела попросить водителя остановить машину и полюбоваться красотой сибирской осени. После остановки машины женщина быстро выскочила из нее и также быстро направилась в сторону небольшого березового околка, который находился рядом с проселочной дорогой. Молодой чиновник, стрельнув глазами отдаляющуюся от него женщину, вытащил из кармана пиджака мобильный телефон. Еще раз посмотрев блондинке вслед, он ускоренным шагом направился в противоположный от Евы лесок...

Через десять минут после того, как все надышались свежим воздухом, машина опять тронулась. Ева, не удержав своего восхищения от свежести сибирского воздуха, первой начала разговор о своей исторической родине. Блондинка с большим скептицизмом говорила о том, там очень мало свободной территории для отдыха человека и очень много машин, которыми заставлены все улицы. Молодого чиновника информация пассажирки почему-то мало интересовала. Мужчина думал о чем-то своем. После довольно продолжительного молчания он наконец-то

заговорил:

- Ева Петровна, я только что звонил в управление. Мне оттуда подсказали очень хорошую мысль. Предложение нашего руководства касается лично Вас. Я думаю, что Вы не против того, чтобы мы забежали в Ваше родное село Водяное, которое находится от нас в нескольких километрах.... Каждый человек в любом возрасте очень рад тому, когда он оказывается в родном гнезде... У нас еще есть время до начала собрания немцев...

Предложение Николая Александровича для Кротихи было одновременно очень неожиданным и одновременно очень заманчивым. Посещение родной деревни она откладывала на неопределенное время. Откладывала из-за страха. Сейчас же предложение молодого человека почему-то и насторожило блондинку. Внимательно вглядываясь в его затылок, она терзала себя мыслью, почему ему очень много известно об ее жизни. Это заставило женщину некоторое время размышлять, прежде чем дать согласие сидящему впереди ее на посещение своей родной деревни.

Молчал и чиновник. Молчанка длилась не очень долго. Ева, чувствуя нетерпение молодого человека, с неохотой произнесла:

- Конечно, Николай, я не против того, чтобы посетить мою родную деревню... В ней я не была больше тридцати лет. Здесь же похоронены и мои родители...

Немного помолчав, она опять добавила:

- Видите, как в жизни получается... Я никогда не думала о том, что про меня на моей родине даже кое-что знают, несмотря на то, что здесь у меня нет никаких родственников...

Согласие блондинки побывать в своей деревне очень обрадовало Николая Александровича. Он, словно полководец, который только что выиграл битву, с улыбкой взглянув на мальчишку-водителя, по-озорному произнес:

- Ну, ты, я думаю еще дорогу не забыл, где когда-то мы были с нашим шефом в этих краях...

Старший машины весело рассмеялся, по-детски засмеялся и водитель. Через минут двадцать машина выехала на проселочную дорогу. Белокурая пассажирка поняла, что вскоре должно появиться ее Водяное. Ева, сидящая на заднем сидении, стала пристально всматриваться вперед, надеясь увидеть знакомый силуэт деревни.

Неожиданно для нее машина остановилась. Чиновник вылез из машины и открыл заднюю дверь. Увидев улыбающееся лицо молодого человека, Ева с недоумением его спросила:

- Мы, что еще не приехали в мою деревню?

Николай Александрович, скорее всего, не понимая вопроса женщины, спокойно ответил:

- Ева Петровна, Вы, я вижу еще не в курсе того, что этой

деревни уже давно нет... У нас еще есть пока время и Вы можете посмотреть свое родное место...

Сказав это, мужчина показал рукой в сторону небольшой равнины, которая находилась в полкилометре от остановившихся. С замиранием сердца блондинка вышла из машины и направилась в сторону уже несуществующей деревни. Никто из мужчин ее не сопровождал. Да и Еве было не до них. Через метров двести от машины женщина остановилась и стала ориентироваться в расположении некогда существующего поселения людей. Ориентировалась она с большим трудом. На небольшом участке территории, улиц, как таковых, не было. Не было и каких-либо построек. Вместо строений кое-где виднелись маленькие бугорки земли, покрытые густыми зарослями травы или сорняков. Кротиха посчитала пустым занятием искать расположение своей родной избушки. Она от бесследной судьбы своей деревни заплакала.

На женщину, идущую по «развалинам» родной деревни, внезапно обрушился шквал воспоминаний, связанных с ее детством, с ее матерью. Вспомнив о матери, Ева решила сходить на деревенское кладбище. Оно когда-то находилось на самой окраине села, неподалеку от длинного березового околка. К радости женщины, околок сохранился, несмотря на то, что он во многих местах был вырублен. Возле него Кротиха увидела небольшую возвышенность, на которой когда-то стояли могильные кресты. Сейчас же на месте могильных оградок и крестов были мощные заросли крапивы и конопли. Кое-где даже проглядывали маленькие кустарники. Ева, осторожно ступая по земле, в которой покоилось несколько поколений жителей села, медленно направилась на самый край заросшего участка, надеясь там отыскать могилку своей матери. В густых зарослях конопли этой могилы не оказалось. Не нашла Кротиха и могилу своей единственной в ее жизни подруги Нины Кулешовой. На всем «кладбище» женщина не нашла ни одного могильного креста. Среди зарослей кое-где встречались еле заметные бугорки земли. И большего ничего...

Ева подошла к машине минут через тридцать. Мужчины уже ее ждали. Видя глаза блондинки, которые были полные слез, чиновник с сочувствием произнес:

- Ева Петровна, не плачьте... Здесь, кладбища, как такового, нет более двадцати лет. Ваша деревня принадлежала тогда к малоперспективным... Все жители были перевезены на центральную усадьбу совхоза. Сейчас среди молодежи мало кто знает о том, что здесь была когда-то деревня с таким интересным названием...

После посещения своей «деревни» у Евы сильно разболелось сердце. Она даже стала подумывать о том, что ей суждено через

несколько минут здесь же умереть. И эту смерть женщина хотела воспринять как закономерной. Кротихе казалось, что Бог ее наконец-то нашел и решил воздать должное за все те грехи, которые она совершила в этой сибирской деревне. Плачущая блондинка предстоящей смерти даже радовалась. Ей почему-то сейчас и именно на своей родине захотелось встретиться опять с Ниной Кулешовой и жить так же, как они когда-то жили в детстве...

Машина опять выехала на шоссе. Блондинка продолжала уныло созерцать через окно салона на пролетающие мимо нее леса и поля. Молчала и думала. Посещение своей уже несуществующей деревни оставило неприятный осадок в сердце и в душе женщины. В то же время блондинка несколько не сожалела о том, что она решила перед надвигающейся на нее старостью посетить свой родной уголок на этой земле. Перебирая в своей голове отдельные эпизоды своей жизни здесь и там, русская немка приходила к выводу о том, что историческая родина ее предков все равно лучше и сытнее, даже несмотря на все те трудности, которые ей пришлось перенести в первый год пребывания в Германии. И об этих трудностях Ева Крот решила более подробнее рассказать на встрече со своими земляками.

Ровный и спокойный ход мыслей аусзидлерши неожиданно прервал голос молодого чиновника:

- Ну, теперь тормози, моя телега... Мы приехали... Мы вовремя доставили нашу Еву Петровну туда, куда нас сам шеф просил доставить...

Сказав это, Николай быстро открыл свою дверь и выскочил из машины. От слов чиновника из мира своих воспоминаний «вышла» и Ева, которая до этого не замечала ни дороги, ни лесов, через которые иногда на бешеной скорости мчался «Мерс». Николай Александрович поспешил к двери белокурой пассажирки. Открыв дверь, он услужливо произнес:

- Ева Петровна, сейчас я Вас приглашаю посетить вон ту маленькую избенку с трубой, где Вас будет ожидать очень большой сюрприз... Этот сюрприз Вам приготовили давние Ваши знакомые.

Больше Николай Еве ничего не сказал. Отойдя на метров пять от машины, он остановился и стал внимательно следить за действиями женщины. Такую же позицию занял и мальчишка-водитель. Он, словно маленький тигренок, «стрелял» глазами то по сторонам, то по блондинке.

Кротиха, не обращая внимания на своих знакомых, вышла из машины и стала основательно разглядывать то, что ее окружало. В метрах двадцати перед ней в глубине околка стояло небольшое строение из новых березовых бревен. Эта постройка чем-то напоминала баню, в которой она мылась еще в детстве. Из-за

сохранившейся листвы на березах это строение было незаметно для посторонних людей. Посмотрев на молодых парней, женщина направилась в сторону домика, где ей «предлагали» сюрприз. Николай и Павел последовали за ней...

Перед самой баней Кротиха остановилась. В ее голове неожиданно стали стучать какие-то маленькие молоточки. Сердце, словно предчувствуя смертельную тревогу, неестественно заныло. Однако женщина решила на это не реагировать. Сделав глубокий вдох и выдох, она повернулась назад. Ослепительные улыбки молодых мужчин, мирно идущих за ней, никакого опасения у блондинки не вызвали. Она, улыбнувшись, быстро подошла к бане и открыла дверь. Вошедшая тотчас же оказалась во власти темноты. В этот же момент кто-то быстро закрыл дверь и задвинул с обратной стороны засов. Ева, находясь в кромешной темноте, на свой страх и риск стала ощупывать руками все то, что было в помещении. В том, что она оказалась в русской бане с деревянным полом и с небольшим полком, она уже не сомневалась. Не сомневалась она и в том, что оказалась в западне...

Страх овладел женщиной. Ева начала со всей силой стучать кулаками в дверь. Стучала она долго, однако никто ей дверь не открывал. На часто повторяющиеся пронзительные крики и вопли заложницы также никто не реагировал. От ударов в дверь у нее появилась кровь на руках. Со слезами на глазах она слизывала кровь губами и все думала о причинах происшедшего с ней. Ева так и не могла понять того, что с ней произошло. Вдоволь наплакавшись, как и вдоволь настучавшись нежными кулаками в дверь, она вскоре успокоилась.

В «застенках» бани Ева Крот просидела несколько часов. Сейчас она уже не сомневалась в том, что ее, как заложницу, кто-то захватил. С какой целью и для чего это было сделано, она так себе и не представляла. Богатств у нее не было. На какие-либо военные разведки своей родины и также исторической родины своих предков она не работала. Да и в политической жизни России или Германии она активного участия не принимала. За свои полвека блондинка только несколько раз ходила голосовать. Пленница отметала участие в ее захвате и молодых ребят, которые совсем недавно так мирно с ней беседовали в машине. Ей не верилось в то, что они могут быть бандитами или идиотами. Эти мысли воодушевляли женщину, на нет рассеивали ее опасения на что-либо плохое. Надежда на то, что, вполне возможно, местные бандиты ее с кем-то просто-напросто спутали, все больше и больше находила свое «пристанище» в душе и в сердце красивой женщины. За короткое время проживания в доме Сорокиных она слышала не только от хозяев, но и читала в газетах о том, что на территории громадной

России не проходит и часа без каких-либо разборок. Ева себя к криминальному миру не относилась и поэтому решила немного отдохнуть.

Кротиха стала наощупь искать себе место для сна. Это она сделала очень быстро. Глаза за время длительного пребывания в темноте все больше и больше «видели». С благими намерениями Кротиха через несколько минут заснула на деревянном полке...

Женщину разбудил шум работающего автомобиля. Она быстро вскочила с лежака, и, словно кошка, бросилась к двери. Затем со всей силой толкнула ее плечом. Дверь оказалась опять закрытой. Прислушалась. На улице кто-то разговаривал. Блондинка на какой-то миг притаилась, чтобы послушать голоса. Голоса идущих по мере приближения к бане были все громче и яснее. Один голос идущего Кротиха сразу же определила. Он принадлежал молодому чиновнику, который пригласил ее на встречу с русскими немцами. Сейчас этот чиновник официально информировал кого-то, скорее всего, своего начальника:

- Мой полководец, эта довольно красивая баба ведет себя пока тихо и спокойно. Сначала она стучала и кричала, а сейчас успокоилась. К тому же наш салага эту баню очень строго и внимательно бдит...

Ева, стоящая у двери, через несколько мгновений услышала голос и невидимого начальника. Она по голосу определила, что он был старше Николая:

- Молодец... Хорошо действовал и действуешь... Эту Евку не девку, я завтра посмотрю... Сейчас же мы поедем... Меня там ждут нужные люди...

Затем голос начальника пропал. Ева поняла то, что мужчины уже уходили от бани. После некоторого затишья она услышала за дверью громкий голос Павла, мальчишки-водителя:

- Моя королева! Ты не против посмотреть нашу добычу? Иди быстрее и смотри эту бабу... Не дай Бог еще убежит...

Через несколько мгновений за дверью раздался звонкий женский голос, который для заложницы был незнакомый:

- Ты, малый и молодой... Лучше воздержись от ценных указаний в мой адрес. Кого и когда смотреть, это мне лучше знать....

На женский голос Кротиха никак не среагировала. Она и сама не знала то, почему это произошло. После того, как за дверью стало тихо, она стала раздумывать о всевозможных вариантах своего побега. Его она уже не исключала. Теперь она несколько не сомневалась в том, что молодые «чиновники» были просто-напросто бандитами.

Думая о тех, кто сюда ее привез, Кротиха невольно «застопорила» свою мысль. При этой мысли у нее тревожно

застучало сердце. Ноги и руки стали вялыми. Она, словно ее кто-то сильно избил, медленно опустилась на пол. Она уже не сомневалась в том, что тем полководцем, кому докладывал «чиновник», был никто иной как Санька Пегов. Ежели у заложницы в отношении голоса «полководца» были какие-то сомнения, то фраза «Евка не девка» на все сто процентов, а может даже и на миллион процентов, принадлежала Пегому...

Кротиха медленно встала с пола и также медленно залезла на полочку. Вытянувшись на деревянном настиле, она положила под голову свои руки и стала думать. Оставшись наедине со своими мыслями, заложница, словно ей было только пятнадцать лет, очутилась в своем детстве, в мире радужных мечтаний. Для чуть более пятидесятилетней женщины ее детский мир казался очень милым и нестолько жестоким, чем взрослый мир, в котором она сейчас жила. И поэтому то, что она сделала своему молодому земляку несколько десятков лет назад на школьном дворе, взрослая женщина считала детской шалостью.

Блондинка, медленно «листая» страницы воспоминаний, сопоставляла себя с красивой девочкой из детства, которая начинала делать первые шаги в своей жизни. Та и эта хотели жить хорошо и быть счастливыми. Если маленькая Ева тогда жила надеждой на это счастье, то взрослая уже его вкусила. Много или мало у нее этого счастья было, Кротиха и сейчас еще не понимала. Мало этого. Чем больше рассуждала она об этом счастье, тем быстрее ей хотелось опять вернуться в свой прошлый детский мир и начать жить по-новому, жить без ошибок. «Полувековая» женщина даже завидовала своей девочке детства, которая имела право на это счастье. У той девочки была целая жизнь впереди. Эта же женщина право на счастье, данное Богом, уже использовала. Для этого он дал ей целую жизнь. При этой мысли Ева заплакала. Ей не верилось в то, что ее жизнь уже пролетела как один миг. За эту жизнь она так и не нашла своего счастья. Жалость к себе в стократ возрастала от боязни за свою жизнь. Ева чувствовала то, что Санька Пегов решил по-настоящему с ней рассчитаться. Как он хотел это сделать, она не знала.

Кротихе от предстоящего возмездия стало очень страшно. Жажда к жизни заставляла пленницу искать всевозможные варианты из создавшейся ситуации. Ева своими руками в бане еще раз все ощупала, включая и потолок. Все было бесполезно, каких-либо дыр не было. С расцарапанными руками она села на пол и заплакала...

Через некоторое время кто-то сильно в дверь бани постучал. Кротиха, сквозь внезапно надвинувшийся на нее сон, еще долго не могла понять, что с ней происходит и где она. Только после того, как

стук повторился, она пришла в себя. Сидящая на полу на стук никак не реагировала. Минут через десять дверь открылась и мощный поток яркого солнца сразу же ослепил глаза пленнице. Ева, закрыв обеими руками глаза, быстро выскочила из бани. С закрытыми глазами женщина простояла возле бани несколько минут. Ей не хотелось вообще открывать свои глаза. Кротиха солнечного света не боялась. Она сейчас своим нутром чувствовала присутствие возле себя Саньки Пегова, для которого она была и оставалась настоящим врагом с самого далекого детства. Этого врага она не видела несколько десятков лет...

Ева Крот, словно кто-то ее приворожил, стала медленно убирать свои руки с глаз. Ее предположения стали явью. Перед ней стоял Санька Пегов, образ которого она носила всю жизнь, день и ночь, ночь и день. Большой разницы в представляемом ею образе бывшего школьника и тем, кто перед ней стоял сейчас, женщина не видела. Перед Евой стоял мужчина-великан с густой копной седых волос. Через всю эту копну волос пролегала широкая черная лента, которая закрывала правый глаз. При виде этой ленты блондинке стало плохо. Она почувствовала сильное головокружение. Ее тело почему-то обмякло и она, словно сноп, медленно повалилась на землю...

Через некоторое время Кротиха оказалась в мощном потоке воды, от которого ей стало чуть-чуть легче. Ева, словно только что народившийся жеребенок, карабкаясь на четвереньках медленно приподнялась с земли. Разогнувшись и приняв вертикальное положение, она вновь увидела перед собой мощного «Кутузова» и молодого «чиновника» с полным ведром воды. При виде мужчин женщина медленно опустила голову вниз и стала искать своими глазами что-то перед собою. Желания, как такового, поднимать голову у нее не было. Сейчас ей хотелось просто-напросто убежать и не видеть этих мужчин, которые, словно маленькие дети, почему-то очень внимательно наблюдали за нею. Мысль убежать от этих мужчин и от этого кошмара жизни у Евы так же быстро исчезла, как и появилась.

Она прекрасно понимала бессмысленность гонки с Пегим, не говоря уже о «чиновнике». Пленница не исключала и того, что обои мужчины могли иметь оружие. С поникшей головой, которая «трещала» не только от всевозможных мыслей, но и от нервного напряжения, Кротиха намеревалась стоять очень долго. Она была не против так стоять и больше, лишь бы ее ожидал более или менее «приличный» конец жизни. Чем больше Кротиха стояла с поникшей головой и играла в молчанку, тем больше она убеждалась в том, что школьник Пегий тогда был намного милее, чем этот пятидесятилетний мужчина высокого роста. Великан, одетый в

дорогой костюм черного цвета, чем-то напоминающий стандартную форму партноменклатурщиков недалекого советского прошлого, очень страшил женщину.

Первым нарушил молчание Пегий, мощный голос которого сразу же вывел Еву из нервного оцепенения:

- Ну, что, Кротиха... Мы встретились с тобою опять? Я вижу ты, славно попаслась на полях Сибири и далекой Германии. Я даже одним глазом вижу то, что ты сильно выросла, да и к тому же не так и плохо выглядишь...

Ева, приподняв голову, исподлобья посмотрела на этого очень знакомого и очень незнакомого мужчину. Ей до сих пор сейчас не верилось в то, что этот мощный мужчина был когда-то очень хрупким Санькой Пеговым, которого она в школьные годы ударила хворостинкой. «Евка не девка» и сейчас почему-то видела только призрак молодого пацана. Это придавало силы женщине. Она, облизав языком свои сухие губы, проговорила:

- Ну, как ты и видишь Пегий, я здесь перед тобою... Честно говоря, я даже не ожидала когда-то встретиться с тобою на сибирской земле... Тем более, при таких обстоятельствах...

Ева, почувствовав себя на какое-то время той сильной девчонкой, какой она была в школе, уже более уверенно произнесла:

- Я бы на твоём месте, Пегий, не устраивала каких-либо экзекуций для своих друзей детства, к тому же для таких красивых девушек...

- Ну ты и мразь, Кротиха, - со злобой прошипел Пегов. - Ты ещё мне мозги решила перед своей кончиной портить. Я тебя одним пальцем удушю, заграничная вошь... Задушю....

Мужчина внезапно замолчал. Наверное, собирался с мыслями. После некоторого раздумья он повернул свою голову в сторону молодого «чиновника» и строго произнес:

- А ну, Стасик, оставь меня наедине с этой кралей... Дальше делай все так, как мы раньше договорились. Ну, ты, понял меня?...

Стасик, он же недавний чиновник для Евы, и он же Николай Александрович, словно оловянный солдатик, приняв указания своего начальника, быстро исчез. После исчезновения Стасика Кротиха опять опустила голову вниз. Через несколько минут она подняла ее опять. Пегов сидел на мягком небольшом кресле, который откуда неведь появился. Удобно расположившись на кресле и закинув ногу на ногу, он, продолжал внимательно смотреть на женщину, которая, словно бык, продолжала стрелять его своими голубыми глазами. Молчанка продолжалась недолго. Пегий, вытащив из внутреннего кармана своего пиджака пачку импортных сигарет, закурил. После глубокой затяжки смачно плюнул

несколько раз в сторону. После этого он, словно надзиратель, с усмешкой на лице спросил Еву:

- Ну, как дела, Евка не девка? Сейчас уже молчишь. Тебя раннюю потаскуха, наверное, вся Сибирь перетрахала... Сейчас за бугром работаешь... Я знаю то, что все красивые бабы дряни, особенно блондинки. Я вижу то, что ты еще сохранила остатки своей детской красоты. Эта красота тебе уже никогда не понадобится. Я никогда от своих слов и в никакие времена не отступал... Ты, мразь, понимаешь о чем я говорю...

«Мразь» в данный момент ни о чем и ни о ком не думала. Она, сильно уставшая от тяжелой ночи и от нервного напряжения, решила молчать и не отвечать на вопросы своего земляка. Однако молчание блондинки несколько не раздражало мужчину. Он, сидя на кресле, продолжал говорить:

- Мне твое молчание по одному месту. Честно говоря, я могу тебя заставить говорить, но не вижу надобности. Мне твое молчание сейчас необходимо. На моей работе все мои подчиненные молчат, я один только говорю. Мне это очень нравится. Ты тоже пока помолчи. Я сегодня буду говорить. К твоему удивлению, я сегодня расскажу все тебе, что никому не рассказывал за все эти пятьдесят лет. Я тебя сразу же скажу главное. Ты сегодня здесь на этом месте останешься навсегда. Это я решил не только сегодня ночью, когда ты в бане была узницей. Я решил это еще тогда, зимой в школе. Я тебе все из моей жизни, и не только из моей, сейчас расскажу. Расскажу как на исповеди у Бога...

Последние слова мужчины произнес с особым смыслом. Это Еву не только удивило, но и насторожило. Все то, о чем сейчас так спокойно рассказывал Санька Пегов, в какой-то степени напоминало монолог Гошки Лыбина. Отличие состояло в том, что Гошка, рассказывающий о своей страстной любви к Татьяне, вызывал к себе теплые чувства у молодой слушательницы. Этого же «Кутузова» блондинка страстно ненавидела.

После длительного пребывания в районной больнице у одноглазого мальчишки вся жизнь пошла наперекосяк. Окончив восьмилетку, он поступил в профессионально-техническое училище. ПТУ для одноглазого юноши было настоящим адом. Как его только не дразнили из-за глаза, каких-то только кличек и кликух не давали ему в этом заведении! После училища Пегов работал слесарем. Свои копейки молодой «Кутузов» пропивал. Причиной пьянки и неудачной жизни было отсутствие глаза. Родители Саньки Пегова все проблемы молодого сына понимали, и казалось, делали все возможное для облегчения судьбы своего сына. После того, как парню исполнилось восемнадцать лет, отношения сына и родителей вообще зашли в тупик. Первым не выдержал отец, который, как и

сын, встал на путь пьянства. Представительный и грамотный мужчина вскоре потерял работу. Через день после своего увольнения он повесился. Через год после смерти отца умерла и мать.

На могиле своих родителей двадцатилетний парень дал слово умершим, что он возьмется за ум и станет настоящим человеком. Пегов вел себя прилично только один год. На большее у него сил не хватило. Вскоре молодого и очень рослого парня с большой копной черных волос, которую пересекала черная лента, многие жители Калинино стали видеть на рынках города. На всех трех рынках Пегов бывал каждый день и по нескольку раз. Молодой человек пристрастился торговать. «Кутузов» сам ничего не производил и не покупал. Он только перепродавал все то, что приносили ему люди и разные типы. Имеющиеся деньги, и притом иногда и не очень малые, он тратил на рестораны. Не все местные девки, даже несмотря на то, что «Кутузов» и не жалел для них денег, хотели с ним идти в постель. И причиной этому была его отметина, которую ему сделала еще в школе российская немка. Пегов в тяжелые минуты своей жизни всегда держал в памяти образ смазливой блондинки. Ему еще в далекие школьные годы хотелось поцеловать Евку Кротику и не только это...

Годы у Пегова пролетали очень быстро. Жил он в родительском доме. Избытка в бабах при наличии денег у него не было. Невесты или любимой девушки у парня также не было. Никто из девушек разного возраста и разного достатка, а также и различной внешности в высоком парне, к тому же и далеко неглупом, не видели в нем жениха или мужа. Каждый его терпел из-за денег. Женщины были, как правило, с ним в постели только один раз. Стоило парню по пьянке в постели снять с глаза повязку, как у представительниц слабого пола сразу же пропадала всякая охота в очередной раз встречаться с молодым мужчиной. Такое отношение женщин к своей персоне очень сильно его злило. И одноглазый решил им мстить. После встречи с очередной клиенткой, которая была еще с «норовом», он сильно ее избивал. Некоторые после такого «воспитания» попадали в больницу или вообще не появлялись больше «Кутузову» на глаза.

Кое-кто из женщин искал защиту из среды своих родственников или бандитов. Однажды Пегова, когда он возвращался из ресторана ночью домой, на одной из темных улиц подкараулили. Четверо неизвестных его тогда очень здорово поколотили. Сломали два ребра, выбили три зуба. Пегий в больнице провалялся очень долго. Больница для потерпевшего оказалась настоящей каторгой. Все врачи знали местного бандита и поэтому по-разному к нему относились. Кто-то из-за страха перед великаном

лебезил, а кто-то просто и презирал. Ночами больной иногда плакал. В эти трудные минуты он проклинал себя за все то, что с ним происходило в этой жизни. Иногда он собирался покончить с собою. В эти трудные минуты для него опять «всплывала» Евка, которой он через своего школьного друга передал письмо с предупреждением о расправе. Желание расправиться с Кротихой, у парня не угасало никогда и не при каких обстоятельствах.

Время шло, расплата, за содеянное Евкой, оставалась только на бумаге. Причиной этому была жизненная текучка. К тому же парень боялся попасть и за решетку. Внутренний страх его не покидал даже и на рынках, когда он кого-то видел в милицейской или военной форме. При появлении человека в форме, у Пегова появлялся животный страх. Этот страх, скорее всего, возник у парня с самого детства. Спекулянт был на седьмом небе от счастья, когда «завязал» узелок дружбы с сержантом из Государственной автомобильной инспекции. По поводу знакомства Пегов два вечера угощал «гаишника» в ресторане. Сержант жрал и пил особенно усердно, будто он через час собирался умирать или уезжать на необитаемый остров. Пегов не забыл своему начальнику дать адрески пару «халяв», которых он от скуки сам когда-то «любил». Знакомство пошла на пользу обеим. «Кутузова» на рынке местные милиционеры «по уставу» не замечали, иногда даже и честь отдавали. Гаишник денег натурой не брал. Посидеть с «Кутузовым» нахалявку в ресторане не отказывался...

Вскоре в ворота могучей социалистической державы стали стучаться «рыночные» отношения. Все и вся кругом начали продавать и покупать. Пегова, который к этому времени имел не только большой опыт коммерческой торговли и «крышу» в милиции, стали посещать разные мысли. В реализации некоторых из них Санька даже не сомневался. Через своего кореша, который, как и он, целый день «лупил» глаза на свои товары и на покупателей, Санька узнал о продаже соседского дома. Пегов очень осторожно «пас» всевозможных покупателей, желающих купить небольшой домишко неподалеку от торгового центра города. Покупатель из соседней области так и не появился в Калинино. «Кутузов» старичка с большими деньгами перехватил еще в электричке. Каких-либо разборок с мужчиной, желающим купить дом для своей внучки, не было. Коммерсант Пегов попутал деда на скупости, обещая ему более приличный дом и за те же деньги. Дом умерших родителей Пегова иногороднему понравился. Обильная пьянка длилась довольно долго. Старик проснулся только к обеду. Наравне с ним проснулся и «Кутузов». Дед сразу же сунул руку под подушку. Денег не было. Молодой хозяин гостю божился и крестился в том, что он денег чужих не видел и не брал. Ни с чем

уехал дедок самой поздней электричкой домой. Пегов на прощание несостоявшегося покупателя даже поцеловал в лысину. Дед, сильно подпивший на «халяву», очень пристально смотрел в единственный глаз молодого великана и почему-то сильно плакал. Пассажиры, стоящие на перроне небольшого вокзала, с умилением смотрели на эту сцену. Кое-кто даже смахивал слезу. Все думали о том, что внучек очень любит своего дедушку и поэтому так ласково и нежно с ним обращается....

На украденные деньги у деда Пегов нанял себе «прислугу». Двое молодых парней, которых Санька также видел на рынке, без длительных переговоров пошли «работать» на хозяина. Новый хозяин отстегивал деньги своим реализаторам с оборота проданных товаров. По мере вступления некогда социалистической страны в капиталистическое неизвестное, но «лучшее», денежный оборот одноглазого коммерсанта прирастал с каждым часом. Через месяц, после того как у Пегова стали работать реализаторы, он не без помощи знакомого гаишника построил первый в райцентре деревянный киоск. Молодой человек делал все возможное для своего самоутверждения. Он лично сам, иногда и с реализаторами, «челночил» в столицу некогда великой державы. Во время некоторых поездок предприниматель заваливал своими товарами полностью одно или два купе.

Через год о первом «новом русском» Калинино и района селяне стали сочинять всевозможные истории об его несметных богатствах. Практически не проходило и дня, как эти истории обрастали все новыми подробностями и «довесками». Сплетни по своему содержанию чем-то напоминали сказки про серого волка, которым обычно пугали вечером детей, если те не хотели спать.

«Кутузов» и сам иногда в эти сказки не верил, хотя в сплетнях селян доля правды и была. Он не отрицал того, что он самый первый в районе купил подержанный «Мерс». Он не отрицал также наличие «блата» среди чиновников местной администрации и милиции. Кое-кто из чиновников местной администрации считал за честь, если «Мерс» самого богатого бандита останавливался возле массивного и серого здания, где когда-то заседали представители руководящей и направляющей «силы» общества. Независимо от возраста и должности каждый из бывшей партноменклатуры считал своим долгом пожать руку новому русскому. Бывшие и настоящие номенклатурщики напоминали молодому человеку о своем «протезе». «Кутузов» внимательно и молча выслушивал нотации чиновников. Кое-кого благодарил на словах, кое-кого и на деле.

Санька Пегов, он же предприниматель Пегов Александр Алексеевич ничем не гнушался для «делания» денег. У него было все под контролем. Всевозможные «нюхачи» из местной власти за

мзду усердно информировали одноглазого бандита о стремительном падении экономики небольшого сибирского района. Через некоторое время дышащие на ладан предприятия оказывались под «лапой» нового русского. Получал прибыль Пегов и от продукции, которую выращивали крестьяне. Бывший слесарь, имея на руках деньги, быстро внедрялся во всевозможные структуры и организации. В некоторых местах и организациях он даже прогорал, но эти беды обходились для него без инфаркта. «Навар» молодой предприниматель обменивал только на американские доллары. В банки он деньги не ложил, а пускал их в ежедневный оборот...

Услышав от сидящего нового русского о том, что он уже заработал сто тысяч долларов, Ева, доселе не вникающая в содержание его монолога, приподняла голову. «Кутузов», увидев изумленное лицо красивой блондинки, с издевкой произнес:

- Кротиха, ты такие деньги на своей исторической родине никогда не заработаешь и не увидишь... Я же эти деньги сам заработал и они мои... Ты поняла меня, баба...

Пегов дальше не стал Еве что-то доказывать. Смачно плюнув, он в очередной раз закурил и жадно затянулся. Кротиха, изредка бросая взгляд на мужчину, старалась внимательно рассмотреть лицо своего врага. В физиономии седого мужчины она почему-то ничего человеческого для себя не находила. Еве даже казалось то, что это не человек, а, вполне возможно, может даже и зверь, только с человеческим лицом. При этой мысли у женщины по спине пробежала не то какая-то дрожь, не то какой-то озноб.

«Кутузов», заметив тревогу на лице блондинки, после пару затяжек проговорил:

- Ты, Кротиха, не думай то, что я твои повадки не знаю... Я все до последней капли твоего дерьма знаю. И сейчас ты в этом убедишься...

Сказав это, он вытащил из внутреннего кармана пиджака записную книжку и начал пересказывать то, что было в ней написано:

- Ева Петровна Крот, немка... Родилась в деревне Золотой Камень Машинского района Ктомской области... Родители Петр и Елизавета...

То, что сейчас пересказывал или зачитывал Санька Пегов своей односельчанке наповал убило Еву. Она никогда не думала, что этот одноглазый мужчина, живя в такой глуши, так может досконально знать ее биографию. Она, шокированная правдивой информацией о своей жизни, заплакала. Увидев слезы блондинки, одноглазый стал неестественно смеяться. Он смеялся так надменно и зло, что ей даже не верилось, что перед нею сидит человек, ее

односельчанин. Он смеялся долго. Вдоволь насмеявшись, он привстал с кресла и сделав несколько шагов в сторону блондинки, со злостью сквозь зубы процедил:

- Ты знаешь, Крот, я думаю то, что только ты меня научила сильнее ненавидеть этих людей, которые каждый час пекутся, как лучше и быстрее набить свою требуху... Ты, как и все они, поехала набивать себе требуху за бугор. Так же? Правильно я говорю?...

Кротиха, на какой-то миг хотела дать на вопрос мужчины отрицательный ответ, однако воздержалась. Пегов подошел к ней настолько близко, что она четко видела его единственный бесцветный глаз. В нем для Евы не было пощады или какого-либо снисхождения. Мало этого. Мощная фигура и высокий рост мужчины вызывали у нее животный страх. Она, словно испуганный воробей, исподлобья смотрела снизу вверх на одноглазого. Через некоторое время она отпрянула от него. От Саньки Пегова несло перегаром, да таким сильным, что ее чуть не вырвало. Сделав шаг в сторону, она мимолетом «поймала» его глаз, в котором играл очень злой огонек. За всю жизнь она не видела таких страшных и злых глаз, как у этого человека. Она только сейчас поймала себя на мысли, что она очень боится этого человека, которому, как и ей, Божьей волей было суждено родиться и жить.

Пьяный «Кутузов», скорее всего, не замечал ее страх. Вполне возможно, ему было и не до этого. К тому же, у него зазвонил мобильный телефон. Он, присев на кресло и закинув ногу на ногу, прислонил мобилку к уху. Кто ему звонил и о чем велся разговор Ева не могла понять. Да и ей в этот момент было не до этого. Она из разговора одно только поняла, что Пегий кому-то обещал, что он скоро все закончит и ему нужна машина. Кротиха уже не сомневалась, что он ее убьет. Страх охватил ее и она стала медленно опускаться на землю. Увидев то, что блондинка упала на колени и плачет, Пегов с презрением плюнул ей в лицо и смачно выматерился. Выпустив из себя около дюжины матерных слов, он встал с кресла и громко прокричал:

- Я тебе, мразь, сказал же, что все равно тебя найду. И вот ты передо мною, как последняя тварь... Я вижу, что ты боишься за свою жизнь. Ты ведь всегда меня ждала и боялась. Ты ведь никогда не думала о деревенском мальчишке Саньке Пегове, которого ты сделала настоящим уродом. Я и сейчас урод, но я имею деньги. И этими деньгами я тебе даже чем-то обязан. Мои деньги делают меня сильным и даже хорошим человеком. Это мое мнение. Я знаю... Ты меня ненавидешь, как и многие другие... Я же на всех вас пресмыкал один прибор положил...

На какое-то время он замолчал. Притихла и Ева, которая стояла на коленях и плакала. Она плакала, словно ребенок, а может

даже и как взрослый человек, который осознавал свою близкую кончину. Ей в этот момент даже казалось, что эту кончину ощущает ее душа и ее мозг. И поэтому она, словно завядшее растение, медленно легла на землю. Плотнo прижавшись к ней, она почувствовала теплоту этой земли, на которой она прожила всего чуть-чуть больше полвека. И только...

Лежащая на земле без чувств женщина, которая громко плакала и что-то причитала себе под нос, в конце концов вывела Пегова из себя. Он, не замечая состояния красивой блондинки, сделал к ней несколько шагов. Затем после некоторого раздумья носком своей туфли осторожно наступил на ее руку. Ева на это никак не прореагировала. Не прореагировала она и тогда, когда он еще сильнее сдавил ее руку. Безответная реакция красивой блондинки не вызывала страха у мужчины, а, наоборот, вызывала у него злобу. Пегов не ожидал такой стойкости от своей односельчанки. Такое ее поведение придало ему новый импульс ненависти к лежащей. Он, словно зверь, ринулся к ней. Упав на колени, он стал снимать с нее одежду и при этом со злостью процедил:

- Я тебя, красивая мразь,, давно хотел тебя иметь... Ты, шлюха немецкая, страшно красивая... Твоя красота меня и сейчас убивает...

Сорвав с женщины одежду, он, тяжело дыша, стал снимать свои брюки. При этом он опять восхищался красотой своей землячки:

- Я тебя ненавижу за то, что ты мне испортила мою жизнь, но и люблю за то, что ты чертовски красивая. Ты поняла меня, Евка? Мне жалко то, что не я был тогда на месте сопливого солдата. Ты слышишь меня, Кротиха?

Все то, что говорил и о чем ее спрашивал одноглазый мужчина, Ева Крот не слышала. Она продолжала лежать в беспамятстве. Не в полной мере она воспринимала и то, что с ней делал этот великан. Только где-то в глубине своей души женщина осознавала то, что этот одноглазый урод ее насилует. Насилует очень жестоко и жадно, словно загнанный зверь, а не человек. Ей в какие-то моменты от этой жестокости было очень больно. Одновременно ей было очень хорошо и приятно. Израненная душа и сердце блондинки не только чувствовали, но и понимали то, что у этой красивой женщины именно этот одноглазый урод есть и будет последним мужчиной на этом свете. Последнее, скорее всего, и заставляло Еву не сопротивляться. Она, вдыхая в себя запах спиртного, который исходил изо рта Пегова, иногда страстно прижимала его к себе и также страстно целовала его в губы. Может быть, Кротиха это делала даже сильнее, чем тот, кто ее насиловал. В

эти моменты, тому, кто бы созерцал со стороны за происходящим, было бы очень трудно определить, кто кого насиловал. Да и тем, кто лежал на земле, было все равно. Каждый из них преследовал свою страсть, свою цель. Пегов, как мужчина, прижимаясь всем своим телом к телу красивой женщины, осознавал себя победителем. Женщина, лежащая под ним и смиренно отдаваясь сильному существу, четко понимала свою беспомощность в этой ситуации. Кротиха знала то, что на этой земле для нее это последний глоток любви, с которым она может спокойно уйти в иной мир...

Нагие мужчина и женщина не знали того, сколько по времени длилась их страстная любовь. Глубоко заснуть их заставила усталость от страсти и любви друг к другу. Сон влюбленных нарушил телефонный звонок. Пегов быстро схватил мобилку и тут же стал одеваться. Через несколько мгновений он скрылся в лесу.

Этим решила воспользоваться Ева. Она быстро оделась. Мысль о побеге вновь ею овладела. Она, боязливо озираясь по сторонам, осторожно направилась в противоположную от Пегова сторону. Блондинка еще не успела сделать и двух шагов в сторону леса, как раздался очень пронзительный свист. Из-за бани вышел Пашка-водитель. Парень молча указал рукой на баню. Стиснув зубы, Кротиха смиренно последовала в баню. Зайдя в постройку, она оставила за собой приоткрытую дверь. Только сейчас пленница заметила, что на небольшом окне была вмонтирована толстая металлическая решетка. С наружной стороны окно была плотно забито березовыми досками. Строить какие-либо планы на очередной побег у Кротихи уже не было желания. Не было и сил. Она села на пол и заснула...

Глубокий сон полусидящей женщины прервал мальчишка-водитель. Паша, который толкал Еву в плечо, одновременно приговаривал:

- Эй, женщина, просыпайся... Женщина, просыпайся, ну просыпайся...

Кротиха, вздрогнув от очередного толчка в свое плечо, проснулась. Она какое-то время не могла понять причину присутствия молодого человека. Через пару минут заложница вошла в курс «дела» и последовала за парнем. Наружи уже не было яркого солнца, какое было совсем недавно. Ева точного времени не знала, но в том, что уже время было далеко за обед она не сомневалась. Следуя в сопровождении Павла, заложница заметила неподалеку от опушки леса знакомый «Мерс». Возле него стоял Пегов и молодая высокая блондинка.

Чем ближе Кротиха подходила к стоящим возле машины, тем внимательнее она всматривалась в ту девушку, которая весело разговаривала с одноглазым, который то и дело чмокал ее в губы.

От поцелуев молодая блондинка очень весело смеялась. Остановившись в нескольких метрах от машины, Ева неожиданно для себя почувствовала острую боль в сердце. И виной этому была незнакомка. Чем внимательнее пленница рассматривала молодую «шлюху» Пегова, тем беспокойнее становилось у нее на душе. Высокая незнакомка с густой прядью белых волос, которые почему-то в большей мере закрывали правую сторону ее лица, чем-то напоминала Еву Крот в ее молодости. К этой мысли Кротиха пришла сразу, как только увидела эту «шлюху». Та, которая весело смеялась и целовала одноглазого седого мужчину, была точной копией молодой Кротихи.

Пожилая женщина, стоящая перед машиной, старалась молчать и не нарушать мирное воркование молодой блондинки и уже пожилого мужчины. Не замечали рядом стоящую женщину и влюбленные. Любовная идиллия одноглазого и блондинки продолжалась бы и дальше, ежели бы им не помешал Пашка. Парень, стараясь как можно культурнее нарушить покой своего шефа и его жены, негромко кашлянул в кулак.

Появление постороннего человека в определенной мере подействовало на седовласого мужчину и молодую женщину, которая по возрасту годилась ему в дочери. «Кутузов», словно не замечая стоящих перед ним людей, взмахнул в сторону рукой. Водитель в тот же миг исчез в неизвестном направлении. Еве же каких-либо команд или знаков Пегов не подавал. Он только внимательно рассматривал Кротиху, которая стояла перед ним в разорванном женском костюме. Лицо и руки женщины во многих местах были в крови.

Молодая блондинка, только что целовавшая своего поклонника, решила в конце концов обратить внимание на подошедшую к ним женщину. Какой-либо симпатии изнеможенная пожилая женщина у нее не вызывала. «Шлюха», не удосужившись посмотреть в глаза пожилой незнакомки, повернулась лицом к Пегому. Она своим взглядом как бы спрашивала своего мужа о тайне сюрприза, который он ей вчера обещал преподнести. «Кутузов», поняв немой вопрос своей жены, громко засмеялся. Смех одноглазого вызвал однозначную реакцию у стоящих женщин. Никто из них не видел причины для смеха.

Вдоволь насмеявшись, Пегов повернулся лицом к молодой блондинке. Мужчина, чмокнув ее в щеку, тихо сказал:

- Евушка, я тебе уже десять лет обещал раскрыть самую большую тайну твоей жизни. И сегодня я это с удовольствием делаю. Ради этой тайны я жил целую жизнь и потратил кучу долларов...

Пегов на короткое время замолчал. Затем он, словно ведущий

торжественного собрания или циркового представления, на несколько шагов отошел от машины, и высоко взмахнув рукой в сторону стоящей Кротихи, торжественно произнес:

- Ева, смотри внимательно в глаза этой женщине... Смотри очень внимательно, я тебя очень прошу.... Евушка, эта женщина есть твоя м-а-ть...

После этого одноглазый вытащил сигарету и закурил. Он курил с громадным наслаждением, осознавая важность только что сделанного им дела. И это важное он сделал не только для себя, но и для своей молодой жены. Курящий сейчас также осознавал свое человеческое торжество над той девчонкой, которая несколько лет назад сделала его уродом. Это уродство привело к тому, что он стал жестоко ненавидеть людей. Пегов ненавидел особенно тех, кто был красив или кичился своим великим Божьим даром. «Кутузов» во время различных разборок иногда ради «хохмы» «чертил» перочинным ножом на лицах своих поверженных жертв различного пола и возраста. Это не только ему нравилось, но и приносило радость. Однако эти маленькие повседневные радости не могли сравниться с самой главной радостью, которая питала ежедневно и ежечасно уже зрелого мужчину...

С очень молодой и красивой блондинкой Евой Егоровной Лыбиной Пегов познакомился в столице совершенно случайно. Мужчина и женщина приезжали за тряпками на столичные рынки. Сорокалетнему мужчине с густой копной седых волос и с черной повязкой в виде ленты на правом глазу очень понравилась белокурая блондинка, которая, как и он, тяжело дышая несла в руках два больших баула с всевозможными тряпками по очень многолюдным пролетам главного универмага столицы. Знакомство одноглазого произошло возле газетного киоска, где молодая девушка с интересом рассматривала журнал мод. Дальше, вполне возможно, еще неизвестным людям благоволила судьба. Возле киоска они просто-напросто перебросились двумя или тремя предложениями. Красота девушки поразила относительно молодого человека. В знак признательности он купил ей самый дорогой журнал мод. После этого они друг другу мило улыбнулись и через несколько секунд опять исчезли в многоликой толпе. Через час они встретились опять. Встретились опять совершенно случайно.

Мужчина оказался в одном купе с молодой девушкой, которая продолжала настойчиво «поглощать» журнал мод. Дорога для обоих оказалась продолжительной. Пегов ехал до Ктомска, Ева Лыбиной предстояло ехать чуть-чуть дальше до небольшого города Томное, что на Дальнем Востоке. За время совместного пребывания в скором поезде «Россия» они очень многое узнали друг о друге. «Кутузов» о себе старался говорить меньше и скромнее, боясь

высветить «черные пятна» своей биографии. Девушка по своей неопытности и наивности рассказала мужчине средних лет практически все о своей жизни. Теперь Санька Пегов знал о том, что его попутчица живет одна с бабушкой и учится в институте, а летом занимается торговлей. Со слезами на глазах блондинка рассказала одноглазому и о трагической гибели своих родителей. Мать Евы умерла при родах. Отец девушки Егор Егорыч Лыбин был убит бандитами в поезде во время перевозки дорогих дубленок из столицы для продажи в Томном. Дочь очень любила отца. После его смерти она сама была вынуждена зарабатывать себе кусок хлеба.

Вполне возможно, на этом бы и вся история их знакомства и закончилась, если ни одна тайна, которую, Ева сидя в купе, старался всячески скрыть от своего попутчика. Странности в поведении красивой особы заметил сам Пегов. Девушка во время разговора то и дело поправляла рукой свои густые белые волосы, которые были зачесаны на правую сторону лица. Особенно «доставалось» блондинке в то время, когда Пегов на короткое время открывал окно купе и начинался сквозняк. Однажды во время сильного порыва ветра Ева не успела схватить своей рукой прядь волос, прикрывающую ее правую часть лица. Мужчина в какие-то доли секунды успел заметить то, что значительная часть правого уха у блондинки отсутствовала. Поймав на себе удивленный взгляд одноглазого, девушка густо покраснела и заплакала. Остальную часть пути она молчала. Молчал и Санька Пегов. Только за полчаса перед прибытием в Ктомск девушка решила рассказать мужчине всю правду о том, что у нее произошло с ухом. Здесь же Пегов узнал и причины наличия черной перчатки на правой руке очаровательной блондинки.

Ева Лыбина перчатку носила для того, чтобы скрыть от людей два сросших пальца, которые она «получила» от рождения. История с ухом оказалась довольно сложной. Девушка лишилась его в родном городе два года назад, когда проходила мимо фруктового сада, который принадлежал очень зажиточному хозяину. Хозяин всю жизнь работал на мяскомбинате и содержал очень мощного бульдога. Бульдог исправно выполнял обязанности по охране сада. В этот поздний вечер собака, словно лев, быстро перепрыгнула через низкое ограждение и стала грызть молодую девушку...

Встреча с блондинкой надолго осталась в памяти Саньки Пегова. Мужчина несколько раз воспроизводил в своей памяти подробности незабываемой встречи. Он все больше и больше осознавал то, что влюбился в эту блондинку. Влюбился в нее, даже невзирая на ее физические недостатки. Через три месяца Санька Пегов решил ехать в Томное и встретиться со своей любимой. Ему также хотелось «насолить» тому мужчине и его волкодаву, из-за

которых вынуждена всю свою жизнь страдать Ева Лыбина.

«Кутузов» Еву нашел сразу, как только обратился в городское справочное бюро. Девушка не ожидала вновь увидеть перед собою бывшего соседа по купе скорого поезда. Она при виде мощного и седовласого мужчины сначала ничего не могла что-либо сказать. Неизвестно что красивую блондинку подкупило: то ли очень большой букет ярко красных роз или увещевания старой бабушки, которая, получив от гостя очень дорогой отрез на платье, перестала сама его бояться. Весь последующий ход отношений между внучкой и мужчиной определяла бабушка Вера. Именно она внесла львиный вклад в создание брачного союза Евы и Александра.

Ева Лыбина наотрез отказалась показать своему неожиданному покровителю место проживания того мужчины, волкодав которого ее изуродовал. Во время отсутствия девушки, которая была на занятиях, баба Вера сопровождала Саньку Пегова до злосчастного дома, где произошло нападение собаки на ее внучку.

До самого позднего вечера ожидал Пегов хозяина особняка. «Мясник» пришел с работы поздно вечером. Разговора, как такового, у незнакомых мужчин не получилось. Владелец собаки претензии одноглазого не принимал. Он также не хотел вести и речи о каких-либо материальных компенсациях пострадавшей. Владелец особняка и «увесистого» живота твердо стоял на своем. В такое позднее время нечего было молодой «шлюхе» возле его дома лазить и махать руками перед умным Полканом. Итог встречи вообще получился неутешительным. «Мясник» одноглазого защитника смазливой «шлюхи» обозвал уродом и быдлом. Клички Александру Пегову явно не понравились. Пегов схватил хозяина за плечо и резко ударил его в лицо. У толстяка из носа потекла кровь.

Недолго думая, хозяин быстро помчался в ограду. Через несколько секунд из двора выскочил очень большой волкодав черного цвета. Пегов на какое-то время опешил и растерялся. Он не ожидал того, что в разборке двух равных по возрасту и силе мужиков будет участвовать и эта псина. «Кутузов», сколько в нем было силы, перескочил через низкое заграждение в сад. К своей радости он увидел вилы, которые стояли возле яблони. Он быстро схватил вилы и со всей силой воткнул их в пасть громадной собаки. Собака от боли сильно взвизгнула и сразу же осела на землю. Через несколько мгновений последовал очередной удар вилами... Пегов только после того, как пес перестал издавать какие-либо звуки, успокоился. Опустившись на землю, он закурил и сделал глубокую затяжку...

«Кутузову» курить долго не пришлось. Через некоторое время он увидел перед собою озверевшего хозяина, который стоял на коленях перед мертвой собакой и плакал. Плакал и Санька Пегов,

убивший волкодава, жравшего ворованное мясо из мясокомбината. «Кутузов» только сейчас понял, что с ним произошло и что могло произойти. Если бы не вилы, то, навряд ли бы живым он ушел от этого четвероногого зверя. Встреча мужчин на этом не закончилась. Неожиданно для одноглазого хозяин дома быстро вскочил с земли и со словами: «Урод, сейчас тебя убью» - во всю прыть побежал во двор дома. Увидев удаляющегося от себя мужчину, Пегов молниеносно встал с земли и быстро схватил вилы. Страх за свою жизнь удесятерил его силы. Вилы, брошенные великаном, описав большую дугу в воздухе, впились в спину убегающего «мясника». Через несколько мгновений Пегов услышал протяжный стон толстяка. Мужчина, пораженный насквозь вилами, медленно повалился на землю. Одноглазый больше ничего не видел и не слышал. Он, словно испуганный заяц при виде вооруженного охотника, мигом выскочил из сада и тот час же скрылся в темноте.

На следующее утро весть об убийстве «мясника» и его любимого Полкана стала достоянием всех и каждого. Жители небольшого провинциального города про этот случай разное судачили. Одни сожалели о смерти породистой собаки и ее хозяина, другие смерти человека и его четвероного друга даже радовались. Кое-кто из «радостных» благодарил Бога за то, что он не позволил хапуге весь мясокомбинат растаскать. Пегов и баба Вера по этому поводу каких-либо суждений не высказывали. Молчала и Ева. Каждый из них почему-то эту житейскую трагедию пропустил мимо ушей. Наверное, своих житейских проблем хватало...

Дальше раздумывать Пегову о том, что у него позже произошло с Евой Лыбиной, не пришлось. Через клубы табачного дыма он увидел неестественное лицо Кротихи. Узнав о том, что перед нею дочь, женщина зарыдала. Ее рыдание сопровождалось громкими причитаниями:

- Доченька моя, доченька!... Я тебя, моя кровинушка, всю жизнь искала... Клянусь Богом, что я о тебе всегда думала... Доченька, а-а-а...

«Кутузов», стоящий неподалеку от матери и дочери, не мог понять того, почему ни Ева Крот, ни Ева Лыбина не протягивают руки друг другу и не обнимаются. Поразило его и поведение жены. У Евы Лыбиной не было слез. Она почему-то с явным равнодушием «пропускала» мимо ушей и своего сердца слезы и истеричные причитания незнакомой женщины, которая по словам ее мужа, являлась матерью. Молодая блондинка, на некоторое время задержав пристальный взгляд на плачущей женщине, быстро повернулась и с гордо поднятой головой направилась к своему мужу. Подойдя к мужчине, она ласково поцеловала его в губы. Супружеская пара, крепко взявшись за руки, пошла в глубину леса...

Кротиха, так и не сделавшая ни одного шага в направлении своей неожиданно появившейся дочери, продолжала стоять и плакать. Она и сама сейчас не понимала своей души и сердца. Женщину грызла совесть матери, которая почему-то не ринулась как лань к своей дочери, к своей «Безымяшке», к тому живому комочку, который она почти тридцать лет назад оставила на произвол судьбы.

Мимолетная встреча с дочерью вносила все новые и новые коррективы в мышление пожилой блондинки. И от этого Кротихе становилось не по себе. Она поняла, что ее маленькая дочь оказалась чище, благороднее, чем ее родная мать... Появившаяся мысль о том, что ей во что бы то ни стало надо идти в лес и на коленях просить у единственной дочери прощение о содеянном, у Кротихи отпала. Она поняла, что ее дочь никогда не простит предательство своей родной матери. Свидетельством этому было и ее полнейшее равнодушие к плачущей женщине. От безысходности она упала на землю и стала рвать руками траву. На какое-то время она ушла в беспамятство. Женщина, лежащая на земле, видела себя в небесном мире, в котором уже давно жили ее мать и ее неведомый отец. Они с улыбкой встречали свою родную дочь. Маленькая девочка с немецким именем Ева весело смеялась от счастья...

Еву Крот разбудил Пашка-водитель. Он, также как и раньше, сильно дергал блондинку за плечо и все приговаривал:

- Эй, женщина, вставайте... Эй, женщина, просыпайся...

Заложница, спящая на земле, на толчки и призывы молодого человека никак не реагировала. Такой «обиход» в конце концов водителю надоел. Он со всей силой схватил женщину за волосы и потянул их вверх. Блондинка от резкой боли вскрикнула и сразу же проснулась. Она медленно встала с земли и уже после того, как выпрямилась, то неожиданно для себя увидела из трубы бани вьющийся дымок. Этот дым чем-то напоминал ей далекое и недалекое детство...

Все то, что происходило дальше было неожиданным для Кротихи. Откуда не возьмись перед ней появился фальшивый чиновник Николай Александрович, он же Стасик. Молодой «чиновник» был одет в добротный спортивный костюм черного цвета с множеством застёжек и карманов. В этом костюме Стасик выглядел настоящим спортсменом и чем-то напоминал боксера на ринге. Мужчина уверенным шагом подошел к Кротихе, и словно перед ним была не женщина, а какое-то ненавистное двуногое существо, молниеносно схватив правую руку Кротихи и очень сильно закрутил ее за спину. От острой боли в плече заложница сильно вскрикнула и тут же стала падать на землю. Стасик опустил руку блондинки и это усугубило падение пожилой женщины. Она

при падении ударилась лицом об землю. Из рта ее тотчас же пошла кровь. Кротиха быстро повернулась на бок и левой рукой провела по своим губам. Рука была в крови. Ее попытка достать носовой платок из кармана брюк не увенчалась успехом.

«Чиновник» со всей силой ударил ногой по заднице женщины. От страшной боли Ева вскочила и стремительно ринулась в лес, надеясь убежать от своего обидчика. Убежать ей не удалось. Позади беглянки прозвучал пистолетный выстрел. Ева остановилась как вкопанная. Сейчас она поняла, что ей уже из этого леса никогда и никуда не вырваться. Пегов, он же Санька Пегий, он же «Кутузов» решил навсегда покончить с ней. В этом она уже не сомневалась.

Одного только Ева Крот не знала, каким образом решил с ней расправиться ее бывший школьный товарищ. Сопровождаемая Стасиком, который держал в готовности пистолет Макарова, женщина медленно шла к бане. Со слезами на глазах она посмотрела на ее крышу. Из нее продолжал валить густой дым...

И тут пленницу обожгла страшная мысль. Она невольно вскрикнула. Эта труба и этот дым чем-то напоминал ей очень зимний вечер, когда она в далекой молодости протопила баню в Водяном для своего отчима. Сожитель матери часто насиловал ее дочь, красивую школьницу. Она в отместку этому очень рано закрыла трубу бани. От сильного угара насильник падчерицы умер. Возможный вариант собственной смерти рассмешил идущую. Она, со злостью взглянув на «чиновника», стала громко смеяться. Поведение Евы в какой-то степени обрадовало и конвоира. Стасик, весело улыбаясь, произнес:

- Ну и ты, сатана, очень умная женщина, сразу же поняла то, что сейчас тебе предстоит. Очень хорошо поняла. Сам «Кутузов» твой план смерти мне предначертал. Сейчас вижу то, что эти инструкции мне и не нужны... Одним словом, беги в баню и выбирай все то, что тебе понравится. Там есть очень много дров. Есть там и веревка, притом очень толстая, как никак импортная...

Дальше Стасик ничего не сказал. Он взял блондинку за руку и с силой ее дернул. Ева, словно былинка, мгновенно в прямом смысле влетела в открытую дверь бани. Стасик сразу же закрыл дверь и задвинул засов. После этого мужчина медленно обошел вокруг бани. Дыр больших или малых он в постройке не обнаружил. Довольный «чиновник» опять подошел к двери и громко прокричал:

- Смотри, бабка, не пробуй каким-либо образом бежать. Все равно пристрелим. Ты поняла, шалава?... Не мешай нам справлять по тебе поминки, мразь...

После указаний и угроз Стасик быстро пошел в глубину леса, в котором стояли две легковые автомашины. В новом «Мерседесе»

сидели Александр Пегов и Ева Лыбина. Они о чем-то беседовали и весело смеялись. В другом «поношенном» «Мерсе» сидел Пал Палыч. При виде «чиновника» юнец стал быстро наливать в дорожную кружку очередную порцию коньячка. Эта порция теперь предназначалась Стасику за проявленное усердие...

После того, как Стасик закрыл дверь бани, Ева осталась наедине. Теперь никто ее в этой жизни не беспокоил. Она также уже никого не беспокоила. В бане было не так темно, как это было ночью. В печи дружно горели дрова, которые нередко «стреляли». Во время «стрельбы» всполохи пламени то увеличивались, то уменьшались. Сидя в бане и наблюдая за горящими дровами, смертница несколько успокоилась. Душевное спокойствие иногда нарушал ее живот, в котором что-то активно «бурчало». Еве даже иногда казалось то, что кто-то живой, не то какое-то насекомое или ему подобное, бегают по желудку или кишкам и чем-то острым колет. От этих болей Ева иногда корчилась. Она хотела кушать и притом очень сильно. Хоть как-то погасить желание кушать, блондинка старалась не думать о вкусной пище.

Заложница, глядя на горящие дрова, прекрасно понимала, что после того, как они прогорят, кто-то из находящихся в лесу пойдет и закроет трубу. И поэтому блондинка несколько раз затаивала дыхание и вслушивалась в то, что ее окружало. Стоящая тишина радовала Кротику. Это означало то, что еще труба не закрыта, и она имеет еще небольшую возможность пожить и подышать земным воздухом. В царстве тишины ее организм и душа находили полное взаимопонимание. Мозг женщины, словно какая-то сложная машина не то земного или неземного производства, давал ей очень равномерные и очень короткие импульсы информации. Правильность этой информации блондинка не подвергала сомнению. И не без причин. Кротике казалось, что ее поведение на этой земле в преддверии смерти уже оценивает ни она сама, ни даже человеческое общество, а некое неземное существо, которому не подвластны земная власть и деньги, ни лесть, ни другие человеческие пороки, в сети которых попала Ева.

Мысли о социальной справедливости и торжестве рассудка в потустороннем мире вселяли в женщину определенный оптимизм, забирали у нее чувство страха перед смертью. Чем быстрее сгорали дрова в печи, тем больше разочаровывалась Кротику в своем земном прошлом. Все эти годы для нее были бессмысленными и несчастными. Ни здесь, где она родилась, и ни там, куда она так сильно совсем недавно рвалась, она не нашла личного счастья. Ей не удалось найти это счастье, несмотря даже на то, что она была очень красивой женщиной. Она прожила эту жизнь одна, прожила в нищете и в обмане. Ее надежды на богатство и пылкую любовь не

оправдались. К тому же она предала свою единственную дочь, которая, как и ее мать, имела право на счастье в этом обществе, которое называлось человеческим. ...

От этих мыслей Кротихе стало стыдно перед своим ребенком. Она притронулась рукой к веревке, лежащей перед самой печкой. Желание надеть себе на шею петлю, уже кем-то приготовленную, у смертнице отпало. Она решила не малодушничать, а встретить смерть по воле Божьей. Жаждающая рая, сейчас не сомневалась, что Бог примет ее к себе с распростертыми руками и сделает все для того, чтобы земная грешница искупила свои грехи. При этой мысли она упала на колени и стала неистово молиться. Иногда она от усердия сильно стучала лбом о деревянный пол. Молящейся грешнице казалось, что в Божьем царстве, куда она намеревается идти, господствует только взаимная любовь мужчины и женщины, любовь человека к человеку, родительская любовь к детям и наоборот. Как раз всего этого в земном мире нет и не было.

Не было всего этого и у Евы Крот. Любовь к мужчинам сейчас для нее казалась просто-напросто миражом. Да и вся ее жизнь, вполне возможно и не только ее, была чем-то подобным этому миру. И не лучше.

Желание искупить свои грехи в потустороннем мире все больше и больше овладевало Кротихой. Оно нисколько не исчезало у нее и тогда, когда неведомые и неожиданные для грешницы огромные языки пламени все больше и больше поглощали баню. Ева Божьему огню даже радовалась. Ей казалось, что Бог после проверки ее на прочность, вот-вот распахнет дверь рая и с улыбкой примет уже безгрешницу в свое царство...

«Кутузов» с Евой Лыбиной вспомнили о Кротихе только к вечеру, когда солнце стало прятаться за близлежащие околки. Супружеская пара сидела на ковре перед машиной и резалась в карты. Муж и жена были пьяными. Пегов, сидя перед женщиной в чем мать его родила, во время игры «испускал» анекдоты. Напротив одноглазого в теплом халате сидела Ева. Она весело смеялась, когда Пегов злился или вообще бросал карты в случае своего проигрыша. Видя это, красивая блондинка с ослепительной улыбкой подползала к постоянному «дураку» и страстно целовала его в губы. Пегова это очень радовало. Он расстегивал халат своей жены и начинал страстно целовать нежное тело своей любимой. На какое-то время они забывали о «дурачках» и отдавались земным страстям, без которых невозможна любовь мужчины и женщины...

На этот раз идиллию влюбленных нарушил Стасик. Дабы не застать своего «полководца» в неудобном положении, он еще издали сильно свистнул. Свист своего клерка Пегов узнал сразу же и лениво поманил его к себе пальцем. Стасик, словно солдат,

быстро протараторил:

- Мой шеф! Наша пленница сидит уже в бане несколько часов. Я думаю, что пора посылать Палыча закрывать трубу... Ему не мешало бы и посмотреть и вовнутрь... Возможно Кротиха и повесилась...

Стасик после этих слов мгновенно замолк. Он, приняв смиренную стойку послушной собаки, молчал и ожидал дальнейших указаний шефа. Он не мог предугадать поведение жены начальника, как-никак планировалось умертвить ее родную мать. Поэтому он изредка только косился глазами на полулежащую молодую блондинку с очень длинными и стройными ногами. На Еву смотрел и Пегов. При этом он смотрел на жену очень внимательно и даже с каким-то сожалением. Чувствуя пристальные взгляды мужчин, Ева нехотя привстала. Затем присела на колени, и как бы невзначай, произнесла:

- Уважаемые господа! Вы смотрите на меня как когда-то Ленин смотрел на буржуазию. У меня нет вины. Виновата передо мною моя родная мать... Она виновата и перед моим мужем... В какой-то мере я могу чем-то ей и помочь...

Сказав это, она на коленях подползла к мужу и страстно его поцеловала. Затем произнесла:

- Я повелеваю нашему Стасику сжечь эту баню, чтобы покончить с этой историей раз и навсегда...

После этих слов она вскочила на ноги и быстро устремилась в глубину околка. Из глаз молодой и очень красивой блондинки текли слезы...

Минут через пять мощные языки пламени настойчиво, даже с каким-то наслаждением лизали березовые стены бани, которая было построена три дня назад. Несмотря на свежий сруб, баня горела очень быстро. Пашка со Стасиком не пожалели бензина для «растопки». Пегов со своей любимой блондинкой подъехал к сгоревшей бане через два часа. Никто из сидящих не решился выйти из машины. Ни у кого из них не было ни слез, ни сожаления о только что сгоревшей женщине. Пегов был доволен тем, что он наконец-то расправился с Евкой Крот, которая сделала его уродом. Мужчина, сидящий за рулем новенького «Мерседеса», считал, что он об этой женщине знал все. По его мнению, у красивой блондинки плохого было значительно больше и поэтому он без сожаления с ней расправился.

Одного Пегов не знал. И это ему Богом не было дано знать. В тот темный вечер в саду в городе Томное он убил вилами не только какого-то вредного и ненасытного мясника. Одноглазый убил Колесникова Сергея Ивановича, бывшего военного водителя, который во время уборки урожая в сибирском селе Водяное, напив

немку-школьницу, изнасиловал ее. Происшедшее с бывшим солдатом осталось также тайной и для Кротики, которая уже находилась в ином мире.

Не знала о смерти своего отца и Ева Лыбина, которая после того, как машина вышла на автостраду, включила радио и стала слушать легкую музыку. На душе у нее было очень спокойно и хорошо. Она с уверенностью смотрела в завтрашний день. Ослепительно красивая блондинка, как и когда-то ее мать, верила, что очередной день принесет ей только счастье, в том числе и настоящую любовь...